

А. Валюженич

ПЯТНАДЦАТЬ
ЛЕТ
ПОСЛЕ
МАЯКОВСКОГО

Том 2
Последние
годы
Осипа Брика

Анатолий Валюженич

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ МАЯКОВСКОГО

Том 2
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ
ОСИПА БРИКА
(1938–1945)

кабинетный ученый
[kabin'etnyɪ utʃ'ɔ:nyɪ]
armchair-scientist.ru

Anatoly Valyuzhenich

FIFTEEN YEARS
AFTER MAYAKOVSKY

Volume 2

THE LAST YEARS OF OSIP BRIK'S LIFE
1938–1945

Armchair Scientist
Moscow — Ekaterinburg
2015

Анатолий Валюженич

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ
ПОСЛЕ МАЯКОВСКОГО

Том 2

Последние годы Осипа Брика
1938–1945

Кабинетный ученый
Москва — Екатеринбург
2015

УДК 82-6
ББК 84Р7-4
В15

*Издательство благодарит за предоставленный фотоматериал
О. Алымову, С. Ивашкевич, В. Шумилову и Е. Шумилова.*

- Валюженич, А.**
В15 Пятнадцать лет после Маяковского [в 2 томах] / Анатолий Валюженич. — Москва : Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2015.
Том 2. Последние годы Осипа Брика. 1938—1945. — 446 с. : ил.
ISBN 978-5-7525-2924-5

В основу 2-го тома положена переписка между Лилей Юрьевной и Осипом Максимовичем Брик (всего 99 писем и телеграмм) 1938—1945 годов: от трагической гибели мужа Л. Ю. Брик, комкора В. М. Примакова, до кончины О. М. Брика. Используются уникальные материалы из государственных и частных архивов, из редких изданий.

Книга адресована специалистам и всем, кто интересуется историей СССР предвоенного и военного времени.

УДК 82-6
ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-7525-2924-5

© Валюженич А., 2015
© Кабинетный ученый, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
1938 год.....	9
1939 год.....	37
1940 год.....	74
1941 год.....	134
1942 год.....	174
1943 год.....	215
1944 год.....	236
1945 год.....	250
Послесловие.....	273

ПРИЛОЖЕНИЯ

О. М. Брик, Л. Г. Эльберт. Народный поэт Владимир Маяковский. Сценарий документального фильма.....	302
О. М. Брик. Иван Грозный. Историческая трагедия. Отрывок.....	310
О. М. Брик. Картина вышла на улицу	316
Е. Г. Соколова. Двадцать лет рядом	324
В. А. Катанян. Брик	326
В. А. Катанян. О сочинении мемуаров. Отрывок.....	327
А. В. Валюженич. Вблизи от государственной тайны	328
А. В. Валюженич. Автор книги — Лиля Брик.....	349
А. В. Валюженич. Лиля Брик и психологическая герменевтика	351
А. В. Валюженич. Последний приют	357
А. В. Валюженич. Что такое «плохо»	363
Анатолий Валюженич: сам о себе	366
Последние работы по бриковедению	367
Примечания	372
Распределение переписки О. М. и Л. Ю. Брик по годам	442
Библиография.....	443

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том, второй в дилогии «Пятнадцать лет после Маяковского», охватывает период с 1938 по 1945 год и соответственно разбит на восемь погодовых частей. Так же, как и в первом томе, большую роль в нем играет переписка между Л. Ю. и О. М. Бриком. Правда, число писем здесь почти в три раза меньше; если там их было 289 (13 — с неопределенными датами отправления), то здесь всего 99 (из них 5 публиковались ранее в сокращении). Это объясняется тем, что если раньше Л. Ю. много ездила вместе с В. М. Примаковым по местам прохождения им воинской службы, откуда регулярно писала О. М. Брику, то после 1937 года они меньше расстаются, и писать друг другу нет необходимости. За три последних года этого периода — с 1943-го по 1945-й — писем нет вообще, так как Лиля Юрьевна и Осип Максимович не расставались.

Письма Л. Ю. и О. М. пронумерованы здесь (в продолжение нумерации 1-го тома) с № 277 по № 375. Письма между другими адресатами и адресантами, приведенные здесь, как и раньше, не нумеруются.

Но так же, как и в предыдущем томе, для описания связанных с жизнью Брик исторических периодов в большом количестве привлечены другие архивные и малоизвестные документы, например переписка с Н. Рябовой, А. Крученых, Н. Глазковым и др.

Большой объем переписки, как и прежде, связан с летними выездами Брик в места отдыха. Но если Осип Максимович предпочитает Черноморское побережье Кавказа, то Лиля Юрьевна отдыхает, как правило, в Подмосковье.

Этот период означен двумя важными событиями, наложившими глубокий отпечаток на жизнь наших героев. Это десятилетие со дня смерти В. Маяковского, отмечавшееся в стране в 1940 году с невиданным размахом, и, конечно же, Великая Отечественная война.

Второй том заканчивается смертью О. М. Брика в феврале 1945 года. Таким образом, вся дилогия укладывается во временной отрезок «от смерти В. Маяковского до смерти О. Брика». В послесловии представлены некоторые важные события биографии Л. Ю. Брик, произошедшие в следующие 33 года, до ее смерти в 1978 году.

***

На сегодняшний день опубликованы большие массивы из переписки Л. Ю. Брик:

— с Владимиром Маяковским: в книге Бенгта Янгфельдта «Любовь — это сердце всего» (1982, 1991), 415 писем за период 1915—1930 годов;

— с Эльзой Триоле: в русском и французском изданиях 2000 года (рус.: Лиля Брик — Эльза Триоле... / сост. В. В. Катанян), соответственно 295 и 1228 (ненумерованных) писем за период 1921—1970 годов;

— с Осипом Бриком: письма 1930—1942 годов, помещенные в настоящей диалогии, всего 375 (+ 13 без обозначения даты отправления);

— с Виктором Соснорой: в журнале «Звезда» (2012, № 1, 2, 3), всего 96 писем за период 1962—1978 годов.

Известно, что переписка Л. Ю. с В. Соснорой была более обширна. Так, В. Соснора в своей книге «Дом дней» (СПб.: Пушкинский фонд, 1997) пишет: «У меня 124 письма от Лили Брик» (с. 80), а в Путеводителе РГАЛИ (Вып. 8. М.: РОССПЭН, 2004) упоминаются (с. 58) 174 письма от В. А. Сосноры к Л. Ю. Брик (1962—1978), находящихся в фонде № 2577 (Брик Л. Ю., Катанян В. А.). Таким образом, в трех номерах журнала «Звезда» (2012) опубликовано менее одной трети от сохранившейся переписки Л. Ю. Брик с В. А. Соснорой, и можно предположить, что в дальнейшем публикация будет продолжена.

***

Переписка Брик, приведенная в настоящей диалогии, содержит большой свод документальных материалов, без которых немисливо не только собственно маяковведение и бриковведение, но и изучение жизни и культуры общества в целом в охватываемый перепиской период.

Для создания связного историко-биографического повествования я привлек, кроме переписки главных героев — Лили и Осипа Брик, — другие архивные или малоизвестные материалы, а также выборки из книг, журналов и газет того времени, ставших уже раритетными, из переписки с другими адресатами.

Письма Лили Юрьевны и Осипа Максимовича я попытался прокомментировать с максимальной полнотой, остальные — в зависимости от того, насколько это было необходимо в конкретном случае.

В описательной части при упоминании Л. Ю. Брик и О. М. Брик в целях упрощения записи они обозначаются соответственно «Л. Ю.» и «О. М.».

Как и в предыдущем томе диалогии, в разделе «Приложения» собраны малоизвестные или публикуемые впервые произведения главных героев книги либо материалы о них, представляющие особый интерес.

В частности:

1. Впервые публикуемый сценарий О. Брика и Л. Эльберта к документальному фильму «Владимир Маяковский», снятому по случаю 10-летия

со дня смерти поэта. Не имея особой художественной ценности, он представляет интерес как сценарий первого документального фильма, посвященного поэту. При этом написан ближайшим другом Маяковского, О. М. Бриком, владевшим основами кинодраматургии, в соавторстве с загадочной фигурой в маяковсковедении — кадровым чекистом Л. Эльбертом.

2. Отрывок из исторической драмы О. М. Брика «Иван Грозный», изданной только однажды, в 1942 году в городе Молотове (ныне Пермь), и подвергнутой затем суровой партийной критике, о чем подробно говорится в книге.

3. Статья О. М. Брика «Картина вышла на улицу», которая волею судьбы стала последней опубликованной при его жизни большой работой и не переиздавалась после 1944 года. Статья посвящена деятельности редакции военно-патриотического плаката «Окна ТАСС», где О. М. Брик сотрудничал до самой смерти.

4. Воспоминания Е. Г. Соколовой «Двадцать лет рядом» о совместной жизни с О. М. Бриком только однажды публиковались автором [Валюженич, 1993].

5. Статья В. А. Катаняна о Бrike, написанная им для Краткой литературной энциклопедии.

6. Отрывок из статьи В. А. Катаняна «О сочинении мемуаров».

В раздел приложений включены как материалы, написанные героями книги, так и мои собственные разыскания по этой теме, которые я отношу к циклу «Сиреневые кирпичи».

Второй том дилогии, как и первый, иллюстрирован собранными автором редкими фотографиями.

***

Я благодарен покойному Василию Васильевичу Катаняну и признателен его вдове, Инне Юлиусовне Генс, за представленные мне материалы, которые легли в основу этой книги и без которых она была бы невозможна.

Также не могу не выразить благодарность Сергею Сигею, приславшему недоступные мне зарубежные материалы из архивов Н. Харджиева и А. Крученых, пермским краеведам Валентине Николаевне и Евгению Николаевичу Шумиловым за материалы о пребывании Бриков в эвакуации в Молотове, а также всем, кто в той или иной форме откликнулся на первую книгу дилогии, прислал мне свои отзывы, замечания и тем самым поддержал и укрепил меня в моих намерениях.

1938 ГОД

Жизнь продолжается

В начале 1938 года вышла в свет «История ВКП(б). Краткий курс», как позднее стало известно, написанная И. В. Сталиным и одобренная комиссией ЦК ВКП(б)¹.

«История ВКП(б)» сразу же стала настольной книгой и путеводной звездой в жизни всего советского народа. Ее широко цитировали в прессе и выступлениях, повсеместно изучали в политкружках на предприятиях и в учреждениях.

В заключительной главе, которая охватывала события предшествующего, 1937-го года, вождь писал:

1938-ой год вскрыл новые данные об извергах из бухаринско-троцкистской банды. Судебный процесс по делу Пятакова, Радека и других², судебный процесс по делу Тухачевского, Якира и других³, наконец, судебный процесс по делу Бухарина, Рыкова, Крестинского, Розенгольца и других⁴, — все эти процессы показали, что бухаринцы и троцкисты, давно уже составляли одну общую банду врагов под видом «право-троцкистского блока».

Судебные процессы выяснили, что троцкистско-бухаринские изверги, выполняя волю своих хозяев — иностранных буржуазных разведок, ставили своей целью разрушение партии и советского государства, подрыв обороны страны, облегчение иностранной военной интервенции, подготовку поражения Красной армии, расчленение СССР, отдачу японцам советского Приморья, отдачу полякам советской Белоруссии, отдачу немцам советской Украины, уничтожение завоеваний рабочих и колхозников, восстановление капиталистического рабства в СССР...

Эти ничтожные лакеи фашистов забыли, что стоит Советскому народу шевельнуть пальцем, чтобы от них не осталось и следа.

Советский суд приговорил бухаринско-троцкистских извергов к расстрелу.

НКВД привел приговор в исполнение.

Советский народ одобрил разгром бухаринско-троцкистской банды и перешел к очередным делам⁵.

Вместе с народом к очередным делам перешли и Брики.

О Виталии Марковиче Примакове, ставшем жертвой Большого террора, они старались больше не вспоминать, по крайней мере на людях и в переписке.

О. М. Брик

Пир во время чумы

Брики вернулись в Москву.

Наступил новый, 1938-й, год, но разгул Большого террора не уменьшился, продолжались широкомасштабные аресты, советские люди безвозвратно исчезали в недрах Лубянки и ее филиалов. Одно из основных правил поведения оставшихся на свободе было «Не высовываться! Излишне не обращать на себя внимание!».

А тут — юбилей Осипа Максимовича: 16 января ему исполнялось 50 лет! Но решили «не высовываться», а отметить дома, в узком семейном кругу, за зашторенными окнами; хотя маловероятно, чтобы кто-то мог заглянуть в окна их арбатской квартиры на седьмом этаже, но так было спокойнее.

Вряд ли О. М. составлял и распространял традиционный листок пожеланий — «вуншцеттель» — к этой дате, по крайней мере в его архиве ничего подобного не сохранилось.

Да и от приглашения широкого круга гостей следовало воздержаться. Во-первых, с арестом Виталия Марковича бюджет «семьи» значительно пошатнулся, а во-вторых, не очень-то ясно, кого еще можно считать друзьями.

Даже опасливые Асеев и Кирсанов держались отчужденно, не понимая, почему еще не «взяли» Бриков как членов семьи изменника Родины Примакова (с лубянским клеймом «ЧСИР»).

Словом, было совсем не до юбилея.

14-й дополнительный

Вскоре после возвращения из Крыма в Москву Осип Максимович отправился в издательство «Художественная литература», куда он еще летом передал материалы для последнего тома «желтого» Полного собрания сочинений В. Маяковского.

Так уж получилось, что, первоначально замышленное в 12 томах, оно немного расплылось. Сначала из-за большого объема материала (который они не предвидели, когда разрабатывали план всего издания) «раздвоился» том 4-й «Окна РОСТА»: на части 1 и 2. А потом было решено выпустить еще один — дополнительный, нумерованный (по счету — 14-й), справочный том. Для него были подготовлены следующие материалы: автобиография В. Маяковского «Я сам» под редакцией и с комментариями Т. Грица⁶, «Даты жизни и работы Маяковского», составленные В. Катаняном⁷, а также «Стихотворения, не вошедшие по разным причинам в предыдущие тома», «Библиография» и «Алфавитный указатель произведений Маяковского, входящих в ПСС».

Но неожиданно возникла заминка с указанием на томе ответственного редактора. На предыдущих томах ПСС значилось: «под общей редакцией Л. Брик» (т. 1, 3, 5, 6), «под общей редакцией Л. Брик и И. Беспалова⁸» (т. 2, 4, 7—12).

А теперь издательство было в тупике: можно ли на этом томе указывать фамилию жены расстрелянного «врага народа» (которую, кстати, составители неоднократно упоминали в материалах, включенных в том)? Брикам говорили что-то невнятное о необходимости дополнительного согласования с Главлитом. Тогда они, махнув на все рукой, решили не дразнить гусей.

Осип Максимович подписал том в печать с единственным обозначением: «Редакция О. М. Брика». А все «желтое» Полное собрание сочинений В. Маяковского стали как-то неопределенно называть: «в 12 томах, 14 книгах» или «в 13 томах».

Этот том предвляло вступительное слово «От редакции», в котором, в частности, говорилось: *«Заканчивая первое полное собрание сочинений Владимира Маяковского, редакция обращается с просьбой ко всем учреждениям, организациям и частным лицам, высказать ей свои замечания и пожелания с тем, чтобы их можно было учесть при подготовке дополненного и исправленного второго собрания сочинений».*

Уже был утвержден редакционный совет нового — второго — Полного собрания сочинений В. В. Маяковского в 12 томах в составе Н. Н. Асеева, Л. В. Маяковской, В. О. Перцова и М. И. Серебрянского.

Дом на Арбате в Спасопесковском переулке, где жили Брики (вид с фасада). Фото 2003 г.

Брики в этот редакционный совет не вошли. В. А. Катанян был привлечен к издательскому редактированию лишь нескольких томов нового ПСС. Так, 3 февраля 1938 года был подписан к печати отредактированный им (и с благословения редакционного совета) 7-й том «Заграница. Стихи и очерки 1922—1929», который выйдет из печати лишь в 1940 году.

«ПРЕСТУПНАЯ НЕБРЕЖНОСТЬ»

Литературные статьи в то грозное время Большого террора зачастую напоминали прокурорские обвинения. В качестве образчика подобного «творчества» процитирую статью некоего А. Левшина «Поэт революции», опубликованную в «Учительской газете» (от 19 июля 1938 г., с. 4) и посвященную 45-летию со дня рождения В. Маяковского:

Мещане и обыватели всех цветов многократно предрекали Маяковскому, что его творчество долго не проживет, что оно быстро забудется, как «скороспелая агитка», нужная лишь сегодняшнему дню.

Матерый фашистский диверсант и гнусный предатель Бухарин вредительно пытался сдать Маяковского в архив, стараясь доказать, что, мол, время боевой политической поэзии прошло. Жизнь жестоко посмеялась

как над близорукими мешанами, так и над расчетливыми в своих вредительских планах подлыми врагами народа.

Итак, выходом 13-го дополнительного тома завершилось издание Первого полного собрания сочинений В. Маяковского, что также нашло отражение в печати тех дней.

На-днях подписчики получили очередной (38-й) том БСЭ. В этом томе помещена коротенькая статейка о Маяковском, совершенно точно соответствующая по размеру исторической справке о масонах, напечатанной в этом же томе.

...Одновременно с очередным томом БСЭ в Государственном издательстве «Художественная литература» вышло единственное в своем роде издание, так называемый «Дополнительный выпуск» к Полному собранию сочинений Маяковского.

Кто не помнит замечательного стихотворения Маяковского «Возьмем винтовки новые», одного из лучших его оборонных маршей?

Опубликованное одиннадцать лет назад в «Пионерской правде», это стихотворение Маяковского много раз перепечатывалось в сборниках его оборонных и комсомольских стихов. Вошло оно и в первое Собрание его сочинений.

Боевой марш Маяковского поют, декламируют, цитируют в печати. Однако в Полное собрание сочинений Маяковского это стихотворение не вошло. Редакция Полного собрания попросту прозевала его и, спохватившись только сейчас, оказалась вынужденной издать дополнительный выпуск.

Та же печальная участь постигла известнейшие фельетоны Маяковского «Критика самокритики» и «В чем дело?» И тот и другой фельетоны были опубликованы в первом собрании сочинений. И того и другого не оказалось ни в одном из 12 томов Полного собрания.

Редакторы Полного собрания сочинений Маяковского умудрились проворонить три общеизвестных, пользующихся заслуженной популярностью стихотворения великого поэта.

С каким же безразличием нужно относиться к его имени и его произведениям, чтобы так безалаберно, с такой, столь ненавидимой Маяковским мелкобуржуазной распушенностью редактировать его сочинения.

Дополнительный выпуск, как водится, снабжен примечанием «От редакции». В нем уклончиво сообщается, что в выпуск включены «несколько стихотворений, по разным причинам не вошедшие в предыдущие тома».

В основе этих «разных причин» может лежать, на наш взгляд, только одно — преступное безразличие к памяти и произведениям лучшего талантливейшего поэта нашей советской эпохи⁹

Через две недели «Литературная газета» еще раз откликнулась на тему завершения выхода Полного собрания сочинений В. Маяковского¹⁰:

Тринадцатым дополнительным томом закончено издание первого собрания сочинений В. В. Маяковского. Ленинградский Институт литературы

Академии наук СССР откликнулся на обращение, напечатанное в последнем томе, — высказать свои замечания об этом издании. Вышедшее собрание сочинений было обсуждено на заседании Комиссии по изучению творчества Маяковского.

— С выходом тринадцатого тома, — сказал в своем докладе А. Л. Дымшиц¹¹, — мы получили первое собрание сочинений крупнейшего поэта современности.

Несомненно, что коллектив, работавший над изданием, проделал большую и плодотворную работу, но в этом издании допущено много больших и малых ошибок.

Первое собрание сочинений Маяковского не имело четкого плана. Композиция издания чрезвычайно хаотична: одни тома построены по хронологическому принципу, другие — по жанровому, третьи напоминают тематические сборники. Редакторы забыли включить в основные тома несколько известных стихотворений Маяковского и о них вспомнили лишь в дополнительном томе.

Печать небрежности лежит на всем издании. Эту небрежность на заседании в Институте литературы проиллюстрировали и грубыми опечатками в текстах (кое-кто из редакторов уже поспешил перенести опечатки из полного собрания сочинений в новые однотомники и сборники Маяковского), и возмутительными пропусками абзацев в отдельных статьях, и произвольной строфической, и негодным внешним оформлением (почему инициалы Маяковского на переплете даны латинскими буквами?¹²), и отсутствием обязательного для подобных изданий именного указателя¹³.

К 13-му тому приложен лишь алфавитный указатель произведений. Читатель, желающий, например, познакомиться с высказываниями Маяковского о Хлебникове, должен искать нужную ему статью на букву «В», т. к. статья называется «В. В. Хлебников»; если же читатель захочет прочесть статью Маяковского о А. Блоке, ему надо обратиться не к букве «Б» и даже не к букве «А», а к букве... «У» — «Умер Александр Блок».

Основные положения, высказанные А. Дымшицем, были единодушно поддержаны в прениях и, в частности, в выступлениях Б. Мейлаха¹⁴, В. Орлова¹⁵, О. Цехновицера¹⁶ и других.

ДЕЛА МУЗЕЙНЫЕ (1)

2 января 1938 года в Библиотеке-музее В. Маяковского, устроенной в доме, где он жил вместе с Бриками, на Таганке, в переулке, носящем с 1935 года его имя, открылись читальный зал и справочно-библиографический кабинет.

Но дел там было еще невпроворот, и в первую очередь по комплектации музейных фондов рукописями поэта, изданиями его книг (часть из которых уже к тому времени стала раритетной), ну и, разумеется, мемориальными вещами для оформления экспозиции квартиры Маяковского (она не была еще открыта для посетителей) так, «как это было при жизни Владимира

Владимировича». Директриса библиотеки-музея — Агния Семеновна Езерская, — естественно, обратилась еще в конце 1937 года к Брикам с просьбой передать в музей находящееся у них на хранении имущество поэта. И Брики продолжили в наступившем году его поэтапную передачу. Естественно, здесь были и рукописи, и записные книжки, и письма, и фотографии, и книги, связанные с творчеством В. Маяковского. Но среди передаваемого «имущества» были и такие бытовые предметы и вещи, которые сегодня в качестве «реликвий» вызывают только улыбку, и мы представим их здесь.

Передача имущества каждый раз оформлялась актами с соответствующими подписями, эти документы и поныне хранятся в РГАЛИ.

Вот выдержки из актов, оформленных в первой половине 1938 года¹⁷:

1. Акт от 4 марта 1938 г. о передаче Л. Ю. Брик музею имущества В. В. Маяковского (всего 19 наименований):

- 1). Портсигар кожаный — 1
- 2). Настольный календарь 1930 г. (с автографом Маяковского) — 1
- 3). Зуб. щетка в футляре (без крышки) — 1
- 4). Мыльная палочка для бритья — 1
- 5). Кисть для бритья — 1
- 6). Квасцовый камень — 1
- 7). Щетка (головная) — 1
- 8). Колоды карт в 52 листа и джокеры (одна колода не распечатана) —

2 колоды

- 9). Бидончик с нарезной пробкой (для бензина) — 1
- 10). Комбинезон-трико черный — 1
- 11). Брюки летние белые — 1
- 12). Сорочки белые верхние — 13 шт.
- 13). Сорочка белая с отклад. воротн. — 1
- 14). Сорочка нижн. трико — 1
- 15). Кальсоны-трико — 2
- 16). Пижама (костюм) хлопчато-бумаж. ткани сер. — 1
- 17). Воротничков — 28
- 18). Галстуков — 5
- 19). Носков — 6 пар.

2. Акт от 5 марта 1938 г. о передаче Л. Ю. Брик музею фотоснимков, журналов и газет за 1930 год (на смерть В. Маяковского), всего — 28 наименований.

3. Акт от 7 апреля 1938 г. о передаче Л. Ю. Брик музею имущества В. Маяковского и книг, в т. ч.:

а) имущество — 122 наименования, в т. ч.:

2). Корзинка для бумаг (настольная) — 1 шт.

- 5). Глобус — 1
- 13). Пудреница с пуховкой — 1
14). Расческа в футляре — 1
15). Ручки разные — 4
- 26). Крючок для застегивания ботинок — 1
- 29). Штопор — 1
- 32). Шнурки для ботинок — 1
- 39). Монеты (разные советские) медные — 26 шт.
40). Монеты иностранные разные медные — 3
41). Монета иностранная серебряная — 1
42). Ключи — 3
43). Пуговицы — 2
- 46). Планшетка кожаная — 1
47). Ремешок на руку — 1
48). Патронташик — 1
- 55). Аптечка дорожная — 1
- 67). Монеты медные советские — 3
68). Монета медная иностранная — 1
69). Марки почтовые разные советские — 12
- 73). Веник — 1
- 75). Коробка с сахарным песком — 1
76). Пакет с сахаром (рафинад) — 1
77). Коробка-футляр для оружия («Маузер») — 1
78). Руководство к «Маузер»
79). Намотка с ниткой и иглой — 1
- 83). Круглая коробка из-под конфет — 1
- 104). Бутылка с шампанским «Абрау-Дюрсо», не распечат. — 1
105). То же, шампанского немного — 1
- 120). Туфли (комнатные) — 1
121). Плед шерстяной с начесом — 1
122). Подушка красная — 1
- б) книги и журналы — 217 наименований.

4. Акт от 7 апреля 1938 г. о передаче Л. Ю. Брик музею «скульптуры работы Л. Ю. Брик (голова В. В. Маяковского на черном пьедестале формы куба), фотокопии предсмертного письма В. В. Маяковского и двух писем В. В. Маяковского и О. М. Брика.

5. В Библиотеку-музей В. В. Маяковского

Ввиду того, что все вещи из комнаты В. В. Маяковского в кв. № 25 на Лубянском проезде, № 3 уже переданы мною Вам и там осталась только мебель, то прошу Вас принять от меня охрannую грамоту на эту комнату и заботу о ней, — передаю Вам при сем распоряжение МОУНИ от 24 июня 1930 г., по которому эта комната была закреплена за мной.

Л. Брик

13 апреля 1938 г.

6. Акт от 25 апреля 1938 г. о передаче Л. Ю. Брик музею следующих музейных экспонатов:

— программа худ. части торж.-траурного вечера в Большом театре, посвященного 6-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина;

— счета и квитанции В. В. Маяковского.

7. Акт от 7 мая 1938 г. о передаче Л. Ю. Брик экспонатов:

— сметы на ремонт квартиры В. В. Маяковского в 1926 г.;

— резиновая круглая ванна № 5 в чехле;

— носовой платок полотняный (ношенный) с меткой ВВ (WW).

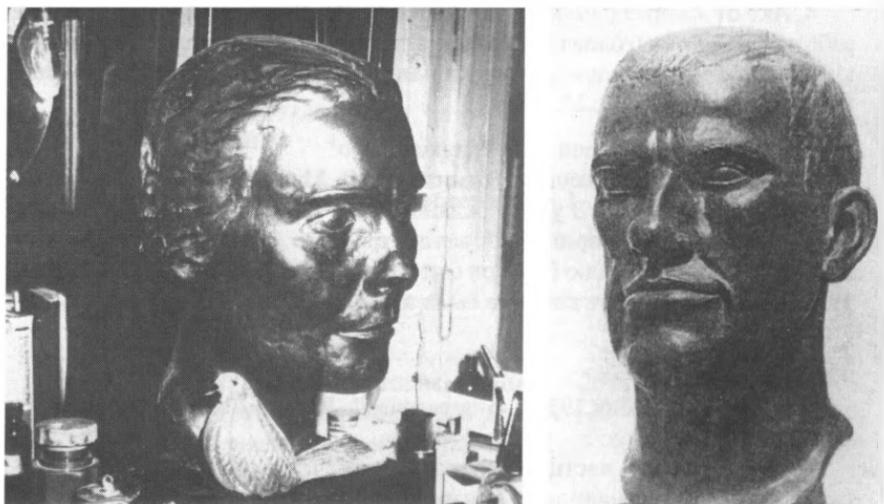
Л. Ю. Брик — скульптор

Еще четверть века назад, в 1912—1913 годах, Л. Ю. обучалась в Мюнхене ваянию, но дальше учебных работ дело у нее не пошло: не было ни потребности, ни настроения.

Желание ваять пришло в начале 1938 года. Может быть, его вызвали сетования Агнии Семеновны Езерской: она нигде не могла раздобыть скульптуры Маяковского для установки в помещении Библиотеки-музея поэта. И Л. Ю. решила своими силами восполнить этот пробел.

«В 1938 году она поставила у себя в комнате станок, завезла светло-голубую глину и начала лепить. Сначала это была голова Маяковского. Первая работа была не очень удачна, однако голову поставили в музей. Вслед за ней она сделала еще несколько портретов, как бы семейную галерею — Брик, Евгения Гавриловна, Катанян. Наиболее интересным получился ее автопортрет, она отлила два экземпляра в бронзе, в этом ей содействовал Натан Альтман¹⁸. Одна голова стояла у нее дома, вторую она подарила Эльзе, и та находилась в ее парижской квартире» [Катанян В. В., 2002. С. 141].

Создав в 1938—1939 годы эту скульптурную галерею близких ей людей, Л. Ю. больше ваянием не занималась.

Слева: Л. Ю. Брик. Скульптурный автопортрет. Бронза. 1938 г. Справа: Л. Ю. Брик. В. В. Маяковский. Скульптура. Бронза. 1938 г.

ЧЕТВЕРТОЕ ЗАМУЖЕСТВО Л. Ю.

«Курортный роман» Л. Ю. с Василием Абгаровичем Катаняном в ялтинский прошлогодний бархатный сезон не прекратился и с их возвращением в Москву. Катанян все больше времени проводил с Л. Ю., и это не могло ускользнуть от внимания его жены — Галины Дмитриевны Катанян¹⁹. Между супругами произошел бурный разговор, в котором все и раскрылось.

Вот что пишет позднее в своих воспоминаниях невестка Галины Дмитриевны — Инна Юлиусовна Генс-Катанян²⁰, — хорошо знавшая обеих женщин: *«Галина Дмитриевна была женщина гордая и, когда выяснилось, что у ее мужа, литературоведа Василия Абгаровича Катаняна, начался роман с Лилей Юрьевной, не согласилась закрыть на это глаза и выставила мужа за дверь. Кстати, единственная из всех замужних женщин, с мужьями которых Лиля Брик затевала романы»²¹.*

А вот воспоминания сына Катанянов — Василия Васильевича²². Отец ушел из семьи, когда мальчику было 14 лет, но хорошие отношения сына с отцом и мачехой сохранились на всю жизнь.

В. В. Катанян пишет:

Вскоре после расстрела Виталия Марковича Лиля Юрьевна и мой отец, которые интенсивно занимались изданием Маяковского, стали видеться ежедневно и между ними завязался роман.

Это было мучительно для матери, для меня. В то время она с отчаянием думала о том, о чем позже Цветаева: «Глаза давно ищут крюк...

Идеологом эгоизма и нигилизма в личных отношениях, которых придерживалась Лиля Юрьевна, был Осип Максимович Брик, которому она безоговорочно доверяла и советам которого безоглядно следовала. В самый разгар драмы, когда рушилась семья, когда на нас свалилось горе и мать оказалась в тяжелой депрессии, Осип Максимович приехал к нам домой уговаривать ее. Я помню его приезд, но меня выставили. Смысл разговора сводился к тому, что раз так хочется Лиле Юрьевне, то все должны с ней считаться... Даже сам Владимир Владимирович... Пройдет какое-то время... Следует подождать... Все же знают характер Лили Юрьевны, что вас не устраивает? У Лилички с Васей была дружба. Сейчас дружба стала теснее.

Мать не нашла, что ответить, и просто выгнала Брика из комнаты. Она не желала следовать их морали — Л. Ю. хотела, чтобы отец оставался дома, а фактически жил бы с нею. И мать выставила отца, хотя видит Бог — чего ей это стоило.

В шестидесятых годах Лиля Юрьевна сказала мне: «Я не собиралась навсегда связывать свою жизнь с Васей. Ну, пожили бы какое-то время, потом разошлись, и он вернулся бы к Гале». Но мама его не приняла бы после всего, что было. Для нее это невозможно.

Лиля Юрьевна досадовала, что Галина Дмитриевна порвала с нею, она хотела по-прежнему дружить, «пить чай» и вообще общаться. Подумаешь, мол, делов-то!

Но моя мать дальше корректных по телефону: «Здравствуйте, Лиля Юрьевна..., да..., нет» не шла [Катанян В. В., 1998. С. 110–111].

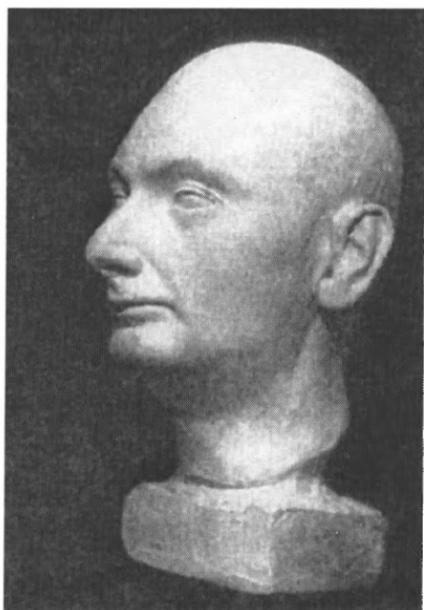
Летний отдых

Уже в апреле Брики начали строить планы летнего отдыха. В письме от 21 апреля 1938 года Л. Ю. пишет о них сестре Эльзе в Париж:

Наши летние планы: мама с тетей Идой и Кибой²³ снимают две комнаты в Малаховке. Ося с Женей едут на июнь в Сочи-Мацесту лечиться. Заказаны путевки.

Я <...>²⁴ тоже на июнь поеду под Москву в какой-нибудь писательский дом отдыха. Искали дачу, но ничего вполне подходящего не нашли и решили не возиться, тем более что Осе и Жене все равно надо лечиться.

Посылаю три фото с Володиной головы²⁵. В натуре она много лучше. Неважно снято. Снимал не специалист по фотографированию скульптуры. Напиши — кажется ли вам похоже. Сейчас леплю Женю, потом попробую Осю. А потом еще раз Володю — улыбающегося. Он очень похож совсем вблизи, в особенности, рот и щеки — хочется погладить. Давно не писала тебе: леплю, правлю корректуры, вяжу шляпы (уже четыре связала!!), вечером народ — правда, немногочисленный, сравнительно... Напишите что-нибудь про скульптуру! Мне очень интересно [Лиля Брик — Эльза Триоле... С. 84].

Слева: Л. Ю. Брик. В. А. Катанян. Скульптура. Гипс. 1938 г. Справа: Л. Ю. Брик. Е. Г. Соколова. Скульптура. Гипс. 1938 г.

И вот в конце мая Брики отправились отдохнуть: Осип Максимович с Евгенией Гавриловной — в сочинский санаторий, а Лиля Юрьевна с Василием Абгаровичем — в перedelкинский Дом творчества.

Интересно, что в Сочи О. М. поехал впервые; до этого он ездил на юг только в Крым, в Ессентуки и Пятигорск.

Да и Перedelкино Брикам до этого было почти неизвестно (что видно из писем), хотя многие московские писатели уже освоили эту ближайшую к столице зону отдыха, а некоторые даже обзавелись здесь (на зависть другим) комфортабельными дачами.

Строительство дач для писателей началось еще задолго до создания Союза писателей, но тогда это было частной инициативой литераторов. Еще в 1930 году рядом писателей во главе с Б. Пильняком было выбрано под кооператив место близ деревни Перedelкино, в двадцати километрах от Москвы.

В одном из документов дачного кооператива в Перedelкине, адресованном в правительство, содержится упоминание о рождении идеи дачного городка писателей. Появилась она во время встречи писателей у М. Горького с И. Сталиным и Л. Кагановичем. Сталин сделал тогда следующее предложение: «Построить писателям гостиницу под Москвой — этого мало. Писателю не захочется надолго отрываться от семьи, тем более, когда он вернулся из поездки за материалом. Не гостиницу, а город надо

построить для писателей где-либо под Москвой, где бы они могли жить вместе с семьями, друг другу не мешая, и интенсивно творить. Построить им там и гостиницу, чтобы наезжающие к ним гости и посетители их не стесняли, а останавливались бы в гостинице».

19 июля 1933 года было принято Постановление СНК РСФСР «О строительстве «Городка писателей».

15 сентября 1934 года вышло Постановление Совета народных комиссаров за подписью В. Куйбышева, разрешающее писательской организации строительство на участке Переделкино тридцати дач для крупнейших советских писателей. В Правление кооперативного товарищества «Городок писателей» вошли П. Павленко²⁶, Вс. Иванов, Демьян Бедный, Л. Леонов, В. Лидин²⁷, М. Шагинян²⁸, Е. Пермитин²⁹... [Антипина. С. 150, 151, 152].

И вот перед нами переписка Бриков, а в ней — интересные факты из быта писательской среды в Переделкино летом 1938 года.

(277) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Тула — Москва; 24 мая 1938 г.)³⁰

Кисик! Едем чудно.

Пообедали своим харчом и легли спать. Погода замечательная.

Целуем тебя очень крепко.

Твой (Кэт — рис.)

Женя

[Открытка]

(278) О. Брик — Л. Брик (Никитовка — Москва; 25 мая 1938 г.)³¹

Никитовка, 25-го; 11-00

Спали прекрасно. Совсем не жарко, даже скорее, прохладно. Попутчики — две медички (очень славные). Настроенье отличное. Целуем крепко-крепко.

Твой (Кэт — рис.)

[Открытка]

(279) О. Брик — Л. Брик (Ростов — Москва; 25 мая 1938 г.)³²

Ростов, 25-го; 17-00

«Все в порядке» — жарко!

Целуем весьма крепко. Пиши!!

Твой (Кэт — рис.)

[Открытка]

(280) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Москва; 26 мая 1938 г.)³³

УСТРОИЛИСЬ ПРЕКРАСНО РИВЬЕРА СЕДЬМОЙ КОРПУС
КОМНАТА ДВАДЦАТЬ ОДИН КРЕПКО ЦЕЛЮЮ ПИШИ =ОСЯ=
[Телеграмма]

(281) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Сочи — Москва; 26 мая 1938 г.)³⁴

Сочи. 26-го; 12 час.

Дорогая, любимая Киска!

Доехали мы хорошо. Комнату получили отличную — «У самого синего моря». Позавтракали. Приняли душ. И пошли писать и телеграфировать. Погода чудесная. Не жарко. Пока все в порядке, что будет дальше, — неизвестно.

Пиши обязательно — хоть помаленечку. Люблю тебя. Целую.

Васе привет.

Твой (Кэт — рис.)

Я очень довольна, целую тебя крепко.

Привет Васе. Женя

[Открытка]

(282) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Сочи — Москва; 27 мая 1938 г.)³⁵

Киса!

Вот тебе наш вид*.

Сегодня погода плохая, — ветер, дождь. Целуем крепко.

Ося. Женя.

[* Открытка с видом санатория «Ривьера», на которой указано стрелками: «наша комната» и «море».]

(283) Л. Брик — О. Брику (Москва — Сочи; 28 мая 1938 г.)³⁶

СЕГОДНЯ УЕЗЖАЕМ ПЕРЕДЕЛКИНО ОТТУДА НАПИШУ

ЛЮБЛЮ ЦЕЛЮЮ =ЛИЛЯ=

[Телеграмма]

(284) Л. Брик, В. Катанян — О. Брику (Переделкино — Сочи; 30 мая 1938 г.)³⁷

Солнышко — Ослит!

Ни нянчков, ни горшков, т. е. ни конвертов, ни марков!

Очень хочется знать, как вам отдыхается и лечится. Письма пиши в Москву, а открытки попробуй по адресу на обороте*.

Комната, еда, погода — все хорошо. Место чудесное. Скажи Жене, что мыться абсолютно негде, — вытираюсь мокрым полотенцем!

Массу сплю, читаю Конан Дойля, немножко гуляем.

Пиши!

Целую крепко-крепко. Твоя (Киса — рис.)

Здесь чудно!! Желаем вам того же и даже больше.

Целую. Привет. Вася.

[* Открытка с обратным адресом: «ст. Баковка, Моск. обл., Белорусско-Балтийской ж. д., Дом отдыха Литфонда Союза Сов. Писателей».]

(285) Л. Брик, В. Катаян — О. Брику (Переделкино — Сочи; 1 июня 1938 г.)³⁸

Дорогой мой, любименький, единственный Кэс!
Сегодня приедет Аннушка³⁹ и привезет твое письмо.
Очень хочется знать, как вы живете.

До отъезда в Переделкино я замучилась: завозилась с нафталином и вылепила страшного болвана, совершенно на меня не похожего⁴⁰ — с вытаращенными глазами, кривой улыбкой и тонюсенькой шеей. Болвана этого для чего-то отлили, и он стоит в платяном шкафу на мое позорище.

Котя! Я забыла дать тебе с собой “Епо”⁴¹! — у тебя бывает изжога? Зато, когда я убирала твой шкаф, то обнаружила кучу целых носков!

Здесь, в Доме⁴² неплохо. Только совершенно негде вымыться. Обхожусь тазиком (рано отдала в музей резиновый таз⁴³!) и графином с водой.

Кроме того, — очень и всегда пахнет из кухни, но я все-таки довольна. Лес совсем близко, и сплю я массу. Устала я, оказывается, ужасающе!

Дачи у писателей изумительные, с огромными садами. Поляну, на которую они выходят фасадами, называют здесь «Красная поляна».

У Павленки чудесный Скотик⁴⁴, но он сейчас болен — у него вылезает вся шерсть.

В Доме жили Соболев⁴⁵, Розенталь⁴⁶, но уже уехали. Сейчас остались: Либединский⁴⁷, Хащревин⁴⁸, Горбатов⁴⁹ и какие-то еврейские писатели. Вася клянется, что видел, как один из них пишет справа налево.

Кормят прилично, но не дают совсем овощей.

Аннушка привезет сегодня кофе, редиску, салат и, если достанет, яблоки.

Играем на бильярде. Дни проходят незаметно.

Перед отъездом из Москвы звонила Александра Гавриловна⁵⁰, спрашивала ваш адрес. Она и Страздин⁵¹ говорили, что у Марии Гавриловны⁵² — сын, и что все благополучно. Подробности, вероятно, Женя уже знает. Страздин рассказывал смешные вещи, как муж Марии Гавриловны выпросил у какой-то гражданки на улице букет сирени, и как хотел дать на чай собственнику машины, на которой тот довез его до родильного.

Пусть Женя напишет Страздину, — он ей расскажет подробно. Очень смешно!

Дала Страздину под официальную расписку две Володины записные книжечки.

Изенбек уже начинает фотографировать архив⁵³. Берет он дорого — по 10 р. с негатива и, кроме того, по 3 р. каждый отпечаток. Но обещает сделать абсолютно тождественно с оригиналом. Если будет не очень хорошо, — Страздин не примет. Я просила и для нас по одному оттиску со всего. В Библиотеке⁵⁴ перед отъездом не была — у Езерской грипп.

Напишите подробно, что вам сказали врачи. Какое лечение? Диета? Очень ли все это утомительно? Купаетесь ли в море? Худеете? Толстеете? Какие знакомые? Очень ли шумно? Довольны ли вы? Очень ли жарко?

Как только будет известно про ваши здешние путевки, напишу вам⁵⁵.

Пишите на московский адрес. Аннушка будет привозить.

3-его или 4-ого фининспектор обещал перевести мне деньги. Сумма еще не известна. Сегодня я говорила с Левой⁵⁶ по телефону. Звонить отсюда очень канительно. Тк что Лева на днях придет и все расскажет.

Отдыхайте! Поправляйтесь! Здоровейте, пожалуйста!

Не забывай меня и люби!

Крепко целую, обнимаю.

Твоя (Киса — рис.)

Дорогие Женя и Осип Максимович!

Здесь у нас есть собачка «Дамка», которой мы скармливаем печенье. Напишите, есть ли у вас собака «Дамка»?

Вокруг нас живут феодалы в богатых поместьях. У них злые собаки, которых спускают на всех чужих и на читателей. А в лесу мы слышали звук рога — не иначе как Лидин со товарищи выезжал на псовую охоту.

За обедом у нас неимушие, безлошадные, ругают пищу и завидуют феодалам.

Наискось от нас палаццо Погодина⁵⁷.

Напишите, что у вас наискось?

Целую. Василий.

С сарказмом пишет В. А. Катанян о «феодалах в богатых поместьях» и «палаццо Погодина».

А как же в действительности выглядели эти «палаццо» семь десятилетий назад? Сохранилось описание одной из переделкинских дач (№ 8), которая принадлежала «феодалу» Вс. Вишневному⁵⁸:

Дача была двухэтажной: жилое помещение на первом этаже (высота — 4,6 метра, площадь — 146,8 кв. м.) и мансарда (высота — 2,9 метра, площадь 61,35 кв. м.). В основании — непрерывный бутовый фундамент с кирпичной заборкой. Стены сделаны из брусьев, рубленые, снаружи оштукатурены и окрашенные клеевой краской. Крыша у дачи была драневая, перекрытия по деревянным балкам — тесовые подшивные и дощатые в заборку, полы двойные, настил по деревянным балкам — из досок. Окна — большого размера, рамы покрашены белилами, с медными приборами. Отопление было печным, а печи сложены из простого красного кирпича и оштукатурены. Двери — филенчатые, окрашенные масляной краской, с медными приборами. Перегородки — тесовые, двойные; стены обшиты фанерой, окрашены масляной краской. У дачи была застекленная терраса (высота — 4,6 метра, площадь — 18,02 кв. м.), крыльцо (площадь — 2,86 кв. м.), открытый балкон (площадь — 7,05 кв. м.) [Антипина. С. 152—153].

Так выглядело «палаццо» одного из советских писательских вождей.

(286) Л. Брик — О. Брику (Переделкино — Сочи; 2 июня 1938 г.)⁵⁹

Кислит!

Со вчерашнего дня ничего не изменилось.

Сегодня дошла сюда твоя открытка. Пришла на 6-ой день. Пиши все-таки сюда, но по тому адресу, кот. я тебе написала.

Повторяю: ст. Баковка, Московской обл., Западной ж. д., Дом отдыха Литфонда Союза Сов. Писателей.

Дом ваш чудный, балкон тоже. Погода исправилась? Очень прошу — напиши подробно!!

Женичка! Вчера Аннушка забыла привезти твое письмо и привезла одну редиску! а сейчас привезла. Спасибо, что написала так подробно. Ужасно рада, что вам хорошо живется. Напиши, пожалуйста, про Осин рентгеновский снимок, про анализ крови. Не очень ли утомительное лечение? Как твои суставы? Худеешь ли? Где гуляете?

Жаль, не держала с тобой пари! — мыться негде. Выпросила тазик и огромную пивную кружку с картинкой — для воды, вместо кувшина! Мыть голову поедом 10-ого в Москву!

Крепко целую Осика и тебя.

(Киса — рис.)

Вася кланяется, целует.

(287) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Перedelкино; 4 июня 1938 г.)⁶⁰

Дорогой, любимый Кис!

Я, как дурак, послал тебе письмо и несколько открыток на какой-то фантастический адрес: «Перedelкино» Брянской (?) жел. дор.! Почему мне показался подозрительным этот адрес, понять не могу. Интересно, разыщет ли тебя наша почта.

Очень радуюсь, что ты отдыхаешь. И не понимаю, что случилось с «автобюстом»⁶¹, почему он так резко изменился в лице и стал совсем непохожий. Женя утверждает, что он все время был непохожий, но я с ней не согласен; по-моему, вначале он был похож. Все-таки хорошо, что его отлили.

У нас все так же. Усиленно купаемся, едим и спим. Приехала Наташа Бр. с Марк. М.⁶². У них чудная комната, с уборной и душем. Мы их вчера мельком видели. Они только еще приехали, но Наташа уже рвалась всюду ездить — в Хосту, в Гагры, в Сухум и т. д., а Марк М. умолял, хоть 10 дней никуда не рыпаться.

Котя! Нужно ехать на ванны. И я тебя целую очень, очень крепко.

Васю поцелуй.

Твой О.

Женя вас целует.

Сохранилось письмо этих дней, полученное Л. Ю. от своей матери Елены Юльевны⁶³: «В город я еще не ездила [из Малаховки, с дачи. — А. В.], только раз в Сокольники к Регине⁶⁴. Расстроилась и решила долго не ездить, т. к. она была очень недовольна моим посещением и просила оставить ее в покое»⁶⁵.

(288) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Перedelкино; 6 июня 1938 г.)⁶⁶

Дорогой и очень любимый Кисевик!

Все твои письма получились и были с радостью прочитаны. Очень приятно, что ты отдыхаешь и высыпaeшь по-настоящему.

Ребятам насчет Володи я постараюсь ответить⁶⁷, хотя мне запрещен умственный труд.

Писать решительно нечего. Впечатлений никаких. Ходили вчера вечером в парк на «народное гулянье» — но это впечатлений не прибавило.

Сегодня пойдем с Наташей и Марк М. в «дендрарий», т. е. в ботанический сад, но тоже — «едва ли»!

Чувствую я себя отлично. Не скуаю, хотя продолжаю абсолютно ничего не делать, даже на бильярде не играю. Только вот хожу на базар, пока Женя загорает в солярии. Купил себе корзиночку и покупаю ягоды — землянику и черешню.

Здесь много изделий из самшита — довольно миленькие! — трубки (курит.), мундштуки, рюмки для яиц, пудреницы, рамочки, коробочки и т. п. Хочешь, я тебе что-нибудь привезу? Если хочешь, — напиши. А то привезу, а тебе неинтересно.

Целую тебя крепко, крепко.

Твой (Кэт — рис.)

Васю целуй.

Женя целует.

(289) Л. Брик, В. Катаян — О. Брику (Переделкино — Сочи; 6 июня 1938 г.)⁶⁸

Солнышко мое! Кэс!

Я написала тебе одно длинное письмо и одно маленькое отсюда, — интересно, дошли ли они.

Вчера приезжал Лева⁶⁹, — фин⁷⁰ обещал перевести деньги завтра. Сколько — еще не известно. О том, что мой автобуст получился говенный, я тебе уже писала.

В выходной день здесь масса народа.

Михалков⁷¹ подарил мне свою книжечку с надписью. Только что мы смотрели, как он играл с Панферовым⁷² и Чичеровым⁷³ (!??) и еще каким-то киевским кинематографшиком на бильярде «на пролаз». Я обохоталась, когда он лез и декламировал: «...Откуда эти слезы, зачем оне, — мои девичьи грезы? — вы изменили мне...». Он очень смешной.

Роз здесь нет, но есть масса сирени. Огромный букет — три рубля.

Время идет незаметно. Я очень отдыхаю. Встаем в 9 часов, моемся, завтракаем. В половине одиннадцатого уходим в лес на поляну. Я читаю в тени, а Вася на солнце понемножку пишет воспоминания о Володе⁷⁴.

В половине второго идем домой. В 2 часа обед. После обеда ложимся, я в постель — читать, а Вася в постель — спать. В 5 часов — чай. После чая гуляем до ужина. Ужин — в 8 ч. После ужина играем на бильярде или смотрим, как другие играют. В 11 ч. — спать. Читаю, засыпаю около часа. Вот и все!

Ни с кем не водимся. Разговариваем, с кем придется, — за едой и в бильярдной.

Спасибо за открытки, — очень красивые

В Ривьере не очень беспокойно?

Я ужасно рада, что ты лечишься! И что не очень болят ножки.

Для тебя и для Жени есть путевки в Переделкино, в нашу комнату, на две недели — с 27-ого июня. Здесь очень хорошо отдыхается.

Пиши мне, Кислит!

Пиши по адресу: ст. Баковка, Московской обл., Западной жел. дор., Дом отдыха Литфонда Союза Сов. Писателей.

Письма по этому адресу доходят очень быстро.

Целую 100000000 раз.

Твоя (Киса — рис.)

Вам врач запретил заниматься умственным трудом, и вы поэтому читаете Пушкина. Нам доктор этого не запрещал, и мы читаем Конан-Дойла.

Кто лучше поправится?

Привет Жене!

Вася.

(290) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Переделкино; 8 июня 1938 г.)⁷⁵

Дорогая, золотая Кошка!

Письма твои приходят сюда вразбивку, т. е. не в том хронологическом порядке, в котором ты их пишешь, но, несмотря на это, картина твоей жизни вырисовывается отчетливо. Однако, ты не пишешь, где и как вы гуляете? Есть ли ягоды? цветы? грибы? птицы? звери? Потом, я не знаю, что вы едите? какое ваше меню? Потом — есть ли знакомые? и видите ли вы с ними?

О нашей жизни нового сообщить нечего. Погода, как будто, поправилась — надолго ли, — неизвестно.

Ходили мы смотреть «Кармен». Это потрясающе плохо: оказывается, что это вовсе не папиросницы и рабочие фабрики, а просто бляди и бардак. И бедный Хозе (рабоче-крестьянский) попадает в сети главной бляди — Кармен, за что он ее и убивает. Слова новые, и Кармен вместо «я влюблена» поет «я выхожу замуж», а на вопрос контрабандистов «надолго ли», отвечает: «возможно, до утренней зари». И все в том же стиле. Воображаешь, что на «Кармен» не было ни одного хлопка!

Хотим сходить в цирк. Все говорят, что хорошая программа — все наша советская молодежь. И даже па-де-труа «Валези» оказывается: «Валя — Лена — Зина».

Я ничего не читаю, кроме газет, и то невнимательно. Абсолютно ничего не делаю.

Целую тебя очень крепко и люблю.

Твой О.

Васю целуй.

(291) Л. Брик — Е. Соколовой, О. Брику (Переделкино — Сочи; 10 июня 1938 г.)⁷⁶

Дорогие Женичка и Кислит-Пислит!

Ужасно рада, что получила сегодня ваше письмо.

Говорят, т. е. говорит сам фининспектор, что мне вчера перевели 7400 р. и что все мои долги аннулированы. Но я — Фома-неверующий, и пока не увижу денег, — решила не верить.

Чудно выкупалась, вымыла голову, сделала ногти.

Сейчас здесь Надя, Фиалка, Лева⁷⁷.

На балконе замечательно разрослись анютины глазки.

Ягод и грибов в Переделкине еще нет. Земляники цветет масса. Поспеет к вашему приезду. Ваши путевки уже в кармане⁷⁸.

Кисик! Тебе принесли 140 р. из Киева и прислали 130 р. из Харькова, — я дала Аннушке твою доверенность, чтобы она завтра получила⁷⁹.

Прислали корректуру твоей статьи из Лендетфильма. Она лежит здесь уже 10 дней. Я прочла, ошибок почти нет, и Аннушка сегодня отправит.

Езерская больна. Говорила по телефону со Страздиным. Они договариваются с Лавутом⁸⁰ о воспоминаниях, с приложением фото-копий со всяких его бумажек. С 1-ого они понемножку начинают ремонт.

Пересылаю тебе письма из Радиокомитета⁸¹.

Страздин сказал мне, что Мария Гавриловна уже дома, хорошо себя чувствует и мальчик чудный.

Пишите в Баковку, письма очень хорошо доходят.

На Переделкино тоже дошли, но с опозданием.

Крепко, крепко целую.

(Киса — рис.)

(292) Л. Брик — О. Брику (Переделкино — Сочи; 15 июня 1938 г.)⁸²

Кислит!

Привези нам две трубки — одну маленькую, другую — среднюю и корбочку.

Сегодня были в гостях у Кассиля⁸³. У него чудный сынок — симпатичный и умный. Вечером приехали Лева с Надей.

Я очень подумываю об постройке дачки. Когда приедешь, надо будет тебе с Васей поговорить об этом в Литфонде.

Попробуем продлить на недельку наши путевки. Хочется пожить вместе с вами, и вообще не хочется в город.

Обнимаю, целую (Киса — рис.)

Поцелуй Женю.

(293) В. Катанян, Л. Брик — О. Брику (Переделкино — Сочи; 16 июня 1938 г.)⁸⁴

Дорогие Осип Максимович и Женя!

Вам интересна наша жизнь?

Так вот:

Здесь была гроза из гроз с градом величиной с голубиное яйцо, или лучше сказать, так как голубиное яйцо вы, должно быть, не видели, — с грецкий орех в скорлупе. Было страшновато. Силы природы разыгрались. Деревья гнулись, как маленькие. Потом феодалы набивали этим градом

свои ледники, а мы делали почти гренадин: ключевая вода с лимоном и сахаром и несколько градин.

Вчера мы были у Афиногеновых⁸⁵ и играли в покер. Лиличке очень понравилось: говорит, очень хорошая игра. Было проиграно 70 р. А я выиграл 5 р. 50 к. Так как Жени не было, никто не говорил: «Противный Васька!»

А Вера Инбер, конечно, так не смела говорить⁸⁶. Была еще жена Пастернака⁸⁷

У Аф. большая собака Рекс, очень добрая, и еще одна еще больше — Кутька, которая провожала нас до дому.

Здесь у нас полная луна. Интересно, как в Вашем полушарии?

У нас живет молодой поэт Коваленков⁸⁸, очень разговорчивый, супруга поэта Долматовского⁸⁹, студентка, которая рассказывала о своем профессоре философии: «Гегель одной ногой стоял в прошлом, а другой приветствовал восходящее будущее». Или: «Лошади отличаются от людей тем, что у них органы осязания покрыты копытами».

На завтра мы приглашены на покер к Вере Инбер! Потеха!

Лиличка с удовольствием отдыхает, но спит недостаточно. Нет силы, которая могла бы ее заставить поспать днем. А я считаю это центральной осью настоящего отдыха.

Был у нас Кулешов с Хохловой⁹⁰ и, не причинив вреда, удалился.

«Даты жизни» в «Сов. Пис.» дали на отзыв Перцову⁹¹. Он роскошно отозвался.

Вот какова жизнь!

Целую Вас крепко!

Ваш В. Катанян.

Солник, Кислит-Пислит, Кэс!

Вася вам про все написал. Собачий холод! Я в вязаном платье и меховой кофте! Послала письмо Наташе Брюханенко. Опустила его в какой-то подозрительный ящик — получила ли она его?

Крепко целую Женю.

Тебя целую безумно во все местечки от лысинки до пяточек (после ванны немедленно).

Твоя (Киса — рис.)

(294) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Переделкино; 19 июня 1938 г.)⁹²

Любимая моя, золотенькая Киса!

Очень грустно и обидно, что от тебя нет никаких писем и открыток — вот уже 8 дней. Узнаю про тебя от Наташи⁹³, которой ты пишешь, а мне нет.

Сегодня принял последнюю мацестинскую ванну (всего — 14) и буду теперь принимать только морские. Жене дали еще две мацестинские, кот. она примет без меня.

Самочувствие очень хорошее. Ноги как будто получше. Но вообще, конечно, Мацеста утомляет. После 14 ванн это чувствуется. Хочется лежать, дремать. И не хочется ходить, делать что-нибудь, даже читать.

Погода сейчас чудная. Для нас весьма подходящая. Ясная, не жаркая, с ветерком, с прохладцей. Но купаться, по-видимому, не удастся. Впрочем, и не тянет, потому что пляж ужасен — какая-то мостовая, противно в высшей степени.

С Наташей и Марк. М. видимся очень часто. Обыгрываем их в ма⁹⁴. Но им все хочется отыграться. И поэтому они еще больше проигрывают.

Собираемся мы выехать 24-го курьерским поездом, международным вагоном — по богатому, — билеты уже заказаны, их должны сегодня принести.

Если все будет в порядке, мы будем в Москве 26-го около 1 часу дня. Это, конечно, расточительно ехать курьерским международным, но после Мацесты можно.

Больше писать нечего.

Крепко, крепко тебя целую.

Хочу уже тебя видеть.

Твой Ося.

P. S. Принесли от тебя письмо!! Ура! Ура!

Очень смешно, что ты играешь в покер с феодалами. Хорошо бы их здорово обыграть.

Еще — принесли билеты. Едем, как сказано выше. 26-го около 1 часу курьерским надеемся быть в Москве.

Еще крепко и нежно целую.

Васю целуй.

Женя вас всех целует.

Еще раз твой (Кэт — рис.)

(295) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Москва; 24 июня 1938 г.)⁹⁵

ПРИЕДЕМ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОГО КУРЬЕРСКИМ

КРЕПКО ЦЕЛЮЮ =ОСЯ=

[Телеграмма]

ДЕЛА МУЗЕЙНЫЕ (2)

Осенью Брики продолжили передачу имущества В. Маяковского в музей, о чем в РГАЛИ сохранились соответствующие документы⁹⁶.

1. В Библиотеку-музей Маяковского

Директору Библиотеки-музея

тов. Езерской

Уважаемая Агния Семеновна,

Мы неоднократно говорили с Вами о передаче Библиотеке-музею архива В. В. Маяковского, но Вы были лишены возможности принять его от меня, ввиду того, что дом Библиотеки-музея деревянный и хранить в нем рукописи опасно.

Вчера Вы сообщили мне, что получаете каменную пристройку, прилегающую к книгохранилищу, и что Вы оборудуете ее для хранения рукописей.

Теперь, когда можно быть уверенным в том, что рукописи Владимира Владимировича будут в Библиотеке-музее в полной сохранности и безопасности, я с радостью безвозмездно передам государству весь архив, который хранила в течение восьми лет.

В 1930 году Правительство постановило организовать кабинет Маяковского при Комакадемии⁹⁷. В нем должно было быть собрано все литературное наследство Маяковского и должна была вестись работа по его изучению. В 1935 году я писала товарищу Сталину о том, что это еще не сделано.

Надеюсь, что теперь Библиотека-музей может стать тем центром, куда в конце-концов соберутся все рукописи Маяковского и все материалы о нем, разбросанные сейчас в разных местах.

Было бы очень хорошо, чтобы пересъемка архива, которую Вы уже начали, была закончена в кратчайший срок, так как над оригиналами работать нельзя ввиду того, что все они написаны карандашом и на очень плохой бумаге.

Л. Ю. Брик

Москва, 4 сентября 1938 г.

2. В Библиотеку-музей В. В. Маяковского

Сообщаю Вам список оставшихся у меня рукописей В. В. Маяковского:

1. «Лиличке! Вместо письма»

Написанное мне в 1916 году стихотворное письмо. При жизни Маяковского опубликовано не было. Вошло в Полное собрание сочинений, том 1⁹⁸. Факсимиле рукописи имеется в Гослитиздате для 1 тома 2-го изд⁹⁹.

2. «Люблю»

Переписанный Маяковским для меня экземпляр с стихотворным посвящением и рисунком. Разночтения этого экземпляра опубликованы во 2 томе Полного собрания сочинений¹⁰⁰. Фото с 4-х первых страниц есть в Гослитиздате для 2 тома 2-го издания.

3. «Про это»

Черновик и два беловика, подаренные мне Маяковским в 1926 году при переезде на квартиру в Гендриковом. Разночтения и варианты этой рукописи опубликованы в 5 томе Полного собрания сочинений¹⁰¹.

Подтверждаю свое согласие дать Библиотеке-музею фотокопий с этих рукописей и, в случае необходимости, предоставить возможность работать над ними.

Л. Брик

28 октября 1938 г.

3. Описи машинописных произведений и записных книжек В. В. Маяковского, принятых музеем от Л. Ю. и О. М. Брик

1). Опись машинописных произведений В. В. Маяковского, принятых от Л. Ю. и О. М. Брик 14 октября 1938 г. Всего: 2 листа — 20 документов.

2). Опись машинописных произведений В. В. Маяковского, принятых от О. М. Брик 4 ноября 1938 г. Всего: 8 листов — 108 документов.

- 3). Опись записных книжек В. В. Маяковского, принятых от Л. Ю. и О. М. Брик 17 октября 1938 г. Всего: 20 документов.
- 4). Опись записных книжек В. В. Маяковского, принятых от Л. Ю. и О. М. Брик 20 октября 1938 г. Всего: 60 документов.
- 5). Опись записных книжек В. В. Маяковского, принятых от О. М. Брик 4 ноября 1938 г. Всего: 67 документов.

Примечание к записной книжке Маяковского № 61

В записной книжке № 61 находится неопубликованное стихотворение Маяковского «Письмо Татьяне Яковлевой»¹⁰². Когда обнаружилось, что она стала эмигранткой-невозвращенкой, Маяковский решил не печатать этого стихотворения. Считаясь с волей Владимира Владимировича, мы не включили его в Полное собрание сочинений Маяковского.

Просим принять это к сведению.

Л. Брик

28 октября 1938 г.

4. Опись документов, принятых музеем от О. М. Брика 16 ноября 1938 г., всего 14 наименований, в т. ч.:

1). Членские билеты, удостоверения личности Маяковского: 30 конвертов — 37 документов (13 удостоверений были переданы ранее)

2). Врачебные заключения, анализы, рецепты (3 конверта — 19 док.)

8). Письма к Маяковскому (от А до С) — 77 конвертов

9). Письма к Маяковскому (от Т до Я) — 37 конвертов

10). Письмо-открытка А. Пешкова (М. Горького) к Маяковскому

11). Два автографа Маринетти

13). Подлинные записки, поданные Маяковскому на вечерах выступлений его со своими стихами. Всего 76 пакетов. Из них 69 пакетов с подобранными подшитыми записками, 6 — с не подшитыми и 1 — сборная.

14). Перепечатанные на машинке записки, поданные Маяковскому на вечерах его выступлений с чтением своих стихов — 34 тетради.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МАЯКОВСКОГО

Л. Ю. продолжала передачу материалов из своего архива в Музей Маяковского. «Учительская газета» (1938. 11 сент. С. 4) сообщала:

Л. Ю. Брик передала на государственное хранение в библиотеку-музей В. В. Маяковского литературный архив поэта. Для приема архива Наркомпросом РСФСР создана специальная комиссия под председательством заведующего музейным отделом тов. Радус-Зеньковича. К концу нынешнего года архив будет полностью подготовлен для научного использования.

Вскоре правительством было принято отдельное постановление «О литературном наследстве В. В. Маяковского»:

Принимая во внимание исключительное значение трудов В. В. Маяковского, как лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи, Совнарком СССР признал труды В. В. Маяковского государственным достоянием.

Хранение и разработку литературного наследия поэта решено сосредоточить в Государственном музее имени В. В. Маяковского.

Утверждена редакция сочинений В. В. Маяковского в составе т. т. Асеева Н. Н., Перцова В. О., Маяковской Л. В. и Серебрянского М. И.¹⁰³ (ТАСС) [Правда. 1938. 4 окт.].

Обращает на себя внимание, что Брики отсутствуют в этой редакции, им ее больше не доверяют. Зато «от семьи поэта» в редакцию теперь введена его сестра Людмила Владимировна...

Состояние музея поэта на этом этапе и перспективы его развития описывает директор А. Езерская:

Библиотека-музей Маяковского, существующая в бывшем Гендриковом переулке (ныне переулок Маяковского), в доме, где в последние годы жил поэт, является филиалом Государственного музея.

Квартира Маяковского восстановлена в том же виде, в каком она была при его жизни. В ней сейчас собраны все его книги и личные вещи.

Моссовет закрепил за библиотекой-музеем также и рабочую комнату Маяковского в Лубянской проезде, в которой сохранена вся обстановка поэта. При библиотеке-музее имеются читальный зал и справочно-библиографический кабинет.

Около 20 тысяч книг и журналов составляют книжный фонд читального зала. Здесь собраны все издания произведений Маяковского и критическая литература о нем, а также современная Маяковскому русская художественная литература, преимущественно поэзия.

В читальном зале имеются фотокопии записных книжек и рукописей Маяковского. В справочно-библиографическом кабинете собраны библиографические материалы о Маяковском и его литературных современниках (главным образом, о поэтах XX века). Учтены 1777 статей о Маяковском, появившихся в печати, начиная с 1913 г., 143 отдельных изданий произведений поэта на русском языке, 177 переводов на иностранные языки и 162 — на языки народов СССР...

Перед работниками библиотеки-музея поставлена ответственная задача — приступить к изучению литературного архива Маяковского и подготовить его для широкого научного использования¹⁰⁴.

Потянуло порохом...

В архиве сохранилась машинописная копия, по-видимому, объяснительной записки Л. Ю. на запрос органов НКВД о револьвере, зарегистрированном на ее имя:

Револьвер системы «Вальтер» подарил мне покойный Владимир Владимирович Маяковский.

Летом 1936 года я жила под Ленинградом в дачной местности Тарховка по Сестрорецкой ж. д. на даче В. М. Примакова. В ночь с 14 на 15 августа 1936 г. у Примакова на даче был произведен обыск органами НКВД. Меня при этом не было — я была в Ленинграде. При обыске вместе с другими вещами был взят в НКВД железный ящик, в котором находился и мой револьвер «Вальтер».

Через два дня я уехала из Ленинграда в Москву и мой револьвер так и остался в ленинградском НКВД.

Л. Ю. Брик

Москва, 5 ноября 1938 г.¹⁰⁵

Этот документ приоткрывает некоторые подробности события, которое произошло в августе 1936 года.

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ

В РГАЛИ сохранились черновые наброски одной работы О. М., которая была им сделана в уходящем 1938 году:

О. М. Брик. «Еврей и блондинка», рассказы

Черновые наброски

[Тетрадь в клетку с черной клеенчатой обложкой. На титульном листе: «Еврей и блондинка» и дальше — рукопись, примерно 10 листов (выписки, мысли, наброски сюжета, не очень понятного)]

Когда мы, москвичи, вспоминаем Москву, мы вспоминаем площади, улицы, переулки, те, по которым нам приходилось часто ходить или те, которые обычно запоминаются: спуск с Лубянской площади на Театральную, спуск на Трубную площадь. Арбатская площадь. Красная площадь.

Пинес [герой-еврей. — А. В.] никогда не бывал в Москве и вспомнить не мог ничего.

Он думал о Москве, как о мощном деловом центре, как о главной станции всех директив, законов, циркуляров и распоряжений. Он представлял себе наркоматы в телефонных проводах, пишущих машинках, лифтах и автомобилях.

Высокий кабинет наркома, глухие двери и огромный зал для ожидающих приема.

Он видел Рыкова, Луначарского, Калинина, Каменева, Зиновьева, Троцкого, Сталина, но не вождями, а величественными сановниками, вершащими судьбы государства...¹⁰⁶

[Здесь же самодельная книжка.

На обложке: О. М. Брик. «Еврей и блондинка». М., ГИЗ, 1938 г., Л. (вырезанные фото: «еврея» и «блондинки»).

На 1-й странице:

Глава 1, которую автор продумал, но не успел еще написать.

Н. Ежов. Нарком внутренних дел.
«Кровавый карлик». 1938 г.

На последней:

Глава последняя, которую автор напишет, как только сдаст 1001 сценарий в Межрабпом^{107!}

Конец.

Между ними — пустые листы.

На последней странице обложки: «Цена 2 руб.»]

ГЛУХИЕ ВЫСТРЕЛЫ ПОД ЗВУКИ ФОКСТРОТА

В то время как происходили описываемые выше события в жизни Бриков, в расстрельных камерах и на полигонах НКВД продолжают глухие выстрелы подручных Н. И. Ежова.

Из близких знакомых Бриков в этом году расстреляны:

1 августа — Агранов Я. С.¹⁰⁸

26 августа — Агранова В. А.¹⁰⁹

30 августа — Горожанин В. М.¹¹⁰

5 ноября — Абдрахманов Ю. А.¹¹¹

А вот что пишут о Евгении Соломоновне Хаютиной (Файгенберг)¹¹², жене всесильного наркома Н. И. Ежова, которая в это время держала у себя литературный салон и устраивала шикарные приемы:

Наконец-то она соизволила повернуться к нему лицом: короткая молодящаяся прическа, с чувственным блеском выпуклые глаза, яркая помадная улыбка.

Как и Лиля Брик, любезная сердцу московского изысканного бомонда, где еще недавно задавал тон Бухарин¹¹³, Евгения, прозванная между «своими» Суламифью, была из тех избалованных манерных женщин, которые считали, что им позволено все. Завятые волокиты из театральной и литературной элиты находили, что эти женщины, изображающие аристократок, неотразимо прелестны, хотя по правде говоря, они не отличались красотой, но зато у них не отнять было шарма, соблазнительности, опыта и умения привлекать деланной непринужденностью, выставлять достоинства и скрывать пороки. Им привычно было завышать себе цену. Презируя на словах мещанство, они искали комфорта, и, будучи полностью эмансипированными, заводили семью, совершенно не стыдясь демонстрировать свободную любовь. Двуличие стало у них образом жизни¹¹⁴.

1939 ГОД

СОСТОЯНИЕ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О состоянии советской литературы в наступившем году хорошо напишет впоследствии литературовед Виктория Швейцер¹:

Что же представляла собой советская литература к 1939 году?

Она стабилизировалась, упорядочилась, выработала новые формы существования. Давно исчезли не только разные направления, объединения и группировки, но и сами представления о них. Уже несколько лет единый Союз советских писателей объединял самых «достоинных», «избранных». Ступенькой ниже были члены Литературного фонда, осуществлявшего распределение материальных благ; и совсем внизу этой лестницы находились члены группкома литераторов. Социалистический реализм был объявлен единственным методом и пряником советской литературы. Исчезла даже память о частных и кооперативных издательствах, теперь какой бы то ни было заработок писатель мог получить только из рук власти. Уже было уничтожено большинство тех, кому суждено было быть уничтоженным, — не все, конечно, ибо процесс уничтожения не прекращался, но проходил с большей или меньшей степенью интенсивности: к 1939 году один из основных туров был завершен. Те, кому удалось сохраниться, должны были активно превращаться в «нужных писателей». Цена была немалая: жизнь и возможность жить.

Появились писатели-орденоносцы: 1 февраля 1939 года газета «Известия» опубликовала Указ о награждении орденами 172 писателей «за выдающиеся успехи в развитии советской художественной литературы».

Среди других награжденных: Н. Асеев, П. Павленко, А. Фадеев² получили ордена Ленина; С. Кирсанов, И. Сельвинский, М. Шагинян — Трудового Красного Знамени.

Брики в этом списке награжденных, естественно, отсутствовали.

ДЕЛА МУЗЕЙНЫЕ

Еще год назад Л. Ю. передала в Библиотеку-музей В. Маяковского вылепленный ею бюст поэта. Но до нее, по-видимому, дошли какие-то слухи, идущие от музейных работников, только что составивших бухгалтерский отчет о работе музея в 1938 году, что вот, дескать, она должна была по договору сдать заказчику, то есть музею, скульптурную фигуру

поэта в полный рост, а представила всего лишь его бюст, — а им теперь отдуваться перед ревизорами «за недостачу».

Л. Ю. не переносила ни слухов, ни сплетен, особенно касающихся ее лично, и она решила привести в порядок свои финансовые отношения с музеем.

В архиве сохранились следующие документы³:

В Библиотеку-музей В. Маяковского
Уважаемая Агния Семеновна,
сделанный мной портрет Маяковского не соответствует нашему договору — голова, а не фигура, как значится в договоре.

Считаю наш договор расторгнутым и обязуюсь в течение марта 1939 г. вернуть Вам выданный мне аванс.

Л. Брик

10 февраля 1939 г.

Здесь же:

Приходный кассовый ордер № 13 от 7/3—39

Библиотеки-музея Маяковского о приеме от Брик Л. Ю. /скульптора/ — Возврат, полученн. по договору от 17.10.38 г. 1000 руб.

(за вычетом к/сб и п/н = 51—25) = 948 р. 75 коп.

И СНОВА ЭЛЬБЕРТ

В архиве сохранились два письма, отправленных О. М. Бриком Е. Г. Соколовой, которая находилась в больнице (палата № 105). В них снова мелькает имя Льва Эльберта⁴, впервые после 1930 года. Похоже, что он благополучно пережил все невзгоды 1937-го, покосившего не только обычных граждан, но и ряды энкавэдэшников.

Теперь он занимается литературными делами, к чему у него было некоторое тяготение и раньше. На этом поприще ведет общие дела с Осипом Максимовичем:

О. Брик — Е. Соколовой (17 апреля 1939 г.)⁵

Дорогая, золотая, любимая Кошка!

Ходили с Эльбертом в кино-хронику, думали получить денег, но нам не дали, ссылаясь на какие-то еще не полученные из Главка постановления. Эльберт очень злился и, по-видимому, хотел у меня занять десятку-другую, но я забежал вперед и стал жаловаться на полное безденежье. После этого Эльберт не решился попросить взаймы...

Была у меня сегодня Алигер⁶, — просит помочь ей написать либретто на сюжет катаевского «Шел солдат с фронта»⁷ Собственно говоря, либретто она уже написала, но плохо. Надо переделывать. Я обещал помочь. Я люблю работать над оперными либреттами. Муж Алигер — композитор⁸,

О. М. Брик

и это она для него старается. Он ее ругает, что она плохо пишет. Она не то чтобы плохо написала, а как-то беспомощно, без малейшего знания дела, за которое взялась...

О. Брик — Е. Соколовой (20 апреля 1939 г.)⁹

Дома у тебя все в порядке. Валя¹⁰ за цветами ходит аккуратно.

Супруги Желобинские¹¹ в Москве, но я их не вижу, потому что они где-то мотаются. Из приезжих имеется еще Каплан¹², но это абсолютно не интересно.

Кое-что подрабатываем с Эльбертом — подали еще две заявки: «Как передвигается Москва» (о транспорте) и «Как строится Москва»¹³. Обе заявки приняты и будут с нами заключать договор.

За «Литературную Москву»¹⁴ тоже обещали на-днях заплатить. Будем надеяться.

Подготовка к предстоящему юбилею В. Маяковского

Странное это было время: в советском обществе публично и с большим размахом отмечались годовщины не со дня рождения, а со дня смерти заметного человека. Началось это, кажется, с В. И. Ленина: его день рождения в апреле проходил как-то незаметно, а день смерти (или как его именовали «День памяти» — 22 января) отмечала вся страна. Одно время это был даже всенародно выходной день (чтобы сподручнее было каждому выразить свою скорбь).

Так и в нашем случае. Через год, 14 апреля 1940 года, исполнялось 10-летие со дня смерти Маяковского. Нужно было достойно отметить дату, со всенародным размахом, напомнить тем, кто запамятовал, о той оценке, которую дал поэту Великий Сталин пять лет назад.

В «Литературной газете» 5 апреля 1939 года уже появилось сообщение Президиума ССП «О создании комиссии по подготовке к 10-летию со дня смерти Маяковского». Бриков в ней не было. Да и что существенного они могут предложить? Что они знают?

А «если не мы, то кто же?» И Брики разработали свою программу проведения этого юбилея и подготовили ее для передачи руководителю Союза писателей СССР А. А. Фадееву¹⁵:

Л. Брик — А. Фадееву (20 мая 1939 г.)

Предложения к десятой годовщине со дня смерти Маяковского:

1. Перенести урну с прахом Маяковского на Красную площадь, в соответствии с его словами:

Где бы ни умер,
умру поя.
В какой трущобе ни лягу,
знаю —
достоин лежать я
с легшими под красным флагом¹⁶.

2. Предложить Гослитиздату выпустить Полное собрание сочинений, начатое в 1936 году, на три четверти готовое, подписанное к печати и заматрицованное¹⁷.

3. Предложить «Советскому Писателю» выпустить 20 книжечек-брошюр по принятому плану и книгу «Труды и дни В. В. Маяковского»¹⁸.

4. «Молодой Гвардии» — выпустить готовый, подписанный к печати в январе 1938 года, сборник «Избранное»¹⁹.

5. В Детгизе выпустить Маяковского для детей²⁰.

6. Предложить издательству «Искусство» сделать альбом иллюстраций к стихам Маяковского под лозунгом «Художники — Маяковскому»²¹.

7. Музгизу — заказать и издать ряд музыкальных произведений на слова и темы Маяковского.

8. Предложить Всекохудожнику²² заказать нескольким художникам и скульпторам живописные и скульптурные портреты Маяковского.

9. Предложить Кинокомитету выпустить к 10-й годовщине художественный фильм о Маяковском. Поднять вопрос о постановке фильма «Как поживаете» по сценарию Маяковского.

10. В дни 10-й годовщины показать народный, торжественный спектакль «Мистерия-Буфф».

11. Предложить Мосэстраде разработать концертную программу, посвященную Маяковскому, в двух вариантах — для взрослых и для школьников.

12. Просить Наркомсвязь выпустить серию марок «Маяковский».

13. Устроить большую выставку (по примеру Пушкинской), мобилизовав для этого все фонды.

Л. Брик, О. Брик, В. Катанян

Москва

20 мая 1939 г.

Л. Брик — А. Фадееву (20 мая 1939 г.)

Дорогой Фадеев,

несколько объяснений по пунктам, к нашим Предложениям:

1. К пункту 2. Для Полного собрания сочинений надо просить бумагу. Но дело не только в бумаге. Необходимо срочно прекратить безобразия с Катаняном, которому непрерывно мешают работать²³.

2. Книгу «Труды и дни» Вы предложили обсудить на Редсовете еще в октябре прошлого года. Но Редсовет до сих пор этого не сделал, а между тем такая книга необходима для изучения Маяковского. Вышедшая «Краткая летопись»²⁴ только раздражила аппетит.

3. Художники ничего еще не сделали для популяризации Маяковского. Хорошо бы их с'агитировать и заинтересовать лирикой, сатирой и героикой. Неужели это не темы для советской графики?

4. То же по отношению к композиторам. Музыканты говорят, что трудно писать на слова Маяковского. Об этом следует поговорить. А кроме того, — тот, кто не может писать на слова Маяковского, пусть пишет на темы его стихов.

5. Тышлер²⁵ говорил мне, что очень хотел бы написать портрет Маяковского. Когда-то мне говорила Сарра Лебедева²⁶, что хотела бы вылепить его.

6. О начале работы над сценарием Вы знаете. Но, к сожалению, на этом дело остановилось. Кинокомитет сообщил, что фильм о Маяковском не включен в план этого года. О своем сценарии «Как поживаете» Маяковский говорил, что сценарий этот «принципиален». Моя просьба к Вам — прочесть его.

7. «Мистерию-буфф» крайне интересно поставить как большой народный спектакль — образец советской классики. Постановку такого спектакля могли бы осуществить Мейерхольд²⁷ или Охлопков²⁸.

8. Выставка нужна настоящая, научная, тщательная, а не псевдо-популярная, кустарная, в которой весь трюк заключается в том, что маленькие вещи увеличены, а большие уменьшены: листок из записной книжки подается в виде огромного плаката, а большой плакат на крошечной фотоконпии. Поручить такую выставку можно Библиотеке-Музею Маяковского как имеющей наибольшие фонды. Но под наблюдением специальной небольшой деловой комиссии.

9. Что Маяковский «эстраден» смешно доказывать. Однако, эстрада им не интересуется. Мое предложение: поручить работу над концертом режиссеру эстрады В. Жемчужному²⁹, в совершенстве знающему Маяковского.

10. И еще одно очень серьезное дело: рукописи Маяковского, переданные мной в Библиотеку-Музей, в большинстве карандашные, на совсем плохой бумаге. Если по ним будут работать, — они погибнут. Необходимо срочно переснять их.

Библиотека-Музей обещала мне это сделать. Но дело почти не подвигается. Нужно подогнать их и проследить за исполнением.

Очень прошу Вас об этом.

Привет!

Л. Брик.

Москва, 20 мая 1939 г.

Но не отправлять же такое важное письмо просто по почте, неизвестно, куда оно еще попадет, оказавшись в бюрократическом чреве Союза писателей; нет, с Фадеевым необходимо встретиться лично.

Не дозвонившись до него по телефону, она отправляет ему короткую записку с предложением встретиться и переговорить по важному вопросу.

Фадеев получил эту записку.

Судя по всему, некоторое время назад Л. Ю. по его просьбе дала ему прочесть несколько писем Эльзы о литературной жизни Франции (правда, мне не удалось выяснить, какие конкретно), и теперь следовало бы уже вернуть их. Фадеев пишет Л. Ю. короткое ответное письмо:

А. Фадеев — Л. Брик (Москва; 29 мая 1939 г.)³⁰

Уважаемая Лилия Юрьевна!

Возвращаю Вам письма Эльзы, — простите, что задержал по занятости.

По той же причине не успеваю созвониться с Вами, живу на даче.

Надеюсь позвонить Вам 30-го или 31-го.

Привет.

А. Фадеев

29.V.39

Наконец, они созваниваются и договариваются встретиться 9 июня в кафе. Через два дня она так описывает О. М. эту встречу:

Третьего дня полтора часа просидела в кафе с Фадеевым. Передала ему и предложения наши, и примечания к ним; остальное рассказала своими

словами. Он не проявил даже никакого энтузиазма, а насчет урны даже удивился такому предложению. (См. письмо Л. Ю. от 11 июня 1939 года, № 302.)

Несмотря на такой «скучный» разговор с Фадеевым и его неопределенные обещания, дело все-таки было сделано, и бюрократическая машина Союза Писателей начала набирать обороты в направлении организации юбилейных мероприятий по бриковской программе.

Л. Ю. могла быть довольна тем, что ее замысел удался.

О. М. с ЖЕНЕЙ СНОВА в Сочи

А Осип Максимович, подписав письмо Фадееву и оставив его на попечении Л. Ю., 2 июня выехал с Женей в Сочи, в кармане у него лежали путевки в санаторий «Правда».

(296) О. Брик — Л. Брик (Орел — Москва; 2 июня 1939 г.)³¹

Орел

Любимая Киса!

Едем отлично. Нас всего трое! — мы и молоденькая женщина.

Чисто, прохладно.

Ресторана нет, так что все очень пригodiлось.

Спасибо!

Крепко целуем

(Кэт — рис.)

Васю целуй.

[Открытка]

(297) О. Брик — Л. Брик (Ростов — Москва; 3 июня 1939 г.)³²

Ростов

Дорогая Кисява!

Ночью было холодно. Сейчас очень тепло. Спим и едим. Еды хватит как раз.

Не читаем, не разговариваем, не мыслим, не реагируем — образ жизни не животный, а неодушевленных предметов.

Целуем вас нежно.

(Кэт — рис.)

Прости за доплатную открытку, — я забыл доклеить марку.

[Открытка]

(298) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Москва; 4 июня 1939 г.)³³

УСТРОИЛИСЬ ОТЛИЧНО ПОГОДА ЧУДНАЯ

САНАТОРИЙ ПРАВДА КОМНАТА ПЯТНАДЦАТЬ

КРЕПКО ЦЕЛЮЮ ПИШИ =ОСЯ=

[Телеграмма]

(299) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Москва; 5 июня 1939 г.)³⁴

Дорогая, золотая Киска!

Смотрел меня врач и нашел, что все в порядке. Прописал ванны мацестинские, а купаться в море не позволил.

У Жени тоже все более или менее в порядке — тоже ванны и тоже нельзя купаться.

Питание здесь очень хорошее. Нам дали стол № 6, — это значит мало мяса, много зелени и всякое молочное.

Знакомых решительно никого, что очень приятно. Санаторий тихий, спокойный, просторный. Соседей не видно и не слышно. Живем мы в той же комнате, в которой жили Марк М. и Наташа³⁵.

Погода сегодня очень хорошая, но перемениться она может враз, — и тогда будет дождь. Но это никого не пугает, так как ходить абсолютно некуда.

Вот все, что я могу тебе пока что сообщить.

Да, еще брали у нас все, что возможно на исследование. Результаты пока неизвестны.

Очень тебя люблю и крепко целую.

Женя тебя целует.

Васю поцелуй.

(Кэт — рис.)

(300) Л. Брик — О. Брику (Москва — Сочи; 5 июня 1939 г.)³⁶

Мой Кислит!

Получила открытку из Орла и телеграмму.

Мы с Васей 2-ого вечером выпили с горя³⁷.

3-его были у Нади³⁸, а вчера у нас были Тышлер и Петя³⁹.

Погода холодная — 11°! Я очень рада.

Купила себе — любимый сапфир для кольца за 175 р. — большой, но с изъяном. Очень красивый! Светлый!

С 20-ого числа у нас начинается ремонт. К твоему приезду все будет кончено. Сговорились с малярами Олег Леонидовича⁴⁰.

Только что звонили из Гослитиздата. Они готовят какой-то сборник, в кот. должны войти переводы стихов Арагона. Умоляют тебя дать твои переводы⁴¹. Они нигде не печатались? Если хочешь дать им, — напиши немедленно, где они лежат. Это очень срочно. Они специально задержат сборник из-за Арагона.

Семка в страшном волнении⁴². Говорит, что все его враги получают выговор и что, «чем сильнее удар по нем, тем страшнее будет контрудар!!»

Как выглядит Володина выставка⁴³?

Вообще, напиши подробно про вашу жизнь: с утра до вечера.

Что сказали врачи тебе и Жене?

Крепко, крепко целую.

(Киса — рис.)

(301) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Москва; 7 июня 1939 г.)⁴⁴

Любимый Кисик!

Уже одно письмо я тебе написал про нашу жизнь. Сегодня получил твое и «спешу ответить».

Переводы Арагона лежат в одной из папок в левом шкапике. На папке написано «Стихи Арагона». Там и черновики, и беловики, и вырезки из «Красной нови»⁴⁵, где они уже печатались. Есть, кажется, и ненапечатанные. Если не лень, разберись во всей этой куче и дай Гослитиздату, что им нужно.

Очень хорошо, что ты купила сапфир. Какой он? Что общего и какая разница с Жениным?

Володина выставка еще никак не выглядит, потому что только вчера прибыли экспонаты. Откроется она не раньше 10-го.

Наш день еще не совсем определился, но основные контуры или вехи таковы: встаем в 7 ч. 30, завтрак в 8 ч., после завтрака или ванны, или прогулки — обед в 2 ч., мертвый час до 4 ч. 30, чай в 5 ч., ужин в 8 ч. и спать в 10 ч. В промежутках гуляем или лежим — читаем. Погоды пока что хорошие. Солнечно, но не жарко. Море далеко. Ходить к нему надо специально. Предстоят развлечения — кино и театр оперный Немир.-Данченко⁴⁶. С газетами чудно: каждый отдыхающий получает номер «Правды» (прибывает на самолете)... Еда очень хорошая. Понемногу отдыхаем.

Крепко тебя очень целую. Пиши, пожалуйста.

Твой Ося.

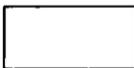
От Жени привет. И Васю поцелуй.

(302) Л. Брик — О. Брику (Москва — Сочи; 11 июня 1939 г.)⁴⁷

Любимый Кислит мой!

Нашла папку с твоими переводами, завтра отберу и после выходного отнесу в ГИХЛ.

Сапфир мой темнее, чем Женин, даже чуть темнее, чем мой, — он граненый и такого размера

Третьего дня полтора часа просидела в кафе с Фадеевым. Передала ему и предложения наши, и примечания к ним; остальное рассказала своими словами. Он не проявил даже никакого энтузиазма, а насчет урны даже удивился такому предложению.

Сказал, что созовет специальное совещание президиума и выделит специальную комиссию на предмет X годовщины. Вполне согласен он только с тем, что Володей бьют по головам молодых поэтов и что это неправильно...

Разговаривать было настолько скучно, что я даже не огорчилась. Просто — как будто и не разговаривала. Я только рада, что окончательно поняла отношение к Володе. Ты, как всегда, оказался прав.

Были мы у Олег Леонидовича, и они были у нас. Я проигралась! Но Вася почти все отыграл, что я проиграла. Сегодня будем играть в ма севой и Марк Моисеевичем. Вчера чуть-чуть полепила Васю⁴⁸ — все некогда!

Панин Ося⁴⁹ пишет ей уже письма! Увы!

Опять засомневалась насчет ремонта. Боисси делать без Маши⁵⁰. Подумаю еще.

Послезавтра (13-ого) пойду по твоим делишкам: ГИХЛ, пьянино⁵¹ и Литфонд (путевки в Перedelкино)⁵².

Женины посева на балконе понемножку вылазят. Только в боковых ящиках ни херим ху ху еще не видно! Я так думаю, что из такой мелочи ничего и не может вырасти. Впрочем, я неинтеллигентная.

Я потихоньку худею — не очень быстро, но все-таки.

Послезавтра будет готово пальто и платье — в горошек — очень! хорошенькие!

Звонил как-то Виталий⁵³, — спрашивал, что и как.

Не жарко, и ехать никуда не хочется. Дни так летят, что ничего не успеваю.

Какие были ваши анализы?

Как Женин позвоночник?

Да! Смотрели «Соломенную шляпку»⁵⁴ — Men lacht!

И смотрели в Доме кино Шубовскую⁵⁵ «Испанию». Очень интересно, хотя текст и диктор — ужасающие!!

Поцелуй Женю.

Тебя целую, мой маленький.

Твоя (Киса — рис.)

(303) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Москва; 12 июня 1939 г.)⁵⁶

Кисик!

Почему ты не пишешь?

Написала 1 письмо 5-го и все! Я тебе тут же ответил и жду, — а ты не пишешь! Мы живем чудно. Про вас знаю, что играли в рамс и вкусно обедали с О. Л. и Э. Л.⁵⁷

Пиши обязательно.

Очень целую.

(Кэт — рис.)

[Открытка: «Сочи. Бананы в Приморском парке»]

(304) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Москва; 14 июня 1939 г.)⁵⁸

Дорогая, любимая Кисява!

Наконец-то я получил от тебя письмо, а то уж я загрустил!

Насчет «Перedelкино» не настаивай, — нам что-то не очень хочется туда ехать. По возвращении можно чудно провести в городе, тем более, что в этом году Мацеста совсем не утомительна. Мы много спим и прекрасно отдыхаем. А если будут деньги, лучше попозже поехать в Коктебель⁵⁹. Во всяком случае, никаких денег вперед за «Перedelкино» не плати.

Все наши анализы в полном порядке. Женин позвоночник тоже. Жене даже позволили купаться, а мне нет. Но я и не завидую. пляж здесь отвратительный, а вода холодная.

Вчера состоялось открытие «Выставки В. В. Маяковского». Выставочка получилась вполне провинциальная, внешкольно-библиотечная. Основная масса экспонатов — аккуратненько окантованные цитаты из Володиных стихов и прозы. Некоторые цитаты написаны коричневыми буквами на зеленом стенде. Лучшее, самое эффектное — это макет комнаты и Варварины карты⁶⁰, которые, действительно, блестяще сделаны. Есть кое-что занятное из музейных «новинок» — очень хорошие Володины фото из кино-кадров (выступление в Колонном зале⁶¹, это есть в нашем фильме) и выступление в каком-то театре, по-видимому, на съезде безбожников, — этого у нас нет. Затем фото подлинного Володиного ответа, письменного, на допросе в апреле 1908 г., затем экземпляр книжки Горького «Детство» с надписью Горького Володе⁶² и затем еще афишка Володиного выступления в Париже в ноябре 1925 г.⁶³ Не знаю, есть ли она у Васи. Я ее, на всякий случай, спишу.

Остальное, как будто, нам все известно.

Стоит стенд со всеми прижизненными изданиями. Это очень интересно и внушительно. И вообще — «пусть будет». Ходят люди, смотрят, читают, им рассказывают про Володю, объясняют. Это все очень нужно. Конечно, это могло быть лучше, но могло бы быть и хуже.

Агния Семеновна⁶⁴ захлопоталась, но довольна тем, как «мы выросли». «Мы» — это Библиотека-музей.

Я тебя очень крепко целую и люблю. Женя тебя очень, очень целует.

И я еще раз целую.

Твой Ося.

Васе спасибо за письмо. Пусть еще напишет⁶⁵.

(305) Л. Брик, В. Катанян — О. Брику (Москва — Сочи; 16 июня 1939 г.)⁶⁶

Кисеныш мой!

Мне очень нравится получать от тебя письма. Пиши почаще.

В Москве уже второй день очень жарко — с утра в тени 31°. Но сейчас пошел сильный дождь, может быть, станет попрохладнее. Ехать все-таки никуда не хочется.

На балконе в ящиках высыпала какая-то лысая зелень, — я ее усердно поливаю. Обошлась она нам дешево, но зато и не очень красивая. Чего нельзя сказать о моем новом кольце (которое из булавок⁶⁷). Обошлось оно в копейку, но получилось ослепительно-красивое. Теперь я худая, в новом платье, пальто, кольце — и очень довольна. И деньги еще есть!

Сегодня заходил Геня⁶⁸, я дала ему сто рублей и кило рассыпчатого печенья для П. Юр.⁶⁹ Он сдает последние три экзамена, круглый отличник и подал уже заявление в институт. Специальность — по двигателям внутреннего сгорания (кажется так, если только я не напутала!)

Геня худой и бледный. 22-ого последний экзамен. Сдает лучше всех. Полина Юрьевна здорова и довольна, и вообще все у них очень хорошо.

Путевки в Переделкино вам забронировали с 16-ого июля. Когда вы приедете, еще не поздно будет внести деньги. Так что можете еще подумать.

В «Сталинский сборник»⁷⁰ берут два твоих перевода из Арагона. Еще не решили, какие. Я выбрала им десять штук.

Пьянино получить очень трудно⁷¹. Взяла бумажку из Союза композиторов. На днях пойду с ней в прокатную контору.

Твои (кулешовские) башмаки⁷² сапожник взялся починить, но они еще не готовы, так же, как и теплые туфли.

С ужасом думаю о ремонте, но все-таки сделаю его, хотя бы частично.

Все остальное тебе напишет Вася.

Поцелуй Женичку.

Обнимаю, целую.

Твоя (Киса — рис.)

Дорогой Осип Максимович —

Вы просите новости? Их есть у меня!..

Чагин⁷³ назначен временно исполняющим обязанности директора Гослитиздата. Имел аудиенцию. Обещали вникнуть и удовлетворить. Денег пока не вижу. Обещали и «двинуть» договора, как они выражаются.

Вчера были на докладе Тимофеева⁷⁴ «Поэтика Маяковского». Это — извлечение квадратных корней из неопределенных величин. Величины так и остались неопределенными, но все корни были извлечены. Все титаны научно-исследовательской мысли маяковедения — во главе с Людмилой Владимировной⁷⁵ — были налицо.

Перцов⁷⁶ и Венгров⁷⁷ очень беспокоятся за судьбу Вашего произведения в сборнике⁷⁸. 15 июля он сдается в печать. От тарасенковско-серебрянского типа⁷⁹ сборник переходит к собранию материалов. Будут, главным образом, матерьялы, а не рассуждения и (нрзб.).

Обещал, напр., дать письма М-го к нему Чуковский⁸⁰!! Оказывается, есть такие письма!

Если Вам не трудно, — спишите на выставке надпись М-го на «Облаке», подаренном Горькому⁸¹.

И пришлите в письме.

Афишка о вечере в Париже⁸² — небольшая?

Я ее знаю.

Большой-большой привет Женичке (так говорит Лиечка).

Целую Вас.

Ваш Вася.

16.06.39.

(306) Л. Брик — О. Брику (Москва — Сочи; 19 июня 1939 г.)⁸³

Любимая моя Кисынька!

Посылаю тебе литстраницу с смешным стишком про петуха.

Вчера были в Эрмитаже⁸⁴, — смотрели эстраду. Очень хороша Русланова⁸⁵ и куплетист Александров⁸⁶ (пел старинные куплеты). Остальное — абсолютная мура.

Были в Библиотеке-музее (Васе нужно было). Больше никогда не пойдю туда — отвратительный каждый раз осадок! Не хочу огорчаться!

Сегодня прохладно. Я все худею понемножку и очень рада.

Сейчас был Чурилин⁸⁷ и подарил нам маленького человечка, сделанного из прозрачных пирамидонных коробочек, пробок и пуговиц. Очень миленький! Мы повесили его в Васиных дверях. Он прозрачный и качается на солнце.

Что-то не звонят маляры насчет ремонта. Завтра буду их разыскивать.

Целую Женю.

Тебя люблю, целую.

Отдыхай получше. Как твои зубики?⁸⁸

Еще целую (Киса — рис.)

(307) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Москва; 22 июня 1939 г.)⁸⁹

Дорогой Кисенок!

Писать решительно не об чем. Ничего не случается.

Заказал обратные билеты.

Допринимает последние ванны. Еще мне прописал врач гальванизацию ног, — пропускают ток через спину и ноги, — не очень приятно, но ничего.

Приехал Страздин⁹⁰, передал от тебя «личный» привет. Выставка⁹¹ прогорает, так как они не сделали никакой рекламы, и никто про выставку не знает.

Езерская уезжает в Москву делать ремонт.

Целую тебя крепко и люблю.

Ося.

Женя вас целует.

[Открытка]

(308) Л. Брик, В. Катанян — О. Брику (Москва — Сочи; 23 июня 1939 г.)⁹²

Мой Солник!

Тебе деньги не нужны? А то у меня есть, и я тебе немедленно могу перевести.

Вчера обедал у нас Геня⁹³. Вчера он сдал последний экзамен — круглое «отлично» — и в году, и на экзаменах. Я спросила, что ему подарить, о чем он мечтает. Говорит, что у него есть «все абсолютно» (счастливец...). Но что, если мы для него что-нибудь придумаем, — он будет весьма доволен. Я дала ему для мамы сто рублей и опять послала печенье.

Она хорошо себя чувствует, читает.

Был врач, нашел улучшение.

Приходил Перцов, выпросил для сборника шесть Володиных писем. Вася отобрал из поездок по Союзу; он же будет комментировать.

Ездили сегодня с Надей, Колей,левой к Фиалке⁹⁴ на дачу. Там изумительно. Очень красивый, Екатерининского времени, дворец, чудесный лес, и вообще чудно, но «то ли дело, братцы, дома!»

Ремонта не делаю!! Все так усиленно меня отговаривали, а под конец и ты, что отговорили и придется еще год прожить в грязи. Только переднюю надо выбелить обязательно и заделать трещину.

Вчера играли с Жемчужным в ма. Третьего дня в Рамс с Олег Леонидовичем. Было скучно, и они нас обыграли.

Целую крепко, крепко.

Поцелуй Женю.

(Киса — рис.)

Василий Абгарович не только делал приписки на письмах Л. Ю. к Осипу Максимовичу, но иногда писал и отдельно от нее письма.

(309) В. Катанян — О. Брику (Москва — Сочи; 25 июня 1939 г.)⁹⁵

Дорогой Осип Максимович!

...Тимофеев⁹⁶ утверждал, что Маяковский — Горький в поэзии, те же идеи страдающего и борющегося человека. Это — общая вступительная часть. И дальше: Новаторство Г. и новаторство М-го. И тут он нашел много общего (?).

На это, главным образом, нападали все выступавшие. Большинству не понравилось. И, кажется, не будет напечатано в сборнике.

Афишка с выступлением в Париже у меня есть. И подпись Горького. Мне нужна надпись М-го Горькому на «Облаке»!

На выставке есть фото!

Очень интересно выступление с обелиска. Откуда вы это взяли? Точно нельзя ли документировать?

Перцову позвоню 26-го, он будет в городе.

Мы с Лиличкой читали стенограммы М. Ф. Андреевой⁹⁷ и Тихонова⁹⁸ в музее. Интересно.

Кланяюсь Женичке и Вам.

Ваш В. Катанян

(310) Л. Брик, В. Катанян — О. Брику (Москва — Сочи; 28 июня 1939 г.)⁹⁹

Кислит!

Ты не ответил мне, нужны ли тебе деньги и как твои зубки.

Я ужасно рада, что ты скоро приедешь.

Вчера опять играли с Жемчужным в «ма». Сегодня купили за 30 р. кофейник с фильтром. Кофе получается изумительное! Женя оценит.

Была у нас (сначала позвонила) одна Володина знакомая. Принесла Володины записочки. Она очень хорошо все про Володю помнит. Позовем ее с мужем, когда ты приедешь. Мне про них говорил скульптор Меркуров¹⁰⁰.

Поцелуй Женю.

Обнимаю, целую.

Твоя (Киса — рис.)

Целую!!! Вася.

В. Катанян. Летопись жизни Маяковского (1939 г.)

(311) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Москва; 2 июля 1939 г.)¹⁰¹

ПРИЕДЕМ ПЯТОГО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫМ МЕЖДУНАРОДНЫМ.
ЦЕЛЮЮ =ОСЯ=

[Телеграмма]

СЕСТРЫ ГОТОВЯТСЯ К ЮБИЛЕЮ МАЯКОВСКОГО

Л. Ю. решила написать к юбилею воспоминания «Маяковский и чужие стихи», максимально собрать все о его отношении к стихам других поэтов: что ему нравилось, наиболее яркие строки, которые он любил декламировать, и что вызывало неприятие. Много помнила она сама, что-то припомнили О. М. и даже Василий Абгарович, встречавшийся с В. В. только в последние годы жизни поэта.

Л. Ю. вовлекла в эти розыски и Эльзу, с которой по-прежнему вела интенсивную переписку. Вот выдержки из их писем:

Л. Брик — Эльза Триоле (20 марта 1939 г.)

Я читаю сейчас несметное множество стихов, даже в голове стиховой гул: ищу строчки, которые Володя повторял и по которым мы всегда догадывались о его настроениях и состоянии. Вспомнила и нашла массу. В подобранном виде это получается изумительно интересно. Своеобразная хрестоматия! Хочу попробовать сделать из этого нечто вроде статьи-воспоминаний. Увы! Не писатель я! [Лиля Брик — Эльза Триоле... С. 91].

Эльза Триоле — Л. Брик (1 июля 1939 г.)

Для твоей хрестоматии: не помню, в каком году, но в самом начале нашего знакомства Володя повторял: «Может быть, ехать не надо, может быть, я не прав...» Стихи как будто Северянина. Да, еще... «Но в поезде надо, и не было денег, и негде их было занять (или достать)...»¹⁰². А в Париже (но это ты, конечно, знаешь) —

на кудри милой головы
я шаль зеленую накинул¹⁰³ и т. д.

[Лиля Брик — Эльза Триоле... С. 93]

Л. Брик — Эльза Триоле (7 сентября 1939 г.)

Спасибо за добавления к моей хрестоматии. Может быть, еще что-нибудь вспомнишь?

О Булькиных шенках ничего не знаю — хозяйка их вне Москвы¹⁰⁴.

Вася продолжает писать рассказы о Володе¹⁰⁵ — он массу помнит, причем очень подробно.

Ося написал очень интересную большую статью «Место поэта», для сборника о Володе¹⁰⁶ к 10-ой годовщине — о Маяковском, символистах и поэтах «Кузницы»¹⁰⁷ в 18-ом, 19-ом годах. Много интересного материала, и очень получилось убедительно. Кроме того, Ося кончил 1-ый акт текста оперы «Верность»¹⁰⁸ для Желобинского — тоже очень удачно, с хорошими стихами [Лиля Брик — Эльза Триоле... С. 95].

Но и Эльза не теряла времени даром. В июне в Париже вышла ее книга воспоминаний о Маяковском — Triolet E. «Majakovski, poete russe» Вот что писала об этом московская пресса:

В апрельском номере журнала «Нувель Ревю Франсез» помещен отрывок из очерка Э. Триоле о Маяковском¹⁰⁹. Очерк содержит краткую биографию поэта, характеристику его творчества и некоторые воспоминания о поэте в бытность его в Париже в 1929 г.¹¹⁰

На-днях в парижском издательстве «Эдисон социаль энтернациональ» вышла книга французской писательницы Эльзы Триоле «Маяковский — русский поэт. Воспоминания»¹¹¹.

Сообщая о выходе книги, еженедельная газета «Марианн» пишет, что это во Франции первый оригинальный труд, дающий возможность *«ознакомиться с жизнью и творчеством гениального поэта. Автор, — продолжает газета, — не только воздал должное великому поэту, еще недостаточно известному за пределами своей родины, но и показал, какую роль сыграл Маяковский в повседневной жизни русской революции, показал, почему его творчество, ставшее классическим, в то же время остается актуальным»*.

К воспоминаниям Эльзы Триоле приложен французский перевод поэмы Маяковского «Во весь голос».

ОСЕННИЙ ОТДЫХ В ПОДМОСКОВЬЕ

21 июля Л. Ю. писала сестре Эльзе в Париж:

Л. Брик — Эльза Триоле

1 сентября поеду с Васей на 10 дней в дом отдыха в Голицыно¹¹². Надо немножко подышать. Но ты пиши в Москву, — Ося привезет. Это всего один час езды.

Мама взяла к себе Регину¹¹³. Представляешь себе?! Хотя чувствует она себя гораздо лучше, и мама надеется найти для нее комнату, с полной кормежкой [Лиля Брик — Эльза Триоле... С. 96–97].

Л. Ю. поехала с Василием Абгаровичем в Дом творчества писателей «Малеевка», который находился в 80 км от Москвы неподалеку от старинного русского города Руза.

(312) Л. Брик, В. Катанян — О. Брику (Ст. Руза — Москва; 30 августа 1939 г.)¹¹⁴

Дорохово

Кислик мой!

Ехать абсолютно удобно и просторно. Поехали более ранним поездом — 8 ч. 45 м. — он быстрее идет. Билеты взяли тут же. Машина М1¹¹⁵ уже здесь. Ждем следующего поезда из Москвы. Зашли на почту. Адрес на обороте.

Крепко, крепко целую.

(Киса — рис.)

Привет. Вася.

[Открытка]

(313) О. Брик — Л. Брик (Москва — Ст. Руза; 31 августа 1939 г.)¹¹⁶

Дорогой Кисявик!

Получил твою открыточку и обрадовался, что вы хорошо едете, — как-то доехали?

Здесь все в порядке. Вчера же вечером разворотили с Женей все книги в большом шкафу и расставили по порядку, — работали 5 часов (!!) кряду. Очень было интересно!

Сейчас хочу выйти — отнести Ек. Абг.¹¹⁷ деньги и книжку¹¹⁸, — из ГИХЛа за корректурой пока не присылали¹¹⁹.

Звонил Вася Ступак¹²⁰, — кланяется. Он очень занят работой — совсем времени свободного не остается.

Вот и все новости.

Крепко очень тебя целую.

Твой (Кэт — рис.)

Женя целует.

Васе привет.

Письмо Ол. Леон. отправил. И получил от него открытку, — которая при сем¹²¹.

Тот же (Кэт — рис.)

(314) Л. Брик, В. Катаян — О. Брику (Ст. Руза — Москва; 31 августа 1939 г.)¹²²

Осик, любименький!

Здесь очень красиво, только очень пыльно — давно не было дождя.
После прогулки надо мыться с головы до ног.

Дом отдыха сносный¹²³. Директор — прошлогодний, коктебельский¹²⁴.

Комната хорошая. Комаров и Тани¹²⁵ нет, зато — осы и мухи!

Я рада, что поехала. Но думаю, — десяти дней хватит.

Крепко целую тебя и Женю.

Лиля.

Привет от Васи Вам и Женичке.

[Открытка]

(315) О. Брик — Л. Брик (Москва — Ст. Руза; 2 сентября 1939 г.)¹²⁶

Дорогой, любимый Котенок!

Получил 2-ю открыточку. Рад, что ты рада, что поехала.

Новостей никаких. Посылаю тебе письмецо от Луэллы¹²⁷. Я его не открывал, оно само пришло расклеется.

Получаются ли там все газеты? Если нет, — могу выслать.

Крепко, крепко тебя целую.

Твой (Кэт — рис.)

И еще посылаю Васе открытку от Адельгейма¹²⁸.

(316) О. Брик — Л. Брик (Москва — Ст. Руза; 3 сентября 1939 г.)¹²⁹

Дорогой Котишка!

Все в полном порядке. У меня, было, испортилось радио, но пришел Геня и починил!

У нас холодно, а у вас?

Посылаю корреспонденцию¹³⁰.

Целую очень крепко.

(Кэт — рис.)

И Женя целует.

И Васю целуем.

Звонила Левина¹³¹, — передавала от тебя приветствие.

(317) Л. Брик, В. Катаян — О. Брику (Ст. Руза — Москва; 3 сентября 1939 г.)¹³²

Мой Солник!

Я испугалась грозы и бросила трубку, когда говорила с тобой по телефону. Вообще, звонить отсюда очень канительно.

Здесь хорошо, хотя и стало холодно.

Продлевать путевки не будем.

Очень хочется поговорить с тобой обо всех событиях.

Массу едим, а лакрицу¹³³ я взяла с собой какую-то неудачную!

А Вася совсем забыл взять пурген¹³⁴!! Жужас!
 Нет ли письма от Эльзы?
 Все-таки попробую позвонить тебе.
 Без тебя очень скучно.
 Крепко целую, люблю. (Киса — рис.)
 Привет! Привет!
 Вася.
 В Староружской церкви венчался Чехов¹³⁵.

В конце лета 1939 года, кроме выезда Лили Юрьевны с Катаняном в подмосковный дом отдыха, произошли еще два знаменательных события: 1 августа в Москве открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (ВСХВ), а 1 сентября Германия напала на Польшу, с чего и началась Вторая мировая война.

И если о ВСХВ трубили все советские газеты, то о втором событии поступали только скудные сообщения ТАСС. Сталин не хотел акцентировать на них внимание советской общественности, так как с Гитлером у него были общие далеко идущие планы.

И понятной становится конспиративная фраза Л. Ю. в письме от 3 сентября: *«Очень хочется поговорить с тобой обо всех событиях...»*

РАСПОРЯЖЕНИЕ Н. КРУПСКОЙ

В сентябре 1939 года Лиля Юрьевна получила письмо:

Лиле Юрьевне Брик
 от директора Библиотеки-музея В. Маяковского
 Уважаемая Лиля Юрьевна!

Посылаю Вам копию распоряжения Зам. Наркома Просвещения Н. К. Крупской о приеме от Вас литературного архива В. В. Маяковского и со своей стороны сообщаю Вам о готовности Библиотеки-музея Маяковского передавать Вам бесплатно фотокопии записных книжек и рукописей В. В. Маяковского, принятых от Вас, по мере их пересъемки Библиотекой-музеем (ориентировочно, в течение 1939 года).

Директор (Езерская)
 9 сентября 1939 г.¹³⁶

[*Это приложение к письму в архиве отсутствует.]

Странно было получить это распоряжение Н. К. Крупской теперь, через полгода после ее смерти (она скоропостижно скончалась при не до конца выясненных обстоятельствах 27 февраля 1939 года). Какое значение имело ее посмертное распоряжение? И когда оно появилось?

Может быть, и сама А. С. Езерская получила его из канцелярии Наркомпроса только сейчас, после необходимого оформления?

Л. Ю. было хорошо известно, что Агния Семеновна была назначена директором Библиотеки-музея В. В. Маяковского еще в апреле 1937 года той же Крупской, уже давно занимавшей должность заместителя народного комиссара просвещения РСФСР, а Библиотека-музей входила в то время в систему Наркомпроса. Но знали они друг друга еще с дореволюционных лет, когда обе жили в Петербурге и посещали одни и те же молодежные кружки и собрания.

Несомненно, именно Езерская инициировала появление этого распоряжения. По-видимому, она пожаловалась Крупской, что Брики передают в музей несущественную бытовую мелочь, а вот рукописи, записные книжки и письма Маяковского, составляющие его литературный архив, придерживают у себя. В Советской стране, где Маяковский признан теперь первым поэтом, такого не должно быть. Его литературный архив должен стать народным достоянием. Так появилось это распоряжение.

Брики приняли его к сведению, но не к руководству. Пришлось, конечно, расстаться с какой-то частью хранившегося у них литературного архива Маяковского, но другую, не менее значимую часть оставили у себя — разве кто-то мог претендовать, скажем, на личную с ними переписку или письмо-дневник поэта 1923 года, когда он работал над поэмой «Про это», однозначно посвященной Л. Ю.?

Езерской так и не удалось с привлечением «тяжелой артиллерии» — посмертно обнародованного распоряжения «самой Крупской» — одолеть упорство Бриков в сохранении за собой права на часть литературного наследия Маяковского.

СВЯЗИ С ИНОСТРАНЦАМИ

Советская власть весьма настроенно относилась к связям своих граждан с иностранцами и преследовала тех, кто был уличен в них (если только речь не шла о санкционированных сношениях).

Однако это правило не относилось к Л. Ю. Она регулярно переписывалась со своей сестрой Эльзой, проживавшей в Париже. Ей приходили письма и от других иностранцев, большая часть подобной корреспонденции сохранилась в архиве. Например, письмо австрийского автора и переводчика Г. Гупперта¹³⁷, адресованное обоим Брикам:

Г. Гупперт — О. М. и Л. Ю. Брик (Ялта — Москва; 10 сентября 1939 г.)¹³⁸

Многоуважаемые Осип Максимович и Лиля Юрьевна!

Я в долгу перед Вами. Но случилось так: первое время моего пребывания здесь я был занят другой работой (срочной-срочной!), середину пребывания я пролодырничал, а к концу спохватился и довольно быстро доработал «Хорошо», главы с IX по XIII, остались еще главы с XIV по XVIII (последнюю, XIX-тую я давно уж перевел, она вошла в тот монтаж из поэмы «Хорошо», который был напечатан в *International Literature*, 1937, XI).

До сегодняшнего дня я переписывал начисто уже законченные главы для Вас (мучительно — без машинки), но когда я отрывки здесь читал русским товарищам, знающим нем. язык, оказалось довольно много мелких текстуальных, т. е. фактически недоразумений, — я просто не разобрался в некоторых условностях Маяковского, намеках, сокращенных формах предложений и т. п., и до того нелепо напутал, что мне было стыдно отправлять Вам рукопись в таком виде.

Итак, я до сих пор не мог воспользоваться(ся) Вашим любезным предложением, но помощь Ваша, — это теперь трагикомически подтвердилось, — мне крайне нужна будет после моего возвращения в Москву.

Продлить нашу путевку в д/о (я здесь с женой) ввиду напряженной общей полит. обстановки нет охоты.

На-днях, мы едем, вернее, летим в Москву, и я там не замедлю Вам позвонить. Я очень надеюсь на Вашу благосклонность и Вам весьма благодарен *im voraus* [нем. «заранее». — А. В.].

Здесь прилагаю только лишь несколько листиков рукописи, более или менее проверенных (для пробы).

Сердечный привет Вам и Вас. Абгарычу от
Г Гупперт

Ифлийцы

В конце 1939 года на квартире Бриков стали собираться молодые поэты, студенты-ифлийцы, как их позднее стали называть¹³⁹, — Михаил Кульчицкий, Борис Слуцкий, Николай Глазков, Павел Коган, Давид Самойлов, Сергей Наровчатов, Михаил Львовский. Не все они были студентами ИФЛИ, кто-то учился в других московских вузах, но их, молодых, талантливых друзей-поэтов объединила любовь к Маяковскому, приверженность идеалам поэтов-романтиков 1920-х годов, уверенность в себе и своих силах, в будущем Родины.

Над нами, как знамя,
Встает Маяковский!

Эти строки, написанные харьковским поэтом Григорием Левиным¹⁴⁰, стали своеобразным манифестом этой группы.

Ему вторит Михаил Кульчицкий¹⁴¹:

Самое страшное в мире —
Это быть успокоенным.

Молодые, задорные, они собирались у Лили Юрьевны: она их вкусно потчевала, а они взахлеб читали ей свои стихи. Она находила в них схожесть с такими же молодыми Маяковским, Хлебниковым, и время как бы возвращалось на два десятилетия, и она сама молодела от этого...

Об этом времени и поэтических вечерах студентов-ифлийцев у Бриков осталось немало воспоминаний, теперь широко известных, и не имеет смысла здесь повторять их.

В. Маяковский. Автопортрет.
1918 г. Из частного собрания

Но наиболее близкими в этой плеяде молодых поэтов для Лили Юрьевны стали Михаил Кульчицкий и Николай Глазков¹⁴², в которых она видела Владимира Маяковского и Велимира Хлебникова.

Кульчицкий написал ей такое задорное приветствие:

Л. Ю. Брик
 Которая Меня открыла
 Долой кума Ча!
 Да здр. крик
 Опосля
 зарождения
 крылий!
 Михаил¹⁴³

АВТОПОРТРЕТ В. МАЯКОВСКОГО

В квартире Л. Ю. с 1939 года висел автопортрет В. Маяковского. Об истории его находки вспоминает В. В. Катанян:

Как-то в 1939 году Надежда Давидовна Штеренберг, жена художника, пришла в гости к своей знакомой. Квартира была коммунальная, и, проходя по коридору, она увидела в соседней комнате на стене картину явно кубистического стиля¹⁴⁴. Какая-то женщина мыла пол и ничего не могла объяснить, хозяйки не было. Надежда Давидовна подошла поближе, разглядела подпись и выяснила, что владелица картины, старушка, не прочь с нею расстаться за 200 рублей. Она дала ей 300 и стала владелицей автопортрета Маяковского!

Он написал его в 1918 году. Л. Ю. его помнила и тут же узнала. Картина затерялась где-то в хаосе революции, но все же нашлась.

Поэт изобразил себя в цилиндре и желтой полосатой кофте. Он нахмурился — в правом углу, на него валится город. Это как бы визуальное продолжение его ранних урбанистических стихов... [Катанян В. В., 2002. С. 146–147].

ПЕРЕЗАХОРОНЕНИЕ ОТЦА

В связи с благоустройством Москвы намечался снос кладбища, на котором в 1915 году был похоронен Юрий (Урий) Александрович Каган, отец Л. Ю. и Эльзы. В бумагах Л. Ю. сохранился такой документ:

ЗАЯВЛЕНИЕ

от Л. Ю. Брик

Москва, Арбат, Спасоп. 3/1, кв. 55

Прошу перевезти прах моего отца Урия Алекс. Каган и памятник над ним: черн. гранит., на черн. гранит. цоколе с двумя черн. гранит. скамьями, с чугунной калиткой, с гранит. каймой для цветов (ряд, № могилы) на Востряковское кладбище

Л. Брик

18 окт. 1939 г.¹⁴⁵

К ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Сохранилась коротенькая записочка от друзей дома, супругов Леонидовых, с подарком к дню рождения Л. Ю. В ней хорошо отражены и возможности дарителей того времени:

О. Л. и Э. Леонидовы — Л. Ю. Брик (Москва; 13 ноября 1939 г.)¹⁴⁶

Увы, подарок запоздал,
Увы, подарок очень мал,
Но впопыхах и в катастрофе
Найти сумели только кофе
И чай, который так себе,
И недостоин Л и Б.

А нам хотелось бы для *Кисы*
 Достать «Линкольны» или «ЗИС»ы
 И ожерелье в сто карат
 Достать ей каждый был бы рад.
 Но не имеем и не чаем
 И потому — позволяйте чаем!

Э. и О.

Из недр НКВД

«Усатый режиссер» (как его прозвал А. И. Солженицын), сидящий в Кремле, перевел в конце 1938 года трагедию Большого террора в новую фазу.

22 августа 1938 года он назначил первым заместителем наркома внутренних дел СССР Лаврентия Павловича Берия, а уже через три месяца, 25 ноября, нарком внутренних дел, Н. И. Ежов, был снят с должности и на его место назначен Берия...

К этому же времени относится принятое 17 ноября постановление ЦК ВКП(б) «О грубейших нарушениях законности в следственной работе НКВД».

Бытует мнение, что с появлением нового шефа НКВД репрессии в СССР стали ослабевать, приняв «избирательный характер». К сожалению, этот вывод не соответствует действительности. Террор по-прежнему свирепствовал, но власть делала вид, будто ситуация нормализуется. Признаками такого, якобы обнадеживающего, процесса должны были послужить и дезориентирующее общественное мнение вышеназванное постановление ЦК ВКП(б), и последовавшая за ним очередная смена наркомов госбезопасности.

Убрав Ежова, Сталин успешно продолжил истребление опасных в его понимании социально-политических контингентов.

Как полагает внучка Мейерхольда М. Валентей, в 1939 году Сталин планировал проведение показательного судебного процесса над представителями советской творческой интеллигенции, якобы причастной к шпионской троцкистской организации¹⁴⁷.

Первым схватили Кольцова, затем Бабеля и Мейерхольда. Допросы велись с применением всех пыточных приемов (в действительности не отмененных постановлением ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года!).

К осени 1939 года замысел Сталина по раскрытию «заговора творческой интеллигенции» с соответствующим процессом (аналогично разоблаченному в 1937 году «заговору военных») изменился. М. Валентей связывает это с заключением известного германо-советского пакта: «*задуманный весной процесс оказался не ко времени осенью 1939 года, ни к чему было создавать советскую параллель преследованиям интеллигенции в фашистской Германии*».

Не углубляясь в подробный анализ событий, связанных с Большим террором в СССР в конце 1930-х, я хочу остановиться лишь на внимательном просмотре следственных материалов трех уже упомянутых представителей советской творческой интеллигенции — Кольцова, Бабеля и Мейерхольда, арестованных в 1938—1939 годах.

Все трое были хорошо знакомы с Маяковским и Бриками, и нас прежде всего интересует, как их имена и имена их ближайшего окружения упомянуты в этих материалах.

Дело № 21620. М. Е. Кольцов

Итак, известный советский журналист-международник Михаил Кольцов был арестован в ночь на 13 декабря 1938 года по прямому указанию Берии с санкции Сталина.

По-видимому, решающим фактором в его судьбе стала Испания. Сталин никогда не признавал собственных ошибок, и чем серьезнее они были, тем яростнее был гнев вождя, направленный на людей, выполнявших его ошибочные замыслы. Испанская авантюра — то есть желание остановить франкистский мятеж, поддержанный всей военной мощью Гитлера и Муссолини, и создать в Испании базу для развития мировой революции, — была изначально обречена на провал. Антифашисты многих стран, и прежде всего советские люди, искренне пытались помочь Испанской Республике. Помощь шла отовсюду, формировались интернациональные бригады, повсеместно собирались пожертвования. Но слишком неравными были противоборствующие силы, и слишком неорганизованной оказалась республиканская власть. Почти три года полыхала гражданская война, пока генерал Франко не одержал победу и не установил над страной полный личный контроль.

Сталин обрушил ярость на всех, кого посчитал виновным в крушении своих замыслов. Среди них оказались многие военные деятели, посланные в Испанию, а также политические советники, и в том числе Михаил Кольцов, который помимо своей журналистской деятельности выполнял ответственные политические задания. Таковы подлинные причины ареста Кольцова [Фрадкин. С. 7–8, 9].

Формально обвинение, предъявленное ему 5 января 1939 года, было сформулировано следующим образом: *«достаточно избобличается в том, что является участником антисоветской право-троцкистской организации и на протяжении ряда лет вел предательско-шпионскую деятельность»*.

И начались бесконечные допросы и выбитые следователями «личные показания». Кольцов дает показания, в которых фигурирует масса людей. Возникает вопрос: а почему следствие интересуется именно этими людьми, а не другими? Ключом к разгадке является один из листов дела. На нем рукой Кольцова в колонку выписаны фамилии именно тех лиц, которыми

М. Е. Кольцов (правое фото сделано уже в тюрьме в 1939 г.)

интересуется следствие. Абсолютно ясно, что этот список продиктован Кольцову следователем, и именно о них должна идти речь в его показаниях [Фрадкин. С. 218—219].

Из личных показаний Михаила Кольцова от 31 мая 1939 года:

Брик Лили Юрьевна, являлась с 1918 года фактической женой В. Маяковского и руководительницей литературной группы «Левф». Состоящий при ней ее формальный муж Брик Осип Максимович — лицо политически сомнительное, в прошлом, кажется, буржуазный адвокат, ныне занимается мелкими литературными работами.

Л. и О. Брики влияли на Маяковского и других литераторов-лефовцев в сторону обособления от остальной литературной среды и усиления элемента формализма в искусстве (живописи, театре, кино, литературе). После смерти Маяковского в 1930 г. группа лефовцев, уже ранее расколовшаяся, окончательно распалась. Супруги Брики приложили большие усилия к тому, чтобы закрепить за собой редакторство сочинений Маяковского и удерживали его в течение восьми лет. Хотя выпуск сочинений затормозился, но Брики предпочитали не привлекать посторонней помощи, так как это повредило бы их материальным интересам и литературному влиянию.

Брики крайне презрительно относились к современной советской литературе и всегда ее яростно критиковали.

В отношении Маяковского Л. Ю. и О. М. Брики около двадцати лет (при жизни и после смерти его) являлись паразитами, полностью базируя на нем свое материальное и социальное положение.

Триоле, Эльза Юрьевна, сестра Л. Ю. Брик, человек аполитичный, занятый своей лично-семейной жизнью. Лет двадцать пять тому назад переселилась с матерью за границу. Последние лет 10 — замужем за французским поэтом Арагоном, коммунистом. Ведет чисто домашний образ

жизни, изредка занимается переводами.

Волович Фанни — жена работника НКВД Воловича¹⁴⁸. Вела «велико-светский» образ жизни, стремясь устроить в своем доме «салон» ответственных работников и популярных лиц, шеголяла туалетами, богатой обстановкой, заграничными вещами. В гостях у Волович бывали Киришон¹⁴⁹, Фадеев¹⁵⁰, Поскребышев¹⁵¹, Межлаук¹⁵², Стаханов¹⁵³, Макс Гельц¹⁵⁴. Она очень кичилась своими связями и подчеркивала, что дом ее относится к числу тех, где бывают избранные и ценные советские люди. На самом же деле она и ее дом пользовались репутацией чванства и разложения, присущего верхушке НКВД периода Ягоды¹⁵⁵.

Вайскопф Франц, немецкий писатель, коммунист. Жил во Франции и Чехословакии. Приезжая в Москву, посещал дома Лили Брик и Фанни Волович, с которыми он, по его словам, состоял в дружбе.

Эльберт Лев Гилярович, литературный работник, член ВКП(б). До 1930 года работал за границей. Затем в Москве, в «Правде», в ТАССе, в «Огоньке» (в прошлом — работник ЧК). Человек ленивый и бездеятельный и из-за своего лодырничества постоянно увольняемый из разных учреждений. Любитель всякого рода слухов, сплетен, которые иногда сам создает и распускает. Отличается крайней лживостью, из-за чего имел столкновения на работе. Был дружен с Маяковским и сохранил связи с семьей Бриков. Был также дружен с Фанни Волович [Фрадкин. С. 242–246].

Вследствии наступила довольно длительная пауза. Кольцова больше не допрашивали. Видимо, Сталин взвешивал и размышлял — нужен ли ему большой процесс. Судьба самого Кольцова была предрешена, наверное, еще раньше. Сталин, безусловно, знал цену показаниям и методы их получения у допрашиваемых. Судьбы людей, на которых выбивали компромат, зависели не от того, в чем их якобы уличали, а только от мнения о них самого Сталина, а может быть, иногда от его сиюминутного настроения. Так это или не так, можно только предполагать. Во всяком случае, если судить по материалам дела Кольцова, то все люди, которые, по версии следствия, были соучастниками Кольцова по «шпионской» и «антисоветской» деятельности, не были арестованы. А в том, что Сталин читал показания Кольцова, можно не сомневаться.

Михаил Кольцов провел во внутренней тюрьме на Лубянке почти 14 месяцев, и 1 февраля 1940 года его привезли на суд в Лефортовскую тюрьму. В специальном помещении там заседала печально известная «тройка» во главе с армвоенюристом В. Ульрихом¹⁵⁶. Как гласит протокол, суд проходил «без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей».

В тот день председательствующий очень торопился: ему предстояло провести несколько дел, а за дверьми уже едва стоял на перебитых ногах и ждал своей очереди великий реформатор театра В. Мейерхольд.

Секретарь закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР так зафиксировал в протоколе последние слова Михаила Кольцова: «*Все предъявленные ему обвинения им самим вымышлены в течение*

5-ти месячных избиений и издевательств над ним. ... Все его показания не логичны и легко могут быть опровергнуты, т. к. они никем не подтверждены».

Но судьи даже не обратили внимание на эти доводы. Они спешили. Приговор был уже заготовлен заранее. Весь «процесс» продлился менее двадцати минут. Дорога от Лубянки до Лефортово заняла большие времени.

На следующий день, 2 февраля 1940 года, Михаила Кольцова расстреляли [Фрадкин. С. 11–12].

Дело № 419. И. Э. Бабель

Когда в 1926 году впервые вышел в свет сборник рассказов Исаака Бабеля «Конармия», одним из первых его читателей стал легендарный герой Гражданской войны С. М. Буденный¹⁵⁷. «Конармия» привела его в бешенство. Буденный назвал эти очерки клеветническими домыслами и грозился лично зарубить шашкой «этого Бабёля» (так, с ударением на втором слоге!). Горький выступил в защиту¹⁵⁸: *«Он показал бойцов Первой конной лучше, правдивее, чем Гоголь — запорожцев».* В тот раз Бабель был спасен.

Но 16 мая 1939 года помочь ему не мог уже никто. Писатель был арестован на своей даче в Переделкино «за изменническую антисоветскую работу». Выслушав зачитанные ему обвинения, Бабель якобы сказал:

Как бы ни было тяжело признаться о том, что я полагал, не станет достоянием известности органов власти, я сейчас не вижу смысла в дальнейшем отрицании своей действительно тяжкой вины перед советским государством. Я прошу следствие задавать мне вопросы, на которые готов дать исчерпывающие и правдивые показания.

Я был продолжительное время связан с троцкистами. Находился под их политическим влиянием.

И начались бесконечные, продолжавшиеся более полугода допросы и «признания».

Читаем в следственном деле № 419:

Меня всячески превозносили некоторые конники, группа бывших командиров корпуса Червоного казачества — Примаков, Кузьмичев¹⁵⁹, Охотников¹⁶⁰, Шмидт¹⁶¹, Зюк¹⁶² и др. Приуменьшая роль и значение Красной Армии, они кричали на всех перекрестках о том, что образцы кавалерийских рейдов надо искать только в истории корпуса Червоного казачества. Группа эта всегда искала знакомств и связей в литературной среде — Виталия Примакова я встречал в 1926 г. у Сейфуллиной, Шмидт дружил со мной, с Катаевым¹⁶³, с Багрицким, со Светловым и, вероятно, еще с другими, которых не упомяну [Поварцов. С. 62].

Круг опаснейших троцкистов расширяется. Сначала Воронский¹⁶⁴ и ряд видных деятелей партии, потом возникают фигуры современных писателей, якобы сочувствующих троцкизму и, следовательно, в политическом

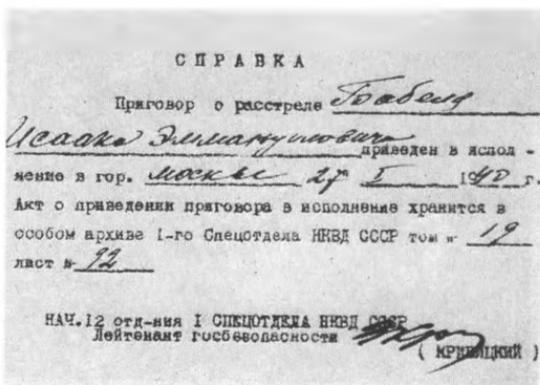
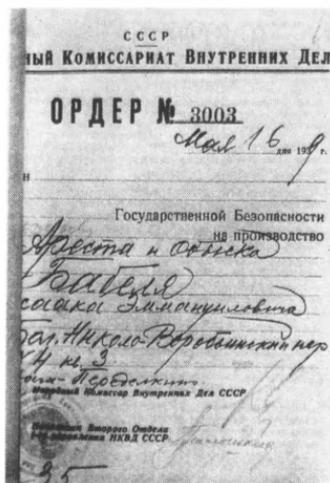

Фото И. Бабеля в тюрьме (1939 г.)

отношении подозрительных. Тема «Конармии» потянула за собой новую группу оппозиционеров, на сей раз — из Красной Армии. Мы уже знаем их имена. Отважные командиры Гражданской войны, немного авантюристы романтического склада, все они любили Бабеля как писателя и человека.

Что связало меня с ними? В первую очередь — восторженное и безоговорочное их преклонение перед моими конармейскими рассказами (говорю это не для бахвальства, а в целях правдивого воссоздания обстановки того времени). Рассказы эти читались ими чуть ли не наизусть и неистово пропагандировались при всяком удобном и неудобном случае. Это не могло не нравиться мне, не могло не сблизить с этими людьми.

Привлекала меня еще сопутствующая им слава героев Гражданской войны, поражавшее при первом взгляде их человеческое своеобразие, безалаберность и шумное товарищество, царившее между ними. Не всех я знал одинаково хорошо. Путню¹⁶⁵ и Примакова, обратившихся ко мне с просьбой выправить их литературные опыты, встречал редко (Примакова в последний раз у Сейфуллиной в 1926 году). Бледными, незапоминающимися фигурами прошли в моей памяти Аркадий Геллер¹⁶⁶ и Кузьмичев. Зюк и Дрейцер¹⁶⁷ работали обычно на периферии и в Москву приезжали в отпуск; сдружился я с Шмидтом и Охотниковым, особенно с последним. Во встречах наших бывали перерывы по году и по два, но дружба продолжалась с Охотниковым до 1932 года, т. е. до отъезда моего за границу, и с Шмидтом до 36 года, до самого его ареста» [Поварцов. С. 64].

Ордер на арест И. Бабаев и справка о его расстреле (1939 г.)

Писатель платил друзьям ответной любовью и восхищением, которые прорываются даже в тюремных условиях, но на допросах он вынужден клеймить свою знаменитую книгу «Конармия».

Вопрос: Вы все-таки не ответили на наш вопрос: сказалось ли влияние троцкистов на вашем литературном творчестве?

Ответ: Бесспорно, сказалось. «Конармия» явилась для меня лишь поводом для выражения волновавших меня чувств и настроений, ничего общего с происходящим в Советском Союзе не имеющих. Отсюда подчеркнутое описание всех жестокостей и несообразностей Гражданской войны, искусственное введение эротического элемента, изображение только крикливых и резких эпизодов и полное забвение роли партии в деле сколачивания из казачества, тогда еще недостаточно проникнутого пролетарским сознанием, регулярной и внушительной единицы Красной Армии, какой являлась в действительности Первая Конная.

Вопрос: А что вам известно о Сейфуллиной?

Ответ: Сейфуллина являлась активным участником троцкистской группы Воронского, была близка не только с ним, но и с троцкистами Примаковым, Зориным¹⁶⁸ и Лашевичем¹⁶⁹, постоянно вращаясь в их среде.

Кроме того, на нее оказывал сильное влияние ее муж, в прошлом активный эсер Валерьян Правдухин¹⁷⁰, приглашавший в дом людей такого же толка, как и он сам. Правдухин арестован органами НКВД во второй половине 1938 года.

В неоднократных беседах со мной Сейфуллина жаловалась на то, что из-за неустойчивости и растерзанности ее мировоззрения писать ей становится все труднее. Внутренний ее разлад с современной действительностью сказался в том, что Сейфуллина в последние годы пьет запоем и совершенно выключилась из литературной жизни и работы. Во всяком случае,

в области литературы Сейфуллина не видела выхода из создавшегося для нее положения [Поварцов. С. 62–64].

Из протокола допроса 15 июня 1939 года:

Вопрос: Какие факты вы использовали и раздували в антисоветских целях?

Ответ: Самоубийство Маяковского мы объясняли как вывод поэта о невозможности работать в советских условиях.

Статьи против формализма Шостаковича¹⁷¹ мы объявили походом на гения, а творческие неудачи Эйзенштейна объяснили происками советских работников в области кинематографии. Знаю, например, что о его неудаче с «Бежин лугом»¹⁷² было широко осведомлено западноевропейское общественное мнение через Лиона Фейхтвангера¹⁷³. В результате, во многих западноевропейских изданиях писали статьи якобы изгнанного Эйзенштейна. Нами делались все попытки к тому, чтобы установить связь с культурным Западом [Поварцов. С. 96–97].

Бабель давно был знаком с Эйзенштейном, возможно, еще по совместному сотрудничеству в «ЛЕФе» у Маяковского. Известно также, что в 1925 году Эйзенштейн собирался снимать «Беню Крика» по рассказам Бабеля, но какие-то обстоятельства помешали совместной работе. Через десять лет они вместе делали «Бежин луг».

Вопрос: Вы снова пытаетесь представить дело таким образом, что все разговоры с писателями ограничивали литературными темами. Так ли это?

Ответ: Будучи под постоянным влиянием троцкистов, я в последующие годы, после того как были репрессированы Воронский, Лашевич, Якир и Радек (с последними двумя я также был близок ряд лет), в разговорах неоднократно высказывал свои сомнения в их виновности и тут же клеветал по поводу происходивших в стране судебных процессов над троцкистами, зинovieвцами и над право-троцкистским блоком.

В этой связи я хочу отметить имевшие место на протяжении 1938 года антисоветские разговоры между мной и кинорежиссером Эйзенштейном, писателями Юрием Олешей и Валентином Катаевым, артистом Михоэлсом¹⁷⁴ и кинорежиссером Александровым¹⁷⁵.

Ведя со всеми перечисленными выше писателями и артистами антисоветские разговоры, я заявлял, что в стране происходит якобы не смена лиц, а смена поколений, клеветнически говорил о том, что арестованы лучшие, наиболее талантливые политические и военные деятели, жаловался на бесперспективность и серость советской литературы, что, мол, является продуктом времени, следствием современной обстановки в стране. Вместе с тем, я говорил, что и сам, вот, зашел в тупик, из которого никак не могу найти себе выхода [Поварцов. С. 97–98].

Следствие закончено, участь Бабеля предрешена, но 10 октября 1939 года на последнем допросе в поведении арестованного писателя происходит неожиданный перелом.

Вопрос: Обвиняемый Бабель, что вы имеете дополнить к ранее данным вами показаниям?

Ответ: Дополнить ранее данные показания я ничем не могу, ибо я все изложил о своей контрреволюционной деятельности и шпионской работе, однако, я прошу следствие учесть, что при даче мной предварительных показаний я, будучи даже в тюрьме, совершил преступление.

Вопрос: Какое преступление?

Ответ: Я оклеветал некоторых лиц и дал ложные показания в части моей террористической деятельности.

Вопрос: Вы решили пойти на провокации следствия?

Ответ: Нет, я такой цели не преследовал, ибо я представляю ничто по отношению к органам НКВД. Я солгал вследствие своего малодушия... [Поварцов. С. 167].

И далее Бабель отказывается от ранее данных показаний на своих знакомых, упоминая каждого конкретно. В ноябре, 5-го и 21-го, он обращается в Прокуратуру СССР с заявлениями:

В показаниях моих содержатся неправильные и вымышленные утверждения, приписывающие антисоветскую деятельность лицам, честно и самоотверженно работающим для блага СССР. Мысль о том, что слова мои не только не помогают следствию, но могут принести моей родине прямой вред, — доставляет мне невыносимые страдания. Я считаю первым своим делом снять со своей совести ужасное это пятно [Поварцов. С. 170].

2 января 1940 года еще одно обращение в Прокуратуру СССР:

Во внутренней тюрьме НКВД мною были написаны в Прокуратуру Союза два заявления — 5 ноября и 21 ноября 1939 года — о том, что в показаниях моих оговорены невинные люди. Судьба этих заявлений мне неизвестна. Мысль о том, что показания мои не только не служат делу выяснения истины, но вводят следствие в заблуждение, мучает меня неустанно... Все это ложь, ни на чем не основанная. Людей этих я знал как честных и преданных советских граждан. Оговор вызван малодушным поведением моим на следствии [Поварцов. С. 171–172].

Но следствие уже закончено, и никто не собирается пересматривать накопленные в деле № 419 материалы, ждут решения Самого.

Похоже, Сталин чего-то ждал. Чего? Он уже отказался от мысли провести открытый «молодежный процесс» (Косарева¹⁷⁶ расстреляли в феврале 1939-го), колебался и с проведением процесса над деятелями культуры (Эренбург, Олеша и Пастернак не были арестованы). Сталин взвешивал все «за» и «против». Его раздумья, — а он явно медлил с принятием окончательного решения, — отразились на действиях лубянских костоломов. В конце 1939 года Бабелю и Мейерхольду позволили обращаться в Прокуратуру СССР и отказаться от первоначальных показаний. Возможно, то же самое сделал и Кольцов. Как бы то ни было, все трое были еще живы в начале 1940 года.

Наконец, час пробил — Сталин принял решение, неотвратимо приближалась развязка. Суд состоялся 26 января 1940 года. В этот день, кроме Бабеля, судили еще 16 человек. Палачи действовали по отлаженному графику: 20 минут на человека.

Военная коллегия Верховного Суда СССР в составе председательствующего — армвоенюриста Ульриха В. В., членов: бригадвоенюристов Кандыбина Д. Я. и Дмитриева Л. Д., секретаря — военного юриста 2-го ранга Козлова И. В.

...приговорила Бабеля Исаака Эммануиловича подвергнуть высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный и на основании постановления ЦИК СССР от 01.12.34 г. в исполнение немедленно.

Там же, в деле, — акт о приведении приговора в исполнение 27 января 1940 года в 01 ч. 30 мин [Поварцов. С. 171, 174—178].

Дело № 537. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

20 июня 1939 года органами НКВД был арестован великий мастер театрального искусства Всеволод Эмильевич Мейерхольд. В заведенном на него деле № 537 находится предъявленное обвинение:

Я, капитан государственной безопасности Голованов, нашел: имеющиеся агентурным и следственным материалом Мейерхольд В. Э. изображается как троцкист и подозрителен по шпионажу в пользу японской разведки.

Установлено, что в течение ряда лет Мейерхольд состоял в близких связях с руководителями контрреволюционных организаций — Бухариным и Рыковым.

Арестованный японский шпион Иошида Иошимасу¹⁷⁷ еще в Токио получил директиву связаться в Москве с Мейерхольдом. Установлена также связь Мейерхольда с британским подданным по фамилии Грей¹⁷⁸, высланным в 1935 году из Советского Союза за шпионаж¹⁷⁹.

Мейерхольда поместили во Внутреннюю тюрьму на Лубянке. Через несколько дней начались допросы. Они шли днем и ночью. Уже через неделю следователи добились весьма ошутимых результатов: Мейерхольда вынудили написать собственноручное заявление самому Берии.

Признаю себя виновным в том, что, во-первых: в годах 1923—1925 состоял в антисоветской троцкистской организации, куда был завербован неким Рафаилом¹⁸⁰. Сверхвредительство в этой организации с совершенной очевидностью было в руках Троцкого. Результатом этой преступной связи была моя вредительская работа на театре.

Во-вторых. В годы приблизительно 1932—1935 состоял в антисоветской правотроцкистской организацией, куда был завербован Милютиной¹⁸¹.

В этой организации состояли Милютин¹⁸², Радек, Бухарин, Рыков и его жена.

В-третьих. Был привлечен в шпионскую работу неким Фредом Греем (английским подданным), с которым я знаком с 1913 года. Он уговаривал меня через свою жену, которая была моей ученицей, бросить СССР и переехать либо в Лондон, либо в Париж... Я являюсь еще и агентом японской разведки. А завербовал меня Секи Сано¹⁸³, который работал в моем театре в качестве стажера с 1933 по 1937 год¹⁸⁴.

В принципе следствие можно было заканчивать и дело закрывать, так как Всеволод Эмильевич признался практически во всем, что вменялось ему в вину. И все же следствие решило выяснить детали, касающиеся вредительской деятельности Мейерхольда в области искусства.

— Стало быть, троцкисты поддерживали вас материально за то, что вы проводили по их установкам вражескую работу?

— Я старался подорвать основы академических театров. Особенно сильный удар я направлял в сторону Большого театра и МХАТа, и это несмотря на то, что они были взяты под защиту самим Лениным... После 1930 года моя антисоветская работа еще более активизировалась, так как я возглавил организацию под названием «Левый фронт», охватывающую театр, кино, музыку, литературу и живопись. Мое антисоветское влияние распространялось не только на таких моих учеников, но и на ряд представителей других искусств.

— Кто эти лица? Назовите их! — потребовал следователь¹⁸⁵.

И Мейерхольд назвал. Понимал ли он, что делает? Отдавал ли себе отчет в том, что по каждому названному тут же начнется оперативная разработка, что каждый из его друзей может оказаться в соседней камере? Он рассказывал, что его влияние распространялось на Сергея Эйзенштейна, озлобленно настроенного против советской власти; про своего ученика Эраста Гарина¹⁸⁶ который, якобы израсходовав большие средства, сработал фильм «Женитьба» по Гоголю; про режиссера Киевской киностудии Роома¹⁸⁷, который поставил фильм по сценарию Юрия Олеши «Строгий юноша», в котором было оклеветано советское юношество.

Путаясь и сбиваясь, возвращаясь от одних событий к другим, Всеволод Эмильевич причисляет к антисоветски настроенным людям композиторов — Шостаковича, Шебалина, Попова, Книппера, прозаиков и поэтов — Сейфуллину, Кирсанова, Брика, Иванова, Федина, а также многих актеров, художников и режиссеров...

Пока из Мейерхольда тянули жилы на допросах, кто-то решил заняться его женой: 15 июля 1939 года Зинаида Райх была зверски убита, причем прямо в своей квартире. Версий о виновнике этого преступления много — от любовника до сотрудников НКВД, от театральных знакомых до простых грабителей, но ни одна из них не считается доказанной.

До сих пор я безоговорочно подписывал все протоколы допросов, делая это против своей совести. Теперь я от этих вынужденно ложных показаний отказываюсь, так как они явились следствием того, что ко мне, 65-летнему старику, применялись такие меры физического и морального воздействия, каких я не мог выдержать, и стал наводнять свои ответы чудовишными вымыслами...

Прошу вызвать меня к себе. Я дам развернутые объяснения и назову имена следователей, вынуждавших меня к вымыслам¹⁸⁸.

Прокурор, как и следовало ожидать, выслушивать «развернутые объяснения» не пожелал. Тогда Мейерхольд обратился к Берии. Реакция та же...

Промолчал и тот человек, которого иногда называют гуманистом и правдолюбом, — глава правительства той поры Вячеслав Михайлович Молотов. А ведь письмо, которое отправил ему Мейерхольд, могло стать началом серьезного расследования методов работы НКВД.

Письмо довольно длинное, из-за тюремных ограничений в бумаге написано в два приема, поэтому приведем здесь лишь некоторые, в самом прямом смысле кричащие строки:

Лежа на полу, лицом вниз, я извивался, корчился и визжал, как собака, которую плетью бьет хозяин. И так — каждый день. Через неделю я понял, что единственным избавлением от этих страданий может быть смерть. Чтобы ее приблизить, я пустил в ход самооговоры...

Как же меня здесь били — меня, больного, 65-летнего старика! Меня клали на пол лицом вниз и резиновым жгутом били по пяткам и по спине. Когда я сидел на стуле, той же резиной били по ногам — от колен до верхних частей ног. В последующие дни, когда эти места были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, били по этим красно-синим кровоподтекам — и боль была такая жуткая, что, казалось, на меня лили кипяток¹⁸⁹.

И этот крик о помощи не был услышан.

1 февраля 1940 года состоялось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда Союза ССР. И хотя Всеволод Эмильевич виновным себя не признал, свои показания не подтвердил и заявил, что во время следствия его избивали, суд приговорил Мейерхольда к высшей мере наказания — расстрелу. На следующий день приговор был приведен в исполнение.

А через три дня — 4 февраля 1940 года — в Сухановской тюрьме был расстрелян Николай Иванович Ежов — одно из главных действующих лиц в народной трагедии под названием «Большой террор», поставленной «усатым режиссером Сталиным».

***

Прочитывая трагические страницы жизни М. Кольцова, И. Бабея и В. Мейерхольда, я не могу избавиться от мысли, что такой же рок мог

постичь и их соратника — Владимира Маяковского, если бы не упреждающий выстрел на Лубянке 14 апреля 1930 года. Судьба Маяковского (так же как и судьбы названных) была предрешена его яркой, незаурядной личностью и тем положением, которое он занимал в литературе.

Но... в таком случае в 1935 году Сталин не назвал бы его (еще живого и непредсказуемого!) «лучшим и талантливейшим», и у Бриков судьбы сложились бы совсем по-другому.

Однако история не терпит сослагательного наклонения: Маяковский ушел из жизни в 1930 году, заслужив в 1935-м почетное звание «лучшего и талантливейшего», а его коллеги по цеху — в 1940-м как «враги народа».

А Брики? Что ж, Брики по-прежнему «непотопляемы», и их вполне обустроенная и обеспеченная жизнь продолжается.

1940 ГОД

Список пожеланий О. М. ко дню рождения

Наступил новый, 1940-й, год, когда должно было отмечаться 10-летие со дня смерти В. Маяковского.

Жизнь постепенно налаживалась, и накануне своего дня рождения О. М. написал и распространил среди близких традиционный вуншцеттель, который теперь, в связи с развертыванием мировой германской агрессии, был назван автором по-русски: «список пожеланий».

Список пожеланий к 16.1.1940 г.¹

Желал бы:

1. Переплести несколько книг
  2. Окантовать несколько картинок
  3. Пришить пуговицы ко всем кальсонам и верхним рубашкам
  4. Починить пиджамы
  5. Достать подушки на тахту
  6. Провести электричество к тахте
  7. Починить ночные туфли.
  8. Иметь чернила для самопиш. ручки
  9. Оборудовать на ночной столик лампу с выключ.
  10. Иметь немножко «карманных» денег
- О. М. Брик (рис. — Кэс)
10.1.40 г.

Рядом с пунктами пожеланий отметки-крестики об их выполнении. Отмечены все пункты, кроме первого, и правильно: настоящий книголюб сам должен беспокоиться о своих сокровищах (не кальсоны все-таки).

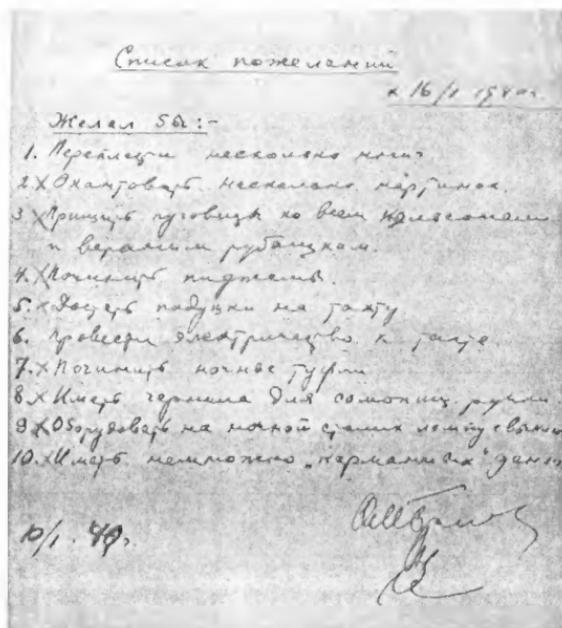
Документальный фильм о Маяковском

Накануне юбилея Главкинопрокат выпустил на экраны кинотеатров новый документальный фильм «Владимир Маяковский». В ряде газет появились отзывы о фильме. Вот один из них, в «Гудке» за 12 апреля:

«Владимир Маяковский»

Документальный фильм о великом поэте

Вчера в Комитете по делам кинематографии при Совнаркомом СССР состоялся просмотр документального фильма «Владимир Маяковский»,

Список пожеланий (вуншцетель) О. М. Брика от 16 января 1940 г.

выпущенного Центральной студией кинохроники. Фильм создан бригадой киноработников под руководством режиссера С. Бубрик² по сценарию О. Брик и Л. Эльберт. Живой Маяковский был запечатлен всего лишь в нескольких небольших кусках киноленты. Поэтому фильм построен, главным образом, на кадрах, которые дают зрителю представление о большом жизненном пути, пройденном Маяковским.

В фильме показаны село Багдади — родина поэта, где он родился, здание бывшей Кутаисской гимназии, где учился Маяковский, показаны архивные документы царской охранки о преследовании юноши за его революционную деятельность.

Фильм знакомит с плакатами Маяковского, которые звали на борьбу за Советы в годы гражданской войны, а затем — к победам на трудовом фронте.

Кинолента показывает библиотеку-музей в московской квартире поэта.

Большой интерес представляют кадры, знакомящие с кропотливой, тщательной работой Маяковского над стихом.

Кинокадры сопровождаются дикторским текстом. С экрана звучат бессмертные стихи Маяковского в исполнении Владимира Яхонтова³.

Фильм «Владимир Маяковский» выйдет на экран к 10-летию со дня смерти великого поэта.

Рецензия вполне приличная: «без сучка и задоринки», можно представить, какой интересный фильм снят «по сценарию О. Брик и Л. Эльберт». Я специально разыскал в архиве этот сценарий и даже поместил его в разделе приложений к настоящему тому.

О. М. Брик на отдыхе

Сегодня он представляется слабым, просто беспомощным. По нему не мог быть снят приличный фильм. Ясно, что делался он на потребу дня и не оставил заметного следа ни в истории советской кинематографии, ни в памяти зрителей.

«ПОЧЕМУ МАЯКОВСКИЙ НЕ ПОШЕЛ В КРАСНУЮ АРМИЮ?»

В преддверии юбилея Лиля Юрьевна, Василий Абгарович и Осип Максимович «семейно» подготовили статьи, посвященные поэту-юбиляру, и отправили их в редакцию журнала «Знамя».

Л. Ю. подготовила интересные воспоминания «Маяковский и чужие стихи», В. А. — фрагмент из готовящегося к печати в издательстве «Художественная литература» авторского сборника «Рассказы о Маяковском», а О. М. — статью «Тема войны у Маяковского».

И вот на их квартиру на Арбате приходит из редакции «Знамени» толстый пакет, в котором находятся авторские экземпляры мартовского номера журнала с публикацией работ Л. Ю. и В. А.⁴, а Осипу Максимиовичу — отказное письмо от главного редактора журнала — Всеволода Витальевича Вишневого⁵:

Товарищу О. М. Брику

11 апреля 1940 года

Привет!

Прочел Вашу статью «Тема войны у Маяковского».

Статья эта, как мне кажется, взятую тему применительно к центральному оборонному журналу не решила. О русско-японской войне упомянуто в трех малых абзацах. Мировая война и гр[ажданская] война раскрыта шире, но не в той степени, как хотелось бы. Несомненно, читатели, в особенности массовый читатель в армии и флоте, хотят знать все связанное с биографией Маяковского и теми войнами, свидетелем которых он был. Тщательный исследователь поискал бы и фактов, связанных с предвоенным циклом (триполитанские, балканские события⁶). Все это, я думаю, легло по-разному в фундамент творчества Маяковского. Лично я, например, как читатель и как писатель, хотел бы знать отношение Маяковского к ряду крупных военных событий мировой и гр[ажданской] войн. Как относился Маяковский к поражениям нашей армии, как читал газеты, какие? Чем из военной литературы интересовался? С кем из военных и когда встречался? Откуда черпал знания войны?

Подробнее всего хотелось бы знать о жизни Маяковского в период гражданской войны. У всех авторов дело суживается в передаче редких биограф[ических] и творческих черт Маяковского за период гр[ажданской] войны (РОСТА и т. п.). Тут надо развернуть все черты жизни и труда поэта... Встречи с бойцами, отношение к острейшим событиям (сколько было в 18 году острых дел в самой Москве!), — людям, слухам... (Интересно: почему Маяковский не пошел в Красную Армию?)

Вы один из немногих авторов, который может решить эту задачу: показать Маяковского и нашу военную эпоху. Вы были близко, Вы знаете то, чего не знают многие «биографы» и биографы.

Я прошу Вас сделать эту работу. Объем ее — по Вашему усмотрению. Необходимые библиографические источники, если надо, устроим для Вас. Как была бы интересна такая работа! А то читаешь сейчас десятки рукописей «биографических» исследований — все это где-то вне кровавой, стремительной и именно военной нашей эпохи.

Вс. Вишневский

Кто же такой этот «Вс. Вишневский», что отверг статью Осипа Брика, одного из авторитетнейших маяковедов? Что сам он знает о Маяковском?

Всеволод Вишневский родился в 1900 году в Санкт-Петербурге в семье землемера. В 17 лет примкнул к большевикам и принимал участие в восстании 1917 года в Петрограде. Во время Гражданской войны служил в Первой конной армии и был политработником и командиром на флоте. В 1921 году Вишневский занимался постановкой в Новороссийске одного из распространенных тогда массовых театрализованных действий под открытым небом; восемь часов длилось это представление о Кронштадтском восстании.

Вишневский оставался политическим агитатором и как литературный функционер (поначалу в рамках РАПП), и как писатель. Он принадлежал к числу активных противников М. Булгакова («Дни Турбиных») и Н. Эрдмана («Самоубийца»), однако поддерживал деньгами находившегося

в ссылке О. Мандельштама. В середине 1920-х Вишневский издал книгой свои очерки о Гражданской войне, в 1929 году написал пьесу «Первая Конная», обратившись к форме эпико-драматического действия.

В 1934—1948 годах Вишневский — главный редактор журнала «Знамя», начавшего выходить с 1931 года, первые два года под названием «ЛОКАФ», как орган одноименного литературного объединения Красной Армии и Флота. Интерес к военной тематике в журнале сохранился и потом, когда им руководил Вишневский.

К Маяковскому у Вишневского было особое отношение.

О своей первой встрече с поэтом он говорил в своем выступлении 31 марта 1936 г. на общемосковском собрании писателей, посвященном дискуссии о формализме:

Я не забуду одного интересного митинга в Зимнем дворце. Огромный зал, холод, выходит большой человек — Владимир Маяковский — и говорит зычно, хорошо, молодо. Его выступления двигали нас вперед. Мы тогда недостаточно хорошо разбирались в его стихах. Разобраться пришлось позже. Но у Маяковского была внутренняя линия, которая была нам понятна, — это был наш товарищ. Мы его принимали⁷.

На смерть поэта Вишневский откликнулся очерком «Маяковский и кино»⁸. Позже он еще несколько раз, в юбилейные дни Маяковского, обращался к этой теме, а также упоминал Маяковского и в ряде других, не связанных непосредственно с его творчеством, статей⁹.

Сохранилось письмо Вишневского ленинградскому поэту Всеволоду Азарову¹⁰ от 23 октября 1948 года: «Письмо другу ленинградцу», с подзаголовком «Морская тема у Маяковского» — очевидно, Вишневский собирался переработать это письмо в статью:

Пришло в голову: почему об океанской, морской теме у Маяковского никто ни разу (ни из критиков, ни из поэтов) и не заикнулся? Почему?

Так вот я решил исследовать морскую тему в творчестве поэта Революции...

...Его «Атлантический океан» и прочие стихи-документы — замечательный поиск. Маяковский захотел увидеть «скулы океана», свой поэтический мир, свои образы в реальном виде. Ход к реализму последовательный и замечательный.

Кто из критиков объяснил это, кто задумался над этим? Кого-то интересует квартира поэта! Не в квартире жил Маяковский, а на просторах мира...

...Перед смертью Маяковский еще раз обратился к людям — «Во весь голос». Призванный боевой солдат, ушедший из барских садоводств поэзии, он потребовал уважения к своему труду, к стихам — к своему старому, но грозному оружию.

Я заканчиваю... Последнее, что видел поэт: тишь, звездное небо, ощущение веков, истории, мироздания... Океанические темы, образы.

Я буду рад, если это письмо внесет кое-что новое в изучение творчества Маяковского¹¹.

Всеволод Вишневский с большим уважением относился к Осипу Брику. Об этом, в частности, свидетельствует подчеркнуто уважительное обращение в начале письма «Товарищу О. М. Брику». Не просто по имени, фамилии или сокращенно: «т.», «тов.», а полностью: «Товарищу», что по тогдашнему партийному этикету означало высшую степень уважения (так, например, положено было обращаться к «Товарищу Сталину»).

В статье «Мысли об искусстве» (1932) Вишневский писал:

Богатейший фактический материал, который приносит нам пользу (при критическом подходе), некоторых литературных работников — Эйхенбаума¹², Шкловского¹³, Брика и др. — мы умеем лишь третировать. А они, в сущности, «старое наследство», и его нужно уметь брать¹⁴.

Причиной отказа в публикации статьи О. М. «Тема войны у Маяковского» стало искреннее желание редактора доработать материал, придать ему политическую направленность, прояснить какие-то, до сих пор не освещенные маяковедами, места личной и творческой биографии Маяковского, например: «Почему Маяковский не пошел в Красную Армию?».

С такой же мерой требовательности к «идеологически правильному» освещению биографии «лучшего и талантливейшего поэта советской эпохи» он обращается и к своему хорошему знакомому, В. Б. Шкловскому:

В. Шкловскому

29 марта 1940 года, вечер

Книгу твою о Маяковском прочел¹⁵. Она настоящая, грустная, местами бесконечно грустная, вся насквозь субъективная, местами обозленная, мстительная... Я понимаю, что могут взвыть от этой книги многие, — и упомянутые и не упомянутые.

В сущности, эта книга не «О Маяковском», а о Маяковском, Шкловском, прошедшей молодости, группах и т. д. Это книга для ровесников, сверстников, книга, полная восклицаний: «А помнишь? А помните?...» Она и по форме как ночной разговор, как диалог — скачками, беспорядочно...

Книга дает ощущение, представление о некоей доле, частице литературной жизни... На рынке ее, конечно, обгонят более слаженные, пригнанные, оснащенные книги библиографов, мемуаристов-реалистов и пр. и пр.

...Я задумываюсь...

Как-то на Балтике, после ночного боя, я залпом прочел твой последний «Дневник»¹⁶ — с его настойчивой попыткой объяснить себе последние, «переворотные» годы, процесс государственного, исторического становления и пр. Вспомнил наш краткий разговор не то в 1934, не то в 1935 году... В «Дневнике» ты дал ответы на многие вопросы... В книге о Маяковском ты опять ушел куда-то очень далеко назад. Книга стала кни-

гой о потерянном, невозвратном... Общий тонус ее невыразимо печальный... Минутами сплошной парад мертвых (ты проверки ради пройдишь карандашом по спискам имен). Эпоха окрашивается в тона мертвенные, серые, ночные... При описании даже молодых, озорных лет ты грустен, не слышно смеха ни в юных кружках, ни в ЛЕФе, ни у Серапионов. Ты бредишь сквозь закупоренный наглухо литературный мир, мучительный и пугающий; лицо и душа искажены болью и ужасом; временами ты сжимаешь кулаки и продолжаешь споры тридцатилетней давности. Может быть, это постоянство и упорство — вещи положительные, но мне почему-то кажется, что ты обедняешь себя, книгу, Маяковского, нашу молодость, наше время.

Ты твердишь о ветре, но в книге у тебя как-то тихо, в ней штиль печальных воспоминаний... Все в перфектуме и плюсквамперфектуме... Мало солнца, мало или вовсе нет оптимизма, который ты вместе со всеми довольно долго искал и ищешь. Мало пространства, динамизма.

Поверь, что народ видит и знает Маяковского не в комнатах, «лодке»¹⁷, не в дыму буржук, не в атмосфере ночных винных и пивных паров, не в пустом зале выставки 1930 года¹⁸, — а на огромных пространствах мира, в битвах (хотя Маяковский не был никогда на фронте), в спорах с Саваофом¹⁹, Вильсоном²⁰, Антантой²¹, в неистовых признаниях, в громе ругани... И это нельзя опровергнуть. Таким сделал себя, свой исторический облик, поэт... Ты и другие пишущие, вольно или невольно, уменьшаете масштабы, вносите бесконечно много личного и — прими это признание — бытового, как это ни странно в отношении твоей манеры. Да и трагизм жизни Маяковского огромнее, страшнее и вместе с тем радостнее, чем шелест минорных воспоминаний, местами набегающих, как волна у дюн Нордернея²², — что автор книги, думаю, и имел в виду временами.

А в общем, Виктор, спор продолжается... Мы все этим заняты, мы полны этим, мы чрезвычайно наполнены борьбой, и сил у нас, если подумать, дьявольски много... Странно, но думаю, что ты в каком-то ином повороте духа, настроений мог бы написать эту книгу по-другому, наново.

Вс. Вишневский²³

Осип Максимович внимательно прочитал полученное им отказное письмо и только пожал плечами. Переделывать свою статью по указаниям «братишки», ставшего редактором крупного журнала, он, конечно, не будет.

Не подходит статья в таком виде — ну и не надо...

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ В ТРАУРНЫЙ ДЕНЬ

К юбилейной дате Брики получили письмо от Льва Кассиля:

13 апреля 1940 г.²⁴

Дорогая Лиля Юрьевна и Осип Максимович!

Завтра будет 10 лет с тех пор, как это стряслось... И мне просто очень хочется вас обнять и сказать вам что-то, а что именно — сам толком не знаю.

Все это время, т. е. последние месяцы я провел с Маяковским, делая книгу о нем для молодежи. И как-то заново, с новым восторгом я открыл его. Прямо, черт знает, какой поэт громадный!... И вспомнил каждый день, каждый час, проведенный в Гендриковом. Самое лучшее, что у меня было в жизни — это вот то время: с Маяковским, с Вами. Очень вам спасибо, что вы меня тогда подобрали и пустили в Гендриков — на всю жизнь.

Все это, конечно, можно было бы сказать по телефону или лично, но я, из-за сохранившейся ученической робости в отношении к Вам безнадежно глупею при встречах с Вами и вякаю невразумительно. Не сердитесь и не смейтесь.

Я вас очень люблю...

И мне сегодня очень как-то грустно.

Лев Кассиль

Привет от всего нашего укрупненного семейства.

14 апреля 1940 года

И вот наступил этот знаменательный день — 14 апреля, 10-я годовщина со дня смерти Маяковского, «лучшего и талантливейшего поэта страны».

Утренние газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переименовании села Багдади Грузинской ССР в село Маяковски, и Багдадского района — в Маяковский»: «Удовлетворить просьбу колхозников и трудящихся Багдадского района Грузинской ССР и в связи с исполняющейся десятой годовщиной со дня смерти В. В. Маяковского переименовать село Багдади — родину Маяковского — в село Маяковски и Багдадский район — в Маяковский район. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин. Москва, Кремль. 13 апреля 1940 г.»²⁵.

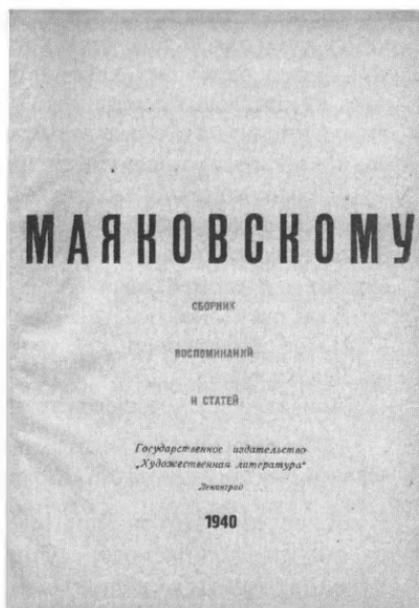
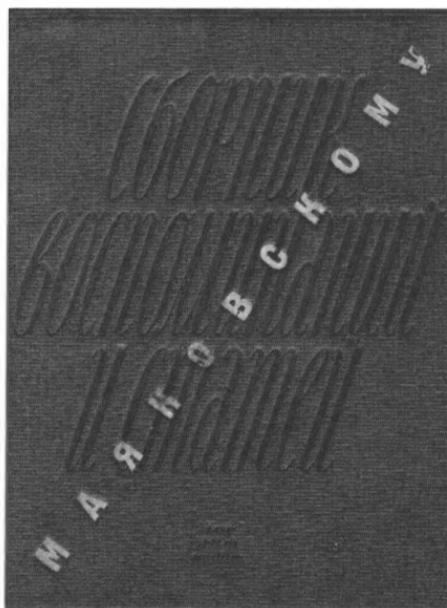
В доме, где родился поэт и прошли его детские годы, решено было устроить музей, на школе в Кутаиси, где он начинал учебу в гимназии, — установить мемориальную доску.

Имя Маяковского было присвоено нескольким предприятиям, колхозам, библиотекам, школам по всей стране.

В два часа дня в Москве на площади, носившей имя Маяковского²⁶, состоялась торжественная закладка памятника вдохновенному поэту революции.

На трибуне заместитель председателя Совнаркома СССР А. Я. Вышинский²⁷, председатель Комитета по делам искусств М. Б. Храпченко²⁸, председатель исполкома Московского городского Совета В. П. Пронин²⁹, секретарь МГК ВКП(б) И. А. Гракин³⁰, ответственный секретарь Президиума Союза советских писателей А. Фадеев, родные и друзья поэта.

Председатель исполкома Моссовета тов. Пронин перерезал ленту и сдернул темный бархат, скрывающий постамент. На граните постамента выгравировано: «По постановлению Центрального Комитета ВКП(б)

Обложка и титульный лист книги «Маяковскому. Сборник воспоминаний и статей» (Л.: ГИХЛ, 1940 г.)

и Совнаркома Союза ССР здесь будет сооружен памятник поэту В. В. Маяковскому. Заложен 14-го апреля 1940 года».

Минута молчания. Гремит «Интернационал»³¹.

Вечером в Большом театре Союза ССР состоялось торжественно-траурное собрание, посвященное памяти В. В. Маяковского.

Пресса со свойственным ей пафосом отчитывалась о том, что здесь собрались лучшие представители общественности столицы: советские писатели, артисты, ученые, стахановцы московских заводов и фабрик, бойцы, командиры и политработники Красной Армии, партийные и советские работники.

За столом президиума сидели секретарь МК и МК ВКП(б) Щербаков³², заместитель председателя СНК СССР Вышинский, академик Ярославский³³, писатели Фадеев, Асеев, Вишневский, Кирсанов, представители писателей братских республик Бажан³⁴ (Украина), Абашидзе³⁵ (Грузия) и др.

Председательствующий — Николай Асеев — от имени Правления Союза советских писателей и Комитета по увековечиванию памяти В. В. Маяковского объявил торжественно-траурное собрание Союза советских писателей совместно с партийными, советскими и общественными организациями Москвы, посвященное 10-летию со дня смерти поэта, открытым. Слово предоставили писателю Александру Фадееву:

О. Брик

ИМО-ИСКУССТВО МОЛОДЫХ

„Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня не было. Моя революция!“

Так сформулировал Маяковский в автобиографии свое отношение к Великой Октябрьской социалистической революции.

Маяковский был убежденным большевиком, и естественно поэтому, что на общем собрании деятелей искусства он по вопросу о признании советской власти высказался коротко и ясно: „Нужно приветствовать новую власть и войти с ней в контакт“.

Политически все было ясно, но вступить в конкретный деловой контакт с органами советской власти Маяковскому удалось не сразу.

ЕВ

Начало статьи О. Брика в книге «Маяковскому. Сборник воспоминаний и статей» (Л.: ГИХЛ, 1940 г.)

Десять лет прошло со дня смерти Владимира Маяковского. За это время большие события произошли на свете.

За это время в стране нашей построен социализм, мы вступили на путь постепенного перехода к коммунизму. Многие из того, что когда-то писали мы, советские литераторы, успело за эти бурные и славные годы устареть.

Но пламенная сила стихов Маяковского не меркнет, а все расцветает.

Мы, современники его, знаем многие из его стихов наизусть, можем вспомнить, как и где он читал их впервые, восстановить в памяти его походку великана и его громовый голос. Но, вероятно, мы еще не полностью сознаем все историческое значение его поэтического труда.

Поэзия его все шире, глубже входит в жизнь, в сознание масс. Трудно, например, представить себе любой революционный праздник без стихов

Маяковского. Политические деятели, партийные и советские работники, наши газеты все чаще обращаются к стихам Маяковского, когда хотят восславить победы социализма, или показать лицо наших врагов, или обнажить наши недостатки.

Поэзия Маяковского питает тысячи и тысячи клубов, эстрад, вузовских аудиторий. Томы его стихов стали настольными книгами многих и многих представителей советской интеллигенции. Его изучают в школах. Детские стихи его — любимые стихи советских детей.

Маяковский переведен — полностью или частично — на языки всех народов СССР. Отдельные произведения его переведены более чем на двадцать пять иностранных языков в Европе, Америке, Азии.

Поэзия Маяковского оказала и оказывает могучее влияние на развитие всей советской поэзии. Его влияние можно обнаружить и в творчестве ряда революционных писателей за рубежом.

Именно социализм сделал поэзию Маяковского новой поэзией, поэзией нового общества, новых масс, новаторской поэзией в подлинном и настоящем смысле этого слова.

Некоторые из исследователей творчества Маяковского полагают, что он, как поэт, родился готовым коммунистическим новатором.

Но это неправильно. В юношеские дореволюционные годы Маяковский по-своему переболел «детской болезнью», особенно свойственной его поколению, — болезнью индивидуализма. На его раннем творчестве отразились также неправильные теории того своеобразного литературного течения, течения футуристов, с которым он был связан. Футуристы выступали против того ушербного «психоложского», зализанного искусства, которое принято было в буржуазно-интеллигентских салонах после поражения революции 1905 года. Но их собственные теории были теориями формалистическими, то есть по существу своему тоже буржуазными: слову, ритму придавалось самодавляющее значение, форма отрывалась от содержания, обесмысливалась.

Мощь таланта Маяковского сказалась в том, что его поэзия очень скоро сломала узкие рамки этого течения. И лучших из футуристов он повел за собой.

Совершенно не случайно, что первым, кто почувствовал новый гуманизм Маяковского и его огромный талант, был великий Горький, все творчество которого — знамя нового, социалистического гуманизма.

Никому из так называемых оппозиционеров, обнаруженных впоследствии как злейшие враги народа не удалось поймать Маяковского на удочку. Все его творчество бичевало и корчевало то, что порождало их. За это они ненавидели его звериной ненавистью. Они браковали, резали его книги, тормозили их издание, они подтравливали его со страниц печати, стараясь внушить ему мысль, что он не признан, не понят, старались изолировать его в литературной среде. Теперь уже доказано, что обстановка, созданная ими, сыграла едва ли не решающую роль в его смерти.

Враги народа прежде всего не могли простить Маяковскому его беспредельной преданности делу Ленина-Сталина. Маяковский не раз говорил,

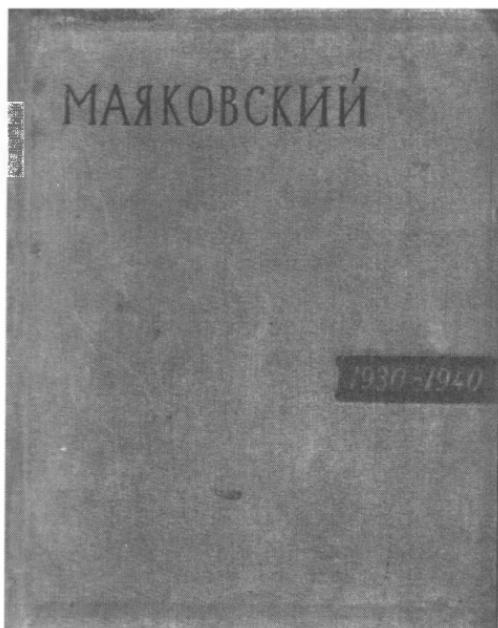
Обложка доклада А. Фадеева на торжественно-траурном собрании Правления Союза советских писателей СССР совместно с партийными, советскими и общественными организациями г. Москвы в Большом театре 14 апреля 1940 года в 10-ю годовщину гибели В. Маяковского (М.: Гослитиздат, 1940 г.)

что хотя он и не член партии, но постановления партии и правительства считает для себя обязательными.

Во многих стихах Маяковского можно видеть непосредственное отражение сегодняшних выступлений и лозунгов Ленина, а впоследствии — выступлений и лозунгов Сталина.

Главная особенность поэзии Маяковского — полное слияние в ней общественного и личного. Он лично, кровно, жадно, с любовью или ненавистью, с пафосом или иронией, с юмором или сарказмом относился ко всему — людям, вещам, событиям. В творчестве его огромное место занимала тема любви. Но она всегда, как у всех великих поэтов мира, перерастала в тему всечеловеческую, или, во всяком случае, была связана с большими общественными проблемами жизни и быта. Этот громадный человек, которого все помнят, как яростного бойца, был довольно застенчив и легко раним душою. В его громозвучной поэзии можно найти такие нежные эмоции и слова, что они, несмотря на все своеобразие Маяковского, тесно связывают его с русской поэтической классикой. Но эта нежность только иногда чуть-чуть прорежется в стихе Маяковского и тут же прячется за иронию или вздымается до пафоса.

Построить коммунизм было мечтой, страстью и делом Маяковского. Коммунизм для Маяковского — это безграничное господство техники над природой, это — конец собственничеству, индивидуализму, мешанству, это — очищенные, прозрачные и разумные отношения между людьми.

Обложка сборника «Маяковский. 1930—1940» (Л.: Советский писатель, 1940 г.)

Всю свою поэтическую силу он отдал делу борьбы за коммунизм. И он заслужил ту высокую и благородную оценку, которую дал ему великий Сталин: лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи.

Стихи Маяковского являются действенной силой в нашей повседневной работе по строительству коммунизма. И именно поэтому они являются гигантского значения шагом вперед в художественном развитии человечества.

Вместе с поэтом мы восклицаем:

Шагай, страна,
 быстрее, моя,
 коммуна —
 у ворот!
 Впе-
 ред,
           вре-
                   мя!
 Вре-
       мя,
                   вперед!³⁶

На трибуне сменяют друг друга представители союзов писателей братских республик. На украинском, армянском, грузинском, азербайджанском языках звучат стихи Маяковского. «Стихи о советском паспорте» читает С. Кирсанов.

Титульный лист сборника «Маяковский. 1930–1940» (Л.: Советский писатель, 1940 г.)

Под бурные, долго не смолкающие овации принимается предложение послать приветствие тов. Сталину и тов. Молотову.

После окончания торжественной части вечера в Большом театре состоялся концерт, посвященный памяти Маяковского. Главу из своей повести в стихах «Маяковский начинается» прочел Н. Асеев. В концерте приняли участие мастера художественного чтения, Государственный хор имени Пятницкого³⁷, Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски Союза ССР, Государственный симфонический оркестр СССР и ансамбли детской художественной самодеятельности.

В газете «Правда» от 15 апреля 1940 года на первой странице, где помещены материалы «Памяти Владимира Маяковского», крупное фото с подписью «*На торжественно-траурном собрании, посвященном памяти В. В. Маяковского, в Большом театре СССР 14 апреля 1940 г. Сидят в первом ряду (справа налево): сестра поэта Ольга Владимировна³⁸ и его мать Александра Алексеевна. Фото Н. Петрова.*»

Этим торжественным вечером в Большом театре только начался цикл литературных вечеров, устроенных Союзом советских писателей в ознаменование 10-летия со дня смерти В. В. Маяковского.

На следующий день — 15 апреля — состоялся вечер в Политехническом музее. Доклад на тему «Поэтика Маяковского» сделал Н. Асеев. С воспоминаниями о великом поэте выступил Л. Кассиль. В заключение был показан новый документальный фильм «Владимир Маяковский»³⁹.

Впоследствии Л. Ю. с возмущением говорила, что ей и Осипу Максимовичу, так много значившим в биографии Маяковского и так много сделавшим для организации его юбилея на должном уровне, «*Фадеев прислал пригласительные билеты на непрестижные места в разных частях зрительного зала*».

Кто-то из друзей Маяковского не смог быть в этот день в Москве — они звонили, слали телеграммы.

А. Таиров⁴⁰ — Н. Асееву, О. Брику (Хабаровск — Москва 10.04.40)⁴¹.

ЧЕТЫРНАДЦАТОГО АПРЕЛЯ ТЕАТР ОТМЕЧАЕТ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СО ДНЯ СМЕРТИ МАЯКОВСКОГО ТОРЖЕСТВЕННЫМ ВЕЧЕРОМ-ПОКАЗОМ КОНЦЕРТНОМ ИСПОЛНЕНИИ КЛОПА⁴² ТЧК В БЕСЕДЕ КОРРЕСПОНДЕНТОМ ЛИТГАЗЕТЫ КРАТКО ИЗЛОЖИЛ ПРИНЦИПЫ ПОСТАНОВКИ ТЧК ПОЗДНЕЕ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛНОЙ ДОГОВОРЕННОСТИ ВЫШЛЮ ВАМ СТЕНОГРАММУ МОЕГО ДОКЛАДА ТЧК РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВОЙ СТАДИИ РАБОТЫ БОЛЬШИЕ И ОЧЕНЬ ОБНАДЕЖИВАЮЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ТЧК ДРУЖЕСКИ ЖМУ РУКУ = ТАИРОВ =
[Телеграмма]

ЮБИЛЕЙНЫЕ ПОЧТОВЫЕ МАРКИ

По программе юбилейных мероприятий, составленной Бриками, были выпущены четыре почтовые марки, посвященные Маяковскому:

1. Фотопортрет Маяковского (1930 г.) и строки из его поэмы «Хорошо!»:
— красная, 15 коп.;
— красно-коричневая, 30 коп.
2. Фотопортрет Маяковского (1925 г.) и строки из его поэмы «Владимир Ильич Ленин»:
— черно-синяя, 60 коп.;
— ультрамариновая, 80 коп.

КТО НА КАВКАЗ, А КТО В ПОДМОСКОВЬЕ

Есть такая поговорка: «Война — войной, а обед по расписанию».

Хотя юбилейный год еще продолжался, Брики распланировали свой летний отдых: Осип Максимович достал путевки для себя и Жени опять в сочинский санаторий «Правда», а Лиля Юрьевна с Василием Абгаровичем собрались снять дачу в подмосковном Пушкино (где Брики и Маяковский неоднократно отдыхали).

(318) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Серпухов — Москва; 24 мая 1940 г.)⁴³

Едем чудно — двухместно! Температура как раз. Уже завтракали.

Крепко, крепко целуем

Ося, Женя

[Открытка]

Почтовые марки СССР, выпущенные к 10-й годовщине со дня смерти В. Маяковского (1940 г.). Художник — И. Дубасов

(319) О. Брик — Л. Брик (Орел — Москва; 24 мая 1940 г.)⁴⁴

Все замечательно. Массу едим. Очень вкусно. Погода теплеет.

Очень, очень целуем.

Ося.

[Открытка]

(320) О. Брик — Л. Брик (Никитовка — Москва; 25 мая 1940 г.)⁴⁵

Вчера легли в 10 часов, — сегодня проснулись в 8. Позавтракали и опять легли.

Прочитали о награждениях. Рады, что Шостакович⁴⁶!

Уже очень тепло.

Люблю — целую крепко.

Ося.

[Открытка]

(321) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Ростов — Москва; 25 мая 1940 г.)⁴⁷

Вполне жарко. Все еще много спим и едим. Шоколад весь съели.

Плохо без газет и радио.

Очень крепко любим и целуем.

Ося.

Осик ест через каждый час. Главным образом, яйца с икрой.

Настроение хорошее. Осик не злится!

Женя.

[Открытка]

(322) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Сочи — Москва; 26 мая 1940 г.)⁴⁸

ДОЕХАЛИ ХОРОШО КОМНАТА 5

КРЕПКО ЦЕЛУЕМ =ОСЯ ЖЕНЯ=

[Телеграмма]

(323) Л. Брик, В. Катанян, В. Жемчужный — О. Брику, Е. Соколовой
(Москва — Сочи; 27 мая 1940 г.)⁴⁹

ПРИЕЗДОМ КРЕПКО ЦЕЛУЕМ =ЛИЛЯ ВАСЯ ВИТАЛИЙ=

[Телеграмма]

Л. Брик

"ЧУЖИЕ СТИХИ"

Глава из Воспоминаний

I

Маяковский всё переживал с гиперболической силой — любовь, ревность, дружбу. Он не любил разговаривать. Он всегда, ни на минуту не прекращая, сочинял стихи. Вероятно, поэтому так не-растратченно вошли в них его переживания.

Если бы он много и прочувственно рассказывал девушкам, гуляя с ними по берегу моря: — вот как я увидел входящий в гавань пароход "Теодор Нетте"; вот как я пережил это видение; вот что я при этом почувствовал и какая это прекрасная тема, — то, может быть, знакомые и говорили бы, что Маяковский увлекательнейший собеседник, но он растратил бы свое чувство на переживание из пустого в порожнее, и стихотворение не было бы написано. Маяковский был остроумен и блестящ, как никто, но никогда не был он "собеседником". На улице или на природе, или рядом с вами, он молчал иногда часами.

Темой его стихов почти всегда были собственные переживания. Это относится и к "Нитде, кроме как в Моссельпроме". Он не только других агитировал, он и сам не хотел покатать у частных. Поэтому многие его стихи "на случай" и сейчас живы и читаются нами с грустью или радостью, в зависимости от этого "случая".

Просто поговорить (отличнуться), даже стихом, Маяковскому было мало. Он хотел обязательно убедить слушателя. Когда ему казалось, что это не удалось, он надолго иррационально молчал. Если после

Первая страница авторизованной машинописной рукописи статьи Л. Ю. Брик «Чужие стихи. Глава из воспоминаний». Из собрания автора

(324) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Москва; 27 мая 1940 г.)⁵⁰

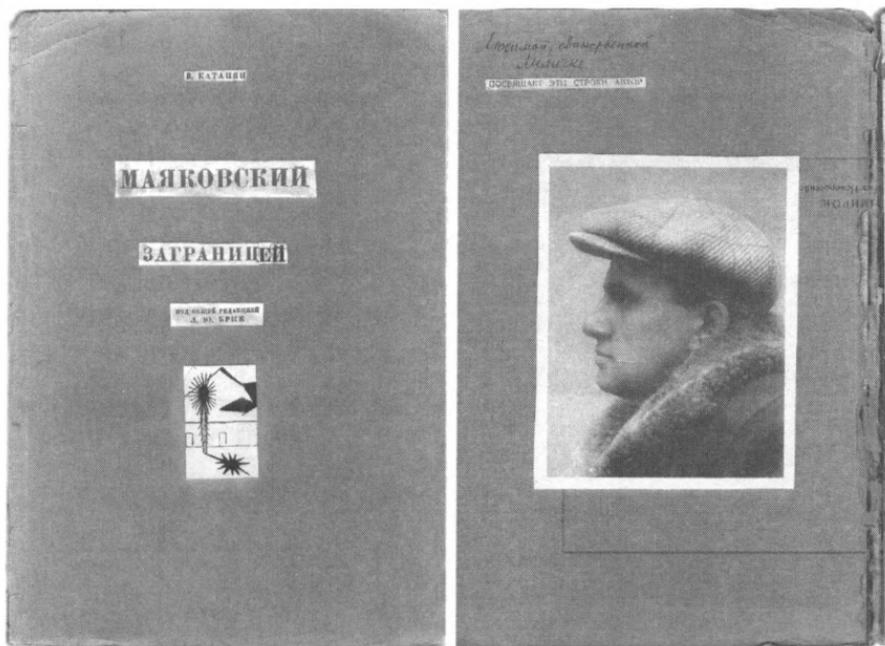
Дорогой, любимый Кисенок!

Здесь все по прошлогоднему, — очень хорошо. Комната такая же, режим такой же, и уже мы сегодня утром купались в Маесте⁵¹.

Народу в санатории очень много, — полно. Погода неважная, тепло, но пасмурно и дождливо. Питание хорошее, только выбор блюд несколько сокращен.

Москвичей (знакомых) никаких еще не обнаружили, — «впрочем, может, это и не нужно»⁵².

Что касается газет, то все обстоит прекрасно: каждый день к вечеру получается утренняя «Правда», а радио из Москвы можно отлично слушать в 12 час, в 6 ч. и в 23. 30 (Последние известия).

Обложка самодельного переплета журнальной статьи В. А. Катаняна «Маяковский за границей» (под общей редакцией Л. Ю. Брик). На внутренней стороне обложки — портрет Маяковского и дарственная надпись, адресованная Л. Ю. Брик. Из собрания автора. Публикуется впервые

Взяли билеты к Вахтангавцам⁵³ на «Много шуму из ничего» и на «Опасный поворот»⁵⁴. Билетов сколько угодно. Продаются на всех перекрестках.

Доктор осматривал нас очень тщательно. Ничего серьезного не обнаружил. Прописал Мацесту и горячие морские ванны.

Кисик, напиши подробно, что у вас делается, — как вы развлекаетесь, как готовитесь к даче и вообще про все.

Отсюда, сама понимаешь, писать очень трудно, потому что каждый день одно и то же, и решительно ничего не случается. Телеграммку вашу получили⁵⁵. Спасибо!

Интересно, прислали ли мне деньги из газеты «Правда»? А также, получила ли ты деньги в Межд. Книге и в Музгизе, — и получил ли Виталий для меня деньги?⁵⁶

Буду очень, очень ждать от тебя письма, котинька!

Пожалуйста, напиши. Очень крепко тебя целую и люблю.

Ося.

Женя целует.

Целуй от нас Васю.

Шарж А. Тарасенкова
на О. Брика (конец 1930-х гг.).
Подпись под рисунком рукой
Л. Ю. Брик. Из собрания автора.
Публикуется впервые

(325) Л. Брик, В. Катанян — О. Брику (Москва — Сочи; 28 мая 1940 г.)⁵⁷

Милый мой, любимый Котишка,

я ужасно рада, что ты отдыхаешь.

Ваши две открытки и телеграмму получила⁵⁸.

Здесь холодно. Сегодня утром в 11 ч. было 10⁰.

Все-таки, думаем 2-го переехать на дачу.

Получила твои деньги в Межд. Книге и в Музгизе — 460 р. и «Правда» прислала 190 р. — мне их не выдали.

Вместе с шестьюстами р., которые ты мне оставил, у меня твоих денег — 2100 р.

У нас сумасшедший дом — связали и сняли с полок книги в твоей комнате, сделали замки на входной двери, перенесли радио; сегодня перенесут бра; завтра обещали дать мел для ремонта.

Позвонил и пришел к нам Смеляков⁵⁹. Читал хорошие стихи — уже абсолютно под Володю. Ушел, не причинивши вреда.

Вчера заходили Чурилины⁶⁰. Завтра приглашены к Олег Леонидовичу. Один раз играли с Виталием и слевой в «короля».

Хожу к Циляеку⁶¹.

Пиши часто и подробно.

Поцелуй Женю.

Целую, люблю невозможно крепко.

Твоя (Киса — рис.)

Все хорошо! Беспокоит погода, — не замерзнем ли на даче?

Правда, у меня будут к тому времени зубы⁶², — будет, чем шелкать...

Обнимаю и целую

Вася

(326) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Москва; 30 мая 1940 г.)⁶³

Родной Кисик!

Писать решительно не о чем. Живем хорошо, размеренно, по режиму.

Погода пасмурная, но теплая.

Настроение хорошее.

Очень тебя люблю и целую.

Что с дачей? Пиши!

Ося.

[Открытка. «Сочи. Санаторий “Правда”»]

(327) Л. Брик, В. Катанян — О. Брику (Москва — Сочи; 1 июня 1940 г.)⁶⁴

Любименький мой, кисячий Солник!

На завтра заказали грузовое такси⁶⁵. Сегодня, конечно, — дождь.

На днях ввалился Лелька Фрелих⁶⁶. Просидел часа три. Мне было очень приятно. Он все такой же. Кланяется тебе. Васе он не понравился, говорит, — несимпатичный. А я была ему очень рада.

Играли в «рамс» у Олег Леонидовича.

По-новому, играем в «короля» — втроем, но с передачей, в темную двух карт. Это очень жутко! Но интересно.

Вася сегодня первый день с зубами. Говорит, — очень удобно ходить, совсем не ощущаются зубы, но есть неудобно.

Мела еще нет! Не знаю, что будет с ремонтом!

Есть сигнальный экземпляр 6-ого тома⁶⁷.

О. Л. уже получил вашу открытку из Сочи, а мы — ничего!

Напоминаю адрес: Москва, Пушкино, ул. Маяковского, дача № 20.

Поцелуй Женю.

Целую тебя, родненький, сладенький.

Твоя (Киса — рис.)

Сейчас половина двенадцатого ночи, а почтальон только что принес от тебя письмо. Я очень обрадовалась!

На все твои вопросы я уже ответила в прошлом письме.

Виталий денег для тебя еще не получил.

Завтра напишу из Пушкина.

Напиши подробно, что сказал доктор.

Еще целую (Киса — рис.)

Привет от Васи зубастого (!)

Привет от Васи зубастого (!!)

(328) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Пушкино; 2 июня 1940 г.)⁶⁸

Дорогая, золотая Киса!

Получил твое письмо от 28.05 и очень ему обрадовался, т. е. обрадовался самому письму, а то, что у вас холодно, и то, что у тебя миллион хлопот с комнатой и ремонтом, — этому я не рад.

Обязательно про все напиши, — мне интересно.

Мы здесь ходим в театр. Смотрели «Много шума из ничего» — играют средне. Декорации никакие. Сочинская публика скучала и еле-еле улыбалась.

Вчера смотрели премьеру (у Вахтанговцев) «Опасный поворот» — занятно! Играют неважно, — не нескучно, — абсолютный формализм, — но с моралью: ни в коем случае не следует говорить правду, — особенно, в семейных взаимоотношениях. Так публика это дело и поняла. Премьера прошла с успехом, всем понравилось. Присутствовали Папанин⁶⁹, Раскова⁷⁰ и еще много героев и орденосцев.

Я тебе послал 27-го письмо авиапочтой — интересно, получила ли ты его и на какой день?

Нам проделали всякие анализы. И все оказалось в полном порядке.

Погода поправляется — жарко, и дождь, как будто, кончился.

На базаре много ягод: клубника (10 р. кило), земляника (1 р. стакан), черешня (12 р. кило) и чернослив, который мы едим в большом количестве для действия желудка. Езжу на рынок я, а Женя лежит в это время на пляже и загорает.

Кстати, захожу в книжный магазинчик, где уже купил 2 интересные книжечки: Стерна «Сантиментальное путешествие» и мемуары Закушняка⁷¹.

Публика в санатории очень симпатичная. Много работников «Правды», но я их никого не знаю, — они же меня знают, и я чувствую себя Главначпупсом⁷², который, как известно, один, а их — много.

По вечерам нам показывают кино, и мы уже видели еще раз «Искатели счастья»⁷³ и заново «Юность командиров»⁷⁴ (очень плохо!) и «Кендиляр»⁷⁵ (?) — (прилично!)

Собираемся сегодня на глассере⁷⁶ в Сухуми и обратно.

На «Красную поляну» зовут, — не едем, также не едем на «Орлиные скалы» (14 километров вверх и вниз!).

Очень интересно, что приходил Смеляков. Как он разговаривает? ломается? или бьет на простоту? или еще как-нибудь? Напиши, пожалуйста.

Очень приятно, что у тебя много моих денег. Трать их, пожалуйста, — оставь только для моей “raucge mege”⁷⁷. Что твоя “raucge mege”?

Вот и все «последние новости». Буду ждать твоих.

Поцелуй Васю в новые зубки.

Очень, очень тебя люблю и страдаю

Ося

Женя всех целует.

(329) Л. Брик, В. Катанян — О. Брику (Пушкино — Сочи; 4 июня 1940 г.)⁷⁸

Мой любимый Солник-Кэс!

Мы сюда приехали 2-го. Заказали грузовик заранее, но он не приехал. Мы прождали его до 7-ми вечера, звонили во все концы, — наконец, выслали другую машину. Паша⁷⁹ и Вася все сами сделали и поехали на грузовике же. Успели втащить вещи засветло.

Здесь чудно! Я счастлива! Несмотря на то, что уборная за 3 версты. Куплено уже два ночных горшка, один — нам, другой — вам, и в уборную мы ходим только какать.

Наша комната немножко лучше вашей. Мы въехали в нее оттого, что она теплее, а пока еще холодно. Когда приедете, — поменяемся.

Разорились на 310 р. — купили «комбинированную» кровать. Она оказалась ужасно неудобная. Пришлось навалить на нее и твои тюфяки. Вообще, кое-что в хозяйстве не хватает, — все вместе и привезем. Здесь так чудесно, что хочется, чтобы было абсолютно хорошо.

Заходила к П. Ю.⁸⁰ — у них все в порядке. Устроен уголок мягкой мебели.

Перед отъездом звонил Канин, очень жалел, что тебя нет. Он был на фронте и в Москву приехал за орденом⁸¹.

Сейчас дождь, но в комнате без стены очень хорошо.

К нам уже ходит за сахаром хозяйская сибирская лайка — подает лапку и виляет хвостом. Она довольно облезлая, но, думаю, у нас откормится.

Праск. Вас.⁸² приезжает к половине двенадцатого.

Электричество действует всюю, так что утром и вечером она не нужна. Она тоже довольна дачей. Комаров пока нет совсем.

Есть кошка, полусибирская и очень самостоятельная. Она тоже приходила к нам, но мы ее почему-то выгнали.

Какая у вас погода? Ты доволен новым костюмом? Пальто надевать приходится?

Вася к зубам уже привык и доволен.

7-го будем в городе и сходим к Циляксу.

Мела все еще нет. Что будет с ремонтом?!

По старым Пушкинским местам еще не ходили⁸³. Вчера возились с хозяйством, а сегодня — дождь.

Пиши мне. Поцелуй Женю. Как ее суставы? Что сказал про нее доктор?

Вчера вечером обыграла Васю в нарды! Ура!

Целую, обнимаю, люблю, обожаю.

Твоя (Киса — рис.)

Дача оказалась на славу. И воздух на славу. И природа.

Одно беспокойство — узкие ворота. Как в них въедет Коля⁸⁴ на своем дормезе⁸⁵?

В мире искусств и издательств «ничего существенного не произошло», как говорят французы. Читали статью Смелякова в «Лит. газете»? Вызвала крупное возмущение у ряда мелких сошек.

Гостей еще не было...

Целую. Вася.

(330) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Пушкино; 5 июня 1940 г.)⁸⁶

Любимый Кисик!

Получили твоё письмо от 1.06. Как ты будешь на даче? Все пишут, что в Москве очень холодно.

Интересно, что был Лелька⁸⁷. Жаль, что без меня.

У нас все то же — однообразно и отдохновительно. Время летит страшно быстро. Скоро надо уже заказывать обратные билеты.

Погода чудная. Не жарко. Точь в точь, как надо.

Газеты получают регулярно. Радио работает.

Решительно ничего не случается. Мы никуда не ездим и никуда не ходим. Смотрим почти каждый вечер у нас кино, — вот и все.

Так что пиши ты: у тебя все новости.

Крепко, очень крепко целую

Ося.

(331) Л. Брик, В. Катанян — О. Брику (Пушкино — Сочи; 6 июня 1940 г.)⁸⁸

Мой любимый Котишка!

Получила твоё письмо, адресованное в Пушкино⁸⁹.

Авиаписьмо, которое ты послал 27-ого, ушло из Сочи 28-ого, а в Москву пришло 1-ого⁹⁰.

А письмо, которое ушло из Сочи 2-ого, пришло в Пушкино сегодня 6-ого⁹¹.

И то, и другое — на четвертый день.

Получил ли ты моё письмо из Пушкина⁹²?

Праск. Вас. опустила его в Москве.

Ужасно приятно, что тебе хорошо живется.

Здесь очень холодно. Сегодня первый теплый день.

Ходили искать наши старые дачи. Румянцевой и Костюхиной — сгорели, а в Вячеславской я не уверена⁹³. Костюхины выстроили новую дачу, и когда мы шли мимо, узнала меня и очень приглашала обедать! Но, вспомнив, как они нас обокрали, мы не пустились в разговоры и поскорее ушли.

Приезжал сегодня Лева, поиграли в «короля».

Вчера приезжала Анна Алексеевна⁹⁴ — сделала руки и ноги.

Третьего дня был Рабинович⁹⁵, мерил Васе пиджак и замучил нас разговорами! Я даже сказала ему, что боюсь, как бы он не опоздал на поезд.

Смеляков совсем не ломался, но, конечно, неврастеник он ужаснейший. Он влюблен в Володю. Мы завели ему «Болеро» Равеля⁹⁶, он пришел в восторг и говорит, что хорошо бы написать так стихотворение.

Ты читаешь Литгазету? Там была статья Адалис⁹⁷, в следующем номере — ответ Смелякова, а в сегодняшнем — ответ Алигер⁹⁸ Смелякову. Я их для тебя спрятала.

Деньги я твои не трачу. П. Юр. тебе кланяется.

Мама уехала вчера в дом отдыха. Завтра едем в Москву, буду выяснять насчет ремонта.

Здесь очень хорошо, хотя и никакой решительно природы.

Колин автомобиль все еще чинится⁹⁹.

Лева говорит, что писательские ставки все-таки повысят, хотя и не на столько, как думал.

Хотелось похудеть, но еще не начала. Очень много ели эти дни из-за холода.

Пиши мне, Светик!

Очень люблю тебя и целую 1000000 раз.

Твоя (Киса — рис.)

[Рисунок с подписью: «Вид из окна нашего холла, и саль а манжэ¹⁰⁰ Рис. В. Катанян».]

(332) Л. Брик — О. Брику (Пушкино — Сочи; 8 июня 1940 г.)¹⁰¹

Солник! Светик! Кислик! Любименький!

Получаешь ли ты мои письма? Я вчера послала из Москвы авиапочтой.

Кажется, достала мел через Влад. Николаевича¹⁰², и 12-ого начнется ремонт.

Вышел 3-ий номер «Знамя» с моей и с Васиной писаниной¹⁰³.

Привезли на дачу: «Знамя», «Из шести книг» — сборник Ахматовой, стихи Хлебникова — Малая серия «Библиотеки поэта», новые сборники стихов Симонова и Матусовского, книжку Овалова¹⁰⁴.

Сижу, читаю. Проливной дождь. Наелись, как удавы! Праск. Вас. нажарила изумительных пирожков! Что со мной будет?

По одному экз. «Знамени», Ахматовой и Хлебникова спрятала для тебя.

Заходил в Москве Страздин¹⁰⁵, — принес Васе деньги, — рассказывает, что какой-то латышский поэт, приехавший с выставкой латышской книги, привез «Люблю», изданное тогда в Риге¹⁰⁶, и меняет его на однотомник и поэму Асеева¹⁰⁷. Страздин книгу еще не видел, но ему говорил об этом Аплетин¹⁰⁸, который держал книжку в руках. Интересно!

У Ахматовой есть чудесные новые стихи, чего нельзя сказать о Симонове и Матусовском, хотя и у них можно штуки 2–3 прочесть с удовольствием. «Китежанка» в ахматовском сборнике не напечатана¹⁰⁹.

Ремонт начинается с твоей (теперь моей) комнаты. К твоему приезду он еще не будет кончен. Все будет готово числу к 5-ому, к 10-ому.

Кислик! Если в Сочи есть кофе в зернах, — купи и привези обязательно, сколько влезет.

В Библ.-музее мало нового: Марченко¹¹⁰ все-таки уходит; о наших вещах Езерская еще никого не спросила — боисси!¹¹¹ Твои книжки просматриваются из страницы в страницу, в надежде найти Володины записи на полях¹¹², и тогда их нам, конечно, не отдадут!

Все это рассказал мне Страздин. Говорит, что каждую минуту у него справляются: «не почерк ли это Маяковского, — как будто, хвостик у такой-то буквы похож!!» Директор Литмузея Боев отказался вернуть Езерской записные книжки, взятые на месяц для выставки, говорит: «стоит ли перекладывать их из кармана в карман? Все равно, к нам перейдет...». Езерская вне себя и бегаёт в Наркомпрос¹¹³, пока безрезультатно.

Вышла брошюрка — доклад **Фадеева**¹¹⁴. Он не так плох, как я думала. Не хуже других — даже, пожалуй, лучше.

Показался кусок голубого неба. Дождь кончился. Вася спит. Через час послушаем посл. известия и пойдем погулять — поищем лес.

Я уже очень отдохнула. Нервы отошли, и я даже подобрела.

В Пушкине тоже есть книжная лавка, но в ней, главным образом, продают карандаши и клипсы¹¹⁵.

Ты пишешь мне изумительно интересные письма!

Пиши почаще и побольше.

Я тебе обожаю и целую.

Твоя (Киса — рис.)

Как Женя загорела? Если не лень, пусть напишет нам.

Еще, еще, еще целую.

Л.

Вася получил из Киева 230 р. и 4-ую книгу «Радянська література» с напечатанной в ней статьей «Дві зустрічі Маяковського з Бальмонтом»¹¹⁶.

Еще целую

Л. (Киса — рис.)

А в Пушкино (по дачному адресу Л. Ю.) Осипу Максимовичу пришло письмо от Эльберта («Жив курилка?!»). По-видимому, он не знал, что О. М. отдыхает в Сочи.

Л. Эльберт — О. Брику (9 июня 1940 г.; письмо отправлено по адресу: Пушкино, Ярославской ж. д., ул. Маяковского, 20)

Осип Максимович!

Отчего Вы не телефонируете?

Все разьедутся и ничего не получится.

Или у Вас особые соображения? Или настолько Вам хорошо, что — лень?

Пожалуйста, позвоните, и мы условимся.

Привет Л. Ю. и К. В.

Л. Эльберт

т. К4-09-59

Пушечная, 3, кв. 6.

(333) Л. Брик, В. Катанян — О. Брику (Пушкино — Сочи; 11 июня 1940 г.)¹¹⁷

Любименький мой Кэс!

Собачий холод!! В комнате, в которой мы спим, 12^{0!} Но все-таки в город не хочется.

Третьего дня вечером, экспромтом, приехали к нам Олег Леонидович с Эссей Львовной — пили коньяк, сыграли в «рамс». Завтра они приедут к нам слевой — обедать.

Вчера вечером на машине приехали Надя, Коля, Лева и Фиалкин Валя¹¹⁸. Пили чай у самовара с горячими пирожками, гуляли вдоль Учи¹¹⁹. Всем у нас очень нравится. Хозяева наши симпатичные и любезные.

Утверждают повышенные писательские ставки (не уменьшая их)¹²⁰.

Завтра Праск. Вас. привезет обе электрические печки.

Обрати внимание на марки на конверте¹²¹.

Я ужасно рада, что тебе хорошо живется, но очень по тебе соскучилась. Я тебя люблю! Хочется, чтобы к твоему приезду потеплело и чтобы приехал радиомонтер чинить радио. А то за граница почти не слышна¹²². Обидно! Наши хозяева слушают всюю.

Собачка нас любит и ходит к нам за сахаром.

Поцелуй Женю. Она похудела? Я толстею!

Бессовестно жу!

Целую тебя, мой Солник.

Твоя (Киса — рис.)

[На рисунке крупно скворечник на дереве — и подпись: «Деталь вида с нашей террасы. Рис. худ. В. Катаняна».]

(334) Л. Брик, В. Катанян — О. Брику (Пушкино — Сочи; 14 июня 1940 г.)¹²³

Кислик-Пислик!

Какую страшную вы прислали фотографию!! Ты на ней — людоед!

Ужас, какая у нас погода! Вчера было холодно, но хоть без дождя, а сегодня опять дождик! Но все-таки хорошо!

Весь выходной играли в карты, — было очень скушно. Нас обыграли, обсчитали и выкурили все папиросы. Одним словом, — уконтрапупили¹²⁴.

Вчера курьер привез сигнальный 7-ой том¹²⁵.

Вася сегодня поехал в город.

Ремонт у нас уже начался.

Вчера у меня в гостях были: Фрида (в новой блузке из твоей материи), Геня и маленький сынок их хозяйки¹²⁶. Он в матросском костюмчике, и Вася спросил, почему его не видно на реке. Он сразу же ответил: «Потому что я плаваю на подводной лодке».

Против нашего балкона две скворешни, и вчера Вася увидел в них скворцов. Я их еще не видела.

Собачка с утра приходит к нам завтракать, и я ее уже так обкормила, что она хлеб не ест, а только слизывает с него масло.

На нашем балконе мы посадили два куста гвоздики, четыре левкоя, 14 анютиных глазок и штук 35 настурций — больше не лезет.

Вчера пришел Вася-маленький¹²⁷. Рассказал, что Галя продала почти все книги, а всякими старыми «лит. газетами», «читателем и писателем» и т. п. оклеивает стены (у них сейчас ремонт)¹²⁸. Васька возмутился и сказал ей: «Они же папе нужны для работы, отдай их ему, а он тебе для ремонта даст старые газеты». Она ответила: «Не желаю делать ему одолжение». Васька говорит: «Я ничего не могу с ней поделаться!» Вообще, оба Васи поговорили

по душам. Вася-маленький прекрасно все понимает, но не может справиться с мамашей, да и не хочет скандалить.

Я купила Васе-большому в здешнем книжном магазине акварельные краски, кисточку и тетрадь для рисования. Он говорит, что теперь, когда будут приезжать гости играть в карты, он будет уходить на реку писать пейзажи...

Ты замечаешь Володины марки на моих конвертах? Они уже продаются на почте.

Хорошо, что здесь нет совершенно клопов и комаров. За все время было три осы и четыре огромные мухи, но я их всех убила!

Еще мы купили в книжном магазине игру «квартет писателей». В ней есть и Володя (кривой и косой!).

Я ужасно по тебе скучаю. Очень хочется, чтобы ты все объяснил мне про войну¹²⁹.

Поцелуй Женю.

Люблю, страдаю, обнимаю, целую. Твоя (Киса — рис.)

Я только что из города, ничего особенного...

анютины глазки

[Рис. В. К.]

(335) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Сочи — Пушкино; 14 июня 1940 г.)¹³⁰

Родной, очень любимый Кислятик!

Все время была плохая погода — дождь и холодно, а с сегодняшнего дня, как будто, установилась хорошая.

У нас все в порядке, уже думаем, как поедem домой.

Я ужасно рад, что тебе нравится на даче, и что уже немножко отдохнула. Спасибо, что сохраняешь «Лит. газету» — здесь ее нет, и я никаких статей не читал¹³¹. Очень интересно посмотреть «Знамя» с твоей статьишкой¹³², — его здесь тоже нет.

Мне сказали смешную эпиграмму Безыменского на критиков (передаю приблизительно, точно не помню):

Критики наши уродливы и грубы:

Они — однобоки, двуличны, трегубы.

Говорят, Трегуб¹³³, по этому поводу, очень расстроился. Он не любит шуток.

Кофе здесь, конечно, никакого нет — ни в зернах, ни в чем. Есть в большом количестве чернослив по той же точно цене, как у нас в «Диетическом» — 17 р. 50 к. кило.

Видели Шиловского Евгения Александровича, поздравили его с званием генерал-майора¹³⁴. Он был любезен и мил, расспрашивал о тебе и общил, что сын его Женя скоро женится, — во всяком случае, завел, по его выражению, — уже «шуры-муры».

Я прочел здесь роман Золя «Творчество», это про... вроде лэфовцев¹³⁵. Роман скучноватый, наивный, но есть похожие вещи. Советую тебе почитать, — я думаю, тебе будет интересно. Еще читаю А. Франса

«Восстанье ангелов»¹³⁶. Это — ужасная белиберда, вроде Шкловского, когда он старается быть парадоксальным.

Сплошной «нобраз»¹³⁷ и никакого содержания. Я понимаю, что таким провинциальным эстетам, как В. М.¹³⁸, это безусловно нравилось и импонировало.

Сегодня у нас вместо кино — вечер самодеятельности! Воображаю!

Завтра идем смотреть группу балетных артистов ГАБТа на открытой сцене. Типично летнее развлечение.

В этом году здесь почти нет роз. А какие были, — дождь побил. Сейчас появилась гвоздика, и вовсю цветет магнолия. Кругом пахнет лимоном.

Письмо посылаю авиапочтой. Пожалуйста, проверь, когда оно придет. Я сильно подозреваю, что все письма идут простой почтой, а марки клеят за «авиа».

Ты меня рассмешила, что я пишу «интересные» (?) письма. Я просто стыжусь, как я неинтересно пишу. Ты, должно быть, ко мне хорошо относишься, поэтому так говоришь. Это — «святая ложь».

Крепко тебя очень целую и люблю.

Ося.

Васю целуй от моего имени.

Дорогие, милые Киса-Вася!

Целую вас очень крепко.

Хочется поиграть в «винт»!

У меня обострение — здорово болит плечо и шея. Надеюсь, что «так и должно быть».

Сейчас идем обедать, а потом пойду на пляж. Сегодня чудная погода.

Женя.

(336) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Сочи — Москва; 20 июня 1940 г.)¹³⁹

ПРЕДПОЛАГАЕМ ВЫЕХАТЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕГО

ЦЕЛУЕМ =ОСЯ ЖЕНЯ=

[Телеграмма]

(337) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Сочи — Москва; 23 июня 1940 г.)¹⁴⁰

ВЫЕЗЖАЕМ СЕГОДНЯ СКОРЫМ МЕЖДУНАРОДНЫМ

ЦЕЛУЕМ =ОСЯ ЖЕНЯ=

[Телеграмма]

Н. РЯБОВА И ДРУГИЕ

С открытием Музея В. Маяковского его директор А. С. Езерская обращалась ко многим людям, близко знавшим поэта, чтобы они написали и передали на хранение в Музей воспоминания о нем. В этом ей активно помогала Л. Ю., которая хорошо знала окружение Маяковского.

Не обошли своим вниманием они и женщин, близко знавших Владимира Владимировича и встречавшихся с ним в разные годы его жизни. При этом принималось в расчет, что по сравнению с мужчинами женщины более внимательны к происходившим около них событиям, более памятьливы и более словоохотливы. Так оно и оказалось. При этом никто и не ожидал, что кто-то поведаст об интимных подробностях отношений с Маяковским (боже упаси!), да и публикация воспоминаний не предполагалась: отпечатанные, они должны были находиться в фондах музея и предназначались только для исследователей, получивших допуск к архивам.

К десятилетию со дня смерти поэта такие воспоминания написали только последняя возлюбленная Маяковского, Вероника Полонская (декабрь 1938 г.), и Наталья Рябова¹⁴¹ (февраль 1940 г.). Наталья Брюханенко еще работала над ними и в предъюбилейные дни опубликовала лишь небольшие фрагменты из них на страницах печати¹⁴². Последующая судьба их воспоминаний разная, но, конечно же, все они были, в конце концов, опубликованы¹⁴³.

К 1940 году Наталья Федоровна Рябова вышла замуж и переехала в Москву. Готовя свои воспоминания, она впервые встретила с Лилей Юрьевной, они понравились друг другу, стали встречаться. Передавая рукопись в музей, Наталья Федоровна поставила посвящение — «Лиле Юрьевне Брик», а в июле подарила своей новой подруге такие прочувствованные стихи¹⁴⁴:

КИСА

Шуточное послание — Лиле Брик

На моем туалете стоит Ваша киса,
Киса, подаренная Вами весной.
Отчего же, любимая Вы моя Киса,
Не хотите повидаться со мной?

Впервые услышала, что зовут Вас Кисой
Давно, на Лубянском, осенней зимой.
И голос, назвавший Вас ласково Кисой,
Был для меня такой дорогой.

В глазах были слезы: она ему Киса!
А я, прижавшись к стеклу головой,
Стою здесь одна: ведь я же не Киса,
Не любишь, не знаешь, любимый ты мой!

И думать о Вас, о любимой Кисе,
Привыкла давно я ночью порой
И знала, что думает тоже о Кисе
Тот, кто был моей нежной весной.

Теперь уже нет его, кто звал Вас — «Киса»,
Не Ваш он теперь, ни ее и не мой...

Отчего же, любимая Вы моя Киса,
Не хотите видеть меня в выходной?!

*Н. Рябова, 3 июля 1940 г.
Москва*

В ОГОРОДЕ — БУЗИНА, А В КИЕВЕ — ДЯДКА

В конце лета Л. Ю. с Василием Абгаровичем были уже в Москве, а О. М. с Евгенией Гавриловной вернулись из Сочи и уехали в то же Пушкино — продолжать отдых.

Москвичи побывали на открывшейся осенью ВСХВ и шлют оттуда открытку в Подмосковье:

(338) Л. Брик, В. Катанян — О. Брику (Москва — Пушкино; 24 августа 1940 г.)¹⁴⁵

Целуем Кэс!

Привет с выставки!

(Киса — рис.)

В. К.

[Открытка «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Павильон “Московская, Рязанская и Тульская области” ночью». С маркой из серии «ВСХВ».]

Тремя днями раньше в далекой Мексике произошло знаменательное событие, о чем лишь скупо сообщили советские радио и газеты.

20 августа агент НКВД Рамон Меркадер, проникший в окружение Троцкого, смертельно ранил его¹⁴⁶. На следующий день, 21 августа, Троцкий скончался.

Лев Давидович Троцкий (Бронштейн) сыграл определенную роль в жизни Маяковского — Бриков. Маяковский и Осип Брик встречались с ним, хотя следует честно признать, что тема «Маяковский и Троцкий» в маяковедении почти что не разработана, в отличие, скажем, от аналогичных по значимости тем: «Маяковский и Ленин» и «Маяковский и Сталин».

Что касается Виталия Марковича Примакова, то была хорошо известна его приверженность троцкизму, за что он в конце концов и поплатился.

МУЗЕЙНЫЕ ДЕЛА

Еще в начале мая Брики как-то зашли в Музей Маяковского и увидели, что переданные ими туда вещи хранятся не так, как следовало бы музейным экспонатам.

Платяной шкаф, настенный ковер и зеркало находились в рабочей комнате персонала музея, а кухонная утварь поэта... на кухне, которой тот же персонал пользовался.

Возмущенные, Брики написали письмо директору музея:

В Библиотеку-музей

В. Маяковского

Нами были переданы Вам мебель, книги, ковры и другие вещи, имеющие прямое отношение к В. В. Маяковскому — он жил среди этих вещей и пользовался ими, как своими.

Одновременно мы передали Вам рабочую комнату Владимира Владимировича в Лубянском проезде вместе со всей находящейся в ней мебелью.

Все это мы хранили с тем, чтобы передать в соответствующее музейное хранилище.

Однако, способ хранения и музейное использование переданных Вам вещей показывают, что вещи эти не представляют для Вас никакой музейной ценности. Часть вещей (например, зеркало) использовано для нужд служащих и посетителей библиотеки. Часть мемориальной квартиры превращена в склад, в подсобное помещение для работающих в библиотеке. Рабочая комната Маяковского на Лубянке также превращена в склад, забытый мебелью из мемориальной квартиры.

Из всего этого ясно, что вещи, находившиеся в наших комнатах, в кухне и в комнате Владимира Владимировича на Лубянке музею не нужны.

Поэтому просим эти, не представляющие для Вас интереса музейные ценности, вещи нам вернуть.

Л. Ю. Брик, О. М. Брик

Москва. 5 мая 1940 г.¹⁴⁷

В связи с летними отпусками ответ на свое майское письмо Брики получили только в сентябре:

Уважаемая Лиля Юрьевна и Осип Максимович!

Сообщаю Вам, что вещи из Ваших двух комнат и кухни в мемориальной квартире Маяковского, не экспонируемые сейчас и не подлежащие экспонированию в ближайшие годы, согласно вашей просьбы, могут быть возвращены вам.

Все эти вещи нами засняты, измерены и зарисованы в красках и смогут быть восстановлены, когда это понадобится.

Книги Осипа Максимовича будут храниться в библиотеке-музее в отдельном шкафу, как книжное собрание (библиотека) ближайшего литературного соратника и друга Маяковского.

Прошу вас указать место, куда можно доставить вам вещи по прилагаемому списку и сообщить желательный вам день доставки.

Что касается комнаты Маяковского в Лубянском проезде, то она летом нами отремонтирована под наблюдением художника.

Уважаемая Лиля Юрьевна!

Ввиду того, что мы с 1 ноября этого года открываем Лубянскую комнату для посещений экскурсиями, мы были бы Вам очень благодарны, если бы Вы передали к этому сроку в библиотеку-музей те вещи из Лубянской комнаты, которые сейчас сохраняются у Вас дома, а при жизни Маяковского находились в Лубянской комнате. Это верблюдик и синекоричневый

заграничный чемодан, которые художник Сеньков внес в макет Лубянской комнаты по Вашему указанию.

Хотелось бы, конечно, получить для экспонирования или в комнате Маяковского, или в Лубянском проезде, также и его пишущую машинку¹⁴⁸, но этот вопрос мы откладываем на 1941 г., когда мы сможем взамен нее приобрести для Вас по Вашему выбору другую пишущую машинку.

С приветом,

Езерская

14 сентября 1940 г.¹⁴⁹

Здесь же:

Список вещей, передаваемых Л. Ю. Брик из мемориальной квартиры В. В. Маяковского в пер. Маяковского, дом 15/13, в т. ч.:

1. Шкаф платяной, дубовый (желтый)
2. Стол письменный, дубовый (желтый) с 1 ящиком в середине, в тумбочках по 4 ящика

12. Зеркало стенное
13. Ковер стенной, шитый бисером и шерстью, в центре ковра набивной рисунок из шерсти (утка)
14. 5 кастрюль алюминиевых, разных размеров (изношенность большая)

Всего к передаче 25 вещей стоимостью 4567 р. 50 коп.

14 сентября 1940 г.

В этой пачке документов, которые связаны с Музеем Маяковского, находятся также два, относящихся к Литературному музею:

Государственный Литературный музей

19 сентября 1940 г., № 2429

Уважаемая Лиля Юрьевна!

На организуемой Государственным Литературным музеем выставке, посвященной жизни и творчеству В. В. Маяковского, поэма «Про это» займет одно из важных мест.

Трудность поэмы и почти полное отсутствие исследовательских работ об этом важнейшем произведении поэта обязывает нас при экспонировании поэмы учесть и тщательно изучить все документы и материалы, относящиеся к этому произведению.

Имеющееся у Вас большое письмо В. В. Маяковского, написанное им в период создания поэмы и на тему поэмы, является самым важным из этих документов.

Дирекция Государственного Литературного музея просит Вас представить нашему старшему научному сотруднику Холину Г. Е., разрабатывающему экспозиционный план поэмы для организуемой нами выставки, возможность ознакомления с указанным письмом.

Естественно, что характер самого письма ставит непременно условием для нас не использовать на выставке ни одного слова из этого письма без согласования с Вами.

Обращаясь к Вам с убедительной просьбой не отказать нам в просимом, заверяем Вас, что это условие будет нами исполнено с абсолютной точностью.

Директор Гослитмузея Н. Боев¹⁵⁰

И ответ Л. Ю. на него:

Уважаемый тов. Боев,
на Вашу просьбу дать возможность научному сотруднику Литмузея использовать для экспозиции на выставке письмо ко мне В. В. Маяковского времени написания поэмы «Про это» — к сожалению, принуждена ответить отказом.

Поэма «Про это» может быть экспонирована, разумеется, только как литературное произведение, а письмо это целиком личное и интимное¹⁵¹.

Оно настолько интимно, что я не нахожу возможным сейчас ни опубликовать его полностью или частями, ни знакомить с ним кого бы то ни было.

Привет.

Л. Брик

20.09.1940¹⁵²

СЕСТРА ЗА СЕСТРУ

Осенью из печати вышел № 6—7 журнала «Знамя». В нем была помещена большая статья М. Аплетина «Литература Франции и война». Среди общего обзора французской литературы и позиций представляющих ее литераторов в ней есть небольшое упоминание о Луи Арагоне.

Когда же появится военная литература? Какова она будет? — вот вопросы, которые не сходили со страниц французской литературной прессы с самого начала войны...

Какие произведения могли бы удовлетворить требовательного критика?

Критик Ж. Альтман¹⁵³ в том же «Люмьер»¹⁵⁴ недоволен литературой, которая появилась в последние месяцы, недоволен книгами, получившими премию.

«Либо самая “неактуальная” литература — лирическая поэзия, выражение чувства любви или чувства природы, либо литература, глубоко связанная с современной трагедией», — писал Альтман.

В поисках книг, характеризующих и эпоху с ее лихорадкой и страстями, и судьбы человеческие, критик мог назвать всего шесть авторов. Среди них — Монтерлан¹⁵⁵, Мальро¹⁵⁶, Жироду¹⁵⁷, Клодель¹⁵⁸. Все остальные всего-навсего только «миленькая литература».

Автор приемлет и Арагона, который «после неудачных гастролей в области активной политики и слишком повседневного журнализма...

стал воспевать в чрезвычайно классической и тонкой форме свою тоску и любовь».

Этот своеобразный «возврат к ценностям семейной жизни» в момент, когда над человечеством разразилась новая большая империалистическая война, получил «признание» казенных критиков. И даже во фронтовой журналчик «Поэты в касках» Арагон дал ту же семейную лирику.

В начале войны, когда, очевидно, рассчитывали на более быстрое развертывание военных действий, решили было выдавать премии за минувший год. Но потом это решение было отменено: нашлись «нужные» кандидаты. Гонкуровскую премию получил цензор ежедневной прессы — сугубо доверенное лицо реакции — Филипп Эрнэ¹⁵⁹.

Лиля Юрьевна с возмущением прочитала эту статью — так опорочить Арагона! Нет, надо что-то предпринимать. Неважно, что Арагон французский писатель, он член Коминтерна, и на упоминание его в печати в таком идеологически неприглядном виде явно обратят на себя внимание соответствующие инстанции в СССР.

Что же делать?

И она решительно садится за письмо «главному идеологу» партии — Жданову¹⁶⁰.

Л. Брик — А. Жданову (4 сентября 1940 г.)

Дорогой товарищ Жданов,

в № 6—7 журнала «Знамя» в статье «Литература Франции и война» упоминается крупнейший поэт-коммунист Луи Арагон — французский Маяковский, как его называют.

Автор статьи удивляется, что «в момент, когда над человечеством разразилась новая большая империалистическая война», Арагон не находит ничего лучшего, как печатать свои лирические стихи — «семейную лирику».

На днях я получила от моей сестры, жены Арагона, писательницы Э. Триоле, письмо (первое за время войны), из которого ясно, что Арагон не стоит в стороне от событий, а активно участвует в них, как верный член Коммунистической партии.

Считаю своим долгом поставить Вас в известность о содержании полученного мною письма.

Посылаю копию французского текста и перевод.

Л. Ю. Брик

4.10.40.

Телеф. Г1-39-10

Арбат, Спасопесковский пер., д. 3/1, кв. 55¹⁶¹

Приложение: машинописная копия письма Э. Триоле.

Письмо Э. Ю. Триоле, жены Луи Арагона (на конверте французский почтовый штемпель — «Тулуза, 4 октября 1940»¹⁶²; с обратной стороны конверт разрезан, поверх — наклейка немецкой военной цензуры с надписью «Проверено»), написано на французском языке.

2 октября

Мои дорогие друзья, мы живы и здоровы.

Мой муж вернулся без единой царапины, а между тем он проделал кампанию во Фландрии, включая Дюнкерк, а также кампанию во Франции.

Ввиду невозможности возвратиться к себе, мы ищем работу, везде понемножку и в настоящее время не имеем постоянного адреса.

Жизнь не всегда была легкой, в особенности, когда я была одна и в тревоге.

К счастью, у нас есть друзья, которые нас поддерживают — все те же. У нас есть верные друзья, так же как верны мы сами.

Как много я думала о вас все это время...

Я вас целую, целую.

Эля¹⁶³

О реакции А. А. Жданова на письмо Л. Ю. Брик ничего не известно.

Лиля Брик и Марина Цветаева

В Москву вместе с сыном Муром приехала Марина Цветаева¹⁶⁴. В московских литературных кругах быстро разнеслась весть об этом, но напуганные москвичи остерегались встреч с недавней эмигранткой.

Л. Ю. не была лично знакома с Цветаевой, но знала, как ценил ее творчество Маяковский, читала и сама ее стихи. В том числе напечатанный за рубежом цикл «Маяковскому», где есть, в частности, такие стихи:

Выстрел — в самую точку,
Как в ярмарочную цель.
(Часто — левую мочку
Отбивши, — с женой в постель.)

Молодец! Не прошибся!
А женщины ради, — что ж!
И Елену паршивкой,
— Подумавши, — назовешь.

Лишь одним, зато знатно,
Нас левовец удивил:
Только вправо и знавший
Палить-то, а тут — слевил.

Кабы в правую — сверк бы
Ланцетик — и здрав ваш шеф.
Выстрел в левую створку:
Ну в самый-те Центропел!

Но зла на Цветаеву за эти резкие строки Л. Ю. не держала. Она с интересом расспрашивала Анатолия Тарасенкова¹⁶⁵, который отважился на встречу с Мариной Цветаевой. Но сохранились два воспоминания, связывающие имена двух этих разных натур в событиях 1940 года.

Вот что пишет В. В. Катанян:

Вскоре Эльза стала зарабатывать на жизнь, включившись в круговорот моды большого города. Она была «рукастая» и начала делать бусы из чего попало — вплоть до метлахской плитки. Продавала она их в модные дома Парижа...

В свое время, рассказывала Эльза, Лиля подарила крупные коралловые бусы Елене Тагер¹⁶⁶.

Когда Марина Ивановна Цветаева увидела их, она стала просить Тагер отдать эти бусы ей, уж очень понравились. Каждый раз, как встречала ее, так и просила. «Я не могу, — отвечала та, — мне их подарила Лиля Юрьевна». — «Так попросите ее, чтобы она разрешила вам отдать эти бусы мне!» Та, помявшись, спросила Лилю. И Лиля, несколько обескураженная, что ее подарок хотят передарить, все же разрешила, учитывая, что кораллы будут носить Цветаева, которой этого так хочется. Тагер отдала их Марине Ивановне, а та на следующий день... их продала! «Ну, не может быть!» — «Как так, не может быть, когда Тагер сама, каясь, сказала об этом Лиле. И очень на Марину похоже». И как реагировала Лиля? Она сказала: «Бедная! Представляю, как она нуждалась [Катанян В. В., 2002. С. 129–130].

Другое воспоминание — из уст мужа Елены Ефимовны, Евгения Борисовича Тагера:

Помню, как однажды позвонила к Елене Ефимовне Лиля Юрьевна Брик и сказала, что Кирсанов страшно хочет увидеть Цветаеву. Но ни он, ни она, Лиля Юрьевна, принять ее не могут, и потому она просит, чтобы Елена Ефимовна позвала к себе в гости и Цветаеву и Кирсанова. Елена Ефимовна так и поступила. Пришел Кирсанов с женой и впился глазами в Цветаеву. А Марина Ивановна читала, кажется, тогда «Молодца», которого под ее диктовку записывала Елена Ефимовна. Впрочем, может быть, чтение состоялось в другой раз...¹⁶⁷.

Точно датировать эту встречу позволяют дневники сына Марины Цветаевой, Георгия Эфрона (по-домашнему — Мур):

27 октября 40 г.

Вчера был у Тагеров с матерью — познакомился с Кирсановым и его женой¹⁶⁸. Кирсанов здорово владеет рифмой — он ловкий поэт. Он очень любит стихи матери. Он и она вчера читали стихи... Кирсанов — одессит, хорошо одевается, маленького роста. Его жена — миленькая девочка. Митька¹⁶⁹ мне сегодня сообщил, что она болеет туберкулезом. Довольно странно — Кирсанов вчера читал «Твою Поэму» — поэму, посвященную смерти жены, — перед новой женой. Это довольно бестактно...¹⁷⁰.

«МАЯКОВСКИЙ НАЧИНАЕТСЯ» Н. АСЕЕВА

К юбилею Маяковского многие его знакомые и друзья подготовили свои воспоминания о нем: В. Шкловский, К. Чуковский, В. Каменский, С. Спасский, Л. Кассиль, В. Катанян, Брики (о которых — отдельно) и другие¹⁷¹.

Не остался в стороне и один из его ближайших друзей — Николай Николаевич Асеев. К юбилею вышла отдельной книгой его поэма «Маяковский начинается»¹⁷². Чтобы не было никаких сомнений в ее политической благонадежности, книга предварялась длинной и невнятной цитатой из партийной библии того времени:

Ни одно явление в природе не может быть понято, если взять его в изолированном виде, вне связи с окружающими явлениями, ибо любое явление в любой области природы может быть превращено в бессмыслицу, если его рассматривать вне связи с окружающими условиями, в отрыве от них, и, наоборот, любое явление может быть понято и обосновано, если оно рассматривается в его неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности от окружающих его явлений. (История ВКП(б), стр. 101).

Именно так и не иначе...

«Асеев сам подробно рассказал о замысле поэмы: “Появление Маяковского и его гибель — вот два основных пункта моей поэмы”»¹⁷³. В эти границы поэт хотел вместить «не только биографию, но и среду, окружавшую Маяковского», «внутренние движения, которые не всем были заметны».

Разделив поэму на главы, он стремится к завершенности, к цельности каждой главы. Асеев говорит: *«Почему поэма названа “Маяковский начинается”? Потому что истолкование и споры о Маяковском в широком общественном масштабе только начинаются»¹⁷⁴.*

В двух главах поэмы он пишет о Бриках:

Из главы VI. «Голос докатывается до Петербурга»

Здесь протекало детство
в перспективе строгой
мальчика — «Оставь, Не трогай»,
и девочки — «В Ладонь Глаза».

Обычного типа
их были семейства,
картин и портьер
прописные тона,
их жизнь
повторялась и длилась совместно,
как в зеркало зеркало,
в стену стена.
Такие же тучи
клубились над нею,
такие ж обычаи,
правила,

дни,
хоть мальчик был
сдержанней и холоднее,
но вместе
от всех отличались они —
правдивостью, что ли,
и резкостью вкуса,
упорством характера,
ясностью глаз,
уменьем на вещи
не взглядывать куцо,
не ставить
на жизненном почерке клякс.
Бездонный провал Империи,
собор, засосанный тинной.
На седлах и на подпорках
качающийся закон,
и вздыбленный Медный Всадник...
Такую они картину
вседневно,
ежеминутно
могли наблюдать из окон.
И девочка выросла в девушку.
По складу схожи во многом, —
лишь глаз ее круглых и карих
больней по коже ожог...
В четырнадцать лет совместно
они покончили с богом,
и мальчик
среди одноклассников
вел марксистский кружок.
Листки календарные никли,
из девушки выросла женщина,
вкус к жизни,
к ее сердцеvine
был пробкой притерт как духи.
Они сообща ненавидели
чинушество и военщину.
Но что же любить прикажете?
Себя лишь самих да стихи?
Она б
и на баррикады — не дрогнула,
и под своды
угрюмого равелина...
Но не было баррикад,
единственной баррикадой —
дымившие далью заводы
свинцовым грузом привычек
от них отделяла — река.
Они полюбили друг друга;
но розно

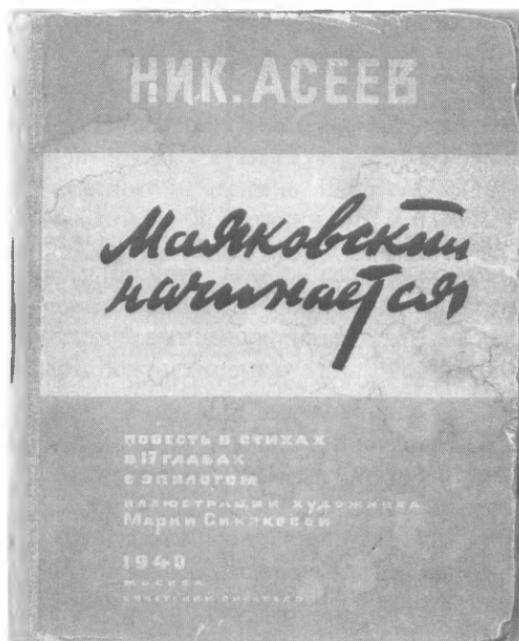
с родною рукой
обручилась рука.
Она его
навек —
яростно, грозно,
а он ее —
разумно,
ясно,
легко.
И это взаимное
разновесье,
молекул и атомов
взвихренный ход,
грозил
рассверкаться смертельно вестью
тому,
кто под тучу их крыши взойдет.

Что с ними случилось?
Общественный обруч
не смог уже сдерживать
бочку без дна:
семьи не устроишь,
судьбы не задобришь,
когда в ней
непрочная клепка видна.
И эти,
любившие с детства друг друга, —
век раньше —
и не было б лучше жены
и не было б мужа чудесней, —
из круга
им сродного
выбиты
и обречены!

И город
бездонных пучин и провалов
над ними —
как призрак —
маячил и стыл;
и мелкою зыбью
Нева целовала
его
разведенные на ночь
мосты.

Из главы XVI. «Косой дождь»

Нет! Ни у одной
не стало смелости
подойти
под свод крутых бровей;

Обложка первого издания поэмы Н. Асеева «Маяковский начинается» (М.: Сов. писатель, 1940 г.).

с ним одним навек
 навек остаться в целости
 в первой, свежей
 нежности своей.
 Только ходят
 слабенькие версийки,
 слухов
 пыль дорожную крутя,
 будто где-то,
 в дальней-дальней Мексике,
 от него затеряно дитя.

А та, которой
 он все посвятил,
 стихов и страстей
 лавину,
 свой смех и гнев,
 гордость и пыл —
 любила его
 наполовину.
 Все видела в нем
 недотепу-юнца
 в рифмованной
 оболочке:
 любила крепко,
 да не до конца,
 не до последней
 точки.

Мы все любили его
 слегка;
 интересовались громадой,
 толкали локтями его
 в бока,
 пятнали
 губной помадой.

Последняя из процитированных здесь глава поэмы не понравилась Лиле Юрьевне: мало того что ей самой, правда не названной по имени, но легко узнаваемой близкими, предъявлено обвинение: «любила его наполовину», «не до конца», так еще проглядывают зашифрованные намеки на связь Маяковского с Татьяной Яковлевой¹⁷⁵, на его американское дитя¹⁷⁶ и на Веронику Полонскую¹⁷⁷.

Зачем и кому это все надо?

Ведь сам же он пишет:

Не перемывать
 чужое белье,
 не сплетен сплетать околесицу, —
 сырое,
 суровое,
 злое былье
 сейчас под перо мое просится.
 Теперь не время судить,
 кто прав;
 живые шаги его пройдены¹⁷⁸.

На этом фоне обращать внимание автора на то, что в главе VI он ошибочно переносит описание их детства и юности из Москвы в Петербург, уже не имело смысла.

Урожайный год и монополия Бриков

Наверное, ни в один из предшествующих или последующих годов о В. Маяковском не писали столько, как в юбилейном 1940-м.

Этому, несомненно, способствовало и то обстоятельство, что писатели, литературоведы, редакторы журналов, издатели, напуганные разгулом репрессий, оказались в замешательстве: о ком можно и нужно писать? Какие книги не окажутся под запретом цензуры, не попадут под шквальный огонь партийной критики? И вдруг благодатная тема — яркое творчество поэта, которого вождь совсем недавно назвал «лучшим и талантливейшим». Более того, разворачивалась государственная программа по его чествованию. И — пошла писать губерния!

Книги, статьи в газетах и журналах публиковались практически весь 1940 год.

Вышли четыре научных сборника статей и материалов:

1. Маяковский: Материалы и исследования / ИМЛИ АН СССР; под. ред. В. О. Перцова и М. И. Серебрянского. М.: ГИХЛ, 1940. 480 с.

Из содерж.: *Чуковский К.* Неопубликованное письмо Маяковского [автору от 10.12.1920 г.]; *Реформатская Н.*¹⁷⁹ Из выступления Маяковского [в Берлине, 10.05.1927 г.]; Письма к Л. Ю. Брик [с предисл. и коммент. В. Катаняна]¹⁸⁰; *Перцов В.* Товарищ Константин [к биографии В. Маяковского]; *Тимофеев Л.* Проблемы поэтики Маяковского; *Февральский А.* «Мистерия-буфф»: Опыт лит. сценич. истории пьесы¹⁸¹; *Катанян В.* Маяковский за границей; *Харджиев Н.* Маяковский и живопись; *Он же.* Турне кубо-футуристов 1913—1914 гг.: Материалы к лит. биогр. Маяковского; *Тренин В.* К истории поэмы «150 000 000».

2. Владимир Маяковский. Сб. 1 / ИМЛИ АН СССР; под. ред. А. Дымшица, О. Цехновицера. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 364 с.

Из содерж.: *Метченко А.*¹⁸² Ранний Маяковский: [М. и футуризм]; *Бялик Б.*¹⁸³ Горький и Маяковский; *Реформатская Н.* Пометки Маяковского на полях сборника «Пролетарские писатели»; *Она же.* Обзор рукописного наследия Маяковского: Материалы Б-ки музея В. Маяковского; *Она же.* Из истории выставки «20 лет работы»; *Страздин А.* Автограф Маяковского на книге «Все сочиненное...»; *Цехновицер О.* Из собрания Н. И. Альтмана.

3. Маяковскому: Сборник воспоминаний и статей / сост. В. Азаров¹⁸⁴ и С. Спасский¹⁸⁵. Л.: Гослитиздат, 1940. 348 с.

Из содерж.: *Катанян В.* В них что-то есть! *Он же.* Они — свое, а мы — свое! *Он же.* Отношение к лошадям [Воспоминания]; *Спасский С.* Москва [Воспоминания]; *Брик О.* ИМО — искусство молодых [М. и футуризм]¹⁸⁶; *Райт Р.* Двадцать лет назад [Воспоминания]; *Жевержеев Л.*¹⁸⁷ [Воспоминания]; *Азаров В.* Проулок, мощный славой [Памятные места в Петербурге-Ленинграде и Москве].

4. Маяковский. 1930—1940: Статьи и материалы. Л.: Советский писатель, 1940. 324 с.

Из содерж.: *Азаров В.* Улица Маяковского [в Ленинграде]; *Артоболовский Г.*¹⁸⁸ Как читать Маяковского; *Островский А.*¹⁸⁹ Основные даты жизни и творчества В. В. Маяковского.

Отдельными книжками вышли:

1. *Катанян В.* Рассказы о Маяковском. М.: Худож. литература, 1940. 327 с.

2. *Кассиль Л.* Маяковский — сам: Очерк жизни и работы поэта / [предисл. авт.]. М.-Л.: Детиздат, 1940. 110 с.

В предисловии («От автора») Л. Кассиль писал:

О Маяковском есть и пишется уже много книг, а будет написано еще больше, потому что людям всегда будет интересно знать, как жил, как

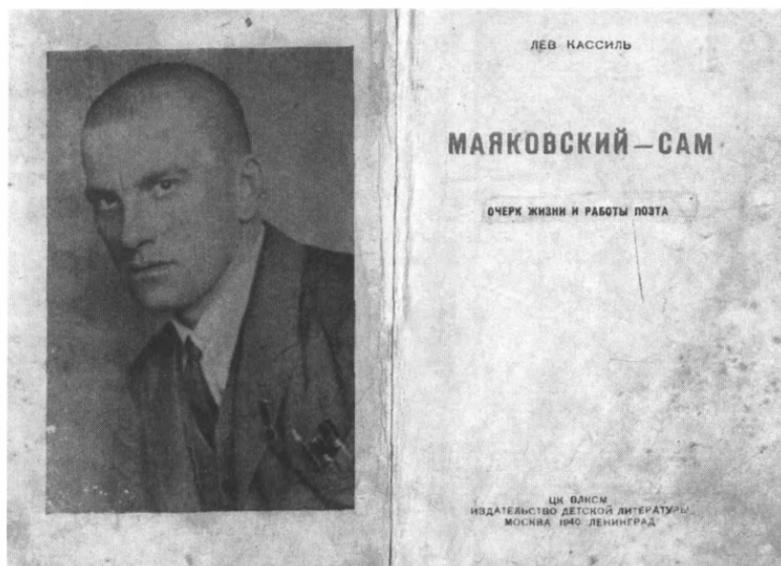
Обложка книги Л. Кассиля «Маяковский — сам. Очерк жизни и работы поэта» (М.-Л.: Детиздат, 1940 г.)

работал, как звучал и двигался в жизни великий поэт революции Владимир Маяковский, наш современник, наш славный и верный товарищ.

Эта книжка — о нем, о его работе и жизни. Она написана по моим личным воспоминаниям и записям о поэте, а также по рассказам, статьям, материалам людей, знавших Владимира Владимировича: Н. Асеева, Л. Брик, О. Брика, В. Каменского, В. Катаняна, Л. Маяковской, В. Перцова, А. Родченко, С. Спасского, К. Чуковского, А. Эльберта¹⁹⁰ и других.

Но везде, где только можно, я предоставляю слово самому поэту. Пусть Маяковский сам, живой и громогласный, придет к молодым читателям и договорится с ними.

3. *Каменский В.* Жизнь с Маяковским. М.: Гослитиздат, 1940. 212 с.
4. *Шкловский В.* О Маяковском. М.: Сов. Писатель, 1940. 223 с.
5. *Спасский С.* Маяковский и его спутники: Воспоминания. Л.: Сов. Писатель, 1940. 159 с.
6. *Перцов В.* Наш современник (О В. В. Маяковском). М., 1940. 154 с.
7. *Февральский А.* Маяковский-драматург. М.—Л.: Искусство, 1940. 156 с.
8. *Эвентов И.*¹⁹¹ Маяковский-плакатист. М.—Л.: Искусство, 1940. 73 с.
9. *Фадеев А.* Маяковский: Доклад на торжеств.-траур. собр. правл. ССП СССР совместно с парт., совет. и обществ. орг. г. Москвы в Большом театре, 14 апр. 1940 г. М.: Гослитиздат, 1940. 19 с.

Титульный лист книги Л. Кассиля «Маяковский — сам. Очерк жизни и работы поэта» (М.-Л.: Детгиздат, 1940 г.)

Лиля Юрьевна опубликовала в юбилейном году «хрестоматию» любимых стихов Маяковского, написанных другими поэтами: *Брик Л. Маяковский и чужие стихи*¹⁹², здесь же: *Катанян В. Рассказы о Маяковском* (Знамя. 1940. № 3. С. 161–203). Отрывок из этой ее работы был опубликован в газете «Советская Украина» 14 апреля 1940 года.

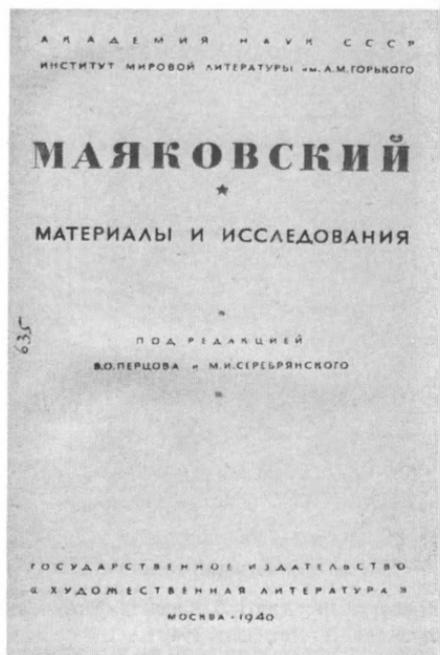
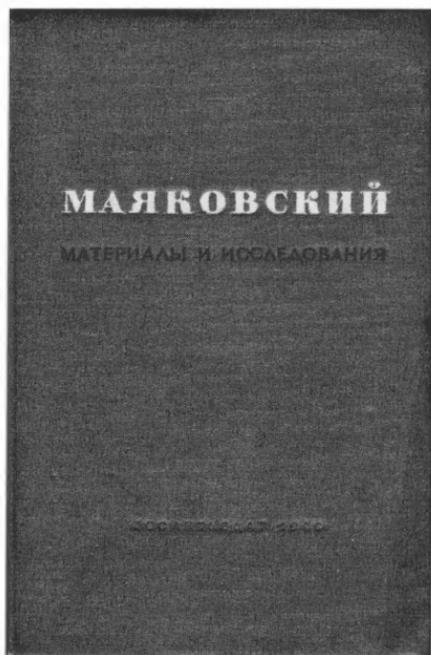
Кроме работ, названных выше, О. Брик и В. Катанян опубликовали в юбилейном году много статей о Маяковском в центральных и местных газетах, причем зачастую статьи были стереотипны, то есть просто повторялись, как и гонорары за них.

СЕМЕЙНАЯ ПЕРЕПИСКА ИЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ?

В письме от 23 июня 1939 года (№ 308) Лиля Юрьевна сообщала Осипу Максимовичу в Сочи: «*Приходил Перцов, выпросил для сборника шесть Володиных писем. Вася отобрал из поездок по Союзу; он же будет комментировать*».

И вот перед нами этот сборник — Маяковский: Материалы и исследования / ИМЛИ АН СССР; под ред. В. О. Перцова и М. И. Серебрянского. М.: ГИХЛ, 1940. 480 с. 10 000 экз. Сдано в набор 08.03.40. Подписано к печати 15.07.40.

В разделе «Неопубликованное» — «Письма к Л. Ю. Брик» — шесть писем В. Маяковского: (I) — из Харькова, январь 1924 года; (II) — из Баку, 20 февраля 1926 года; (III) — из Симферополя, 8 июля 1926 года; (IV) — из

Обложка и титульный лист книги «Маяковский. Материалы и исследования» (М.: ГИХЛ, 1940 г.)

Евпатории, 15 июля 1926 года; (V) — из Краснодара, 20 ноября 1926 года и (VI) — из Ялты, 10 августа 1927 года (с. 41—54).

Предваряя эти письма, В. А. Катанян пишет:

Публикуемые здесь шесть писем Маяковского из переписки с Лилей Юрьевной Брик относятся: пять — к 1926—1927 гг. и одно более раннее — к началу 1924 г. Это — письма с дороги, связанные с лекционными поездками Маяковского по городам Советского Союза.

Письма Маяковского с дороги, связанные с его лекционными поездками, дают представление о бытовой обстановке этих поездок.

Вместе с тем они представляют большой интерес как образцы эпистолярной прозы Маяковского, которой очень немного. Он не любил писать письма. Для него гораздо характернее коротенькие записки и телеграммы. По языку и стилю письма Маяковского очень близки к его разговорной речи. Тот же гротесковый юмор, та же шутливая манера переиначивать слова и грамматические формы («мирблюдь» вместо «верблюдь», «вавилонень столпотворенское», «престарелый обезьян» и т. д.).

В письмах к Л. Ю. Брик Маяковский подписывался «Щен» — сокращенный Шенюк. Иногда — «Счен» — как под заграничными телеграммами — как бы по-латыни русскими буквами. Все письма, кроме того, подписаны рисуночками.

В. Катанян

ПИСЬМА к Л. Ю. БРИК

Публикуемые здесь шесть писем Маяковского из переписки с Лилей Юрьевной Брик относятся: пять — к 1926—1927 гг. и одно более раннее — к началу 1924 г. Это — письма с дороги, связанные с лекционными поездками Маяковского по городам Советского Союза.

Эти поездки Маяковского, выступления его на эстрадах рабочих клубов, в провинциальных театрах, вузовских аудиториях — характернейшая страница литературной деятельности Маяковского.

В первые годы революции (1917—1920) — Маяковский выступал в рабочих районах и в больших аудиториях Москвы и Петрограда, читал в московском Доме печати и петроградском Доме искусств. С 1921 г. к нескольким обязательным ежегодным выступлениям в Москве и Петрограде прибавляются выступления с лекциями и стихами в Харькове, Киеве, Одессе. Но настоящий размах приобретает эта работа после возвращения Маяковского из Америки, с начала 1926 г. Начиная с этого времени поездки Маяковского по городам Союза с докладами об искусстве и чтением стихов уже носят плановый характер, занимают значительное место в его рабочем календаре.

В 1926 г. Маяковский совершил четыре большие лекционные поездки, побывал в двадцати городах, выступил тридцать два раза (не считая выступлений в Москве и Ленинграде).

В 1927 г., — девять поездок, тридцать восемь городов, восемьдесят выступлений.

Всего за последние четыре года (1926—1929) около двухсот выступлений, девяносто городов.

«Не знаю, — писал Маяковский, — была ли когда-либо у какого-либо поэта такая связь с читательской массой»¹.

¹ Маяковский «Что я делаю?», 1927, см. т. XII, стр. 183.

Начало публикации писем В. Маяковского в книге «Маяковский. Материалы и исследования» (М.: ГИХЛ, 1940 г.)

Первое, что нужно заметить в предисловии и примечаниях к письмам, — комментатор нигде не разъясняет, кто же такая Лиля Юрьевна Брик, которой В. Маяковский шлет одно за другим ласковое письмо:

Дорогое ослепительное и родное солнышко Лисик. Скучаю по тебе страшно!... Целую тебя во всю... Шен (I)

Дорогая и родная моя Кисица! (Это я сделал из Киса и Лисица)... Я по тебе родненький очень соскучился. Каждому надо чтоб у него был человек — а у меня такой человек ты. Правда. Целую тебя обеими губами причем каждой из них бесконечное количество раз. Весь твой Счен I-й (Азербайджанский) (II)

Дорогой, дорогой родной любимый и милый Кис... Самое для меня неприятное то что ты сидишь должно быть без единого грошика все к тебе пристают а Осику не на что ехать на Волгу. Если так пойдет дальше через недельку другую вернусь в Москву. Мне без Вас милые мои родные совсем невозможно и скучно... Целую все лапки и головки тебе и Оську в лысину. Любите меня пожалуйста и не забывайте а я весь ваш. Счен (III)

Милый и родной Детик... Родненький Лисик ответь пожалуйста сразу. Ты должно быть не представляешь себе как я тоскую без Ваших строчек. Целую и обнимаю тебя родненькая и люблю весь твой Счен. Ужасно целую Осика (IV)

Дорогой дорогой, милый родной и любимый кисячий детик лис (так назыв. «солнышко»). Я дико скучаю по тебе и ужасно скучаю по вас всех (по «вам всем»? — Попроси Осю прокорректировать)... Получила ли ты денег? Я их послал почтой чтоб тебе принесли прямо в кровать... Не забывай меня мой родненький я тебя ужасно люблю и я твой ужасно. Счен. Целуй Оську... Осик, смотри за Лефом. Целую тебя. Твой зам. Вол (V)

Дорогой родной любимый Личик. Как ты? Как Осик? Будь добра родненькая ответь мне на все подробным письмом на Ялту. Целую тебя и скучаю весь твой Счен (VI)

Здесь же «шенячьи» рисуночки Маяковского и вклеенное между страницами 55—56 факсимиле его письма к Л. Ю. от 8 июля 1926 года.

Ну ясно, Лиля Юрьевна — любимая жена поэта. А кто же такой «Ося», который во время поездки поэта живет с его женой, является его «замом», да еще ведет какую-то редакционную работу? Мало что проясняют и комментарии В. А. Катаняна на этот счет: «Ося — Осип Максимович Брик».

В другом месте: «Речь идет о квартире в Гендриковом переулке, которую перед отъездом получил Маяковский. Ее нужно было капитально отремонтировать. Маяковский и Брики жили в ней с мая 1926 г. по 1930 г. Теперь в этом доме Библиотека-музей Маяковского».

Они все еще и живут вместе? Может быть, Маяковский какой-то родственник Бриков, проживающий с ними?

А если бы читатели еще прознали, что эти предисловие и примечания к письмам написал нынешний муж Л. Ю. (при живом и здравствующем «Осе»), то их удивлению и недоумению не было бы конца.

Меня же, посвятившего много лет бриковедению, а потому легко ориентирующегося в расстановке сил в этом любовном треугольнике, публикация писем В. Маяковского к Л. Ю. заинтересовала в сопоставлении с другой историей, которая произошла почти двумя десятилетиями спустя.

В 1958 году в издательстве АН СССР вышел 65-й том «Литературного наследия» — «Новое о Маяковском», где впервые были помещены 119 писем В. Маяковского к Л. Ю. Брик (тоже с комментариями В. А. Катаняна), и шесть из них, под № 50, 83, 86, 88, 94, 101, опубликованных в 1940 году, — повторно.

Но тогда, в конце 1950-х, эта публикация вызвала незамедлительную реакцию высшего руководящего органа правящей партии — КПСС: 31 марта 1959 года было принято специальное (!) постановление ЦК КПСС «О книге «Новое о Маяковском»», в котором, в частности, говорилось: «...Отделение языка и литературы Академии наук СССР допустило грубую ошибку,

выпустив 20-тысячным тиражом 65-й том “Литературного наследства” “Новое о Маяковском” В книге содержатся материалы, искажающие облик выдающегося советского поэта; опубликована переписка, носящая сугубо личный, интимный характер, не представляющая научного интереса... Реакционная зарубежная пресса использует книгу “Новое о Маяковском” в целях антисоветской пропаганды. Содержание книги вызвало возмущение советской общественности...».

И дальше, как и положено «сделаны оргвыводы», «виновные наказаны» и указаны меры по преодолению этой «идеологической диверсии».

И меня не оставляет мысль: почему же то, что не вызвало отрицательной партийной оценки в 1940-м, стало «идеологической диверсией» в 1958-м? Кому дано разгадать эти партийные загадки?

«Клей из покойника»

На книге Виктора Шкловского «О Маяковском» («Советский писатель», 1940) авторская надпись:

Л. Ю. Б.! О. М. Б.! Жизнь моя прошла рядом с вашей жизнью. Много мы видели вместе. Много я узнал от Брика, не имеющего желаний. Попытался писать справедливо

Виктор Шкловский
9 мая 1940.

В книге на полях многочисленны пометки Л. Ю. [Катанян В. В., 2002. С. 185].

Недавно были опубликованы в более полном, чем ранее, варианте «Дневники» К. И. Чуковского. И там читатели впервые ознакомились с записью Корнея Ивановича, датированной 25 января 1932 года: «Шкловский говорит об отношении Брикков к Маяковскому: “варят клей из покойника”»¹⁹³.

По-видимому, слух об этих несправедливых словах Шкловского дошел и до Л. Ю., и между ними возникло отчуждение, длившееся годы.

И вот теперь — эта книга с покаянной надписью...

Когда же Виктор Борисович был более искренен в отношении к Брикам: в 1932-м или 1940 году?

ЗАШИФРОВАННАЯ ПОЭМА КРУЧА

Наряду с многочисленными изданиями о Маяковском и его окружении, появившимися в «урожайном» 1940 году, были, оказывается, и произведения, написанные в стол; некоторые из них увидели свет много лет спустя, а другие, возможно, так и не встретили своего читателя...

Соратник Маяковского по футуризму Алексей Крученых тоже готовил к изданию в 1940 году свои воспоминания «Наш выход. К истории русского футуризма», но намерение это реализовано не было¹⁹⁴. Советские издатели, загипнотизированные титулом Маяковского, присвоенным

ему Сталиным, трактовали футуристическую предысторию «трибуна революции» как грехи его поэтической молодости и не хотели углубляться в опасную тему. Словом, эти воспоминания напечатаны тогда не были, и не был выплачен гонорар за них, на который рассчитывал вечно нуждавшийся Круч.

Тогда же он пишет «вторую поэму» «Игра в аду».

Сергей Сигей¹⁹⁵ в послесловии к изданной им в Мадриде «второй поэме» «Игра в аду»¹⁹⁶ пишет:

«Игру в аду» Алексей Крученых... писал дважды. Первая поэма появилась в соавторстве с Велимиром Хлебниковым в 1912 году, ее второе дополненное издание вышло в конце 1913¹⁹⁷. Работа на этом не закончилась, но других изданий уже не было. Эта первая поэма особенно знаменита иллюстрациями к ней: Наталья Гончарова, Ольга Розанова, Казимир Малевич — имена художников во многом определили интерес коллекционеров к двум ее выпускам. Вдобавок ко всему, в последние годы жизни Алексей Крученых раскрашивал от руки некоторые из сохранившихся у него экземпляров.

Когда в конце 1930-х годов Н. И. Харджиев начал готовить к печати том «Неизданного Хлебникова»¹⁹⁸, то попросил Крученых как можно точнее указать те части текста, которые были написаны Хлебниковым. Но Крученых всегда утверждал, что сделать это невозможно и ссылаясь на «потерю памяти».

Настойчивость Харджиева и его любопытство привели к неожиданному результату. Однажды к нему пришел Крученых и с таинственным видом вручил машинопись «настоящей», по его словам, «Игры в аду».

— Что это за гадость? — спросил Николай Иванович, бегло просмотрев текст.

— Это показатель моего мастерства, — отвечивал Алексей Елисеевич.

Когда Харджиев рассказывал мне эту историю, он и возмущался и посмеивался: Крученых «позволил себе» написать другую «Игру в аду», отказавшись от чести быть «только соавтором» Велимира Хлебникова.

Н. И. Харджиев очень высоко ценил заумный период творчества Крученых, а все остальные его произведения всего лишь собирал в объемистые папки. Получив от Николая Ивановича машинопись «поэмы второй», я вернул ее на следующий день, сделав, разумеется, с нее список...

«Игра в аду», написанная в 1940, была... (впервые) опубликована в машинописном журнале «Транспонанс»¹⁹⁹, который Ры Никонова²⁰⁰ и я делали в то самиздатское время. Публикация сопровождалась комментарием, но в нем не было ни слова о действительном содержании поэмы. Так мы договорились с Харджиевым: в 1984 году касаться ее «реального плана» было опасно — «предперестроечный» мороз трещал на дворе изо всех сил.

Эта поэма не имеет никакого отношения к идиллистическим временам 1912 года: картежная игра происходит не в сказочном аду, а в совершенно

реальном мире. Пространство игры сконцентрировано в московской квартире Бриков, где «игроцкие» страсти на протяжении многих лет были главным развлечением. Когда-то и сам Крученых играл здесь в любимый им ма-джонг. Кем были многие другие игроки — сегодня хорошо известно (об этом достаточно уже написано): сплошь чекисты.

В поэме безусловно содержатся отзвуки рассказов Осипа Брика о его славной следовательской деятельности в застенках ГПУ²⁰¹.

Игру ведут «кровавые беркуты», еще десять лет назад — друзья Маяковского, которые теперь делят «рыжий» результат бессрочного авторского права Лили Брик на все гонорары «лучшего и талантливейшего поэта нашей эпохи»:

У всех занятие одно —
тащить червонцы из хриплого горла...

Не случайно упоминается и Париж с забываемой Эльзой Триоле...

Почему Алексей Крученых, воспевающий в «Ирониаде» (своей последней изданной, пусть и на гектографе, книжке)²⁰² вполне понятную и прекрасную Чекиту²⁰³, написал все-таки не гимн, а чистую правду, не замутненную даже заботами о стиле, остается загадкой.

Вероятно, перестав быть поэтом-заумником, он пытался все-таки остаться поэтом.

Удивительным образом главная нота «адской поэмы» Крученых стала едва ли не «вечной» в русской поэзии второй половины XX столетия:

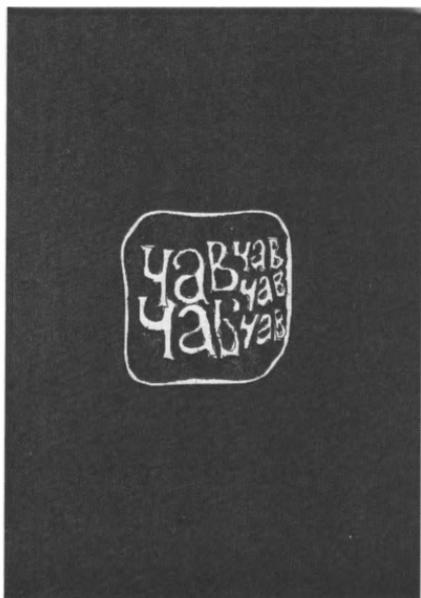
Не ходите
дети
в лес
там советская власть
там под музыку пьют
кровь народную масс
костью бьют по столу
и выигрывают)²⁰⁴

(Я прошу прощения у Сергея Сигея за столь обширное цитирование его работы, но кто же из любознательных читателей, заинтересовавшись только по ссылке ею, сможет раздобыть это, столь редкое издание?)

Читать поэму очень сложно, можно только угадывать и трактовать, каждый по-своему, ее образы и содержание.

Известный исследователь авангарда Сергей Бирюков²⁰⁵ в своей статье «Русский авангард возвращается: на сей раз через Испанию»²⁰⁶ пишет:

Вторая поэма «Игра в аду» — сложно зашифрованная вещь. Зная реалии тех лет, можно сделать некоторые предположения. Сигей в своем последнем высказывает предположение, что Крученых описывает игру в карты у Бриков — вполне возможно. Хотя и не исключено, что у поэмы есть и более широкий контекст. Крученых — фигура непроясненная. После гибели Маяковского он становится маргиналом, чудаком, собирающим чужие

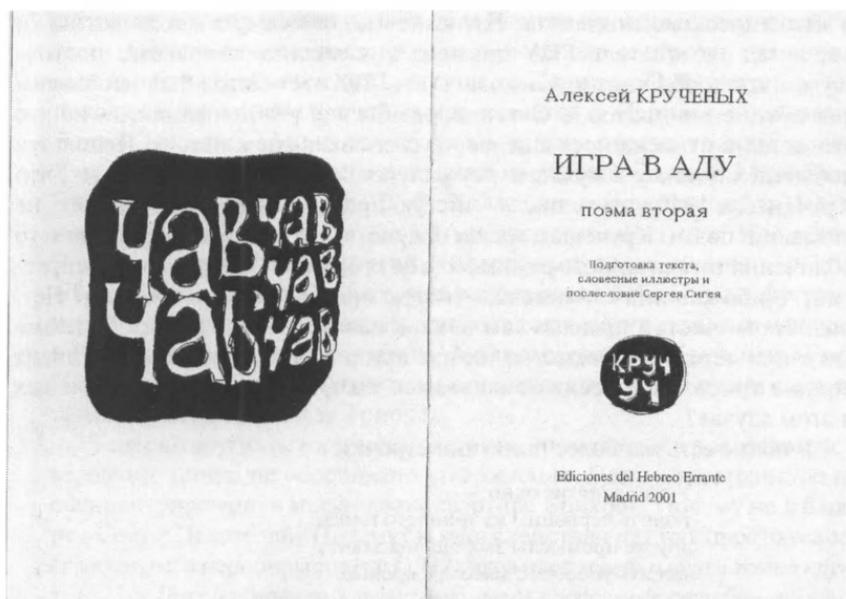
Обложка книги А. Крученых «Игра в аду. Поэма вторая» (Мадрид, 2001 г.)

рукописи. Его попытки вписаться в новую литдействительность терпели неудачу. К счастью, скажем мы сейчас. Так вот, этот широкий контекст может быть не одной квартирой, а целой страной. Вот любопытный эпизод:

На воздухе проточном
сидит мудрец в обличи восточном,
мечтает жадно под кусточком:
Я б поверил — веры нет,
я б играл — монеты нет,
я б любил — охоты нет,
я бы умер — смерти нет, —
Так живу совсем пустой,
говорят, что я святой...

Другой известный исследователь авангарда, Андрей Крусанов²⁰⁷, в статье «Игра в аду в Мадриде»²⁰⁸ категорически возражает против интерпретации Сергеем Сигеем содержания поэмы.

В 1912 году «Игра в аду» представляла собой, по определению Крученых, «ироническую, сделанную под лубок, издевку над архаическим чертом». В варианте 1940 года уже не ирония, а откровенная сатира, и не лубок, а скорее фантазмагория в духе Босха, издевательство, но отнюдь не над архаическим чертом. А над кем? От ответа на этот вопрос зависит понимание вещи целиком. Поочередная же подстановка разных объектов осмеяния приводит к принципиальным изменениям в понимании текста. Строго говоря, среди действующих лиц чертей нет вообще: в карты «рвзятся черные средь склепов-зал». Кто такие эти

Титульный лист книги А. Крученых «Игра в аду. Поэма вторая» (Мадрид, 2001 г.)

«черные»? Публикатор и автор послесловия Сергей Сигей считает, что это — чекисты. Сомнительно. На блатном жаргоне «черный» — это «зэк», принадлежащий к блатному миру; такие зэки носят одежду черного цвета (имеется в виду колониетская форма установленного образца)... Учитывая обилие в этой поэме блатного жаргона (арап=мошенник, жулик; гусар=шулер; пузанчик=упитанный ребенок; канифоль=обман; и т. д.), вторая трактовка имеет достаточные основания. Вот, уже, как минимум, две взаимоисключающие версии, а если учесть, что и в первом варианте поэмы (1912) также «резвятся черные среди плена и злата круглых зал», то авторское указание именно на сказочных чертей дает нам третью не менее определенную трактовку.

Так кто же все-таки играет в этом крученыховском аду: черти, зэки или чекисты? Думаю, что ни те, ни другие, ни третьи. Вот как их обозначает Крученых: Зел-драк (дракон), ведьма, микроб (ребенок), нищий, блудница, ростовщик, Чаплин, мот, три купца-миллиардера, гусар, банкир, монах, философ. Сигей обосновывает свою трактовку, сопровождая текст Крученых комментарием «о действительном содержании поэмы», и утверждает, что действие «происходит не в сказочном аду, а в совершенно реальном мире. Пространство игры сконцентрировано в московской квартире Бриков», игроками являются чекисты, причем «в поэме безусловно содержатся отзвуки рассказов Осипа Брика о его славной следовательской деятельности в застенках ГПУ.

Припоминаю, что кто-то уже использовал методы литературоведческого исследования, основанные на поиске политического компромата

и политического подтекста. Ну, конечно, эту самую методологию 70 лет назад следователи ГПУ применяли к анализу творчества поэтов-заумников и обэриутов. Следователям ГПУ этот метод был необходим для обвинения поэтов, а Сигею вроде бы для реабилитации, — но это уже детали, относящиеся к целевой установке, а не к методу. Используя добытый подтекст в нужном ему ракурсе, публикатор утверждает, что Крученых в 1940 году написал «чистую правду» о чекистах. Человек, не читавший поэмы Крученых, может подумать, что там содержатся какие-то обвинения тоталитарного режима или хотя бы описания реальных репрессий, — ибо как иначе написать «чистую правду» об этом времени? Нет, подобной «чистой правды» там нет и в помине. Впрочем, если в поэме «играют» черти или чекисты, то, как автор сатиры Крученых выглядит вполне пристойно. А если осмеиваются ээки, то как выглядит Крученых в этом случае?

В поэме есть наиболее понятные строчки:

У всех занятие одно —
тащить червонцы из хриплого горла,
другие промыслы заброшены давно,
тащить упорно, с мясом, с кровью.

Публикатор интерпретирует их как «результат бессрочного авторского права Лили Брик на все гонорары от издания сочинений» Маяковского. Не знаю, чем так не угодила Лиля Брик Сигею, но ей-то как раз не надо было «тащить упорно, с мясом, с кровью», ибо, по предсмертной воле Маяковского, она оказалась среди законных наследниц поэта, и гонорары ей перечислялись автоматически. А потом Лиля — одна, а Крученых утверждает: «У всех занятие одно». Так что предложенная публикатором интерпретация, мягко говоря, не совсем подходит к этим строчкам. Если уж становиться на этот скользкий путь, и вслед за Сигеем принять, что «хрипкое горло» принадлежит именно Маяковскому, то, думаю, Крученых мог иметь в виду совсем другое событие: а именно, в 1940 году официально отмечалась 10-летняя годовщина смерти Маяковского. И поскольку событие носило характер государственного мероприятия, то практически во всех газетах и журналах не только в Москве, а по всей стране, в каждом городе, печатались статьи, воспоминания и материалы, посвященные Маяковскому. В том же 1940 году было издано несколько сборников, посвященных творчеству поэта. В буквальном смысле на страну обрушилась лавина литературоведческих и мемуарных материалов. У самого Крученых к этому времени уже 8 лет как были написаны мемуары «Наш выход», но даже в эту годовщину их не напечатали. Его обошли, задвинули в угол, забыли и, естественно, оставили без денег. Отсюда и нескрываемая обида Крученых: «У всех занятие одно — <...> тащить упорно, с мясом, с кровью».

Кроме того, как соратник Маяковского, Крученых не мог не видеть того тенденциозного искажения фактов, с помощью которого Маяковский настойчиво отрывали от футуризма, замалчивали его бывших

соратников и вписывали поэта в совершенно иной идеологический контекст. Отсюда в поэме появились весьма ядовитые строки: «одно роднее золота и ближе: обман и ложь, отсюда до Парижа». Публикатор по этому поводу замечает: «Не случайно упоминается и Париж с незабываемой Эльзой Триоле...». Многоточие, по-видимому, означает какой-то намек. Я не понимаю этого намека и не знаю претензий Сигей к Эльзе Триоле. Однако в Париже жил еще В. Ф. Ходасевич, выпустивший в 1939 году книгу «Некрополь», с весьма злыми воспоминаниями о Маяковском. В том же Париже жил Георгий Иванов, выпустивший еще в 1928 году «Петербургские зимы», в которых рассказывал небылицы о футуристах и лично о Крученых. Да мало ли какую гадость могли сказать и напечатать в Париже про русский футуризм, Маяковского или Крученых. Так что Париж упоминается действительно неслучайно, но не стоит сюда пригильгивать напрасно Эльзу Триоле...

Теперь о других исторических деталях, упомянутых в послесловии. Совершенно ничем не обосновано утверждение, будто «пространство игры сконцентрировано в московской квартире Бриков». Почему не в бараке? не в Союзе Писателей? Почему бы месту действия не быть просто условно-сказочным: в первом варианте (1912) игра идет *«среди плена и злата круглых зал <...>. Покой и мрачен и громоздок, везде поддельные столбы»*, во втором варианте (1940) — *«среди склепов-зал»*. Это все что угодно, но только не московская квартира Бриков.

Далее — об «отзвуках рассказов Осипа Брика о его славной следовательской деятельности в застенках ГПУ». Нетрудно догадаться, откуда дует ветер. В своих воспоминаниях Р. Якобсон²⁰⁹ упоминал о работе О. Брика в Чека и сообщал, что тот при встрече в Берлине рассказывал ему несколько кровавых эпизодов. Но вообще-то ниоткуда не следует, что Брик работал там следователем, более того, в архивах МЛК²¹⁰ недвусмысленно указан род его деятельности в Чека — юрисконсульт. Так что никакой «славной следовательской деятельности в застенках» не было и в помине. Нельзя же всех сотрудничавших в этой организации считать следователями. Организация большая, кому-то и в канцелярии надо сидеть. Лиля Брик тоже там работала²¹¹, и Галина Бениславская работала в ГПУ, но только имела дело с иностранной периодикой²¹².

В общем уже понятно, что автор послесловия подгоняет факты под заранее заданную концепцию. Но, к сожалению, эта концепция ничего не дает для понимания крученыховской фантазмагии.

Впрочем, справедливости ради, надо отметить, что С. Сигей не претендует ни на историчность, ни на научность, ни на какое-либо исследование. Это лишь вольная публикация неизвестного ранее текста, все остальное не входило в задачи публикатора. Если все-таки это издание рассматривать исключительно как артистический акт, то все приведенные выше полемические аргументы становятся совершенно неуместными. Критиковать содержание этой книги с научных позиций — все равно что ловить руками солнечный зайчик. Ave, Сигей, крученыховеды всего мира приветствуют тебя!

(Приношу аналогичные извинения Андрею Васильевичу Крусанову за цитирование здесь целиком его редкой статьи, имеющей принципиальное значение в раскрытии этой истории).

Насколько мне известно, С. Сигей не вступил в открытую полемику с А. Крусановым, чтобы отстоять свою точку зрения относительно трактовки содержания поэмы А. Крученых «Игра в аду» (1940), которую он изложил в послесловии к ее мадридской публикации (2001).

Но он сделал это в нескольких письмах ко мне и при этом не возражал против их цитирования или публикации мной в печати²¹³.

Ничего особенного в моем послесловии нет. В своей рецензии Крусанов напрасно пропустил имя Харджиева, от которого «особенное» мне же известно.

Чтобы не разочаровывать Вас, попробую кое-что к послесловию добавить. Поскольку я слышал и прежде о Ваших изысканиях в связи с Бриками (хотя книги Вашей у меня нет²¹⁴), думаю, что Вам тоже многое известно и будет понятно в намеренно запутанном, «сдвинутом» тексте Крученых. Поэтическое произведение (любое) не прямолинейно, а в данном случае и вовсе кривовато — как раз потому, что маскирует «реальный план».

В квартире Бриков были в ходу прозвища, почти для всех гостей (не без помощи самого Крученых, придумавшего, например, в свое время «кличку» для Хлебникова — «Пума»; Харджиев его за это проклинал).

След этих прозвищ в поэме явен: все микробы, гусары, банкиры, купцы и пр. ведьмы имеют в основе эти «квартирно-партийные клички»: «Банкир» — Краснощеков, «гусар» — Примаков, «Чаплин» — вовсе не Чаплин, а Кулешов, «зел-драк» — Агранов, есть и Сергей Третьяков²¹⁵ («кровавый беркут», давно отказавшийся от пудры и футуристического грима 1913 года), есть и другие «постояльцы». Крученых смешал годы и десятилетия, подобно картам в колоде; иных назвал даже по именам («лев» — Эльберт). Кончается вся вакханалия появлением «призрака Маяковского».

Когда Харджиев все это и многое другое мне торжественно сообщал, я, признаться, слушал его в пол-уха. Тогда «реальный план» мне был не интересен. Сам Крученых поэму эту тщательно скрывал, а Харджиев передал ее машинопись в Музей Маяковского только перед отъездом в Амстердам²¹⁶ (хотя в самиздате, благодаря ему, она все равно уже много лет существовала)²¹⁷.

Значит, это все-таки авторская трактовка содержания поэмы, дошедшая к нам через Н. Харджиева и С. Сигея, а не просто измышления ее публикатора, и это принципиально важно.

Когда же я выразил сомнение, как мог А. Крученых продолжать дружеские отношения с Л. Брик после того, как уже написал в стол эту поэму, С. Сигей мне ответил:

Меня удивило Ваше замечание о Крученых — что он бывал у Брик в доме до самой своей смерти, а вот — написал-де такую о ней вещь. Что

в этом странного? Это как раз очень «по-людски» («по-людоедски») — разве «простые смертные» только и не заняты тем, что сплетничают и злословят?²¹⁸

И все же, что побудило А. Крученых написать в 1940 году эту поэму, глубоко зашифровав ее содержание, остается пока невыясненным.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В день рождения Лили Юрьевны славные супруги Леонидовы подарили ей удобную скамеечку-подставку для ног, да еще с шутливым стишком:

Л. Ю. Б.
 Для Ваших ножек — лучших в мире,
 Конечно, нужен пьедестал.
 Но... пьедестала не достал
 Ни в магазине, ни в квартире.
 Пришлось скамейкою простой
 Нам заменить величье бронзы.
 ...Но вспыхнул на скамейке розы
 Под Вашей розовой пятой.

Э. и О.
 11 ноября 1940 г.²¹⁹

«ДЕЛО О ПЛАГИАТЕ»

В конце года президиум Союза писателей провел специальное заседание, посвященное обсуждению книг о творчестве В. Маяковского, вышедших в юбилейном году. Оно продолжалось несколько дней, и подробные отчеты о нем оперативно публиковались в «Литературной газете» и других центральных органах печати.

Судя по обозначенной теме заседания, можно было ожидать, что на нем по крайней мере будут названы, а возможно, и обсуждены новинки маяковсковедения, которым вынесут соответствующие оценки. Но все сложилось иначе.

Основной доклад на заседании президиума делал А. Фадеев (кому же еще?). Начал докладчик с футуризма как части биографии Маяковского, потом заговорил о поэтических направлениях вообще, а под конец заявил, что в ССП несколько поэтов тоже объявили себя «направлением», хотя они не имеют для этого никаких оснований, в связи с чем он хорошенько полил их грязью, а самый здоровенный ушат грязи достался В. И. Лебедеву-Кумачу и «безграмотному» Алтаузену²²⁰, которого он назвал «ненастоящим поэтом».

В качестве примера того, что «торопливость, небрежность приводят к тому, что Лебедев-Кумач из своей памяти выхватывает рифмы, строчки,

даже целые строфы других поэтов и вкрапляет их в свои стихи», Фадеев сопоставил отдельные стихотворные строки Маяковского и Лебедева-Кумача:

Маяковский

Крепни и славься
В битвах веков
Красная Армия
Большевиков!²²¹

Лебедев-Кумач

Крепни и здравствуй во веки веков...
...мудрая партия большевиков²²².

Маяковский

Под аркой,
где свет электрический множится,
лежит
отдыхая
мать-осьминожица²²³.

Лебедев-Кумач

В океане, где тих и глубок
Свет зеленый дробится и множится,
Лупоглазый живет осьминог
И супруга его, осьминожица²²⁴.

Маяковский

И мы никогда,
никогда!
никому,
никому не позволим!
землю нашу ядрами рвать...

Лебедев-Кумач

Мы теперь никому не позволим
Украинскую землю топтать²²⁶

Подобные примеры я мог бы умножить. Я считаю своим долгом сказать ему об этом, потому что одним из качеств поэта, завещанных нам Маяковским, является добросовестное отношение к поэтическому слову. Сейчас есть не мало поэтов, которые пытаются оправдывать свое небрежное отношение к слову тем, что они, дескать, работают на злобу дня. Но ведь тот же Маяковский, отдавший все свое перо насущным задачам рабочего класса, дал пример того, как можно и должно работать на злобу дня...²²⁷

Завязалась дискуссия. Выступили А. Жаров, М. Чарный, Дж. Алтаузен, А. Сурков, С. Кирсанов, А. Коваленков и другие. Многие встали на защиту Лебедева-Кумача.

Тов. Фадеев конкретно подошел только к одному Лебедеву-Кумачу и то в той мере, в какой эта конкретность могла скандализовать т. Лебедева-Кумача.

Для этого он привел несколько строк Кумача, якобы заимствованных у других авторов, и несколько бродячих образов и рифм, которые найдутся у любого поэта.

Так, например, у Лебедева-Кумача срифмовано «во веки веков» и «большевиков». А эта рифма была уже у Маяковского. Потом она пришла к Кумачу. Давайте судить его. А совсем недавно эта же рифма пришла к Н. Н. Асееву, поэма которого не стала от этого хуже, она осталась хорошей поэмой. Смотрите эту рифму в 11-й главе его поэмы «Маяковский начинается»²²⁸. Давайте, значит, судить и т. Асеева...

Ничего не выйдет из такого суда. Неудачные строки есть у т. Лебедева-Кумача, как у всех нас...

Но как можно поэта всего целиком сводить к его отдельным плохим строчкам? Как можно сводить к ним Лебедева-Кумача, завоевавшего любовь и признание советского народа? (А. Жаров)²²⁹.

До боли обидно, когда вокруг героической и отчасти трагической фигуры Маяковского некоторые литераторы устраивают сейчас пляску пустяков, с размусливанием сомнительных анекдотов, случайных мелочей (М. Чарный)²³⁰.

Вопрос о совпадении отдельных строк и образов не является столь сенсационным, как здесь пытался изобразить т. Фадеев. Я мог бы привести десятки примеров в подтверждение этого, ну, например, вспомните повесть Олеши «Зависть» и образ: «пенсне-велосипед». Потом этот образ, как вы знаете, повторился у Маяковского: «Профессор, снимите очки-велосипед»²³¹. В поэме Светлова «Хлеб» была такая строка: «Словно в очередь к богу, вразвалку лежат мертвецы». Потом эта строка почти полностью повторилась у Маяковского: «Словно в очередь к богу»²³², лежат западные безработные в одной из ночлежек. А сколько строчек т. Лебедева-Кумача блуждает и варьируется в песнях и стихах других поэтов!

И напрасно т. Фадеев пытался придать этому вопросу недостойную сенсационность и тем дискредитировать популярнейшего поэта советской страны (Дж. Алтаузен)²³³.

Вместо того, чтобы назвать своим именем всех «не с нами поющих»²³⁴, всех дряблосердечных эпигонов, процветающих у нас, т. Фадеев свел весь разговор к малоубедительному сличению похожих строк и образов в стихах Лебедева-Кумача, поэта, занимающего значительное место в культурной жизни страны. Так же размашисто расправился т. Фадеев с Жаровым и Алтаузенем. Это не новый для т. Фадеева прием... И по форме и по существу высокомерные характеристики, данные т. Фадеевым Жарову и Алтаузену, неправильны (А. Сурков)²³⁵.

Кто же виноват в том, что разговор пошел, как говорится, не туда? Быть может, здесь есть и некоторая вина отдельных авторов книг о Маяковском, которые слишком упорно хотели, чтобы их взгляды на жизнь и работу Маяковского считались единственно правильными и каноническими. Но основная вина, как мне кажется, падает на т. Фадеева, ибо, переводя

дискуссию непосредственно на разговор о современной поэзии, он перевел совсем не ту стрелку, и разговор покатился по неправильным рельсам... (В. Лебедев-Кумач)²³⁶.

Дискуссия, посвященная якобы книгам о Маяковском, продолжалась...

ПРИВЕТ ИЗ ЛЕНИНГРАДА

В конце года О. М., по-видимому, ездил зачем-то в Ленинград, но от переписки во время этой поездки сохранилась только одна телеграмма:

(339) О. Брик — Л. Брик (Ленинград — Москва; 8 декабря 1940 г.)²³⁷
СПАСИБО ЗА ТЕЛЕГРАММУ ПРИЕДУ ЗАВТРА СТРЕЛОЙ
КРЕПКО ЦЕЛЮЮ =ОСЯ=
[Телеграмма]

ГЕНИЙ ПОД ЕЛОЧКУ

У Л. Ю. было удивительное чутье на все новое, талантливое, на людей незаурядных. Когорта предвоенных молодых поэтов — Борис Слуцкий, Михаил Львовский, Павел Коган, Михаил Кульчицкий... Она их выделила, и они инстинктивно тянулись к ней — музе поэта, которого они боготворили...

Неизвестные, молодые, беспечные студенты бывали у нее в доме, читали ей стихи, разговаривали о поэзии, она их всегда вкусно угощала. Бывало шумно, весело, но безалаберности студенческих вечеринок не было — видно, Лиля Юрьевна как-то их сдерживала.

Сохранилась копия письма Михаила Кульчицкого родителям, где он, в частности, писал:

3.12.40. Сейчас 12 часов ночи, вернулся из гостей. Я пришел к Лиле Брик в 8 вечера. Был чай с творожным пирогом, сардины, котлеты, паштет и графин водки на апельсиновых корках. Жаль, что в конверте ничего этого нельзя послать.

Я читал и мне сказали, что в этом доме от стихов в любом количестве не устают, и просили еще и еще, и я уже не знал, что читать, и прочел кусочек из последней поэмы. Читал я и Слуцкого, Львовского и Кауфмана, которые тоже понравились, и все говорили, что я читаю лучше, чем Асеев <...> и что Маяковский меня бы не отпустил от себя [Катанян В. В., 2002. С. 123].

А накануне Нового года к Лиле Юрьевне привели и познакомили с ней еще одного поэта — Николая Глазкова.

Сам он так вспоминал впоследствии об этой первой их встрече:

В один из вечеров (это было 21 декабря 1940 года) Кульчицкий познакомил меня с Лилей Юрьевной Брик. За полгода до этого прекрасный

поэт Ярослав Смеляков в клубе ССП, завидя меня, сказал Лиле Юрьевне, что это — гений Глазков. Таким образом, Лиля Юрьевна уже тогда была в курсе дела... Лиля Юрьевна одобрила мои стихи²³⁸.

Об этой встрече есть еще одно воспоминание:

Глазков был представлен Лиле Брик.

И — совершенно непредвиденное — сразу вытеснил из поля зрения именитой хозяйки дома всех прочих.

Она выделила его, как выделяют драгоценный перл из полудрагоценных камней и просто мишуры²³⁹

О своей гениальности сам Глазков писал:

Как великий поэт
Современной эпохи
Я собою воспет,
Хоть дела мои плохи.

В неналаженный быт
Я впадаю как в крайность...
Но хрусталь пусть звенит
За мою гениальность!...²⁴⁰

В гостеприимном доме Лили Юрьевны «хрусталь звенит» не только за гениальность Глазкова, но и за наступающий 1941 год, и все желают друг другу — счастья!

Глазков назовет этот год позже «Сорок скверным».

1941 ГОД

СРЕДИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ ОНА МОЛОДЕЛА САМА

Николай Глазков и Михаил Кульчицкий — вот два лидера, которых Лиля Брик выделила из группы молодых поэтов, посещавших ее в Спасопесковском переулке на Арбате. Их азарт и поэтический задор возвращали ее в Петроград, на улицу Жуковского, где четверть века назад проходили такие же встречи с поэтами. Кульчицкий напоминал ей молодого Владимира Маяковского, Глазков — Велимира Хлебникова.

В этом году ей должно было исполниться пятьдесят, но она не хотела даже думать про это, зато очень хотела перенестись в то благословенное время, когда ей было всего двадцать пять.

Петр Незнамов, соратник Маяковского по ЛЕФу, тоже явно симпатизировал Н. Глазкову и даже написал о нем стихотворение, датированное февралем 1941 года:

В спасопесковской тиши я,
В Москве,
    а не в Глазгоу.
Люблю четверостишиям
Внимать ГЛАЗКОВА.
Он пишет,
    словно дышит,
Он время
    славно слышит, —
Не связан
И не скован, —
Вздохнет,
    потом подпишет
Фамилией
ГЛАЗКОВА!

А молодой, стройный и красивый, как гусар, Михаил Кульчицкий, поднявшись над столом с бокалом вина в руке и обращаясь к хозяйке, читает футуристические стихи:

Лиле Юрьевне Брик
Которая Меня открыла.
Долой кума Ча!
    Да здр. крик
Опосля
    зарождения².

Ее лучистые глаза сияют...

О. М. Брик

НАКАЗАНИЕ УНИЖЕНИЕМ

Л. Ю. не могла знать, что в московской Бутырской тюрьме томится ее бывшая близкая подруга, блестящая красавица Нина Владимировна Уборевич, ныне «зэчка», ЧСИР, завшивевшая, в тюремных лохмотьях, почти потерявшая человеческий облик. Выпросив бумагу и ручку, она выскребаёт униженную просьбу:

Заявление Народному Комиссару Внутренних Дел СССР, Генеральному Комиссару Государственной Безопасности Л. П. Берия от Уборевич Н. В. 29 января 1941 г.

Крайне тяжелые личные обстоятельства вынуждают меня обратиться к Вам с таким, в сущности малозначащим и мелким делом.

Несколько месяцев назад здоровье мое и хозяйство пришли в совершенный упадок. Скучная одежда моя обветшала, нет возможности не только чинить ее, но и просто выстирать, т. к. стирка платная. У меня давно нет ни мыла, ни зубного порошка. Попытка чистить зубы мелом, который выдают для чистки параша, кончилась воспалением слизистой оболочки рта.

На почве острого малокровия я ослепла. Лечат меня хорошо, но огромное количество лекарств, которые я ежедневно поглощаю, не могут

Н. В. Уборевич. Тюремное фото (1939 г.)

утолить того мучительного чувства голода, которые пересиливают даже снотворные средства.

Все вместе взятое заставляет меня, г. Народный Комиссар, обратиться к Вам, не найдете ли Вы возможным предоставить мне какую-нибудь часть изъятых у меня без приговора денег.

Если Вы найдете конфискацию моих и девочкиных³ вещей без приговора суда неправильной, то ввиду острой нужды в этом прошу Вашего распоряжения в выдаче мне 1 юбки (не имею никакой), 1 фуфайки или вязаной жакетки (не имею кофты), немного белья и теплый платок или шапку⁴.

За прошедшие три с небольшим года с момента ареста властям удалось сломить ее волю, превратить в потерявшее человеческий облик существо вдову командарма, входившую в элиту советского общества середины 1930-х, готовившуюся к поездке на Парижскую выставку, чтобы достойно представлять там Страну Советов⁵.

Наказание унижением широко применялось в бессердечной практике сталинской карательной системы.

ЛЕКЦИИ В ГИКЕ

По приглашению своего давнишнего друга, известного кинорежиссера Л. В. Кулешова, работавшего в конце 1930-х — в 1940-х директором Государственного института кинематографии (ГИК), в феврале-марте 1941 года

О. М. Брик прочитал в этом вузе специальный курс по критике литературного сценария для студентов третьего курса режиссерского факультета.

О. М. много лет проработал на киностудии и в качестве сценариста⁶, и в качестве руководителя сценарного отдела, отлично знал все особенности тогдашнего кинопроизводства, многократно выступал в печати по вопросам кинодраматургии⁷ и был, конечно, большим специалистом по названной теме.

В архиве сохранились стенограммы прочитанных им лекций⁸, отрывки из которых мы имеем возможность здесь процитировать:

1. Задача курса.

Творческая работа режиссера, как правило, начинается с момента получения им на руки утвержденного к руководству литературного сценария.

Ознакомление со сценарием может вызвать у режиссера три разных реакции:

- а). режиссер начисто отвергает сценарий;
- б). режиссер полностью принимает сценарий;
- в). режиссер принимает сценарий с оговорками.

Обычно реакции эти носят характер эмоциональный и выражаются в неопределенных высказываниях типа: «чувствую» или «не чувствую», «не доходит», «не вкусно» или, наоборот, «волнует», «трогает» и т. п.

Часто бывает, что первая реакция оказывается случайной и режиссера впоследствии удается «уговорить».

Случается, что отрицательное отношение к сценарию вызывается несущественными, случайными деталями. И, если их убрать, то сценарий сразу становится значительно лучше.

И, напротив, — хорошее впечатление от сценария вызвано второстепенными эпизодами, — а по существу в сценарии ничего хорошего нет.

Когда режиссеру приходится формулировать свои оговорки, свои пожелания сценаристу, — он обычно ограничивается весьма туманными просьбами: «укрепить костяк», «выявить характеры», «подбавить динамики» и т. п.

Между тем, от результатов критического анализа литературного сценария, от его тщательности и продуманности зависит в огромной степени успех всей постановки фильма.

Режиссер — не механический инсценировщик литературного сценария. Чтобы осуществить постановку, режиссер должен творчески принять сценарий и воплотить его содержание в кино-образах. Поэтому критический анализ литературного сценария есть первая стадия творческой работы режиссера.

Курс критики литературного сценария имеет целью вооружить режиссера точным знанием, чему должен удовлетворять литературный сценарий, что должно и можно требовать от сценариста и как конкретно сформулировать свои пожелания для доработки сценария до полной его производственной готовности.

Ясно, что никакая редакторская или консультантская правка не может заменить режиссерскую критику сценария, так как, повторяю, эта критика неразрывно связана с творческим замыслом и его осуществлением.

2. Программа курса

1. Анализ литературного сценария со стороны его соответствия основному производственному заданию.

2. Анализ литературного сценария с точки зрения творческого замысла режиссера.

3. Анализ литературного сценария с точки зрения общих законов драматургии.

4. Анализ литературного сценария с точки зрения специальных требований данного кинематографического жанра (биографический фильм, исторический, комедийный, очерковый и т. п.).

5. Определение производственной готовности сценария в отношении фабульного развития, четкости характеристик персонажей, диалогов и пр.

6. Формулировка пожеланий и указаний сценаристу по общим и специальным дефектам литературного сценария.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ НА ПАСХУ

Сохранился шуточный стишок, написанный Григорием Захаровичем Рябовым⁹, посвященный Л. Ю. Как это часто бывало в советское время, по-видимому, в пасхальные дни возник дефицит в продаже куриных яиц, и пришлось нести «женщине, поэтов вдохновляющей» кулек со столь тривиальным и одновременно драгоценным товаром.

Превративши яйца в розы
В дни пасхалии святой
И, потупив скромно взоры,
Лиле БРИК несу РОДНОЙ!

Женщине, поэтов вдохновляющей,
первые и последние стихи свои
посвящает со значением

Г. Рябов
20 апреля 1941 г.
Чистые Пруды¹⁰

ЛИБРЕТТО ОПЕРЫ «ИВАН ГРОЗНЫЙ»

Работать над либретто оперы «Иван Грозный» О. М. начал, по-видимому, еще в конце 1940 года. Вот что он говорил об этом на лекции по кинодраматургии на третьем курсе режиссерского факультета ГИКа 21 февраля 1941 года:

Эйзенштейн рассказывал о больших заданиях, которые даны не только кинодраматургии, но всему фронту искусства по созданию целого ряда

исторических фильмов. Я думаю, он говорил о фильме по созданию образа Ивана Грозного.

Поскольку я работал в оперном театре, мне Самосуд¹¹ поручил написать такое либретто для оперы. Должен сказать, что когда ты принимаешь участие в большой общей работе над решением важной культурной задачи, это сознание очень приятное. И это сознание, оно много сильнее и много больше дает творческому самолюбию, чем если бы мне предоставили возможность осуществить один из моих личных планов.

Я, наоборот, без всякого усилия отодвинул свои творческие планы для того, чтобы принять участие в этом общем плане. Кроме того, мне известно, что Эйзенштейн и Толстой тоже работают над этим¹². Это дает сознание, что вы не какая-то единица, творческая выскочка, а то, что ваши творческие усилия связаны с другими усилиями в осуществлении общей задачи...¹³

Осип Максимович с большим энтузиазмом взялся за работу над либретто оперы «Иван Грозный», как в свое время над либретто оперы «Комаринский мужик» (муз. В. Желобинского), поставленной в МАЛЕГОТе в 1933 году.

Он обложился историческими книгами и журналами. Каждый сюжетный ход имел историческое обоснование¹⁴. В архиве сохранилось несколько вариантов либретто¹⁵.

Наконец, в мае 1941 года работа была закончена, и О. М. отнес первый машинописный экземпляр в Большой театр — «заказчику» — Самосуду.

На первой странице авторского экземпляра он сделал дарственную надпись:

Любимой дорогой Женичке — талантливому
соавтору и идеальному секретарю с машинкой
от благодарного автора,
т. е. от Оси
21 мая — день окончания и сдачи этого опуса¹⁶.

Писать оперу для театра должен был композитор Мариан Коваль¹⁷, а Осип Максимович свою работу закончил. Все! Пора отправляться на юг, на отдых...

НЕОЖИДАННЫЕ ПИСЬМА

Перед отъездом О. М. на отдых Брики получили неожиданное письмо из Музея В. Маяковского:

Уважаемая Лиля Юрьевна!

После перевозки осенью 1940 г. мебели из Ваших двух комнат на Вашу дачу в Пушкино мы обнаружили, что не отвезли Вам письменный столик с одной тумбочкой из бывшей Вашей комнаты.

Я очень извиняюсь перед Вами за этот недосмотр, тем более что этот стол значится в списке вещей, возвращаемых Вам библиотекой-музеем.

Прошу Вас сообщить, когда и по какому адресу можно доставить Вам этот столик.

Уважающая Вас Езерская
5 июня 1941 г.¹⁸

Вопрос о летнем отдыхе Л. Ю. и В. А. еще не был решен, но, по-видимому, как и в прошлом году, они выедут на подмосковную дачу. Туда и столик из музея можно будет перевезти.

***

Неожиданное письмо получила в тюрьме и Нина Владимировна Уборевич в ответ на свое заявление, поданное 29 января 1941 года на имя Л. П. Берии.

Обычно подобные заявления-просьбы механически подшивались к делу и оставались без ответа. Для Уборевич сделали исключение, ответив — четыре с лишним месяца спустя:

4 июня 1941 г.

Секретно

Нач. Бутырской тюрьмы НКВД СССР майору Госбезопасности тов. Пустынскому.

Просим объявить арестованной Уборевич Нине Владимировне на ее заявление... что ее вещи сданы в доход государства как конфискованные и возврату не подлежат.

Зам. нач. 2 отдела НКГБ СССР Калинин

Зам. нач. 2 отдела капитан Госбезопасности Матвеев¹⁹.

Что ж, у каждой из бывших жен командиров теперь своя жизнь, свои заботы и своя переписка.

И снова в Сочи...

Осип Максимович с Женей, как это стало у них традиционным в летнее время, выехали на Кавказ, в сочинский санаторий имени Цюрупы²⁰.

(340) Е. Соколова, О. Брик — Л. Брик (Сочи — Москва; 17 июня 1941 г.)²¹

УСТРОИЛИСЬ ХОРОШО КОРПУС ШЕСТЬ КРЕПКО ЦЕЛУЕМ = ЖЕНЯ
ОСЯ =

[Телеграмма]

(341) Л. Брик — О. Брику (Москва — Сочи; 17 июня 1941 г.)²²

Любимый мой Котинька,

только что получила вашу телеграмму. Жду мельчайших подробностей. Бинокль твой вернули.

Звонил Владимир²³, что ему звонила жена Ковалея, что Ковалею зво-

нил Ерустовский²⁴ и предлагал Ковалю писать музыку на твое либретто о Чкалове (кот. ты чуть ли не заканчиваешь), а «Грозного» уговаривал не писать!²⁵ Владимирова взволнован и говорит, что уверен, что Ерустовского выведут на чистую воду...

Я его, кажется, успокоила, сказав, что ты оперу о Чкалове и не начинал.

У нас 2-ой день уборка. Все уложили в нафталин. Завтра придет полтер.

Вася еще не видел Павленко²⁶, — никак не может его поймать. Что-то Васе не очень хочется ехать, а мне не хочется оставаться одной.

Третьего дня Коля²⁷ обыграл Васю в цилиндрические шахматы²⁸, а вчера вечером мы закончили Колину книжку — можно отдавать в переплет²⁹.

Сегодня собираемся сыграть с Наташей и с Марком³⁰.

Днем хорошая погода, а вечером 10°

Напишите нам очень подробно, как ехали и какой санаторий. Какая у вас комната и какая уборная. Какая погода?

Вася целует.

Поцелуй Женю.

Обнимаю, люблю.

Твоя Лиля (Киса — рис.)

(342) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Москва; 18 июня 1941 г.)³¹

Дорогой Кисик!

Постепенно устраиваемся. Комнатка очень симпатичная с видом на море — не такая шикарная, как в «Правде»³² и без душа, уборной и умывальника, но все это поблизости.

Врач сказал, что у меня все в порядке, прописал Мацесту и теплые морские ванны. Жене — то же самое.

Кормят здесь очень хорошо, — много и вкусно.

Это пока черновой отчет.

Напиши, что у вас делается.

Крепко очень целую Ося.

[Открытка]

(343) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Москва; 20 июня 1941)³³

Дорогой, любимый Кисявик!

Телеграмму и открытку ты, полагаю, получила³⁴. Пишу подробности.

Ехали мы очень хорошо. Еда была чудная, которую ты сама дала, а в ресторан мы совсем не ходили, потому что там было отвратительно — грязь и пиво, — больше ничего. Еды хватило как раз, даже немножко осталось.

Санаторий им. Цурюпы³⁵ — хорошее учреждение, простоватей «Правды», но доброкачественно вполне. Чудный парк, близко от города, простота нравов, хорошая кормежка — это достоинства, а недостаток — меньше комфорта, чем в «Правде», но это абсолютно не важно.

Вид на море

Вот план нашей комнаты, очень светло и просторно

Когда мы приехали, погода была очень жаркая, а теперь идет дождь и стало много прохладней, что нам к лучшему.

Распорядок дня такой: встаем в 7–7.30. Завтракаем в 8.30. Потом — ванны морские или Мацеста. Обедаем в 2 часа, после обеда спим. В 5 часов — чай с булочками и со свежим клубничным вареньем, которое я здесь купил. Ужинаем в 8 час. После ужина — кино. Уже смотрели «Гибель «Орла» и «Трактористы»³⁶. В 11 часов тушат свет и надо спать.

Лечит нас врачаха — очень симпатичная. Про меня она сказала, что у меня все очень хорошо и расширение сердца небольшое. Анализы и рентген еще не готовы, но, по-видимому, и там все будет в порядке.

Жене она велит, как следует, отдохнуть, потому что у нее все переутомлено: и сердце, и нервы.

Публика здесь средняя, но скромная и воспитанная, много партийцев, моряков, комсомольцев — это основной контингент санатория.

Начали есть фрукты: ели персики, черешню, малину и чернослив. Ждем, что дальше будет.

Челюсть новая оказалась очень удачной, почти не трет. Я ношу ее все время.

Кисик! Напиши мне, пожалуйста, очень подробно, что ты делаешь, про что думаешь, как настроение и в чем вообще дело. Где вы обедаете? Куда ездите? К кому ходите в гости? Или кто к нам ходит?

Все эти сведения здесь совершенно необходимы, потому что никаких новостей здесь нет и быть не может — ввиду идеального однообразия дней и событий.

Очень, очень крепко тебя целую.

Женя тебя очень целует.

Оба мы целуем Васю.

Пиши, пожалуйста.

Ося.

(344) Л. Брик — О. Брику (Москва — Сочи; 21 июня 1941 г.)³⁷

Солник мой, любимый Кэс,
у нас ничего нового.

Книги твои завешены, Муха³⁸ остается в Москве, Сема и Рая³⁹ сегодня уехали, Вася решил не ловить Павленко. Мы решительно нигде не были, собираемся сегодня на выставку, но весь день идет дождь.

Вчера вечером были у нас Лева⁴⁰, Кирсановы и Рябовы⁴¹. Третьего дня играли с Адуевыми⁴² в ма, и Вася выиграл у них сто рублей! чему был несказанно рад.

Очень жду от вас письма.

Только что звонила Полина Юрьевна⁴³. У Фриды⁴⁴ гриппишко, был врач и похвалил П. Ю. за то, что она не поехала на дачу, где у нее могла бы повториться малярия. Приезжал на день Геня⁴⁵, довольный и веселый.

Маленький Павлик⁴⁶ получил диплом отличника.

Звонила Маргарита⁴⁷, — она все хворает. Сняла дачу в Валентиновке.

Звонил Виталий⁴⁸ раза два поиграть, но все не получалось.

Мать моя блаженствует.

Приходили за пакетами из Литинститута и из драмсекции⁴⁹.

Вот и все.

Целую, целую, целую, люблю.

Твоя Лиля (Киса — рис.)

Да, заходил к нам саратовский маяковед⁵⁰. Собирается написать книгу «М-ий в Саратове». Просмотрел все саратовские газеты с 1913-ого года! Вася напишет тебе об этом подробно, а я уже забыла, что он рассказывал, тем более, что он невероятно разговорчивый и сразу надоел мне.

Еще целую.

(Киса — рис.)

«22 июня, ровно в 4 часа...»

22 июня 1941 года ровно в 4 часа утра фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Началась кровопролитная война, которую в нашей стране назвали Великой Отечественной.

С этого дня на долгие годы хроника событий в жизни советского народа разделилась на две части: «до войны» и «во время войны»; при этом каждому ясно, о какой войне идет речь.

КАК МОЖНО БЫСТРЕЙ В МОСКВУ!

(345) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Москва; 23 июня 1941 г.)⁵¹

ПРОДОЛЖАЕМ ЛЕЧЕНИЕ ВЫЕДЕМ ПРИ ПЕРВОЙ ВОЗМОЖНОСТИ.
ТЕЛЕГРАФИРУЙ ЗДОРОВЬЕ

НАПИШИ ПОДРОБНО КРЕПКО ЦЕЛЮЮ =ОСЯ=

[Телеграмма]

(346) Л. Брик — О. Брику (Москва — Сочи; 23 июня 1941 г.)⁵²

ЗДОРОВЫ ЖДЕМ ПИСЬМА ЛЮБИМ ЦЕЛУЕМ =ЛИЛИЯ=

[Телеграмма]

(347) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Москва; 23 июня 1941 г.)⁵³

Дорогая, любимая Киса!

Сейчас послал тебе телеграмму: «Продолжаем лечение, выедем при первой возможности».

Дело в том, что в первую очередь уезжают отсюда все военные и мобилизованные — и поэтому с отъездом надо подождать. Нас заверили, что все пойдет своим чередом и порядком.

Жизнь в санатории идет вполне нормально, организовано, без суеты.

Кроме того, мы были вчера в санатории «Правда» у директора, который нас хорошо знает. Он был очень любезен, жалел, что мы не у него в санатории и обещал всячески нам, в случае надобности, помочь.

Совершенно о нас не беспокойся. Уверен, что все будет в полном порядке.

Очень жаль, что ты ничего не пишешь. Пиши обязательно — почаще и подробней.

Вчера и сегодня погода хорошая, и мы добросовестно выполняем режим: гуляем, купаемся, ложимся в 10. 30. спать и т. п.

Буду тебе часто писать. По телефону сейчас говорить трудно: большущая очередь. Через некоторое время попытаюсь добиться.

Пиши непременно.

Крепко целую, люблю.

Ося.

Женя целует.

Васю целуй.

(348) Л. Брик, В. Катанян — О. Брику (Москва — Сочи; 23 июня 1941 г.)⁵⁴

Любимое мое родное Солнышко,

только что получила твою телеграмму и уже послала тебе срочный ответ⁵⁵.

Мы были вчера на митинге в Союзе Писателей, потом затемнялись, а вечером Васю опять вызвали в Союз Пис., и он написал там статью для Военно-Возд. Флота. Там была масса народу, — все писали на заданные темы.

Тебя все очень ждут. Всем ты нужен — Союзу Писателей, Мосфильму (звонил Каплан⁵⁶), Детфильму (звонил Кулешов, говорил, что надо снимать завтра же!), Малому Оперному театру (звонил этот слепой, забыла его фамилию). Маргарита уже успела повидать Костю⁵⁷.

Вчера вечером, пока Вася был в Союзе, у меня были Жемчужный, Лева⁵⁸, Коля Глазков.

Звонила Александра Гавриловна⁵⁹. Сейчас позвоню ей, что от вас была телеграмма⁶⁰.

Обо мне не беспокойся, — я тоже спокойна за вас. С кофе обращаюсь более бережливо.

Окна занавешены, радио стоит в столовой.

Поставлен еще репродуктор от трансляционной сети, чтобы его не выключать.

Люблю ужасно!

Целую, целую, целую.

Твоя Лиля.

Крепко вас целую.

Ваш Вася.

(349) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Москва; 25 июня 1941 г.)⁶¹

Дорогой, любимый Кисик!

Получил оба твои письма: от 17-го и 21-го и телеграмму от 23-го. Надеюсь, ты мое «авиа» от 23-го уже получила.

Здесь все идет нормально, в полном порядке. Санаторий наш функционирует исправно, — кормят, поят, лечат, возят в Мацесту.

Разъезд идет планомерно, и думаем, что в ближайшие дни удастся выехать.

Вчера были в театре, — смотрели Погодина «Кремлевские куранты»⁶² в исполнении артистов Ростовского театра — неплохо. Пьеса, как всегда у Погодина, остроумная, но никакой драматургии. Просто инсценированные исторические очерковые эпизоды, еле связанные намеком на фабулу.

В театре было человек 100. Свет в зале и фойе не зажигали, горело несколько синих ламп, потому что в городе проводили затемнение.

Очень жду твоего письма с московскими новостями.

Радио слушаем здесь регулярно, газеты приходят на 2-ой день.

Ну, целую тебя крепко, Котик.

Привет Васе и всем друзьям и знакомым.

Женя крепко целует.

Ося.

Больше писать нечего.

Буду писать по-малу, но часто.

(350) Л. Брик — О. Брику (Москва — Сочи; 26 июня 1941 г.)⁶³

Осинька!

Любимый, родной мой, единственный!

Получила твое письмо от двадцатого. Письмоносица отдала его мне, когда я третьего дня дежурила на нашем дворе, у нашего подъезда, от 3–6 ч. дня. Сегодня я дежурила от 2–6 ч., а Вася в домоуправлении от 10–2 ч. ночи.

Поставили у себя радио от Моск. сети и не выключаем его. Все сигналы и инструкции передают по Моск. сети. 24-ого провели воздушную тревогу⁶⁴ в бомбоубежище нашего дома; оно устроено в котельной и второе — в комнате Влад. Ник.⁶⁵

Бомбоубежище нашего подъезда — котельная.

Никто не испугался, все были очень спокойны — и старики, и дети, хотя все решительно были убеждены, что налет — настоящий. Не было ни паники, ни толкотни.

Мы отдали проверить наши противогазы.

Каждый вечер к нам приходит Жемчужный, заходят Лева и Коля⁶⁶.

Звонил тебе Шкловский из студии, — ты там нужен. Тебя включили в список работников «Окон Роста»⁶⁷. Литературной частью «Окон» ведают Кирсанов, художественной — Денисовский.

Вася пошел сейчас в «30 дней»⁶⁸ — звонили оттуда с просьбой смонтировать разворот Маяковского.

Вчера приходила Фиалка с Валей. Валя — прощается⁶⁹.

Я ужасно люблю тебя, мое солнышко.

Вчера говорила с Алекс. Гавриловой. Она ждет свою Женю⁷⁰ из Кисловодска и беспокоится о Мусе⁷¹.

Спать ложимся поздно — не раньше 4-х утра, когда уже совсем светло.

Хотела только что позвонить Марье Гавриловне⁷², но ее нет дома, а в книжке устарелые номера Дома ученых. Позвоню вечером, а завтра напишу вам, что у них.

В магазинах сейчас никаких очередей. Все решительно можно купить.

Крепко целую Женичку.

Целую твои лапки.

Твоя Лиля.

Ал. Гавр. говорит, что Нина Гавр.⁷³ держится замечательно и даже уехала отдохнуть на дачу.

(351) Л. Брик — О. Брику (Москва — Сочи; 27 июня 1941 г)⁷⁴

Осенька! Солнышко мое!

Телеграфировала тебе срочно и послала два письма. Одно — авиа, второе — заказное. Написала обо всем подробно.

Говорила с Марьей Гавриловой — Володик в колонии⁷⁵, просил медсестру передать, чтобы мама прислала ему танк и чтобы не забыла конфеты, и что он ждет от нее письма. Он весел, здоров. М. Г. каждый день пишет Жене.

Звонил Жене Павел⁷⁶. У него родилась дочка Таня, 8 ½ фунтов, очень хорошая и здоровенькая.

Алекс. Гавр. получила письмо от своей Жени, что театр доиграет свой сезон в Кисловодске. Она там вместе с мужем.

Нина Гавр. на даче в Жаворонках.

Я так подробно написала вам вчера, что сегодня и писать не о чем.

Сегодня получила твое авиа-письмо⁷⁷. Ужасно обрадовалась!

Вася крепко целует тебя и Женю.

Звонила Ковалю, он все еще не получил из театра либретто. Пишет сейчас песни. Очень обрадовался маршу из «Летающ. пролетария» и немедленно сел писать к нему музыку⁷⁸.

Как чувствует себя Женя?

Поцелуй ее.
 Целую мордочку и лысинку.
 Люблю крепко, крепко.
 Твоя Лиля.

(352) Л. Брик — О. Брику (Москва — Сочи; 29 июня 1941 г.)⁷⁹

Солник!

Сема говорит, что ты мобилизован для работы в «Окнах сатиры»⁸⁰. Они тебя очень ждут.

Пишу тебе ежедневно.
 Жду еще писем от тебя.
 Очень, очень по тебе и по Женичке скучаем.
 Жемч. приходит каждый вечер.
 Вася крепко целует.
 Обнимаю, целую, люблю.
 Лиля.
 [Открытка]

(353) О. Брик — Л. Брик (Сочи — Москва; 29 июня 1941 г.)⁸¹

ВЫЕЗЖАЕМ СЕГОДНЯ ВОСКРЕСЕНЬЕ ПОЕЗДОМ НОМЕР ДЕСЯТЬ
 ВАГОН ТРИ ЛЮБЛЮ ЦЕЛЮЮ =ОСЯ=

[Срочная телеграмма]

ПОЧТОВЫЕ ШТЕМПЕЛИ ГОВОРЯТ О МНОГОМ

Рассмотрев повнимательнее конверты переписки Бриков «Москва — Сочи» 1941 года, можно увидеть здесь немало любопытного.

Оказывается, последние три письма Лили Юрьевны, по нашей нумерации № 350, 351 и 352, отправленные Осипу Максимовичу в Сочи соответственно 26, 27 и 29 июня, не были им получены, ибо он уже выехал из Сочи в Москву 29 июня. Но они не затерялись где-то на почтовой стойке в санатории имени Цюрупы, а с аккуратными надписями «*Выбыл из санатория*» отправились в обратный путь и без потерь попали в Москву, в руки отправителя — Л. Ю., — 10 и 13 июля.

На конверте письма от 27 июня штампель «Просмотрено военной цензурой»: по-видимому, письмо вскрывали на обратном пути в Москву.

Сегодня нам представляется, что в первые дни войны, после неожиданного нападения Германии на нашу страну на какое-то время воцарились хаос и паника, особенно в ее европейской части вблизи стремительно сдвигающейся на восток линии фронта. И до частной ли почты здесь, да еще циркулирующей между Москвой и Сочи? Но оказывается — нет! Порядок в почтовой службе был обеспечен и соблюден с первого же дня войны, и не более чем за две недели (скорость по нынешним понятиям просто немыслимая!) письма дважды преодолели расстояние между

столицей и черноморским побережьем Кавказа (с неизбежной задержкой на переадресацию в санатории)!

А телеграммы, отправленные Осипом Максимовичем 23 и 29 июня (№ 345, 353), были доставлены Лиле Юрьевне вообще в день отправки!

Честь и хвала советской почтовой службе военного времени!

ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ...

С известием о начале Великой Отечественной войны в Москве было объявлено «угрожаемое положение». Город подчинился законам военного времени: уличное освещение отключали, резко снизился накал электрических лампочек, окна домов и витрины магазинов затянули плотной тканью и оклеили светозащитной бумагой, на автомобильные фары поставили специальные сетки-заслонки.

24 июня вой электросирен и голос диктора подняли горожан в три часа ночи. Люди растерянно толпились в арках, лишь немногие побежали в бомбоубежища. Однако первая воздушная тревога оказалась ложной. Советские истребители, возвращавшиеся с задания, были приняты за немецкие бомбардировщики. Наутро газеты назвали тревогу учебной⁸².

Мужчин и женщин трудоспособного возраста обязали по первому требованию оказывать помощь службам и командам местной противовоздушной обороны (МПВО).

24 июня знаменитый актер Малого театра Александр Остужев впервые прочитал по радио стихотворение В. И. Лебедева-Кумача «Священная война»:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы:
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы.

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!..

В тот же день это стихотворение было опубликовано в «Известиях» и «Красной звезде» — первом военном номере главной армейской газеты страны!

Д. Ортенберг⁸³, который был редактором «Красной звезды» в то время, вспоминает: *«В сердце ударила строка, вынесенная поэтом в заголовок стихотворения “Священная война”. Да, именно священная! Эти слова в мыслях и чувствах нашего сражающегося народа. Но Лебедев-Кумач первым произнес их вслух»*⁸⁴.

Газету со стихами показали руководителю Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски, профессору А. В. Александрову⁸⁵. Стихи потрясли композитора — в них было то, чем жил он сам все эти первые военные дни. Александров вновь и вновь перечитывал стихи. Постепенно, как бы сам собою возник их музыкальный образ, услышалась мелодия.

Уже 25 июня ансамбль приступил к репетиции, и вскоре песня зазвучала на Белорусском вокзале для солдат, отправлявшихся на фронт.

Этой песне суждено было стать музыкальной эмблемой Великой Отечественной войны, песней-символом сурового времени, которое оставило неизгладимый след в каждом, кому довелось жить в нем.

***

27 июня в Москве был введен комендантский час. С каждым днем облик столицы становился строже, ожесточеннее. Витрины магазинов заняли плакаты «Окон ТАСС» и крупноформатные листы изогазеты московских художников «В бой за Родину!». В кинотеатрах показывали фильмы «Как уберечь себя от действия отравляющих веществ», «Воздушная тревога», «Как бороться с зажигательными бомбами» и им подобные. На главных магистралях Москвы установили огромные деревянные щиты-плакаты героико-патриотического содержания. На одном из них, например, была изображена женщина-мать, провожающая сына на фронт со словами: «Будь героем!».

ПЕРВЫЕ «ОКНА ТАСС»

Буквально в первый день войны художник Николай Федорович Денисовский с группой знакомых ему московских художников создал коллектив редакции «Окон ТАСС», который по примеру «Окон РОСТА», выпускавшихся В. Маяковским в годы Гражданской войны, стал оперативно выпускать военно-оборонные плакаты на тему новой кровопролитной войны.

Уже в ночь с 24 на 25 июня только что сформированный коллектив начал свою работу, и утром 25-го в витрине художественного салона на Кузнецком мосту, 20, где разместилась мастерская «Окон ТАСС», появился первый красочный двухкадровый плакат художника М. Черемных⁸⁶ с поэтическими строками:

Одно из первых «Окон ТАСС» на улицах Москвы (1941 г.). Москвичи на станции метро «Маяковская» во время налета (1941 г.)

Взял фашист маршрут на Прут⁸⁷,
Но фашиста с Прута прут.

Пытались прорваться в районе Скулении⁸⁸,
Мы дали им в скулы, пошло скуление.

На плакате было обозначено: «Окно ТАСС № 1».

С того дня регулярно в витрине мастерской появлялись новые номера плакатов, они привлекали своей красочностью и художественной выразительностью внимание прохожих.

Первые «окна», выходящие в одном экземпляре, представляли собой картины, написанные маслом. Они выставлялись в витрине мастерской на мольберте или даже на стульях. В правом верхнем углу прикреплялась планшетка с порядковым номером «окна», внизу, под картиной, — текст.

Оригиналы рисунков выполнялись в масле, акварели, темпера, но вскоре их начали размножать вручную с помощью трафаретов и выставлять в нескольких многолюдных местах Москвы, они получили популярность у населения.

Возглавил редакцию «Окон ТАСС» Н. Ф. Денисовский, художественным руководителем был назначен П. П. Соколов-Скаля⁸⁹.

Уже в первом номере, вышедшем в начале войны, «Литературная газета» писала:

По принципу знаменитых «Окон сатиры РОСТА» Маяковского в Москве по инициативе поэтов и художников создаются «Окна ТАСС».

На Кузнецком мосту, 20, устроена мастерская № 1 ТАСС — центр работы бригады художников, которую возглавляет Денисовский, и в которой, в числе других, участвуют старейший специалист в этой области Черемных, художники Савицкий, А. Герасимов, Кукрыниксы, Ряжский, Соколов-Скаля, Сварог, Дейнека, Ефимов, Иогансон и др.

Над текстами к «Окнам» работает бригада поэтов, возглавленная С. Кирсановым. В нее входят Арго, Н. Адуев, В. Ардов, А. Раскин, М. Слободской, С. Швецов и другие.

«Окна ТАСС», оригиналы которых будут выставляться в витринах на Кузнецком мосту, будут размножаться ручным способом по трафарету и вывешиваться в метро, на вокзалах, на площадях столицы⁹⁰.

В составе литературных редакторов работал В. А. Катанян. Осип Максимович приехал в Москву в среду, 2 июля, и, по-видимому, уже на следующий день был в редакции «Окон ТАСС». Весь коллектив ему хорошо знаком, так же как и сама работа над плакатами, которой он занимался еще с Маяковским. И О. М. не мешкая приступил к работе.

В архиве сохранился такой документ:

СПРАВКА.

Литератор Брик Осип Максимович действительно сотрудничает с 26 июня 1941 года в редакции «Окна ТАСС».

Зав. Редакцией Союзной информации ТАСС А. Иухокин.

ТАСС. 10 июля 1941 г. № 10/10741⁹¹

Зачем-то потребовалось удостоверять работу О. М. в редакции недель раньше, чем это произошло в действительности; может быть, чтобы не объяснять излишне любопытствующим, где он был в первые дни после начала войны, и не доказывать, что он не уклонялся от оборонной работы.

А еще через неделю он получил такой любопытный документ:

Уважаемый товарищ Брик!

Решением Президиума Союза Советских Писателей СССР от 14 июля 1941 года (протокол № 10) Вы считаетесь мобилизованным и прикрепленным к киностудии «Мосфильм» для работы над сценариями оборонных фильмов.

Предлагаю Вам прибыть на студию 21 июля к 3 час. Пропуск будет Вам заказан к т. Грудцовой, тел. Г1—63—62.

Нач. Сценарного отдела «Мосфильма» А. Чаковский⁹².

17 июля 1941 г.⁹³

Как говорится, спохватились друзья-писатели. Пришлось «идти и доказывать», предъявляя выше помещенную справку. И тогда на углу письма А. Чаковского появилась резолюция: «Союз писателей уведомлен и согласен с закреплением за ТАСС. Отв. дежурн. Гроссман. 20 июля 1941 г.».

В начальный период выпуска «Окон ТАСС» текст на плакатах подписывался безлично: «Литбригада», без расшифровки конкретными фамилиями, и сегодня трудно, если вообще возможно, точно установить авторство.

В архиве О. М. Брика мне довелось встретить «Летопись изобразительного искусства Великой Отечественной войны. Окна ТАСС. 1941 г.» (Всесоюзная книжная палата. Москва. № 4. 1942 г.) с описанием «окон». В ней вкладыш с текстом, написанным неустановленным лицом карандашом: «*Брошюра с пометками О. Брика, Н. Адуева и др.*». А в самой «Летописи» около описаний плакатов — пометки карандашом с расшифровкой авторов текстов, входивших в состав «Литбригады». И авторство 16 текстов якобы принадлежит О. М. Брику: № 3, 5, 13, 23, 29, 30, 35, 37, 38, 56, 68, 83, 90, 100, 103, 108. Однако я не включил описание этих плакатов в составленную мной «Библиографию О. М. Брика»⁹⁴, так как других объективных доказательств его авторства текстов к «Окнам ТАСС», подписанных «Литбригадой», у меня нет. Более того, вызывает серьезные сомнения достоверность приведенного выше ряда номеров «Окон ТАСС»: как мог О. М. участвовать в создании плакатов первых номеров (3-го и 5-го), появившись в редакции как минимум через неделю после начала ее работы? А также в номерах, превысивших числом даже сотню, хотя проработал он в редакции в 1941 году всего три недели?

ЭВАКУАЦИЯ

Второго июля в Москве началось формирование дивизий народного ополчения, а 3 июля с обращением к советскому народу по радио выступил председатель Государственного комитета обороны (ГКО) И. В. Сталин. По тону его выступления стало ясно, что положение дел на фронтах очень серьезно, враг приближается к столице Советского Союза.

Надо было срочно эвакуироваться — и Брики начали спешно готовиться к отъезду, что на деле оказалось не так уж просто. Прежде всего необходимо было получить по месту работы аттестаты на эвакуацию, но громоздкую эвакуационную машину еще не успели запустить, и дело волокитилось.

Конечно, уезжать следовало вчетвером, «двумя семьями», всем вместе. Но при оформлении эвакуационных документов встал вопрос об официальном статусе Жени в «семье Бриков». Осип Максимович срочно оформил с ней трудовое соглашение:

Трудовое соглашение № 3063

7-го июля 1941 года мы, нижеподписавшиеся Брик О. М., с одной стороны, и Соколова Е. Г. с другой, заключили настоящее трудовое соглашение о нижеследующем:

1. т. Брик поручает, а т. Соколова принимает на себя обязанности литературного секретаря члена Союза Советских Писателей т. Брика.

2. В обязанности секретаря входит: подборка литературного материала по заданиям Брика, перепечатка и корректура литературных работ, ведение деловой переписки и выполнение ряда аналогичных поручений литературного характера.

3. Рабочее время т. Соколовой устанавливается с 12 ч. дня до 19 ч.

4. За указанную работу по настоящему договору т. Брик уплачивает т. Соколовой двести семьдесят пять руб. (275 р.) в месяц. Срок оплаты: 1-ое и 15-ое число каждого месяца.

5. Настоящее соглашение заключается сроком на один год, т. е. по 7-ое июля 1942 года.

Член ССП, билет № 425 О. М. Брик

Е. Соколова

7-ое июля 1941 года

Москва

Адрес О. М. Брика: Спасопесковский пер., д. 3/1, кв. 55.

Адрес Е. Г. Соколовой: Арбат, 53, кв. 5.

Пред. Группкома Григорьева; 8.07.41 г., Москва.

Печать «Арбатское жилищное управление»

Страх. сбор: Р6 — 6;

Культ. сбор: Р6 — 5-50

На обороте:

Срок соглашения продлен до 7-го июля 1943 года

Член ССП О. М. Брик

Е. Соколова

Срок соглашения продлен до 7-го июля 1944 года

Член ССП О. М. Брик

Е. Соколова⁹⁵

Надо было также позаботиться о сохранности мемориальных вещей и рукописей Маяковского, находившихся на хранении у Бриков. Не брать же их с собой в эвакуацию — громоздко и ненадежно, но и бросать в московской квартире негоже. Напрашивался единственный выход: передать все это на временное хранение (только на период войны!) Музею Маяковского, все экспонаты которого должны были попасть на государственное хранение.

И вот перед нами архивный документ — акт:

Принято от тт. Лили Юрьевны Брик, Осипа Максимовича Брика и Василия Абгаровича Катаняна для эвакуации из Москвы на время войны: рукописи, документы, рисунки, фотографии В. В. Маяковского (в том числе три рукописи поэмы «Про это») и рубашка В. В. Маяковского, в которой он умер.

Все эти, принадлежащие упомянутым лицам вещи, упакованы в нашем присутствии в два пакета без описи находящихся внутри документов и запечатаны двумя печатями:

М Библиотека-музей

W В. Маяковского

Все эти вещи по окончании войны полностью подлежат возврату упомянутым выше трем лицам или одному из них.

Настоящий акт составлен в четырех экземплярах

Москва. 9 июля 1941 года

Принят материал без детальной проверки

Директор Библиотеки Музея Маяковского — подпись

Зав. Отделом хранения — подпись

Сдал В. А. Катанян

Печать: Библиотека-музей В. Маяковского⁹⁶

В этот же день, 9 июля, ГКО принял постановление «О противовоздушной обороне Москвы», а на следующий день, 10 июля, началось Смоленское сражение, которое немцы выиграли через неделю. Линия фронта неумолимо приближалась к Москве.

Василия Абгаровича очень тревожила судьба сына. Через полгода мальчику исполнится восемнадцать, и его вполне могут мобилизовать на фронт. Хорошо бы устроить Васю на какое-то предприятие, где ему была бы обеспечена «бронь» и которое сейчас тоже эвакуируется на восток. Какой-нибудь военный завод... А учиться Вася мог бы в вечерней школе, после рабочей смены. Все равно в обычных московских школах предстоящий учебный год отменяется.

После нелегких поисков и переговоров Катаняна-младшего удалось устроить учеником токаря на авиазавод № 81, готовившийся к эвакуации.

А Галина Дмитриевна Катанян оставалась пока в Москве. Впрочем, ее как эстрадную певицу уже зачислили в какую-то артистическую бригаду, которая должна была выехать в прифронтовую зону — давать концерты бойцам.

Глазков эвакуировался в Горький, видимо, в начале июля, сдав в Литинституте последние экзамены. Он спешно прощался со своими товарищами, которые еще оставались в Москве, забежал и к Брикам.

В 20-х числах июля в Горький едет его мать, Лариса Александровна. Брики передают с ней Николаю маленькую посылку с приложенной запиской: *«Посылаю Вам на память — четки. Лиля. А я — печатку с моими инициалами. В. К.»*⁹⁷.

***

Сегодня исследователи темы Великой Отечественной войны сходятся на том, что *«война для Москвы началась не 22 июня 1941 года, а месяцем позже. До того она напоминала громы далекой грозы, которая, как надеялось большинство москвичей, не докатится до стен Белокаменной. В ночь с 21 на 22 июля эти иллюзии пали вместе с бомбами, рухнувшими на город»*⁹⁸.

Около 8 часов вечера 21 июля с наблюдательных постов, расположенных на линии Рославль — Смоленск, на командный пункт ПВО поступила

информация: в сторону Москвы движутся большие группы вражеских бомбардировщиков. Наблюдатели не могли точно назвать их число — самолеты шли сразу с четырех направлений.

Когда председатель ГКО и Верховный главнокомандующий Иосиф Сталин, которому немедленно доложили обстановку, прибыл в бункер, располагавшийся в районе станции метро «Кировская» (ныне «Чистые Пруды») на 50-метровой глубине, противник уже достиг Можайска⁹⁹. Сталин, конечно, не был спокоен, в его поведении очевидцы замечали внутреннюю «взведенность», однако он не вмешивался в действия тех, кому предстояло отразить налет противника и обеспечивать его личную безопасность.

Налет продолжался около пяти часов. Вражеские бомбардировщики шли четырьмя эшелонами на разной высоте большими и малыми группами, стремясь прорваться к центру столицы. На главный город страны в тот день было брошено свыше 200 самолетов 2-го воздушного флота люфтваффе. Трудно представить, что стало бы с Москвой, которая в те годы умещалась в пределах Московской кольцевой железной дороги, если бы вся эта армада сбросила свой смертоносный груз. К счастью, в небо над Москвой прорвались лишь одиночные самолеты. Тем не менее город сильно пострадал.

Второй налет на Москву немцы произвели 23 июля. Мощная фугасная бомба угодила в Театр имени Евг. Вахтангова на Арбате, разрушив часть вестибюля и зрительного зала, и пробила перекрытие Арбатской линии метро — та оказалась слишком близко к поверхности. При этом взрыве народ бросился к станции метро «Арбатская», на лестницах образовалась страшная давка, в результате чего несколько десятков человек были затоптаны¹⁰⁰.

Когда небо очистилось и люди покинули бомбоубежища и подвалы, их взору предстала страшная картина: кроме театра был разрушен и соседний жилой дом № 35, занимавший целый квартал. Чуть не все стекла в домах оказались выбиты. С манекенов распахнутого настерж мехового магазина ниспадали каракули и норки, а из букинистической лавки рассыпались по тротуару книги. Люди молча смотрели, иногда останавливались. Многие плакали, представляя, что их ждет впереди.

Под обломками Вахтанговского погибли известные актеры Василий Куза и Владимир Чистяков — оба дежурили на крыше. Кроме них погибли пожарный и несколько человек из администрации театра.

Все эти события происходили на Арбате, в непосредственной близости от домов, в которых жили Брики, В. А. Катанян и Е. Г. Соколова. Москва стала слишком опасной — пора, пора было ее покинуть.

Наконец 25 июля с невероятными трудностями, имея уже на руках эвакуационные документы, им удалось попасть в поезд, отходящий на восток. В многотысячной толпе на Казанском вокзале они коротко по-встречались и, как оказалось потом, распрощались навсегда с матерью

Лиля Юрьевны, Еленой Юрьевной Каган, которая также пыталась уехать из Москвы — в Армавир, к своей сестре Иде.

А еще через четыре дня с запасных путей без суеты и паники отошел короткий железнодорожный состав, сопровождаемый целой ротой НКВД. В спецвагоне отправлялся в эвакуацию на восток, в Тюмень, единственный пассажир — Владимир Ильич Ленин, телу которого также было опасно оставаться в прифронтовой Москве.

Город Молотов

Итак, вчетвером они выехали поездом на восток, имея эвакуационные документы — в город Молотов. Собственно, этим именем город был назван всего год назад, в 50-летний юбилей одного из приближенных Сталина — В. М. Молотова. Однако новое название еще не повсеместно вошло в оборот, и город порой по старинке называли Пермь, а его организации — пермскими¹⁰¹.

Когда в Союзе писателей выдавали эвакуационные документы, можно было попытаться выехать в главный город Урала, Свердловск, более привлекательный, чем Молотов, но Лиля Юрьевна опасалась, что там помнят ее как жену комкора Примакова, впоследствии оказавшегося «врагом народа». И какой-нибудь местный энкаведешник еще проявит бдительность — арестует ее «до выяснения». Надеяться в этой ситуации на быструю помощь Москвы рискованно.

В Молотове Лиля Юрьевна была проездом с Примаковым в 1931 году, там ее никто не знал. О городе у нее сохранились неприятные воспоминания, но другого выбора не оставалось: Молотов так Молотов.

По прибытии встал вопрос: где поселиться. Можно было по направлению местного отделения Союза писателей — в самом центре города, например в семиэтажной гостинице «Центральная», которую выбрало большинство приехавших литераторов, или же в пригородном поселке Нижняя Курья (пос. Кировский), за Камой, в 18 километрах от города, в районе Мотовилихи. И наша четверка выбрала этот, загородный, вариант. Им удалось снять по комнате на семью в близко расположенных друг от друга частных домах и хотя бы таким образом устроить свое совместное проживание. Лиля Юрьевна с Василием Абгаровичем поселились в доме Щукина на улице Шмидта, Осип Максимович с Евгенией Гавриловной — на улице Горького, 47¹⁰².

Нижняя Курья и соседний с ней поселок Закамск находились на правом берегу Камы, в живописной местности, окруженной сосновым бором. Здесь располагались дома отдыха и пионерские лагеря. Нижняя Курья была связана с Молотовом пригородным железнодорожным сообщением, а в навигацию организовывалась речная переправа через Каму в район Мотовилихи.

Молотов. Центральный вокзал. 1940-е гг. (Здание было перестроено)

Они выбрали для проживания хорошее место: поблизости река и лес, свежий воздух, словом — дачная идиллия. Был, пожалуй, один недостаток — все-таки далеко от центра города: в театр, например, не пойдешь.

РАЗМЕЩЕНИЕ И ОБУСТРОЙСТВО

Прибыв на место и устроившись в поселке Нижняя Курья, Л. Ю. немедленно отправляет Глазкову открытку, сообщая свой адрес и спрашивая о его дальнейших планах. Отвечая на эту открытку, Глазков пишет в августе 1941 года:

«Самая хорошая Лиля Юрьевна. Привет! Вам.

Я по-видимому окончательно (хотя ничего окончательно не бывает) горькуировался»¹⁰³.

В конце письма Глазков передает приветы всем домочадцам Л. Ю., а также В. В. Каменскому.

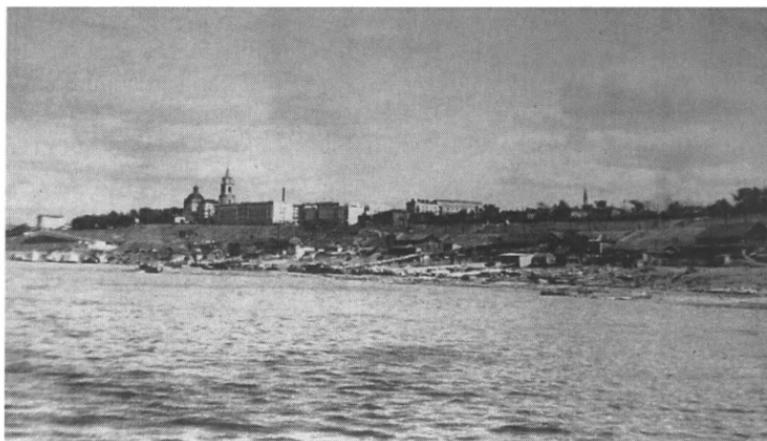
Об их бытоустройстве Л. Ю. пишет в письме матери и невестке О. М. в Москву:

8 августа 1941 года.

Дорогая Полина Юрьевна, Фридошка и все, кто дома, телеграмму вашу о том, что вы пока не едете, получили. Очень тяжело так мало знать друг о друге. Мы были уверены, что вы выедете вслед за нами.

Устроились мы так. У нас две чистые комнатки в двух соседних домиках по 7 кв. метров каждая. Хозяева уступают нам молоко, мед и яйца.

Расстояние от центра такое, как у вас до Сокольников — дачным поездом. От станции 5 минут ходьбы.

Молотов в 1941 г. Вид с Камы

Для Оси и Васи предвидится работа в газете. Размер ее пока неизвестен, но Вася сегодня уже сдает статейку¹⁰⁴.

Мучительно, конечно, беспокойство за всех вас и остальных друзей. Слушаем московское радио [Катанян В. В., 2002. С. 107].

Эта картина дополняется в письмах, отправленных Лилей Юрьевной Наталье Рябовой, отрывки из которых публикуются ниже.

Л. Брик — Н. Рябовой (11 августа 1941 г.)¹⁰⁵

Быт понемногу налаживается. Ося и Вася начали работать. Вчера в местной газете напечатали Васин «маленький фельетон — Маяковский о Муссолини».

Местный комитет по делам искусств просит Осю срочно сочинить программу для летучих концертов и одноактную пьесу. Ося уже написал очень хорошую схему пьесы о Чкалове¹⁰⁶, — на-днях комитет сведет его с театром. Надеюсь, что-нибудь из всего этого осуществится.

Женя хозяйничает. Одна я ничего не делаю. <...>

Собираемся съездить к Каменскому, посмотреть его архив¹⁰⁷.

Есть здесь люди, занимающиеся Маяковским. Они очень рады нашему приезду и хотят всерьез наладить научную работу. Мы не взяли даже Полного собрания! В библиотеке оно есть, но все-таки!

Все самое нужное мы не взяли! Очень трудно будет Васе бросить курить при сегодняшнем состоянии нервов. <...>

Л. Брик — Н. Рябовой (11 сентября 1941 г.)¹⁰⁸

13-го открывается Мариинский театр¹⁰⁹.

В здешнем пригородном кино показывали «Потомок Чингис-хана»¹¹⁰, но мы даже на него не пошли.

Вам хочется знать, что мы не забыли вас, и что нам хорошо. Мы, а в особенности я, помним и очень любим вас, но нам совсем не хорошо! Не лучше ли нам вернуться? <...>

Поселок Нижняя Курья. Л. Брик и В. Катанян на приусадебном участке. Фото О. Брика. 1941 г.

Ося прочел в Краснокамске¹¹¹ две лекции о Маяковском. Слушатели спрашивали о взаимоотношениях Маяковского и Асеева, Маяковского и Хлебникова.

Вася был на переосвидетельствовании, и он теперь «военнообязанный, нестроевой».

Я писала днем для здешнего толстого (все толстые, только я худая) журнала «Прикамье»¹¹² (если напечатают — пришлю).

Ося написал много хороших стихов. Почти все они напечатаны в газете. В «Прикамье» он дает строк семьсот из «Грозного». Но не думайте, что мы от всего этого богатые, — платят очень мало. <...>

Л. Брик — Н. Рябовой (25 сентября 1941 г.)¹¹³

Ося написал много хороших стихов, Вася тоже работает. Но возможностей реализовать наработанное очень мало и платят очень мало. Я написала о Володе, но очень неинтересно. Не уверена, что напечатают.

Хозяйство мы с Женей поделили: она стряпает, а я снабжаю ее, чем удастся.

Вчера получила открытку от Крученыха. Он спрашивает, могут ли в Молотове заинтересоваться литературным архивом и лит. работником. Изредка пишет нам и присылает стихи Глазков. <...>

СОТРУДНИЧЕСТВО В ГАЗЕТАХ

Сразу же после устройства с жильем Осип Максимович и Василий Абгарович появились в редакции областной газеты «Звезда»¹¹⁴ и договорились о постоянном сотрудничестве в качестве внештатных журналистов.

И уже 10 августа 1941 года в газете появился первый «маленький фельетон» Катаняна «Маяковский о Муссолини», а 12 августа «маленький фельетон» Брика «Новое в арифметике». Всего до конца года в газете появилось 9 публикаций Брика (в том числе две — рецензии на книги, выпущенные «Молотовгизом») и 6 фельетонов Катаняна.

Поселок Нижняя Курья, бывшая ул. М. Горького
(ныне — Бородулинская). Фото 2009 г.

Василий Абгарович интенсивно работает над небольшим сборником стихов Маяковского на военную тематику, актуальных для наступившего сурового, порохового времени. Такой сборник, названный «Лозунги-рифмы», вышел в «Молотовгизе» уже в начале ноября¹¹⁵. А 16 ноября в «Звезде» под рубрикой «Книжная полка» появилась рецензия на нее, подписанная «С. Г.»¹¹⁶.

Живые, сегодняшние лозунги Маяковского горячи и призывны.

В. Катанян собрал, снабдив предисловием, а Молотовгиз выпустил книжку отдельных стихов, лозунгов, отрывков из произведений Маяковского, имеющих характер лозунгов и посвященных защите Родины.

Несмотря на неполноту собранных в нем высказываний, книжка интересна и полезна.

А Осип Максимович готовит свои материалы для коллективного сборника, названного «Эстрадный сборник № 1», который, хотя и был датирован 1941-м годом, фактически вышел из печати только в конце января следующего года¹¹⁷.

С декабря О. М. и В. А. подрабатывают также в редакции железнодорожной многотиражки «Сталинская путевка»¹¹⁸.

А вот с литературно-художественным альманахом «Прикамье», выпускаемым в Молотове, сотрудничество как-то не сложилось. Ни в одном из номеров, вышедших за время войны, публикаций О. М., В. А. и Л. Ю. не выявлено. Кстати, в начале 1940-х в альманахе печатались Ю. Тынянов, В. Каверин, М. Слонимский и другие известные авторы, бывшие на Урале в эвакуации.

Дарственная авторская надпись О. М. Брика Е. Г. Соколовой (27 февраля 1942 г.) на «Эстрадном сборнике № 1» (Молотовгиз, 1941 г.). Из собрания автора. Публикуется впервые

ВЕСТИ ИЗ АРМАВИРА

Елена Юльевна добралась до Армавира, куда она эвакуировалась к своей сестре Иде. У нее установилась регулярная переписка с Л. Ю. Ниже — отрывки из нескольких ее писем¹¹⁹.

Е. Ю. Каган — Л. Брик (5 августа 1941 г.)

Только вчера я получила телеграмму от 26 июля о том, что 25 ты выехала в Пермь.

Квартира наша полна народу. Я сплю у одной из соседок, муж которой доктор, мобилизован. Но весь день я, конечно, с Идой. Мы хозяйничаем, шьем и т. д. Я ищу работу. Кое-что обещают и по музыке, и по языкам, но выйдет ли что-нибудь из этого — вот вопрос.

Е. Ю. Каган — Л. Брик (9 августа 1941 г.)

Я считаю, что и вы, и я сделали ошибку, что не поехали в Тифлис — город большой, где можно скоро работу найти, и у Василия Абгаровича там родные и знакомые. Что касается меня лично, то у меня билет ведь был до Тифлиса, и ехали мы неплохо и дружно, но я из Москвы телеграфировала в Армавир, что еду, и вещи слала в багаж в Армавир.

Здесь, как я все время твердила, не место для эвакуации, хотя много народу эвакуированного из Одессы и других городов. Ведь Армавир на военном положении и настроение соответствующее.

В. Маяковский «Лозунги-рифмы». Составитель и редактор В. Катанян. (Молотовгиз, 1941 г.)

Если вы не приживетесь в Перми, то, несмотря на страшное расстояние, надо ехать в Тифлис.

Е. Ю. Каган — Л. Брик (4 сентября 1941 г.)

Теперь в Тифлис трудно или даже невозможно попасть. Никуда здесь билетов не выдают никому, кроме командированных, да и вряд ли там теперь проживают [дальние родственники Е. Ю. — А. В.].

Кроме того, раз я связала свою судьбу с Идой, я не могу ее оставить в случае чего-нибудь неприятного, и самой удрать. Она же не может двинуться никуда, т. к. Киба слишком дряхлый, чтобы даже дойти до вокзала, а средств передвижения здесь нет, кроме своих двоих.

ВСЕ ЕЩЕ НЕ ТАК ПЛОХО

В середине сентября в Нижнюю Курью пришло письмо из «прифронтовой Москвы» от неутомимого Круча:

16 сентября 1941 г.

Дорогие Лиля Юрьевна, Ося, Вася!

Вот не ожидал, что вы меня забудете. Отчего не пишете, не даете о себе знать? Как живете? Что делаете?

Я часто получаю весточки от Ирины Сергеевны¹²⁰, — она хочет увидеться со своим отцом, но ему трудно приехать из-за астмы и прочего.

Скажите, имеет ли смысл переправить в город Молотов мои 25 портретов писателей, а также обширные фотоматериалы по истории советской литературы — вы их знаете. Заинтересуются ли ими там тоже отчасти? Оценят работу и работника? Или там нужно только злободневное?

Поселок Нижняя Курья, Л. Брик и В. Катанян около дома, где они проживали в эвакуации. Фото О. Брика. 1941 г.

В Москве сейчас работы много (в редакциях, издательствах, музеях), я пока ничего лучшего и не желаю.

Дни светлые, часто солнечные, ночи пасмурные, холодные, — все идет отлично.

Николай Иванович Харджиев поступил на службу в Главискусство, по линии кино. Процветает!¹²¹

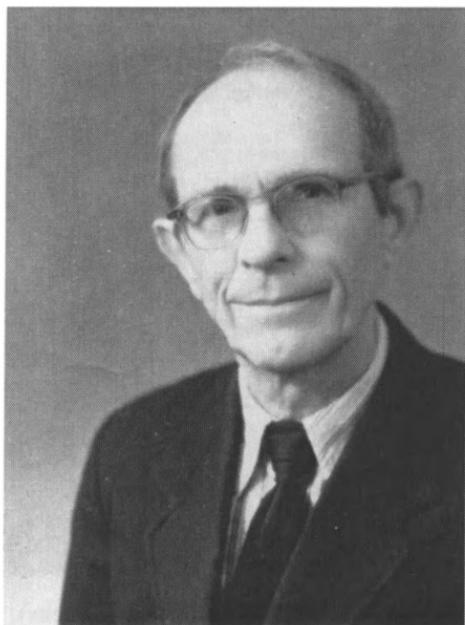
Привет всем!

А. Крученых¹²²

Поразительно, но ни по содержанию, ни по тону письма нельзя даже предположить, что пришло оно из Москвы, на которую неумолимо надвигаются вражеские полчища, и, казалось бы, все мысли москвичей были сосредоточены только на этом. А здесь вдруг: «все идет отлично»?! Не следует предполагать, что это написано для усыпления бдительности цензоров, скрупулезно вчитывающихся во все строки проходящих через их руки писем. Нет, просто такой уж характер был у Алексея Елисеевича: не менять установившегося годами образа жизни, привычных забот и занятий.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЛАНЫ

Молотовское отделение Союза писателей было организовано в 1940 году. Его возглавил Александр Николаевич Спешиллов¹²³. Его дом № 35 на улице Ленина был открыт как для местных, так и для эвакуированных писателей. На весь город славились домашняя библиотека Спешилова и прекрасный кабинет. Его жена, Александра Петровна, занималась финансовыми

А. Н. Спешилов

вопросами и вопросами снабжения писателей продовольствием. Сохранились документы той поры: «Список писателей на получение 5 (пяти) ящ от <такого-то числа>», а также следующая бумага: «Выдать <такому-то> литр вина для поправления здоровья»¹²⁴.

Вот что вспоминает дочь Спешиловых, Елена:

Настоящим местом паломничества советских литераторов (наш) дом стал в период эвакуации. Всех переехавших со своими семьями писателей из Ленинграда, Москвы, Саратова, Киева и др. просто нет возможности назвать... Многие приезжие, еще не определившись с местом жительства, ночевали у нас, в папином кабинете. Потом большинство жило в Центральной гостинице и в деревне Черной около Краснокамска.

Замечательное впечатление (на нас) произвели Брики и Катаян, которые жили тогда в Нижней Курье. Мужем Лили Юрьевны был тогда Василий Абгарович Катаян. В Нижней Курье он работал над хроникой о Владимире Маяковском, изданной потом в Москве в 1945 г. Здесь же жил со своей новой женой предыдущий муж Лили Брик — Осип Максимович Брик. В 1942 г. в Молотовском издательстве вышла его трагедия «Иван Грозный». А у Лили Юрьевны тогда же и здесь же напечатали книгу «Щен», посвященную Маяковскому и одновременно ее любимому шенку. За публикацию этих произведений Бриков Спешилов получил выговор — первый в жизни¹²⁵... Зато когда эта веселая четверка посещала наш дом, это был праздник! Они много рассказывали о Маяковском, о его друзьях и о массе прочих интереснейших людей и событий¹²⁶.

Брики были, пожалуй, первыми столичными литераторами, приехавшими в Молотов в эвакуацию, и А. Н. Спешиллов всячески пытался облегчить им жизнь, оказать всяческую помощь. Будучи одновременно руководителем «Молотовгиза», он сразу же предложил им печататься у него. Осип Максимович решил отдать в Молотовское издательство либретто оперы «Иван Грозный», которое он (еще до войны!) написал для Большого театра; а вот Лиля Юрьевна оказалась в затруднении. Ее последняя большая работа «Маяковский и чужие стихи» была опубликована совсем недавно. А что, если?..

В багаже Л. Ю. лежал черновик рассказа-воспоминания «Собака Щеник», который она написала еще в начале 1936 года, на самом пике вспышки интереса к имени Маяковского. Рассказ тогда опубликовала хабаровская детская газета «Знамя пионера»¹²⁷.

На третьей странице газеты среди материалов о В. Маяковском под общей шапкой «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи» (Сталин) — «Воспоминание Брик: “Собака Щеник”»:

Володя научил меня любить животных.

В Пушкине, на даче, мы нашли под забором дворняжьего щенка. Володя подобрал его. Он был до того грязен, что Володя нес его домой на вытянутой руке, чтобы не перескочили блохи.

Дома мы его немедленно вымыли и напоили молоком доотвала. Живот стал такой толстый и тяжелый, что щенок терял равновесие и валился на бок.

Володя назвал его «Щен». Выросла огромная, красивая дворняга.

Зимой 1919 года, когда мы страшно голодали, Володя каждое утро ходил со «Щенком» в мясную и покупал ему фунт конины, которая съедалась тут же, около лавки.

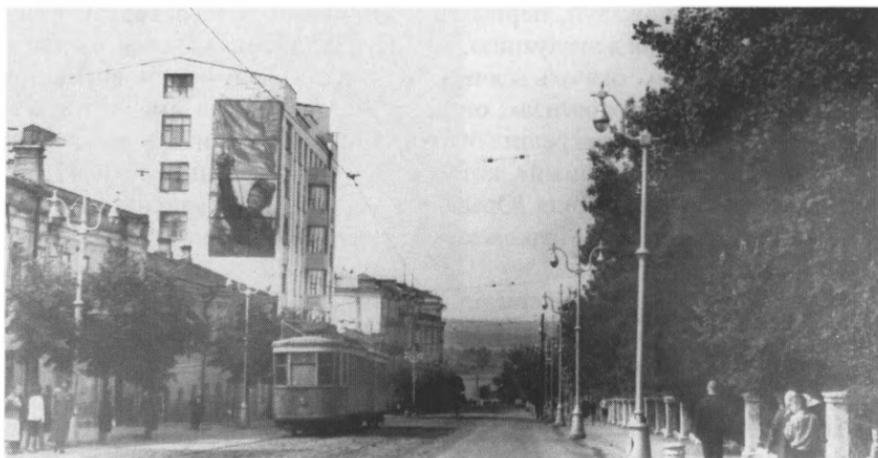
«Щенке» был год, когда он пропал и разнесся слух, что его убили.

Володя вспомнил добрым словом «Собаку Щеника» во второй части поэмы «Хорошо».

И все. С тех пор этот «Щеник» больше нигде не печатался. Что ж, можно немного подправить да и отдать в печать. А чтобы растянуть этот небольшой по размеру текст хотя бы до объема небольшой книжки-брошюры — украсить его многочисленными рисунками «самого Маяковского». Так она и сделала.

ЭВАКУИРОВАННЫЙ БОМОНД

Брики прибыли в Молотов в одной из первых партий эвакуированных, которые все продолжали приезжать. Всего до конца 1941 года сюда приехали более 70 писателей с семьями: М. Козаков (№ 100 в гостинице «Центральной»), М. Слонимский (№ 67 там же), В. Каверин (№ 75 там же),

Молотов в 1941 г.

В. Бианки и И. Соколов-Микитов (пос. Оса), Ю. Тынянов, А. Первенцев, В. Панова, Г. Гор, поэтесса Е. Полонская, И. Арамилев, Н. Вагнер, семьи находившихся на фронте поэтов А. Авдеенко и Н. Брауна и др.

Все они проживали здесь не одновременно, некоторые (например, В. Панова) уже после выезда Бриков.

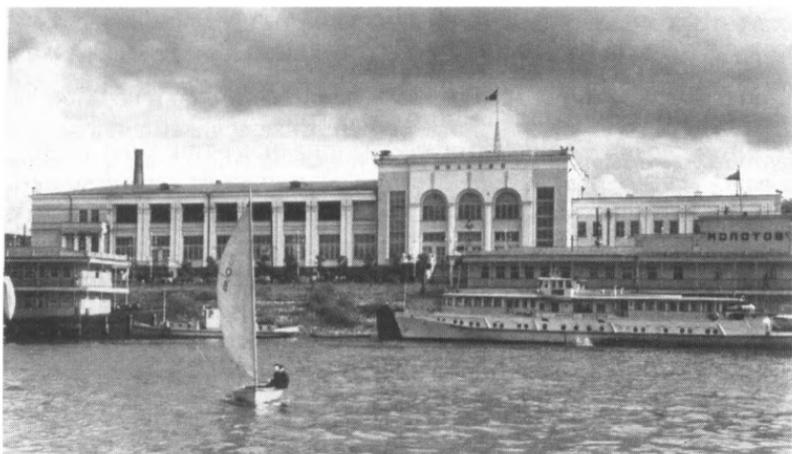
29 августа в Молотов прибыл эвакуированный Ленинградский академический театр оперы и балета имени С. М. Кирова. Ленинградцы получили в свое распоряжение здание городского оперного театра, местная же труппа на три года стала передвижной.

Приехавших артистов сразу встретили бытовые сложности — с жильем, отовариванием карточек, теплой одеждой, которую не все взяли с собой, надеясь, что война долго не продлится. Но возникли и творческие трудности — сцена и зрительный зал Молотовского оперного театра были намного меньше Ленинградского. Пришлось перedelывать и приспособлять к новым условиям декорации и бутафорию.

Несмотря на все неустройства военного времени уже 13 сентября 1941 года Ленинградский театр имени Кирова открыл свой первый сезон в городе Молотове оперой М. И. Глинки «Иван Сусанин»¹²⁸.

Вместе с Мариинским театром в Молотов было эвакуировано и Ленинградское хореографическое училище Вагановой, которое вначале разместилось в той же Нижней Курье (!), а потом переехало в соседний Закамск. Балеринам пришлось заниматься здесь совершенно несвойственным им делом: заготовкой на зиму дров, выращиванием картошки¹²⁹.

Со своей женой, балериной Гаянэ Давидовной, в Молотов приехал и выдающийся шахматист М. М. Ботвинник, хороший знакомый Осипа Максимовича. Гроссмейстер работал простым инженером на заводе, как специалист по высоковольтной изоляции.

Молотов в 1941 г. Речной вокзал

У Бриков нашлось немало знакомых среди приехавших ленинградских артистов. К сожалению, МАЛЕГОТ, с которым Осип Максимович сотрудничал с начала 1930-х, был эвакуирован в другое место — город Чкалов (нынешний Оренбург).

После попадания двух фугасных бомб на здание Государственной Третьяковской галереи в Москве в результате налета вражеской авиации в ночь с 11 на 12 августа 1941 года было принято решение о срочной эвакуации фондов галереи вглубь страны. Так, уже в середине августа в Молотов на огромной барже было вывезено 84 ящика с экспонатами галереи в сопровождении ее сотрудников — М. М. Колпакчи и И. В. Овчинникова¹³⁰.

На Урал был эвакуирован из Москвы практически весь основной фонд Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. В Молотов прибыли 49 железнодорожных вагонов с книгами. Ценный груз приняли областная библиотека имени А. М. Горького и библиотека Мотовилихинского клуба имени Я. М. Свердлова¹³¹.

Сюда же, в Молотов, были перевезены наиболее ценные материалы из фондов московского Музея В. Маяковского, в том числе и два пакета с вещами и рукописями поэта, которые Брики передали музею на временное хранение, уезжая в эвакуацию. Но они не знали, что теперь ГММ совсем рядом: эти сведения были государственной тайной.

16 октября — черный день в Москве

Во второй половине октября в Молотов хлынула новая волна эвакуированных, преимущественно из Москвы, которые рассказывали страшные вести о положении дел в столице.

До какого-то времени москвичи в массе своей не представляли реальной опасности, нависшей над Москвой, хотя бомбежки участились. Одна бомба попала даже в Большой театр. Торопились уехать лишь наиболее осведомленные, но таких было немного.

До 8 октября сводки Совинформбюро начинались одинаково: *«В течение дня наши войска вели упорные бои с противником на всем фронте»*. О поражениях умалчивалось, сообщалось лишь об успехах отдельных подразделений, о подвигах советских солдат и зверствах противника. Лишь 9 октября узнали о взятии Орла, а потом до 16 октября все утренние и вечерние сводки Совинформбюро повторялись почти слово в слово. 12 октября: *«После упорных многодневных боев наши войска оставили Брянск»*. 14 октября: *«После ожесточенных боев наши войска оставили Мариуполь»*.

Черным для москвичей стал день 16 октября 1941 года. Газеты оповестили: *«в течение ночи с 14 на 15 октября положение на Западном направлении фронта ухудшилось. В опасности Родина, Москва!»*.

На предприятиях и в учреждениях начались массовые увольнения, сжигалась вся документация. Закрывались продовольственные магазины, столовые. Некоторые директора магазинов спешно грузили продукты на машины и покидали город, захватив с собой денежную выручку.

В городе возникла паника. Утром 16 октября вереницы машин ползли по Горьковскому шоссе.

Немало появилось таких, кто пытался нажиться на оставленном без присмотра имуществе, грабил опустевшие квартиры. *«Началось мародерство, бери и спасайся, как можешь, все равно достанется немцу»*, — вспоминал один из очевидцев.

Прекратил работу городской транспорт. Руководство метрополитена получило приказ начать срочный демонтаж и эвакуацию основного оборудования.

Врач «Скорой помощи» А. Г. Дрейзер записала в своем дневнике спустя несколько дней:

Метро сутки не работало, — то ли ремонт, то ли срочная перевозка, а толков и слухов масса. На базарах и на улицах продают краденые конфеты и шоколад. Говорят, будто мясокомбинат разгромили. По улицам проходят гурты скота. По Садовой угоняют куда-то несметное количество свиней. Темные личности бродят около и тянут в подворотни свиней чуть ли не на глазах у пастухов¹³².

Панику удалось остановить. В тот же день Моссовет принял постановление, в котором происходящее в городе было названо «грубым нарушением государственной дисциплины». Кроме того, постановление гласило:

1. Всем торговым предприятиям, ресторанам и столовым нормально по установленному порядку обслуживать население Москвы.
2. Троллейбусу и трамваю непрерывно производить работу с 5 часов утра до 10 часов вечера.

3. Коммунальным предприятиям и лечебным учреждениям начинать и кончать работу в установленные ранее Московским Советом часы¹³³.

В 18 часов 5 минут последовал приказ начальника метрополитена открыть нормальное движение поездов, и через 40 минут оно уже возобновилось на Кировско-Фрунзенской линии. Демонтаж оборудования приостановили. На следующий день поезда ходили как обычно.

В 5 часов вечера 17 октября по радио к москвичам обратился председатель исполкома Моссовета В. П. Пронин, он призвал немедленно приступить к работе, не допускать паники, не верить ложным слухам. А 18 октября было принято решение об открытии в Москве в ближайшие два дня двухсот магазинов и павильонов по продаже хлеба и продовольственных товаров.

В газетах печатали сообщения о привлечении к уголовной ответственности руководителей предприятий, проявивших малодушие и самовольно оставивших вверенные им посты, расхищавших государственное имущество, проводивших «контрреволюционную агитацию», и о том, что многие из них приговорены к расстрелу.

19 октября решением ГКО в Москве и прилегающих к ней районах было введено осадное положение¹³⁴.

Страшную картину можно было наблюдать в эти дни на вокзалах — пытались выехать из города тысячи москвичей. Штурмовались поезда, уходившие на восток. На привокзальных площадях — столпотворение, и носильщики соглашались пробиваться с вещами в давке лишь за неслыханные пятьдесят рублей с места. Но вещи удавалось вывезти не всем.

Начальник управления Ленинской железной дороги Ф. В. Ростовцев вспоминал:

Аппетиты у каждого наркомата были очень большие. Каждый наркомат, каждый завод требовал для себя максимума, и потому приходили к нам и заявляли: давайте лишние вагоны для меня, для Сидора Ивановича, для моей жены! Привозили пианино, диваны, столы. А мы с этим не могли считаться. Происходили у нас большие скандалы с ответственными работниками, но мы все же добивались, чтобы аппетиты были урезаны...

И тут надо было учесть стремление каждого захватить побольше вещей: и машинку швейную, и кровать, и зеркало. А тут мы заставляли их с этим расстаться. Крепко мы уплотняли и с большими скандалами¹³⁵.

Не все легко расставались с собственностью. Так, секретарь Союза писателей Александр Фадеев, отвечавший за эвакуацию писателей, «имеющих какую-нибудь литературную ценность», докладывал в ЦК о том, как автор текста «Священной войны» Василий Лебедев-Кумач *«привез на вокзал два пикапа вещей, не мог их погрузить в течение двух суток и психически помешался»*¹³⁶.

Даже для дипломатического корпуса, который Сталин приказал вывезти в Куйбышев в первую очередь (15 октября), не хватало вагонов.

Дипломаты отправлялись на сутки позже; кроме того, многим пришлось ехать не в пассажирском, а в товарном вагоне и даже в электричке¹³⁷.

К тому же и с массовым расселением эвакуированных на месте прибытия, да еще в предзимье, была масса проблем.

Брики снова порадовались, как своевременно и сравнительно благополучно они выехали из Москвы в июле.

***

Еще 13 июля Н. В. Уборевич была приговорена к высшей мере наказания — расстрелу. Ей дали возможность написать просьбу о помиловании на имя Председателя Верховного Совета СССР. В тот же день она написала и подала ее:

Заявление Председателю Верховного Совета СССР М. И. Калинину от осужденной к высшей мере наказания Уборевич Н. В.

Михаил Иванович!

В предъявленном мне обвинении я не виновна, что подтверждается показаниями всех подсудимых.

Я не совершала преступления.

Помилуйте меня¹³⁸.

По неведомым причинам расстрел задержался. Расстрельная команда НКВД привела приговор в исполнение в черный день для всей Москвы, 16 октября, когда спешно вывозили и жгли документы, партиями расстреливали заключенных.

Так была поставлена последняя точка в биографии Нины Владимировны Уборевич, жены расстрелянного в 1937-м командарма 1-го ранга Иеронима Петровича Уборевича.

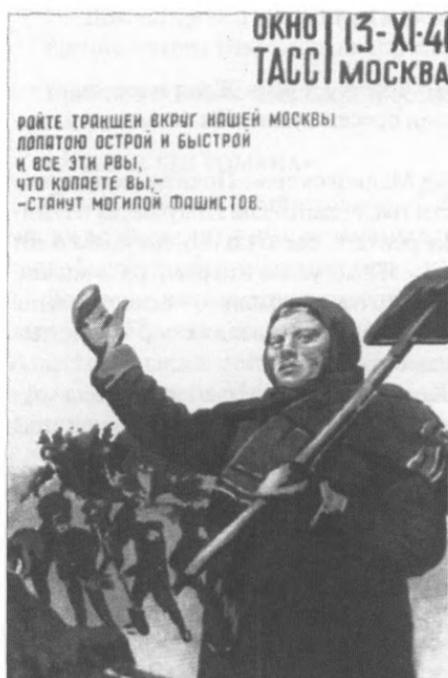
ЮБИЛЕЙ ЛИЛИ ЮРЬЕВНЫ

11 ноября 1941 года Л. Ю. исполнялось 50 лет!

Обычно весьма значимое и яркое событие, на этот раз прошло почти незаметно: «не время и не место!». Да и при молодом муже, которому не было еще и сорока, праздновать свою «круглую дату» Л. Ю., пожалуй, не хотелось.

Никаких свидетельств, как все-таки прошел этот юбилей, не сохранилось, кроме нескольких строк в ее письме Н. Рябовой от 10 декабря 1941-го:

В день моего рожденья Ося написал мне стих, Вася напечатал на пиш. машинке пейзаж Куры (так называется наша станция), Женя подарила мне крошечный кусочек шоколада, а Жемчужный (он совсем недавно приехал — накануне моего рожденья) крошечную серебряную свинку с пожеланием, чтобы она превратилась в ветчину. Чокнуться было нечем¹³⁹.

«Окно ТАСС» с текстом М. Кульчицкого (13 ноября 1941 г.)

В Москве 13 ноября — как бы далеким подарком Лиле Юрьевне к юбилею — вышло очередное «Окно ТАСС» с текстом Михаила Кульчицкого¹⁴⁰:

Ройте траншеи вокруг нашей Москвы
Лопатой острой и быстрой.
И все эти рвы,
Что копаете вы, —
— станут могилой фашистов.

Но не все поэты из бриковской плеяды были столь патриотичны. «Гений» Николай Глазков не хотел писать по заказу и даже огрызнулся:

Мне говорят, что «Окна ТАСС»
Моих стихов полезнее.
Полезен так же унитаз,
Но это не поэзия.

Из предновогодних писем Л. Ю. — Н. Рябовой

Письма Л. Ю., адресованные ее близкой московской знакомой Н. Ф. Рябовой, описывают жизнь в уральской глубинке и происходящие здесь события, к которым эвакуированные оказываются непосредственно причастны.

Л. Брик — Н. Рябовой (10 декабря 1941 г.)¹⁴¹

Что же о нас?

Вся все еще болеет. Очень плохо чувствует себя Женя и исхудала до неузнаваемости. Вообще, все мы стали совсем худые. Ни базаров, ни столовой, ни коммерч. магазинов.

Очень увлечены «Словарем языка Маяковского». Пока делаем только 1-ый том. Но и это уже около двадцати тысяч карточек! Получается изумительно интересно. Выступали в университете, было полно, несколько сот студентов. Принимали нас очень тепло. Я выступала в первый раз в жизни.

Здесь очень холодно — сегодня 42°! Но очень красиво — ослепительно! К сожалению, валенки и пимы я оставила дома, а взяла с собой золотые сандалии, которые можно только повесить на елку!

Осина мама с Гослитиздатом в Красноуфимске¹⁴² с дочерью (она служит в «Интернациональной литературе»). Об Осинном брате и племяннике ничего не знаем. Оба на фронте — добровольцы.

От Чагина (директор Гослитиздата) вчера получили письмо с просьбой слать свои опусы.

Л. Брик — Н. Рябовой (29 декабря 1941 г.)¹⁴³

Работаем над словарем. Какое счастье, что мы этим занялись! Это очень интересно. И будет интересно для всех, кто это любит, когда работа будет закончена. Интересно вникать в каждое слово. Много неожиданного.

Глазков прислал поэму «Хлебозоры». Сейчас ждем «Поэтоград».

Словарь языка Маяковского

Итак, Брики всерьез увлеклись составлением словаря языка Маяковского. Обращение их к этой теме имело свою предысторию. Еще в январе 1941 года «Литературная газета» писала:

Новое в изучении словаря поэзии Маяковского вносит доклад проф. Г. Винокура¹⁴⁴ о языковом новаторстве поэта, прочитанный им на днях в Институте мировой литературы. Он дал наиболее полную и систематизированную классификацию особенности его языка. Самые смелые словесные эксперименты были связаны с самой природой русского языка.

В этом принципиальное отличие словотворчества Маяковского от «заумного языка» футуристов. Футуристы верили, что слово может быть внеисторичным. В итоге — единственным содержанием поэзии становится само слово. Маяковский же стремился найти средства выражения, соответствующие тому новому содержанию, которое он принес в поэзию.

Маяковский сознательно прибегал к таким формообразованиям, которые приближали его поэзию к звучащей речи. Он разрушал обычный синтаксический строй фразы для того, чтобы добиться максимальной смысловой нагрузки каждого слова.

Доклад проф. Г. Винокура вызвал большой интерес и единодушное одобрение группы Института по изучению жизни и творчества Маяковского¹⁴⁵.

Бриков эта тема очень заинтересовала, и они основательно взялись за нее.

«РОМАН БЕЗ РОМАНА»

Одновременно с работой над «Словарем Маяковского» Осип Максимович долгими зимними вечерами в жарко натопленной избе писал что-то вроде беллетризованных мемуаров, которые он назвал «Роман без романа».

Действие начинается в городе Сочи, где в июньские дни 1941 года в санатории «Правда» живет герой романа — Мод («мыслящий одиночка»). Известие о начале войны, размышления героя о ее причинах. Возвращение в Москву, встреча с Соней. Несколько раз в своих размышлениях герой вспоминает Маяковского.

Приведу один из автобиографических фрагментов начатого романа.

О любви можно философствовать без конца. Почему? Потому что под этим словом скрывается миллион самых разнообразных явлений.

Человек пожертвовал своей жизнью для другого, — любовь.

Человек зарезал другого, — тоже любовь.

Человек утешил, успокоил, поддержал другого, — любовь.

Человек старается быть лучше, чем он есть, — любовь.

Человек требует: «люби меня, какой я есть», — тоже любовь.

Побренчу и я про любовь, про «это».

Маяковский понимал любовь так: «Если ты меня любишь, значит ты мой, со мной, за меня, всегда и при всяких обстоятельствах. Не может быть такого положения, чтобы ты был против меня, как бы я ни был неправ или несправедлив, или жесток. Ты всегда голосуешь за меня, хотя бы это было лжесвидетельство. Малейшее отклонение, малейшее колебание — уже измена. Любовь должна быть неизменна, как закон природы, не знающий исключений. Не может быть, чтобы я ждал солнца, а оно не взойдет. Не может быть, чтобы я склонился к цветку, а он убежит. Не может быть, чтобы я обнял березку, а она скажет: «не надо»...

По Маяковскому любовь — не акт волевой, а состояние организма, как тяжесть, как тяготение.

Были ли женщины, которые его так любили? Были.

Любил ли он их? Нет! он их принимал к сведению.

Любил ли он сам так? Да.

Но он был гением. Его гениальность была сильнее любой силы тяготения. Когда он читал стихи, земля приподнималась, чтобы лучше слышать. Конечно, если бы нашлась планета неуязвимая для стихов..., но такой не оказалось...

Впрочем, я забыл, что у меня отпуск, и я имею право не думать о Маяковском¹⁴⁶.

1942 ГОД

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!

16 января 1942 года Осипу Максимовичу исполнилось 54 года. День рождения — он и в эвакуации день рождения.

Сохранился трогательный листок с карандашным рисунком далекого и столь желанного Кремля и стишок:

Хорошо бы, Ося, нам
быть в Москве к весенним дням!
Будем точно. В это верю я.
Поздравляю с днем рождения!

Женя. 16 января 1942 г.
(рисунок Кремля)¹

Они верили, что вот-вот вернуться в Москву, но время этому еще не пришло.

ТЯЖЕЛАЯ ЗИМА

Январь 1942 года выдался в Прикамье очень холодным, не только для эвакуированных сюда москвичей и ленинградцев, но и для местных жителей. Вот какие сводки о морозах печатались в газете «Звезда»:

Температура воздуха в г. Молотове в последние дни резко понизилась. Вчера утром в городе было 33,7 градуса мороза, днем 31 градус мороза. Таких морозов в Молотове еще не было (18.01.42).

Утром 18 января в г. Молотове было 37 градусов мороза. Вчера утром мороз в городе достиг 41 градуса (20.01.42).

Вчера ночью в г. Молотове было 29 градусов ниже нуля. Утром снова прояснилось и мороз достиг 35 градусов. Днем было 33,4 градуса с ветром (21.01.42).

Вчера ночью в г. Молотове было 39 градусов мороза. Утром было еще холоднее — 41,5 градуса мороза (22.01.42).

Вечером 21 января мороз в г. Молотове достиг 42,1 градуса. Вчера утром было 42,7 градуса. Днем температура воздуха повысилась и мороз спал до 24 градусов, но к вечеру снова прояснилось и стало холоднее (23.01.42).

Вчера утром в г. Молотове было 40,9 градуса мороза. В 2 часа дня термометр показывал 36,2 градуса мороза (24.01.42).

Вчера утром в г. Молотове было 40,3 градуса, днем 33,4 градуса мороза (25.01.42).

О. М. Брик

В связи с похолоданием начала ощущаться нехватка электроэнергии, в первую очередь для населения, и особенно проживающего на окраинах города и в пригороде. Молотовский горисполком принял решение № 422 «Об экономии электроэнергии», в котором, в частности, говорилось:

Для жилых помещений, где это разрешено, установить следующие нормы освещения:

а) в комнатах размером до 15 кв. м. — одна лампа мощностью 15 ватт, до 30 кв. м. — не более 25 вт и свыше 30 кв. м — не более 40 вт.

б) для мест общего пользования (уборных, ваннных, душевых, коридоров) — одна лампа не более 15 вт.

в) для кухонь — одна лампа не более 25 вт.

г) для лестн. клеток — одна лампа мощн. не более 15 вт. через этаж².

ЛИТЕРАТУРНЫЕ УСПЕХИ

Уже 5 февраля 1942 года газета «Звезда» информировала читателей о выпуске Молотовским областным издательством «Эстрадного сборника № 1» с нотами. Но, по-видимому, фактически он вышел из печати тремя

неделями позже. Это видно по датировке дарственных надписей, которые О. М. Брик, будучи одним из авторов этого сборника, сделал на только что полученных им авторских экземплярах — Лиле Юрьевне и Евгении Гавриловне:

В сей книжке
кой-какая мелочишка
Киске
на молочишко.
27.II.42 г. М. Курья. Автор Ося³.

Любимой Женичке, —
за наименьем роз
букет стихов и проз.
27.II.42 г. М. Курья. Автор Ося⁴.

Тогда же вышла из печати тоненькая книжечка карманного формата — «Лозунги-рифмы» В. Маяковского («Молотовгиз», 1941), — составленная В. А. Катаняном, с его предисловием.

И к тому же времени, очевидно, относится договоренность Бриков с «Молотовгизом» и Молотовской писательской организацией (возглавлял которые А. Н. Спешилов) о выпуске двух авторских книг.

О. М. решил передать в издательство оперное либретто «Иван Грозный», работу над которым он закончил еще перед эвакуацией, а Л. Ю. — свои воспоминания о Маяковском «Собака Щеник», уже опубликованные когда-то в хабаровской молодежной газете.

МАМА Л. Ю. ТИХО СКОНЧАЛАСЬ

Елена Юльевна по-прежнему находилась в Армавире, но в семье своей сестры Иды, где, кроме старших, живет и шумное молодое поколение, она не прижилась, а потому переехала: на окраине города она сняла угол у четы стариков в лачуге с земляным полом. Елена Юльевна стала давать домашние уроки немецкого языка. Кое-кто из здешних жителей решил укрепить свои знания перед приходом немецких оккупантов (или «освободителей»?).

Мать Л. Ю. очень тосковала в своем одиночестве, что хорошо видно из ее писем. С октября 1941 по февраль 1942 года она отправила старшей дочери в Молотов 21 письмо и одну телеграмму. Жаловалась на свою жизнь, на болезни. Последнее письмо Лиле Юрьевне она отправила 10 февраля, а через два дня, 12 февраля 1942 года, тихо скончалась, на 70-м году жизни. Как это ни кошунственно звучит сейчас, но в какой-то степени ей повезло. Через полгода, 13 августа 1942 года, в Армавир с боем вошли немцы, и за полгода своего пребывания здесь расстреляли около 7000 мирных жителей, в первую очередь — коммунистов и евреев. Семья Данциг была расстреляна полностью. Такая же участь, несомненно, ожидала бы и Елену Юльевну...

Поселок Нижняя Курья, улица Пермская (ныне – Станционная), дом 4. Здесь в 1942 г. жили О. М. Брик и Е. Г. Соколова. Фото 2009 г. Из собрания автора. Публикуется впервые

РЕПОРТАЖИ ИЗ НИЖНЕЙ КУРЬИ В МОСКВУ

Л. Ю. продолжает слать в Москву Н. Ф. Рябовой подробные письма-репортажи о жизни «бриковской четверки» на Урале, об их радостях и горестях.

Л. Брик — Н. Рябовой (7 февраля 1942 г.)

Мы все относительно здоровы. На-днях выходит Осин «Грозный» отдельной книжицей. Сейчас же пришла.

Васину большую книгу «Литературная биография Маяковского в фактах и датах» Молотовгиз послал в Комитет по Сталинским премиям! (по литературоведению)⁵. Я написала рассказ для детей «Щен». Завтра отвезу его в издательство — не издадут ли в виде детской книжки.

Ося помешался на словаре. Ему удалось купить здесь 4-ый том словаря Ушакова⁶, и он чуть ли не спит с ним. Завтра перевожу Крученыху 100 р. на первые три тома. Крученых очень часто пишет нам. Много стихов шлет Глазков. Есть изумительные!

В день Красной Армии предполагается вечер Маяковского. Выступить будут все решительно: мы трое, двое Родченков⁷, Жемчужный, Каменский, чтецы всякие. Кроме того, составляют сейчас программу Володиного вечера для поездки по области. Организуют выставку, которой занимаются Родченки и какой-то представитель Московского Литмузея.

Кроме работы над словарем, Ося пишет антифашистские стихи, написал скетч, сочинил детскую сказку очень хорошую. Вася пишет фельетоны. Женя печатает на машинке.

Поселок Нижняя Курья. О. М. Брик и Л. Ю. Брик (с девочкой) около дома, где жили в эвакуации О. М. Брик и Е. Г. Соколова в 1942 г.

И Женя, и я хозяйничаем, — у меня мозоль на пальце от хлебного ножа!
Питаемся тем, что получаем по карточкам.

Часа 2—3 в вечер играем в винт.

Все нам пишут. От мамы стали часто приходиться письма, но я очень тревожусь о ней. Уверена, что она очень больна, хотя она об этом и не пишет. Думаю, что никогда уж не увижу ее. Все время думаю об Эльзе. Где они? Что с ними? Живы ли?⁸

Л. Брик — Н. Рябовой (29 марта 1942 г.)

У меня очень большое горе.

9-ого марта я получила письмо о том, что 12-ого февраля умерла моя мама. От старого порока сердца, который она от нас скрывала. Она не мучилась, — тихо умерла. Уход за ней был очень хороший — в Армавире сейчас Симферопольский институт. Мой дядя, у которого мама жила, старый врач. Было несколько консультаций с профессорами. Мне невыносимо тяжело. Не перестаю думать о маминой жизни и смерти. Упрекаю себя за многое. Мама прожила жизнь свою не по заслугам. Она была удивительно талантливой (гораздо талантливее меня и Эльзы вместе взятых). А радости от своих талантов она не видела. И вообще мало видела радости в жизни. Мне тяжело и тоскливо, и я впала в ужасающий пессимизм. Все время думаю о Володе. Не о стихах его, не о поэте, а просто смертельно соскучилась по нем. Невыносимо сознание, что НИКОГДА не увижу его!

Вот я какая хандра!

Мы собираемся с открытием навигации съездить до Астрахани и обратно!!!

Поселок Нижняя Курья. О. Брик и Е. Соколова (с девочкой) на крыльце дома, где они жили в эвакуации в 1942 г. Позади стоит хозяйка дома. Из собрания автора. Публикуется впервые

Ося занялся Ермаком. Затекает о нем большую вещь — пьесу или сценарий. Он получил телеграмму из Сталинабада с предложением приехать на работу в Детфильм⁹. Он отказался.

Получили подробное письмо из Алма-Аты о киношниках. Эйзенштейн написал будто бы блестящий сценарий об Иване Грозном и увлечен коллекционированием бисерных старинных вышивок! Теперь!! В Алма-Ате!!! Какой сверхснобизм!!!!

В последнем письме меня поражают планы Л. Ю. на лето. Всегда хорошо разбиравшиеся в обстановке Брики якобы собираются «с открытием навигации» отправиться пароходом до Астрахани. С остановкой в Сталинграде? Как в старые добрые (довоенные!) времена? Может, это горькая шутка тех лет?

ПРИВЕТЫ ОТ РОДНЫХ И ДРУЗЕЙ

В архиве Бриков среди документов того времени сохранились большой массив писем от их постоянного корреспондента — А. Крученых, некоторые единичные письма от общего друга — Л. Гринкруга, от Фриды, жены Павла Максимовича Брика, и др.

Л. Гринкруг — Л. Брик (Сталинабад — Молотов; 15 февраля 1942 г.)

Дорогой Лилик!

Получил Ваше коллективное письмо из Краснокамска¹⁰. Ужасно рад, что при всех таких торжественно-дружеских встречах вы поминаете меня.

До слез обидно только, что я не принимаю в них участие и совершенно неизвестно, когда встретимся все вместе...

Фрида Брик — Л. Ю. и О. М. Брик (Красноуфимск — Молотов; 5 марта 1942 г.)

Дорогие Лиля и Ося!

Перевод получили — спасибо! Возможно, что удастся выхлопотать для мамы пособие — 100 р. в мес. за Павла¹¹. Он прислал справку, и мы подали заявление в Собес по их предложению. А то цены все растут!..

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ

После обмена первичными письмами, установилась регулярная переписка между А. Крученых и его эвакуированными в Нижнюю Курью друзьями. Письма поэта-футуриста представляют собой жанровые репортажи о жизни прифронтовой Москвы.

А. Крученых — Л. Брик (10 января 1942 г.)

Милая Лиля Юрьевна,

Обращаюсь к Вам, как к самой лирической из всей троицы.

Сейчас много занимаюсь народным творчеством, и вот, среди прочего, меня поразила своим словарем и остроумием такая вещичка:

Ты, крапива, некрасива,

Приужалила меня,

Тебе, милый, не спасибо,

Только высушил меня!

(Владимирская губерния, довоенное).

Примитивно, но здорово! Рифма под статью Маяковскому, словарь — Хлебникову.

Лиля Юрьевна, неужто все это очень глупо? И Вам все это давно известно? Пожалейте меня, «не убивайте голубей»!..

Привет всем триединым.

А. Крученых.

В Клубе писателей ежедневно оживление необычайное (особенно в столовой!), шумно, пестро, дымно!..

А. Крученых — Л. Брик (конец января 1942 г.)

Милая Лиля Юрьевна!

Только на днях узнал, что в одном с Вами доме живет и Женя Жемчужная, — получилась досадная «опечатка», я ни разу ни слова не отправил к ней, хотя, конечно, кроме чувств и слов, у меня тут ничего другого не нашлось бы (то-то я смотрю — Ося мне ни слова!!).

Лиля Юрьевна! разъясните им всю эту путаницу и передайте мой большой привет — Вы моя всегдашняя заступница...

В Клубе писателей и столовой процветают А. и Н. Роховичи¹² (а Раи¹³ все нет, и она, как будто, не собирается выезжать из Ташкента!), М. Светлов¹⁴, С. Алымов¹⁵, В. Катаев, Ев. Петров¹⁶ и многие славные могикане пера. Получил от Б. Пастернака из Чистополя бодрое письмо¹⁷. Весной хочет в Москву.

Лиля Юрьевна! Жизнь течет, мадера льется! (нрзб).

Привет всем!

А. Крученых

А. Крученых — Л. Брик (8 февраля 1942 г.)

Милая Лиля Юрьевна!

Вот Вам портрет Вашей хорошей знакомой в плохих стихах:

Певунья, шалунья, проказа

Рая

Беляева

Раиса

бела до отказа.

Гонг, люгня, джаз,

стихи читает ярко,

и тыща угорелых глаз

ее обдаёт паром.

Еще похорошеет,

Обещает Рая

(нрзб)

Вот так живем мы на ракете, развалясь, как в карете.

Писано на квартире у С. Кирсанова.

А. Крученых

А. Крученых — Л. Брик (8 февраля 1942 г.)

Милая Лиля Юрьевна!

Я уже писал Вам, что Рая Кирсанова приехала в Москву примерно неделю тому назад. Мы частенько обедаем с ней в Клубе писателей за одним столом. Много говорим и вспоминаем о Вас. Рая читает новые стихи С. Кирсанова за столом вслух, так что многим слышно. Читает хорошо и с воодушевлением, с любовью. Она скрашивает обеды, которые, чем дальше, тем более однообразны. Из-за соседних столиков встают иногда завистливые женщины, подходят к нам и в упор рассматривают Раю!.. Вино тут в изобилии, только дороговато. 1 бутылка = стоимости 2-х обедов, так что вместо вин мы воодушевляемся стихами. Нели Рохович заходит в столовую реже. За столом она тоже читает и поет (очень мило, стихи М. Светлова и других).

Привет. А. Крученых

А. Крученых — Л. Брик (13 февраля 1942 г.)

Дорогая Лиля Юрьевна!

Три последние письма мои были со всякой суетой, но если бы я заговорил очень серьезно, — тут нужен был бы целый доклад, поэма или

драма, — но, надеюсь, Вы и сами это передумали, перечувствовали, переболели, так что не будем касаться свежих ран...

В Москве сейчас затишье, все свободное время обыватель уделяет помыслам и усилиям «насчет покушать».

В Клубе писателей пока кормят, хотя и не роскошно, но дешево — пусть бы так и на год вперед. Я еще затруднений в этой области не имел, хотя из 3-х блюд не каждый день обедаю.

Простите, опять получилось ресторанный письмо, но на этот лад сбиваются разговоры во всех «гостиных» и «салонах», и даже, когда «наедине». В отношении «пошамать» у меня сегодня благоприятный день, несмотря на 13-е число!

Привет всем!

А. Крученых

А. Крученых — Л. Брик (17 февраля 1942 г.)

Дорогая Лиля Юрьевна,

Я получил Ваш перевод¹⁸, очень жаль, что не раньше — я встречал словарь Ушакова, сейчас найти его все труднее и труднее, с ним сложности, как со всякими справочниками. Но найду, рано или поздно! Вышло!

Сема Кирсанов приехал на побывку¹⁹ на 2 дня; со столовой делается все хлопотливее, но пока не унываю и регулярно обедаю. Выслал Вам кучу открыток, кое-что читаю. Сегодня у нас совсем весна — солнце вовсю, небо голубое, на улице капель, хочется в лес! Вот она, идиллия!

Привет!

А. Крученых

А. Крученых — Л. Брик (18 февраля 1942 г.)

Милая Лиля Юрьевна!

Вчера писал Вам о получении перевода, книгу ишу.

Сегодня очень ясный солнечный день; сверх всего обедал: на 2-е — гуся, а на 4-е — какао, — «вот это и есть мечта», как писал Маяковский²⁰. Спешу поделиться с Вами этой радостью, хотя Вы и можете обозвать меня нетактичным... гусем. Но я уже пошел на все! 21 февраля — день моего рождения, хочу, чтоб мечта сбылась и в этот день. Конечно, я рассуждаю уже как Петр Петрович Петух²¹, — но кто меня осудит? Во всяком случае, не Вы?! Надеюсь и жму руку. Какого еще гуся или какую свинью подложит мне судьба завтра?

Привет! А. Крученых

А. Крученых — Л. Брик (10 марта 1942 г.)

Милая Лиля Юрьевна!

Ежедневно хожу, как на службу, по многим магазинам и спрашиваю словарь Ушакова, но его нет, «бывает теперь очень редко», отвечают. Думаю, что скорей всего найду его у кого-нибудь на квартире, если тот человек будет ликвидировать свою библиотеку. Спрашиваю у писателей.

В книжных магазинах, в остальном, все по-прежнему — хорошие книги нарасхват!

Звонил Любе Эренбург²² — она ничего не знает об Эльзе, дал Ваш адрес, рассказал о Вас, что знал.

Жизнь москвичей протекает интересно, но никаких особых новостей, кроме тех, что известны из газет, не замечал.

Сема Кирсанов прислал Рае большую поэму, она ее переписала и, вероятно, куда-то устраивает. Говорила, что писала Вам и еще хочет написать.

Привет всем!

А. Крученых

А. Крученых — Л. Брик (22 апреля 1942 г.)

Милые Лиля, Ося, Вася, Женя!

У нас уже полная весна, полнокровное солнце, у земли испарина и проч.

Ушаков (словарь) все ближе, ближе, надеюсь через неделю (?) сообщить определенное. Васина книга²³ не встречается, надо делать специальный заказ и ждать. Хорошие книги берутся в магазинах с бою, потребитель растет. В клубе у нас оживление, в столовой улучшение. Б. Пастернак прислал мне свои новые стихи, собирается приехать в Москву — накопилось много дел. Лирика и пейзаж у него превосходны.

Привет!

А. Крученых

ДВЕНАДЦАТАЯ ГОДОВЩИНА

Конечно, общественность города Молотова и раньше откликалась на памятные даты биографии лучшего советского поэта Владимира Маяковского, но 12-я годовщина со дня смерти приобретала новый смысл, так как среди эвакуированных находились люди из ближайшего окружения поэта, которые могли поведать что-то новое, ранее неизвестное о нем.

Подготовку к очередной памятной дате взяли на себя областная библиотека имени Горького и Молотовская писательская организация.

В газете «Звезда» за 11 января 1942 года было дано объявление этой библиотеки о продаже через нее передвижной выставки «В. Маяковский. За Родину. За Партию. За Сталина», изданной московским Государственным литературным музеем и предназначенной «клубам, библиотекам, агитпунктам, красным уголкам». Для подкрепления этого объявления в номере «Звезды» за 23 января с рецензией «Боевая выставка» выступил С. Гинц²⁴.

Накануне памятной даты — 3 апреля — «Звезда» поместила программу намечаемых мероприятий «Памяти поэта-патриота», а 14 апреля — статью Н. Степанова²⁵ «Поэт Советской Родины (к 12-й годовщине гибели Владимира Маяковского 14 апреля 1930 года)».

В номере «Звезды» за 21 апреля — статья некоего А. В.:

ВЕЧЕР ПАМЯТИ В. В. МАЯКОВСКОГО

В связи с исполнившейся 14 апреля двенадцатой годовщиной со дня смерти В. В. Маяковского сектор тематических вечеров областного отдела искусств провел в Молотове вечер, посвященный памяти поэта.

Вечер прошел в ряде клубов города, — в областной библиотеке им. Горького, кроме того, в Доме культуры села Верхние Муллы²⁶, в Доме Красной Армии для бойцов и командиров и в одном из госпиталей.

Вступительное слово о творчестве поэта, страстного патриота советской родины сделал С. М. Гинц. Воспоминаниями о Маяковском — о его работе в РОСТА, в «Комсомольской правде», о взглядах поэта на творчество и «место поэта в рабочем строю» поделились Л. Ю. Брик, О. М. Брик и В. А. Катанян. Поэт С. Д. Спасский читал ряд своих стихов, посвященных Маяковскому. В заключение чтец А. И. Грызунов²⁷ читал произведения Маяковского.

В самых различных аудиториях вечер проходил с постоянным успехом, свидетельствуя о неизменном интересе к творчеству «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи».

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ И ВЕЧЕРА

Продолжая свои репортажи в Москву Н. Ф. Рябовой, Л. Ю. рассказывает ей, как пермяки встретили 12-ю годовщину со дня смерти Маяковского.

Л. Брик — Н. Рябовой (20 апреля 1942 г.)

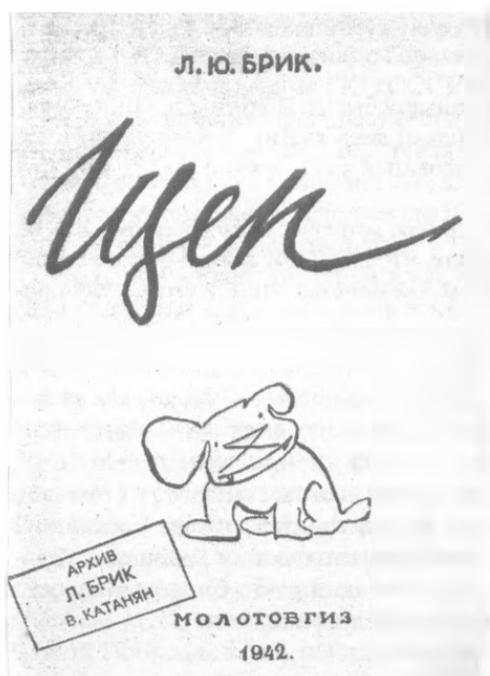
Мы прожили неделю в городе, в гостинице. Выступали на вечерах памяти Володи. И один раз — по радио. На заводе, в Доме Красной Армии, в госпитале слушали замечательно. В колхозном клубе совсем не слушали, даже не смотрели в нашу сторону. Неизвестно, зачем мы приехали, а они пришли! В зале городской библиотеки (местная и эваку. интеллигенция) был концерт-гала!! Битком набита: широковещательные афиши, стояли в проходах; масса народу стояло на улице и ушла, не получив билеты! Сляли мне гнусные записки, сплетенные и злобные.

В городе повидали массу народу. Очень устали. В колхозный клуб тащились в автобусе 10 километров по чудовишной дороге. Месили грязь. Ося брал с собой запасные носки — поминутно проваливался в слякоть...

Женин племяшка в Боровом²⁸. Ему хорошо живется. Женя страшно тоскует по нем.

Словарь временно приостановился²⁹.

Можно представить, как отнеслась колхозная публика к этому «знаменательному» литературному событию — очередной годовщине самоубийства поэта — в дни, когда война ежедневно приносила тысячи смертей молодым мужчинам, вовсе не желавшим того; как молодые вдовы встретили столичную дамочку, которая, лишившись Маяковского, осталась с запасным (и не одним) мужем, да еще и жалуется на судьбу.

Обложка книги Л. Ю. Брик
«Щен» (Молотовгиз, 1942 г.)

Л. Брик — Н. Рябовой (26 апреля 1942 г.)

Мы собираемся на летние месяцы «на дачу», т. е. поближе к пристани. Пароходное сообщение с городом гораздо удобнее железнодорожного. А осенью надеемся быть дома...³⁰

Л. Брик — Н. Рябовой (7 мая 1942 г.)

«Грозный» все еще не вышел из печати. Типография перегружена. «Грозный» и «Щен» на очереди. Ждем их. Говорят, толстовский «Грозный» хуже Осиного.

Через месяц после «маяковских дней», 17 мая, в главной молотовской газете «Звезда» (№ 116) появилось извещение: «19 мая в 8 часов вечера в редакции «Звезды» состоится очередное творческое собрание писателей: О. Брик читает пьесу «Иван Грозный»».

Как прошла эта литературная встреча, неизвестно, но, по-видимому, вполне благопристойно, «как положено».

НЕБОЛЬШОЙ ШТРИХ ИХ ЖИЗНИ

Порой небольшой штрих в жизнеописании героя говорит больше, чем многословные рассуждения автора на ту же тему. В опубликованном письме художницы Варвары Степановой от 4 ноября 1942 года из Молотова

в Москву, уже вернувшемуся туда ее мужу, Александру Родченко, есть такие строки:

Еще сегодня были мелкие приятные события. Получила остатки сахара, в виде 100 гр. песку, еще на несколько дней хватит. У нас теперь всегда есть немного песку, и мы пьем тепловатый чай с ложкой сахара. Кипяток ношу из библиотеки...

Муле³¹ рассказала про сегодняшнюю встречу с Осей (Бриком). Как он меня звал обедать в столовую вместе, чтобы он мог взять 3 обеда с собой, и за это меня развлекал разговором. Он приехал один, и ему велели привезти сразу три обеда.

Вот тебе все наши новости и наша жизнь³².

Какую же ценность составляли эти пустые обеды в столовке для эвакуированных творческих работников, что домашние снарядили небожителя Осипа Максимовича за Каму, в город, с судками — добывать три несчастные порции! Четвертую, на себя, он должен был съесть прямо в столовой. А зачем потребовалось привлекать к этой операции Варвару Степанову? Можно предположить, что, следуя жестким столовским правилам, выдавали по талонам не больше двух порций в одни руки. Словом, непросто доставались «семье» Бриков эти дохлые столовские котлеты.

Летняя пора

Наступило лето. Брики, едва ли не впервые, остались без традиционного летнего отдыха. Собственно, уже в прошлом году начавшаяся война сорвала отпуск: О. М. (с Женей) пробыл в Сочи лишь неделю, а Л. Ю. (с Катаняном) вообще никуда не успела выехать.

Что же сейчас? По природе окрестности Нижней Курьи не уступали Подмоскovie, а величественная Кама с прекрасными пляжами довершала и без того отрядный пейзаж.

Свежие овощи, зелень с огорода, свежее молоко и домашние яйца, ягоды и грибы из леса, речная рыба очень обогатили летний рацион.

Прифронтной Молотов

В Молотов был эвакуирован ряд оборонных заводов, главным образом авиационных, которые быстро развернулись на новом месте — их роль в помощи фронту невозможно переоценить.

Однако переводились на военные рельсы и предприятия, выпускавшие прежде мирную продукцию. Например, Владимирский грамзавод с 1936 года специализировался на выпуске патефонов и граммофонных иголок, но теперь, в Молотове, с его конвейера сходили взрыватели для минометных выстрелов и артиллерийских снарядов.

Неслучайно Молотов в феврале 1942 года отнесли к числу режимных городов 1-й категории наряду с Горьким, Сталинградом, Саратовом и Махачкалой (постановление ГКО СССР от 21.02.1942 № 1321).

К этому времени город, разумеется, был перенаселен эвакуированными, найти сносное жилье представлялось труднейшей задачей.

Во время войны в Прикамье стекались раненые со всех фронтов, всего в Молотовской области действовало 103 госпиталя, в том числе в Молотове в разное время — более тридцати.

По одной из версий, герой известного романа Вениамина Каверина «Два капитана» Саня Григорьев лечился после ранения в госпитале, который размещался в здании областной больницы на улице Луначарского, дом 95. Это вполне правдоподобная версия: Каверин свой роман писал в Молотове, куда эвакуировался вместе с семьей.

В годы войны здесь на сцене Кировского театра танцевали Наталья Дудинская, Галина Уланова, Татьяна Вечеслова, Алла Шелест, Константин Сергеев. Неоценимое влияние оказала на местного зрителя деятельность этих легендарных мастеров русского балета.

В «пермский период» ленинградцы выпустили даже три премьеры: оперы «Ночь перед Рождеством» Н. Римского-Корсакова³³ и «Емельян Пугачев» М. Ковалев³⁴, балет А. Хачатуряна «Гаянэ»³⁵. Здесь же, в Молотове, Сергей Прокофьев работал над своим балетом «Золушка»³⁶.

А 6 июля 1942 года состоялся первый концерт учащихся, в котором принимали участие будущие звезды русского балета: Нинель Кургапкина, Ирина Колпакова, Юрий Григорович, Николай Боярчиков и другие.

В 1942 году был объявлен набор малышей в первый класс балетной школы, и 7 февраля 1943 года начались занятия в Пермском отделении ленинградского училища, которое находилось в Нижней Курье.

Балерина Ленинградского театра Галина Уланова писала на страницах главной местной газеты: *«Мы живем и работаем в городе, наполненном дыханием героического вдохновенного труда, труда для фронта, для разгрома врагов, во имя торжества героической свободы. Это окрашивает в особые неповторимые тона и наше творчество»*³⁷.

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Из Москвы продолжали поступать письма-репортажи от А. Крученых с московскими новостями не только о нем самом, но и об общих знакомых.

А. Крученых — Л. Брик (9 мая 1942 г.)

Милая Лиля Юрьевна!

Самое трудное было — найти 1-ый том словаря Ушакова — но это нам удалось, я его отправил заказной бандеролью третьего дня. 2-й том достать будет легче — и тогда у Вас будет комплект — это великое достижение — и овцы сыты, и крупа цела!

Вчера я получил от Коли Асеева перевод — 1 проц. его премии — жест красивый и широкий³⁸. «Не имей 100 тысяч, а имей сто друзей-лауреатов» — и тебе премия обеспечена. Думаю, что за 100 лет это может устроиться, или я сам стану лауреатом.

У нас еще очень холодно и сыро, но сегодня солнце очень настойчиво стучится в окно, и никак его не спрячешь. <...>

В столовой все благополучно, по карточкам все получаю, по «вольным» ценам еще ни разу ничего не покупал, — а это величайшее достижение и удовольствие!

Привет всем.

А. Крученых

А. Крученых — Л. Брик (12 июня 1942 г.)

Дорогая Лиля Юрьевна!

Словарь Ушакова все ишу. О Пете Незнамове других вестей нет, но есть еще надежды³⁹. <...>

Сейчас библиотека Музея Маяковского усиленно закупает все его и о нем книги, для себя и для провинции. Я им кое-чего подсыпал. Агния Семеновна⁴⁰ меня уговорила. Боюсь, что уйдет последний экземпляр «Про это» с Вашим фото, а потому прошу: напишите на листочке бумаги, что могли бы надписать на книге мне, я его вклею и таким образом надеюсь отчураться и задержать книгу и Ваш привет. Сделаем то, что надо было сделать 20 лет тому назад!

От В. Шкловского и Н. Харджиева⁴¹ ни слуху, ни духу, — Вам они пишут?

Книги Васи Катаняна⁴² в магазинах не встречал, но надеюсь.

Привет всем!

А. Крученых

А. Крученых — Л. Брик (15 июня 1942 г.)

Дорогая Лиля Юрьевна!

Только вчера послал Вам открытку, а сегодня Вы обрадовали меня приветом. Особенно поразила меня жара — 30° в тени. В Москве днем, а особенно ночью, очень свежо, ночью в городе под пикетным одеялом, что особенно смешно, если вспомнить, что и зимой я спал под ним же! Но, вероятно, скоро и мы вкусим мед солнца. А вобще тут жизнь идет шумно, но настоящих людей (поэтов) мало, или я не сумел встретиться с ними. От В. Шкловского и Н. Харджиева давно не получаю писем, у Сем. Кирсанова умерла теща — мать Раи (от нефрита почек).

Я все время пишу стихи, но окончательного мало. Успею — доработаю, поражу мир!

Привет всем!

А. Крученых

А. Крученых — Л. Брик (6 июля 1942 г.)

Дорогая Лиля Юрьевна!

Получил Ваше заказное письмо (от 27.6 — какая быстрота!), очень порадовали, и открытку тоже.

Я все в том же положении. От Н. Харджиева, наконец, получил из Алма-Аты письмо — скучает по Москве. О Пете Незнамове утешительных известий нет, пока еще не окончательно, надеемся на лучшее — это я уже писал Вам.

Б. Пастернака как будто вызвали сюда — но его еще нет; я знаю о его переводе «Ромео и Джульетты», а о его собственных пьесах что-то не слышал, небольшие стихи пишет. И усиленно занят переводами с польского.

От Т. Грица⁴³ давно не имеем писем. С. Гехт⁴⁴ последнее время в Москве, М. Светлов тоже собирается в Уральск (!) навестить свою заболевшую маму. Его поэма хорошая! «Лиза Чайкина» напечатана тоже в «Комсом. правде».

Привет всем!

А. Крученых

ПЕРЕПИСКА С Н. ГЛАЗКОВЫМ⁴⁵

СОХРАНИЛАСЬ ОБШИРНАЯ ПЕРЕПИСКА БРИКОВ С НИКОЛАЕМ ГЛАЗКОВЫМ, ОН В ЭТО ВРЕМЯ БЫЛ В ЭВАКУАЦИИ В ГОРОДЕ ГОРЬКОМ.

Л. Ю. делает попытку заинтересовать глазковской поэзией редактора молотовской газеты «Звезда», с которым у нее сложились дружеские отношения, о чем она сообщает Н. Глазкову:

Л. Брик — Н. Глазкову (13 января 1942 г.)

Я как-то рассказывала о Вас в здешней газете и местный поэт говорит: «Я на днях слышал о Глазкове от его знакомого Долгина⁴⁶... Говорит, что Глазков гениальный поэт». Мы с Васей подтвердили, конечно, и еще подбавили.

Однако успехом эта попытка не увенчалась.

Лиле Юрьевне Глазков всегда первой отправлял только что написанное, часто сопровождая рукопись такой, например, просьбой:

Н. Глазков — Л. Брик и В. Катаняну (25 февраля 1942 г.)

Мои стихи не догма, а руководство к действию. Поэтому, если Вам или Василию Абгаровичу, или О. М., или Е. Г. что-нибудь не нравится, то Вы или Василий Абгарович, или О. М., или Е. Г. будьте как дома и зачеркивайте устаревшие понятия и заменяйте их новыми.

Лилия Юрьевна и Василий Абгарович внимательно читали новые стихи Глазкова и, в случае если им что-то не нравилось, деликатно, но твердо писали ему об этом. Хотя прежде всего они подчеркивали удачи, подробно обсуждая «все самые замечательные места», как выразился Василий Абгарович. А Лилия Юрьевна тут же добавила: «Есть изумительные новые четверостишия. Весь день твердим: “Вокруг трамвайной линии...”, “Пароход поехал по Америке...”» (Л. Ю., В. А. — Глазкову; 10 марта 1942 г.). Катанян в том же письме продолжает: «Некоторые новые четверостишия очень

Николай Глазков
в годы войны

хороши. К двум упомянутым еще нужно прибавить Алладина, Путь азбучных истин, Я лез на дерево, Любимая девушка...

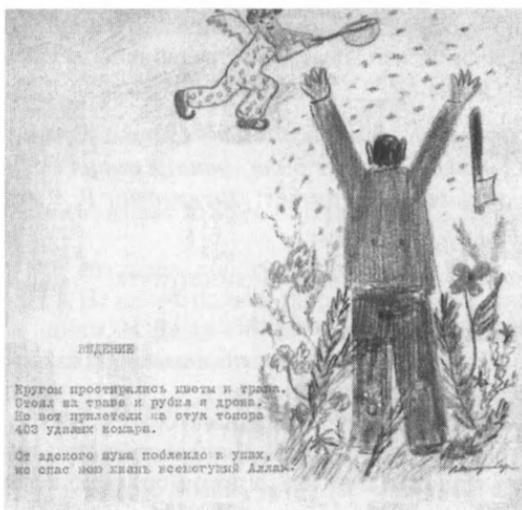
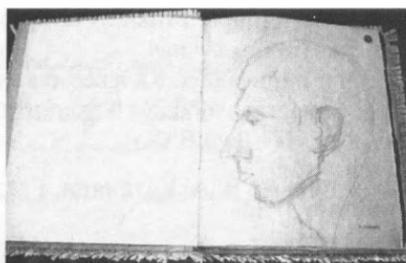
В конце февраля 1942 года Глазков отправляет в Молотов «два парохода» (две главы) поэмы «Степан Кумырский», и в своем ответном письме Лиля Юрьевна подробно анализирует присланное. И хотя некоторые строки показались ей слабыми, в целом она одобрила «пароходы»: *«Чем больше их читаю, тем больше они мне нравятся»*, специально отметив конец второго: *«Мне бесконечно нравится у Вас всякая строчка про “дорогу”*» (Л. Брик, В. Катанян — Н. Глазкову; 24 марта 1942 г.).

Лиля Юрьевна сообщает Глазкову, что того же мнения был и О. М.: *«Ося говорит, что конец 2-го парохода очень Чаплинский. Это верно — Дорога — это хорошо, Дорога далеко»*.

Ответ Глазкову написан не только очень тепло, но и крайне продуманно. В зашифрованной форме Л. Ю. доносит до молодого поэта те свои соображения, которые — по понятным причинам — она не могла открыто высказать в письме, проходившем через цензуру. В частности, Л. Ю. пишет:

Я спросила Осю — почему ваши стихи мне так нравятся. Он ответил: *«Потому что это музыка шаха персидского»*. Это изумительно верно!

Шах персидский был в Большом театре на Князе Игоре и когда его спросили какое действие ему больше всего понравилось, он ответил: *«То, что играли когда еще было светло и занавес был опущен»*. Т. е. — когда музыканты настраивали свои инструменты. Осип Максимович имел в виду, что Ваши стихи — огромный изумительный оркестр, с чудесными разнообразными инструментами в руках блестящих музыкантов (которые — Вы). Настраивая, они импровизируют иногда великолепно или наигрывают сочиненное ими (Ваши) раньше или вдруг кусочек из Кармен. Но это еще не законченная симфония.

Рукописный сборник стихов Николая Глазкова «Вокзал» (читается прямо и задом наперед), созданный Л. Брик, О. Бриком и В. Катаняном в 1940-х гг. при участии знакомых художников. Здесь: А. Тышлер — портрет Н. Глазкова; Д. Штеренберг — рисунок к стихотворению Н. Глазкова «Видение»

Я не люблю технически законченные вещи. Мне нравится когда оставлено место для моего воображения. А законченное почти всегда кажется недостаточным.

Строка про Асеева-Флобера⁴⁷ ужасно смешная и злая, и уважительная. Мы очень радовались ей.

Все мы очень соскучились по Вас. Это не слова! Вспоминаем Вас каждый день буквально [подчеркнуто Л. Ю. — А. В.]. Не знаю, родные ли мы Вам, а Вы нам самый родной и близкий.

Если это письмо слишком длинное и невразумительное — телеграфируйте.

Василий Абгарович вложил в это письмо отдельную записку:

Милый Коленька!

Лиличка написала Вам так подробно и горячо, что мне и добавить нечего. Я не совсем согласен насчет шаха персидского, хотя это здорово

сказано. Но Вы пишете стихи лучше, чем можно сказать об этом в нескольких словах. Тем лучше!

К тому что написала Л. Ю. я все-таки могу добавить 2 прилагательных наречия — страшно свободно и элегантно... [подчеркнуто В. А. — А. В.]. Обнимаю и целую. Ваш ВАК.

Отвечая на письмо В. А. Катаняна, Глазков пишет о своей идее новой пьесы.

Н. Глазков — В. Катаняну, Л. Брик (23 апреля 1942 г.)

Замыслы у меня: Николай Чудотворец (комедия). Николай Чудотворец это я. Действующие лица — всякий, кто хочет. Действующие лица сами пишут свои монологи. Такова комедия.

Отвечая Лиле Юрьевне, Глазков называет ее письмо «великолепным», многозначительно прибавляя: «Если бы у меня была водка, я выпил бы за персидского шаха...». А в конце письма прямо пишет: «Вы вместе с В. А. моя лучшая аудитория».

Глазков описывает свою учебу в горьковском Пединституте:

Н. Глазков — В. Катаняну, Л. Брик (26 июня 1942 г.)

Но, конечно, много всяких лекций, из которых я посещаю одну только. Читает декан Ермаков — Русская литература 20-го века.

Как он не понимает, что Хлебников величайший гений современности. Я ему это написал в записке, а он пришел в ярость, а записку разорвал пополам и на два, а потом опять пополам и на два, а потом опять пополам и на два, и так без конца.

Это был не первый конфликт Глазкова с деканом, но в том же письме он торопится заверить: «Из института меня не выгонят».

Л. Брик — Н. Глазкову (25 июля 1942 г.)

Несколько дней собираюсь написать Вам. Но и сегодня — не собралась, а пишу, чтоб уж не откладывать. Очень плохое у меня настроение.

Одна радость — Ваши стихи. Это серьезно! Почти нет дня, чтоб я и Вася не говорили их.

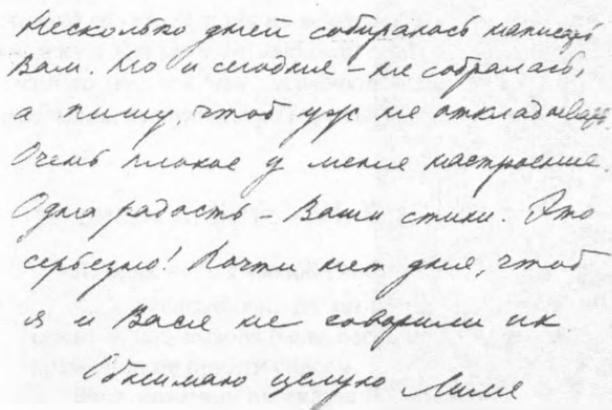
Обнимаю, целую. Лиля

Осенью 1942 года, получив от поэта очередную порцию текстов, Лиля Юрьевна пишет:

Л. Брик — Н. Глазкову (24 сентября 1942 г.)

Коленька, у Вас абсолютное чувство искусства (можно так сказать?). В этом Ваша природа. Таким был Маяковский.

Вы не Хлебников, не Маяковский. Вы уже — Глазков. Асеев — поэт, но хуже Хлебникова. Очень талантливый Кирсанов — хуже Маяковского. А Вы не хуже и не лучше. Вы — Глазков.

Несколько дней собиралась написать
Вам. Но в выходные — не собралась,
а пишу, чтоб уже не откладывала.
Очень тихое у меня настроение.
Одна радость — Ваши стихи. Это
серьезно! Вотки вот дни, чтоб
я и Васе не совершил их.
Отличную целую Васе

Фрагмент письма Л. Брик — Н. Глазкову от 25 июля 1942 г.

Вы знаете дорогу в Поэтоград.

Не шлите больше старые стихи. Вася привезет — они сейчас в сохранности. И Вашу книжку с картинками привезет. Мы ее здесь доделаем. Добавим новые стихи.

В своем ответном письме он взволнованно пишет:

Н. Глазков — Л. Брик (17 ноября 1942 г.)

Я тоже думаю, что у меня верный путь, и Поэтоград в следующем письме.

Из писем Л. Ю. — Н. Рябовой

Кроме молотовских новостей, Л. Ю. сообщает о недавней поездке Василия Абгаровича в Москву, где он должен был переговорить о вызове всей семьи из эвакуации в Москву.

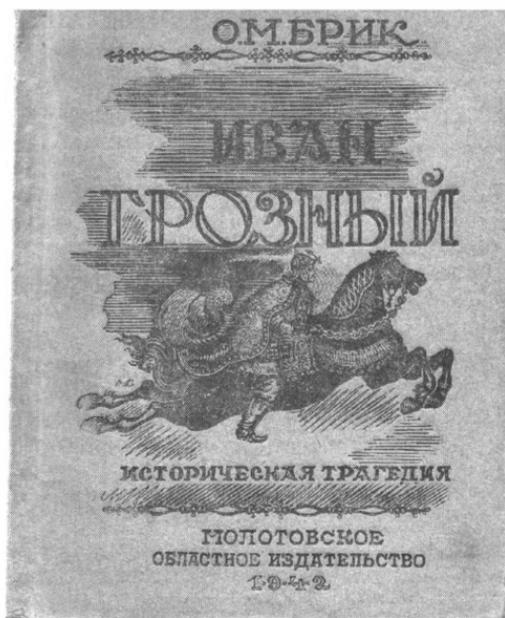
Л. Брик — Н. Рябовой (9 августа 1942 г.)

Вчера отправила Вам «Грозного»⁴⁸. Тираж «Шена»⁴⁹ отпечатан. Допечатывается обложка.

Ждем ответа из Моссовета относительно нашего приезда на время. Я мало надеюсь на то, что ответ будет положительный.

Напишите Осе, нравится ли вам «Грозный». Очень прошу, когда читаете его, не забывать об оперной специфике. По-моему, такого блестящего либретто композиторы еще не видели!

Словарь очень продвинулся, но сейчас временно замер, — Ося кончает (завтра отошлет) сценарий по заказу Детфильма — о подростках, героях труда. Получилось очень здорово...

Обложка книги О. М. Брик «Иван Грозный. Историческая трагедия» (Молотовгиз, 1942 г.)

Погода чудесная. Ходим иногда за грибами. Грибов масса! Картошка и морковь со своего огорода. Накупили кофе.

Вася пишет очерки о двух заводах. Женя наш кормилец и поилец.

Я надумала написать одну книжку и уже начала ее. Но сейчас совсем не пишется. А думать над ней продолжаю, когда хожу в лес за грибами, когда совсем тихо и пахнет сосной...

Новый адрес на конверте.

[*Молотов, 23 (обл.), Кировский р-н, ул. Горького, 47. Л. Брик]⁵⁰

Л. Брик — Н. Рябовой (11 августа 1942 г.)

Только что получили телеграмму о том, что Васе и мне разрешен приезд в Москву и пропуска высланы. Выедем немедленно по получении.

Л. Брик — Н. Рябовой (20 августа 1942 г.)

Получили телеграмму от Леонидова⁵¹, что это [выезд в Москву. — *А. В.*] откладывается! Мы очень огорчены. Ждем письма от него... Мы все-таки не теряем надежду. Думали, что Ося и Женя поедут за нами следом.

Обещали сегодня дать экземпляры «Шена» — он уже отпечатан. Сигнальный послала Леве⁵².

НЕ ЗАБЫТ И ВАСЯ-МАЛЕНЬКИЙ

Лиля Юрьевна пишет письмо своему пасынку, Васе-маленькому, в Омск, куда он был эвакуирован с авиазаводом, на котором работает уже

год: «Ося, Вася работают в газете и на радио, а Женя хозяйничает. Я несколько раз выступала на вечерах с воспоминаниями и написала небольшую книжку о Володе и его любимой собаке Щене. Он его всегда рисовал в конце писем ко мне, и я эти рисуночки тоже туда поместила. Книжечка вышла небольшая, следующий раз пришло» [Катанян В. В., 2002. С. 118].

Из писем Л. Брик — Н. Рябовой

Л. Брик — Н. Рябовой (9 сентября 1942 г.)

<...> Беспокоюсь, что он [Василий Абгарович. — А. В.] уехал совсем один. Ждать вызова было бессмысленно, — он мог придти через долгое время или не придти совсем.

Вася, конечно, рассказал Вам подробно все обо всех нас.
Это не очень увлекательно!

Л. Брик — Н. Рябовой (11 сентября 1942 г.)

Сегодня посылаю «Щена»... Читали ли вы Васин очерк⁵³ в «Комс. правде» от 26-го августа? Жаль, нельзя писать подробнее. Он увлечен заводом и пропадает там по целым дням.

Л. Брик — Н. Рябовой (25 сентября 1942 г.)

Ужасно рада, что вы выглядите хорошо...

По Васе видно, что о нас этого сказать нельзя. Ося и я выглядим сносно, а Женя — омерзительно. Предел ее мечтаний был всю жизнь — 65 кило, а сейчас она весит 55.

Опомниться не могу от счастья, что жива Эльза и Ар⁵⁴. Старалась все это время не думать о них. Уверена была, что с ним страшное что-нибудь, а Эля умерла.

Не дожила мама до этой вест!

Л. Брик — Н. Рябовой (12 октября 1942 г.)

До нас дошла только первая половина Васиной телеграммы: «ПРО-ВОЖАЕМЫЙ НАТИНЬКОЙ ВЫЕХАЛ ВТОРНИК», а вторая половина: «ВСТРЕЧАЙТЕ ТЕЛЕЖКОЙ» отскочила, и мы с Осей беспечно побежали встречать голыми руками. Под проливным дождем выгрузили вещи в первую попавшуюся лужу. Вася и я сели на вещи, а Ося побежал за помощью. Часа через полтора все доволокли до дому. А мы-то думали: Вася придет за нами — налегке!

Натинька, Вы спрашивали, зачем мне Ваши воспоминания. Я начала писать книгу, в которой хочу написать и о Вас. Не пугайтесь. Во-первых, только самое хорошее; во-вторых, — Вы первая прочтете это и выкинете все, что Вам не понравится.

Трудно рассказать в письме, в каком роде я пишу. Когда приеду (в декабре собираюсь) прочту Вам.

И у ЖЕНИ БЫВАЕТ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Женичке

16 октября 1942 г.

Растаял год, Женюшечка,
еще один — как дым.
Корабликом игрушечным
уплыл — и невидим.

Сидим с тобой мы у моря,
погодки не видеть.
А все же — чувство юмора
не следует терять.

Всплывет волшебной рыбкою
отплытия заря.
Скажу тебе с улыбкою:
«А вот она — Курья!»

Ты засмеешься, глядя в небо:
«Не вспоминай того, что не было!»

***

Чтобы ножки Женины
с холода не пухли,
Дарим ей к рожденью
меховые туфли.

От Лили, Васи, Оси
принять их просим!¹⁵⁵

Из писем Л. Ю. — Н. Рябовой

Л. Брик — Н. Рябовой (18 октября 1942 г.)

Вчера был день рожденья Жени. Починили (как новые!) и подарили ей мамини меховые туфли. Выпили водочки из московских рюмочек. Ося написал смешной водевиль для местного театра миниатюр.

Л. Брик — Н. Рябовой (26 октября 1942 г.)

Ваши воспоминания, Натинька, оказались мне совершенно необходимы. Как хорошо они написаны! Очень хорошо!

Если в декабре будем в Москве, привезу начало моей книжки. Хочется знать, как Вам покажется.

Л. Брик — Н. Рябовой (16 ноября 1942 г.)

Спасибо за телеграмму: получила ее 10-ого. А письмо, как подарок, утром в день рожденья⁵⁶¹ Крепко целую всех вас! Вася подарил мне одеколон

и чудный стих. Женя — чулки. Ося — прочел нам первые 50 страниц своей новой книги, о кот. я не знала, что она пишется⁵⁷! Поверьте мне, что эти 50 страниц — блестящие! Уверена, что вся книга будет великолепная. Она удивительно интересно задумана, и Ося работает над ней целые дни.

Боюсь, что моя книга не оправдает Ваши ожидания! Привезу начало. Еще раз хочется сказать Вам, что Ваши воспоминания чудесные.

Л. Брик — Н. Рябовой (27 ноября 1942 г.)

Будем дома, очевидно, 2-ого. Пришлем телеграмму.

Если бы вы знали, какую чудесную книгу пишет Ося! Думаю, что он и Женя приедут вслед за нами. Постараюсь наладить это.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ

Василий Абгарович привез из Москвы разрешение-вызов на возвращение из эвакуации вместе с Лилей Юрьевной. Осип Максимович с Евгенией Гавриловной должны были возвращаться во вторую очередь, после оформления на них аналогичных разрешительных документов. Сборы были недолгими.

И вот первая часть «семьи» уже в пути. Отбывали поздно вечером, к тому же относительно Нижней Курьи вокзал располагался на другом берегу Камы, поэтому прощались у дома, который за год с небольшим проживания здесь стал почти родным.

Переписка началась с момента расставания и продолжалась до приезда в Москву. В какой-то степени Лиля Юрьевна и Василий Абгарович считали себя «первопроходцами» в этом возвращении на родину и давали остававшимся на Каме Евгении Гавриловне и Осипу Максимовичу практические советы, которые вскоре могли им пригодиться.

Каким бы неправдоподобным это ни казалось сегодня, все письма Бриков и близких им людей, отправленные в военное время, прошедшие обязательную цензуру (!), не затерялись, а благополучно достигли адресатов (ура тогдашней почте!), а потом, собранные в домашнем архиве, несколько десятилетий ожидали своей очереди быть переданными в ЦГАЛИ (РГАЛИ).

И вот они перед вами.

(354) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Молотов — Москва; 10 декабря 1942 г.)⁵⁸

№ 1 (10.12. Вечер)

Дорогая, любименькая Киса!

Целый день отдыхал, ничего не делал, отлежался и чувствую себя хорошо.

Вы то как? С нетерпением ждем известий.

Женя все прибрала, вымыла, вычистила.

В 7 часов мы поужинали и пошли к себе.

Вит-большой⁵⁹ благодарит за фото-бумагу.

Крепко целуем вас.

Ося.

Кисик! Все в полном порядке. Честное слово, Ося чувствует себя хорошо.

Целую тебя и Васику.

Женя

[Открытка]

(355) Л. Брик, В. Катанян — О. Брику, Е. Соколовой (Молотов; 10 декабря 1942 г.)⁶⁰

Солник и Женичка,

два носильщика на санях (больших) отвезли все вещи в камеру хранения.

Я посидела часок в чистом зале, а Вася не без труда (имейте в виду!), в пункте первой неотложной помощи, получил бумажки о том, что мы прошли санобработку, а в санитарно-контрольном пункте Васе грубо сказали: «Пойдите, выкупайтесь»⁶¹. Никого из билетных людей на вокзале не оказались, и мы пошли к Лидочке⁶². От самого вокзала меня до Лидочки, а Васю — дальше довез ЗИС за 30 р. и 10 папирос, причем шофер ужасно хамил, орал: «Плати деньги!» и «Доставай папиросы!» Но я все-таки была очень довольна. Чувствую себя здоровой, температура нормальная.

Невозможно беспокоюсь за Осино здоровье!

Есть ли у вас аспирин или я весь сожрала?!

Настенька⁶³ чудесная. Лидочка хорошо выглядит, но еще не совсем здорова. Меня напоили кофе и накормили пирогом с капустой и колбасой. Вася съел в столовой две порции беф-строганов.

Поезд приходит не в 12–20, а в 10–20, это очень приятно. Вася дозвонился Мингалеву⁶⁴, говорит, что с билетами все будет в порядке. Сегодня этим поездом едут Зоя Никитина и Козаков⁶⁵. Как бы не слизнули наши билеты!

С вокзала, когда все выяснится, pošлю открытку.

Пропусками не воспользовались.

Вот и все.

Лиля.

Только не хворайте! Все остальное пустяки!!

И пишите побольше, пока в Курье!

Крепко целую.

Спасибо Женичке за заботу и все.

Вася.

Книжка твоя будет изумительная!

[Местное письмо, отправлено с вокзала Пермь-1 в Нижнюю Курью.]

(356) Л. Брик, В. Катанян — О. Брику, Е. Соколовой (Молотов; 10 декабря 1942 г.)⁶⁶

Солник и Женичка,

оказалось, что поезд наш приходит не в 12–20, а в 10–20. Это, конечно, приятно.

Два носильщика на санях отвезли вещи в камеру хранения. Взяли 300. Вася получил билетки о санобработке. Насчет билетов никого не нашел, и какой-то ЗИС довез нас до Лидочки и Васю — дальше. Вася пообедал и был в сберкассе, а меня поили кофе, накормили пирогом с капустой и колбасой. Мы оба сыты. Чувствую себя хорошо. Темп. нормальн.

Нашим поездом едут Зоя и Козаков.

Зверски беспокоюсь, не заболел ли Осик и есть ли у вас аспирин.

Купили на 2 дня пшен. хлеба.

От Лидочки доехали на трамвае, сидя!

[Лиля]

Едем международ. Привет.

Вася

[Местная открытка, отправлена с вокзала Пермь-1 в Нижнюю Курью.]

(357) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Молотов — Москва; 11 декабря 1942 г.)⁶⁷

№ 2 (11.12. 1 ч. 15 м.)

Дорогие Киса и Вася!

Очень хочется скорее узнать, как вы отбыли и как едете. У нас все хорошо. Сейчас пообедали. Ели грибной суп, бефстроганов с жар. картошкой и кофе с лепешками.

Осик утром работал в вашей комнате — тепло, чисто и тихо. Нина Леонт.⁶⁸ очень скучает без вас. Говорит: «Тоска!»

О нас не беспокойтесь. Ося здоров. Вчера вечером написали вам открытку №1 и просили Зину⁶⁹ сегодня опустить утром на Перми-2-ой.

Целую вас крепко. Ждем вестей.

Женя.

Странно было ночью спать и знать, что вы в нескольких шагах от нас катите в Москву⁷⁰.

Опять никаких писем!

Только от Наташи⁷¹ из Орска. Жалуется.

И две открыточки от Регины⁷².

Очень люблю, целую.

Ося.

[Открытка]

(358) В. Катанян, Л. Брик — О. Брику, Е. Соколовой (Зуевка — Молотов; 11 декабря 1942 г.)⁷³

Дорогие товарищи,

Лиличка вчера не могла дописать, т. к. все произошло в стремительном темпе, — все выяснилось только когда подошел поезд.

Я сидела в зале ожидания с Козаковым, а Васька бегал, как безумный. Получил купе первой категории, нашел за 100 р. плюс два к. хлеба носильщиков, посадил меня в вагон. Вещи в багаж не отдал, тк кк поезд опоздал на 1½ часа, и никто не знал, когда он двинется. Через 20 м. или через 20 часов!

В вагоне было абсолютно темно и холодно. Отъехали мы в 2 ч. ночи. Электричество загло, затопили. Мы вкусно поели Женину еду (спасибо!), чаю не было, постельного белья нет (не хватило), но есть чистые одеяла и подушки, и мы спали, как убитые, до 12½ часов. Все это еще по местному времени. Умывальник действует. Очень чисто. Проводник нас очень любит. Едем очень хорошо.

Утром выпили по стакану чая с молоком и по 2 стакана кофе. Хорошо поели. Хлеба возьмем на большой станции. Едем потихоньку, останавливаемся на каждой станции.

Вася сейчас играет в шахматы с Козаковым. У К-ва фурункулез и его послали в Кремлевку лечиться.

Я безумно беспокоюсь за Осино здоровье.

Послали Рябовым срочную телеграмму⁷⁴.

Билеты обязательно надо заказать заранее и проверить, предупрежден ли нач. поезда по пути в Свердловск⁷⁵. И хлеба надо взять вперед, причем в нашем распределителе вперед не дают.

Люблю, целую.

Лиля.

[Открытка]

(359) Л. Брик — О. Брику (Киров — Молотов; 11 декабря 1942 г.)⁷⁶

№ 3

Солник!

Вчера писали из Молотова, сегодня опустили открытку в Зуевке. Едем хорошо. Горит свет, не холодно.

Вася играл весь день две партии в шахматы с Козаковым и обе проиграл. Хорошо пообедали Жениной едой. Потрепались с Никитиной.

Когда поедете, надо вещи из камеры хранения брать не в последнюю минуту, а доставить их на перрон к приходу поезда, и пока один занят билетами, другой должен их сторожить.

Абсолютно нечего читать и окна замерзли, нельзя смотреть в окошко!

Посылаем вам отсюда телеграмму⁷⁷ и еще одну — Рябовым.

Беспокоюсь о твоём здоровьи!

Поцелуй и спасибо Жене.

Привет Нине Леонт., двум Витям, Вовке, Нюре, Лиде, Гавриловым⁷⁸.

Крепко целую.

Лиля.

[Открытка]

(360) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Молотов — Москва; 12 декабря 1942 г.)⁷⁹

№ 3 (12.12. Вечер)

Дорогая, любимая Киса!

Получили вашу телеграмму из Кирова.

Было очень приятно, а то мы беспокоились, как-то вы уехали?

Тут же ответили вам, что все в порядке. Надеюсь, телеграммку вы уже получили⁸⁰.

Нового, как нетрудно догадаться, здесь быть не может. И действительно его нет. Писал немножко книгу. Побрил голову. Женя установила мне санаторный режим: я выпиваю на ночь бутылочку молока. Заедаю кусочками ш-----да⁸¹. Кроме того, Женя испекла сдобные лепешки.

Было одно письмишко — от Фриды. Благодарит за деньги и за лишние 150 р. Но, увы, на них масла не купишь, потому что цена ему (нрзб.)

Погода не холодная, градусов 13, топили вашу комнату, как обычно, а температура в ней выше 17—18 не подымается. Не хватает вашего животного тепла!

Крепко целую. Люблю.

Ося. Женя.

[Открытка]

(361) Л. Брик — О. Брику, Е. Соколовой (Горький — Молотов; 12 декабря 1942 г.)⁸²

№ 4

Солник и Женичка, окна оттаяли, в вагоне совсем тепло. Утром съела кружку простокваши из Курьинского молока и выпили кофе с свежим. На станциях продают молоко, яйца, чеснок, лук, масло. Молоко раза два дешевле, чем в Перми.

Козаков 3 часа читал нам свою пьесу «Дарья»⁸³. Ничего мелахт⁸⁴!

Часа через два, часов в 8, будем в Горьком. Опаздываем ненамного, часа на два.

Ужасно беспокоюсь об Осикином здоровье!

Привет Н. Л., Вите, Вовке, Нюре, Лиде, Гавриловым.

Ем морковку.

Привет от Васи.

Крепко целую.

Лиля.

[Открытка]

(362) Л. Брик — О. Брику, Е. Соколовой (С дороги — Молотов; 13 декабря 1942 г.)⁸⁵

Мой Осик!

Как я беспокоюсь о твоём здоровье!

Говорят, что в Москве мы будем в 6 ч. вечера, т. е. через 6 часов. Едем очень хорошо, только спим, не раздеваясь, оттого, что нет постельного белья. Едим с аппетитом.

Женичка! Сегодня утром я вышла в коридор и услышала разговор какой-то седой дамы с Зоей Никитиной о Володе Уткине⁸⁶. Седая дама, жена академика Рихтера, которая едет из Борового⁸⁷, и ее первый визит в Москве — к Марии Гавриловне. Она говорит, что о Володе можно сказать только одно: прелестный ребенок. Живется ему очень хорошо. Метельская

не делает никакой разницы между Шуриком и Володей⁸⁸. Когда Рихтер перед отъездом спросила, что передать маме, Володя бросился ей на шею и расцеловал ее. Она спросила: «Вот это и передать маме?» В ответ он утвердительно подмигнул ей. Она сказала: «Кроме поцелуя, я передам маме, что у тебя хорошенькая курточка на застежке “молния”, и что оторвана одна пуговичка». Володя посмотрел озабоченно и объяснил: «Только сейчас оторвалась». Ребята очень много гуляют и совсем не болеют. Комната у них очень хорошая и хорошо оборудованная — столики, стульчики и т. п. Кормят маленьких тоже очень хорошо. Володя очень веселый и доволен жизнью. Рихтер надеется, что летом дети будут дома.

Вася с Козаковым играют в шахматы.

Хлеба по дороге купить нельзя, так что берите с собой, сколько можете. Целую, люблю Лиля.

(363) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Молотов — Москва; 13 декабря 1942 г.)⁸⁹

№ 4 (13.12. Вечер)

Дорогая, родненькая Киска!

Сидим и гадаем, приехали вы уже? или запаздываете?

Как доехали? Как вас встретили?

Радио починили, и мы слушаем арию Сусанина: «Ты взойдешь, моя заря!»

Погода теплая, 2 градуса. Во вторник собираемся в город по разным делишкам. Писем все еще никаких нет!

Крепко тебя целую и люблю.

Ося.

Сегодня была открыточка от Семы⁹⁰. Почему молчат мои сестры?

Целую крепко Кису и Васю!

Ждем с нетерпением писем. У нас все в полном порядке. Только элек. еще не исправлено у вас. Огородниковы и Гаврилины шлют приветы⁹¹.

Целую, целую.

Женя.

[Открытка]

(364) Л. Брик, В. Катанян — О. Брику (Москва — Молотов; 15 декабря 1942 г.)⁹²

Солнышко любименькое!

Вчера не писала вам.

Приехали с опозданием на 4 часа, т. е. когда уже было темно, в 6 ч. вечера.

Рябовы наших двух срочных телеграмм не получили! Носильщиков не было. Кое-как вывалили вещи в снег, я села на них, а Вася пошел звонить и искать носильщиков.

Хотя было тепло, но темно и страшно, и я сидела и горько плакала. Через 1½ часа все было в порядке. За вещи уже уплачено 266 р. Приехал

на «Эмке» Григ. Зах.⁹³, — вещи погрузили, с ними поехал Рябов, а Вася и я поехали в метро домой.

Дома разговаривало невыключенное радио⁹⁴. Дом топят и, очевидно, будут топить всю зиму. В комнатах 13—14⁰. Вполне терпимо.

Я стала звонить из домоуправления во все концы, но дозвонилась только Леонидовым, которые были в гостях у Вирта⁹⁵.

Часов до 2-х ночи обтирала пыль, а Вася себя очень плохо чувствовал и еле ползал. Напились чаю и легли спать.

А утром 14-го (вчера) Васю вдруг так затрясло, что его буквально бросало по кровати. С трудом удалось померить температуру и оказалось 40,2⁹¹! Рябов через полчаса прислал врача — грипп. Тут я заболела! Анализ, лекарства...

Два дня сидели бы без хлеба, если бы не принесли все друзья-знакомые. Оказывается, по новым правилам, карточки рейсовые надо менять на московские. Для этого надо отметить командировки.

Вчера с утра пришла Аннушка, потом Ганя с Зинойчкой, Нат. Фед., Леонидовы, Сема с Раей, Виталий⁹⁶. Сегодня — Виталий, Рябовы, Ступаки⁹⁷ с грудной девочкой! Сегодня взяли уже обеда в клубе. Суп не взяла, пошла без кастрюльки, а второе — котлеты с макаронами и капустой.

Канина в Комитете уже нет⁹⁸. Вызовет вас обоих, очевидно, Чагин⁹⁹, который меня очень хорошо встретил, даже поцеловал меня!

Он хотел подумать сегодня вечером, а завтра мы с ним окончательно сговоримся. Он очень заинтересовался словарем¹⁰⁰. Очевидно, о словаре будем разговаривать послезавтра. Что-то он хочет издавать к 50-ти-летию¹⁰¹. А Собр. сочинений пока законсервировано¹⁰².

Телефоны Самосула и Канина сегодня узнает мне Эся Львовна¹⁰³. Буду звонить им завтра. Канин не передал Женины посылочки сестрам!

Марья Гавриловна¹⁰⁴ вчера не дозвонилась, а только сегодня. Она очень мне обрадовалась. Зайдет сегодня вечером или завтра утром. Я дам ей, конечно, кофе, тк кк здесь его абсолютно нет.

Ступаки и Рябовы мои посылки получили. Купите непременно еще! Не везите много вещей, — намучаетесь; обойдемся! Думаю, что проживем здесь все до весны¹⁰⁵. А на весну и лето съездим в Курью¹⁰⁶ — так мне сейчас пока кажется.

Марья Гавриловна счастлива, что Женя приедет. Говорит, что даже представить себе не может, так это будет изумительно!

Спрашивала, не нужно ли нам чего, чем может помочь, не нужен ли врач. Но, к счастью, нам пока ничего не нужно. Зайду и к ней, и к Александре Гавриловне¹⁰⁷, как только Вася встанет.

Завтра в 2ч. придут Асевы. Я звонила им.

Читала Леонидовым и Нат. Фед. кусочки из своей книжки. Им очень понравилось.

Олег Леонидович может всем нам дать работы без конца!

Смеляков убит на фронте¹⁰⁸.

Только что была Марья Гавриловна. Она выглядит изумительно! Ужасно рада, что вы приедете, и что мы уже здесь. Она толстая, румяная и очень оживленная.

После нее еще раз приходил Виталий. Веру¹⁰⁹ он выселил, поставил кирпичную печку, замазал окна; дрова напилены и наколоты, печка протоплена; дров обещали дать еще. Но, к сожалению, он опять едет в поездку — на месяц или недель на шесть. Ключ от квартиры будет у меня. Он боится, что Паша¹¹⁰ растащит дрова.

У Васи оказался очень плохой анализ, и его начнут лечить, как только кончится грипп.

Солник! Вася по ошибке, вместо ключа от швейной машинки, оставил вам ключ от моего здешнего шкафа. Машинку можно отпереть любым ключом, а мой ключ привезите. Пусть Витя¹¹¹ подберет ключ к машинке. Продайте ее!

Когда поедете, непременно пришлите молнию, и пусть Волгин¹¹² передаст Рябовым по тел. № К-7-13-74 (через «Гудок») о том, когда выезжаете, чтобы мы вас обязательно встретили.

Помните, что кофе здесь совсем нет. Привезите все, что есть, и купите еще. Не загромождайте себя вещами.

Невыносимо беспокоюсь об Осипом здоровье.

Плачу и схожу с ума.

Продайте все, что сможете, вплоть до картошки!

Помните, что в дороге вы хлеба не купите.

Возьмите по рейсовым карточкам на несколько дней вперед, включая один день в Москве. Думаю, что лучше всего вам выехать в начале месяца, отоварившись.

Люблю, целую, целую, целую.

Лиля.

Целую крепко. Вася.

(365) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Молотов — Москва; 16 декабря 1942 г.)¹¹³

ОСЯ ВПОЛНЕ ЗДОРОВ ПОРЯДКЕ ЦЕЛУЕМ =ОСЯ ЖЕНЯ=

[Телеграмма]

(366) О. Брик — Л. Брик (Молотов — Москва; 16 декабря 1942 г.)¹¹⁴

№ 5 (16.12. Утро)

Дорогая, золотая Киска!

Только сейчас получили вашу предотъездную открыточку. Сегодня собираемся в город насчет дров и прочих дел. Тут все в порядке. Было все время тепло. А сегодня несколько холодней, 25 градусов.

Писем интересных нет. Было письмо от Наташи¹¹⁵ — отчаянное. Остальное — открыточки из Москвы. С естественным нетерпением ждем ваших писем. Принесли с почты деньги из Управления по охране авт. Прав (1800 р.). Жду, что прикажете с ними делать.

Книгу пишу потихоньку. Дописал «исповедь подлеца». Получилось, по-моему, неплохо. Всего «исповедь» заняла около одного печатного листа.

Новостей никаких. Радио работает, но тихо. Электричества у вас нет и неизвестно¹¹⁶. У нас есть¹¹⁷. С машинкой пока без движения¹¹⁸.

Выдали три куса мыла банного. Бабка молоко носит. Гавриловы¹¹⁹ все еще не получили сена.

Очень крепко люблю тебя и целую.

Ося.

[Открытка]

(367) О. Брик — Л. Брик (Молотов — Москва; 18 декабря 1942 г.)¹²⁰

№ 6 (18.12. Утро)

Дорогая моя Киска!

Очень неудобно, что от вас до сих пор нет никаких известий из Москвы. Я не сомневаюсь, что вы и телеграфируете, и пишете, — но до нас ничего не доходит. Сегодня специально поеду в город, чтобы что-нибудь предпринять для установления связи с вами.

У нас здесь все тихо, мирно. Пишу книгу. Хлопочу насчет дров. Весь день проводим у вас. Приходим утром и уходим вечером спать. Жаль, что электричества нет. Вчера дали на немножко, а сегодня опять нет. Когда приходим, температура 13 градусов, а к вечеру подымается до 20.

Сикша¹²¹ сахару не дала. А по промкарточкам выдали 12 коробков спичек.

Пропуска и твое письмецо получил, но не у Гинца, а у Лидочки. Гинц был очень смущен, когда я с него требовал пропуска. Но я сразу догадался, что они у Лидочки. Лидочка, в свою очередь, была смущена, что не занесла их Гинцу.

Крепко, крепко целую.

Ося.

Подписался на «Известия», «Лит. и иск.» и «Звезду»¹²².

Открытки №№ 1, 2 и 3 получены.

[Открытка]

(368) О. Брик — Л. Брик (Молотов — Москва; 19 декабря 1942 г.)¹²³

№ 7 (19.12. Вечер)

Ст. Пермь-1

Дорогая, любименькая Киса!

Что же это от тебя ничего нет из Москвы?

А, главное, ничего не поделаешь: Волгина нет, он «на исправлении»¹²⁴.

Телеграммы ходят почтой. — «Приходится терпеливо ждать».

У нас все в полном порядке. Конечно, скучно без тебя!

И хочется домой. Женечка очень грустит.

Достал дров (квитанцию!) на 6 кубометров.

Больше пока не дали.

Крепко целую, люблю.

Ося.

[Открытка]

(369) О. Брик — Л. Брик (Молотов — Москва; 21 декабря 1942 г.)¹²⁵

№ 8 (21.12. После обеда)

Дорогая и любимая Киса!

От вас все еще ничего нет из Москвы!

Что же это такое?! Как же завязать с вами связь?

У нас все благополучно. Достал (пока!) 6 кубометров дров. Обещали завтра привезти. Сегодня холодно — 35 град. В вашей комнате утром было +11°, сейчас уже 16, дотянет до 18. Готовимся к встрече Нового года.

Сикша¹²⁶ все-таки достала сахарку.

Гуревич просит написать новогодний стих¹²⁷.

Итак, — с Новым Годом!

Крепко целую и всего желаю.

Ося.

[Открытка]

(370) О. Брик — В. Катаянгу, Л. Брик (Молотов — Москва; 21 декабря 1942 г.)¹²⁸

№ 9 (21.12. Вечер)

Дорогие москвичи!

Пересылаю вам письмо от Васи-маленького¹²⁹.

Где вы? Что вы? Очень хотелось бы знать, но, увы, приходится вооружиться терпением и ждать. По нашим расчетам, с завтрашнего дня должна начать поступать от вас «корреспонденция»!

У нас решительно все одно и то же и писать каждый день чрезвычайно трудно.

Написал для Гуревича сразу 15 железнодорожных лозунгов; из них 10 он тут же одобрил и пустил в ход¹³⁰.

Остальные — доработаю

Крепко очень целую.

Ося.

[Открытка]

(371) Л. Брик — О. Брику (Москва — Молотов; 22 декабря 1942 г.)¹³¹

Солник!

Уже писала тебе, но повторяю (вдруг не получил!)

Ехали мы хорошо в международном первой категории. Билеты получили в последнюю минуту, не знали, сколько простоит поезд, и носильщики отняли у нас весь хлеб и 100 рублей.

Две наши срочные телеграммы дошли до Рябовых после нашего приезда, и они нас не встретили. Вася позвонил им с вокзала и Григ. Зах. немедленно приехал на машине и повез наши вещи, а мы с Васей доехали на метро.

Поезд опоздал на четыре часа.

В квартире 12–16 градусов. Газ горит плохо, но горит. На электричество лимита пока нет — ждем со дня на день.

В первый же день пришла Аннушка. Она с утра приносит хлеб и молоко и ходит за обедами в Союз¹³².

Вася по приезде заболел гриппом с температурой 40, 2⁰. Григ. Зах. тут же прислал врача и заезжал ежедневно. Сейчас Вася здоров. Он уже прописан («на-постоянно»). Я, очевидно, пропишусь также через день-два.

С завтрашнего дня Вася начинает работать в Информбюро и «Комс. правде». Ему везде очень рады.

Были у нас Коля Асеев и Сема с Раей, и Леонидовы, и Ступаки, и Рябовы, и Миша Кульчицкий.

Я уже писала, что была у меня Марья Гавриловна. Она изумительно выглядит, хотя работает очень много, и все время сдает кровь.

Вит. и Аля на-днях едут на фронт¹³³. Вит. тоже хорошо поправился.

Видела Верочку¹³⁴. В след. номере «Интернац. литературы»¹³⁵ печатают стихи Арагона¹³⁶. От Аплетина¹³⁷ мне дали журналы с его стихами. Стихи он посвящает «Глазам Эльзы». Стихи очень хорошие.

Хорошие стихи читал нам Асеев.

Хорошие — Кульчицкий.

Хорошие новые стихи у Пастернака¹³⁸.

Приехал Харджиев¹³⁹. Рвется к нам Тарасенков. Он приехал с Машей ненадолго¹⁴⁰.

Видела Осю Румера¹⁴¹.

Собираемся с Рябовыми к Меркурову¹⁴², — он хворает.

Сию минуту был Виталий. Они едут завтра. Завтра он привезет письмо для Жени и ключ от квартиры¹⁴³. Он поставил печку и привез дрова. До приезда Жени взялся ночевать Меркин¹⁴⁴, чтобы топить каждый день, убирать и присматривать.

Надеюсь, вы получили мою срочную телеграмму о том, что 18-го Гослитиздат послал вам обоим телеграфные вызовы, согласованные с Моссоветом, по адресу Молотовского Союза писателей. Жду вашего телеграфного подтверждения.

Теперь — советы:

1. Хлеб возьмите по рейс. карточкам на несколько дней вперед, тк кк по новым правилам надо их здесь обменять на другие, предварительно отметив командировки. На все это нужно время, и у нас пропал хлеб за два дня.

2. Лучше поехать, отоварившись, тк кк до прописки нельзя получить карточки.

3. Купите еще кофе и все привезите. Тут его дают по карточкам вместо чая. (Канин отдал кофе Марье и Алекс. Гавриловне).

4. Хорошо бы нажарить сколько-нибудь кофе.

5. Больше всего здесь нужны деньги, так что хорошо бы загнать швей-ную машинку.

6. Не оставляйте ни кусочка мыла! Везите даже обмылки!

7. Привезите мою лакрицу¹⁴⁵.

8. Повидайте Сигшу²¹¹.

9. Берите с собой все одеяла, занавески и скатерти (скатерти я зашила).

10. Очень прошу привезти коричневый халат, которым были закрыты мои платья на вешалке.

11. Очень прошу привезти наволочки (я их тоже зашила!).
12. Не везите громоздких вещей, — не мучайтесь!
13. Доставьте весь багаж на перрон до прихода поезда.
14. Попробуйте, если успеете, если будет не слишком трудно, сдать вещи в багаж. Если не удастся, дайте проводнику вперед рублей 50, чтобы не ругался, что много вещей.
- Если Зоя Никитина скоро поедет¹⁴⁶, попрошу ее взять с собой мешки.
- 1-го декабря Упр. по охр. авт. прав перевело мне телеграфом тысячу восемьсот рублей. Надеюсь, Даша¹⁴⁷ принесла деньги на дом. Если нет, справься о них. Посылаю уверенность.
- Телеграмму о том, что ты здоров и одну открытку (№ 1) получили.
15. Бумажки о том, что вы не нуждаетесь в санобработке¹⁴⁸, получите на Перми 2-ой, в пункте первой помощи, а не в санитарно-контрольном пункте. (Зачеркнуто: «Скажи Гуревичу, что кремешки Вася забыл ему оставить, что пришлет их с Зоей Александровной¹⁴⁹»).
16. Заготовь заранее «молнию» с печатью и отправь или попроси кого-нибудь отправить, как только выяснится, что вы едете, что есть уже билеты.
17. Кроме того, попроси Волгина позвонить через «Гудок» Рябовым. Телефон К-7-13-74.
18. Запиши Рябовский телефон. Вдруг «молния» не дойдет, и Волгин не дозвонится, чтобы позвонить в Москве с вокзала.
- Сегодня были у Леонидовых, выпили за ваше здоровье. Алекс. Гавриловну не видела. Она работает день и ночь.
- Убиты Смеляков и Коган (помните? — ученик Сельвинского)¹⁵⁰.
- Слуцкий был легко ранен и вернулся на фронт.
- Кульчицкий окончил военную школу, он лейтенант и на-днях отправляется на фронт, в гвардейскую часть. Он очень изменился, стал похож на свои солдатские сапоги, очень возмужал. Стихов у него очень мало, есть заготовки. Но это, пожалуй, лучше, чем у Коли и Семы¹⁵¹.
19. Пусть Гавриловы проводят вас.
- Привет всем Гавриловым и Огородниковым — старым, средним и малым. Завтра вышлю Вите «Графа Монте-Кристо»¹⁵².
- Приезжайте скорее!!
- В воскресенье уберу твою комнату¹⁵³.
- Столовая, Васина и моя — в относительном порядке. Только все ковры розданы. Не хочется отнимать посреди зимы!
- Кажется, все написала, кроме тысячи мелочей, которые сами увидите.
- Целую, целую, целую
- Лиля.
- Чагин очень интересуется словарем¹⁵⁴.
- Винокура¹⁵⁵ еще не видела.
- Была у Самосуда на репетиции «Пиковой».
- Он очень ждет тебя. Письмо ему передала.
- Еще целую.
- Как хочется послушать новые кусочки из твоей книги!!
- Наш самый горячий привет Савватию Михайловичу¹⁵⁶ Я напишу ему.
- Л.

(372) О. Брик — Л. Брик (Молотов — Москва; 23 декабря 1942 г.)¹⁵⁷

№ 11 (23.12. Обед)

Дорогая, любимая Киса!

Все еще ничего не имеем от вас из Москвы. Сегодня получилась ваша открытка №4 из-под Горького. Знаем о вас из письма Алекс. Гавриловны¹⁵⁸ (от 16-го!)

Ничего не поделаешь, потерпим еще немного.

Сегодня ходил в лес получать дрова. Уже начали возить. Надеюсь, что все будет в порядке! Хорошо, что тепло, 8 градусов всего.

Писем интересных нет. От Кулешова открыточка¹⁵⁹ — болеет ишиасом.

Мы здоровы.

Крепко целуем.

Ося.

[Открытка]

(373) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Молотов — Москва; 24 декабря 1942 г.)¹⁶⁰

№ 12 (24.12. Обед)

Дорогая, золотая Кисанька!

Сегодня получилась открыточка № 5 с московским штемпелем! — но все еще не московская.

У нас все тихо-мирно. Тепло, 9 градусов.

Собираюсь сейчас в город по разным делишкам. Может быть, Волгин приехал. Может быть, удастся завязать с тобой более быструю связь.

Крепко целую.

Ося.

Киса! Спасибо за подробности о Володе Уткине¹⁶¹. Очень неожиданные и приятные. Хочется скорее московских известий. Ждем.

Осик вполне здоров. Все хорошо.

Целую тебя и Васю.

Женя.

[Открытка]

(374) О. Брик — Л. Брик (Молотов — Москва; 26 декабря 1942 г.)¹⁶²

ЕЩЕ НИЧЕГО НЕ ИМЕЕМ ОТ ВАС ИЗ МОСКВЫ

ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ГИНЦУ ЗДОРОВЫ ЦЕЛУЕМ =ОСЯ=

[Телеграмма]

(375) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Молотов — Москва; 27 декабря 1942 г.)¹⁶³

№ 14 (27.12. Утро)

Золотенькая киска!

Вчера телеграфировал тебе, что ничего от тебя из Москвы не имеем, а сегодня пришло первое письмо от 15-го. Очень увлекательно было читать!

Только бедный Вася! Обязательно надо ему серьезно лечиться.

Все твои советы и пожелания примем к сведению и постараемся все сделать наилучшим образом. Узнав случайно, что Канин 26-го проедет Молотов, я вышел вчера к московскому поезду и в международном нашел Канина, от которого узнал, что у вас все в порядке и что нам вызовы посланы. Будем готовиться!

У нас все по-прежнему. Но туговато с подвозкой дров и с продажей барахлашка.

Книгу временно не пишу. Набираю матерьял и мысли.

Кисик! Очень люблю и целую.

Ося.

Только что получили вашу телеграмму от 19-го¹⁶⁴.

Ждем телеграммы от Госиздата.

Целую очень крепко тебя и Васю.

Женя.

[Открытка]

Кульчицкий уходит на фронт

В декабре Михаила Кульчицкого, который проходил ускоренное обучение в Московском пулеметно-минометном училище, в звании младшего лейтенанта призвали в действующую армию — на Сталинградский фронт. Он зашел в Спасопесковский, в столь знакомую и дорогую ему квартиру, куда незадолго до этого вернулись Л. Ю. и В. А.

А через неделю, 26 декабря, заскочил уже попрощаться перед отправкой. Кульчицкий прочитал сочиненное прошлой ночью стихотворение:

Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!

Что? Пули в каску безопасней капель?

И всадники проносятся — от свиста

Вертящихся пропеллерами сабель?

Я раньше думал: «лейтенант»

Звучит «налейте нам»,

И, зная топографию,

Он топает по гравию.

Война ж совсем не фейерверк,

А просто — трудная работа,

Когда — черна от пота — вверх

Спешит по пахоте пехота.

Марш! И глина в чавкающем топоте

До костей мозга промерзших ног

Наворачивается на чеботы

Весом хлеба в месячный паек.

На бойцах и пуговицы вроде

Чешуи тяжелых орденов:

Не до ордена. Была бы Родина.

С ежедневными Бородино.

Л. Брик, В. Катанян — Н. Глазкову (30 декабря 1942 г.)

Много новых стихов у Пастернака, Асеева, Кирсанова. Есть хорошие. Но не лучше старых.

Посылаю Вам бандероль кирсановского «Смылова»¹⁶⁶.

26-го Миша уехал на фронт. Адрес его пока неизвестен. Я дала ему Ваш. Обещал написать и Вам и мне. Ваши стихи ему очень, очень, очень нравятся.

А вот его последнее:

Мечтатель, фантазер, лентяй, завистник!

Н. Глазков — В. Катаняну, Л. Брик (23 декабря 1942 г.)

Дорогой Василий Абгарович!

В Николу получил от Вас открытку. Вам не ясно, куда и зачем я уехал?! Мне это тоже не ясно. Стихи однако пишу, о чем свидетельствует IV-ый пароход¹⁶⁷, Поэтоград и 48-четверостиший.

Поэтоград, как и обещал, посылаю с этим письмом и посвящаю Л. Ю.

Но, к сожаленью, он у меня получился намного хуже, чем я предполагал. Так оно всегда бывает, так, впрочем, и должно быть. Но, конечно, обидно...

Что делать?

Думаю возвратиться к Поэтограду в более счастливые времена, которые — верую — придут, а пока: посылаю что есть.

48 четверостиший что так надо.

А Вы меня не забывайте!

Кроме того, шандархнул за победу несколько митричей.

Да здравствует Лиля Юрьевна!

Еще написал стихотворение «Белая Церковь»¹⁶⁸ и послал его туда; но, конечно, безрезультатно.

Если в Поэтограде что не так, то сообщите мне об этом, и я исправлю.

Аудитории в селе Никольском никакой, так что почитать стихов некому. В красном уголке обыгрываю всех в шашки (прошли те блаженные времена, когда я мог проигрывать в цилиндрические шахматы). Но при всем при том не унываю. Осталась усталость, но все «суета сует и томленья духа».

Пишите мне. Привет О. М. и Е. Г.¹⁶⁹

А пока пока. Пишите мне чаще и скорее, и подробнее.

В. д.¹⁷⁰ Глазков. 42 г.

Здесь же — письмо Н. Глазкова — Л. Брик

Дорогая Лиля Юрьевна!

Прежде всего простите меня, что я посвятил Вам только 400 строк, притом не самых хороших. Произошло это потому, что я не хотел задерживать строительство Поэтограда. <...> В более счастливые времена я вновь вернусь к нему, а пока посылаю что есть. Если Вам там что-нибудь не понравится, то сообщите мне — и я исправлю. Вам теперь стало намного лучше и хуже, потому что Вы в Москве, а у меня все так же (не лучше

и не хуже, но меньше). Вместо того, чтобы читать стихи, рассказываю похабные анекдоты, которых знаю около 800. Прежде я их очень любил, а теперь они мне надоели, но приходится рассказывать, потому что просят, а я добрый.

Поэтоград (Поэма 1942—2042 годов) представляет из себя лишь общий обзор. Там ничего нет про вокзал Глазкова¹⁷¹, бар Баркова¹⁷², и т. д. <...>

Но, если только жив я буду, то ко всему тому возвращусь вновь. Кроме того, стал курить махру. Ударяю для этого рашпилем по кремню. Искра падает на фитиль. Из искры возгорится пламя, а дым отечества нам сладок и приятен. Иногда возникают дурацкие мысли, вроде такой: Курить приятно, потому что противно. А младенцам рассказываю про прямое дополнение и про богатырей. Но это все не то, а мне другое надо. Поэтому не забывайте меня никогда. Никогда бывает!

А пока пока. В. д. Глазков 42 г.

Автор строчек, написанных черными чернилами на двойном листке в линейку, честен. Он не заискивает, не кривит душой, и все-таки нельзя воспринимать его слова напрямую. Как бы внимательно ни прислушивался он к советам Лили Юрьевны и Катаняна, поступал он по собственному разумению. Были и будут разногласия, отзвуки которых слышатся в стихах с привычным посвящением — Л. Ю. Б., например, в таких:

Я с Вами вовсе не желаю ссориться
И в спорах на конях-словах сшибаться.
Но не права английская пословица —
И королева может ошибаться!
Мне, так сказать, приходится охотиться
За всякою засушною монетой.
А ежели у нас пути расходятся,
То и не то бывает в жизни этой.

Стихи не отменяют того, что утверждалось в подписи: «Ваш друг Глазков».

Тем более поэт многим обязан адресату посвящения. Тоска и одиночество были невыносимы для столь деятельной натуры. Хотелось туда, где разговаривают о литературе, где живут искусством. Хотелось в Москву. И пусть не сразу, с трудом, Лиля Юрьевна и Катанян устраивают вызов (через директора Гослитиздата П. Чагина).

Ё-МОЕ!

В конце декабря 1942 года резко осложнилась обстановка на Сталинградском фронте. Сталинград был почти полностью разрушен, шли ожесточенные бои за каждую улицу, каждый дом, которые превращались в руины. Немецкая пропаганда предрекала неминуемое падение города

и переход немецких частей на левый берег Волги в самое ближайшее время. Немцы уже видели обход Москвы с юго-востока.

И мало кто из геббельсовских пропагандистов обратил внимание на появившийся в главной газете страны «Правда» за 24 декабря приказ народного комиссара просвещения Потемкина об обязательном употреблении в школьной практике буквы Ё (!). Этот приказ имел силу распоряжения самой высокой инстанции.

В последних декабрьских номерах «Правды» замелькала буква Ё, срочно был издан специальный справочник «Употребление буквы Ё».

Представьте только: в тяжелейшие для страны дни были приняты государственные меры по упорядочению русского языка. Это явилось неопровержимым доказательством, что нация, которая могла позволить себе это, — непобедима!

Гитлеру следовало бы срочно приступить к разработке военно-стратегического плана отвода своих войск из России с возможно меньшими потерями, признать свое поражение и предложить перемирие.

Ибо советское правительство ясно заявило всему миру, как надо правильно произносить и писать фамилию главного стратега Сталинградской битвы генерал-полковника Ерёменко¹⁷³ и рядового бойца Красной Армии Василия Тёркина¹⁷⁴.

Хотя сама Сталинградская битва, которую историки считают решающей и поворотной в ходе Великой Отечественной войны, была ещё в разгаре¹⁷⁵.

1943 ГОД

ЭВАКУИРОВАННЫЕ ПОСТЕПЕННО ВОЗВРАЩАЮТСЯ В МОСКВУ

Осип Максимович с Женей вернулись в Москву в январе 1943-го.

Вернуться в Москву из эвакуации было не так просто, требовалось обосновать свое возвращение и подкрепить его соответствующими документами. Л. Ю. обратилась за помощью к П. И. Чагину, и он снова помог — послал телеграфный вызов О. М. Брику в Молотов, а когда Осип Максимович приехал, выдал ему справку для столь желанной московской прописки. Сохранился такой документ:

СПРАВКА

Дана в том, что гр. Брик Осип Максимович вызван в Москву для работы по изданию оборонной литературы и книг к 50-летию со дня рождения В. В. Маяковского.

Справка дана для предоставления в Управление милиции Киевского района г. Москвы.

Директор Гослитиздата П. Чагин
19 января 1943 года¹

Василий Васильевич Катанян впоследствии напишет про своего отца и Л. Ю.:

Они вернулись на Арбат в разоренную квартиру с выбитыми окнами. Жили бытом военной Москвы: отоваривание карточек, обмен вещей на продукты, железная буржуйка, возле которой поставили письменный стол и работали все трое — это было единственное теплое место в комнате. Иногда сидели в пальто.

Л. Ю. воспринимала все без особых жалоб. «Как в 18-м году», — говорила она [Катанян В. В., 2002. С. 119].

А молотовская железнодорожная газета «Сталинская путевка» уже после отъезда О. М., в номере за 30 января 1943 года, опубликовала его «прощальные» стихи «Правдивые зарисовки в энской столовке».

На этом молотовский период жизни Бриков в эвакуации закончился.

Фрида Брик пишет брату 7 января 1943 года из Красноуфимска: «*Мы с мамой подождем, когда вы все устроитесь и надеемся, что и нас перета-*

Л. Ю. Брик, Е. Г. Соколова, О. М. Брик (1940-е гг.)

щут поближе к весне, а то в Газетном² холодно и стекла не вставлены (оно и понятно — хозяйничают ведь Топера!)»³.

Последнее письмо из Красноуфимска Фрида отправила 12 марта 1943 года, после которого они со свекровью, по-видимому, тоже возвращаются в Москву.

По правилам военного времени, при восстановлении московской прописки О. М. Брик проходит обязательное освидетельствование в медицинской комиссии при районном военкомате и получает следующее свидетельство:

Свидетельство № 9000

(Бессрочное. Хранится наравне с военным билетом)

Об освобождении от воинской обязанности

Выдано настоящее свидетельство Киевским РВК г. Москвы военно-обязанному 1888 года рождения Брику Осипу Максимовичу состава запаса второй категории ВУС № 134 уроженцу города Москва в том, что он по освидетельствовании 13 февраля 1943 года комиссией при Киевском РВК г. Москвы признан негодным к несению воинской обязанности с исключением с учета по гр. «1» ст. 48 расписания болезней приказа НКО СССР 1942 г. № 336 и снят с воинского учета.

Подлежит переосвидетельствованию

Фото О. М. Брика Районный военный комиссар

/подпись/

20 февраля 1943 г.⁴

Брошюра Н. Асеева «Маяковский» (Серия «Великие люди советского народа»; М.: Молодая гвардия, 1943 г.)

КРУЧЕНЫХИАНА

Лиля Юрьевна умела и любила устраивать приятные домашние праздники. И несколько раз у нее дома отмечались дни рождения Круча.

А 21 февраля 1943 года ему исполнялось 57 лет — дата вроде и не круглая, чтобы размахисто праздновать, да и время малоподходящее для застолья. Но почему не организовать небольшой праздник этому одинокому человеку, да еще памятуя об оживленной переписке с ним в эвакуации? И Л. Ю. пригласила Алексея Елисеевича на... его день рождения!

Круч растрогался и пришел — с тремя стихотворениями, посвященными хозяйке дома: двумя давними, написанными «еще при Володе», в 1924 и 1929 годах, и третьим — новым, сочиненным к этому празднеству:

Остроножка
Лиле Ю. Брик

Сквозь бронированные камни
крыши
и карнизы
сквозь грохоченье улиц
шелк и шум,
остроногая
— упор волчка —
пылающей косой струистая
Лиля катилась
по канату
— раз —
куда-то...

Почтовая марка СССР, посвященная 50-летию со дня рождения В. Маяковского (1943 г.), и бланк солдатского письма с ней

— *Et voila!*
 канат —
 вертись!
 телеграф —
 дороге! —
 и высунув язык косячеству
 неслась обратно
 да так
 что в оторопе ватман.
 затормозив зудки,
 трамвай оставив в столбняке
 из искр
 ей преподнес букет,
 весночку
 прыснув огнями,
 связывая всех,
 срывая из ушей оконных вату
 затем
 что нет острее
 языка
 и пальчиков
 и ног
 чем Лилины
 в айро-стаккато?!...
 1924 г.

Л. Ю. Б.
(Хочу покрыть Семку Кирс!)
Лечу!
Тороплюсь!
Волнуюсь!
Жмаю сердце таксомотор
— как будто меня шекочет
ЛУЭС⁶! —
Прорвать последний затор!

Как будто с Марса сорвался
И упал в Гендриков
переулок,
О славься,
славься
славься
Сегодняшний день —
Счастливым турок!
30.10.29

Открыт шлагбаум.
Блюдопраздник повторился очень быстро —
Он шага не убавил, —
Обед не убежал на револьверный выстрел.

Просто, так сказать,
Пошла у нас сплошная канифоль —
Симпозьи, вакханаль,
обжорство напряжением тыща вольт.

Но букетом совершенства,
примадонной естества —
это — круги витамины,
концентраты без конца.

Но пределом очевидства —
это — Лиля,
шеф-алхимик,
пышнотворец разговора
виночерпий мастерства.
21.02.43

Круч зачитал эти стихотворения за праздничным столом, они вызвали одобрение всех присутствующих. Общими усилиями, совместно с именинником, решили сочинить еще одно. И вот что получилось:

Долго все свои таланты
Лиля прятала под спудом,
но судьбы свершился рейбус —
мы узнали золотичку
мы узнали наконец:

блещет бешеной звездой,
 полыхает здесь сердечко,
 Лиля — скульптор,
 Лиля — критик и художник,
 словом —
 Лиля удалиха.
 Потому — дарю ей эту редкость,
 шо — ко — ла — да
 эту плитку,
 а букетом
 хризантемой —
 рукоплески
 пятерых сердец:
 В. Катанян
 Е. Соколова
 О. М. Брик
 А. Крученых
 Н. Харджиев
 21.02.1943⁷

Вечер удался на славу.

Были очень довольны: и Круч, и Лиля, и все остальные.

СЦЕНАРИЙ ОТКЛОНЕН

Вернувшись в Москву, О. М. Брик с Козаковым заканчивают начатый еще в Молотове сценарий фильма «Есть оружие!» (о работе оборонного завода в тылу) и отправляют его на утверждение в Сценарную студию Кинокомитета, но вскоре, после обсуждения, получают неутешительный ответ.

Письмо Сценарной студии

Комитета по делам кинематографии при СНК СССР

гг. Козакову М. Э.

Брик О. М.

Уважаемые товарищи!

Представленный Вами вариант сценария «Есть оружие!» Студия принять не может. Причины отклонения Вам подробно изложены при обсуждении сценария Членом редколлегии тов. Юзовским⁸. Если у Вас в данный момент имеется план переделки, в корне меняющий сценарий, — просим представить его на утверждение Студии, в противном случае считаем наши отношения по сценарию законченными.

Директор Сценарной студии Кинокомитета М. Большинцов

[15 марта 1943 г.]⁹

ОГОРОДНИЧЕСТВО

Приближается весна, и О. М. с В. А. записываются на получение огородного участка на лето. Вскоре от Огородной комиссии приходит приглашение принять участие в учредительном собрании огородного общества:

Н. Денисовский, С. Матлин, М. Соловьев, П. Саркисян и О. Брик обсуждают очередное «Окно ТАСС»

Уважаемый товарищ Осип Максимович!

Вы будете огородничать в «Заветах Ильича»¹⁰. Вместе с Вами внесли паи на «заветовские» огороды 180 человек. Каждому надо дать возможность собрать к осени приличный урожай. А земли всего один гектар.

Поэтому необходимо срочно произвести большую организационную и хозяйственную работу, чтобы взять от земли все, что она может дать.

К этой работе еще по-настоящему не приступали.

Собрание по этому вопросу состоится 12 апреля в 5 ч. 30 м. В столовой.

На нем будут выделены руководители, бригады, актив, составлен четкий план работ.

Приходите обязательно. От Вашего делового участия зависит успех всех работ в «Заветах Ильича».

Каждый обязан внести свою долю труда и забот. Надеясь на других, ничего путного не добьемся, пропустим все сроки посевной.

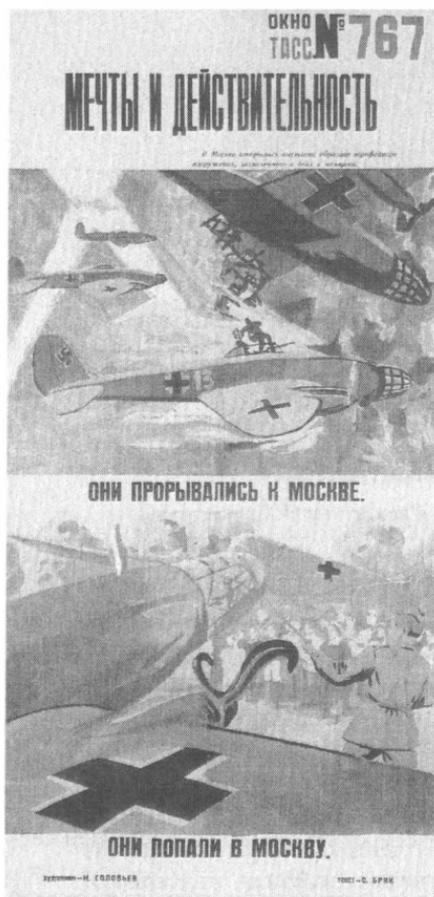
Огородная комиссия

9 апреля 1943 г.¹¹

Аналогичное письмо приходит на имя В. А. Катаняна.

Сын Василия Абгаровича позже вспоминает:

Небольшое подспорье давал огород, землю под который выделил литераторам Союз писателей где-то возле Сельхозвыставки. Я ездил помогать отцу и Брику управляться с картошкой, а Л. Ю. посадила грядку петрушки, она считала ее очень полезной. Она ездила с нами, поливала свою петрушку и варила на костре картошку, которую мы ели часто только с солью — больше ничего не было [Катанян В. В., 2002. С. 119].

Окно ТАСС № 767 «Мечты и действительность». Художник М. Соловьев. Текст О. Брика.
Окно ТАСС № 788 «Как ударила врага наша Курская дуга». Художник Н. Денисовский.
Текст О. Брика

В воспоминаниях Катаняна-младшего некоторое расхождение с приглашением огородной комиссии: по его версии, делянку под огород они получили «где-то возле Сельхозвыставки», а судя по сообщению комиссии, предполагалось, что они будут огородничать в «Заветах Ильича». Но, во-первых, землю под огороды могли поменять непосредственно перед посадкой, во-вторых, воспоминания В. В. Катаняна могли относиться к 1944 году, что не так уж и существенно¹².

ЦК осудил

Хлопоты, связанные с возвращением из эвакуации, привыкание к простой московской жизни военного времени — за всем этим Брики не

Окно ТАСС № 827 «На старой Смоленской дороге». Художник П. Соколов-Скаля. Текст О. Брика

сразу ознакомились с октябрьским номером журнала «Октябрь»¹³, в котором была опубликована критическая заметка некоего Н. Семенова¹⁴ «Издательская ошибка. (Об исторической трагедии О. Брика)»:

Ни истории, ни трагедии нет в этой книжке. Хоры, арии, даже серенады... По замыслу — оперное либретто, не прельстившее, надо думать, ни одного композитора и, вероятно, именно поэтому переименованное в трагедию; по выполнению — нечто, не укладывающееся ни в какие жанры и полностью обретающееся за пределами литературы.

Борьба Грозного с боярством не есть основание для того, чтобы превращать Грозного в «подлинно народного», «мужицкого царя». Но нужно ли подробно это доказывать, говоря о произведении, уровень которого исчерпывающе определяется такими, например, выдержками:

Заключительная сцена:

«Иван (с нежностью)
 Девушка смелая,
 Девушка светлая!
 Тебе отказать не могу.
 Свадьбу справляйте,
 Любите друг друга
 Так,
 что крепче нельзя,
 Так, чтобы души туго-туго
 Вечным узлом связать.
 Будете жить и жизнь дадите —
 Крепкие всходы возрастут.
 Да!
 От таких вот, смелых, решительных,
 Новые люди пойдут.

Хор, обращаясь к солнцу:

Злакам всходящим
Цвель помоги.

Занавес»

Итак, предки найдены, родословная установлена, — известно, откуда появились у нас новые люди: от боярышни Анастасии, с благословения Иоанна Грозного.

Или вот:

«Анастасия:
Ау!
Ищи меня, ищи!
Ау!
Ищи!
Ау!
Ищи!

Мамка:
Иду!
Ищу!»

Автор не использовал всех открывавшихся перед ним возможностей: эти «ау, ищи» можно было бы повторять еще раз двадцать, растянув дуэтическое аукание на три или на четыре страницы.

«Будто сказка,
сон чудесный!
Ты со мной, моя любовь!
А пугал, что неизвестно,
Скоро ль свидимся мы вновь».

Предполагалось, что за музыкой нельзя будет разобрать слов, что в опере все сойдет — какую бы глупость и пошлость ни сочинил либреттист, но эти предположения не оправдались.

Читаешь и удивляешься:

«Ты моя радость! Моя услада!
Ты жизни сок, целебное вино.
Ты здесь — и сердце бьется жадно,
Твоим дыханием напоено».

Что это такое, как вы думаете? Это Грозный разговаривает со своей женой. Опять ария.

«Историческая концепция» Брика сводится в сущности к тому, что Грозный — не бас, а тенор.

Бриковский «Иван с нежностью» не только благословляет влюбленных и объясняется в любви, он занимается также и политикой, в частности внешней, но относящиеся сюда эпизоды свидетельствуют лишь о том, что «трагедия» написана больше года тому назад и с тех пор автором не перечитывалась.

О. М. Брик — не начинающий литератор, он не может не знать, как нужно оценивать то, что он написал, и, вероятно, посмеивается над областными издательствами, не рассмотревшими, что перед ними хладнокровная, сознательная халтура. Дурная, скверная шутка, в любое время непростительная, в особенности в наши дни, когда так вырастает чувство ответственности за каждую написанную строчку.

Что и говорить, рецензия очень неприятная, но не втягиваться же с ее автором в бесплодную полемику: и время не то, и, надо полагать, не привлекая к себе внимания, она незаметно канет в безвестность.

Но эти расчеты не оправдались. Брики и не подозревали, что на них уже обратил пристальное внимание Агитпроп во главе с Александровым¹⁵, а их имена все чаще произносятся в просторных кабинетах ЦК.

Несмотря на трудности военного времени, когда кровопролитная Отечественная война с фашизмом, казалось бы, должна была отвлечь внимание руководства страны от мелочных внутренних забот, партия не упускала из своего внимания вопросы идеологии, по-прежнему придавая им большое значение.

Вот что пишет известный журналист и писатель Аркадий Ваксберг¹⁶ в своем последнем исследовании «Пожар сердца. Кого любила Лиля Брик»:

В марте 1943 года, в разгар войны, когда, казалось, серьезных забот хватало, начальник управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Александров доносил сразу трем секретарям ЦК Андрееву¹⁷, Маленкову¹⁸ и Щербакову¹⁹: «Рассказ Брик “Щен” посвящен щенку, которого выкормил Маяковский. В книге щенок сравнивается с Маяковским <...> Подобная пошлость занимается печатный лист и издана 15-тысячным тиражом»²⁰. Лилия могла бы догадаться о разыгравшейся за партийными кулисами буре, узнай она о партийных взысканиях, наложенных на издательское руководство. Но Лилия была беспартийной, и никто, конечно, ей эту страшную партийную тайну не выдал [Ваксберг, 2010. С. 357].

Перед нами протокол № 117 Секретариата ЦК ВКП(б) от 15 марта — 6 апреля 1943 года. Среди вопросов, «решенных путем опроса секретарей ЦК ВКП(б)», — принятое на заседании секретариата 19 марта 1943 года постановление ЦК ВКП(б) «О работе Молотовского областного издательства»²¹.

В постановлении, в частности, говорится:

ЦК ВКП(б) устанавливает, что Молотовское областное издательство работает неудовлетворительно.

Издательство разбазаривает бумагу на выпуск бессодержательных и бесполезных книг. Издательство выпустило... *пошлые рассказы Брик о Маяковском «Щен»* [выделено мной. — А. В.] и другие. Качество выпускаемой издательством художественной литературы крайне низкое... Многие книги, выпускаемые издательством, редактируются неряшливо, а иногда просто безграмотно.

ЦК ВКП(б) считает *грубой политической ошибкой* выпуск издательством пьесы Брик «Иван Грозный» [выделено мной. — А. В.] <...> В антихудожественной пьесе Брик грубо извращается образ Ивана Грозного. Иван Грозный, как выдающийся государственный деятель, в пьесе совершенно не показан.

Все эти недостатки и ошибки в работе издательства свидетельствуют об отсутствии руководства издательством со стороны Молотовского обкома ВКП(б) и его секретаря по пропаганде и агитации т. Жукова.

ЦК ВКП(б) устанавливает, что Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) неоднократно указывало т. Жукову на непорядки в издательстве и не обеспечил контроля за издаваемой литературой. Своим отношением к работе издательства т. Жуков показал свою неспособность обеспечить руководство пропагандой в области.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Освободить т. Жукова от работы секретаря Молотовского обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации, как не справившегося с работой.

2. Обязать первого секретаря Молотовского обкома ВКП(б) т. Гусарова обсудить на заседании бюро обкома отчет о работе издательства и принять меры к устранению указанных в настоящем решении недостатков.

3. Категорически запретить Молотовскому издательству выпускать литературу без утверждения тематического плана бюро обкома ВКП(б) и Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

Обязать отдел пропаганды и агитации Молотовского обкома ВКП(б) обеспечить тщательный предварительный просмотр рукописей всей издаваемой литературы.

4. Учитывая, что факты выпуска недоброкачественной литературы имеют место также в ряде других издательств, запретить всем местным издательствам выпускать литературу без утверждений тематических планов Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

5. Настоящее постановление разослать всем обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик.

Конечно, Брики не единственные заклеенные этим постановлением. Среди книг, изданных Молотовским областным издательством, названы также: «серые, недоработанные» стихи Бычкова²² «Железо и огонь», «фальшивая повесть» Розенфельда²³ «Гунны», исторические очерки Брехина²⁴ «Отечественная война 1812 г.», а также «совершенно ненужная книга Юрия Широкого²⁵ о цирковых артистах и дрессированных лошадях и львах», книга Первушина²⁶ «Нервная система», «бесполезная для медицинских работников и недоступная по своему содержанию для массового читателя».

Примечательно, что названные — по принятому для подобного рода партийных документов регламенту — без инициалов Л. Ю. и О. М. превратились в одного безликого литератора «Брик», из-под пера которого вышли и «пошлые рассказы о Маяковском», и «антихудожественная пьеса об Иване Грозном».

Усердие официально-охранительной критики можно понять — сам Сталин пристально следил за трактовкой в литературе и кино образа Ивана Грозного как великого преобразователя и народного, мудрого царя. Жестко пресекались все попытки отойти от этого канона, утвержденного на самом верху власти²⁷.

Обращает на себя внимание, что ЦК непривычно мягко отнесся к первому секретарю Молотовского обкома ВКП(б) Н. Гусарову, в епархии которого произошла такая «идеологическая диверсия» и которому удалось выйти сухим и чистым (без партийного взыскания!) из мутной воды. Это можно объяснить таким фактом: за два месяца до принятия этого постановления в московской газете «Социалистическое земледелие» под рубрикой «Воодушевленное боевыми успехами Красной Армии, колхозное крестьянство усиливает помощь фронту» было помещено письмо, адресованное *«Москва, Кремль, товарищу СТАЛИНУ»*, за подписью секретаря Молотовского обкома ВКП(б) Н. Гусарова и председателя исполкома Молотовского облсовета депутатов трудящихся А. Кочергина: *«Трудящиеся Молотовской области, воодушевленные героическим наступлением Красной Армии, следуя благородному почину тамбовских колхозников, собрали на постройку эскадрилий боевых самолетов, танковых колонн и артиллерийских батарей “Уральский колхозник” и “Уральский рабочий” 125 миллионов рублей. Колхозники и колхозницы внесли в фонд Красной Армии из своих личных запасов 36 тысяч пудов хлеба, мяса, картофеля и овощей...»*²⁸ — и ответное письмо САМОГО Сталина с благодарностью.

Негоже было через короткий срок после публикации этих писем наказывать человека, «находящегося в переписке со Сталиным».

***

Постановление ЦК сразу же отправилось «для проработки» и «принятия необходимых мер на местах» по «всем обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик».

И если в других обкомах (например, Горьковском) оно стояло в повестке очередного заседания бюро наряду с другими вопросами (там их 55!), то Молотовский обком, который явился главным поводом для изолирующего документа, посвятил его рассмотрению отдельное заседание бюро, где было принято уже местное постановление. В нем *«помимо повторения выдвинутых сверху обвинений, прозвучало и грозное предупреждение в адрес руководителей книжного издательства А. М. Семенова и С. Л. Рыкова, допустивших подобные политические “ошибки”»*²⁹. За «политическую близорукость» выговор по партийной линии (первый в жизни!) получил и руководитель Молотовской писательской организации А. Н. Спешиллов³⁰ Он утратил пресловутое «партийное доверие» и больше не выполнял руководящие функции на идеологическом фронте.

Через какое-то время Брики узнали — конечно, со слов знакомых членов партии — об этом постановлении ЦК, которое прорабатывалось в партийных

организациях, но непосредственно на их жизнь оно вроде бы не повлияло. Осип Максимович вскоре был назначен руководителем литературного отдела редакции «Окон ТАСС» и продолжал печататься в московских изданиях. Для Лили Юрьевны, однако, эта история с изобличением явилась первым сигналом политического недоверия ей со стороны ЦК³¹.

ЩЕН В СПЕЦХРАНЕ

В электронном периодическом издании «Открытый текст» опубликован каталог «Запрещенные книги русских писателей и литературоведов 1917–1991 гг.»³², составленный и прокомментированный А. В. Блюмом³³. На букву «Б», под номером 88, читаем:

Брик Л. Ю. Щен: Из воспоминаний о Маяковском. — Молотов: Молотовгиз, 1942. — 16 с. — 15 000 экз.

Пометки на карт. РНБ³⁴: «Молотовское письмо 29.05.1942 г.». Возвр.: 1962 г. («Как не вошедшую в Сводные списки 1960 и 1961 гг.»).

Брик Лиля Юрьевна (1891–1978) — литератор, художница.

Маленький рассказ о любимой собаке Л. Ю. Брик и В. В. Маяковского, адресованный, скорее всего, детям, сопровождается публикацией записок, писем и забавных рисунков поэта. Запрещен местной цензурой — Молотовским (Пермским) Горлитом, — но его «письмо» было циркулярно разослано и по другим городам. Цензоры, должно быть, увидели в этом невинном рассказе «принижение образа великого поэта», тем самым предвосхитив случившийся спустя 16 лет разгром редакции «Литературного наследства», выпустившей в 1958 г. 65-й том под названием «Новое о Маяковском». В нем, в числе прочего, опубликованы и указанные выше письма и рисунки Маяковского. По мнению Отдела пропаганды ЦК КПСС, «...содержание тома вызвало возмущение советской общественности... чувство протеста у читателей, любящих Маяковского как великого поэта революции», а «...буржуазная пресса использует эту книгу в целях антисоветской пропаганды...» (Постановление Комиссии ЦК КПСС «О книге “Новое о Маяковском”»). Записка отделов культуры ЦК КПСС, пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам. 31 марта 1959 г. // Культура и власть: Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964. М., 1998. С. 141, 145–146)³⁵.

Вот так находка! Оказывается, «маленький невинный рассказ» Лили Юрьевны об их с Маяковским любимой собаке был на два десятилетия упрятан в спецхраны библиотек, чтобы не вызывать «возмущение советской общественности»!

Но, повнимательнее вчитавшись в этот комментарий, замечаешь в нем некоторые неточности и натяжки.

Прежде всего вызывает недоверие пронизательность цензоров, которые за 16 лет до выхода разгромного Постановления ЦК КПСС от 31 марта 1959 года «О книге “Новое о Маяковском”» запрещают с теми же аргументами «Щена».

Нет, автор комментария, по-видимому, не знал о принятом 19 марта 1943 года на заседании Секретариата ЦК ВКП(б) постановлении ЦК ВКП(б) «О работе Молотовского областного издательства».

Кстати, у А. В. Блюма (или у сотрудников спецхрана РНБ) ошибка в датировке «молотовского письма»: оно наверняка выпущено в 1943 году. На самой книге «Щен» указано: «сдана в набор 19 апреля 1942 г.» и «подписана к печати 5 июня 1942 г.». Нелепо же предположить, что в период подготовки «Щена» к печати Молотовский Горлит, с одной стороны, дает разрешение на его издание, а с другой — распространяет «письмо» на его запрет (по выходе из печати?).

Нет, скорее всего, Молотовский Горлит «проявил политическую близорукость» и дал разрешение на печать «Щена», и книжка благополучно выходит в свет во второй половине 1942 года, добирается до Москвы и попадает на глаза идеологам из ЦК ВКП(б). А 19 марта 1943 года (в разгар кровопролитной войны!) ЦК выпускает постановление «О работе Молотовского областного издательства», которое рассылается «всем обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик». Вразумленный этим постановлением, Молотовский Горлит 29 мая 1943 года готовит и распространяет «письмо» о запрете «Щена», и оно охотно подхватывается на местах, ведь там уже знают о московском решении.

По каким-то причинам под такой же запрет не попала историческая трагедия О. Брика «Иван Грозный» (изданная тогда же и там же), выпуск которой назван тем же постановлением «грубой политической ошибкой», в то время как «Щен» всего лишь «пошлым рассказом», но — неисповедимы дела цензоров.

Итак, «Щен» пробыл в спецхране до 1962 года, после чего незадачливое произведение переведено на «общее хранение», и даже постановление ЦК КПСС от 31 марта 1959 года, на которое ссылается А. В. Блум, не задерживает его.

Вполне возможно, что Л. Ю. и ее близкие не знали об этом запрете «Щена». Но рассказ и не переиздавался до 2003 года, пока нижегородское издательство «Деком» не выпустило книгу Л. Брик «Пристрастные рассказы», где отдельной главой — репринт молотовского издания «Щена» (страницы 56–75) со штампом на обложке: «Архив Л. Брик, В. Катанян». Публикация сопровождается редакционным комментарием:

Глава «Щен» помещена в книгу в том виде, как она была выпущена отдельной брошюрой в годы войны с фашистской Германией.

Лиля Юрьевна в то время находилась в эвакуации и жила в поселке Нижняя Курья Молотовской (ныне Пермской) области.

Брошюра иллюстрирована рисунками В. Маяковского. За исключением фотографий, помещенных на обратной стороне титульного листа, никаких изменений в репринтное издание редакцией не внесено.

Так «Щен» был полностью реабилитирован и зажил своей новой жизнью.

И СНОВА «ИВАН ГРОЗНЫЙ»

По-видимому, Осип Максимович все-таки не знал о том, что ЦК ВКП(б) в своем постановлении признал его пьесу антихудожественной, а выпуск ее отдельной книгой Молотовским книжным издательством — политической ошибкой.

Либретто этой оперы он снова подает в Большой театр, заменив, правда, название «Иван Грозный» на «Измена» и сопроводив произведение объяснительной запиской:

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

В основу либретто оперы «Измена» [«Иван Грозный». — *А. В.*] положен исторический факт, о котором упоминают иностранцы (Мартин Бельский, Штаден, Шлихтинг и др.) и Переписная Книга Польского Приказа 1626 года.

Суть дела заключается в следующем.

Осенью 1567 года царь Иван Грозный задумал большой поход в глубь Ливонии. 21 сентября он выехал на литовскую границу, а 12 ноября, после совещания со своим двоюродным братом князем Владимиром Андреевичем и боярами, решил немедленно вернуться обратно. Причина этого крылась в том, что польский король Сигизмунд-Август через некоего Козлова стакнулся с московскими боярами, и те обещали выдать ему царя. Когда это намерение было раскрыто и царь уехал домой, то Сигизмунду не оставалось ничего иного, как распустить войско и вернуться в Гродно (см. «Новое известие о России времени Ивана Грозного». Изд. Ак. Наук. Л., 1934 г., стр. 8, 9).

Во главе заговора стоял боярин Иван Петрович Челяднин-Федоров, о котором известно, что он тогда же был казнен. Что же касается других участников заговора, то их судьба неясна, — потому что сыскное дело об этом заговоре пропало. Соловьев выражается о нем очень осторожно: «Это сыскное изменное дело до нас не дошло, а потому историк не имеет права произнести свое суждение о событии».

В Переписной Книге Польского Приказа 1626 года сыскное дело датируется 1570 годом, как «изменное дело на Новгородского Архиепископа Пимена и Новгородских дьяков и т. д.». Среди прочих «изменников» упоминаются Никита Фуников, Иван Висковатый, Василий Степанов и др. московские бояре. Есть основания предполагать, что это и были участники заговора Челяднина (см. там же).

Говоря о борьбе Иоанна с боярством, Бестужев-Рюмин пишет: «Новое обстоятельство еще усилило подозрение Иоанна: литовский гонец Козлов привез к московским боярам грамоты от короля и гетмана; грамоты были перехвачены; от имени бояр посланы бранчивые ответы; за эту переписку поплатился жизнью конюший Челяднин с некоторыми друзьями» (Бестужев-Рюмин К. Русская история, том 2, вып. первый. СПб, 1885 г., стр. 266–267).

Роль князя Владимира Андреевича в этой истории неясна. По-видимому, он сам принимал участие в заговоре, но отошел, когда увидел, что шансов на успех мало (см. «Новые известия о России времен Ивана Грозного», стр. 9).

Участие митрополита Филиппа в заговоре вполне вероятно, если принять во внимание постоянную вражду между царем и митрополитом на почве заступничества митрополита за опальных бояр.

Макарий в своей «Истории русской церкви» пишет:

«В 1567 году перехвачены были письма польского короля Сигизмунда и литовского гетмана Ходкевича к главнейшим нашим боярам, которые будто бы еще прежде тайно дали согласие изменить своему государю и переселиться в Литву. Начались страшные казни... всех объял ужас... Многие со слезами прибегали к митрополиту и умоляли его заступиться за них перед царем... Святитель отправился к Иоанну, чтобы пасторски побеседовать с ним».

О связи митрополита с боярством пишет А. Савич в книге «Соловецкая вотчина»:

«...группы, которые проводили Филиппа в митрополию. Это те, которые так или иначе были задеты опричниной... Для них Филипп был разумеется самым желательным кандидатом... Если принять во внимание, что с официальными верхами церковного мира оприченное правительство не церемонилось, расправлялось с ними очень жестоко, как и с остатками светских феодалов, то организация самообороны со стороны церкви в 1556 году представлялось делом, не терпящим отлагательства... Филипп — родовитый человек по происхождению, по положению популярный игумен уважаемого монастыря (Соловецкого), в своем лице представлял весьма удачное сочетание элементов светского и церковного феодализма. Само собою понятно, что верхи оприченного мира были раздражены избранием Филиппа в митрополиты, — тем более, что последний не мог быть пассивным зрителем боярских опал и казней» (А. Савич. «Соловецкая вотчина XV–XVII в.», Пермь, 1927 г., стр. 52)³⁶.

Здесь же — план оперы «Иван Грозный» — машинопись с авторской правкой и подписью «О. М. Брик». Дата — 6 июня 1943 г.

Но Большой театр отклоняет эту заявку на оперу и в этот раз.

Снова в «Окнах ТАСС»

В редакцию «Окон ТАСС» О. Брик вернулся в мае 1943 года, о чем свидетельствует следующий сохранившийся документ:

Справка ТАСС

Брик О. М. работает в редакции военно-оборонного плаката «Окна ТАСС» постоянным литературным сотрудником.

Дана для предоставления в СП.

Зав. редакцией Денисовский³⁷

19 мая 1943 г.³⁸

Но активно в редакции О. М. начал работать с июня, что подтверждает первый плакат с его текстом, вышедший после возвращения из эвакуации:

Окно ТАСС № 654 (№ 740)³⁹

Худож. В. А. Айвазян, 5 рисунков;

текст О. М. Брика, 6 строк.

М. 19.06.1943 г. 127 × 117. тираж 600 экз.

1. Удирали немцы вон.

Прибежали к мысу Бон⁴⁰.

2. Окопав широким рвом,

3. Укрепили мыс кругом.

4. Проработав ночь одну,

5. Очутились где? ...в плену!⁴¹

С 1 октября 1943 года О. М. Брик назначен руководителем литературного отдела, литературным редактором «Окон ТАСС», каковым и проработал до своей смерти. Всего до конца 1943 года вышло 16 «окон ТАСС» с текстами О. М. Брика⁴².

МАЯКОВСКОМУ — 50!

Тов. Л. Ю. Брик

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

Библиотека-музей В. В. Маяковского приглашает Вас на вечер, посвященный 50-летию со дня рождения Владимира Владимировича Маяковского.

С воспоминаниями о Маяковском и о звучании его творчества в дни войны выступят Н. Асеев, Б. Пастернак, В. Шкловский, генерал-майор А. Игнатъев⁴³ [последняя фамилия зачеркнута. — *А. В.*], иностранные писатели, художники и артисты, а также товарищи с фронта.

Вечер состоится в помещении библиотеки-музея 21 июля в 5 часов вечера.

Директор Библиотеки-музея В. Маяковского Езерская

Впервые после начала войны Музей В. Маяковского проводил торжественное мероприятие, посвященное юбилею поэта. Всё как положено: портрет юбиляра с букетами летних цветов, президиум, парадные (а потому безликие) выступления. Среди приглашенных были и «товарищи с фронта». Недоставало одного — теплоты, которой обычно наполнены дни рождения близких людей. Но чего и ждать от официального мероприятия. Совсем другое дело — домашний юбилейный вечер, где дружеского тепла было с избытком. Много позднее о том вечере рассказал Василий Катанян-младший:

На пятидесятилетие Маяковского Лиля Юрьевна в виде изысканного десерта сварила сладкую манную кашу, и все ели ее холодную, присыпая корицей.

Вообще-то в день рождения Маяковского Л. Ю. всегда делала его любимое блюдо — вареники с вишнями. Но в сей голодный военный год муку нигде нельзя было купить, и ни у кого из знакомых ее тоже не было: ею не разрешено было торговать.

На юбилей поэта пришло много народу, пришли днем (комендантский час!), каждый принес что мог, и Лиля Юрьевна в хрустальном бочонке смешала крушон — его всегда ставили на стол во время заседаний ЛЕФа. Из присутствующих помню далеко не всех — Кулешова с Хохловой, Тарасенкова с Машей Белкиной, Владимира Яхонтова с Поповой⁴⁴, Татьяну Ивановну Лещенко, вернувшуюся из ссылки⁴⁵, — она пришла с гитарой и замечательно пела, Рину Зеленую с Котэ Топуридзе⁴⁶, Куприянова (из Кукрыниксов), Штеренбергов... полвека назад это было, разве всех вспомнишь? А вот еда из этого голодного года запомнилась. Я, например, принес десяток вареных яиц, тогда это было тоже угощение [Катанян В. В., 2002. С. 120].

Может быть, этот домашний юбилейный вечер состоялся уже в августе, после возвращения младшего В. Катаняна из Омска в Москву?..

Как и в 1940 году, к 50-летию со дня рождения В. Маяковского были выпущены юбилейные почтовые марки: портрет поэта (по фотографии 1924 года) с рисунком: войска в атаке — и строки из стихотворения «Лозунги-рифмы»:

Сердце
                   республика
   с армией слила...
 Красная Армия —
   наша сила.
 Нашей
                   Красной Армии
   слава!

Марки были выпущены в двух вариантах разных номиналов: красно-оранжевая, 30 коп., тираж — 5000 экз.; темно-синяя, 60 коп., тираж — 2000 экз. Они поступили в продажу 31 октября 1943 года.

ВАСЯ-МЛАДШИЙ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В МОСКВУ

Из Омска в августе 1943-го я десять дней ехал в Москву, в эшелоне, с мешком картошки, кило топленого масла в двух водочных бутылках и сотней яиц в картонной коробке. Москва меня обрадовала до слез. Мама была на фронте с концертной бригадой⁴⁷.

Я продолжал работать токарем, как и в Омске, на оборонном заводе 82 в Тушино по 12 часов в день или по 12 часов в ночь.

Дорога на завод была трудной и отнимала массу времени — два часа в один конец плюс 12 часов работы. Из дому я шел пешком до метро «Красные ворота», ехал с пересадкой до «Сокола», там садился на 12-й троллейбус и ехал до канала. Там проверяли пропуск у москвичей, и не дай бог его было забыть! И от туннеля канала до завода шел пешком, это

минут сорок. Так же обратно. За опоздание снимали 200 грамм хлеба в продуктовой карточке. У меня редкий месяц проходил без этой урезки — ведь часто приходилось долго ждать двенадцатого троллейбуса.

Помню, как мы все выбежали на улицу смотреть первый салют в честь освобождения Белгорода⁴⁸. Через несколько дней оттуда приехала мама и рассказывала много интересного [Катанян В. В., 2001. С. 29].

ЖЕНИЧКЕ — В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Женику любимой

16 октября 1943 г.

Вместо подарка

Прости, любимая Женик!

Но нет ни товаров, ни денег.

Знаешь: эпоха лютая.

После войны одарю тебя.

Твой до гроба

Ося⁴⁹

ПОЧТОВЫЕ СВЯЗИ

Лиля Юрьевна порой выполняла роль связующего звена между своими знакомыми, потерявшими друг друга из виду во время войны.

Еще в феврале она пересылала Н. Глазкову сведения о его друзьях, находившихся на фронте:

Л. Брик, В. Катанян — Н. Глазкову (6 февраля 1943 г.)⁵⁰

Адрес Наровчатова⁵¹: Действующая армия, полевая почта 57872А. Адрес Слуцкого: Действующая армия, полевая почта 06478.

Сережа Наровчатов читал нам стихи Львовского⁵².

Дали Ваши стихи Наровчатову — ему они зверски понравились!! Он взял их с собой на фронт.

А в ноябре — уже сообщала обратные новости:

Л. Брик, В. Катанян — Н. Глазкову (12 ноября 1943 г.)⁵³

Посылаю 22 листочка стихов Наровчатова «Лирический цикл» от и до. Два стиха, которые Наровчатов называет «офицерскими», и еще несколько.

ТЕОРЕТИК ФУТУРИЗМА — О СОЦРЕАЛИЗМЕ

В книге своих мемуаров Варвара Родченко⁵⁴ приводит выдержки из студенческого дневника — 1943 года — Николая Лаврентьева⁵⁵, который вскоре стал ее мужем:

Когда мы учились в 1943 году в Политехническом институте, Муля [В. А. Родченко. — А. В.] упросила В. Ф. [свою мать, В. Ф. Степанову. — А. В.] устроить дома встречу с Осипом Бриком, чтобы он рассказал нам о социалистическом реализме. И позвала 3-х студентов, литературных редакторов и меня. Заводилой был Витя Рочко⁵⁶ с литературного отделения.

Наверное, тогда в первый раз за много времени в дом пришли молодые, которым хотелось что-то узнать, которым было интересно.

И они оба — и А. Р. [Родченко. — А. В.], и В. Ф. — были благожелательны, рассказывали о себе. А. Р. показывал фотоальбом «Первая Конная»⁵⁷, показал в нем «Скачки» — маленькое фото в монтаже разворота — и сказал, что только после альбома он увидел это фото и напечатал его крупнее.

То, что говорил Брик, как-то быстро забылось. Это был словесный фейерверк, он сравнивал искусство со спортом, где спортсмены бегут, и кто-то прибегает первым. А при чем тут соцреализм, по-моему, мы так и не поняли⁵⁸.

Как-то немного осрамился футурист Осип Брик перед молодежью с лекцией о социалистическом реализме.

1944 ГОД

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА

Лиля Юрьевна продолжает посредничать в почтовых связях молодых друзей-поэтов, разбросанных по фронтам Великой Отечественной войны. Она сообщает им друг о друге и адреса полевой почты, а также передает московские новости.

Л. Брик — Б. Слуцкому

Дорогой Слуцкий!

Очень хотим знать, что с Вами.

Ваш адрес дал мне Сережа Наровчатов. Он бывал у нас, читал много стихов — офицерские и лирический большой цикл.

Был в Москве Глазков. У него стихов — великое множество. Я написала ему Ваш адрес.

Если хотите, пришлю Вам книги всякие, которые сейчас выходят.

Коротко о нас:

О. М. — редактор «Окон ТАСС». Кроме того, преподает в Литинституте, много пишет для фронтовых бригад; пишет для Информбюро; работает в «Крокодиле»; начал писать (порядочно написал уже) «свою книгу» — по-моему, удивительно интересную. Последнее — блестящая глава о Хлебникове.

Катанян — работает на радио, в ВОКСе, в Информбюро, в кино. Печатается его книга (есть уже верстка) большая, 22 листа! — «Маяковский. Литературная хроника»¹.

Я — работаю вместе с О. М — над словарем поэтического языка Маяковского — пока только предреволюционного — первый том. Очень интересно! Открываются всякие неожиданные вещи. Начала писать книгу, но застряла в ней. То, что написано, читала Глазкову и Наровчатову — они хвалят и требуют продолжения.

Собираетесь ли в Москву? Если будете, не забудьте, что мы существуем! Телефон: К5-80-72.

Хочется повидать Вас!

Кирсанов работает в фронтовой газете. Пишет «Фому Смыслова»². Союз Писателей выдвинул «Фому» на Сталинскую премию. Он думает, что не получит, т. к. автор должен остаться неизвестным. Написал он военно-лирический цикл «Эдем»³.

О. Брик, Л. Брик и В. Катанян (1944 г.)

Все мы обнимаем и целуем Вас крепко.
 Напишите непременно.
 15 января 1944 г. Л. Брик⁴

ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ

В своих воспоминаниях Василий Васильевич Катанян пишет:

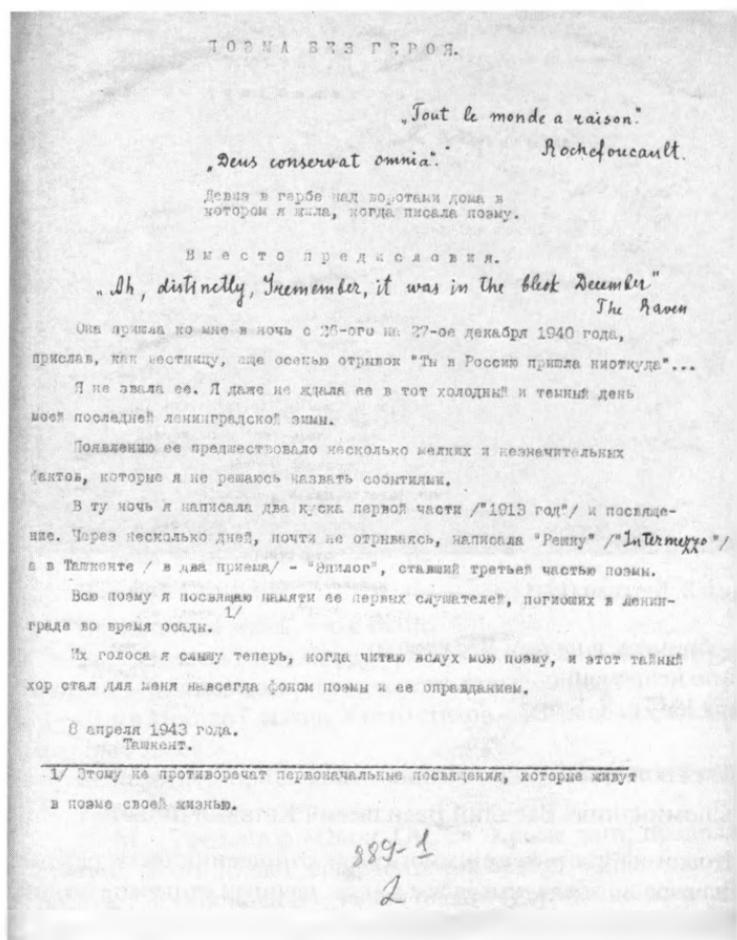
С Ахматовой на протяжении многих лет отношения были разные. Ее стихи она хорошо знала, имела все книги, начиная от первоизданий, в разные годы ей нравились разные вещи.

Время от времени они встречались. Л. Ю. бывала у нее и у Пунина⁵ в Фонтанном доме⁶. Анна Андреевна бывала у Л. Ю. до войны. Например, 6 июня 1941 года в календаре у Л. Ю. записано: «к обеду Ахматова». Помню, мы шли с Л. Ю. по Арбату, мне было лет 15, и у витрины винного магазина она остановилась: «Смотри, есть Кинзмарули. Давай купим». И потом добавила: «Это любимое вино Ахматовой. Пусть будет». Я тогда ее еще не читал, но имя слышал.

Во время войны она перепечатала «Поэму без героя», своей рукой вписала туда французские слова и переплела странички. И давала читать окружающим — тогда поэма не была опубликована. А про «Реквием» Л. Ю. не знала, она не дожила до его публикации⁷.

После войны они не общались. Иногда передавали приветы через Н. Харджиева... [Катанян В. В., 2002. С. 159].

И вот этот *Лилин экземпляр* поэмы А. Ахматовой «Поэма без героя» у меня в руках. Василий Васильевич подарил мне его к 50-летию.

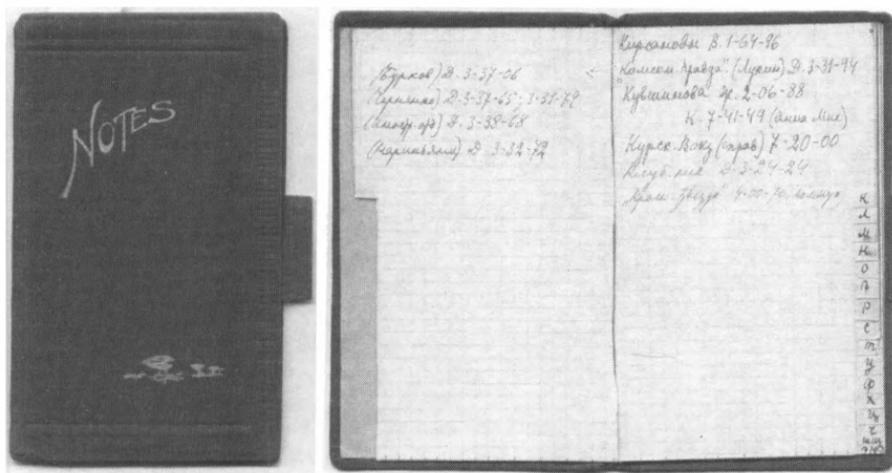
Первая страница машинописной копии «Поэмы без героя» А. Ахматовой с правкой по тексту Л. Брик (1944 г.). Из собрания автора. Публикуется впервые

Внимательно рассматриваю его. Машинописная копия текста поэмы на 18 нумерованных листах в изящном темно-синем переплете. На некоторых листах черными чернилами (на 1 л.) и синей пастой (на остальных) почерком Лили Юрьевны вписаны опущенные при машинописной перепечатке иностранные слова и фразы⁸.

Когда и как поэма Анны Ахматовой попала в руки Лили Юрьевны?

Заключительные дата и подпись под текстом: «Окончено 18 авг. 1942 г. в гор. Ташкенте. Анна Ахматова».

Думается, что время появления в свет *Лилиного* экземпляра можно условно датировать периодом с середины 1943 по 1944 год. И скорее всего,

Записная книжка Л. Ю. Брик (1940-е гг.). Из собрания автора. Публикуется впервые

это произошло через Н. И. Харджиева, в коллекции которого находился один из ранних вариантов поэмы, полученный им от Анны Ахматовой в период их совместной эвакуации в Среднюю Азию⁹.

Книголюб

Осип Максимович любил обходить книжные магазины (особенно букинистические), и делал это чуть не ежедневно. Он собрал богатую библиотеку, но, как настоящий книголюб, постоянно пополнял ее, не забывая, правда, сдавать в букинистические магазины книги, со временем ставшие ненужными.

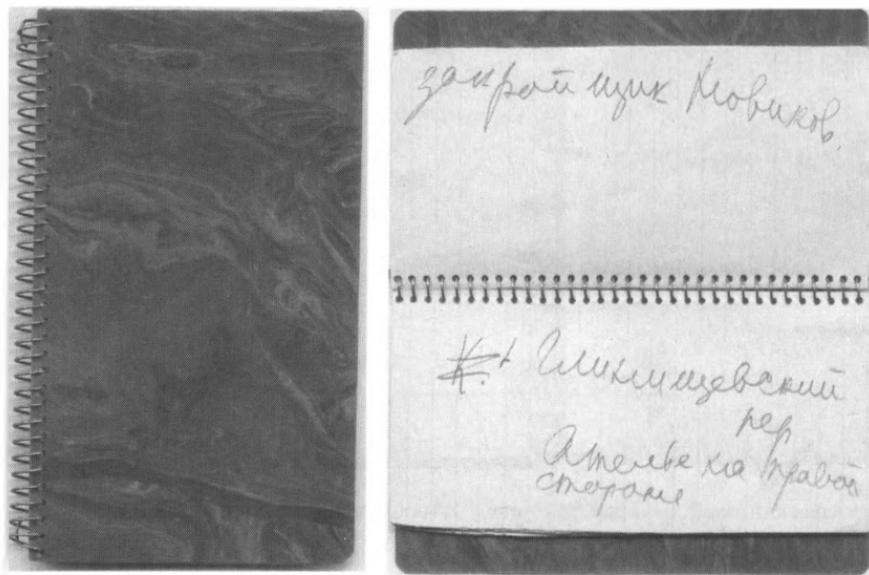
В свое время он собирал их общую с В. Маяковским библиотеку, которую потом передал в музей поэта.

В РГАЛИ я нашел его стихи, посвященные этой теме:

Конечно, хороши поляны,
И шум лесов, и цвет полей,
Но я, признаться, горожанин,
И пыльный город мне милей.

Люблю на улицах столицы
Толпу, одетую пестро,
Люблю смотреть в чужие лица
На эскалаторах метро.

Люблю Арбат, и на Арбате
Знакомый книжный магазин,
Где столько денег я истратил
В течение многих лет и зим...
1944 г.¹⁰

Записная книжка Л. Ю. Брик (1940-е гг.). Из собрания автора. Публикуется впервые

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ ВАСИ-БОЛЬШОГО

Ко дню рождения В. А. Катаняна Осип Максимович преподнес ему вместе с соответствующим подарком такие стихи:

Васе в день рождения

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Вам настроенье чудное
Табак навевает пусть!

Лермонтов — Брик¹¹
28 апреля 1944 г.¹²

«ОКНА ТАСС»

Осип Максимович Брик продолжал возглавлять литературную группу московской редакции «Окон ТАСС». В нее в это время входили такие известные советские литераторы, как А. Жаров, В. Лебедев-Кумач, С. Маршак, С. Кирсанов¹³, М. Исаковский, С. Наровчатов и другие.

Л. Колесникова¹⁴ в своем фундаментальном исследовании «Окна ТАСС. 1941/1945. Оружие победы» (2005) пишет:

Подписи в «Окнах ТАСС» имеют свою специфику. Они тесно связаны с рисунком. Иногда рисунки и текст так близки, что их нельзя отделить

О. Брик, П. Соколов-Скаля,
Н. Денисовский (1944 г.)

один от другого. При таком слиянии текста и рисунка художнику и поэту необходимо было найти свой образ, который легко бы узнавался без длинных объяснений и описаний. Необходимо было, чтобы образ строился на каком-то одном признаке, благодаря чему его можно было бы узнавать в любой ситуации...

Нужно было найти для изображения врага злые, убедительные и вместе с тем смешные сатирические приемы, рассказывали художники Кукры-никсы. И эти образы были найдены. Например, Гитлер изображался в лихорадочном движении с указующими жестами, устрашающими позами, с растрепанными волосами¹⁵.

Плакатом за номером 1000, названным «тысячным ударом по врагу», редакция «Окон ТАСС» как бы подвела итог своей работы за прошедшие три года в стихах В. И. Лебедева-Кумача:

Я горжусь, что перо приравняли к штыку,
И в бою средь оружия другого
Помогает удар наносить по врагу
Большевистское жаркое слово.

Маяковский! Твою воплощая мечту,
И поэт, и художник стоят на посту.
И врага неустанно и грозно громят
Стих и проза,
рисунок
и яркий плакат!¹⁶

В этом же году редакцией «Окон ТАСС» был выпущен тиражом 20 000 экземпляров (!) комплект открыток с рисунками и текстами наиболее актуальных и выразительных плакатов, среди них — три с текстами О. М. Брика. Тираж ушел главным образом в действующую армию.

В 1944 году «Окна ТАСС» стали вывозиться за границу.

Окно ТАСС № 946 «Фашистской культуры итог...». Художник П. Соколов-Скаля. Текст О. Брика. Окно ТАСС № 774 «Муссолини и гусь». Художник С. Костин. Текст О. Брика. Окно ТАСС № 899 «На приеме у бесноватого главнокомандующего». Художники Курыныксы. Текст О. Брика

В 1944 году освещение того или иного события в «окнах», как внутреннего, так и международного, стало более официальным, более точным.

Выпуск плакатов стал приравняться к передовой центральной прессы, к официальному изложению точки зрения по тому или иному вопросу ТАСС.

Этому содействовала в значительной степени и общая обстановка в международных вопросах. Распался гитлеровский блок. Последовал выход его сателлитов из войны, и не только выход, а вступление их в войну на стороне объединенных наций. Огромную помощь в преследовании и разгроме в этих странах гитлеровских ставленников и профашистских организаций оказали и «Окна ТАСС». Даже без переведенного текста они доходили до цели. Вот почему спрос на «Окна ТАСС» был очень большой за границей. В Финляндии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Польше, Чехословакии, Италии, Франции — во всех этих странах, пропитанных гитлеровской пропагандой, впервые увидели плакаты, разоблачающие гитлеризм...

Английское правительство вынесло решение о перепечатывании целого ряда «Окон ТАСС» на английском языке и распространении их по крупнейшим английским заводам.

В архиве Н. Денисовского есть запись о том, что в редакцию пришло письмо из Филадельфии (США), где один предприниматель-фабрикант просил подписать его на пять годовых комплектов «Окон ТАСС». При этом он не скрывал, что его личные политические взгляды не всегда совпадают с тематикой «Окон ТАСС», но, как ни странно, эти плакаты, вывешенные в цехах завода, который работает на войну, поднимают производительность труда его рабочих, что очень выгодно. В записях Н. Денисовского есть еще одна интересная деталь. Он отмечает, что в 1944 г. уже 45 процентов всего тиража идет за границу.

Все крупные представители иностранных держав, приезжающие в СССР, считали своим долгом взять подборку «Окон ТАСС» на память о нашей стране. В записях Н. Денисовского есть свидетельство о том, что для Уилки¹⁷ было сделано 15 плакатов, для Де Голля¹⁸ — 16.

В прессе подчеркивалось, что «Окна ТАСС» войдут в историю не только советского, но и международного плаката¹⁹.

20 июня 1944 года ответственным руководителем ТАСС Н. Пальгуновым был подписан приказ № 57, которым *«за руководство работой редакции т.т. Н. Ф. Денисовскому, П. П. Соколову-Скаля и О. М. Брику была объявлена благодарность»*.

Несмотря на политическую значимость «Окон ТАСС», откликнувшихся на злободневные темы, отношение к ним в обществе было неоднозначным. Первый оскорбительный удар по их престижу нанесла еще в прошлом году передовица московской газеты «Литература и искусство» от 13 марта 1943 года, в которой, в частности, говорилось:

От изобразительной публицистики первых месяцев войны, когда художники концентрировали свое внимание главным образом на

С. С. С. Р.
 ТЕЛЕГРАФНОЕ АГЕНТСТВО
 Союза Советских
 Социалистических Республик
ТАСС
 при СНК СССР
 РЕДАКЦИЯ
 «ОКНА ТАСС»
 20. июня 1944 г.
 № 07
 Москва, Бульварный мост, 30
 Телефонный
 Директ. К 4-10-00, К 5-81-61
 Служб. и обществ.
 Бульварный К 3-42-00

ТВ. Н. Ф. Денисовскому
 Выписка из приказа № 57
 ПО ТЕЛЕГРАФНОМУ АГЕНТСТВУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА /ТАСС/
 Г. Москва 20 июня 1944 г.
 ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ:
 За руководство работой редакции т. т. Н. Ф. ДЕНИСОВСКОМУ
 П. П. СОКОЛОВУ-СКАЛЯ и О. М. БРИКУ.
 и. п. Ответственный руководитель
 ТАСС /Н. ПАЛЫГУНОВ/
 Выписка верна:
 и. п. зав. редакцией
 ТАСС по кадрам: Шофуров /Шкагулова/

Выписка из приказа по ТАСС от 20 июня 1944 г. об объявлении благодарности Н. Ф. Денисовскому, П. П. Соколову-Скаля и О. М. Брику

политическом плакате «Окна ТАСС», документальных зарисовках наше изобразительное искусство перешло к большим тематическим композициям.

Некоторые представители изобразительного искусства становятся «мастерами на все руки», готовыми выполнять любой заказ на любую тему, в любом жанре... работают от даты, стремясь успеть к каждому дню календаря, но искусство не могут двигать вперед механические оформители злободневных тем.

Руководитель редакции Н. Ф. Денисовский пишет докладные записки во все инстанции, вступаясь за честь своего коллектива.

Ответственные товарищи расхолаживают художников-авторов, пренебрежительно относясь к искусству плаката. Всячески отмежевываются от заботы о нуждах снабжения работающих в «Окнах ТАСС» художников. Оргкомитет Союза художников старается различными способами обескуражить работников «Окон ТАСС», ущемляя их по линии снабжения. Художественно-литературная пресса всячески замалчивает работу «Окон ТАСС», популяризируя подчас самые беззубые, с точки зрения полезности в дни войны, произведения. На совещании в Союзе писателей, наряду с борьбой за качество прозвучало огульное охаивание литературы военного времени. На этом совещании поэтов, работающих для войны, называли просто «стихотворцами».

Все это приводит к тому, что некоторые художники получают вместо поощрения беспрерывные мелкие уколы своему самолюбию, перестают верить в нужность и полезность своего дела и работают с прохладцей, с оглядкой на то, как руководители художественной жизни страны

отмечают и поощряют художников, не служащих делу обороны родины, а занимающихся так называемым «чистым искусством»²⁰.

Чтобы поддержать товарищей по редакции, Осип Максимович пишет обстоятельную статью «Картина вышла на улицу (Из опыта работы в редакции военно-оборонного плаката — «Окна ТАСС»)» (см. приложение, с. 316–324) и передает ее в редакцию журнала «Знамя». Она была опубликована в № 12 журнала за 1944 год и стала последней большой по объему прижизненной публикацией О. М. Брика.

Всего за 1944 год вышли 17 «окон»-плакатов ТАСС и три тиражные открытки с текстами Осипа Максимовича²¹.

Письмо О. М. Брика Е. Г. Соколовой

Летом 1944 года О. М. находится в Москве, а Е. Г. с племянником Володи, который уже давно вернулся из казахстанского Борового, выезжает на летний отдых в Подмоскowie, куда он пишет ей:

Дорогая моя, любимая Женичка!

Я очень по тебе скучаю, но положение безвыходное.

Коля изволил отбыть с Надей в подсобное хозяйство, и на меня свалились все «Окна ТАСС»²². К тому же, очень жарко и никто ничего не желает делать. Темщики не выдумывают тем, художники не пишут плакатов, поэты не рифмуют. А события идут²³.

Для души хожу в Ленинскую и читаю про Строгановых²⁴. Это не только заменяет всякую хемингуевщину, но в тысячу раз интересней. Однако, долго читать не приходится, потому что голова усталая и клонит ко сну. Тогда я иду домой, ложусь на кровать и читаю книги, которые у меня имеются на дому. Пополам — читаю и дремлю, дремлю и читаю. Что из этого получится, не знаю.

Новостей никаких. Та же Рита²⁵, тот же Лева²⁶.

Книжечек не покупаю за неимением денег. Но, деньги будут, и я буду их копить.

Когда я к тебе приеду, просто не знаю. Очень надеюсь выдраться во вторник, хотя бы с утра до вечера.

Крепко, крепко тебя целую. И Володю.

Ося²⁷

Л. Ю. в дневнике Васи-маленького

Осенью 1944-го Василий Катанян-младший поступает во ВГИК, где с 1943 года ректор — Л. В. Кулешов. Вася-маленький продолжает часто бывать у отца и Л. Ю. В своем дневнике он пишет:

18 октября. (В институте) дали задание: описать характер человека по окружающим его вещам. Когда я это рассказал, Лиля Юрьевна вытряхнула

свою сумку — смогу ли я описать ее характер по содержимому? Там оказались: рецепт для краски волос, расписка о внесении денег в фонд помощи детям фронтовиков, жетоны на сдачу бутылок, пенсионная книжка, рецепт, коробка пирамидона, пачка папирос, карандаш, продуктовая карточка, письмо, записная книжка, губная помада, гривенник, доверенность на получение денег, трамвайный билет и гребенка. Какой же у нее характер? <...>

4 ноября. Л. Ю. сказала про С. Кирсанова: «Ну его, опять он будет рассказывать, как гладит свои брюки и выводит пятна, я его пятна уже знаю наизусть; и как Рая быстро снашивает вещи, а он носит долго. Ну его!» [Катанян В. В., 2001. С. 32–33].

СЕСТРЫ НАХОДЯТ ДРУГ ДРУГА

В конце 1944 года Л. Ю. наконец-то получает известие из Парижа, что Эльза Триоле и ее муж, Луи Арагон, которые во время оккупации немцами Франции участвовали в движении французского Сопротивления, живы и уже вернулись в Париж. Л. Ю. тут же отправляет им письмо с семейными новостями:

Л. Брик — Эльзе Триоле и Луи Арагону (Москва — Париж; 21 ноября 1944)

Любимые мои солнышки Элик, Арагошенька, когда мы увидимся!? когда получим письмо от вас!?

Элинка, мама умерла от порока сердца в Армавире 12 февраля 1942 года. Она лежала в лучшем санатории, лечили ее лучшие профессора, тетя Ида носила ей любимую еду и ухаживала за ней. Мама умерла у тети на руках. Никогда не думала, что это будет мне так невыносимо больно. Тетю Иду и Кибу убили немцы, которые через полгода после маминой смерти заняли Армавир.

Невыразимо беспокоюсь о вас. Не знала, где вы, живы ли. С тех пор, как французское радио сообщило, что вы оба герои²⁸ — опять свет в окошке...

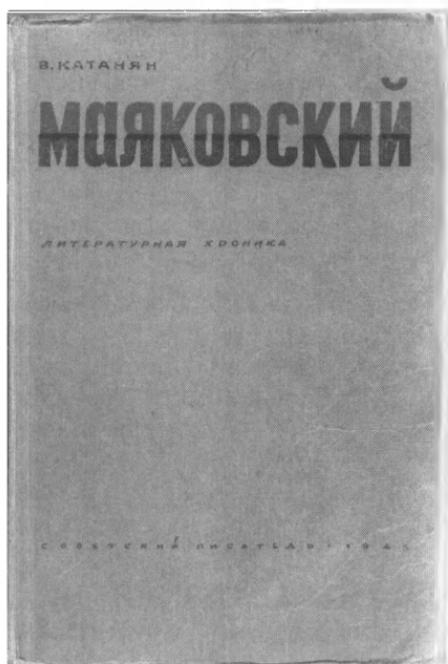
У нас в квартире тепло, светло; мы сыты, здоровы. Ося — редактор «Окон ТАСС», кроме того, работает в театральном объединении, в «Крокодиле»²⁹ и т. д. Я готовлю материал для Володиного «словаря поэтического языка» — буду делать с Осей.

Через 2–3 недели выходит книга Васи Катаняна «Маяковский. Литературная хроника». Это Володя — изо дня в день. Двадцать два листа! [Лиля Брик — Эльза Триоле. С. 99–100].

Переписка между сестрами с этого времени налаживается.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Василий Абгарович закончил писать книгу «Маяковский. Литературная хроника» в 1942 году. Ей предшествовала его же «Краткая летопись жизни и работы В. В. Маяковского» (72 с.), вышедшая в «Советском писателе» еще в 1939-м, к 10-летию со дня смерти поэта, тиражом 10 000 экземпляров. Новая книга по объему в несколько раз превосходила предыдущую.

Обложка первого издания книги В. Катаняна «Маяковский. Литературная хроника» (М.: Советский писатель, 1945 г.)

Катанян отвез ее в Москву осенью 1942 года и передал в нужные инстанции, но тут движение необъяснимо замедлилось. Книгу стали пристально читать на самых разных контролирующих уровнях. Власти сурово вглядывались в страницы, выискивая крамолу в биографии того, кого вождь назвал «лучшим и талантливейшим поэтом» современности. Конечно, еще свежо в памяти было в постановление ЦК ВКП(б) 1943 года «О работе Молотовского областного издательства», заклеившее и «пошлые рассказы» Л. Брик о том же поэте, и политически ошибочную пьесу О. Брика. А ведь автор предлагаемой «Литературной хроники» живет с упомянутыми Бриками одной семьей. Мало того, в его новой книге согласно указателю имен (с. 256) Брик Л. Ю. упоминается на 16 страницах, а Брик О. М. — на 14. Автором были процитированы ранее не публиковавшиеся 12 писем и телеграмм Маяковского к Л. Брик. Катанян пишет: «При составлении “Хроники” использованы как печатные материалы — газеты и журналы того времени, — так и архивные — находящиеся в государственных хранилищах и у частных лиц — письма, деловые бумаги и т. д.» («От автора». С. II—III).

Автор выражает глубокую признательность товарищам, которые материалами и указаниями помогли ему в работе над книгой, — Г. В. Бебутову³⁰, Л. Ю. и О. М. Брик, Л. А. Гринкругу, Т. С. Грицу³¹, Л. И. Жевержееву³², Е. Ю. Каган, А. Е. Крученых, С. С. Кэмраду³³, П. И. Лавуту³⁴, О. И. Лешковой³⁵, П. В. Незнамову, Н. Н. Пунину, Н. Ф. Рябовой, А. А. Садовскому³⁶,

С. Л. Симовскому³⁷, А. В. Февральскому³⁸, Н. И. Харджиеву, П. И. Чагину³⁹, К. И. Чуковскому («От автора». С. IV).

В. В. Катанян заверяет читателя (Там же. С. II):

Выбор... материалов, вошедших в книгу (переписки Маяковского, деловой и личной, фактов личной жизни и т. п.), определялся основной целью книги — дать *литературную* хронику, т. е. дать читателю в документальной форме последовательную и подробную картину жизни великого поэта в ее литературных и общественных проявлениях.

Но все это цензорам предстояло еще проверять и проверять — как бы чего не вышло!

25 сентября 1944 года «Литературная хроника» была подписана в издательстве «Советский писатель» в печать, НО... тиражом всего 3000 экземпляров, по тем временам весьма мизерным: подобные книги печатались тиражами в десятках и даже сотнях тысяч экземпляров.

Так что «Литературной хронике» В. Катаняна, изданной в 1945-м, предназначено было стать раритетом уже при вывозе тиража из типографии.

Л. Ю. в воспоминаниях Т. И. Лещенко-Сухомлиной

Каюсь, что какое-то время я не очень-то доверчиво относился к роману-воспоминанию «Долгое будущее» известной исполнительницы старинных русских романсов и переводчицы Татьяны Ивановны Лещенко-Сухомлиной⁴⁰. При первом прочтении бросались в глаза путаница в хронологии описываемых событий, нарочитая иносказательность и умолчания. Но, вчитываясь в эти воспоминания, я не мог не оценить недюжинную наблюдательность автора, интуицию и проницательность выводов, сочность и красочность языка.

Владислав Матусевич⁴¹ пишет в предисловии к книге («Долгое будущее», с. 4):

Татьяна Ивановна много видела на своем веку. Америка, Франция, Испания... лагеря, ссылки, дружба со многими выдающимися деятелями культуры: скульптором Цаплиным⁴², художником Фонвизиним⁴³, Борисом Прониным⁴⁴, Лилей Брик, Завадским⁴⁵, Натали Саррот⁴⁶... Это добротная русская проза, сродни произведениям начала века, а также мемуарам ныне здравствующих ее современниц⁴⁷: Нины Берберовой⁴⁸, Ирины Одоевцевой⁴⁹, Анастасии Цветаевой⁵⁰.

Десятки известных имен, масса событий фигурируют в воспоминаниях, написанных в форме лирического дневника. Охватывается большой исторический период — с середины 1930-х годов, когда Т. И. Лещенко-Сухомлина вернулась в СССР после двенадцати лет жизни за границей, до середины 1960-х годов.

Меня в этих воспоминаниях интересовали прежде всего страницы, посвященные Лиле Брик, с которой Татьяна Ивановна долгие годы встречалась и находилась в дружеских отношениях. Она вспоминает:

С Лилей Брик меня познакомил Т. Чурилин⁵¹, и мы как-то сразу друг другу показали. Стали часто видаться. Она с восхищением отнеслась к Цаплину и его работам, очень любила слушать, как я пою.

Во время войны мы встречали как-то Новый год у Лили вместе с Эльзой Триоле, ее сестрой, мужем Эльзы — Луи Арагоном и замечательным артистом В. Яхонтовым⁵².

Меня часто спрашивают, какой она была внешне. Я знала Лилию Юрьевну уже не в очень молодом возрасте. У нее были правильные черты лица, она была рыжей, даже в старости красила волосы в рыжий цвет. Одевалась она всегда очень скромно, но любила носить множество длинных цепей.

Лиля была необыкновенно обаятельной и невероятно умной женщиной. Она была преданным другом. Если она вам что-то обещала, вы могли быть уверены, что она выполнит свое обещание. Я знаю, как она помогала обездоленным и неимущим. Она могла кого-нибудь остроумно высмеять, обладала первоклассным вкусом, была очень образованна, переводила повести и рассказы с русского на немецкий⁵³, написала интересные мемуары, отрывки из которых иногда читала мне. У нее не было даже намека на мешанство, корысть, коварство⁵⁴.

Татьяна Ивановна оставила блестящий словесный портрет Л. Ю. периода 1940—1960-х годов. В своем дневнике она пишет о Л. Ю.:

Лиля Юрьевна Брик позвала к себе. Пришла я вечером, у них дома — Европа и уют. Лиля так умеет его создать: кофе у нее изумительно вкусный, стол красиво накрыт, тарелочки, нарядная скатерть, красивые чашки — и у Лили такой вид, будто у нее три домработницы! Сидит элегантная, чудно причесанная. В. А. Катанян и Осип Брик обожают ее и уважают. Она очень умна и очень женщина, и всегда такой будет, хоть и в сто лет. В ней большой шарм... Осип Максимович сидел и, по-моему, пристально в меня всматривался — у него умный, очень серьезный взгляд. Удивительно умеет он с людьми; вот Лиля Юрьевна бывает резкой — со мной никогда, но при мне с иными бывает нетерпимой, а он, мне кажется, мог бы с любым ладить. (Запись 24.04.1944. С. 202—203)

Завтра в пять часов я встречаюсь с Яхонтовым у Лили Брик, которая, я чувствую, хочет всей душой мне помочь. У нее такие маленькие беззащитные руки... Очень красивые, маленькие ноги, круглые, теплые темно-карие глаза и рыжие волосы... (Запись 22.12.1944. С. 224)

Только что ушла от меня Лиля Брик. Удивительно, сколько гадостей говорят о ней до сих пор, а ведь она уже немолода, пора бы и перестать. Я вполне понимаю, что Маяковский мог так любить ее и как Осип Максимович до сих пор и навсегда ее любит. В ней есть высокого плана трезвость, несмотря на всех ее иногда и «низких» любовников... Лиля Юрьевна умна, проста... (Запись 27.12.1944. С. 225)

Мы еще встретимся на страницах этого тома с воспоминаниями Татьяны Ивановны Лещенко-Сухомлиной.

1945 ГОД

Начало года

Война близилась к концу. Это ощущалось во всем. Все понимали, что наступающий Новый год — последний перед ее завершением.

Василий Катанян-младший, будучи студентом ВГИКа, пишет в своем дневнике:

Новый год встречал у Л. Ю. и отца. Там были Штеренберги¹, Брюханенко, Гринкруг, Денисовский, Яхонтов с Поповой² и Лещенко. Татьяна Ивановна пела под гитару романсы, очень хорошо. Оттуда зашел к Азарову³, от него — к Кулешову с Хохловой, где праздновали ребята их курса⁴...

3 января. У отца вышла книга-летопись «Литературная хроника»... [Катанян В. В., 2001. С. 39].

Радовались все выходу новой замечательной книги о Маяковском к 15-й годовщине со дня его смерти. Книга стала на долгие годы в маяковсковедении бесценным путеводителем по биографии и творчеству Маяковского, выдержала пять изданий (1945, 1948, 1956, 1961, 1985); последнее, посмертное, вышло благодаря усилиям сына Василия Абгаровича Катаняна.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РЯДОМ (ВЕРСИЯ О. М.)

*Женичке
в день нашей годовщины.
27 января 1945 г.*

Теперь себя не переучишь.
Меня учили с малых лет,
Что в жизни все решает случай,
Что нет чудес и бога нет.

Но если бы я верил в бога,
Я бога бы боготворил
За то, что он твою дорогу
С моей дорогою скрестил.

И если бы я в чудо верил,
Тот миг я чудом бы назвал,
Когда в пролет вот этой двери
Тебя впервые увидел.

О. С. Я.⁵

О. М. Брик

Так уж получилось, что этим стихотворением, написанным к 20-летию со дня знакомства О. М. с Евгенией Гавриловной, он распрощался с ней. Она же ответила ему впоследствии своими воспоминаниями «Двадцать лет рядом» (см. приложение).

Двадцатилетие их любви прошло на фоне «треугольников», в которых О. М. и Л. Ю. занимали две постоянные вершины, а третья менялась.

Письмо Балухатому о словаре раннего Маяковского

В начале 1945 года вышла, наконец, написанная В. А. Катаняном «Литературная хроника В. Маяковского» — практически к 15-летию со дня смерти поэта. Так и должно быть: настало время не только выпускать сборники произведений Маяковского, но и солидные литературоведческие книги о его творчестве.

А вот «Словарь раннего Маяковского», за составление которого Лиля Юрьевна и Осип Максимович принялись еще в эвакуации, почему-то не заинтересовал издательства, да и работа над ним еще не была завершена.

Брики решили обратиться за помощью и поддержкой к академику С. Д. Балухатому, возглавлявшему отдел русской литературы XX века в Институте русской литературы Академии наук СССР, и Лиля Юрьевна готовит обстоятельное письмо.

Л. Брик — С. Д. Балухатому⁶

Уважаемый Сергей Дмитриевич!

О. М. Брик, В. А. Катанян и я в течение нескольких последних лет работали над составлением Словаря раннего Маяковского. Матерьял — стихи первого тома Полного собрания сочинений.

Эти стихи — наиболее необычная по языку часть литературного наследия Маяковского. Многие недоступно даже квалифицированному читателю. Польза словаря, дающего одновременно и научную систематику поэтического языка раннего Маяковского, и толковый комментарий к его труднейшим стихотворениям — очевидна.

В Словарь войдут все слова стихов первого тома. Каждому слову будет дана его грамматическая и смысловая характеристика. Все отклонения от «нормативного» словоупотребления будут отмечены и подробно прокомментированы. «Норма» — словарь Ушакова.

Уже предварительная, подготовительная работа над Словарем обнаружила огромное количество таких «отклонений», чрезвычайно интересных и в языковом, и в поэтическом отношении.

Каждое слово будет дано в контексте, то есть будут приведены все словосочетания, в которых это слово встречается.

В ходе работы уже выяснилось, что речетворчество Маяковского проявляется не в «выдумывании» новых слов, а в своеобразных неожиданных словоупотреблениях, требующих сложной смысловой расшифровки.

Нам проделать эту работу легче, так как почти весь первый том был написан Маяковским на глазах Осипа Максимовича и моих, и каждая трудная строка была выслушана нами с авторскими пояснениями.

В настоящее время вся огромная подготовительная работа над Словарем закончена, — разнесены на карточки все слова и написаны все контексты. Мы уже приступили к обработке отдельных букв.

Обрашаемся к Вам, Сергей Дмитриевич, с предложением: не поможет ли нам Институт литературы закончить этот труд. Не заключит ли он с нами Договор и тем даст нам возможность больше времени и сил уделить этой трудоемкой и сложной работе.

Объем Словаря — примерно 50 авторских листов.

Срок окончания — один год.

Если Договор в принципе возможен, то нам следовало бы с Вами встретиться, подробно поговорить и договориться.

Не собираетесь ли Вы в ближайшее время приехать в Москву? Если нет, то мы могли бы приехать в Ленинград по вызову Института.

Очень просим Вас, Сергей Дмитриевич, ответить нам возможно быстрее ввиду наступающей даты — 15-л<етия> со дня смерти Маяковского.

От Вашего ответа зависит наш дальнейший рабочий план.

Сердечно Вас приветствуем.

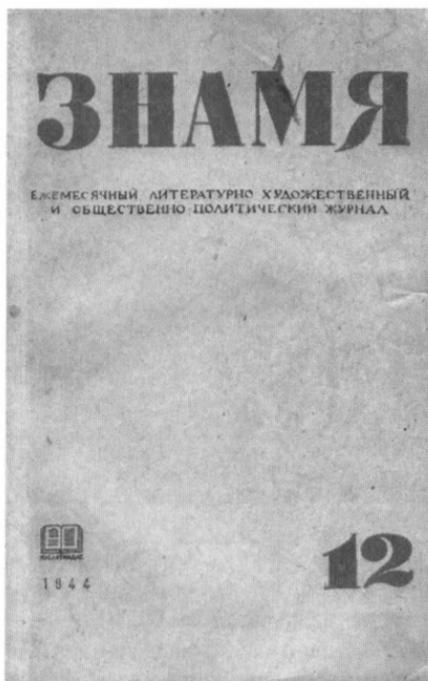
Уважающие Вас

Л. Брик, <О. Брик, В. Катанян>

9 февраля 1945 г.

Москва, Арбат, Спасопесковский пер., 3/1, кв. 55

Тел.: Центр 5-80-72⁷

Обложка журнала «Знамя» № 12 от 1944 г. и начало последней из публиковавшихся статей О. Брика «Картина вышла на улицу»

Начатое от первого лица, письмо к концу становится обращением авторского коллектива. (К слову, архивный экземпляр письма подписан только именем Л. Брик, после которого стоит многократное: очевидно, Л. Ю. хотела вернуться к письму, чтобы его отредактировать.) Оно было отправлено в Ленинград, но, увы, слишком поздно. Уже через две недели скоростижно умрет Осип Максимович, главный составитель словаря, а 2 апреля уйдет из жизни и Сергей Дмитриевич Балухатый. Лиля Юрьевна и Василий Абгарович не станут предпринимать больше никаких действий, чтобы окончить и издать этот большой труд.

Мадригал

Десятого февраля давней близкой знакомой Бриков, Луэлле Александровне Варшавской-Красношековой (которую они по-домашнему называли Лушкой), исполнялось 35 лет! Недавно она вернулась в Ленинград — из Барнаула, где находилась в эвакуации, — а теперь собиралась в Москву по работе: от какого-то местного «птицетреста» послали в командировку.

Осип Максимович написал мадригал по такому случаю:

ЛУШКЕ

(мадригал)

Я знаю Лушку, помню Лушку,
 По крайней мере, двадцать лет.
 И с той поры ни на полушку
 Она не изменилась. Нет!

Все те же бровки еле-еле,
 И быстрый взгляд, и строгий рот.
 Пожалуй, плечи пополнили,
 Но это очень ей идет.

Сегодня день ее рожденья.
 Но разве дашь ей тридцать пять,
 Когда во всех ее движеньях
 Наивность девичью видать.

И странно слушать разговоры
 О муже, сыне и о том,
 Что сын растет и будет скоро,
 По-видимому, астроном.

И кажется, что это бредни,
 И Лушка, звонко хохоча,
 Расскажет, как она намедни
 Проспала в классе полчаса.

Прими же поздравленья, Лушка.
 Я от души поздравить рад
 Тебя, что ты все та же душка,
 Как двадцать лет тому назад...

Ося

Москва, 10 февраля 1945 г.⁸

Позже в своих воспоминаниях она писала:

Володя и Лиля звали Осю — Осик, и как это всегда звучало ласково! Лиличка часто звала Володю — Волосик, а Лиличку все — Ося, Володя, я, Рита⁹ — звали Киса. Ося и Володя, конечно, обожали Кису — «Мы все под Кисой ходим», но Ося был скуп на внешние проявления.

Много лет спустя после смерти Володи, в 1945 году я была в Москве в командировке. К Лиле и Осе пришел молодой поэт, он читал стихи о своем погибшем на фронте товарище. Лиличка заплакала. Ося встал и сказал: «Кисик мой», и подошел к Лиличке. Она улыбнулась ему и перестала плакать. Я тогда подумала, как Ося любит Кису, как он сказал: «Кисик мой»...¹⁰

СМЕРТЬ ОСИПА БРИКА

Осип Максимович Брик скоропостижно скончался от сердечного приступа 22 февраля 1945 года. Событие это потрясло многих близких. Близкой была и Луэлла Варшавская. Об этом дне она рассказала в тех же воспоминаниях:

О. М. Брик, Н. Ф. Денисовский, П. П. Соколов-Скаля в редакции «Окон ТАСС» (1945 г.)

Мы с Осей 22 февраля 1945 года вышли из дому вместе, я болела ангиной и не выходила, но меня вызвали в Главк, в Комсомольский переулок, на обсуждение плана. Ося ехал в Сценарную студию, по дороге в метро он купил мне две конфетки, чтобы я одну съела, когда пойду в Главк, а другую на обратном пути, и дорогой не открывала рот. Было очень холодно.

Когда я кончила свои дела, я позвонила Лиличке, чтобы сказать, что я иду, и, если еще не обедали, то пусть ждут меня. Лилия крикнула в телефон: «С Осей плохо! С Осей плохо!»

Я поехала на Арбат. Ося был мертвый, он лежал одетый у себя на кровати.

Ося умер мгновенно. Сестра его Вера¹¹ сказала: «Ося жил, как счастливчик, и умер так!» Лиличка все время говорила: «Если бы я знала, что Ося был доволен своей жизнью, что он был счастлив!»¹².

Вася-младший запишет в своем дневнике:

22 февраля. Сегодня, поднимаясь по лестнице домой обедать, умер Осип Максимович Брик, от разрыва сердца, мгновенно. Страшно потрясен, безумно, очень жалко... [Катанян В. В., 2001. С. 40].

Уже к вечеру того же дня стали приходить знакомые, чтобы проститься с покойным. Пришел и Виктор Шкловский.

Лилия Юрьевна не встречалась с ним долгие годы. Лишь в день смерти О. М. Брика 22 февраля 1945 года Шкловский впервые переступил порог их дома. Не сказав ни слова, он поцеловал руку Лили Юрьевне, прошел в комнату Брика, чтобы проститься, и снова наступило отчуждение на долгие годы [Катанян В. В., 2002. С. 188–189].

В бумагах Осипа Максимовича сохранились еще приглашения на мероприятия недавних дней, на которых он, по-видимому, побывал незадолго до смерти.

Извещение

16 февраля с. г. в 6 ч. 30 м. веч. состоится заседание группы В. В. Маяковского Института Мировой Литературы им. А. М. Горького АН СССР (ул. Воровского, 25-а).

Повестка дня:

Обсуждение книги В. Катаняна «В. Маяковский (Литературная хроника)».

В обсуждении примут участие т. т. Н. Харджиев, Н. И. Реформатская¹³, П. И. Ловутт¹⁴, М. П. Венгров¹⁵, В. О. Перцов¹⁶, А. М. Эфрос¹⁷ и др.

Руков. Отдела советской литературы

Л. И. Тимофеев¹⁸

пригласительный документ

ДОМ КИНО

Уважаемый товарищ Брик!

Бюро секции сообщает Вам, что 19 февраля 1945 г. состоится заседание Секции теории и критики.

Просим Вас принять участие в работе нашей секции.

Начало заседания в 7 час. 30 мин. вечера.

Бюро секции¹⁹

23 ФЕВРАЛЯ. ПРОЩАНИЕ И СОБОЛЕЗНОВАНИЯ

В номере № 45 газеты «Вечерняя Москва» от 23 февраля 1945 года появилась траурная рамочка с сообщением о смерти Осипа Максимовича:

Правление союза писателей СССР
и редакция военно-оборонного плаката «Окна ТАСС»
с глубоким прискорбием сообщают о смерти редактора

Осипа Максимовича

БРИК,

последовавшей 22 февраля.

Гражданская панихида 24 февраля

в 14 ч. в Доме Герцена (Тверской бульвар, 25).

Кремация — в 16 час.

Обращает на себя внимание, что здесь отсутствуют обычные для некрологов соболезнования родным и близким покойного.

Но слухи всегда оперативнее газетных сообщений, и весть о смерти Осипа Максимовича распространялась не только по Москве, но и за ее пределами. В арбатской квартире без умолку звонил телефон. Почтальон приносил одну за другой срочные телеграммы с соболезнованиями²⁰:

Последние портфель и кошелек О. М. Брика, а также настольная фотография П. Ю. Брик с детьми — Осипом и Верой. Из собрания автора. Публикуется впервые

— от редакции «Окон ТАСС» (Кузнецкий мост, 20) за подписями зав. редакцией Денисовского, парторга Матлина²¹, председателя МК Борисова²²;

— от ВГИКа за подписями ученого совета и дирекции: Л. Кулешова, С. Комарова²³, А. Хохловой, а также студентов;

— от Гослитиздата за подписью Чагина;

— от кинохроники за подписями Посельского²⁴ и Бубрика²⁵;

— из Ленинграда — от Дымшица²⁶ и Орлова²⁷;

— из Молотова — от Гинца²⁸, Михайлова²⁹, Спешилова³⁰.

24 ФЕВРАЛЯ. ПРОЩАНИЕ И СОБОЛЕЗНОВАНИЯ

Вася-маленький записывает в своем дневнике: «24 февраля. С утра поехал к Брикам...»

Позже Луэлла расскажет об этом дне:

Приходило много народу, многие плакали, все курили, и на столе стояли полные пепельницы окурков; я все время их выносила. Ося терпеть не мог полных пепельниц и всегда сам их высыпал, и вид этих пепельниц в эти дни особенно раздражал меня.

Лиля несколько дней ничего не ела, только пила кофе, а меня и Васю³¹ все заставляла есть: «Вы же ослабеете».

Как хорошо, что я в это время была в Москве. Мне кажется, я помогла Лиличке, а это мне очень важно: мне так хочется всегда что-нибудь для нее сделать, и так редко мне это удается!..³²

И снова послушаем Васю-маленького — о прощании с Осипом Максимовичем самых близких ему людей и коллег:

В час дня привезли гроб, тело положили, украсили цветами и поехали в Литературный институт, там состоялась панихида. Народу была масса. Пудовкин³³, Юткевич³⁴, Кулешов, Шкловский, Сельвинский, Кирсанов, Михалков, Волков³⁵, Леонидов, Маршак, Рина Зеленая, Барнет³⁶, Рита Райт... Выступали Шкловский, Юткевич и Волков.

В крематории выступали Кассиль и Барнет. Хохлова очень плакала. Первой просталась Женя, за ней Лиля Юрьевна. У Л. Ю. текли слезы, когда его опускали. Больше всех ее жалко [Катанян В. В., 2001. С. 41].

СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ПРОДОЛЖАЮТ ПОСТУПАТЬ

На следующий день после прощания с О. М. Бриком Лиля Юрьевна получила письмо от известного филолога А. Реформатского³⁷:

Уважаемая Лили Юрьевна!

Хотя мы с вами никогда не были знакомы, но в этот день мне хочется написать именно вам.

Мое знакомство с Осипом Максимовичем отделено почти четвертью века от наших дней. И с 1925 г. я ни разу не встречался с ним. Но то, что я получил от Брика в начале 1920-х годов, оказывается сильнее, чем перерыв в 20 лет.

В первый раз я узнал О. М. в «1-й государственной театральной школе» в 1920 году (он читал нам «Поэтику», а я был студентом).

Потом, будучи студентом университета, я пришел в кружок, организованный О. М. — «Московский ОПОЯЗ» — и три года моей лучшей жизни — студенческой молодости — прошли в постоянном общении с О. М.

Мы ходили в Водопьяный, как в Мекку, — спорили, учились, вооружались для попадания на кислый университетский академизм (я помню, как мне удалось устроить «боевое» выступление О. М. в университетском литературном кружке у «Палики Сакулина»³⁸).

Осипу Максимовичу я обязан выходом первых моих печатных трудов в 1922–23 гг. — он мой «папа крестный» на этом поприще³⁹.

Умный он был человек. Сколько бы можно было написать на темы: «Брик и театр», «Брик и живопись», «Брик и кино», наверное, даже «Брик и цирк» (помню, что об этом говорил Форрегер⁴⁰), но, главное, даже не «Брик и литература» (хотя это, может быть, самое большее), а «Брик и новая культура». Брик был именно той вехой, где прежняя культура кончилась, а новая не началась. Он знал эту прежнюю культуру как никто, а новую, может быть, и не знал (а кто ее знает?), но у него был замечательный пафос «не-старой культуры», который он умел передать и своим сверстникам (Маяковскому, Шкловскому), и нам — людям на 8–12 лет его моложе, и еще более молодым (Грицу, Харджиеву, Тренину). Для нас он показал еще одну связь: искусство — наука — жизнь. Через него заводской кружок, сборище поэтов и заседание лингвистического кружка пересекались.

О чем бы не говорил О. М.: о ритме и синтаксисе стиха, об американских синкопированных танцах, о новых моделях самолетов и чемоданов, о последних строчках Маяковского, о народной этимологии в русских просторечных анекдотах, (нрзб.) о новелле, о текущих событиях — мысль его всегда была лаконична и умна; это имело геометрические контуры, поддавалось формуле (как в «Звуковых повторах»).

Брик вошел во многие биографии — от Маяковского до случайных молодых людей. В мою биографию О. М. вошел не только хронологически, но как рычаг, как импульс, хотя моя работа лингвиста, может быть, и далеко ушла от того, что я слышал от О. М.

Со смертью Осипа Максимовича ушел какой-то очень важный кусок моей жизни. И в этот день я хочу, обращаясь к вам, вспомнить этого умного человека.

А. А. Реформатский
24 февр. 1945 г.⁴¹

Николай Глазков написал трогательные стихи:

НА СМЕРТЬ О. М. БРИКА

Плохо нам всем; что ни путь, то тупик,
Что ни ступень, то капкан:
Умер Осип Максимович Брик —
Последний из могикан.

Он человеку ни одному
В мире не сделал зла,
И постоянно стремилась к добру
Мыслей его новизна.

Даже у тех, кто рыдать не привык,
Слезы лились из глаз.
Умер Осип Максимович Брик
Самый умный из нас.

Мысли огромные велики,
Как при закате тень,
Но обстоятельства отвлекли
Его от его статей.

Честно работал он в «Окнах ТАСС»,
Тратя золото дней.
Думал, наверное, что это даст
То, что нужно войне.

Умер. Обидно. Проспекты да линии
Всяких названий есть,
Но почему-то нет его имени
Географических мест.

Впрочем, всегда так в подлунном мире.
Скажут потом: неужель

Его современники не оценили, —
 Это в порядке вещей.

К черту вывески да заглавья:
 Из нас самый умный лишь он,
 Всем присущего нам тщеславья
 Был совершенно лишен.

Прожил жизнь свою хорошо,
 Хорошим стихам был рад.
 И после смерти посмертно ушел
 В загробный Поэтоград⁴².

ОСИП БРИК ПРОДОЛЖАЕТ СРАЖАТЬСЯ

Оригинальный подарок покойному Осипу Максимовичу сделала редакция «Окон ТАСС», где он проработал до последнего дня своей жизни. Вышли в свет два новых «окна» с написанными им текстами.

Окно ТАСС № 1017 (№ 1160)⁴³

Худож. В. И. Ладагин: 1 рисунок. Текст О. М. Брик: 2 строки.
 М., 23.02.1945 г.; 138 × 87. Тираж 650 экз.

Кто спортом закален,
 Тот и в бою силен.

Окно ТАСС № 1034 (№ 1178)⁴⁴

Худож. П. А. Саркисян: 2 рисунка. Текст О. М. Брик: 8 строк. Эпиграф — 4 строки.
 М., 28.02.1945 г.; 142 × 123. Тираж 850 экз.

Гинденбург и Гитлер

В январе 1933 года Гинденбург вручил Гитлеру «полноту власти».

В январе 1945 года Гитлер спешно вывез прах Гинденбурга из Восточной Пруссии.

(1933 г.)

Сказал бандиту генерал:
 — Возьмись за дело, бите!
 Ты свеж, а я уже устал,
 И — бит, а ты еще небитый.

(1945 г.)

Но грозный сорок пятый год
 Добил и этого громилу.
 И битый битого несет
 На свалку, в общую могилу.

Всего же за два месяца 1945 года было выпущено 6 «окон ТАСС» (в т. ч. и вышеприведенные) с текстами О. М. Брика⁴⁵.

ПОСЛЕДНИЙ ВЕНОК НА ГРОБ О. М. БРИКА

Потрясающий некролог на смерть О. М. Брика появился в многотиражке ТАСС — «Тассовец» за 1 марта 1945 года. Это ближайший номер, который вышел после его смерти. Под некрологом стоят подписи 91 деятеля советской культуры! Не забудем, что страна уже четвертый год ведет ожесточенную борьбу, и смерть стала повседневной, ежедневные потери составляли тысячи человек. Но подписей могло быть намного больше, если бы только некролог имели возможность подписать люди, находившиеся в эти дни за пределами Москвы, в том числе на фронтах войны и в зарубежных странах, где многие знали и высоко ценили Брика⁴⁶.

Осип Максимович Брик

1888 — 1945

22 февраля, внезапно, от разрыва сердца, умер Осип Максимович Брик. Из наших рядов ушел талантливый деятель советской культуры, писатель и критик, замечательный исследователь русского стиха, глубокий эрудит во всех областях искусства, умный, добрый и жизнерадостный человек.

Литературная деятельность О. М. Брика началась тридцать лет назад рецензией на поэму В. Маяковского «Облако в штанах», которую он же помог Маяковскому выпустить в свет. Тесная личная и творческая дружба связала его с этого времени с Владимиром Маяковским.

Высокая идейность и принципиальность всегда были отличительными чертами О. М. Брика, как борца за искусство нашей советской эпохи. Он был истинным патриотом Советской Родины, одним из тех представителей идейной русской интеллигенции, которые с первых дней Октябрьской революции безоговорочно поставили себя на службу советскому народу.

Творческая деятельность О. М. Брика была чрезвычайно многообразной. Его блестящие исследовательские работы «Звуковые новаторы»⁴⁷, «Ритм и синтаксис» прочно вошли в науку о русском стихе. О. М. Брик был известен как острый полемист и вдумчивый критик, как автор сценариев выдающихся советских фильмов («Потомок Чингиз-хана» и др.), автор либретто первых советских опер («Камаринский мужик», «Именины»). В годы гражданской войны О. М. Брик вместе с Маяковским работал в «Окнах РОСТА». Свой опыт работы над боевым плакатом он принес в «Окна ТАСС». Сотни антифашистских плакатов выпущены по его темам и с его текстами в дни Отечественной войны.

Осип Максимович был другом советской литературы, другом и учителем нашей литературной молодежи. Взыскательный вкус, огромные знания, чувство нового, живая заинтересованность и постоянная готовность быть полезным в строительстве советской культуры — вот что привлекало к нему людей из всех областей искусства.

Тяжело думать, что Осипа Максимовича нет среди нас.

Осип Максимович Брик навсегда останется в памяти советской литературы, в памяти всех, знавших его, как высокоидейный, талантливый

Интересно, сохранились ли где-то подписные листы с почти сотней автографов столь знаменитых людей?

НОВОДЕВИЧЬЕ КЛАДБИЩЕ

Осип Максимович работал в солидной и высокоавторитетной организации ТАСС, и его руководству не составило большого труда положительно решить вопрос о захоронении урны с прахом О. М. Брика в стене колумбария на территории самого престижного в Москве Новодевичьего кладбища, что и было сделано вскоре после кремации.

Спустя какое-то время для ниши, в которую была поставлена урна с прахом, Л. Ю. заказала мраморную плиту с высеченной на ней лаконичной надписью: «О. М. Брик».

СОБОЛЕЗНОВАНИЕ СЕСТРЫ

Э. Триоле — Л. Брик (Париж — Москва; 4 марта 1945)

Родная моя, любимая Лиличка, вчера получила твою телеграмму⁹⁵ об Осиной смерти. Утешить тебя нельзя, но все-таки у меня мучительное чувство беспомощности оттого, что мы так далеко друг от друга. Сколько у нас за эти годы горя было, и все врозь. — Ни после маминой смерти, ни после Осиной я не пролила ни единой слезинки, я разучилась плакать, столько было всего. За Осю я как-то никогда не беспокоилась, должно быть, он казался мне чем-то незыблемым, как страна, как город, в котором ты живешь. Как же ты теперь без него? А Женя?

Я тебя, Лиличка, целую, и Женю тоже, и сказать вам не могу, до чего меня Осина смерть потрясла, за него, за вас. — Скоро на свете настанет непроходимая скука, все те, для кого, или, так сказать, «по отношению к кому» живешь, исчезнут, и жить станет совсем незачем [Лиля Брик — Эльза Триоле... С. 107].

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО СТАЛИНУ

Лиле Юрьевне неожиданно понравился последний приют Осипа Максимовича на Новодевичьем кладбище. И она предприняла попытку перенести сюда прах Маяковского. Она понимала, что без согласия вождя это невозможно, и написала ему свое третье письмо⁹⁶, копия которого сохранилась в ее архиве⁹⁷:

Л. Брик — И. В. Сталину (14 марта 1945 г.)

Дорогой товарищ Сталин,

в 1940-ом году, накануне 10-й годовщины со дня смерти Маяковского, я обратилась в Союз Писателей к Фадееву, с просьбой достойным образом похоронить урну с прахом Маяковского.

Урна эта находится в колумбарии крематория, где цветы не живут и нигде поставить даже скамейку.

Никакого ответа на эту просьбу я не получила, и урна до сих пор там.

Стена колумбария на Новодевичьем кладбище. Плита с именем О. М. Брика — справа от скульптурной вазы. Фото автора (2008 г.)

Через месяц, 14-ого апреля этого года исполняется 15 лет со дня смерти Маяковского.

Зная, как Вы любите и цените его, обращаюсь к Вам и очень прошу Вас о Вашей помощи.

Мне кажется, что Маяковский должен быть похоронен на Новодевичьем кладбище, там, где Гоголь и Чехов, где можно поставить надгробный памятник и посадить цветы.

Прошу простить меня за то, что беспокою Вас в такое время.

Преданная Вам Л. Брик

Москва, Арбат,

Спасопесковский пер.,

д. 3/1, кв. 55

Тел. К5-80-72

Дальнейшая судьба этого письма неизвестна. Было ли оно отправлено адресату и каким образом? Дошло ли оно до вождя?

Во всяком случае Сталину недосуг было бы заниматься этим мелким делом в решающие дни войны, и никакого ответа и практического решения по нему не последовало.

Лиле Юрьевне еще не один год пришлось ходить на два кладбища: Донское и Новодевичье.

Мраморная плита, закрывающая нишу, где стоит урна с прахом О. М. Брика

БЕЗ ОСИПА МАКСИМОВИЧА

«15 марта. У Бриков все входит в норму. Но как-то скучно, тоскливо без Оси» [Катанян В. В., 2001. С. 41], — запишет маленький Вася спустя три недели после печального события.

ПИСЬМА СЕСТРЕ

В июне 1945 года Лиля Юрьевна отправила в Париж сестре три письма, в которых подробно рассказала о смерти О. М. Брика и своем эмоциональном состоянии, вызванном утратой. В самих письмах, конечно, нет ничего особенного — кому еще могла написать Л. Ю. о постигшем ее горе, рассчитывая на искреннее сочувствие? Эльза знала Брика, знала о чувствах сестры к нему и не могла не откликнуться. Странно же вот что. Переписка сестер стала налаживаться в конце ноября 1944 года. Осип Максимович скончался 22 февраля 1945-го. Л. Ю. послала Эльзе телеграмму о его смерти 4 марта, а эти письма — только через четыре месяца после события.

Еще менее понятно, почему они отсутствуют в русском издании переписки сестер («Лиля Брик — Эльза Триоле. Неизданная переписка (1921—1970)». М.: Эллис Лак, 2000), хотя включены во французское и в оба издания книги «Лиля Брик. Пристрастные рассказы» (Н. Новгород: Деком, 2003; 2011).

Л. Брик — Э. Триоле и Л. Арагону (Москва — Париж; 11 июня 1945)

Элик мой, Арагошенька, родные, любимые!

22-го февраля в 4 часа дня Ося позвонил по телефону, что идет домой обедать, и не дошел. Он умер мгновенно от паралича сердца на нашей

лестнице на площадке 2-го этажа. Совсем недавно Осю смотрел врач (у него была крапивная лихорадка) и не нашел ничего угрожающего. Он был молодой, веселый, жизнерадостный.

Для меня это не то, что умер человек любимый, близкий, когда бывает тяжело, непереносимо, а просто — вместе с Осей умерла и я.

Если б вы оба знали, как вы мне нужны сейчас — сию минуту...

Не знаю, хватит ли сил дождаться вас. Гоню от себя эту мысль из-за тебя, Женички, Васи, но она меня неотступно преследует.

Женя сейчас живет на даче с сестрами. Надеюсь, она там хоть немножко поправится — уж очень она исхудала.

9-го получила ваши книги — пока только ненадписанные.

Aurelien и La Diane Francaise⁹⁸ я уже читала. Арагоша, конечно, гениален. Спасибо, что помянул меня добрым словом в *Cantique à Elsa*⁹⁹.

На твои книги¹⁰⁰ гляжу, не нагляджусь и не наудивляюсь. Читаю, нравятся очень. Когда прочту, напишу подробно. Читаю и как будто разговариваю с вами.

Твое большое письмо перечитываю каждый день и все плачу над ним. Шесть страничек! А сколько дней и месяцев в каждой строчке — сколько пережито! И все без меня! Как страшно, что Арагоша прихварывает! А ты? Пришлите непременно ваши фотографии.

Я очень постарела после Осиной смерти. Появились те самые морщины, «от которых с души воротит».

Все, о ком ты спрашиваешь, живы. Только Петя Незнамов умер в плену¹⁰¹. А с Витей я почти не здороваюсь¹⁰².

Почему ты не пишешь, понравилась ли тебе Васина книга¹⁰³?

Господи, когда же вы приедете!

Не прошу слать мне что-нибудь, оттого что не знаю, есть ли у вас деньги и сколько стоят вещи. Но все твое впору и мне, и Жене, а все Арагошино — Васе.

Срок (15 лет) моего права на Володино литературное наследство — истек.

Напиши мне о вашем быте — ты совсем не написала мне об этом. Если захочешь прислать подарочек, то Васе — зажималку и галстук, а мне и Жене — духи (мне Jicky) и губн. карандаши.

Все друзья и знакомые кланяются вам и целуют. Полина Юрьевна (Осина мама) просила крепко-крепко поцеловать тебя.

Очень трудно писать, Элинька, родненькая, золотая моя, любимая.

Обнимаю тебя и целую, целую, целую без конца. Обцелуй за меня Арагошеньку, погладь его по седой головушке.

Твоя Лиля.

[Брик, 2003. С. 255–256]

Л. Брик — Э. Триоле и Л. Арагону (Москва — Париж; 24 июня 1945)

Любимые мои Элинка, Арагоша, зачитала ваши письма до дыр и окунулась в вашу жизнь. Думаю неотступно о вас и о том, как радовался бы Осик вашим книгам и письмам. Книгам, которые для меня — письма.

Ося очень любил вас обоих и беспокоился за вас все эти годы, когда мы ничего не знали о вас.

Арагошины стихи и проза величественно хороши. Я другого такого поэта не знаю, кроме, конечно, Володи.

А над твоими книгами, мой Элик, я плачу, плачу, плачу...

Как будто себя читаю, как будто это я написала. Мои мысли, мои чувства, малейшие ощущения. Кроме того, что написано, — читаю между строк, и как будто с тобой разговариваю, — спрашиваю тебя и ты мне отвечаешь. Никто так не может понять и почувствовать твои книги, как я.

Мог еще — Осик. 40-летняя близость! 40 лет!

Очень хороши твои книги. Мне тяжело читать их и вместе с тем последние становятся легче, как после того, когда поговоришь о своем горе, хоть и je n'ai besoin de personne pour me souvenir¹⁰⁴...

Я очень много плачу — на улице, в метро и почти всегда по утрам. У меня нет ни одного воспоминания — без Оси. До него ничего не было. Оказалось, что с ним у меня связано решительно все, каждая мелочь. Впрочем, не оказалось, а я и всегда это знала и говорила ему об этом каждый день: «Стоит жить оттого, что ты есть на свете». — А теперь как же мне быть?

Лето у нас холодное, но Москва наводнена мороженым и цветами.

Цветов я покупаю массу. Они стоят в столовой около фотографии, на которой Осик снят с Володей в 1923 году. Оба совсем молодые. В моей комнате — около головы, которую я леплю. В Осиной комнате.

У Оси в комнате все осталось, как было. Постель постелена, белье в шкафу, книги, карандаши, бумажки, спички... Все так, как оставил Осик.

Осина урна на Новодевичьем кладбище, в монастырской стене. Мы сначала хотели похоронить ее, но потом подумали, что стена прочнее и чище.

Цену людям я узнала. Было на чем проверить! Надино¹⁰⁵ семейство я разлюбила. Витя¹⁰⁶ законченный негодяй. С Володиной семьей мы не кланяемся¹⁰⁷

Как интересно было делать с Осей словарь Володиноного поэтического языка. Как много уже было сделано. Вся подготовительная работа. И начали уже писать самый словарь. Без Оси я его закончить не сумею. Да и ни к чему теперь все.

Рада, что вам хорошо живется, что ты ничуть не изменилась, что все такая же красивая и элегантная — со слов Trefouel'я¹⁰⁸.

Очень пожалела, что в письме с Караваевой¹⁰⁹ так настойчиво просила вас приехать. Пожалела, что сбиваю Вас с работы и с отдыха. Понимаю, что вам еще не хочется уезжать из Парижа, из своего дома¹¹⁰.

Мне просто кажется иногда, что, если вы приедете, для меня что-то переменится в жизни, хотя меняться в ней нечему — Ося не вернется.

Ничего, конечно, не шли нам. Я знаю теперь, что все у вас зверски дорого, да и купить трудно.

Как мне хочется, чтобы вы оба написали об Осе. Он этого заслуживает.

О нашей жизни в эти годы войны писать особенно нечего. Жили примерно так, как у тебя описано в *La vie privée*¹¹¹.

Что вы хотели бы, чтобы у нас перевели из ваших книг? Напиши мне про это подробно. Я пока их никому не дала.

Погиб на войне сын Осипового брата, Павлика, — Геня, чудесный мальчик. Он пошел добровольцем, в самом начале. Павлик тоже на фронте, с первых дней. Он жив и скоро возвращается.

Убит Витин сын, Никита¹¹². Моего отношения к Вите это не меняет... [Брик, 2003. С. 256–257].

Л. Брик — Э. Триоле и Л. Арагону (Москва — Париж; 28 июня 1945)

Ксана и Коля¹¹³ достигли самых вершин эгоизма. Вот о ком написать бы повесть — тебе бы удалась! Они даже не позвонили нам, когда Осип умер — боялись, как бы не расстроиться, того и гляди прибавится где-нибудь морщинка... Зато Ксана абсолютно молода — смотреть противно!

Элинка, что вам послать, если будет оказия? У нас все можно купить, — были бы деньги!

Разрешите ли вы, чтобы по вашим книгам у нас сделали сценарий о французских партизанах¹¹⁴? Чтобы его сделал Вася? Если хотите, то телеграфируйте мне ваше согласие.

Приехала Женя с дачи на несколько дней. Она посвежела и прибавила 3 кило, и мне стало от этого как-то спокойнее.

(Федор Иванович¹¹⁵ говорит, что ты выглядишь много моложе меня).

Если вы действительно так богаты, как он рассказывает, то пришлите или привезите Жене пишущую машинку «portable»¹¹⁶, шрифт здесь переменим на русский. Наша совсем развалилась. Надо перепечатать Осип архив. И мне будет спокойнее, если я буду знать, что Женя машинкой всегда сможет заработать на хлеб насущный. Пока она вполне обеспечена, благодаря Жемчужному¹¹⁷ и своей сестре, но все-таки о машинке мечтает.

Элик, я перечитываю сейчас твои книги во второй раз. Пока мне все нравится очень, но больше всего «Yvette» и «La vie privée»¹¹⁸. Это вещи большого масштаба. Ай да ты!

Солнышки мои дорогие, родные, теплые — приезжайте!! Это единственное, чего мне еще хочется в жизни.

Что посылать вам?

Пришлите фотографии!

Буду ждать вас каждый день! Не откладывайте, пока живы! Берегите друг друга. Боже, как хочется увидеть вас обоих.

Целую вас без конца крепко-крепко.

Шоколад «Прима» и тульский пряник от Жени.

Еще целую, целую...

Лиля.

[Брик, 2003. С. 257–258]

Воспоминания об Осипе Брике

Позже увидели свет и более развернутые отклики-воспоминания на смерть О. Брика.

Поэт Борис Слуцкий в своих мемуарах так вспоминает о встречах с Бриками в предвоенные годы:

Первая настоящая книга стихов, которую я прочел по-настоящему, то есть выучил наизусть, была красноватый кирпичик Маяковского. Первым в моей жизни настоящим писателем был О. М. Брик.

Однако все это требует пояснений...

Мы изучали основательно: сначала стихи Маяковского; потом его остроты — по Кассилю¹¹⁹; потом рассказы о нем — по Катаняну¹²⁰; потом мемуарные книги Шкловского¹²¹ и устные сказания...

Осенью 1937 года я поступил в МЮИ — Московский юридический институт...

В нем был литературный кружок. Им руководил О. М. Брик. Я пробыл в кружке без малого два года. Не помню, как часто мы собирались, однако несколько десятков раз я слушал О. М., и несколько раз он слушал меня...

Многие преподаватели — целыми кафедрами — и многие студенты — исчезли. Исчезли и целые науки, целые права, например хозяйственное право... Науки исчезали вместе со всей людской обслугой. Незапланированный смех в большом зале (имени Вышинского) вгонял лектора в холодный пот. Он означал оговорку. Оговорка не означала ничего хорошего.

По пятницам в большом зале (имени Вышинского!) собирались комсомольские собрания и мы исключали детей врагов народа — сына Эйсманта¹²², племянницу Карахана¹²³, племянника Мартова¹²⁴. Исключаемого заслушивали. Изредка он защищался. Тогда в зале имени Вышинского становилось жарко — молодые почитатели Вышинского (это был Суворов института, пример для подражания) выходили на трибуну упражнять красноречие, показывать свежеприобретенные знания.

В таком-то институте О. М. пришлось вести литературный кружок.

Кому кружок был нужен?

Многим.

Тем, кто тренировал ораторские способности на собраниях.

Тем, кто попал в институт случайно, как в самый легкий из гуманитарных — потому что не давалась математика, потому что тайно пописывал и явно почитывал стихи.

Но кружок был нужен и мне. И Дудинцеву¹²⁵ — он учился старше меня на курс. И еще трем или четверем, которые вскоре сбежали из гуманитарной юриспруденции в театроведение, в журналистику, в психиатрическую больницу или в привокзальные носильщики.

На лекциях было скучно. На кружке было интересно. Ходило человек 15–20.

В 1938 году О. М. было, наверно, около пятидесяти. Я не помню, как он входил в кабинет, где обычно собирался кружок. Помню его сидящим.

Сверху вниз: лысина, проторенная среди тщательно постриженных волос, просторный лоб, очки, за ними серьезные глаза, плотные плечи, хороший костюм, свежая рубашка, тщательный галстук. Он, работавший с самыми буйными и талантливыми головушками русской поэзии, сохранил осанку, повадки, педагогику и в кружке, сплошь состоявшем из посредственностей. Однако на этот раз резец обтачивал воздух.

Обычно бывало так: молодое дарование читало стихи (прозу писали один или два человека). Потом высказывались — кто умышленно, в порядке тренировки красноречия, кто неумышленно, искренне...

Потом Брик резюмировал: вежливо, серьезно, но окончательно.

Он не выделял среди нас никого. Ни на кого из нас не возлагал надежд, со всеми был ровен и внимателен.

Зачем он ходил на кружок, почему не бросил его? Не знаю. Может быть, нужны были деньги, небольшое почасовое вознаграждение. Впрочем, Лиля Юрьевна напомнила мне записанный когда-то Бриком афоризм: *«Всю жизнь я делал то, что мне хотелось. Когда за это платили, я говорил “спасибо”»*.

Стало быть, хотелось Брику возиться с нами, грешными.

В те годы он много занимался Тургеневым, о котором, кажется, ничего не написал. Смутно помню о какой-то работе для кино, кажется, о лечении чьих-то безнадежных сценариев.

Публиковаться Брик тогда совсем перестал. После двух десятилетий работы с большими умами и большими безумиями Осип Максимович возился с посредственностями.

Я был среди тех кружковцев, кто высказывался и веселился. Отпирался, что пишу стихи, и впервые прочел их только осенью 1939 года на третьем году хождения к Брику.

Я писал стихи и показывал их Кульчицкому — в Харькове на каникулах.

Брику я стихов не показывал — стыдился. Тогда я уже хорошо знал, кто такой Брик!

Его статьи я прочел много позже. Его «Болотников»¹²⁶ мне не нравился. И тем не менее я хорошо понимал, кто такой Брик.

В стене литературы книги — кирпичи. Но стена не встанет без цемента, скрепляющего кирпичи, и без архитектора, придумавшего стену.

Брик был цементом и был архитектором. Я это хорошо знал. И все, знавшие Брика (точнее, все, кто поумнее), знали, что он цемент и архитектор.

К лету 1939-го у меня было два с небольшим года литературного стажа и двадцать с небольшим стихотворений, аккуратно переписанных в небольшую книжку в черном кожаном переплете. Эту-то книжку я стыдился показывать О. М. и не показал бы, если бы не Кульчицкий.

В сентябре 39-го года кружок МЮИ заслушивал меня — торжественно и многолюдно.

Я не помню, что сказал О. М. Наверное, стихи ему не понравились. Конечно, ничего обидного. Конечно, был вежлив. Интересно Брик говорил о том, что его интересовало.

Я перестал быть литкружковцем Брика.

Три или четыре месяца спустя наши встречи возобновились на территории Лили Юрьевны.

Я помню некоторые разговоры с О. М.

Однажды я вычитал у кого-то из формалистов (наверное, у Шкловского), что новый поэт обязательно оспаривает и разрушает формы старого поэта и канонизирует младшие линии. Значит, нам с товарищами придется разрушить форму Маяковского. Это умозаключение я решил проверить у Брика. Он ответил, что литературные революции бывают редко и моим товарищам предстоит осваивать завоеванные футуристами территории, а не захватывать новые. Это нам не понравилось. Мы хотели захватывать.

Рассказ Брика о Безыменском — тот прослышал, что стихи «Горе от ума» стали пословицами и решил навдумывать побольше пословиц, а потом приписать к ним комедию («Выстрел»).

Рассказ о Луначарском, о его творческом методе: целый день трудиться в Наркомпросе, а пьесы писать по ночам, когда мозги не варят. Брика (и, по его словам, Маяковского) очень веселили пьесы, написанные неварящими мозгами.

Сцена, коей я был случайный свидетель.

Лестница Литературного института, большая перемена. Встречаются О. М. и Сельвинский. Оба держат в руках только что вышедшую книгу стихов Эренбурга. Взаимно ухмыляются. Открывают книги, каждый свою. Показывают друг другу рифмы Эренбурга. Расходятся.

Битвы с конструктивистами тогда еще были свежи в памяти. Однажды, провожая Сельвинского домой, я спросил его (видимо, в слишком общей форме):

— Какой был Маяковский?

Сельвинский ответил:

— Маяковский был нахал.

За столом у Лили Юрьевны я из тех же человековедческих интересов после многих иных тостов поднял рюмку за Сельвинского. Произошло недоумение, но Лиля Юрьевна выпила со мною и Кульчицким, сказав: «А что же, Сельвинский талантливый поэт», — и что они дружат.

Брик очень ценил Кульчицкого, выделял его из нашей компании. На семинаре, который он вел, Кульчицкому было устроено особое чтение и обсуждение. Брик особенно хвалил строку из стихотворения о Пастернаке: «Стыд рожденья звезд» — высказывался в таком духе, что Кульчицкий гораздо лучше Слуцкого.

О. М. рассказывал, что Булгаков читал во МХАТе пьесу «Заговор». В первом действии заговорщики сговаривались. Во втором они убивали Сталина. В третьем рабочие московских заводов отбивали у них Кремль. В четвертом действии был апофеоз. Труппа молчала, бледная. Секретарь парткома позвонил. Булгакова забрали — здесь же, в театре, — но скоро выпустили¹²⁷

Это был один из очень редких разговоров на политические темы с человеком другого поколения.

Как себя чувствовали эти поколения тогда, в 37-м, 38-м, 39-м? О чем думали, чего боялись? С нами об этом разговоров не велось. Впрочем, был

еще один рассказ О. М. — о слухах, что Балтрушайтис¹²⁸ выслан из Москвы за то, что пытался помочь Бабелю и Мейерхольду уйти в Литву.

На войне, в самом ее конце, я получил письмо от Лили Юрьевны о том, что Брик умер. К тому времени у меня уже выработалась привычка к смертям, ежедневным и массовым.

Однако очень жалко мне стало Осипа Максимовича — что-то отломилось от меня самого¹²⁹.

Развернутые и интересные воспоминания об О. М. оставил литературовед А. Л. Дымшиц. Вот заключительный фрагмент из них:

В конце войны, когда снова начали налаживаться творческие контакты между людьми, которых события разбросали по фронтам и весям, я получил письмо от Осипа Максимовича и Лили Юрьевны, которые рассказывали о предпринятой ими интереснейшей работе — создании словаря раннего Маяковского¹³⁰.

<...>

Мне тогда было еще не до литературных дел, я находился в армии, войска были в движении. Но это письмо застало меня в Ленинграде, и я поспешил принять кое-какие меры к реализации столь интересного плана.

Я отправился к Балухатому, отличному ученому и хорошему человеку, и переговорил с ним о возможностях издания словаря. Он живо заинтересовался этой работой, сказал, что обязательно займется ее осуществлением с помощью Института русской литературы.

Помнится, я написал тогда Брикам о своем разговоре с Сергеем Дмитриевичем. Но проект остался «в воздухе». Уже через несколько дней пришлось навсегда проститься с С. Д. Балухатым, которого сразила внезапная болезнь.

Через некоторое время я узнал о кончине Осипа Максимовича. Он умер, как жил, — в движении, на ходу... Неутомимая активность Брика делала его похожим на мотор, вечно клокочущий энергией. Он и из строя вышел подобно мотору — остановился мгновенно¹³¹.

СКОРЬБЬ ПО УШЕДШИМ

Лиля Юрьевна часто ездила на Донское кладбище к Маяковскому и на Новодевичье к Осе, обычно с близкими ей людьми. Например, с ранее уже упоминавшейся Татьяной Ивановной Лешенко, которая часто бывала у нее до сентября 1947 года, пока не была неожиданно арестована.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ВПЕРЕДИ ЕЩЕ 33 ГОДА

За рассмотренный в дилогии 15-летний период Лиля Юрьевна овдовела трижды: один за другим скончались ее мужья — Владимир Маяковский, Виталий Примаков, Осип Брик. Проводив в последний путь Осипа Максимовича, она прожила еще 33 года. Все это время с ней рядом оставался четвертый муж, Василий Абгарович Катанян.

Как она переживала свои утраты?

Самоубийство Маяковского — стоически. Наконец-то ему удалось совершить то, что он давным-давно задумал. Но все-таки он подвел ее, бросив на произвол судьбы, хотя и оставил за ней право считаться его единственной Музой, и в список своей семьи занес первой. Это дало Л. Ю. право на половину гонораров и пенсию как вдове поэта (*«хоть шерсти клок»*).

Расстрел Примакова — нервически. В период, когда Сталин (по ее подсказке) назначил Маяковского «лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи», а она только начинала разворачиваться, только готовилась пожинать плоды своей славы, Виталий Маркович подставил ей подножку своей игрой в заговорщики против Вождя — чуть не сделал ее «членом семьи изменника родины» (ЧСИР). Ей с большим трудом удалось «удержаться на плаву».

И только скоропостижную смерть Брика Л. Ю. перенесла трагически. Ушел из жизни ее любимый муж, с которым она прожила *«тридцать лет и три года»*. И присутствие в ее биографии в этот период других мужчин не имело ровным счетом никакого значения. И Ося всегда с пониманием относился к этому, не чувствовал себя обиженным, ущемленным. А вот она теперь *«потеряла Осю, осталась на земле одна-одинешенька (Катанян не в счет)»*.

В течение нескольких месяцев после смерти Осипа Максимовича Лиля Юрьевна не могла прийти в себя и говорила: *«Когда умер Володя, когда умер Примаков — это умерли они, а со смертью Оси умерла и я»*.

Некоторую ясность в толкование отношений Бриков вносят воспоминания Фаины Раневской. В 1948 году она с болью написала:

Вчера была Лиля Брик, принесла «Избранное» Маяковского и его любительскую фотографию. Она еще благоухает довоенным Парижем.

На груди носит цепочку с обручальным кольцом Маяковского, на пальцах бриллианты. Говорила о своей любви к покойному... Брику. И сказала, что отказалась бы от всего, что было в ее жизни, только бы не потерять Осю.

Я спросила: «Отказалась бы и от Маяковского?» — Она, не задумываясь, ответила: «Да, отказалась бы и от Маяковского. Мне надо было быть только с Осей». Бедный, она не очень его любила... мне хотелось плакать от жалости к Маяковскому. И даже физически заболело сердце!

А как же оценивает мужей Лили Юрьевны История, которая, как известно, постепенно всех расставляет по своим местам?

Сегодня выходят из печати десятки, если не сотни, работ, авторы которых со всей тщательностью и во всех подробностях изучают темы: «Маяковский и его женщины», «Жизнь Маяковского в “треугольнике”», одной семьей с Бриками» и т. д. Эти «исследователи» сильно преуспели в своих изысканиях. Вот только тема «Маяковский — поэт» давно уже не имеет развития, о великом таланте лучшего поэта советской эпохи перестали говорить и писать после того, как померкла слава Революции, трибуном которой его объявили.

Когда-то Пастернак заключил, что почетный титул, которым Вождем наделил Маяковского, и вся история с безмерным раздуванием его роли в поэзии, привели ко «второй смерти» поэта.

Боюсь, сегодня, когда интерес читательских масс к Маяковскому-поэту подменяется все возрастающим интересом к Маяковскому-любовнику, можно говорить уже и о «третьей смерти».

Заметно потускнели медальные образы расстрелянных в 1937-м командиров Красной Армии самых высоких рангов. Да, они реабилитированы, признаны невиновными в тех преступлениях, за которые им вынесли смертный приговор. Но так ли они безвинны перед своим народом? При внимательном изучении биографий этих блестящих офицеров, преданных Красной Армии и советскому правительству, выясняется, что они не только классные скрипки на досуге делали, но и пулями умиряли моряков, поднявшихся на Кронштадтский мятеж, и травили газами тамбовских крестьян, восставших против произвола советской власти. И комкор Примаков был ничем не лучше своих подельников-краскомов.

Более того, некоторые сегодняшние историки даже оправдывают уничтожение Сталиным военной элиты накануне Второй мировой войны:

Сейчас мало кто сомневается в оздоровительной силе для страны процессов 37-го года, накануне войны с Германией. Тогда произошло очищение Красной Армии, ее командного состава от бездарной троцкистской верхушки. Об этом, кстати, в конце Второй мировой говорили и главы Третьего рейха.

Никто не отрицает, что репрессии были жестокими, даже очень жестокими. Но ведь предательство и измена только так и каралась всегда и везде².

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

ОТДЕЛ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ № 16

Гр. Брик фамилия, Максимович
 или, Ольга отчество

Гр-ка Каган фамилия, Людмила
 или, Людмила отчество

вступили в брак, с чем в книге записей актов гражданского состояния о браке за 26 февраля 1946 года в Московском ЗАГСе в Москве в 1946 г. произведена соответствующая запись под № 16

Фамилия после заключения брака Брик сн Брик

Место регистрации брака Московский ЗАГС в Москве в 1946 г.

Депроизводитель Л. Ю.

з. 1632

Свидетельство о браке О. М. Брика и Л. Ю. Каган 26 февраля 1946 г., выдано 29 августа 1946 г.

Так, наши современники разгадали и «загадку 1937-го года».

И только отношение общества к Осипу Брику в последнее время меняется в лучшую сторону. То здесь, то там появляются научные работы, посвященные анализу его творчества. перепечатываются его статьи из газет и журналов далеких 1920–1930-х годов, изучается его архив.

В Москве в 2010 и 2013 годах проводились международные научные конференции — «Бриковские чтения», — на которых были представлены более 150 докладов, посвященных деятельности Брика.

Разве такой интерес к имени О. М. Брика не признание его лидером в квартете официальных Лилиных мужей? И она первая, со свойственной ей пронизательностью, поняла его значение и отвела ему в своем сердце должное место.

***

Биография Л. Ю., прожившей после смерти Осипа Максимовича долгую жизнь, содержит немало темных и светлых страниц, но «темных», пожалуй, больше.

Перелистаем книгу ее жизни...

Примечательное событие произошло в 1946 году.

В СССР начали первую послевоенную замену паспортов, своеобразный переучет оставшихся после кровопролитной войны граждан. При этом во многих случаях восстанавливались и другие пропавшие за время войны личные документы. 8 января 1946 года вышло даже специальное постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по упорядочению регистрации актов гражданского состояния».

Новый паспорт должна была получить и Лиля Юрьевна Брик. Конечно, в паспортном столе возник вопрос: а, собственно, почему «Брик», а не «Каган»? И ей пришлось задним числом (что предусматривалось вышеназванным постановлением) выправлять себе 29 июля 1946 года в Свердловском ЗАГСе Москвы свидетельство о браке № 16 с... покойным Осипом Максимовичем Бриком³. Напомню, что брак этот состоялся «двадцать шестого февраля тысяча девятьсот двенадцатого года» (и именно так записано в свидетельстве). Л. Ю. пришлось доказывать в ЗАГСе, что из всех бывших ее мужей Брик — главный, и она имеет право носить именно его фамилию. Казалось бы, логичнее было зарегистрироваться как «Лиля Юрьевна Катанян», по ныне здравствующему мужу, но это по бытательским меркам и совсем не устраивало Л. Ю.

Последовательно выходили из печати дополненные издания «Литературной хроники» В. Катаняна: 2-е — в 1948-м, 3-е — в 1956-м, 4-е — в 1961-м, созданные при активном участии Л. Ю., хотя она нигде в этом качестве не упоминалась (в целях «конспирации»)⁴.

Книга эта была очень востребована и авторитетна среди исследователей-маяковедов, и вполне можно было отдать роль первого, главного среди них В. А. Катаняну. Но партия считала иначе: одно дело хроника биографии «лучшего и талантливейшего поэта», а совсем другое — подача его биографии с марксистско-ленинских позиций. И разработку этой темы ИМЛИ АН СССР еще до войны поручил своему проверенному сотруднику, литературоведу Виктору Осиповичу Перцову.

И вот в 1950 и 1951 годах почти одновременно выходят из печати два издания (что само по себе было очень необычно для того времени) солидной академической монографии В. О. Перцова «Маяковский: Жизнь и творчество (До Великой Октябрьской социалистической революции)»⁵. Здесь все как положено: уже в самом начале книги цитаты из работ В. Ленина, И. Сталина и даже... Л. Берии⁶, который тогда еще находился в высших эшелонах власти. Во введении автор пишет:

В октябре 1938 года, по решению Правительства СССР, литературное наследие Маяковского было признано государственным достоянием. Тогда же и возникла идея создания подробной монографии о жизни и творчестве поэта. Опираясь на помощь и поддержку Библиотеки-музея В. В. Маяковского, автор настоящей работы приступил к собиранию материалов для нее. Ему удалось провести беседы со многими лицами, соприкасавшимися с Маяковским в его творческой и общественной деятельности (в общей

В. В. Маяковский (1918 г.).

В. ПЕРЦОВ
МАЯКОВСКИЙ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА · 1951

Разворот книги В. Перцова о В. Маяковском (1951 г.)

сложности свыше 100 бесед); часть бесед застенографирована и вошла в рукописный мемуарный фонд Библиотеки-музея В. В. Маяковского в Москве.

Таким образом, непосредственной работе над данной монографией предшествовал почти десятилетний период накопления фактического материала, а в известной степени и активной организации его.

Суконным языком, со ссылками на авторитетные источники изложена насквозь революционная биография поэта, одного из основателей социалистического реализма (вместе с другом Горьким). И никакого авангарда, футуризма! Никаких любовей! И вообще все не так, как было на самом деле.

Летом 1951 года после перенесенного инфаркта Лиля Юрьевна вместе с В. А. Катаняном отправилась на отдых в Дубулты на Рижском взморье. Она взяла с собой только что вышедшую в «Советском писателе» книжку Перцова, но лучше бы ей этого не делать: книга вызвала у Л. Ю. резко негативную реакцию и никак не способствовала укреплению здоровья. Внимательно читая эту «научную» биографию, Л. Ю. параллельно комментировала ее то небольшими замечаниями по тексту, то развернутыми пояснениями. В результате, после перепечатки этих комментариев в Москве, получилась солидная машинописная рукопись объемом около 400 страниц, которая была названа ею «Анти-Перцов».

«Анти-Перцов» предназначался «для внутреннего употребления», как дневниковые заметки о прочитанном. О публикации нечего было и думать — кто же позволит опровергать академическую биографию государственного поэта, апробированную партийными идеологами? Лишь четыре десятилетия спустя фрагменты комментариев Л. Ю. увидели свет:

их напечатали в номере журнала «Литературное обозрение», посвященном столетию со дня рождения Владимира Маяковского⁷.

А что же В. Перцов? Он дописал биографию Маяковского, выпустив еще два тома, охватывающие периоды 1918–1924 и 1925–1930 годов. За эту трилогию он был даже удостоен в 1973 году Государственной премии.

В правительственном архиве до недавнего времени под грифом «Совершенно секретно» хранилось «Дело № 114-52». В нем собраны документы 1952 года, связанные с распределением в Москве элитного жилья: в это время как раз сдавались в эксплуатацию «сталинские высотки». За престижное жилье боролась московская элита.

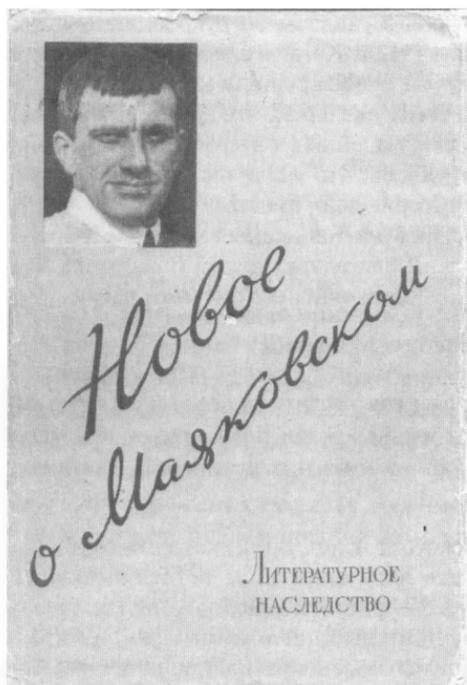
В ворохе просьб об улучшении жилищных условий находилось и заявление Л. Ю. Брик. Необходимость предоставления нового жилья Лиля Юрьевна аргументировала тем, что сейчас, после перенесенного инфаркта, она вынуждена подниматься на шестой этаж пешком, поскольку в ее нынешнем доме нет лифта. Но шансов на положительное решение было слишком мало, требовались авторитетные ходатайства, а их, как известно, следовало организовать.

И вот в «Деле № 114-52» находим письмо, датированное 14 октября 1952 года, от популярного в то время артиста — Николая Константиновича Черкасова. Любимец зрителей, он был многократно награжден и титулован: народный артист СССР, лауреат пяти Сталинских премий, депутат Верховного Совета СССР нескольких созывов, член Советского комитета защиты мира... Черкасов работал в Ленинградском театре драмы имени А. С. Пушкина, а как раз в то время репетировал заглавную роль в спектакле «Они знали Маяковского» — между прочим, по пьесе В. А. Катаняна.

Николай Константинович убедительно ходатайствовал о предоставлении квартиры в высотке «жене Маяковского» — Лиле Юрьевне Брик. Ее ныне здравствующий муж не упоминался... Ходатайство столь известного артиста было удовлетворено. Пусть не в высотке, но в не менее престижном новом доме на Кутузовском проспекте (с лифтом!) Л. Ю. была выделена трехкомнатная квартира с видом на Москва-реку. Разумеется, она поселилась там с В. А. Катаняном.

В 1958 году из печати вышел очередной, 65-й, том «Литературного наследства» («ЛН-65») «Новое о Маяковском», изданный АН СССР (!), в котором были опубликованы 125 писем и телеграмм В. В. Маяковского к Л. Ю. Брик, большая часть из которых увидела свет впервые, другая — впервые полностью, после предшествовавших публикаций с купюрами.

Том «ЛН-65» явился подобно грому среди ясного неба, ибо любовная переписка «лучшего и талантливейшего», по мнению партийных моралистов, наносила непоправимый ущерб его незапятнанной до этого репутации, заставляла читателей задуматься о личной жизни поэта

«Литературное наследство», т. 65
(1958 г.)

(в советское время — запретная тема), о его связях и отношениях с Л. Ю. и О. М. Бриками вообще⁸.

Письма В. Маяковского в этом томе «Литературного наследства» сопровождались предисловием Л. Ю. Брик, которой они были адресованы.

С Владимиром Владимировичем Маяковским мы прожили 15 лет — с 1915 года до его смерти.

Письма он писал мне даже тогда, когда мы расставались ненадолго. Есть письма ко мне за границу и из-за границы в Москву — мы ездили почти всякий год, иногда по тем или иным причинам не вместе. С 1926 г. Владимир Владимирович регулярно разъезжал по городам Советского Союза, и тогда он тоже часто писал мне.

Телеграммы привожу далеко не все, так как они нередко повторялись: это сообщения о своем адресе, о переезде в другой город, о дне приезда домой.

Под письмами и телеграммами ко мне Владимир Владимирович подписывался «Щен». Под большинством писем — рисунок, на котором он себя изображал в виде щенка, а меня иногда кошкой, — это были наши домашние клички.

Некоторые письма даются с небольшими сокращениями.

Почти в каждом письме упоминается О. М. Брик. Осип Максимович был моим первым мужем. Я встретила с ним, когда мне было 13 лет. Это

был 1905 год. В гимназии, в которой я училась, он руководил кружком политекономии. Обвенчались мы в 1912 г. Когда я сказала ему о том, что Маяковский и я полюбили друг друга, все мы решили никогда не расставаться. Маяковский и Брик были тогда уже близкими друзьями, людьми, связанными друг с другом близостью идейных интересов и совместной литературной работой. Так и случилось, что мы прожили нашу жизнь, и духовно, и большей частью территориально, вместе.

Прошло столько лет с тех пор, как были написаны эти письма! Много забылось — люди, события, даты... Я благодарю друзей Владимира Владимировича, которые помогли мне подготовить его письма к печати и составили к ним комментарий.

Л. Брик⁹

Выход в свет «ЛН-65» не остался незамеченным советской прессой. В московской газете «Литература и жизнь» были помещены две развернутые антибриковские статьи¹⁰. В первой из них авторы (В. Воронцов и А. Колосков) пишут:

Наконец, о письмах Маяковского к Л. Ю. Брик, которые опубликованы в сборнике и занимают свыше 70 страниц. Едва ли Маяковский согласился бы отнести их к его «литературному наследию», так как письма в подавляющем большинстве носят личный, интимный характер. Кроме того, публикация этих писем дает не совсем правильное представление о личных взаимоотношениях Маяковского... Создается впечатление, что издательство Академии наук недостаточно дорожит памятью великого поэта и неразборчиво тискает в печать все, что попадает под руку.

Однако это реверанс по сравнению с теми письмами, которые поступили в ЦК КПСС. Их авторы, известные нам лица, не стеснялись в выражении эмоций, осуждая выход в свет «ЛН-65».

Особенно возмутило меня и очень многих других людей опубликование писем брата к Л. Брик. Письма эти оказались сугубо личными — интимными, в которых почти нет литературных и общественных сведений, а предисловие фальшиво и нескромно.

Л. Брик, замкнутая в своем кругу, не учла, какой резонанс может получиться у современных читателей, воспитанных на коммунистической морали, от публикации этих писем. Вместо признания и умиления перед ней, как она рассчитывала — естественное возмущение.

Я получила письма, где говорится: «Невероятно, чтоб она была достойна такой небывалой любви»...

Брат мой, человек совершенно другой среды, другого воспитания, другой жизни, попал в чужую среду, которая кроме боли и несчастья ничего не дала ни ему, ни нашей семье. Загубили хорошего, талантливого человека, а теперь продолжают чернить его честное имя борца за коммунизм. (Письмо Л. В. Маяковской секретарю ЦК КПСС М. А. Суслову¹¹ от 9 января 1959 г.)¹²

Перлом всего являются неизвестно зачем опубликованные письма Маяковского к Лиле Брик. Это весьма слащавые, сентиментальные, сугубо интимные штучки, под которыми Маяковский подписывался так: «Щенок». Предпосылкой к этим письмам является «предисловие» самой Лили Брик.

Всю эту галиматью состряпали такие молодчики, как Катанян, Пицкель¹³, Розенблюм¹⁴, Февральский¹⁵, под редакцией Виноградова¹⁶, Зильберштейна¹⁷, Макашина¹⁸ и Храпченко¹⁹. (Письмо Ф. И. Панферова²⁰ секретарю ЦК КПСС М. А. Сулову от 20 января 1959 г.)²¹

В конце марта 1959 года обсуждение этого крамольного издания состоялось в ЦК, где было принято специальное постановление от 31 марта 1959 года «О книге “Новое о Маяковском”»²².

Редактор «ЛН-65» И. С. Зильберштейн чудом устоял на посту главного редактора основанной им академической серии «Литературное наследство» и к концу своей жизни довел ее почти до 100 томов, но часть 2 «Нового о Маяковском», том 66, где намечалось опубликовать воспоминания людей из окружения поэта (в том числе и Л. Ю. Брик), так и не вышел. В строгом ряду академических томов на месте тома 66 — пустота, многозначительное молчание.

Вскоре «ЛН-65» незаметно исчез с полок советских библиотек, как будто его и не было вовсе. И только на зловредном Западе письма В. Маяковского к Л. Брик, извлеченные из 65-го тома и переведенные с русского, выходили все новыми изданиями: в Кракове (1962, 1969), Мюнхене (1965), Франкфурте-на-Майне (1969), Париже (1969), Милане (1969, 1972).

В то время как разворачивался инцидент с публикацией писем В. Маяковского к Л. Ю. Брик, Государственное издательство художественной литературы заканчивало выпуск академического Полного собрания сочинений В. В. Маяковского. На очереди была подготовка к печати заключительного, тринадцатого, тома, но она задержалась на два года, так как редакция согласовывала со всеми мыслимыми инстанциями, какие же письма в него можно включить. В результате этот том вышел в свет только в 1961 году урезанным (по сравнению с предыдущими томами ПСС) тиражом, и в него включено лишь 28 писем поэта к Л. Ю. По большому счету эта акция фактически лишала издание права называться академическим.

Еще через пять лет вышла в свет новая работа Л. Ю. Брик — «Предложение исследователям»: вначале отрывком в газете «Московский комсомолец, а затем полностью — в журнале «Вопросы литературы»²³. В этой статье Л. Ю. исследует влияние произведений Ф. М. Достоевского на творчество В. В. Маяковского.

Через месяц после этих публикаций на страницах газеты «Известия» появляется гневный отклик уже знакомых нам В. Воронцова²⁴ и А. Колоскова²⁵. В частности, они пишут: «Мы не можем выразить удивления по поводу того, что редакция журнала “Вопросы литературы” так неразбор-

чиво отнеслась к публикации «Предложений» Л. Брик... А самое главное, что эти «Предложения» находятся в вопиющем противоречии со всей жизнью и творчеством великого поэта революции»²⁶.

Еще месяц спустя, 29 декабря 1966 года, в редакцию тех же «Известий» обратился с открытым письмом Константин Симонов²⁷:

В. Воронцов и А. Колосков на страницах такой авторитетной газеты, как «Известия», не просто раскритиковали статью Л. Ю. Брик, а с непонятными для меня целями предприняли попытку объявить Л. Ю. Брик одним из фальшивых друзей и даже врагом Маяковского... Нравится или не нравится Л. Ю. Брик авторам статьи, но это женщина, которой посвящен целый ряд замечательных произведений Маяковского. Это женщина, с которой связано 15 лет жизни и творчества поэта. Наконец, это женщина, которая была для Маяковского членом его семьи и о которой в своем последнем письме он писал «Товарищу правительству», прося позаботиться о ней наравне с матерью и сестрами.

Несмотря на высокий авторитет Симонова в советском обществе, «Известия» не опубликовали это открытое письмо, и впервые оно увидело свет только в работе В. А. Катаняна «Мрачная хроника»²⁸.

Как же сложилась дальнейшая судьба «крамольной» статьи Л. Ю. Брик «Предложение исследователям»?

После смерти Л. Ю. Брик она неоднократно переиздавалась как фрагмент ее воспоминаний, так и в виде отдельной статьи, например в сборнике В. Маяковского «Люблю» (1998)²⁹.

Но, наверное, наиболее поразительным примером стала ее публикация в школьном (!) пособии для ученика и учителя «В. В. Маяковский. Стихотворения. Поэмы. Статьи» 1997 года³⁰, где (на с. 636–642) говорится, что «Предложение исследователям» может послужить материалом учителю при разработке тем «Маяковский и наследие классики», «Маяковский и Достоевский».

Своего апогея антибриковская кампания достигла в 1968 году, когда в еженедельном общественно-политическом и литературно-художественном журнале «Огонек» (главный редактор — А. В. Софронов³¹), который был в то время, наверное, наиболее популярным периодическим изданием в Советском Союзе (тираж составлял около двух миллионов экземпляров!), появились две статьи все тех же В. Воронцова и А. Колоскова — «Любовь поэта» и «Трагедия поэта»³².

«Трагедия поэта», где автором выступил на сей раз лишь А. И. Колосков, открывалась таким вступлением:

Напечатанная в 16-м номере «Огонек» статья В. Воронцова и А. Колоскова «Любовь поэта» вызвала многочисленные отклики читателей. Редакция получила письма от родственников В. В. Маяковского (М. Т. Киселева, Т. М. Киселевой-Горбачевой и В. Н. Агачевой) и сестры поэта — Людмилы Владимировны Маяковской.

«Трудно переоценить — пишет она, обращаясь к авторам статьи, — это большое и новое (для читателей) из биографии поэта, раскрывающее перед советской общественностью, перед почитателями поэзии Маяковского правдивые страницы, полные трагедии последние годы его жизни.

Я полностью разделяю все написанное вами, подтвержденное творческими строками самого поэта, его письмами и той обстановкой, в которой ему приходилось жить и работать. Все, что вы опубликовали, является справедливым и бескомпромиссным, открывающим новое в биографии поэта».

Так обозначилась «главная пружина» всей антибриковской кампании — старшая сестра поэта — Людмила Владимировна Маяковская. Обиженная несправедливым (по ее мнению) распределением литературного наследия брата между его родными и «чужой ему женщиной», разгневанная открытием в Гендриковом переулке, где он жил с Л. Ю., этом «гнезде разврата», Государственного музея поэта, Людмила Владимировна забрасывала ЦК письмами, просьбами и жалобами, в которых призывала обратить внимание на неурядицы в организации идеологической работы вокруг творческого наследия лучшего поэта советской эпохи и в которые вкладывала всю нарастающую энергию старой девы, люто ненавидевшей свою чрезмерно удачливую соперницу.

Одной из наиболее ярких страниц антибриковской кампании стал перевод московского Музея В. Маяковского, открытого в 1937 году в Гендриковом переулке, на Таганке, в Лубянский проезд. Начало кампании по созданию нового музея В. Маяковского относится к 1962 году, когда Л. В. Маяковская послала первое письмо по этому поводу секретарю ЦК КПСС М. А. Суслову:

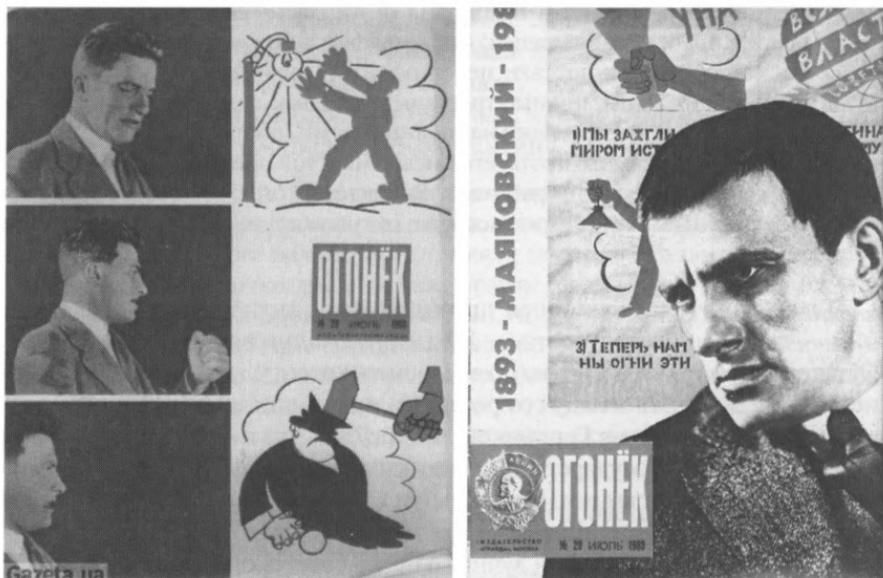
Глубокоуважаемый Михаил Андреевич!

В июле будущего 1963 года, исполняется 70 лет со дня рождения моего брата, Владимира Владимировича Маяковского.

Коммунистическая партия и Советское правительство сделали уже много для увековечения его памяти, за что я от моего имени и имени родных поэта приношу глубокую благодарность.

Вместе с тем я убедительно прошу рассмотреть мою просьбу, которая заключается в следующем: после смерти моего брата, в 1931 г. [ошибка, в 1938 г., сост.] в Москве был организован мемориальный музей, получивший название «Библиотека-музей В. В. Маяковского». При этом никто не считал нужным посоветоваться с родной семьей поэта, с его матерью, и музей организован не там, где он должен быть. Всем известно, что В. Маяковский большую часть жизни в Москве после революции, провёл в д. № 12 на Лубянском проезде (теперь улица Серова). Здесь он жил до 14 апреля 1930 года, т. е. до последнего дня своей жизни.

Именно здесь он работал над стихами и поэмами, здесь происходили его деловые встречи с поэтами, художниками, представителями редакций газет и журналов. Однако библиотека-музей В. В. Маяковского почему-то

Обложки выпусков журнала «Огонёк», посвященных 75-летию (№ 29, июль 1968 г.) и 90-летию (№ 29, июль 1983 г.) В. В. Маяковского

была устроена в доме по бывшему Гендриковому пер., теперь переулку Маяковского, 13/15. Квартиру в этом доме брат получил в 1926 году, она числилась за ним и им оплачивалась. Фактически же квартира принадлежала О. М. Брику и Л. Ю. Брик. Из четырех комнат Маяковский занимал одну самую маленькую комнату, где он проводил свободные вечера и иногда ночевал. Сейчас в тех комнатах размещен мемориальный музей, сюда перенесены некоторые вещи из комнаты на Лубянской проезде, в том числе и портрет В. И. Ленина, к которому обращено известное стихотворение Маяковского «Разговор с товарищем Лениным». Это само по себе является нарушением истории.

Кроме того, посетители, проходя по комнатам музея, больше интересуются, что было в той или другой комнате, и экскурсоводу, отходя от прямой задачи — пропаганды творчества Маяковского, приходится объяснять назначение комнат и взаимоотношений Маяковского с О. М. Бриком и Л. Ю. Брик и т. д.

У молодежи, как я неоднократно наблюдала, это вызывает недоумение, и у многих складывается неправильное представление о Маяковском, тогда как эта сложная, тяжелая для моего брата жизнь создалась по вкусу Л. Ю. и О. М. Брик.

Вот почему я считаю необходимым этот музей закрыть, и открыть мемориальный музей Маяковского В. В. в проезде Серова (бывш. Лубянской проезде).

Обложка выпуска журнала «Огонек», посвященного 80-летию В. В. Маяковского (№ 29, июль 1973 г.)

Мой брат занимал здесь небольшую комнату в общей квартире. Эта комната сохранилась. Необходимо переселить всех жильцов, отремонтировать квартиру и перенести сюда те вещи и экспонаты, которые здесь были раньше. Портрет В. И. Ленина, книжный шкаф с теми книгами, которые были здесь, пишущую машинку и др. вещи. В остальных комнатах можно разместить выставку творчества поэта.

Думаю, что переселение жильцов, ремонт квартиры и устройство выставки потребует не больше средств, чем требуется ежегодно на ремонт и поддержку старого деревянного дома «Библиотеки-музея В. В. Маяковского». Библиотеку можно оставить там. На новом месте потребуются значительно меньший штат, его можно сократить наполовину.

Помимо этого, я прошу создать авторитетную комиссию, которая ознакомилась бы с хранящимися в Библиотеке-музее неопубликованными документами и воспоминаниями о В. В. Маяковском. Мне известно, что некоторые воспоминания, собранные музеем и хранящиеся в его фондах, неправильно, искаженно представляют жизнь и деятельность Маяковского. Очевидно, поэтому их скрывали от матери и теперь не показывают мне.

Обращаюсь к Вам с этой большой просьбой и надеюсь, что Вы благожелательно рассмотрите ее и сделаете необходимые распоряжения.

Все это я тороплюсь делать, так как уходят мои годы, а творчество Маяковского, как он хотел, должно служить народу, который строит коммунистическое общество.

С приветом и уважением, Л. Маяковская.

26/VI. 1962 г.³³

Вскоре под грифом «Совершенно секретно» (!) вышло постановление Секретариата ЦК КПСС «О музее В. В. Маяковского» (№ Ст-36/135 гс от 24 октября 1967 г.), первый пункт которого гласил: «Признать целесообразным перевод существующего ныне музея В. В. Маяковского из помещения в бывшем Гендриковом переулке в дом № 3/6 по проезду Серова, где поэт жил с 1919 по 1930 г. и где им созданы все основные произведения»³⁴.

Поначалу перенос музея аргументировался лучшими условиями для хранения экспонатов и документов на новом, специально подготовленном для этих целей месте. В Гендриковом переулке же планировалось сохранить мемориальные комнаты поэта и организовать там массовую библиотеку имени В. В. Маяковского. Но это тоже не устроило воинствующую сестру и ее группу поддержки. И Людмила Владимировна шлет «наверх» новое обличительное письмо.

16 декабря 1971 г.

Генеральному секретарю Центрального Комитета КПСС
товарищу Леониду Ильичу БРЕЖНЕВУ
Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

Приближается радостный день — окончание строительства здания Государственного музея В. В. Маяковского. Параллельно готовится новая научная, интересная экспозиция «Маяковский — поэт революции и социалистического созидания», и совершенно неожиданно вокруг нового музея возник нездоровый ажиотаж.

Мне стали известны источники столь нездоровых интересов вокруг старого здания музея. Всем тем, кто сейчас хлопочет об организации массовой библиотеки имени В. В. Маяковского, постоянном функционировании мемориальных комнат бывшей библиотеки-музея, глубоко безразлична память, доброе имя и значение Маяковского, поэта-трибуна, поэта-борца и верного солдата Коммунистической партии. Они надеются растворить коммунистическую поэзию Маяковского в бесчисленных анекдотах о «советской Беатриче», как рекламирует себя Брик, пошлых аморальных разговорах, перечеркивающих светлую память о брате и о народном поэте.

Он расплачивается за свою молодую 22-хлетнюю доверчивость, незнание ловких, столичных женщин, за свою большую, чистую, рожденную в сознании, на берегах Риона, — любовь.

Никакие мотивы не могут примирить честных советских людей с такой постановкой вопроса.

Брики — антисоциальное явление в общественной жизни и быту и могут служить только разлагающим примером, способствовать антисоветской пропаганде в широком плане за рубежом.

Здесь за широкой спиной Маяковского свободно протекала свободная «любовь» Л. Брик. Вот то основное, чем характеризуется этот «мемориал».

Мемориал должен служить прогрессу и воспитывать в людях лучшие человеческие качества. Зло хоть исторично, но фетишизировать его нет основания.

Что предлагается высокопоставленными бриковцами для увековечения мемориала: вместо библиотеки-музея Маяковского сделать массовую библиотеку имени Маяковского, сохранить комнатку поэта и бриковскую столовую с витриной посуды, не соответствующей вкусу Маяковского. Этот «мемориал» решили сделать открытым для посетителей. Это решение полностью повторяет решение 1937 года.

Я твердо убеждена, что подобное решение создает ситуацию двух музеев в одном городе, диаметрально противоположных взглядов на Маяковского. Музей «леваков», а точнее, беспринципных людей, аполитичных, злобствующих на советскую власть и русскую передовую демократическую культуру, и музей старого партийного направления, музей как пропагандистский орган генеральной линии ЦК КПСС на основе наследия В. В. Маяковского.

Брики боялись потерять Маяковского. С ним ушла бы слава, возможность жить на широкую ногу, прикрываться политическим авторитетом Маяковского.

Вот почему они буквально заставляли Маяковского потратиться на меблированные бриковские номера...

Два музея — это два противоположных взгляда на Маяковского не только в СССР, но и за рубежом... Создание двух музеев, или, вернее, раскол на две части, это — создание арены для постоянных классовых, идеологических столкновений и споров...

Я категорически, принципиально возражаю против оставления каких-либо следов о поэте и моем брате в старом бриковском доме и даже считаю, что переулку Маяковского следует оставить старое название — Гендриков или совсем другое, а переулком Маяковского назвать Лубянский проезд...

С сердечным приветом

Л. Маяковская³⁵.

Еще более нетерпимо отзывается о Бриках один из главных фигурантов в «команде Л. Маяковской», А. И. Колосков, в письме члену Политбюро и секретарю ЦК КПСС тов. Сулову от 11 июня 1966 г.:

Как-то один из иностранных писателей, посетивший музей Маяковского, слыша, как часто сопровождавший его сотрудник музея называет имя Осипа Брика, спросил: «Кто, собственно, был Брик и что он из себя представлял?» Ответ был такой: «Осип Брик при Маяковском был тем же, что Фурманов при Чапаеве»...

Осип Брик вместе с Л. Ю. Брик всячески восхваляется и возвеличивается и в вышедшем при участии сотрудников музея сборнике «Новое о Маяковском», в свое время осужденном ЦК КПСС, и в книге «В. Маяковский в воспоминаниях современников», подготовленной сотрудниками музея Маяковского и выпущенной три года назад³⁶.

Между тем, О. Брик, как я частично показал в своих книгах «Жизнь Маяковского» и «Маяковский в борьбе за коммунизм», был типичным вульгаризатором. Новые материалы, которые сейчас находятся в моих руках, показывают, что он не понимал Маяковского, не сумел правильно оценить крупнейшие его произведения...

И вот этого вульгаризатора и невежду в музее Маяковского выдают за политического и литературного наставника Маяковского!

Еще больше идеализируют и прославляют в этом музее Л. Ю. Брик, как «единственную любовь» Маяковского. Тогда как известно, что в последние годы жизни Маяковский любил Т. Яковлеву, а Л. Ю. Брик в течение своей жизни имела трех официальных мужей — О. М. Брика, В. М. Примакова и В. А. Катаняна. А если бы Вы прочитали воспоминания о Маяковском художницы Е. А. Лавинской, написанные ею в 1948 году в предвидении смерти (она была тяжело больна), Вы бы увидели, какая гнусная обстановка окружала Маяковского и что эту обстановку создавали именно они — скептик и бездельник О. Брик и проповедница разврата Л. Брик, живущие за счет средств и славы Маяковского и цепко державшие его в своих руках.

Кстати сказать, воспоминания Е. А. Лавинской, содержащие правдивое и потрясающее описание трагедии Маяковского, закабаленного Бриками, презираемого и третируемого ими, имеются в музее Маяковского, но они не публикуются³⁷.

То, что трагедия Маяковского была во многом обусловлена его связью с Бриками, это понятно многим, знавшим Маяковского и Бриков. Мне об этом неоднократно говорили мать поэта Александра Алексеевна и его сестры Ольга Владимировна и Людмила Владимировна. Покойная Александра Алексеевна в беседах со мной неоднократно высказывала недоумение и возмущение тем, что существующий музей Маяковского увековечивает его гибельную связь с Бриками и их самих, принесших Маяковскому столько горя и несчастья.

Почему же музей продолжает оставаться в доме, который фактически принадлежал О. и Л. Брикам и где Маяковский проводил лишь незначительную часть времени и только в последние четыре года, с 1926 по 1930 год? Потому что это нужно было Брикам, которых крепко поддерживают их многочисленные друзья и родственники, в том числе Луи Арагон и Эльза Триоле³⁸.

Новоявленные маяковеды, определяя концепцию экспозиции музея, который начал создаваться на новом месте, сделали все, чтобы максимально вытравить Бриков из рядов ближайшего окружения Маяковского, всячески принизить их роль в его жизни и творчестве. В этих устремлениях явно прослеживаются антисемитские тенденции.

Ряд писателей, которые ознакомились с проектом экспозиции в новом музее, категорично высказали свое мнение о ней и свою гражданскую позицию по этому вопросу.

К. М. Симонов:

Как бы ни относились составители проекта экспозиции к тем или другим близким к Маяковскому лицам, но история жизни Маяковского есть история его жизни, а не история наших симпатий или предубеждений. И если Маяковский, предваряя за полтора года до смерти своей автобиографией

свое собрание сочинений, считает нужным назвать дату своего знакомства с Бриками радостнейшей датой, а в адресованном правительству посмертном письме пишет — стихи отдайте Брикам, они разберутся — то лишить этих людей того места, которое они занимали в биографии Маяковского, можно только временно и насильно. А ведь экспозиция Музея создается не на один год! Элементарное уважение к самому Маяковскому требует, чтобы эта экспозиция во всех своих аспектах соответствовала действительной, а не деформированной биографии Маяковского³⁹.

Б. А. Слуцкий:

На протяжении последних лет литературоведы Воронцов и Колосков выступают со статьями, посвященными отношениям Владимира Маяковского с его семьей и друзьями.

Главная задача этих выступлений — опорочить Лилию Юрьевну Брик, самого близкого Маяковскому человека, женщину, которую он любил всю жизнь и о которой писал всю жизнь.

Таким образом, накануне юбилея поэта ставится под сомнение большая часть его любовной лирики...

Таким образом, совершенно новая «концепция» жизни и творчества Маяковского утверждается не в результате научной дискуссии, а с помощью лживых и сенсационных фельетонов «Огонька»⁴⁰.

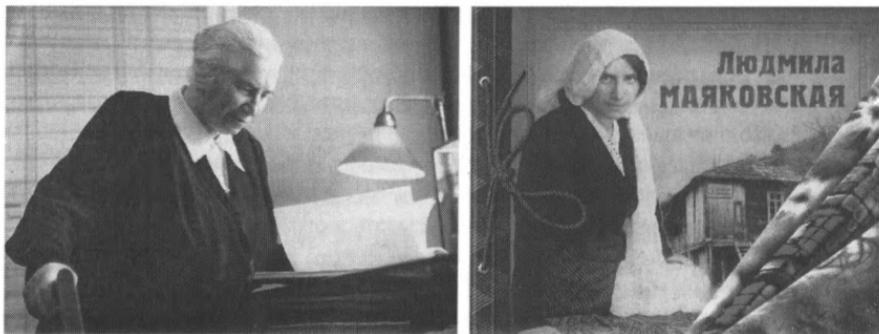
Р. И. Рождественский:

Если у человека 40 и 50 процентов лирических произведений посвящено Лиле Брик, то хоть мы все застрелимся, они все равно будут посвящены Брик и никому другому⁴¹.

Несмотря на эти и подобные им высказывания ряда известных представителей советской общественности, новый Музей Маяковского был создан в предписанной партией (по указке Л. Маяковской и ее приспешников) антибриковской концепции и открыт в январе 1974 года.

Мало того, он сохранил антибриковские тенденции до сих пор. В 2012 году руководство музея организовало и провело ряд акций, посвященных 75-летию музея, ведя его отсчет с 1937 года. Но это неверно. Музея, родившегося в 1937-м в Гендриковом переулке, не существует уже четыре десятилетия. Само здание переходит из рук в руки, сильно обветшало и, похоже, доживает свой век.

А новый музей провел в последнее время ряд выставок, посвященных людям из окружения Маяковского⁴², но старательно обходит имена О. М. и Л. Ю. Брик. Выставка, посвященная родительнице второго музея, Л. В. Маяковской, была проведена в его стенах в 2010 году. К ней музеем был выпущен солидный, красочный каталог⁴³, в котором большое место уделено ее переписке. Вот только ее обширная переписка по делам брата с ЦК КПСС и его Генеральным секретарем Л. И. Брежневым стыдливо опущена. Не те времена.

Л. В. Маяковская (1958 г.). Альбом-каталог «Людмила Маяковская» (ГММ, 2010 г.)

В истории «антибриковской кампании», часто называемой «Операция «Огонек»», возникло еще немало настоящих облав на Л. Ю. Брик, а ведь тогда она была уже в преклонном возрасте. Об этих гонениях в обзорных публикациях рассказывали и В. А. и В. В. Катаняны⁴⁴, и я сам⁴⁵.

В. В. Катанян в статье «Операция «Огонек»» в газете «Книжное обозрение» от 27 октября 1989 года приводит выдержку из статьи французского литератора Клода Фриу⁴⁶ (в переводе):

Журналисты из «Огонька» неспособны понять, что между двумя существами могут быть какие-либо отношения, кроме обывательских, что рядом с непостоянством в любви может существовать глубокая общность мысли и чувства. Более того, Лиля Брик — блестящая женщина, одна из вдохновительниц советского авангарда, вставшего с первых же дней на сторону революции. Для нее дело было в том, чтобы привести в революцию не только эстетический стиль, но и новый стиль жизни — свободный, поэтический, отважный, исполненный поиска, раскрывающий необозримые возможности человека. И все это хотят очернить...

Это против Лили Брик — представительницы интеллигенции эпохи революции, активного члена ЛЕФа, друга Татлина, Мейерхольда, Эйзенштейна, Родченко, против Лили Брик — символа великих духовных исканий первых лет революции, навеки запечатленных в поэме «Про это» — направлены ядовитые стрелы последышей сталинизма.

Но что ж мы все о темных страницах ее книги жизни? Ведь были и светлые.

К 80-летию В. В. Маяковского, в 1973 году, в Москве была проведена юбилейная выставка, практически повторившая в тех же комнатах бывшего клуба Федерации объединений советских писателей (ФОСП) выставку «20 лет работы Маяковского», которую организовал сам поэт в 1929 году. Большая заслуга в восстановлении этой интересной выставки, которая, без сомнения, стала заметным событием в культурной жизни страны, принадлежит К. М. Симонову. Был выпущен каталог выставки. Наряду с воспоминаниями матери и обеих сестер поэта здесь помещены

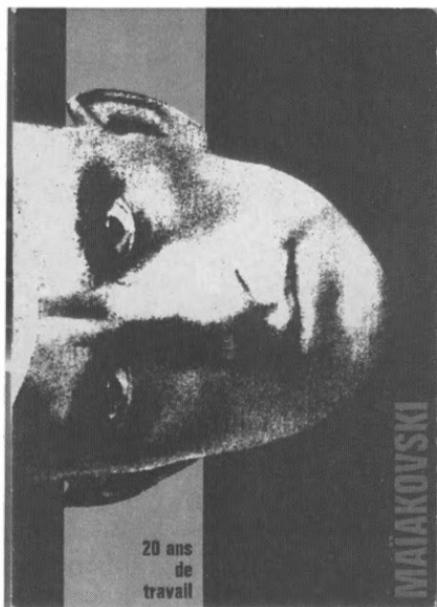
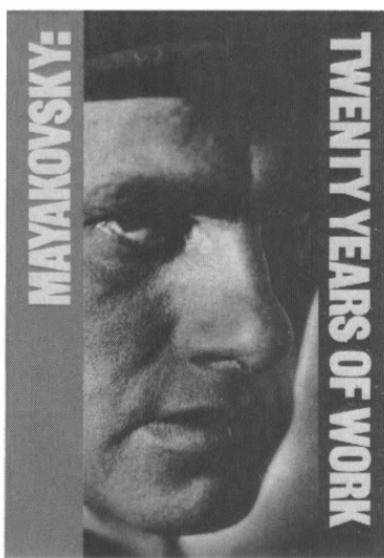

Л. Ю. Брик на выставке
«Маяковский. 20 лет работы».
Москва. 1968 г.

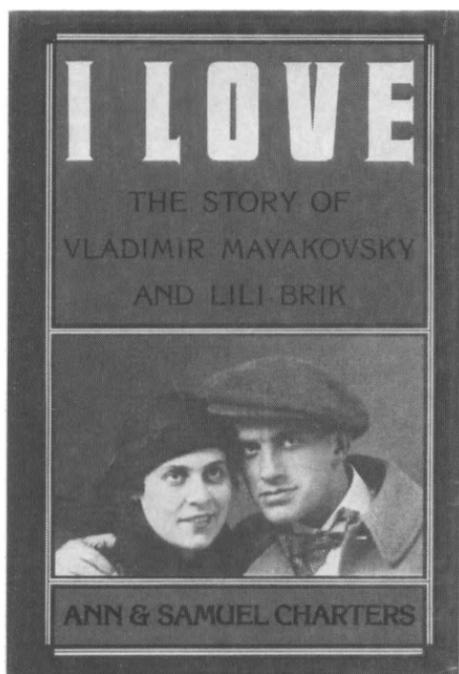
«Воспоминания Л. Ю. Брик»⁴⁷. Кажется, это была последняя прижизненная публикация ее воспоминаний на родине.

Выставка имела большой успех, позднее она вывозилась за границу — во Францию, Германию, Англию, где она сопровождалась красочными (в каждом случае — оригинальными) каталогами, в которых не были обойдены вниманием и Брики.

Несмотря на преклонный возраст, Л. Ю. Брик с В. А. Катаняном неоднократно летали в Париж к Эльзе Триоле и Луи Арагону, которые в свою очередь часто наведывались в Москву. Они также напутствовали, давали советы и рекомендации своим хорошим знакомым, деятелям культуры, отправлявшимся с визитами во Францию и СССР, что способствовало укреплению культурных связей между этими странами. Сестры вели интенсивную переписку, которая была затем опубликована в Москве и Париже⁴⁸.

Выставка «Маяковский. 20 лет работы». Слева направо: советский каталог, английский каталог, французский каталог, немецкий каталог (все 1968 г.)

Обложка книги Энн и Сэмюэла Чартерс «Я люблю. История о Лиле Брик и Маяковском» (1979 г.)

С переездом Л. Ю. с Арбата на Кутузовский проспект прервались ее связи с Н. Глазковым. Зато в ее новом «салоне» появились молодые поэты: А. Вознесенский⁴⁹ и В. Соснора⁵⁰, которым она по старой привычке протезировала, особенно при их поездках за границу.

В 1970 году скончалась младшая сестра Лили Юрьевны, Эльза, и они с Катаняном спешно слетали в Париж, чтобы проститься с ней. Овдовевший Арагон позднее побывал в Москве и даже, по просьбе Л. Ю., ходатайствовал перед Л. И. Брежневым о досрочном освобождении из заключения ее хорошего знакомого, С. Параджанова⁵¹. Сам Арагон скончался в 1982 году, он пережил Л. Ю. на четыре года, но на ее похороны не приехал.

В 1970-е годы Лиля Юрьевна часто встречалась с иностранными писателями и журналистами, не чуралась их, давала интервью. Однажды шведский аспирант МГУ Бенгт Янгфельдт (он давно уже был своим в доме Л. Ю.) привел к ней чету Энн и Сэмюэла Чартерс⁵²: американские гости очень желали познакомиться со знаменитой Лилей Брик, о которой собирались писать книгу. Л. Ю. согласилась дать им интервью. Сложность заключалась в том, что Л. Ю. не владела английским языком, а Чартерсы — ни русским, ни немецким, ни французским, на которых она могла бы с ними говорить. Переводчик должен был не просто формально перевести разговор, но быть его соучастником, хорошо ориентируясь в эпохе

Л. Ю. Брик, В. А. Катанян на прогулке с В. И. Уборевич и ее спутником.
Перedelкино, 10 августа 1975 г.

и нюансах. Выход нашелся — Рита Райт, переводчица, давняя знакомая Маяковского и Бриков, согласилась участвовать в этом, а иногда ее мог подменять Бенгт Янгфельдт. Работа над книгой началась. Чартеры несколько раз прилетали в Москву по-американски шумно, с детьми.

Книга вышла в 1979 году⁵³ — Лиля Юрьевна ее не дождалась. И хотя В. А. Катанян при ознакомлении с русским переводом обнаружил некоторую недостоверность фактов⁵⁴, это издание представляет ценность уже тем, что создавалось «со слов Л. Ю.», и достоверного здесь все-таки больше.

В мае 1978 года Л. Ю. упала, поднимаясь с кровати в своей московской квартире, и сломала шейку бедра. На лето В. А. Катанян вывез ее на дачу в Перedelкино. Беспомощная, она оказалась практически прикованной к постели: не могла приводить себя в порядок, чтобы достойно выглядеть, не могла принимать гостей. Конечно, это угнетало ее. И она не хотела такой жизни, не хотела быть обузой своему мужу (Василию Абгаровичу в то время уже под восемьдесят).

Четвертого августа, оставшись на какое-то время одна, Лиля Юрьевна приняла большую дозу сильного снотворного «Нембутал», приготовленного ею заранее для такого случая, и тихо заснула навсегда.

О ее смерти коротко сообщила «Литературная газета», да и то по настойчивому ходатайству К. Симонова. Но на страницах западных газет

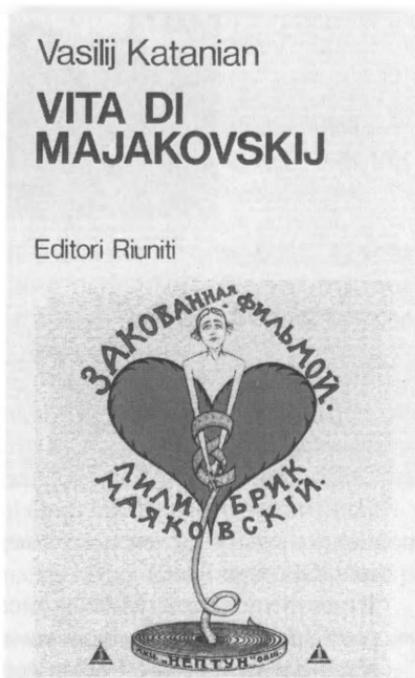
***

Незадолго до смерти Л. Ю. в Италии на итальянском языке вышла книга-интервью Карло Бенедетти «Лиля Брик и Маяковский»⁵⁶. Позднее автор вспоминал:

Потом было ожидание. Лиля часто говорила: «Жду с нетерпением выхода в Италии книги Васи — “Летопись жизни Маяковского”, а потом и моей книги [таким было ее условие издательству публикации своих воспоминаний. — *А. В.*] Только после этого мне можно будет уйти». В ней была очень крепкая уверенность в том, что она рассказала. Это было ее правдой, ее завещанием. «Это то, что знаю только я», — говорила она упрямо.

А потом она умерла... За несколько дней до этого печального события — в июне 1978 г. — я принес Лиле десять экземпляров нашей книги, вышедшей в Италии в издательстве «Эдитори-Риунити». Это были первые оттиски. Она положила их на большую кровать, на которой лежала в маленькой комнате переделкинской дачи, и долго смотрела на них, довольная⁵⁷.

Василий Абгарович раздарил эти экземпляры самым близким. Он организовал перевод на русский язык, а затем машинописные листы отдал

Итальянские книги: Л. Брик «Воспоминания о Маяковском», В. Катанян «Жизнь В. Маяковского» (обе 1978 г.)

Титульный лист машинописи перевода с итальянского языка книги Л. Брик «Воспоминания о Маяковском» (1978 г.), выполненного В. А. Катаняном. Из собрания автора

в переплет. В качестве предисловия В. А. Катанян поместил русский перевод статьи-некролога Жана Марсенака «Лиля Брик — волшебница» (ориг. *Lili Brik, devineresse*), опубликованной в парижской «Юманите» 7 августа 1978 года.

В 1980 году книга-интервью Карло Бенедетти вышла на французском языке в Париже⁵⁸. Фрагменты из книги по-русски были опубликованы в московском журнале «Театральная жизнь»⁵⁹.

После смерти жены Василий Абгарович нашел в бумагах Л. Ю. завещание-распоряжение — развеять ее прах в поле, и ничего более конкретного⁶⁰. Так она хотела защититься от глумления вандалов над своей могилой на кладбище. Василий Абгарович совсем потерял голову, решая эту нелегкую задачу. Помог ему молодой энергичный литератор Арсений Ларионов⁶¹: он и место подходящее подыскал, и необходимые организационные вопросы решил.

Почти через год, в первых числах мая 1979 года, Василий Абгарович с Ларионовым поехали в Подмосковье, под Звенигород. Здесь на опушке леса Василий Абгарович, черпая домашней серебряной ложкой прах любимой женщины, разбрасывал его по заросшему травой полю (до этого момента урна с прахом Л. Ю. находилась в колумбарии крематория).

Позже мужчины сговорились с работавшим на ферме трактористом, чтобы он подтянул тросом лежавший недалеко от места, где был развеян

Памятный камень на опушке леса под Звенигородом с инициалами «Л.Ю.Б.» на месте, где развеян прах Л. Ю. Брик. Фото автора (1979 г.). Публикуется впервые

прах Л. Ю., гранитный валун. Камень установили у края поля, под двумя березами, едва ли не сросшиеся стволы которых образовывали латинскую V — символ Маяковского.

Еще через какое-то время привезли сюда камнереза, и он вырезал на валуне буквы Л, Ю, Б, которые, как известно, если читать по кругу, складываются в бесконечное Л Ю Б Л Ю...

Сам Василий Абгарович после тяжелой болезни скончался 15 февраля 1980 года в Москве. Перед смертью он завещал сыну развеять свой прах там же, в поле под Звенигородом. Он и после смерти хотел оставаться рядом с любимой женой.

***

Жизнь не стоит на месте. Но смерть Лили Юрьевны не принесла забвения ее имени. Об этой женщине, ее порывистой, явно нестандартной натуре, ее магии и загадке, пишут статьи и книги, снимают фильмы, проводят выставки и даже ставят балеты. Только для того чтобы перечислить эти произведения, понадобилось бы не меньше десяти страниц; но не все они равноценны. В качестве главных биографов Лили Брик можно назвать В. В. Катаняна⁶², Бенгта Янгфельдта⁶³ и А. И. Ваксберга⁶⁴.

Под ее именем двумя изданиями вышла книга «Пристрастные рассказы», составленная Я. И. Гройсманом⁶⁵ и И. Ю. Генс⁶⁶: здесь представлены

Каталог выставки «Мир Лили Брик» (Зап. Берлин, 1992 г.). Книга Б. Янгфельдта ««Я» для меня мало» (2012 г.)

Книга Лили Брик «Пристрастные рассказы» (2011 г.). Книга В. В. Катаняна «Лилия Брик. Жизнь» (2002 г.)

Книга А. Ваксберга «Пожар сердца» (2010 г.)

воспоминания, дневники, архивные документы, письма, редкие фото и другие материалы Л. Ю., а также репринт ее книжки «Щен», изданной «Молотовгизом» в 1942 году.

К 120-летию со дня рождения Лили Юрьевны (11.11.11!) московская «Независимая газета» поместила посвященную музе поэта мою большую статью⁶⁷. Позже в периодике я опубликовал еще ряд статей; четыре из них помещены в разделе «Приложения». Тогда же, 11 ноября 2011 года, телеканал «Совершенно секретно» показал премьеру телефильма «Лиля Брик. История судьбы»⁶⁸.

В 1949 году художник А. Тышлер, хороший знакомый Лили Юрьевны, написал маслом ее портрет (53 × 44 см): загадочная женщина в шляпке с вуалью задумчиво смотрит вдаль. *«Этот портрет всегда висел в ее спальне. Лиля Юрьевна приговаривала: “Я бы хотела, чтобы будущие поколения знали меня по этому портрету!”»*⁶⁹. Мы — всего лишь первое из этих поколений, и мы ее помним.

Не забыт и О. М. Брик. Пожалуй, первым отдал ему дань памяти его давний знакомый, филолог и литературовед Роман Якобсон⁷⁰, опубликовав в 1964 году две ранние филологические работы Осипа Максимовича со своим предисловием⁷¹.

А. Тышлер. Портрет Л. Ю. Брик (1949 г.). «Такой она хотела сохраться в глазах потомков...» (В. В. Катанян)

В 1993 году в Акмоле (сейчас Астана) вышла моя книга «О. М. Брик. Материалы к биографии». Позже в периодике я опубликовал ряд статей. Три последовательные публикации в журнале «Киноведческие записки»⁷² достаточно полно составили раздел «Брик и кино».

Тем самым было положено начало новому в литературоведении направлению — бриковедению. И имена Бриков замелькали в работах российских и зарубежных исследователей (см. приложение «Последние работы по бриковедению», с. 367–371).

ПРИЛОЖЕНИЯ

О. М. Брик, Л. Г. Эльберт.

Народный поэт Владимир Маяковский

Сценарий документального фильма.

(Дикторский текст предварительный)

1. ДЕТСТВО

«19 июля 1893 года в селении Багдади на Кавказе в семье лесничего родился великий поэт нашей советской эпохи Владимир Маяковский. Привольное детство, проведенное в горах Кавказа среди мужественных горцев, наложило свой отпечаток на творчество Маяковского».

На экране под музыку грузинских национальных инструментов проплывают горы Кавказа, бурные реки, долины с пасущимися стадами, селение Багдади, домик, в котором родился Маяковский, — фотографии маленького Володи, одного и в кругу семьи¹⁾

«С 1903 года Маяковский — гимназист Кутаисской гимназии».

На экране Кутаиси, кутаисская гимназия, знаменитая старая чинара²⁾. Звучат строки из поэмы Маяковского «Люблю»:

Без груза рубаш,
без башмачного груза
жарился в кутаисском зное.
Выворачивая солнцу то спину,
то пузо, —
пока под ложечкой не заноет.

2. ЮНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

«Бурные революционные события 1905 года, которые Маяковский пережил, будучи учеником кутаисской гимназии, положили начало его революционному воспитанию».

Под звуки революционных песен проходят на экране картины революционных боев 1905 года на Кавказе, — проходят воззвания, прокламации, брошюры партии большевиков, слышится за кадром цоканье казачьих копыт, выстрелы, выкрики³⁾.

* См. расшифровку пометок в конце сценария, с. 309.

«И позже, с осени 1906 года, после смерти отца, поселившись с семьей в Москве, Маяковский продолжал свою революционную учебу, в большевистском подполье, в годы злейшей реакции».

Под тюремные, каторжные, похоронные песни проходят на экране картины арестов, тюрем и расстрелов 1907–1910 годов.

Проходит Маяковский (фото) в форме ученика Строгановского училища, — проходит фото Маяковского в московской охранке (фас и профиль), — проходит обложка с надписью «Дело отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве при управлении московского градоначальника о дворянине Владимире Владимировиче Маяковском»⁴).

3. ЗА НОВОЕ ИСКУССТВО

«Пока царское самодержавие тюрьмами и кознями расправлялось с народным революционным движением, — русская буржуазия жирея и богатея, предавалась всем радостям жизни».

Под музыку, в которой слышится и мрачный язг тюремных засовов и похабные, кафешантаные мотивчики⁵, проходят на экране портреты царских сановников (эскизы Репина), Сомовские дамы и кавалеры, Кустодиевские полнотельные купчихи и купцы в сюртуках, — и цвет буржуазного общества на полотнах Серова.

[«Таково было общество — таково было и его искусство».

Под музыку тех годов (Ребиков, Сац) проходят по экрану обложки «Золотого руна», «Аполлона», «Весов», отдельных книг и альманахов — проходит графика Судейкина, Феофилактова, Бердслеса и др.]⁶

И тяжело падает на груду этих изысканных, декадентских изданий книга в холщовой обложке, озаглавленная «Пощечина общественному вкусу», в которой были напечатаны первые стихи Маяковского.

«В этом сборнике были напечатаны первые стихи Маяковского — еще робкие, ученические. Чем дальше, тем резче становился стих Маяковского, тем полнее приносил он в свою поэзию революционный пыл политического агитатора и бунтаря».

На экране проходят кадры старой буржуазной Москвы — толстосумой и обжорной. И слышатся строки Маяковского:

Глядишь и не знаешь: ест или не ест он.
Глядишь и не знаешь: дышит или не дышит он.
Два аршина безлищего розоватого теста.
Хоть бы метка была в уголочке вышита.

Желудок в панаме! тебя ль не заразят
величием смерти для новой эры?!
Желудку ничем болеть нельзя,
кроме аппендицита и холеры!

Внизу суетятся рабочие, —
нищий у тумбы виден.
А у этого брюхо и все прочее.
Лежит себе сыт, как Сытин.

На экране страница журнала «Новый Сатирикон» со стихотворением Маяковского «Гимн обеду» и с карикатурой⁷⁾.

4. АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ ГОРЬКИЙ

«Не случайна встреча Маяковского с Горьким. Оба они были тогда предтечами грядущей пролетарской литературы».

На экране портреты Горького и Маяковского тех годов, — открытка Горького к Маяковскому, приглашающая к обеду, — надпись Горького на экземпляре книжки «Детство»: «Без слов от души», — ответное посвящение Маяковского Горькому на экземпляре поэмы «Облако в штанах»⁸⁾.

«Буржуазные редактора и издатели не печатали и не издавали Маяковского, опасаясь его революционности. Горький печатал его в своем журнале «Летопись»⁹⁾ и издавал в издательстве «Парус», как певца грядущей революции».

На экране номера журнала «Летопись» со стихами Маяковского, обложка поэмы «Война и мир» изд. «Парус» и сборника «Простое как мычание» в том же издании.

Слышатся стихи Маяковского из второй части поэмы «Облако в штанах»:

Я,
обсмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный
скабрзный анекдот,
вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.
Где глаз людей обрывается куций, —
главой голодных орд,
в терновом венке революции
грядет какой-то год.

5. ПОЭТ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«И когда пришел этот “какой-то год” — когда совершилась Великая Октябрьская Социалистическая Революция, Маяковский естественно оказался в первых рядах борющегося пролетариата. Маяковский стал поэтом Великой Октябрьской Социалистической Революции».

Слышатся строки Маяковского:

Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс.

На экране под грохот орудий, треск пулеметов, ружейную стрельбу, — под боевые песни, под цоканье копыт — проходят кадры и картины гражданской войны.

На экране плакаты времен гражданской войны: «Все на Деникина!», «Все на Врангеля!», «Все на польский фронт!»

«Все годы гражданской войны Маяковский неутомимо работал над созданием знаменитых Окон сатиры РОСТА, — серией сатирических и боевых плакатов на злободневные темы, — которую Маяковский впоследствии назвал “Грозный смех”».

На экране мультипликационно развертывается процесс создания «Окна РОСТА»:

Сначала бюллетень РОСТА. Потом карандашный набросок — формулировка темы будущего Окна сатиры. Потом набросок — черновик стихотворных подписей Маяковского. — Затем рисунок Окна, — и дальше рисунок с подписью, — раскраска рисунка, — разные трафареты — изготовление Окна сатиры по трафарету, расклейка готового плаката.

Из громадного количества Окон РОСТА Маяковского много есть подходящих для экранизации. Предлагаем одно из Окон периода войны с Польшей:

*Красноармеец! Заруби себе на носу —
вот что паны и Врангель несут:
земля — народу (на рисунке могила),
рабочим — свободу (на рисунке виселица),
бездомным — по жилищу (на рисунке тюрьмы),
голодным — пищу (на рисунке польский офицер
бьет рабочего в зубы).*

«Когда кончилась гражданская война и советская страна приступила к восстановлению народного хозяйства, Маяковский с той же энергией, с той же силой поэтического дара стал активным участником и борцом социалистического строительства».

Слышатся строки Маяковского:

Я с теми,
кто вышел
строить
и месть
в сплошной
лихорадке
буден.
Отечество
славлю,
которое есть,
но трижды —
которое будет.

Я знаю —
                   город
                           будет.
 Я знаю —
                   саду
                           цвествь, —
 когда
                   такие люди
 в стране
                   советской
                           есть!

На экране проходят кадры и картины строящихся заводов и городов, проходят портреты строителей-стахановцев, — проходят виды сегодняшних городов-садов.

Звучат строки Маяковского:

Кончай
                   с деревней серенькой.
 Вставай,
                   который сер!
 Вперегонки
                   с Америкой
 иди, СССР!
 Добьемся урожая мы —
 втройне,
                   земля,
                           рожай!
 Пожалте,
                   уважаемый
 товарищ урожай!

На экране проходят поднимаемые целины, — полевые работы, — зреющие поля, — уборка урожая, — зажиточная колхозная жизнь.

«Но Маяковский умел не только воспевать победы и достижения. Он умел клеймить и бить своим стихом явных и тайных врагов советской страны».

На экране проплывает целая галерея (или актеров или кукол) персонажей сатирических стихотворений Маяковского: спекулянт, взяточник, подхалим, лодырь, прогульщик, бюрократ, ханжа, помпадур и т. д.

Под каждым как бы музейным экспонатом подпись, состоящая из заглавия соответствующего стихотворения Маяковского, первые строчки и подписи. Эта галерея заканчивается живым Игорем Ильинским, в костюме и гриме Присыпкина из пьесы Маяковского «Клоп».

Ильинский исполняет отрывок из пьесы Маяковского «Клоп». Ильинский исполняет отрывок из второй картины пьесы:

«Кто воевал, имеет право у тихой речки отдохнуть. Во! Может я весь свой класс своим благородством возвышаю. Во! И поет под гитару:

На Луначарской улице
я помню старый дом
с широкой чудной лестницей
с изящнейшим окном.

6. ПОЭТ ПАРТИИ ЛЕНИНА-СТАЛИНА

«Маяковский [не был членом партии — но он]¹⁰ был непартийным большевиком, политические директивы партии Ленина-Сталина были его поэтическими заданиями».

На экране корреспондентские билеты Маяковского, сотрудника «Правды», «Известий», «Комсомольской правды» и т. д., — страницы газет с стихами Маяковского, — обложки массовых изданий агит-стихов Маяковского.

«Одно из стихотворений Маяковского “Прозаседавшиеся”, высмеивающее заседательскую лихорадку, рассмешило Ленина и вызвало его на высокую оценку: “Давно я не испытывал такого удовольствия с точки зрения политической и административной”».

На экране улыбающееся лицо Ленина и портрет Ленина, читающего газету, и номер «Известий» с стихотворением Маяковского «Прозаседавшиеся».

«Ленину Маяковский посвятил ряд стихотворений. В одном из них он говорит: “Я в Ленине веру мира славлю и веру мою”¹¹. Смерть Ленина Маяковский ощутил как великое горе и как приказ написать поэму об этом “самом человеческом человеке”, как сказано в поэме Маяковского “Владимир Ильич Ленин”».

На экране под звуки траурного марша проходят кадры смерти и похорон Ленина¹². Звучат строки из поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин»:

Слова
у нас
до важного самого
в привычку входят,
ветшают как платье.
Хочу
снять заставить заново
величественнейшее слово —
партия.
Партия и Ленин —
близнецы братья.
Кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим — Ленин,
подразумеваем
партия.
Мы говорим — партия,
подразумеваем
Ленин.

«В 1930 году в шестую годовщину смерти Владимира Ильича Маяковский читал свою поэму “Ленин” на торжественном заседании в Большом театре. Поэта слушали руководители партии и правительства, в их числе товарищ Сталин»¹³⁾.

На экране здание Большого театра, программа торжественного заседания с фамилией Маяковского, портрет товарища Сталина, товарищ Сталин и члены Политбюро на Красной площади, на Мавзолее Ленина.

«После смерти Ленина Маяковский с удвоенной энергией продолжал свою работу под руководством партии Ленина-Сталина».

На экране обложки книг, выпущенных Маяковским в период с 1924 по 1930 год, — афиши его выступлений, — плакаты, им написанные.

Звучат строки Маяковского¹⁴⁾:

Не хочу,
                                 чтоб меня как цветочек с полян,
 рвали
                                 после служебных тягот.
 Я хочу,
                                 чтоб в дебатах
   потел Госплан,
 мне давая
                                 задания на год.

Я хочу,
                                 чтоб к штыку
   приравняли перо.
 С чугуном чтоб
                                 и с выделкой стали
 о работе стихов,
                                 от Политбюро,
 чтобы делал
                                 доклады Сталин¹⁵⁾.

7. НАРОДНЫЙ ПОЭТ

«Великий Сталин назвал Маяковского “лучшим талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Этими словами он выразил любовь всего советского народа к своему поэту».

На экране улицы имени Маяковского в городах Союза, площадь Маяковского в Москве, станция метро на этой площади, Дом писателей имени Маяковского в Ленинграде, памятник Маяковскому в Багдади, пароход «Маяковский» на Амуре, бюст Маяковского на Ленинской библиотеке и др.

«Литературное наследие поэта хранится в музее его имени в Москве, в переулке Маяковского».

На экране книги Маяковского от первой тоненькой брошюры «Я» до 12-ти-томного посмертного полного собрания сочинений, — книги Маяковского на языках народов СССР, — книги на зарубежных языках.

«Те книги, о которых сказал Маяковский в стихотворении “Во весь голос”:

Явившись
         в ЦКК
                 идущих
                         светлых лет, —
 над бандой
         поэтических
                         рвачей и выжиг, —
 я подыму,
         как большевистский партбилет,
 все сто томов
         моих
                 партийных книжек.

Здесь работают над его записными книжками, над рукописями, над черновиками».

На экране научные сотрудники, работающие над записными книжками и черновыми рукописями.

Одна из рукописей мультипликационно оживает и на экране проходит процесс последовательного написания и исправления черновых строк стихотворного отрывка.

«Здесь подбирается иконография Маяковского».

На экране проходят, как в фотоальбоме, портреты Маяковского от самых детских до кадров смерти и похорон.

«Здесь хранятся немногочисленные куски прижизненной кинозасъемки Маяковского».

Сотрудник музея вынимает из несгораемого шкафа коробки с пленкой, на которой заснят Маяковский. На экране проходят кадры с живым Маяковским, — в заключение демонстрируется большой отрывок из кинофильма «Барышня и хулиган», в которой снимался Маяковский.

«Сохранились восковые валики с записью голоса Маяковского».

С экрана, с вращающегося валика звучит голос Маяковского, читающего стихотворение «Солнце».

«Наследники этого богатого наследия, молодежь нашей Советской страны, знает Маяковского, любит его, читает его стихи».

В Доме пионеров, в большом зале, перед аудиторией пионеров юный чтец читает стихи Маяковского «О советском паспорте»:

Читайте,
         завидуйте,
                 я —
                         гражданин
 Советского Союза.

Пометки неизвестного лица на полях архивного экземпляра сценария:

- 1) Точней объекты.
- 2) Отметки! Свидетельство.
- 3) Музей Революции.

- 4) Уточнить объекты. Камера №103.
- 5) Ребиков. Сац.
- 6) Фразы в квадратных скобках зачеркнуты.
- 7) Более ударное стихотворение «Вам!».
- 8) Мустамяки. Встреча.
- 9) Петроград. Редакция «Летописи».
- 10) Фраза в квадратных скобках зачеркнута.
- 11) Надпись.
- 12) «Улица будто рана сквозная».
- 13) Надпись.
- 14) Или «Комсомола марш» — кр. пл. Сталин.
- 15) Читка в Большом театре. Сталин.

О. М. Брик. ИВАН ГРОЗНЫЙ

Историческая трагедия. Отрывок

АКТ ПЕРВЫЙ. КАРТИНА I-я.

Стан русского войска на литовской границе. Бравые пушкари начищают пушки, готовясь к царскому смотру. Поют свою пушкарскую песню.

- Запевало. Нету города
 Москвы первой.
 Нету слободки
 пушкарской зеленой.
 Нет молодок
 наших добрей.
- Хор. Эй, Москва,
 пушкарская слободка, —
 зеленая листва
 и добрая молодка.
- Запевало. Нету рати
 русской сильней.
 Нету пушек
 русских верней.
 Эй, сзывайте
 в поход пушкарей!
- Хор. Прощай, Москва,
 пушкарская слободка,
 зеленая листва
 и добрая молодка.
- Запевало. Нету боя
 Пушкарского грозней.

Нет победы
Нашей полней.
Эй, ждите со славой
Назад пушкарей!
Хор. Жди, Москва,
пушкарская слободка,
зеленая листва
и добрая молодка!

Под гром литавр и бубнов появляется царь в окружении блестящей свиты. Тут князь Старицкий, воеводы, приближенные-опричники и английский инженер Локк.

Царь весел, оживлен. Внимательно оглядывает пушки и стоящих около них пушкарей.

Иван (*обращаясь к англичанину Локку*)

Глянь, мастер Локк,
мы отливать
какие
наострились
пушки!

Локк. И в столь короткий срок!
У всех соседей ушки на макушке.

Иван. На то он и сосед: —
что нам добро, — ему во вред!

Локк. Писал нам в Лондон польский круль: —
Зря русским помогаете.
Метанью ядер и пуль
зря русских обучаете.
Москаль на выдумки хитер.
Москаль прорвется на простор,
и нас сметет,
и вас побьет.

Иван. Вы русских плохо знаете.
От стен Кремля до балтских вод
прямой проложен шлях.
Он русских к морю приведет
и кто удержит этот ход!?
Ни швед, ни финн, ни лях.
Не так ли, друг пушкарь?

Пушкари. Вестимо так,
великий государь!

Иван (*к Локку*)

И в деле этом Лондон нам поможет.

Локк *(с поклоном)*

В обмен на льготы в пошлине таможенной.

Иван *(с усмешкой)*

мол, —

помогу

чем могу

за наличную деньгу.

Что ж!

Для хороших торгашей

не пожалеем грошей.

Торговый договор скрепим.

А чтоб рука сжимала крепче руку

(к пушкарям)

покажем

нашу

им

пушкарскую науку!

По знаку царя начинается смотровая стрельба из пушек.

Иван *(обращаясь к своей свите)*

И вам, высокие особы,

стрельбой заняться хорошо бы.

Плохой в том воеводе толк,

которого умней его же полк.

(с увлечением)

Прошла пора булатного меча, —

пора удара со всего плеча.

Теперь остри не меч, а ум

и в бой не суйся наобум.

Враги хитрят, —

а ты хитрей.

Враги сильны, —

а ты сильней.

Не так ли, друг пушкарь?

Пушкари. Вестимо так,

Великий государь!

Из группы, окружающей царя, выходит вперед молодой опричник.

Сокол. О, царь!

В ответ твоим речам

дозволь

умень показать перед тобою.

- Я у пушкарских слободчан
учился огневому бою.
Могу стрелять ядром и дробом, —
В прямую метить и высоко...
- Иван. Вот так! —
Пример вам дуболобым.
Ты кто таков?
- Сокол. Опричник Сокол!

По знаку царя Сокол подходит к пушке и показывает свое уменье.

- Иван. Ну, молодец! —
Царя порадовал.
Любую выбирай награду.
- Сокол. О, царь!
Твоя хвала равна любой награде, —
но если надо, —
пошли меня в Москву
хоть на день,
на два.

- Иван (*раздумчиво*)
Смысл этих слов
Проверен веками, —
«воин суров,
да сердце не камень».
(*к Соколу дружелюбно*)
К Челяднину поедешь
с вестью ратной.
Дождись ответа,
и обратно.

Царь увидел подошедших священников. Снял шлем. Перекрестился.

- Иван. Приступим, братья!
Господу послужим.
Молитвой освятим оружие.

Начинается молебен. Попы кропят пушки святой водой.

- Попы. Господь всемогущий!
Обрати к нам
милостивые взоры свои.
На страх супротивникам
оружье наше благослови.
Все. Аминь!

Царь замечает среди молящихся человека в нерусской одежде.

Иван.   А этот кто молодчик?
                      Старицкий Из Польши переметчик.

Иван разглядывает переметчика.

Иван.   Ишь, вырядился!
                      Смех!
                      Ты немец?
                      Или чех?
                      Аль лях ты
                      из мелкой шляхты?

Переметчик. Великий царь,
                      по виду не суди.
                      На мне камзол заморский, узкий,
                      но я душой остался русский
                      и сердце русское в груди.
                      Дружинник я. Иван Козел мне кличка.
                      Меня в Литву князь Курбский свез...

Иван (*в гневе*)

Не князь он! Вор, предатель, пес!

Козел.   Прости!
                      Обмолвился.
                      Холопская привычка.

Иван пристально вглядывается.

Иван.   Ты что ж,
                      один?
                      Иль за тобою следом
                      твой господин?

Козел.   Один.
                      Его мне замысел неведом.

Иван (*с саркастическим недоумением*)

Ушел за рубежи.
Обрел покой души
с врагом соседом.
А мы нехороши.
(резко к Козлу)
А чем нехороши,
Не сказывает?

Козел молчит.

Иван (*с гневом*)

Говори, Козел!
коль царь приказывает.

Козел (*как бы с трудом подчиняясь царскому окрику*)

Он говорит: —
ты царь, боярский ум отверг
и все дела один вершишь...

Иван. А Курбский нам пример:
сей ум на то хорош,
чтоб родину продать за грош.

Козел. Он говорит:
ты, царь, невинных судишь грозно.
Опричнину завел...

Иван. Завел, —
да поздно!
а то бы Курбский не ушел.

Козел. Он говорит:
война с ливонцами Руси не в прок.
Путь верный —
не на Запад, —
на Восток!

Иван. Не диво речь такая.
Врагам Руси пес Курбский потекает!
(*вдохновенно*)
А мы жизнь отважим
на буйный спор.
Речам вражьи
наперекор!
Не так ли, друг пушкарь?

Пушкари. Вестимо так,
великий государь!

Иван (*князю Старицкому*)
В Москву его!
Под стражей!
Пускай Челяднину про Курбского расскажет.

Царь со свитой удаляется. К Козлу подходит князь Старицкий. Ведут разговор вполголоса, не глядя друг на друга.

Козел. Тайное слово:
«Меч».

Старицкий. Отзыв?
 Козел. «Смерть»
 Старицкий. Что везешь?
 Козел. Короля Сигизмунда ответ.
 Старицкий. Да или нет?
 Козел. Да!
 Старицкий. Челяндин — наш.
 Ему передашь.
 (*Громко к страже*)
 Эй, сюда!
 В Москве Челяндину сладите,
 лично,
 на дому.
 А ежели за ним не уследите, —
 голову сниму!

ЗАНАВЕС

О. М. Брик. КАРТИНА ВЫШЛА НА УЛИЦУ

(Из опыта работы в редакции военно-оборонного плаката — «Окна ТАСС»)

1

Плакат начинается с телефонного звонка: «Сейчас будет передано по радио важное сообщение. Срочно готовьте плакат».

В этой оперативности — специфика плаката.

О специфике плакатного жанра сказано много. Но обычно ее ищут и находят не там, где следует.

О специфике того или иного жанра искусства вспоминают обычно в двух случаях: или когда люди одного художественного цеха не хотят подпускать к себе людей, вне этого цеха стоящих, или когда люди под предлогом «специфики» не хотят браться за работу, которую они считают несоответствующей своему профессиональному достоинству.

В кинематографии, например, о специфике говорят или присяжные сценаристы, утверждая, что не каждый писатель может написать сценарий — «тут своя специфика!», — или писатель, мотивирующий свое нежелание работать в кинематографии: «Да что вы! Разве я могу! Тут особая специфика».

В результате вопрос о специфике приобретает не только теоретический, но и практический интерес. Некритические высказывания о специфике того или иного художественного жанра создают вредную для искусства цеховую замкнутость и ограниченность.

Обычно специфику плаката ищут в некоей «плакатной» обобщенности, в особом лаконизме, в повышенной эмоциональности, в сравнении, например, со станковой картиной. А между тем можно вспомнить много станковых картин, в которых есть и лаконизм, и обобщенность, и повышенная эмоциональность. И есть много плакатов, в которых нет ни подчеркнутого лаконизма, ни схематической обобщенности. И как раз эти плакаты, далеко отходящие от плакатной «специфики», пользуются сейчас наибольшим успехом и на фронте, и в тылу.

Повидимому, специфику плаката, как воздействующего изобразительного средства, следует искать не в его внешних формах, не в стилистике, не в особой манере, — в чем-то более существенном.

Плакатность нужно искать прежде всего в отношении художника к своей теме, к содержанию плаката.

Если художник точно и четко осознает свое отношение к теме, к содержанию плаката, и если его творческая задача — активно воздействовать на зрителя, убедить зрителя в том, во что он, художник, сам глубоко верит, — тогда он непременно создаст произведение плакатное.

В чем была сила «ростинских» плакатов Маяковского? Не в особых свойствах формы, не в особых качествах текста, а в глубокой агитационной убедительности и текста, и изображения, — в точном и ясном знании, во имя какой идеи плакаты созданы.

Некоторые художники говорят, что тенденция мешает видеть событие. Но быть выше события нельзя. Это — иллюзия, это значит оказаться «вне события». В такое положение неизбежно попадают художники, пытающиеся работать без «тенденциозной предвзятости».

«Вне» в этом случае оказывается и зритель. Он смотрит на картину, воспринимает все ее художественные качества, но не знает, куда направить свою взволнованность, не участвует в событии.

2

В одной из своих статей, написанных осенью 1914 года, в начале империалистической войны, Маяковский говорил: «Теперь все война. Господин Переплетчиков, я никогда не был в Олонецкой губернии [художник Переплетчиков известен своими северными пейзажами. — *О. Б.*], но я достоверно знаю, что сегодня ее пейзаж изменился до неузнаваемости от того, что под Антверпеном ревели сорокадвухсантиметровые пушки. Не уезжайте в Олонецкую губернию, — у вас ничего не выйдет. Тот не художник, кто на блестящем яблоке, поставленном для натюрморта, не увидит повешенных в Калише. Можно не писать о войне, но надо писать войною!»

Сегодня эти слова Маяковского звучат особенно убедительно. Кто из советских художников может не писать «войною», отговариваясь мирным

характером своего жанра — портретного, пейзажного, натюрмортного, — представляя «писать войною» баталистам и мастерам военного плаката!

И, действительно, с первых же дней Великой отечественной войны художники без различия стилей и жанров стали работать над созданием военного плаката. И оказалось, что дело вовсе не в том, чтобы изготавливать специфические «плакатные плакаты», а в том, чтобы своим искусством, своим художественным мастерством служить народу, помогать ему героически бороться за свободу и независимость родины.

Патриотический порыв охватил всех: и пейзажистов, и жанристов, и портретистов. Все взялись за плакаты, потому что в моменты высокого волевого напряжения народа плакат является одной из самых эффективных, доходчивых форм изобразительного искусства.

Авторами «Окон ТАСС» были художники: Адливанкин, Алякринский, Антонов, Бубнов, Бялыницкий-Бируля, А. Герасимов, С. Герасимов, Горяев, Дейнека, Денисовский, Ефимов, Иванов, Иогансон, Козлинский, Кокорекин, Костин, Н. Котов, П. Котов, Кукрыниксы, Лаптев, Люшин, Мальков, Мельников, Милашевский, Нисский, Пименов, Пророков, Радаков, Решетников, Савицкий, Сойфертис, Соловьев, Соколов-Скаля, Черемных, Шухмин и многие другие.

Работая над плакатами, художники не подлаживались под некий условный, «плакатный» стиль, не обедняли себя, а, напротив, вносили в плакат свои художественные навыки, свою живописную манеру, тем самым обогащая плакатное искусство всеми достижениями станковой живописи.

Картина вышла на улицу! В этом «стиль» плакатов «Окон ТАСС». В этом их характерная особенность, в этом их отличие от обычных «специфических плакатов».

«Окна Роста» выходили в эпоху гражданской войны, когда нехватало бумаги и не работали типо-литографии. Плакаты приходилось печатать вручную при помощи вырезанных трафаретов, в небольшом количестве экземпляров. «Окна ТАСС», так же как «Окна Роста», печатаются вручную, но не потому, что нехватает бумаги и печатных машин, а потому, что с помощью трафаретов можно дать значительно большее богатство и разнообразие красок, чем дает литографская печать.

Производственная мастерская «Окон ТАСС» стремится наиболее полно передать индивидуальную живописную манеру художника, добивается в готовом оттиске точной копии картины-плаката дать не печатное воспроизведение, а как бы «размноженный подлинник».

Плакат стал похож на картину. Некоторые из первых номеров «Окон ТАСС» были станковыми картинами даже в предметном смысле этого слова: они выставлялись в рамах, но не на выставке, не в музее, а на улице. Это были настоящие плакаты. Идейная ясность и четкость изображения и лозунги-подписи, прикрепленные к рамам, обеспечивали их должную агитационную силу воздействия.

3

Телефонный звонок дал тему, определил задание. Но прежде чем приступить к работе над плакатом, необходимо всесторонне разработать тему, вдуматься во все ее детали.

Чем тщательней будет разработана тема, тем легче будет художнику найти соответствующие образы. И чем точнее будет художник придерживаться темы во всех ее деталях, тем эффективней будет плакат.

Иногда художник, увлеченный инерцией творческого воображения, вносит в плакат ненужные, а часто и чуждые теме подробности, и тем самым портит плакат, снижает его ясность и четкость.

Работая в лабораторном, этюдном плане, художник не связан крепко темой. Он берет тему постольку, поскольку она дает ему возможность проявить свое художественное мастерство. Если в ходе работы окажется нужным повернуть тему несколько иначе, то это не представит для него никаких затруднений.

В работе над плакатом такой неожиданный поворот темы, разумеется, невозможен. Для художника-плакатиста тема — не очередной повод показать свое художественное умение, а ответственная политическая задача, которую он должен творчески решить.

Один мальчик, получив в подарок акварельные краски, тут же попытался написать ими портрет отца. Проработав некоторое время, он вздохнул и сказал: «Папа, у меня ничего не выходит. Я лучше из этого делаю апельсин».

Мальчик был по-своему прав. В конце концов, не все ли равно, на чем испробовать акварельные краски?

Иногда художники жалуются, что тема давит их; не дает им возможности полностью развернуть свою творческую индивидуальность. Но жалуются обычно творчески наиболее слабые художники, те, которым не хватает мастерства решить тематическую задачу, и которые уходят от нее в свои испытанные индивидуальные навыки.

Плакат должен быть немедленно, непосредственно понят. Лабораторная картина, этюд могут не быть сразу общедоступны, общепонятны. Непонятый художник имеет все основания надеяться, что если он не понят современниками, то потомки его поймут. Художник-плакатист такого утешения лишен: его плакат должен быть понят не потомками, а непременно современниками.

Исключает ли работа над плакатом эксперимент, новаторство, поиски новых форм выразительности? Отнюдь нет. Более того: новаторство в плакатном жанре насущная необходимость. Привычные плакатные решения темы быстро теряют свою выразительность. Надо их постоянно обновлять, чтобы воздействующая сила плаката не слабела.

Сложность плакатного искусства именно в том и заключается, что художнику приходится оперировать все теми же привычными, общедоступными

зрительными образами (героическими или сатирическими), и в то же время он должен находить все новые и новые вариации этих образов. В этом — изобретательность плакатиста.

4

От зарождения темы до выхода плаката в свет проходит определенный срок. В зависимости от этого срока — большая или меньшая злободневность трактовки темы в плакате. Чем короче срок, тем злободневней может быть плакат, тем конкретней могут быть детали события, вызвавшего появление плаката.

Солидные, так называемые художественные плакаты, проходящие долгий производственный процесс, естественно не могут быть злободневными. Они дают обобщенные образы. Таковы плакаты издательства «Искусство».

С другой стороны, плакат никогда не может быть настолько злободневным, чтобы угнаться за газетной карикатурой.

«Окна ТАСС» по оперативности занимают среднее место между карикатурой и обобщенным плакатом.

Так же, как и для газетной карикатуры, отправной точкой для плаката «Окон ТАСС» является «злоба» дня. Но газета может откликнуться на событие шаржем, шуткой, каламбуром, учитывая, что читатель в курсе события и что карикатура является как бы дополнительной иллюстрацией к газетному тексту.

Плакат «Окон ТАСС» выходит в свет, когда событие, послужившее ему темой, уже отодвинется, и зрителю надо дать не только иллюстрацию, но и напомнить о самом событии. Обычный способ напоминания — это эпиграф, в котором вкратце излагается событие. Но этого мало. Вся трактовка плаката должна быть особой. Плакат не может ограничиваться злободневной шуткой, шаржем, каламбуром. Он должен не только высмеять, но и вскрыть внутренний смысл события. Отсюда необходимость отойти от слишком частных, злободневных деталей и приблизиться к типу обобщенного плаката.

Найти в злободневности обобщающие образы — в этом творческая задача художника «Окон ТАСС».

5

Значение текста в плакатах типа «Окон ТАСС» огромно. Неверно утверждение, будто текст в плакате — «неизбежное зло», будто плакат должен быть изобразительно так решен, чтобы никакого текста не требовалось. Такая точка зрения обедняет возможности плакатного жанра. Она ограничивает их формами обобщенного плаката, то есть такого, в котором даны монументальный образ или сатирическая маска, не приуроченные ни к какому конкретному событию дня.

Актуальный, оперативный плакат без текста не мыслим. Вопрос только в том, какую выбрать текстовую форму. Один плакат требует короткой стихотворной подписи, другой — лозунга, третий — цитаты и т. д.

Неверно также, что текст непременно должен быть коротким. Вполне возможен тип плаката, в котором текст занимает большое место, а изображение является к нему иллюстрацией.

Есть плакаты, рассчитанные на мгновенное восприятие. И есть такие, в которые надо всматриваться и вчитываться. Оба типа одинаково законны.

Теоретически каждый поэт может подписать плакат. Но практически далеко не каждому это удастся. Требуется особое творческое усилие, чтобы найти и поэтически оформить самые нужные, самые ударные слова, выражающие тему плаката.

Маяковский в предисловии к своим ростинским стихам писал: «Для меня эта книга большого словесного значения, — работа, очищающая наш язык от поэтической шелухи на темах, не допускающих многословия».

В этом — задача. Дело не во внешней краткости, многословным можно быть и в двух строках, а в том, чтобы сказать только самое необходимое, и сказать это максимально выразительно.

Поэты, так же как и художники, иногда увлеченные инерцией своей поэтической фантазии, отходят от темы, и, как у того мальчика, вместо портрета у них получается некий «поэтический апельсин».

Точность поэтического мышления, — вот что требуется для успешной работы над текстами плакатов. В первые годы войны тексты для «Окон ТАСС» писались коллективно «литбригадой», в состав которой одновременно входили Адуев, Демьян Бедный, Брик, Кирсанов, Маршак, Раскин, Рохович, Слободской. Литбригадой подписано около 100 плакатов.

В дальнейшем литбригада распалась и круг авторов значительно расширился. Плакаты подписывали Асеев, Михалков, Щипачев, Эренбург, Колычев, Жаров, Голодный, Уткин, Спасский, Машистов и многие другие.

Но основную работу над текстами «Окон ТАСС» вели и продолжают вести В. Лебедев-Кумач, Демьян Бедный, С. Маршак и А. Жаров.

Качество текстов «Окон ТАСС» далеко не равноценно. Наиболее удачны те, в которых поэту удалось преодолеть «книжность» поэтической речи и найти живую, «разговорную» интонацию.

Вот, например, текст Лебедева-Кумача к разгрому немцев под Сталинградом:

Немец к Волге шел напитокся.
По зубам огрели фрица.
Наутек пришлось пуститься.
Ноет бок, болит спина.
Видно, волжская водица
для фашиста не годится.
Холодна она для фрица,
солона!

или текст Демьяна Бедного о Лавале:

Лаваль, — кто он? его багаж?
 — Торгаш.
 Чем он торгует, чорт возьми?
 — Людьюми.
 Своею, стало быть, родной...
 — Страной?
 Французов продает, как скот?
 — Вот, вот!
 Он немцам выполнит наряд?
 — Наверяд.
 Кто портит гаду оборот?
 — Народ.
 Французы все на стороже?
 — Уже.
 Так он сидит как на ноже?
 — Уже!
 К зиме продержится Лаваль?
 — Едва ль.
 Не избежит злодей суда?
 — О да!
 Получит значит эта тварь...
 — Фонарь!

Иногда тема плаката бывает настолько «непоэтична», что требуется большая виртуозность, чтобы найти для нее соответствующее стихотворное выражение. В этих случаях незаменим С. Я. Маршак. Примером может послужить его подпись под плакатом на тему «Собирайте лом».

Говорят, приносит счастье
 лошадиная подкова.
 Это мнение отчасти
 справедливо и толково.
 Гвоздь, подкова, сковородка,
 старый кран водопроводный —
 очень ценная находка
 в эти дни войны народной.
 Колесо велосипеда,
 старый рельс на полустанке
 пригодятся для победы,
 переплавленные в танки!

6

Редакция «Окон ТАСС» возникла в Москве, но почин московских художников и поэтов нашел немедленный отклик во всей стране. Во всех крупных городах возникли творческие коллективы по созданию военно-оборонного плаката.

Московская редакция не прекращала свою работу ни на один день. В самое тяжелое время, когда враг стоял у ворот советской столицы,

на улицах Москвы регулярно появлялись «Окна ТАСС», вдохновлявшие бойцов на борьбу.

Плакаты «Окон ТАСС», — а их вышло уже свыше тысячи номеров — это летопись Отечественной войны в художественных образах. В них нашел отражение каждый этап героической борьбы русского народа со своим злейшим врагом.

На первом этапе войны, когда фашистские орды вторглись в страну, тематика «Окон ТАСС» была в основном сосредоточена на трех боевых задачах: разоблачить разбойничью природу гитлеризма, вдохновить народ на борьбу с врагом, прославить героев-бойцов, беззаветно сражающихся на фронтах.

Гитлеровцы пытались затуманить сознание людей лживыми фразами о «новом порядке в Европе», «о превосходстве арийской расы», «о непобедимости фашизма». «Окна ТАСС» в ярких образах вскрывали фашистскую ложь, показывали народу истинное лицо фашизма: лицо разбойника и насильника, палача и разрушителя культурных ценностей.

«Окна ТАСС» отразили героизм труда в своих плакатах, разнесли по всему миру весть о трудовых достижениях советских людей. Однако главной темой «Окон ТАСС» всегда был и остался фронт, — легендарные подвиги бойцов Красной Армии.

Сотни плакатов посвящены героическим защитникам Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Одессы, Севастополя, Кавказа. В сотнях плакатах отмечен каждый шаг победоносной Красной Армии.

Особое место среди плакатов «Окон ТАСС» занимают плакаты, вдохновленные приказами и выступлениями Верховного Главнокомандующего товарища Сталина. В этих плакатах зафиксированы в художественных образах исторические вехи великой борьбы советского народа за свою свободу и независимость.

В первые же дни войны вышел плакат под названием «Чего Гитлер хочет и что он получит». На плакате были изображены «мечты» Гитлера и его грядущий бесславный конец. Под плакатом была подпись:

Хочет хлеб у крестьян отнять.
Хочет заводы буржюам отдать.
Хочет землю усеять гробами.
Хочет свободных сделать рабами.
Получит втрое за каждый удар.
Десятки пожаров за каждый пожар.
Получит штык, огонь и свинец.
Получит фашизма бесславный конец.

Пафос этого плаката сегодня особенно звучен.

Но война не кончена. Враг должен получить возмездие за все свои преступления. Он должен быть добит в своей берлоге.

«Добить зверя!» — такова основная тема плакатов «Окон ТАСС» сегодняшнего этапа войны.

Наряду с ней возникает другая: помочь народу восстановить все, что разрушено бандитским нашествием, возродить из пепла города и села, фабрики и заводы.

Творческий коллектив «Окон ТАСС» продолжает свою работу с неослабевающей энергией. Война проходит этап за этапом, меняются боевые задачи, возникают новые творческие темы, но неизменна преданность советских работников искусства своему народу и готовность идти с ним в ногу, в войне и мире.

Е. Г. Соколова. Двадцать лет рядом

Познакомилась я с Осипом Максимовичем Бриком в марте 1925 года. С этого времени началась наша с ним дружба, перешедшая в начале 1927 года в более тесные отношения, длившиеся до самой его смерти, то есть восемнадцать лет.

Я работала в детской библиотеке, О. М. интересовался моей работой и людьми, окружавшими меня. Ребята из библиотечного актива встречались с ним, и всегда он находил темы для разговора с ними.

В это время Осип Максимович занимался Тургеневым, много рассказывал мне о том времени и уговаривал меня работать с ним в качестве секретаря.

Встречались мы часто. В свободное время я ходила с ним в букинистические магазины. Там мы подолгу рылись в книгах. Покупал он так называемую «литературу факта», мемуары, переписку, сборники статей. Позже, когда начал работать над либретто опер «Камаринский мужик» и «Именины», собрал обширную коллекцию оперных либретто.

Летом 1928 года мы впервые поехали вместе отдыхать. Жили в Детском Селе в частном пансионе доктора Карпова.

Особенностью характера О. М. была общительность. Его интересовали все — будь то люди искусства или люди совсем простые. Он вникал в дела и интересы тех, с кем общался. Это подкупало людей. Все его очень любили, и до сих пор многие вспоминают о нем с необыкновенной теплотой.

В 1929 году я поехала на время отпуска со своими приятельницами в Крым. О. М. приехал ко мне на несколько дней. В то же время и В. В. Маяковский был в Крыму. Я слушала его выступления в Симеизе. Мы столкнулись с В. В. Маяковским на вокзале в Севастополе, он задержался в Крыму, чтобы повидаться с Бриком.

В 1931 году в начале августа мы поехали в Киргизию на озеро Иссык-Куль. Жили в конесовхозе Чолпан-Ата. Там О. М. подолгу разговаривал с киргизами о их житье-бытье, а ребятишки следовали за нами, куда бы мы ни шли. Старались нам показать все самое интересное.

С осени 1931 года я ушла из библиотеки и стала работать с О. М. в качестве его секретаря. В это время О. М. и Лиля Юрьевна жили в Спасопесковском переулке, а я жила на Арбате, в пяти минутах ходьбы от них.

Каждое утро я приходила к 11 часам, Осип Максимович диктовал мне на машинку статьи, сценарии. Во время диктовки ходил по комнате, тщательно подбирая слова. Иногда говорил: «Подожди, здесь нужно еще одно определение». Потом проверял напечатанное, переделывал фразы.

Если не было каких-нибудь срочных дел, я занималась приведением в порядок библиотеки. К концу жизни О. М. в его библиотеке насчитывалось около четырех тысяч томов.

Много работал Брик для кино. «Потомок Чингис-хана» с В. Пудовкиным и «Кем быть?» по стихам Маяковского с В. Жемчужным. Для Л. Кулешова написал сценарий «Дохунда» по роману таджикского писателя С. Айни. Вместе с киногруппой ездил в Таджикистан.

Над сценариями много работал с Олегом Леонидовичем Леонидовым. В большом количестве они перерабатывали чужие сценарии по просьбе сценарной студии. Леонидов приходил к О. М., и Брик придумывал ситуации, все перекраивал, а Олег Леонидович записывал. На другой день приносил уже напечатанное и т. д. Эта работа не увлекала О. М.

Очень много он помогал молодым сценаристам. Они приходили к нему за советом. Случалось, он заново писал сценарии и никогда не ставил имени на таких работах и не брал никаких денег.

В 1931 году из Ленинградского Малого оперного театра приехали директор и зам. директора — гг. Шапиро и Гисин. Они предложили Брику написать либретто новой оперы.

Тема либретто историческая — восстание Ивана Болотникова. Работа была большая. Мы просиживали в читальном зале библиотеки Исторического музея. Я делала выписки, составляла библиографию. Не могу сейчас понять, как мог О. М. написать либретто «Камаринского мужика» за такой короткий срок. 21 мая 1932 года работа над либретто со стихотворным текстом была закончена, и композитор Валерий Желобинский начал писать музыку. Желобинскому было 20 лет, когда он написал свою первую оперу... В октябре 1933 года состоялась премьера. Период работы над постановкой вспоминается как один из интереснейших периодов.

Дирижер Самосуд, художник Левин, режиссер Тверской — все они с большой любовью создавали этот спектакль. На премьере был С. М. Киров. Опера имела большой успех.

И вслед за этой работой началась работа над второй оперой В. Желобинского «Именины». Либретто опять написал Осип Максимович. Сюжет был заимствован из повести Н. Ф. Павлова «Именины», изданной 100 лет назад. Обе оперы Малый оперный театр привозил в Москву и показывал на сцене Большого театра.

Перед войной Самосуд, работавший в это время уже в Большом театре, заказал Осипу Максимовичу либретто оперы «Иван Грозный». Работа была закончена и прочитана. Самосуд либретто одобрил, но война не дала продолжить начатое. Либретто было издано отдельной книжкой в 1942 году в Молотове. Название — «Иван Грозный. Историческая трагедия». Во время

работы над «Иваном Грозным» Осип Максимович как-то сказал: «Как интересна история. Уж не переквалифицироваться ли мне на историка?»

Это, конечно, было сказано в шутку, но за этой шуткой скрывался большой интерес к истории.

Характер у О. М. был особенный. Он был предельно сдержан.

За все двадцать лет я только один раз была свидетельницей его резкой вспышки... Мы приехали в Сочи за пять дней до начала войны. Возвращаясь после ванн из Мацесты, мы услышали о нападении Германии на Советский Союз... Подавленные и молчаливые все прошли в столовую и заняли свои места. К нам подошла официантка и спросила, подать ли нам суп или борщ. О. М. почти крикнул: «Мы ничего не будем есть!» Всего один раз, потому и запомнилось на всю жизнь.

Обычно приветливый со всеми, он был внимателен и добр. Любил делать неожиданно приятное людям. Если я его ждала вечером, он еще два раза заходил днем. Часто говорил: «Пойдем покупать подарки» — «Кому?» — «Кому-нибудь».

Как-то он сказал мне: «Знаешь, вот уже почти пятнадцать лет, как умер Володя, а я все скучаю без него. Мне так хочется поговорить с ним...»

Скоро тридцать лет, как умер Осип Максимович, а я все скучаю без него. Мне хочется поговорить с ним...

В. А. Катанян. БРИК

БРИК, Осип Максимович [4(16).I.1888, Москва, — 22.II.1945, там же] — рус. сов. писатель, теоретик лит-ры, драматург. Окончил Моск. ун-т. Начал печататься в 1915. Знакомство и дружба с В. В. Маяковским во многом определили направление его литературной деятельности. Б. был одним из организаторов литературной группы *ОПОЯЗ*, издателем «Сборников по теории поэтического языка» (1916–17). В 1917 появилась значит. исследоват. работа Б. в области рус. классич. стиха «Звуковые повторы». При анализе звуковой структуры поэтич. речи А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова Б. обнаружил явление, описанное и названное им звуковым повтором (созвучность ненажимных согласных). К этой работе примыкает исследование «Ритм и синтаксис» (1927).

В тесном сотрудничестве с В. В. Маяковским Б. редактировал газету «Искусство коммуны» (1918), журн. «Леф» (1923–25), «Новый Леф» (1927–28). Активно пропагандировал в своих выступлениях лефовские теории и лозунги «литературы факта», «социального заказа», вкладывая в них положительное требование связи иск-ва с действительностью. Маяковский в соавторстве с Б. написал пьесу «Радио-октябрь», мелодиму «Москва горит» (1930). Б. — также автор киносценариев (в т. ч. «Потомок Чингис-хана», реж. В. Пудовкин, 1928), оперных либретто — «Камаринский мужик» (муз. В. Желобинского, 1933), «Именины» (муз. Желобинского, 1935), «Иван Грозный» (1941).

Соч.: Звуковые повторы, в сб. «Поэтика», П., 1919; Услужливый эстет, «Леф», 1923, № 2; За политику, «Новый Леф», 1927, № 1; Ближе к факту, там же, 1927, № 2; Ритм и синтаксис, там же, 1924, № 3—4, 6; Лит. комментарий к 1 т., в кн. Маяковский В., Собр. Соч., т. 1, М. — Л., 1928; Не теория, а лозунг, «Печать и революция», 1929, № 1; Ленин в стихах Маяковского, «Лит. критик», 1934, № 4; «Камаринский мужик», в кн. «Альманах с Маяковским», М., 1934; Блок и Маяковский, «Лит. Ленинград», 1936, № 1; Маяковский — редактор и организатор, «Лит. критик», 1936, № 4; ИМО — искусство молодых, в сб. «Маяковскому», Л., 1940; Иван Грозный. Историческая трагедия, Молотов, 1942.

В. А. Катанян

В. А. Катанян. О сочинении мемуаров

Заметки на полях. Отрывок из статьи

Мемуары, как известно, пишутся, а не сочиняются. Но именно о сочинении мемуаров мы собираемся говорить.

Было время, когда мемуары казались неуместными на гладко подметенных проспектах истории литературы. Любая сложность настораживала, слово «противоречия» звучало почти синонимом пороков, и с этой точки зрения мемуары создавали лишь дополнительные затруднения, путали аккуратно расчерченные схемы.

Мы далеко ушли от тех времен. Шире стали наши представления об истории литературы. Мало-помалу мы освобождаемся от предвзятых оценок, от «хрестоматийного глянца», приукрашивания и подгонки фактов под готовые стандарты. Идет большая коллективная работа по изучению богатого наследия советской литературы.

Когда-то Маяковского возмутила кинокартина «Поэт и царь» (о Пушкине), авторы которой стремились потрафить «самому пошлому представлению о поэте, которое может быть у самых пошлых людей». Маяковский говорил о высушенной схеме, которая заменила в картине «образ наиболее замечательнейшего за все время существования России поэта и поэта с замечательной биографией, то есть человека очень сложного». А иначе, как с людьми сложными и очень сложными, история литературы, в сущности, и не имеет дела. Впрочем, это, конечно, не новость для вдумчивого исследователя.

Интерес к мемуарной литературе, растущий в последнее время, явление во всех смыслах положительное. Все чаще и чаще на страницах журналов появляются воспоминания о самых разных писателях и поэтах — от Льва Толстого и Чехова до Гайдара и Заболоцкого.

Литературные достоинства их различны. Но дело не в литературных достоинствах. Вероятно, было бы правильно, чтобы весь этот поток мемуарной литературы получал, кроме общественно-литературной, и специальную оценку литературоведов-исследователей — с точки зрения их исторической

достоверности. Далеко не всегда редакции журналов, печатающих такие воспоминания, имеют возможность разобраться во всех крупных и мелких событиях, которых касается автор, сопоставить их с тем, что было известно раньше. Иной раз только специалист, исследователь определенного периода истории литературы или отдельного автора может отличить невольные ошибки памяти, возможные неточности от недопустимого сочинительства.

На протяжении многих лет работы над историей жизни и творчества Маяковского мне довелось прочесть, вероятно, все, что было напечатано из мемуарной литературы о нем, а также множество рукописей, писем и т. д.

Приходилось читать воспоминания, где авторы, убавляя и прибавляя, подходили к истории как к черновику, который нужно еще править и править.

Приходилось читать воспоминания, где авторская память начисто вытеснялась воображением, иногда самым буйным, порою точно рассчитанным.

Я наблюдал удивительное явление, как память людей с годами не слабела, а, наоборот, крепчала, и воспоминания походили на некое древо, дающее время от времени — чаще к юбилеям и праздникам — новые и новые побеги.

Я читал воспоминания, авторы которых смело брались разговаривать за того, о ком писали, забывая, что поэту не пристало «пользоваться чужими словесами».

Я читал воспоминания, где нынешние приобретения литературной науки запросто «опрокидывались» в далекое прошлое и крепкий задним умом автор выходил правым в споре. Воспоминания, к которым меньше всего подходят строки из пушкинского «Воспоминания»:

...И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Нет, как раз, чтобы «смыть» какие-то «печальные строки», и писались такие воспоминания...

А. В. Валюженич. Вблизи от государственной тайны

*Моим институтским друзьям по совместной
учебе в МИФИ в середине 1950-х гг.*

Что-то физики в почете.
Что-то лирики в загоне.

Борис Слуцкий, 1959 г.

Продолжим наш рассказ о Татьяне Ивановне Лешенко (в период, о котором пойдет речь, она еще не замужем) — мы расстались с ней в конце той части нашей книги, где говорится о последних годах жизни Осипа Брика.

Татьяна Ивановна оставила дневник-воспоминание — постараемся как можно внимательней его прочитать, чтобы отыскать интересующие нас сведения и расшифровать их, а это порой не так просто.

Днем я была у Лили Брик. На ней было все синее, на маленьких ножках изумительные туфельки из Парижа; умная она, и то, что она не врет себе! — я ценю и люблю. Мы поехали с ней на Новодевичье кладбище к Осипу Максимовичу. День золотой, с ветерком, там тенисто и зелено, и трогательные анютины глазки на могилах. И еще цветы и цветы. Могилы на каждом шагу, тесно. В длинной стене с урнами стоит и урна «О. М. Брик». Я вспомнила его с сожалением, что знала его мало и издала. Мы побыли недолго. Лиля вытерла листья примулы, стенку. (Запись 10 мая 1946 г., с. 268)¹

...Мне припоминаются отрывочные фразы Лили однажды, когда мы с ней, году в 1946-м, поехали на могилу Осипа Максимовича и возвращались пешком из Новодевичьего... Но Бог с ней! Я догадываюсь теперь о многом (про многих), но никогда никому не говорю.

Жизнь Лили была трагичной, несмотря на весь внешний блеск. Она была счастлива, пожалуй, лишь в ранней молодости, когда я ее не знала. Если вынуть Лилу из ореола, который ее окружает (и есть люди, вокруг которых самопроизвольно создается, рождается ОРЕОЛ), то останется сухая и даже жестокая, умная, крайне «материально настроенная» женщина, делающая добро (Лили многим помогала и помогает) не от сердца, не от жалости или сочувствия, а от разума (что тоже хорошо!). Но ореол вокруг нее родился не только от любви к ней Маяковского. Ее обаяние и талантливость, умение выбирать людей, вкус к ним, жадный интерес к жизни и, конечно, горячая любовь к Осипу Максимовичу, к Маяковскому, к Примакову, хотя бы вот теперь к Майе Плисецкой и Родику Щедрину — нет, нет, Лили умеет любить, — все это создает ореол вокруг нее. Она бывает пленительной.

В своих воспоминаниях «Так и было» О. Литовский² пишет, что Осип Максимович Брик в начале революции имел какое-то отношение к Чека. Книгу эту мне подарила Ася — сестра моего Василия Васильевича³, в 1958 году. Я с изумлением, с ужасом прочитала об Осипе Максимовиче... Никогда в жизни мне в голову это не приходило. Но теперь многое стало для меня «на место». Как мне повезло, что все эти умные люди считали меня глуповатой! (Запись 20.11.1961, с. 408—409)

В сентябре 1947 года Татьяна Ивановна Лещенко была арестована, а через одиннадцать месяцев содержания в Лубянской и Лефортовской тюрьмах 28 августа 1948 года осуждена по 58-й статье, приговорена к отбыванию срока 8 лет в исправительно-трудовых лагерях и отправлена в Воркутинский лагерь...

За что? Как за что? — за шпионаж!

Выйдя в Москве замуж за американца в 1923 году, она двенадцать лет находилась за границей, прижила там двух детей, да и, вернувшись на родину, много общалась с иностранцами, особенно с американцами,

Т. И. Лешенко-Сухомлина в 1954 г.

о чем подробно пишет в дневнике. Среди ее знакомых были и супруги Адамс — Артур и Доротея.

Артур Александрович Адамс родился 25 октября 1885 года в городе Эскильстун (Швеция). Отец по национальности швед, мать — русская с еврейскими корнями. После смерти мужа в 1890 году мать вернулась в Россию с детьми, но в 1895 году скончалась и она. В 1896 году Артур Адамс принят в военно-морское учебное заведение. В 1903 году окончил школу минных специалистов в Кронштадте. Был направлен инженером на судостроительные предприятия Николаева и Херсона.

Там под влиянием революционной пропаганды в 1904 году принял активное участие в событиях революции 1905—1907 годов на юге России. В 1905 году был арестован и приговорен судом к ссылке, направлен отбывать наказание в город Олонец (Карелия), откуда в 1906 году бежал и через Финляндию нелегально эмигрировал в Европу. Проживал в разных странах, в том числе в Германии, Италии, Египте, Аргентине, сменил множество занятий, участвовал в социалистическом и студенческом движении.

С 1913 года жил в США, окончил университет в Торонто (Канада). Работал у Форда в разных технических фирмах. В 1916 году был призван в армию США, служил в технической службе. Окончил курсы офицеров национального резерва и получил чин майора американской армии.

В 1917 году, как выходец из России, включен в состав представительства США в России. В 1918 году американцы отказались признавать советское правительство и вывели свое посольство. Адамс также выехал из России.

Артур Адамс и его жена Доротея Кин

Однако, когда в 1919 году в США появилась так называемая «миссия Мартенса», по сути неофициальное торговое представительство советской России в США⁴, Адамс был включен в ее состав.

Деятельность на благо советской России в один из переломных моментов в истории страны сделала свое дело: Адамс вновь превратился в большевика. В 1920 году он уходит с американской службы и в ноябре того же года возвращается в Россию. В условиях острейшего кадрового дефицита (впрочем, созданного самими большевиками) инженер с высшим образованием и опытом технической работы за рубежом сразу назначается на крупные хозяйственные посты.

В это же время в Россию небольшими группами стали прибывать наши соотечественники, до революции эмигрировавшие в Америку. Многие из них стали коммунистами и возвращались, желая помочь в деле созидания нового общества. Так называемые «русские американцы» брались организовать в производстве, в том числе автомобильном, «образцовые предприятия». 123 человека из числа работавших на американских автомобильных заводах, возглавляемые А. А. Адамсом и А. Ф. Gladуном⁵, обратились к В. И. Ленину с просьбой предоставить им в непосредственное управление Московский автомобильный завод, АМО (на базе которого впоследствии будет создан знаменитый ЗИЛ — Московский автомобильный завод имени Лихачева), для организации производства новых автомобилей. Они пообещали в кратчайшие сроки навести порядок на заводе и максимально использовать свою квалификацию и опыт.

Ленин поддержал идею, а 25 февраля 1921 года Совет труда и обороны принял соответствующее постановление, и уже в мае 1921 года А. А. Адамс становится управляющим завода АМО.

К этому времени Артур Адамс познакомился с американкой Доротеей Кин, которая работала в московской конторе «Нью-Йорк таймс», — вскоре она переехала к нему в общежитие завода АМО.

Резмигранты горячо взялись за дело, но их ожидало разочарование: все обстояло хуже, чем они думали. И на самом заводе, и в бюрократических структурах завода-технического отдела центральной автосекции ВСНХ («Завтоцас») предложения «американцев» не были встречены с восторгом. Наоборот, им всячески противодействовали, а рабочие и служащие АМО не желали новых порядков в укреплении трудовой и производственной дисциплины. Говорят, руководителем Адамс был жестким, не любил демагогов, не скупился на выговоры и денежные штрафы.

Возникавшие в связи с этим постоянные конфликты администрации с профсоюзной и партийной организациями привели к тому, что А. А. Адамс запросился в отставку и 31 июля 1923 года сдал завод рабочему-выдвиженцу Г. Н. Королеву.

После ухода с завода (уходили и другие «американцы») Артур Адамс работал руководителем планово-технического отдела центрального управления госавтотрестами (ЦУГАЗ), в 1924 году перешел на работу в ВСНХ.

С 1925 года Артур Адамс — заместитель начальника Главного Управления авиационной промышленности СССР, на этом посту проработал десять лет. Он отвечал за снабжение авиационной промышленности импортным оборудованием и материалами и по роду своей деятельности часто выезжал за границу. Иногда в эти зарубежные поездки Адамс брал с собой Доротеею Кин. В 1930 году в Берлине они зарегистрировали свой брак.

В частых многомесячных командировках инженер с прекрасным образованием умело заводил нужные знакомства и связи. Он много колесил по Европе и Америке, часто посещал одни и те же страны и предприятия. В этих условиях Адамсу удалось получить большое количество ценной технической информации и образцов материалов. Тогда СССР интересовало буквально все — машины, станки, оборудование, материалы, технологии, готовая продукция гражданского и военного назначения. С поставленными задачами Адамс справлялся успешно, и на родине было решено привлечь его к разведывательной работе на постоянной основе...

Собственно, еще в 1924 году начальник Разведывательного управления Красной Армии Ян Берзин⁶ обращался к Адамсу с просьбой составить перечень технических новинок по материалам иностранных журналов. Тот подготовил очень интересный документ, причем быстро, четко, качественно.

И вот через десять лет, подбирая кандидатов в военно-техническую разведку, Ян Берзин вспомнил об Артуре Адамсе. Правда, тот уже занимал высокую должность в Главном управлении авиационной промышленности (аналогичную современной должности замминистра), и, для того чтобы заполучить такого человека в разведку, требовалось особое распоряжение

Управления кадров ЦК ВКП(б). 25 октября 1934 года заместитель Берзина А. Х. Артузов⁷ отправляет докладную записку: «*Просим откомандировать...*». Кадры ЦК не возражали.

Так, в 1935 году Артур Адамс стал военным разведчиком. Он был зачислен на службу в Главное разведывательное управление Генерального Штаба РККА. «Молодому сотруднику» в тот год исполнилось пятьдесят! В разведку Адамс пришел опытным руководителем и организатором, а стать ему предстояло рядовым, но толковым исполнителем.

Девять месяцев готовился он к своей секретной миссии, обучаясь премудростям у Артузова и Мурзина⁸. И в декабре 1935 года убыл в спецкомандировку — нелегальным резидентом в США с конспиративным именем Ахилл.

Адамс очень рисковал. Ведь он и раньше бывал в Америке как советский гражданин. Его знали некоторые бизнесмены. Надо было избегать возможных встреч с теми, кто мог его опознать. С трудом он получил разрешение на постоянное проживание в Штатах. Пригодились годы учебы в Торонтском университете. На обустройство и решение всех этих проблем ушло полтора года.

В 1937-м от привлеченных им «добровольных помощников» он уже стал получать ценные материалы: описание технологических процессов в радиотехнической промышленности США, рецептуры боевых отравляющих веществ, которые разрабатывались в химических лабораториях...

Однако в 1938 году Адамс был внезапно отозван в Москву. Закрались тяжкие предчувствия, и они оправдались — там по ложному доносу о связях с бывшим членом Компартии Канады Блюгерманом, исключенным из партии за контрреволюционную деятельность, Главным управлением госбезопасности НКВД СССР на Адамса уже было заведено дело. Биография его позволяла сфабриковать целый спектр обвинений: от «сотрудничества с царской охранкой в годы первой русской революции» до шпионажа в пользу разведок всех посещенных им когда-либо стран мира, а таких стран был не один десяток. Спас случай — самого доносчика арестовали раньше Адамса, а руководство ГРУ заступилось за ценного агента.

В 1939 году Адамсу пришлось ехать обратно в США, где созданная им разведывательная сеть к тому времени была полностью потеряна из-за бездарной работы нового резидента.

Поездом Адамс добрался до Стокгольма, затем через Брюссель в Париж. Через месяц, сменив документы, прибыл в Нью-Йорк и поселился в гостинице в центральной части города.

Став президентом в Технологической лаборатории, располагавшейся в одном из зданий на Бродвее, он заимел широкий круг знакомых. Несколько американцев (их имена еще нельзя назвать) делились с Адамсом научно-технической информацией военного характера. Когда фашистская Германия напала на Советский Союз, число добровольных помощников

увеличилось. Ученые, инженеры, врачи-бактериологи, юристы, владельцы корпораций и руководители важных технических и медицинских лабораторий помогали ему добывать необходимые сведения, которые затем непрерывным потоком отправлялись в Москву.

Во время нелегальной командировки Артура Адамса его жена, Доротея Кин, жила в Москве. В 1941 году Разведуправление эвакуировало Кин в Киргизию, во Фрунзе, с 1943-го она снова в Москве. Сослуживцы мужа заботились о ней, обеспечивая ежемесячно суммой в 1 000 рублей (большие по тем временам деньги), улучшенным продпайком, а зимой еще и дровами — их даже пилили точно по размеру печки.

Самая большая удача выпала Артуру Адамсу в начале 1944 года, когда он стал одним из тех первых советских разведчиков, кто получил сведения об американском атомном проекте и приступил к его разведывательной разработке. Причем первые сведения он получил самостоятельно.

21 января 1944 года Адамс-Ахилл встретился со своим агентом Эскулапом, от которого получал материалы о разработках новых типов боевых отравляющих веществ, отчеты об их влиянии на человеческий организм, а также образцы разрабатываемых средств индивидуальной защиты (эти сведения высоко оценили в Главном санитарном управлении Красной Армии). При встрече Эскулап сообщил Ахиллу, что его друг работает в лаборатории, где решаются вопросы, связанные с созданием атомной бомбы.

Переговорив с главным резидентом советской военной разведки в Нью-Йорке Мольером, Ахилл отправил в Центр радиограмму о том, что в США ведутся интенсивные работы по созданию атомной бомбы. Кроме того, он сообщил, что группа ученых из закрытого научно-исследовательского центра занята получением нового взрывчатого вещества. Одной из секций руководил знакомый Эскулапа, Мартин Кемп (фамилия изменена, информация о личности Кемпа не раскрыта до наших дней; американцы долго пытались, но так и не смогли установить ее), который мог бы передать основные материалы исследований представителю страны, воюющей против Германии.

Ахилл планировал встретиться с ученым в конце января. И эта встреча вскоре состоялась в одном из маленьких городков на побережье Атлантического океана. Она длилась около сорока минут. Ахилл убедил Кемпа передать ему материалы исследований. Следующую встречу назначили на 23 февраля. Тогда же Ахилл получил от Кента портфель с секретными документами — около 1 000 листов; а кроме того, в портфеле лежали образцы чистого урана и бериллия. Рано утром, едва над Атлантикой забрезжил рассвет, Ахилл возвратил ученому документы и договорился об очередной встрече через месяц.

Кемп не был агентом Ахилла в полном смысле. Он добровольно пошел на очень опасный шаг, поэтому разведчик предложил ему значительную

сумму за переданную информацию. Американский ученый категорически отказался от вознаграждения.

В военной разведке не было принято — и едва ли возможно сейчас — разведчику вступать в личную переписку с начальником ГРУ. Ахилл нарушил привычную схему работы и позволил себе дважды написать из Нью-Йорка главному директору. Одно из писем он отправил вместе с секретными материалами, полученными от Кемпа:

Дорогой директор!

Обычно я ограничиваюсь передачей материалов без сопроводительного письма. На сей раз посылаемые материалы настолько важны, что потребуют как с моей стороны, так и с Вашей, особенно с Вашей, специального внимания и срочных действий вне зависимости от степени нагрузки, которая, я не сомневаюсь, у Вас в настоящее время огромна.

Не знаю, в какой степени Вы осведомлены о том, что здесь, в США, усиленно работают над проблемой использования энергии ураня (не уверен, так ли по-русски называется этот элемент) для военных целей... Эта работа находится в стадии технологического производства нового элемента — плутонима, который должен сыграть огромную роль в настоящей войне.

Для характеристики того, какое внимание уделяется этой проблеме в США, могу указать следующее:

1. Секретный фонд в один миллиард долларов, находящийся в личном распоряжении Президента США, уже почти израсходован на исследовательскую работу и работу по созданию технологии производства названных раньше элементов. Шесть ученых с мировым именем — Ферми⁹, Аллисон¹⁰, Комтон¹¹, Урей¹², Оппенгеймер¹³ и другие (большинство имеют Нобелевские премии) стоят во главе этого атомного проекта.

2. Тысячи инженеров и техников заняты в этой работе. Сотни высококвалифицированных врачей изучают влияние радиоактивного излучения на человеческий организм. В Чикагском и Колумбийском университетах, где ведутся эти исследования, построены и действуют особые лаборатории. Специальная комиссия, состоящая из наивысших военных чинов и ученых, руководит этой работой...

3. Мой источник сообщил, что уже проектируется снаряд, который будет сброшен на землю. Своим излучением и ударной волной этот взрыв уничтожит все живое в районе сотен миль. Он не желал бы, чтобы такой снаряд был сброшен на землю нашей страны. Это проектируется полное уничтожение Японии, но нет гарантии, что наши союзники не попытаются оказать влияние и на нас, когда в их распоряжении будет такое оружие. Никакие противосредства не известны всем исследователям, занятым в этой работе. Нам нужно также иметь такое оружие, и мы теперь имеем возможность получить достаточно данных, чтобы вести самим работы в этом направлении.

Прошу выразить Вашу реакцию на это предложение «провоолокой» (по радиосвязи).

Мне трудно писать. Мое зрение весьма ограничено. Но мое письмо не так важно. Важны материалы...

4. Посылаю образцы ураниума и бериллиума.

Привет. Ахилл

Резолюция начальника ГРУ на письме разведчика: *«Материал срочно обработать и направить тов. Первухину»*. Михаил Первухин¹⁴ в 1944 году был заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР. На перечне материалов по «УР-235», направленных в его адрес, сохранилась запись: *«Все вышеуказанные материалы по отзыву Народного комиссариата химической промышленности СССР представляют ИСКЛЮЧИТЕЛЬНУЮ ЦЕННОСТЬ»*.

Материалы Адамса изучил и оценил научный руководитель советского атомного проекта Игорь Курчатов¹⁵.

В мае 1944 года в Москву ушли 2 500 страниц закрытой информации по атомному проекту и 17 образцов различных материалов. Сохранилась опись этой «посылки»:

- один флакон тяжелой воды ДО 99,92 %;
- один кусок урана в цинковой оболочке;
- два маленьких куска урана;
- один маленький кусок бериллия...

И т. д.

Благодаря тщательной работе с агентурой Адамс достиг выдающегося результата для разведчика — ни один из его агентов не имел провалов. Именно по этой причине их имена засекречены до сих пор. Известно, что некоторые из них непосредственно работали в Лос-Аламосе¹⁶, в этом святой святых атомного проекта, на обеспечение безопасности которого американцы привлекли силы и средства едва ли не большие, чем на работу против Германии в годы Второй мировой войны.

Ценность и оперативность информации Артура Адамса были настолько велики, что приказом начальника ГРУ ему разрешалось вербовать агентов по атомному проекту США самостоятельно, даже не запрашивая разрешение из Москвы (в разведке факт исключительный).

При всех своих непревзойденных успехах тем не менее Адамс имел весьма слабые познания в области ядерной физики и почти во всех донесениях в Центр именовал уран то уранием, то ураниумом.

Американская контрразведка была опасным противником. И агенты ФБР уделяли особое внимание охране объектов, связанных с реализацией атомного проекта. Генерал Лесли Гроувс¹⁷, руководивший работами ученых, конструкторов и инженеров, требовал создания мертвой зоны вокруг всех объектов. И она была создана. Кроме очень узкого круга высоких должностных лиц, никто не знал всех деталей и конечной цели работ.

Все специалисты, работавшие на секретных объектах, подвергались тщательным и многократным проверкам и перепроверкам. Подозревавшихся

в связях с левыми организациями под благовидными предложениями лишали допуска к секретной информации и отстраняли от работы. Поэтому Ахилл был очень осторожен. Провал грозил ему пожизненным тюремным заключением. А для Кемпа в этом случае все могло закончиться казнью на электрическом стуле.

В мае, июне и августе 1944 года Кемп снова передавал Ахиллу секретные материалы. Темпы работы в лаборатории были очень высокими. Американские специалисты уверенно продвигались к намеченной цели — созданию атомной бомбы. Москва регулярно получала информацию о ходе их деятельности...

Но в сентябре Кемп на очередную встречу не пришел. Не пришел он и в октябре. В ноябре Ахилл вынужден обратиться за помощью к Эскулапу. Через несколько дней тот сообщил, что их общий знакомый тяжело болен. Какой-то неизвестный медицине недуг приковал его к постели, и надежды на быстрое выздоровление пока нет.

Кемп, как и другие ученые, еще не знал, что работа с радиоактивными веществами опасна для здоровья. Не знал об этом и военный разведчик Артур Адамс, перевозивший образцы урана в карманах своего пальто...

Всего в 1944 году Ахилл отправил в Москву свыше 5 000 листов секретных документов. А в общей сложности в 1944–1946 годах — свыше 10 000 листов и десятки образцов оружейного урана, плутония, бериллия, различного оборудования из атомного центра США в Лос-Аламосе.

Однако для самого Адамса все едва ли не окончилось плачевно — в 1945 году он попал под подозрение ФБР. Сразу заметив за собой слежку, Адамс некоторое время вел свой обычный образ жизни, прервав все связи с агентурой. Фэбээровцы пытались выявить его контакты, собрать улики, но опытейший шпион не дал им ни одного шанса. И хотя слежка за ним не прекращалась ни на минуту, Адамс вдруг исчез. На его поиски были брошены лучшие агенты, взяты под контроль все пути выезда из страны, но безуспешно.

Понимая, что покинуть США вряд ли удастся, Адамс около года жил в подполье, сменил пять конспиративных квартир и, наконец, в трюме грузового судна был вывезен из США. В Москву он прибыл кружным путем лишь в конце 1946 года.

Артур и Дороти жили врозь в общей сложности около десяти лет. Лишь изредка в эти годы через океан перелетали ее короткие письма: *«Сердце мое, сознаешь ли ты, как много и часто я о тебе думаю и какой невероятно одинокой себя ощущаю... Ты должен говорить себе, что такой день скоро настанет, ты вернешься домой. Будь здоров и осторожен...»*.

В феврале 1946-го, когда ФБР, потеряв след Адамса в Нью-Йорке, установило, что Дороти Кин его жена, сотрудники американского посольства в Москве стали добиваться встречи с ней. И руководство ГРУ распорядилось переселить ее на служебную дачу в Серебряный Бор. Там Дороти и встретилась с мужем.

Справедливости ради заметим, что Артур Адамс был не единственным разведчиком, кто раскрывал американские атомные секреты. Сегодня, кроме него, названы только некоторые из них, в том числе Симон Давидович Кремер¹⁸, Урсула Кучински (Соня)¹⁹, Ян Черняк²⁰, Павел Ангелов²¹, Жорж Коваль (Дельмар)²².

А как же распорядились в СССР при работе над собственным атомным проектом секретными материалами, доставленными советской внешней разведкой?

В целом же абсолютно прав бывший разведчик А. А. Яцков²³, который считает, что атомную бомбу сделала не разведка, а «ученые и специалисты, опирающиеся на научно-технический и экономический потенциал страны». И можно поддержать его призыв отказаться от попыток противопоставления (в последующих воспоминаниях) друг другу ученых и разведчиков, выполнявших одно общее и большое дело.

Их совместные усилия ознаменовались триумфом:

29 августа 1949 года в 7 часов 00 минут по местному времени на Семипалатинском полигоне № 2 (Казахстан) был успешно осуществлен взрыв первого советского атомного устройства (РДС-1) мощностью 20 тыс. тонн ТНТ.

Совместные усилия советских разведчиков, ученых, конструкторов и инженеров лишили американцев монопольного права владения ядерным оружием.

Злейший враг Советского Союза, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, сказал: «*Сталин принял страну с деревянной сохой, а оставил ее с атомной бомбой*». Такое признание врага дорогого стоит.

А что же Татьяна Ивановна Лещенко? Как сложилась ее судьба?

В 1947 году она была приглашена Доротеей на обед, где впервые встретилась с ее мужем Артуром после его долгого отсутствия в Москве. Кстати, Татьяна Ивановна все это время полагала, что мужа Доротей посадили в конце 1930-х, и поэтому его нет в Москве. Говорить с родственниками осужденного об этом было не принято.

Помню, как Артур вернулся, вернее, когда я его увидела впервые после многих лет в 1947 году. Меня пригласила на обед Доротей, он повел меня в свой кабинет и, указав на великолепную золотую саблю, висевшую на стене (а прежде ее на стене не было), сказал: «Вы знаете, чьей была эта сабля?! Я вам покажу». Он снял ее и дал мне в руки. На сабле наверху было написано — уже не помню, в каких выражениях, — что сабля эта дарится в благодарность за подвиги генералу Примакову.

— Вы что-нибудь знаете о нем? — спросил Артур.

— Нет, — отвечала я. Но я знала, что он был расстрелян в 1937 году как изменник, и что он был мужем Лили Юрьевны, которая, по словам Ритки Райт, его безумно любила...

— Вот, — сказал Артур. — Прежде это была его сабля, а вот теперь висит у меня... — Он приветливо улыбался и тянулся ко мне; я поспешила уйти из кабинета, недоумевая, зачем, собственно, он показал мне эту саблю и чего от меня хочет...

Я смутно чувствовала, что ему хочется, чтобы я рассказала об этом Лиле Юрьевне — он знал о нашей с ней дружбе, — и решила, что никогда ни слова ей не скажу, ведь это могло только лишний раз причинить ей боль.

Да, это могло только лишний раз причинить ей боль, тем более что... Но тут мне припоминаются отрывочные фразы Лили однажды, когда мы с ней, году в 1946-м, поехали на могилу Осипа Максимовича и возвращались пешком из Новодевичьего... Но Бог с ней! Я догадываюсь теперь о многом (про многих), но никогда никому не говорю. (Запись 20.11.1961, с. 408—409)

А вечером 30 сентября 1947 года Т. И. Лещенко была арестована органами МВД.

Внутренняя тюрьма, допросы, суд и наказание — 8 лет ИТЛ, отправка в лагерь под Воркутой. Тяжелейшие условия, которые спустя некоторое время скрашены переводом Лещенко в лагерьный театр самодеятельности заключенных... В 1952 году ее перевели на Сивую Маску в совхоз «Горняк» (южнее Воркуты), а осенью 1953-го по состоянию здоровья — в Астрахань.

Татьяна Ивановна освободилась досрочно 2 апреля 1954 года: заработала полтора года «зачетов» от назначенного срока с правом проживания с семьей, у родителей в Орджоникидзе.

Из дневника ее, пожалуй, постепенно проясняется причина ареста. Ведь через Т. И. Лещенко могла просочиться к ее знакомым-иностранцам нежелательная и тщательно охраняемая органами информация о благополучном возвращении в Москву Артура Адамса.

Что ни говори, а люди Лаврентия Берии умело, хотя и жестоко, не в пример американцам, охраняли свои атомные секреты. Был, правда, и другой путь ограждения Артура Адамса от внешнего, главным образом иностранного, мира: например, упрятать в те же лагеря (или даже ликвидировать, «за ненадобностью»?) самих Адамсов, но органы выбрали первый путь.

И только в августе 1956 года Татьяна Ивановна вернулась в Москву.

Когда я вернулась в Москву, первый звонок был от Лили Юрьевны Брик. «Берите такси и приезжайте! Что вы хотите к обеду? Я сказала, что очень хочу черной икры. Когда я приехала, передо мной на столе стояла большая банка черной икры... Потом Лиля повела меня в спальню, открыла шкаф и сказала: «Таня, выбирайте платье». Я сама всегда любила делать подарки и с удовольствием их принимаю. Я выбрала прелестное, но очень строгое черное платье. Уже дома на подкладке я увидела фирменный знак Жана Пату. Это платье я берегу до сих пор...²⁴

При виде меня первое, что сказала Лиля Юрьевна:

— Зубы мы сделаем!

И действительно «сделала», то есть устроила меня к прекрасному дантисту и все сама оплатила... (Запись 15.08.1956, с. 309)

Татьяне Ивановне предстояло сделать два очень важных, первоочередных дела: подать в прокуратуру документы на реабилитацию и... встретиться с семьей Адамс. За годы заключения она прозрела и поняла, что и кто стали причиной ее заточения.

Написала просьбу о реабилитации... (Запись 27.08.1956, с. 311)

Сегодня я иду за ответом. Если отказ — не знаю, соберу ли я достаточно душевных сил, чтобы снова просить, требовать, добиваться, доказывать.

У меня непреодолимое желание поставить наконец кое-какие точки над «и»... Я написала Доротее и Артуру...

В прокуратуре мне сказали:

— Ваше заявление направлено в Военную коллегия — через месяц-полтора-два вы получите справку о реабилитации.

Это значит, что у меня не было «состава преступления» — как я и знала тогда, когда мне все казалось сумасшедшим домом!.. (Запись 29.08.1956, с. 309)

На концерте Бостонского симфонического оркестра... кто-то неожиданно обнял меня сзади за плечи. Оборачиваюсь — Доротей! А Артур рядом с ней.

— Мы получили ваше письмо. О, Таня, мы так хотим, чтобы вы пришли к нам! Дайте ваш телефон. Вы должны прийти!..

Я дала телефон. Через день звонок: Артур просит прийти к обеду. Я пошла, чтобы поставить точку над «и».

Доротей, постаревшая, нервно-суетливая. Артур... думаю, что он очень умный человек. После обеда мы сели на тахту, и она начала рассказывать об Елене Ивановне, их домработнице, «которая сошла с ума, ее пришлось отправить в сумасшедший дом, ибо она плела какой-то бред про Артура».

Я сказала:

— Я думала, что Артур с 1937 года был в ссылке, ибо вы просили меня тогда о нем не спрашивать и сами ничего о нем не говорили.

Дороти рассмеялась и сказала:

— О нет, наоборот, он был тогда на очень важной работе. У него орден Ленина. И знакомство с нами, Таня, говорит только в вашу пользу.

Потом она стала рассказывать мне о каких-то людях, мне неизвестных, уверяя меня, что она не виновата в том, что их расстреляли в 1948–1951 годах (расстреляли невинных). Потом сокрушенно говорила, что Надежда Волынская²⁵ всегда любила меня и жалела. Надежда рассказала ей, что меня посадили за мои дневники.

Я сказала:

— Это ложь. Дневники мои мне вернули, как не относящиеся к делу. Их и не читали, верно!

Когда я уходила, Доротей вдруг сказала:

— Вы должны извиниться передо мной, что так долго не появлялись у нас!

Здорово?!

Я сказала:

— О нет! — И ушла.

НИКОГДА я их больше не увижу. Они непонятны мне, от них обоих исходит нечто темное и запутанное. Я была у них в понедельник, сегодня четверг, и мне до сих пор тошно от порции лжи, которой Доротея меня угощала. Точка над «и» поставлена. (Запись 13.09.1956, с. 314–315).

Когда перечитываешь сегодня дневники Татьяны Ивановны, то невольно обращаешь внимание на ее необъяснимую осведомленность о том, кто же такой этот Артур Адамс. Стоит ей упомянуть его имя, и тут же — размышления об атомном оружии американцев (или наоборот): «...*За это время появилась АТОМНАЯ БОМБА. Американцы с англичанами расщепили-таки атом, для того, чтобы единым махом грохнуть сразу к черту тысячи тысяч жизней. Японских. Люди — идиоты! И злодеи! Ужас! Кто мне докажет, что это правильно — вся эта чехарда со смертью?! Дикари, безусловно, нравственнее, чем мы, культурные. Ненавижу эти атомы и тех, кто их расщепил на горе человечеству...*» (с. 244). «*Все, кто знает физику, подтверждает, что атомная энергия — это такая дьявольщина, что от нее может взорваться весь наш земной шар. Люди шалят с огнем...*» (с. 256). Откуда же она, исполнительница романсов, могла знать о связи Артура Адамса с атомными проблемами США?

Пожалуй, только от своей давней знакомой — Доротеи Кин. Ведь имя советского военного разведчика Артура Адамса было рассекречено лишь в конце XX века. Больше того, как цензура разрешила публикацию воспоминаний Т. И. Лещенко-Сухомлиной в 1991 году? Или она была уже отменена с началом перестройки, либо это имя — Артур Адамс — было неизвестно самим цензорам литературного издательства, не ожидавших подвоха в мемуарах исполнительницы эстрадных песен...

Какую же роль во всей этой истории играет Лиля Юрьевна Брик, одна из ближайших подруг Татьяны Ивановны (кроме Доротеи), которая постоянно встречается на страницах ее воспоминаний?

Прежде всего следует отметить, что Татьяна Ивановна оставила блестящий словесный портрет Л. Ю. периода 1940–1960-х гг. Кроме уже процитированных выше строк, посвященных Л. Ю., Татьяна Ивановна пишет о ней:

Лиля Юрьевна Брик позвала к себе. Пришла я вечером, у них дома — Европа и уют. Лиля так умеет его создать: кофе у нее изумительно вкусный, стол красиво накрыт, тарелочки, нарядная скатерть, красивые чашки — и у Лили такой вид, будто у нее три домработницы! Сидит элегантная, чудно причесанная. В. А. Катанян и Осип Брик обожают ее и уважают. Она очень умна и очень женщина, и всегда такой будет, хоть и в сто лет. В ней большой шарм... Осип Максимович сидел и, по-моему, пристально в меня всматривался — у него умный, очень серьезный взгляд. Удивительно умеет

он с людьми; вот Лиля Юрьевна бывает резкой — со мной никогда, но при мне с иными бывает нетерпимой, а он, мне кажется, мог бы с любым ладить... (Запись 24.04.1944, с. 202–203)

Завтра в пять часов я встречаюсь с Яхонтовым у Лили Брик, которая, я чувствую, хочет всей душой мне помочь. У нее такие маленькие беззащитные руки... Очень красивые, маленькие ноги, круглые, теплые темно-карие глаза и рыжие волосы... (Запись 22.12.1944, с. 224)

Только что ушла от меня Лиля Брик. Удивительно, сколько гадостей говорят о ней до сих пор, а ведь она уже немолода, пора бы и перестать. Я вполне понимаю, что Маяковский мог так любить ее и как Осип Максимович до сих пор и навсегда ее любит. В ней есть высокого плана трезвость, несмотря на всех ее иногда и «низких» любовников... Лиля Юрьевна умна, проста... (Запись 27.12.1944, с. 225)

Господь Бог сотворил чудо. И Лиля — один из его сподручных архангелов. Лилечка, дорогая! Она без сантиментов, без лишних слов — спасает по-земному. Именно вот так, по-земному, она, наверное, и Маяковского не раз спасала. А «по-душевному» — и говорить нечего... (Запись 23.01.1947, с. 290)

Писать буду о людях. О Лиле Брик, которая кинулась повидаться со мной. Очень медленно, восхитительно медленно, но она стареет, уходит... Руки стали как пожелтевшие осенние лепестки, горячие карие глаза чуть подернуты мутью, золотисто-рыжие волосы давно подкрашены, но Лиля — проста и изысканна, глубоко человечна, женственнейшая женщина с трезвым рассудком и искренним равнодушием к «суете сует». В то же время она сибарит с головы до прелестных маленьких ног... (Запись 29.08.1956, с. 311–312)

Сегодня поехала к Лилечке Брик. Квартира — новая — прелесть, но я затосковала по той большой столовой в Спасопесковском. Зато здесь под окнами — Москва-река. Все красиво и уютно, как всегда вокруг Лили и при хозяйственном умении «мастера на все руки» Василия Абгаровича. Дом новый большой, стоит за гостиницей «Украина».

Лилечка постарела, парикмахер приходил красить волосы, но одета прелестно и чудные глаза хороши по-старому. С головы до ног — женщина, ни капли «дамского», ни капли «бабского». Умная, добрая, деликатнейшая, веселая (безбоязненная?). Сказала, что я помолодела и похорошела. Подарила мне книжечку «Письма Маяковского к Л. Брик»²⁶. Поила меня грогом. Вкуснейше накормила... (Запись 16.10.1958, с. 373)

К пяти часам приехала к нам Лиля Юрьевна с Василием Абгаровичем... Лиля была вся в черном, а лицо прежнее, хотя у Эльзы (Триоле) совсем стало другое лицо, чем было прежде. Лицо Лили стало даже лучше: добрее, мягче, исчезла «трагичность», а у Эльзы «потемнело», такое всегда озобоченное, а было светлое, женственное. Дивные Эльзины бирюзовые глаза теперь кажутся темными... Говорили о книге Арагона «Страстная неделя» — Лиля принесла нам ее прочитать. Вася²⁷ выписал, но мы еще не получили. Французские критики хвалят во весь голос, даже буржуазные. Сейчас Арагон пишет поэму «Эльза», он не перестает влюбленно любить свою жену.

Лиля предложила вместе встречать Новый год, и я была рада!.. (Запись 28.12.1958, с. 381)

Был вечер памяти Яхонтова. Лиля Юрьевна Брик заставила меня сесть с собой рядом, была необыкновенно нежна ко мне — красивая и хрупкая, как лепесток, а ведь старая, да, теперь уже старая... (Запись 11.12.1959, с. 384)

Но есть в этих дневниковых воспоминаниях еще три фрагмента, которые привлекли мое пристальное внимание. Первый:

Страх начался опять. И наши молодые поэты Евтуше и Андрей²⁸, по-видимому, струхнули... А ведь они вполне понимали, что им не грозит ни ссылка, ни даже арест, ничего по-настоящему страшного не грозит! Особенно Евтуше! Не выступи он на пленуме писателей, всего лишь промолчи он, — он, пожалуй, обеспечил бы себе право на настоящую славу...

Сегодня я провожала в числе других тринадцати человек Лилю и Василия Абгаровича в Париж. Я подержалась за вагон, загадывая про себя: «Хочу с Васиком²⁹ ехать в Париж в этом году, хочу с ним в Париж!» Нелепо, что это невозможно. Хуже, чем нелепо. Но не буду старухой с золотой рыбкой.

Всюду ругают злобно и глупо беднягу Евтуше, Андрея перестали ругать. На гребне волны всплыли наверх все бездарности сталинских времен наперечет.

У меня была стычка со Слуцким. Я заступилась за Евтуше, и Слуцкий, выругавшись, удрал. Оказывается, он трус, страшный трус этот неплохой поэт, бывший военный разведчик, ибо я сказала, что очерки Евтушенко, напечатанные во Франции, — блестящие, сказала это Слуцкому в поликлинике Литфонда и нас *могли услышать*, а он так этого испугался, что бежал как заяц... Он ругал Пастернака, этот сукин сын!³⁰

Лиля, узнав об этом, заявила мне, что Слуцкий прав, а сегодня на вокзале сказала: «Неужели вас ничему не научило?» На что я ответила: «Как хорошо!» Она удивленно переспросила: «Хорошо, что не научило?» Я сказала: «Да, меня ничто не научило врать и не научит врать и говорить не то, что я думаю, я непосредственно все воспринимаю. А тонкостей подводных не знаю». Лиля не нашлась, что на это ответить. Всю жизнь она-то понимала, куда ветер дует. Нет, по-моему, лучше мое — «непосредственное». Они уехали роскошно, на два месяца в Париж, а если захочется, то и дольше, конечно. Но пусть будет хорошая погода и им будет хорошо. Лиля все равно мой близкий друг... (Запись 15.05, 20.05.1963, с. 449—450)

Приехала неделю тому назад Лиля с Вас. Абг. из Парижа, душистая, презлегантная, грим тоньше и потому лучше. Сразу же напустилась на меня: «Вот вы сказали: не буду притворяться! Если вы хотите ехать в Париж, надо уметь помалкивать и притворяться надо! Если вы, конечно, хотите поехать!» Но на другой же день, да и сейчас, она очень ласкова со мной, а мне как-то ее жаль... Нет, в ней много ерунды... А ведь она считается «умнейшей женщиной». Но я люблю Лилю! Порой очень ее люблю, а она — меня... (Запись 11.08.1963, с. 457)

Второй фрагмент, который вызвал у меня особый интерес:

Сейчас ушла Н. Д. Ипполитова³¹, много рассказывала про кровавые времена царства страшного Сталина. На допросах в НКВД следователи говорили всякое, только бы подследственный подписал, что, дескать, виноват, — если уговоры не действовали, то били их до полусмерти, и мужчин и женщин...

Молодой армянин, коммунист, красавец тридцати пяти лет Аматауни³², которого уговаривали признать, что он шпион, отказался и два раза пытался повеситься. Чтобы он был не один, к нему в камеру посадили Острогорского³³, который уцелел и недавно сам рассказал Надежде Давыдовне Ипполитовой все это.

Она продолжала: «Наконец Аматауни уговорили: «Так надо во имя партии, НАДО, чтобы вы признали, что вы шпион, вы должны солгать во имя высшего блага партии». Он сдался, наконец, и подписал. Тогда следователь набросился на него: «А, сукин сын, так ты шпион!» И Аматауни расстреляли... Возможно, таков был метод добиваться признания и от Бухарина, Пятакова, Зиновьева и других...

Я помню, как Лиля, когда я уже вернулась из ссылки, как-то раз сказала мне: «Если когда-нибудь вам предложат “там” работать — ни за что не соглашайтесь! НИ ЗА ЧТО!» Я удивленно ответила: «Ну конечно!..»

Но про Льва Никулина³⁴, что он стукач, — меня предупредила Лиля... (Запись 09.12.1962, с. 424)

Оба раза Л. Ю. дает квалифицированные советы Татьяне Ивановне, как следует вести себя с правительством (смириться, встать на горло собственной песне), чтобы получить от него за такое смирение какие-то блага (поездку в Париж!), и с органами, чтобы не попасть в расставленные ими сети. Она говорит так, будто на собственном опыте знает механизмы отношений с тем и с другими...

Третий важный фрагмент вот какой. Татьяна Ивановна в своем дневнике несколько раз упоминает о некоей тайне, которую поведала ей Лиля Юрьевна. Из полунамеков можно понять, что ей стало известно о сотрудничестве с органами Осипа Максимовича (!) и Лили Юрьевны (!!). Этот секрет Полишинеля сегодня «раскрыт» рядом исследователей, известны даже номера чекистских служебных удостоверений Бриков. Нет только достоверных фактов о характере их сотрудничества с органами.

Лиля Юрьевна, разумеется, знала все то, что знала Татьяна Ивановна, вряд ли эта «подружка» при столь тесном общении скрыла от нее что-то, в том числе и про Адамсов. Сама Л. Ю. имела больше контактов с иностранцами, выезжала за границу, переписывалась и созванивалась со своей сестрой Эльзой, проживавшей в Париже. Среди знакомых, регулярно посещавших ее салон, были даже физики-атомщики Петр Леонидович Капица и Артем Исаакович Алиханьян, которых упоминают в своих воспоминаниях и Татьяна Ивановна, и пасынок Л. Ю. Брик, Василий Васильевич Катанян.

Тем не менее Лиля Юрьевна, в отличие от Татьяны Ивановны, избежала каких-либо преследований со стороны органов. Почему?

Она была умна, предусмотрительна, не «болтушка», и компетентные органы ей вполне... доверяли. Может быть, как своему «сотруднику»? А может быть, по-прежнему действовало табу, наложенное Сталиным еще в 1937 году: «*Не будем трогать жену Маяковского*».

Можно только строить предположения, но знать достоверно об этом нам пока не дано.

Р. С. ЗОЛОТАЯ САБЛЯ ПРИМАКОВА

Если в первом акте на стене висит ружье,
то в последнем оно обязательно выстрелит.

А. П. Чехов

«Позвольте! — недоуменно воскликнет внимательный читатель, закончив читать первую часть этого повествования и предчувствуя его окончание. — А что же с золотой саблей Примакова, упомянутой ранее?.. И, как требовательный покупатель предлагаемого товара в супермаркете, он будет прав, надо отвечать.

Вернемся к эпизоду 1947 года в дневнике Т. И. Лещенко, когда она после долгой нелегальной командировки Артура Адамса встречается с ним в Москве и тот с гордостью показывает висящую на стене его кабинета золотую саблю с дарственной надписью: «*В благодарность за подвиги генерала Примакову*», — сабля принадлежит теперь ему, Адамсу.

Прежде всего следует заметить, что в самой сабле нет ничего необычного. В годы Гражданской войны было принято награждать особо отличившихся красных командиров (краскомов) почетным именованным оружием (сабли, шашки, кортики, огнестрельное оружие). Иногда оно называлось золотым оружием, например, золотая сабля — клинок с золотой рукоятью, украшенной драгоценными камнями; но чаще это была обыкновенная или позолоченная сталь, на которой воспроизводилась надпись и какие-то памятные эмблемы.

Так, например, известно, что легендарный командир Красной Армии К. Е. Ворошилов 30 декабря 1920 года был награжден почетным революционным оружием — саблей со знаком ордена Красного Знамени на эфесе.

Но ни в одном документальном материале о В. М. Примакове я не встретил упоминания о награждении его почетным оружием.

Зато у него была другая «золотая награда», о которой он упоминает сам в своей автобиографии, написанной 14 февраля 1921 года: «*За галлицийский поход я получил золотой портсигар с надписью “Бесстрашному рейдисту, командиру Червоноказачьего корпуса тов. Примакову на память о 13 рейдах от командарма Уборевича³⁵”*».

Об этом портсигаре упоминают, наверное, все биографы Примакова, которые обращают внимание и на более раннюю надпись, выгравированную на нем: «*Самому дорогому существу. Николаша*», которую они приписывают наследнику престола цесаревичу Николаю II и которая якобы была адресована его возлюбленной, балерине Матильде Кшесинской³⁶. Портсигар пропал в недрах НКВД при аресте Примакова.

Однако сабля не портсигар, и Татьяна Ивановна не могла бы их перепутать. Но предположим, золотая сабля с дарственной надписью Примакову существовала не как награда от правительства, а как подарок, тогда кто и когда преподнес его прославленному генералу?

Здесь возможны три версии.

Первая. Известно, что в 1927–1929 годах Примаков находился в Афганистане, куда его отправило советское правительство, а с марта 1928 года стал советником афганского падишаха Аманулы-хана в проведении боевых операций против внешних и внутренних врагов. Виталий Маркович с честью справился с порученным делом; за разгром басмаческих банд Ибрагим-бека и Шана-Халифи в Средней Азии он был награжден на родине третьим орденом Красного Знамени. Иностранная пресса, описывая эту кампанию, называла Примакова «советским Лоуренсом³⁷». Так вот, золотую саблю ему мог презентовать при расставании Аманулы-хан, что было в обычаях этой восточной страны.

У Лили Юрьевны долгое время после гибели Виталия Марковича хранилась еще одна вещица, привезенная им из Афганистана, — афганский нож (или изящный кинжальчик?), — который она в 1957 году передала его сыну (от брака с М. А. Довжик) — Юрию Витальевичу Примакову.

А где кинжальчик, там и сабля.

Версия вторая. В архивах Златоустовского завода на Урале сохранилась запись, что «*гравированные с золочением сабли были преподнесены от завода К. Е. Ворошилову и С. М. Буденному*». Вполне можно предположить, что когда в 1930–1932 годах Примаков командовал 13-м стрелковым корпусом, расквартированным в Свердловске, Златоустовские умельцы-оружейники сделали такой же подарок и ему, но после 1937 года, когда его расстреляли как «врага народа», эти сведения были вымараны из истории завода...

И наконец, версия третья. В начале декабря 1934 года в городе Проскурове на Украине проводились торжества по случаю 15-летия Червоного казачества, где присутствовал и Виталий Маркович Примаков, основатель и бессменный командир этого воинства в период Гражданской войны, за что он получил первые два ордена Красного Знамени. Его однополчане могли подарить своему бывшему командиру эту саблю.

Подводя итог рассуждениям, можно с достаточной долей уверенности констатировать, что золотая сабля у Примакова была, но как она попала в руки Артуру Адамсу? Был ли он вообще знаком с Виталием Примаковым или Лилей Брик?

Как ни странно, ответить можно утвердительно.

Татьяна Ивановна пишет в дневнике, будто она почувствовала, что Артуру Адамсу *«хочется, чтобы я рассказала об этом [золотой сабле. — А. В.] Лиле Юрьевне — он знал о нашей дружбе...»*

Адамс прожил в Москве до отъезда в США, с 1920 по 1936 год. Он застал еще В. Маяковского и вполне мог бывать на его поэтических вечерах или встречаться с ним в других местах...

Он наверняка знал Александра Михайловича Краснощекова, такого же еврея-эмигранта из США («земляка»), видного политического и государственного деятеля, который с конца 1920-го три года (до первого ареста) жил в Москве, был знаком с В. Маяковским, а с Л. Ю. его связывали близкие отношения. Эти отношения были на слуху всей Москвы, особенно после постановки в 1925 году пьесы Б. С. Ромашова «Воздушный пирог», где главные герои были «списаны» с Краснощекова и Лили Брик³⁸.

После амнистии и освобождения из тюрьмы в начале 1925 года Краснощеков до нового ареста в 1937-м продолжал жить в Москве и опять же мог встречаться с Адамсом...

Наконец, Адамс вполне мог быть знаком и с В. М. Примаковым, мужем Л. Ю. в 1930—1937 годах, по совместному проживанию как в Москве, так и в Ленинграде.

Вызывает только сомнение, что Примаков сам подарил свое золотое оружие Артуру Адамсу. Скорее всего, оно было конфисковано при аресте В. М. Примакова 15 августа 1936 года в Ленинграде и с тех пор находилось в каком-то закрытом хранилище НКВД среди особо ценных вещдоков и имущества жертв Большого террора. А по возвращении Артура Адамса из США в конце 1946 года за большую удачу в раскрытии американских атомных секретов руководство НКВД (а может быть, лично Лаврентий Павлович Берия), хорошо информированное о его знакомствах и связях на родине, преподнесло ему этот дорогой (во всех смыслах) подарок.

И похоже, это произошло незадолго до визита Т. И. Лешенко к Адамсам, ибо *«прежде ее (сабли) на стене не было»*, да и сам Артур гордо сказал: *«Прежде это была его сабля, а вот теперь висит у меня...»*.

Значит, так все и было. На вещь, давно принадлежавшую ему, Адамс вряд ли стал бы обращать внимание гости, часто бывавшей в его доме.

К сожалению, Татьяна Ивановна не упоминает о сабле при описании ее последнего визита к Адамсам в 1959 году. Может быть, наградное оружие по-прежнему висело на стене кабинета хозяина, но теперь уже не обращало на себя внимание ни гости, ни хозяев, — были в их разговоре темы более актуальные.

Что же стало с саблей потом, после смерти четы Адамсов? Ведь детей у них не было. Можно предположить, что она была вновь помещена на хранение в мемориальный музей ГРУ в Ново-Огарево — туда же, куда были переданы награды самого Адамса (в их числе удостоверение и медаль Героя России).

Новодевичье кладбище. Ниша нового колумбария, где установлена урна с прахом А. А. Адамса

Будем надеяться, этот секретный ныне музей ГРУ откроется когда-нибудь для массового посещения, и, купив входной билет, посетители увидят золотую саблю Примакова на мемориальном стенде Героя России, выдающегося советского разведчика Артура Александровича Адамса.

А как сложилась его дальнейшая судьба?

По возвращении в Москву в 1946 году ему было присвоено звание «инженер-полковник»; это единственный случай в истории советской военной разведки, когда нелегал после работы за рубежом получил столь высокое офицерское звание. Артур Адамс и Доротея Кин приняли советское гражданство.

В 1946–1948 годах он работал в центральном аппарате ГРУ Генштаба в Москве. Но в 1948-м, во время чистки органов и госаппарата от «безродных космополитов», руководство ГРУ поспешило уволить в отставку одного из лучших советских разведчиков.

Долгое время Артур Адамс работал политическим обозревателем ТАСС. Был награжден советскими орденами и медалями.

Скончался 14 января 1969 года. Урна с его прахом установлена в колумбарии на новой территории Новодевичьего кладбища: секция 129, ниша на пересечении 2-го вертикального и 3-го горизонтального рядов³⁹.

Доротей Кин не намного пережила его. В последние свои дни она попросила друзей мужа захоронить ее прах рядом с его прахом, а если не разрешат, развеять там же, у черной мраморной плиты. Они так и сделали, но в справочнике Новодевичьего мемориала это не отмечено.

Указом Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина в июне 1999 года «за мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания» инженер-полковнику в отставке Адамсу Артуру Александровичу было посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации.

Награды Адамса хранятся в музее ГРУ Генштаба Вооруженных Сил РФ в Ново-Огарево, где накануне Дня военного разведчика (5 ноября) в 2006 году президенту России В. В. Путину (также бывшему военному разведчику) были показаны фотографии легендарных военных разведчиков Артура Адамса, Яна Черняка и Жоржа Коваля, внесших свой неоценимый вклад в повышении обороноспособности Советского Союза⁴⁰.

Так, золотая сабля комкора Примакова, появившегося перед читателем еще в начале первого тома дилогии, сверкнула здесь еще раз.

А. В. Валюженич. Автор книги — Лилия Брик

19 июля 2003 года исполнилось 110 лет «лучшему, талантливейшему поэту советской эпохи» Владимиру Маяковскому, а 4 августа — 25 лет со дня смерти его музы — Лилии Брик.

Хорошим подарком читателям, интересующимся этими именами, стала в том же году вышедшая из печати книга:

Лилия Брик. Пристрастные рассказы. Сост. Я. И. Гройсман, И. Ю. Генс. Нижний Новгород, «Деком», 2003, 328 с., илл. (Серия: «Имена»).

Она включает в себя много впервые публикуемых текстов, документов, фотографий, а также никогда ранее не публиковавшиеся рисунки и записки В. В. Маяковского из архивов Л. Ю. Брик и семьи Катанянов.

Воспоминания Лилии Брик неоднократно публиковались и раньше, но они сохранились в ее архиве в нескольких авторских вариантах и в этой книге впервые объединены, дополняя друг друга. В новую редакцию воспоминаний вмонтирована также широкоизвестная статья «Маяковский и чужие стихи», носящая подзаголовок «Глава из “Воспоминаний”». Но это объединение уже делалось и раньше: впервые по согласованию с самой Лилей Брик при подготовке к изданию книги-интервью Карло Бенедетти «Лилия Брик и Маяковский», вышедшей в Италии в 1978 году, а затем в книге воспоминаний современниц о Маяковском «Имя этой теме: любовь!», составитель — В. В. Катанян (1993).

В «Пристрастные рассказы» включено репринтное воспроизведение 16-страничной книжечки Лилии Брик «Щен» (из воспоминаний о Маяковском), вышедшей в 1942 году в г. Молотове (где Брики были в эвакуации в 1941–1943 гг.) и давно ставшей библиографической редкостью.

Очень хорош раздел «Неизвестные записки и рисунки В. Маяковского и Л. Брик. Первая публикация».

Еще более информативен раздел «Письма. Дневники», включающий письма Лили Брик к В. Маяковскому и О. Брику (1918–1928), ее дневник (1929–1932), письма к О. Брику, В. А. Катаняну, Э. Триоле, В. В. Катаняну (1931–1955) и др. И хотя дневник был «отредактирован» самой Лилей Брик во второй половине 1930-х гг., когда арестовали ее мужа В. М. Примакова и она уничтожила подлинник, исключив имена тех, кого стали называть «врагами народа», в нем осталось немало ценных для маяковедения материалов, и читается он с большим интересом. Удачен монтаж страниц дневника с хронологически связанными с ними письмами к названным выше адресатам.

Однако мне кажется, что с этими материалами композиционно и тематически мало связаны публикуемые в этом разделе «Парижский дневник Л. Брик» (1955) и ее письма периода 1956–1972 гг.

Все 15 писем Л. Брик к В. Маяковскому, включенные в «Пристрастные рассказы», уже публиковались раньше в фундаментальном издании Бенгтом Янгфельдтом их переписки (1915–1930) «Любовь это сердце всего» (Стокгольм, 1982; Москва, 1991). Найти что-то новое из их переписки сейчас уже очень сложно. После многолетнего изучения материалов в фондах Л. Ю. и О. М. Бриков, хранящихся в РГАЛИ, мне удалось найти лишь один небольшой фрагмент (окончание) ранее неизвестного письма Лили Брик, отправленного из Парижа в Москву О. Брику, адресованного В. Маяковскому и О. Брику, которое можно датировать 23 февраля 1924 г. (по парижскому штемпелю хранящегося здесь же конверта):

Целую все ваши восемь лапок. Тебе, Кислит, кроме того, хвостик и чес, а тебе, Щенит, переносит.

Пожалуйста, не изменяйте мне, не забывайте, любите. Ужасно хочется к вам!!

Ваша Лиля <кошечка> (РГАЛИ, ф. № 2852, оп. 1, дела № 172, 174).

Это письмо не выделено в Описи фонда № 2852 и отсутствует в книге Бенгта Янгфельдта, а по принятой у него нумерации писем должно было бы хронологически занять место между № 121 и 122.

«Пристрастные рассказы» великолепно иллюстрированы, в том числе и рядом ранее неизвестных фотографий.

Но тем не менее в книге есть ряд упущений и ошибок.

Следовало хотя бы упомянуть о других значительных работах Л. Ю. Брик: статье «Предложение исследователям» («Московский комсомолец» и «Вопросы литературы», 1966); объемный (более 350 страниц машинописи), почти постраничный комментарий к первому изданию 1-го тома известной монографии В. О. Перцова «Маяковский. Жизнь и творчество» (1951) под названием «Анти-Перцов», написанный тогда же (1951) и лишь частично опубликованный позже («Литературное обо-

зрение», 1993). Наконец, Л. Ю. Брик оставила и литературное наследие — переводы пьес с немецкого: Карл Виттфогель «Беглец» («ЛЕФ», 1923, № 1) и французского: Марсель Паньоль «Топаз» и Робер Мерль «Новый Сизиф» (обе — в сб. «Пьесы современной Франции», 1960).

Говоря подробно о воспоминаниях Л. Брик, нужно было бы упомянуть об их первой публикации, появившейся в газете «Вечерняя Москва» от 13 апреля 1932 года, за два года до «Альманаха с Маяковским» (1934), на который ссылаются составители книги.

Встречаются досадные ошибки: в редакционной сноске указано, что стихотворение Маяковского «Лилечке!» было напечатано впервые в 1-м томе его ПСС (1953), тогда как на самом деле это было еще в 1934 г. в «Альманахе с Маяковским». В двух разных местах сборника указано, что В. М. Примаков был арестован органами НКВД 15 августа 1936 г. (правильно) и 29 августа 1936 г. (неправильно). В редакционной сноске ошибочно указано, что пос. Репино (быв. Куоккала) «ныне находится в республике Карелия» (?).

Есть еще ряд ошибок в датировке фотографий и указаниях об их первой публикации, а также в «Указателе имен и названий». Наверное, многие из этих ошибок — элементарные опечатки.

В заключение хочу указать еще на одну неточность. Последняя запись в хронике «Даты. События» выглядит так:

«7 августа 1978 — похороны Л. Ю. Брик. Согласно последней воле ее прах был развеян под Звенигородом Московской области».

В действительности 7 августа состоялась гражданская панихида и кремация тела, после чего урна с прахом почти год находилась в колумбарии крематория, и только 7 мая 1979 года В. А. Катанян с помощниками развеял ее прах по полю у опушки леса.

По правде говоря, можно было бы не мелочиться и не обращать внимания на незначительные ошибки и редакторские оплошности, отнюдь не снижающие общее хорошее впечатление, которое оставляет книга Лили Брик. Я надеюсь, что их можно будет учесть при переиздании этой книги, а что оно состоится, я не сомневаюсь.

Маяковедение и бриковедение пополнилось еще одним сборником документов, которые отныне будут введены в научный оборот, а рядовой читатель получил очень интересную книгу.

*А. В. Валуженич. Лиля Брик
и ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА
Научная мистификация*

В самом конце минувшего XX века мне случайно попало в руки «Учебное пособие по герменевтике на русском языке для студентов психологических, философских и филологических факультетов», реко-

мендованное кафедрой общей психологии психологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова по курсу «Общая психология»: А. А. Брудный. Психологическая герменевтика (1998).

Меня заинтересовал незнакомый мне термин «герменевтика», и я стал листать книгу академика Арона Абрамовича Брудного в поиске ответа. Оказалось, что герменевтика — это наука понимания, и эта книга, являющаяся единственным учебным пособием по герменевтике на русском языке, дает не только представление о современном теоретическом уровне исследований, но одновременно исподволь прививает сами навыки углубленного понимания.

Учебник насыщен литературными текстами разных авторов, которые анализируются с позиций герменевтики, мелькают знакомые имена. Хорош справочный аппарат, что я всегда очень ценю.

И вдруг — стоп! — неожиданно мне встречается имя: Лиля Брик!

Но обо всем по порядку.

Глава 8 «Карты на стол» (с. 188—210) посвящена балладам, характеризующимся обязательным наличием сюжета, который *«указывает, как надо или не надо действовать в данных обстоятельствах, ...дает побуждение к действию»*.

Приводятся как образцы и анализируются несколько баллад: старинная английская «Королева Элинора» (в переводе С. Маршака), баллады Гумилева, Тихонова, Брехта, Самойлова.

Рассмотрим, однако ж, признаки баллады, взятые в особенно резком их выражении. Это относится, например, к диалогу. Одна баллада Самойлова целиком построена как диалог [приводятся текст его баллады «Королевская шутка» и ее разбор. — А. В.].

Но балладу можно построить и вне диалога. Тогда на последний план выйдет другая ее неотъемлемая составляющая — сюжет:

Окончив с врагом поединок,
Я в море бежал от суда
И звука шотландских волюнок
Не слышал с тех пор никогда.

Набрал я отчаянный и юный,
Веселый и злой экипаж,
Мы брали торговые шхуны
И клиперы на абордаж.

Вестминстер напрасно ругался,
Слепых адмиралов коря,
Меня лишь рифы и галсы,
В портах я бросал якоря.

Недаром воспели баллады
Мой синий толедский клинок,
Я видел раскрытые клады
И женщин прекрасных у ног.

Но недолго разбойничал капер,
Кружил он уже наугад,
И в северной гавани запер
Меня королевский фрегат.

Команда моя умирала,
Послав капитану привет.
И я на глазах адмирала
Взорвал свой любимый корвет.

Прощайте, морские походы,
Победы отпетых бродяг,
Прощайте, минуты и годы,
И черный пиратский мой флаг!

Текст стилизован, точности в нем искать не надо. Но сюжет построен точно. От поединка до взорванного в северной гавани корвета — биография пирата выстроена без единой лишней детали.

Лиля Брик, возлюбленная Маяковского, написала эту балладу очень давно. Во всяком случае, до войны. Во время войны она стала песенкой школьников.

После войны невероятной популярностью пользовалась «Бригантина» Павла Когана, убитого в 1942-м, в разведке:

Вьется по ветру
Веселый Роджер...

Jolly Roger — это черный флаг с «адамовой головой» и скрещенными костями. Пиратский флаг.

И совсем уже недавно зазвучала «Пиратская лирическая» Булата Окуджавы, она же — «Когда воротимся мы в Портленд». Здесь больше романтической иронии, но тема та же, и, видно, расстаться с ней молодежь (да и не только молодежь) никак не хочет:

В ночь перед бурей на мачтах горят святого Эльма свечи,
отогревают наши души за все минувшие года.
Когда воротимся мы в Портленд, мы будем кротки, как овечки,
да только в Портленд воротиться нам не придется никогда.

Что ж, если в Портленд нет возврата, пускай, несет нас черный парус,
пусть будет крепок ром ямайский, все остальное ерунда.
Когда воротимся мы в Портленд, ей-богу, я во всем покаюсь,
да только в Портленд воротиться нам не придется никогда.

В чем же причина столь устойчивой популярности этой темы? Тут еще следует присовокупить, что пиратской традиции в истории российского мореплавания нет.

В чем же здесь дело? Вы, вероятно, вспомнили и о популярности «Острова сокровищ», «Владельца Баллантрэ» Стивенсона.

Одним талантом авторов тут не все объяснимо.

Есть интересная гипотеза об архетипической природе этого интереса.

Лихорадочно ишу источник, откуда взята эта «Пиратская баллада» Лили Брик, но — безуспешно. При хорошей научной аргументации других приведенных в учебнике текстов здесь таковая отсутствует.

По междугороднему (то бишь теперь — международному) телефону звоню из Астаны в МГУ на кафедру общей психологии, которое рекомендовало это учебное пособие, и прошу помочь мне связаться с академиком Брудным. Мне дают телефон... в Бишкеке, где он сейчас проживает.

Звоню в Бишкек, нахожу Брудного. Он очень удивлен моему вопросу, но ничем помочь, к сожалению, не может. «Пиратскую балладу» Лили Брик он использует в учебном процессе уже давно; вроде бы он нашел ее в каком-то молодежном предвоенном журнале... Но никаких черновых записей, откуда он ее скопировал, у него не сохранилось, этого вопроса никто ему раньше не задавал.

Много усилий я приложил к поиску первой публикации этой «Пиратской баллады», но — безуспешно.

А, собственно, что бы дала мне эта находка? Только — педантичное заполнение какой-то сноски в примечаниях. У меня не было оснований сомневаться, что такая первопубликация «Пиратской баллады» действительно была, иначе откуда бы А. А. Брудный ее взял?

Вопрос в другом: кто ее действительный автор? Лиля Брик?!

Вот здесь у меня с самого начала были серьезные сомнения. Кажется, за много лет занятий бриковедением я перечитал все ее публикации, работал в ее фонде (№ 2577) в РГАЛИ, но ни одной поэтической строчки до этого не встречал. А здесь — квалифицированно написанная баллада, включенная как образец в университетский учебник. По-видимому, это все-таки мистификация.

Но тогда кто же все-таки ее действительный автор? Я мог предположить, что это кто-то из ее молодых предвоенных поэтов-друзей, который шутки ради, но с ее же, разумеется, согласия пошел на мистификацию, — написав пиратскую балладу, отправил ее в редакцию журнала под именем Лили Юрьевны.

На ум приходят три имени — Павла Когана, Михаила Кульчицкого, Давида Самойлова.

И все-таки следовало бы найти первопубликацию баллады, и я продолжал искать ее. Где она могла быть напечатана и в каком «предвоенном» году? Только в Москве и Ленинграде тогда выходили такие детские и молодежные журналы, как «Пионер», «Дружные ребята», «Вожатый», «Костер», «Молодая гвардия» и др. За временной предвоенный период поисков я принял 3 с половиной года: с начала 1938-го до середины 1941-го. Задачу поиска осложняло еще отсутствие в этих «несерьезных» журналах годовых содержаний в последних за год номерах, поэтому приходилось разыскивать и просматривать годовые комплекты, что для меня, живущего в Астане, вдали от крупных книгохранилищ, было совсем непросто.

Через несколько лет безуспешных поисков я все-таки нашел перво-публикацию этой баллады в апрельском номере ленинградского журнала «Костер» за 1941 год. Называлась она там «Корсар» и имела некоторые отличия от текста, опубликованного в учебном пособии по герменевтике (см. выше); поэтому, чтобы не заниматься построчным сличением текстов, я приведу ее здесь снова, но в журнальном варианте:

КОРСАР

Окончив с врагом поединок,
Я в море бежал от суда,
И звуки шотландских волюнок
Не слышал с тех пор никогда.

Набрал я отчаянный, юный,
Веселый и злой экипаж,
Мы брали торговые шхуны
И клиперы на абордаж.

Вестминстер напрасно ругался,
Слепых адмиралов коря,
Меня лишь румбы и галсы,
Я в портах бросал якоря.

При жизни воспели баллады
Мой синий толедский клинок.
Я видел открытые клады
И пленниц прекрасных у ног.

Да, счастлив был Ричард вначале,
Но горы мечту погребли,
И открылись за мысом печали
Удачи моей корабли.

Недолго разбойничал капер,
Кружил он уже наугад,
И в северной гавани запер
Меня королевский фрегат.

Команда моя умирала,
Послав капитану привет,
И я на глазах адмирала
Взорвал свой любимый корвет.

Но смерти судьба не хотела
И к берегу в ночь принесла
Корсара безвольное тело
И жалкий обломок весла.

Как зверь, окружаемый сворой,
Я в горы пришел умереть...
Прощай же, волна, на которой
Не царствовать Ричарду впредь!

Прощайте, веселые воды,
 Победы отпетых бродяг,
 Прощайте, морские походы
 И черный пиратский мой флаг!

Но — что это? Автором баллады «Корсар» здесь назван... Б. Брик (!)
 И вся эта «поэтическая мистификация» приняла совсем другой, скорее, политический оборот.

Борис Ильич Брик (1903—1942) — талантливый ленинградский поэт, более известный как поэт-переводчик, главным образом с грузинского.

Никакого родства с Осипом Максимовичем и Лилей Юрьевной Брик у него не было, хотя, конечно, и та и другая сторона знали друг о друге.

Борис Брик начал заниматься поэзией еще студентом Петроградского университета.

В апреле 1925 года был арестован за стихи «контрреволюционного содержания» (пародия на «Евгения Онегина» под названием «Лев Троцкий», стихи о председателе III Коминтерна Г. Зиновьеве «Панегирик ВКП(б)» и др.) и вместе с семьей сослан в Полтаву.

В 1927 году возвращается в Ленинград и становится профессиональным литератором. 4 января 1931 года его снова арестовывают как автора «антисоветских произведений» и осуждают на 10 лет лагерей. Однако «по ходатайству родственников» (о, еще благословенно-гуманные времена!) в феврале 1932 года его дело было пересмотрено, и он был «условно-досрочно» освобожден из лагеря с лишением права проживания в Московской и Ленинградской областях в течение трех лет.

Освободившись, он начинает заниматься переводами современных и классических грузинских поэтов. В январе 1936 года его приняли в ССП. Его переводы с грузинского признаются наиболее совершенными, за них в 1940 году он был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Грузинской ССР.

В конце 1930-х он пишет и собственные поэмы: «Василий Чапаев» (1938 г.) и «Шамиль» (1940 г.), работает над пьесой о лейтенанте Шмидте.

В октябре 1940 года он сдает в издательство «Советский писатель» сборник своих стихов под названием «Баллады», который ему возвращают в ноябре с отказом (!). В начале 1941 года он вновь относит в Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» многострадальный сборник «Баллады», «который он подверг глубокой самоцензуре», однако и в этот раз издательство разглядело в нем много «антисоветского», и книгу отклоняют по «идеологическим причинам» (!!)..

2 сентября 1941 года Борис Брик в третий раз был арестован УНКВД ЛО за «антисоветскую агитацию, критику с враждебных позиций советской действительности, клеветнические выпады против правящей партии и правительства». Но уже 4 сентября в связи с блокадой Ленинграда он, как и многие другие заключенные, был эвакуирован в Мариинск, под Новосибирском, где по приговору Особого совещания 5 мая 1942 года он был расстрелян.

Реабилитирован Борис Брик только в июле 1989 года.

«Да, но при чем же здесь Лиля Брик?» — спросите вы.

По-видимому, совершенно ни при чем, и вполне вероятно, что она даже не знала об этой мистификации.

Баллада «Корсар», наверное, входила в многострадальный сборник, который Борис Брик безуспешно пытался сдать в издательство «Советский писатель». Она была напечатана в апрельском номере ленинградского журнала «Костер» и, вполне вероятно, явилась его последней прижизненной публикацией, ибо уже через два месяца началась война, еще через два месяца поэт был арестован, а через год с небольшим после этой журнальной публикации расстрелян.

Однако баллада не осталась незамеченной. Как пишет академик А. А. Брудный, «во время войны она стала песенкой школьников». Обратили на нее внимание и филологи, которые признали ее образцом такого жанра поэзии и как таковую вознамерились включить ее в университетский учебник по герменевтике. Естественно, без указания ее истинного автора — Бориса Брика, которого можно было упоминать в печати только с 1990-х годов, уже после реабилитации. В аннотации к недавно вышедшей книге «Одинокое дерево» с избранными стихами и переводами Б. Брика (баллады «Корсар» там нет) говорится: *«его имя вычеркнули не только из жизни, но и из литературы. Его переводы выходили под чужой фамилией или без подписи. О нем прочно забыли и читатели, и даже соратники...»*.

И тогда бдительные филологи (или цензоры?) находят спасительный выход: вроде бы незаметно заменяют автора — Б. Брик на Лилия Брик... Вообще-то логичнее было бы назвать автором баллады Осипа Брика; ему по крайней мере не была чужда практика стихосложения, но мистификаторы этого, наверное, не знали.

А. В. Валюженич. Последний приют

14 апреля 2015 года исполнилось 85 лет со дня смерти Владимира Владимировича Маяковского. О его жизни и творчестве написаны сотни книг, тысячи статей. Сегодня в его жизнеописании не осталось, пожалуй, темных пятен. Известно и с кем он жил, и кого любил. Существует обширная литература, посвященная не очень понятным, а потому загадочным обстоятельствам рокового выстрела, оборвавшего жизнь поэта.

И в то же время, кажется, не было еще ничего написано о посмертных событиях, связанных с захоронением Маяковского, хотя это прошло не просто: мы знаем, что его могила находится на Новодевичьем кладбище. А с самого ли начала он был там похоронен? <...>

Похороны Маяковского состоялись на третий день после его смерти — 17 апреля 1930 года. Гроб с телом Маяковского поднимают на грузовик, обшитый железными листами. Никаких цветов, у гроба — единственный

венки из молотов, маховиков и винтов с лаконичной надписью «Железному поэту — железный венок»...

Комиссия по организации похорон Маяковского решила предать тело поэта огню в крематории Донского монастыря, открывшемся около трех лет назад...

<...>

Через несколько дней после кремации Брики, созвонившись с Маяковскими, отправились вместе с ними в крематорий Донского монастыря. Там при них урну с прахом Маяковского поместили на специальном возвышении-горке в помещении колумбария. Здесь ей предстояло простоять 22 года.

Несмотря на то что урна с прахом Маяковского занимала почетное место в помещении колумбария, со временем стало ясно, что такое примитивное «захоронение» известного поэта не соответствует его общественному статусу и следовало бы как-то исправить это положение.

Вскоре после смерти Маяковского его друг — театральный режиссер, реформатор театра — В. Э. Мейерхольд задумал построить для своего театра новое помещение, соответствующее по своей экстравагантной архитектуре характеру постановок Мастера. Эскизный проект театра представил на конкурс в 1934 году архитектор А. В. Щусев, хотя впоследствии разрабатывали проект молодые архитекторы М. Г. Бархин и С. Е. Вахтангов. На всех этапах большое участие принимал сам Мейерхольд. Здание намечалось построить на углу Садово-Триумфальной и Тверской улиц, с фасадом, обращенным на Триумфальную площадь, и в первоначальном варианте его должна была увенчать угловая башня, хорошо заметная издали с обеих улиц. Сюда-то маэстро и вознамерился вмуровать урну с прахом Маяковского. Возможно, его вдохновила на такое решение история польского композитора Ф. Шопена, сердце которого, по его завещанию, после его смерти в 1849 году было законсервировано в хрустальном сосуде, вероятно, в коньяке и замуровано в колонне костела Святого Креста в Варшаве. Однако время шло, Мейерхольд начал подвергаться суровой партийной критике и гонениям, терял свой авторитет в обществе. Строительство нового театра остановилось. 20 июля 1939 года Мейерхольда арестовали по ложному обвинению, а 2 февраля 1940 года расстреляли... Здание все-таки возвели по скорректированному проекту, без угловой башни с вмурованной в нее урной, и открыли в нем Государственный концертный театр имени П. И. Чайковского, который находится там и поныне.

24 ноября 1935 года Л. Ю. Брик пишет глубоко выстраданное письмо, адресованное Сталину, многократно опубликованное в наши дни. Она обращает внимание вождя, что Маяковского в последнее время плохо издают, его исключили из школьной программы, задержалось на неопределенное время решенное ранее открытие музея, переименование Триумфальной

площади в площадь Маяковского. Письмо попало в руки вождя, и он горячо откликнулся на него в наложенной резолюции, определив Маяковского «лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи» и дав секретарю ЦК (еще не зловещему наркому внутренних дел!) Н. И. Ежову необходимые поручения.

И все разом стронулось с места: издательства пересмотрели ближайшие планы и наметили выпустить в самое ближайшее время книги Маяковского огромными тиражами, дом в Гендриковом переулке на Таганке готовился стать музеем поэта, а Триумфальную площадь тут же переименовали в площадь Маяковского. Лиля Юрьевна ничего не написала Сталину о необходимости более достойного захоронения Маяковского — возможно, памятуя о планах Мейерхольда. В противном случае, нет сомнения, этот вопрос был бы решен без промедления и наилучшим образом.

Тем временем приближалась десятая годовщина со дня смерти «лучшего и талантливейшего», а тогда скорбные юбилеи отмечались даже с большим размахом, чем круглые даты рождения.

В «Литературной газете» за 5 апреля 1939 года уже появилось сообщение Президиума ССП «О создании комиссии по подготовке к 10-летию со дня смерти Маяковского». Бриков в ней не было... Но «если не мы, то кто же?» И Брики разработали свою программу проведения этого юбилея для передачи руководителю Союза писателей СССР А. А. Фадееву, где первым пунктом обозначили:

Перенести урну с прахом Маяковского на Красную площадь, в соответствии с его словами:

Где бы ни умер,

Умру поля.

В какой трущобе ни лягу,

Знаю —

Достоин лежать я

С лучшими под красным флагом...

(РГАЛИ. Ф. 2577: Брик Л. Ю., Катанян В. А.)

Брики даже составили *примечания к предложениям*, в которых четко расписали по всем пунктам (кроме первого), как они видят их решение.

Вооружившись этими бумагами, Л. Ю. Брик почти три недели безуспешно пыталась встретиться с Фадеевым... Наконец, они созваниваются и договариваются встретиться 9 июня в кафе. О своих впечатлениях от этой встречи она напишет Осипу Максимовичу: «*Разговаривать было настолько скучно, что я даже не огорчилась. Просто — как будто, и не разговаривала...*».

Несмотря на такой «скучный» разговор с Фадеевым и неопределенные обещания последнего, дело все-таки было сделано, и бюрократическая машина СП начала набирать обороты в направлении организации юбилейных мероприятий по бриковской программе.

Лиля Юрьевна могла быть довольна тем, что ее замысел удался.

Наступил юбилейный год. Была издана гора книг: как собственно произведения Маяковского, так и исследования о его творчестве, воспоминания о нем, сняли фильм о поэте, наконец, решили организовать музей на родине поэта — в грузинском селе Багдади, а также выпустили юбилейные почтовые марки. Сверх первоначальной программы — заложен памятник на площади Маяковского.

Пожалуй, только первый пункт бриковской программы оказался невыполненным — о перезахоронении Маяковского на Красной площади, но выяснить у кого-либо, на каком уровне принимались такие решения, было невозможно.

Правда, Бриков обидели: на главные юбилейные торжества, которые проходили 14 апреля в Большом театре, Правление СП выдало им пригласительные билеты в разных местах зала, да еще на непрестижные места, в то время как мать и сестры Маяковского сидели в первом ряду партера, а их фотография красовалась на странице номера «Правды», посвященного отчету о проведении юбилея.

На следующий год разразилась кровопролитная Великая Отечественная война, Брики до начала 1943 года находились в эвакуации на Урале, в Молотове. А 22 февраля 1945 года скоропостижно скончался от сердечного приступа Осип Максимович Брик.

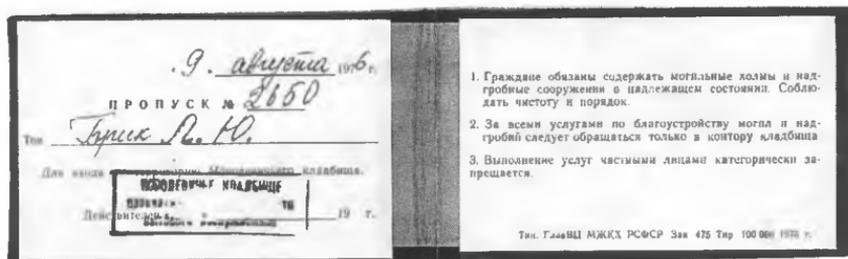
Последние два года он проработал заведующим литературным отделом московской редакции «Окна ТАСС». Некролог о нем, подписанный 91 деятелем литературы и искусства, чьи имена и сегодня хорошо знакомы, напечатала многотиражка «Тассовец». Руководству ТАСС не составило большого труда решить вопрос захоронения знаменитого сотрудника на престижном Новодевичьем кладбище.

После кремации урна с прахом О. М. Брика была установлена в нише стены-колумбария (77-я секция) на старой территории кладбища в непосредственной близости от могил Н. В. Гоголя и А. П. Чехова.

Лиля Юрьевна тяжело пережила смерть Осипа Максимовича. Она практически не участвовала в организации его похорон; все происходило помимо нее, как бы само собой. После похорон она часто бывала на Новодевичьем кладбище, и неожиданно оно ей даже понравилось, особенно в сравнении с кладбищем и колумбарием Донского монастыря.

Ей снова приходит мысль, на этот раз более реальная, о перезахоронении Маяковского: не на Красную площадь, а вот сюда, на Новодевичье. Осип будет рядом, да и ей когда-то место здесь может найтись. В связи с этим в канун 15-летия смерти Маяковского она пишет письмо Сталину, где взывает к чувствам вождя:

Зная, как Вы любите и цените его, обращаюсь к Вам и очень прошу Вас о Вашей помощи.

Пропуск Л. Ю. Брик для входа на Новодевичье кладбище (1976 г.)

Мне кажется, что Маяковский должен быть похоронен на Новодевичьем кладбище, там, где Гоголь и Чехов, где можно поставить надгробный памятник и посадить цветы... (РГАЛИ. Ф. 2577).

Никакой ответной реакции на это письмо не последовало, что, скорее всего, объяснялось объективными причинами: в трудные дни заключительного этапа войны (письмо Л. Ю. написано в марте 1945-го) вряд ли Сталин имел время на то, чтобы решать вопрос перезахоронения поэта, пусть даже «лучшего и талантливейшего».

И Лиле Юрьевне пришлось еще семь лет ездить по двум адресам: к Маяковскому — в колумбарий Донского крематория и к Брику — на Новодевичье. Она как-то смирилась, но, оказывается, не смирилась семья Маяковского (о чем Лиля Юрьевна даже не знала), и в особенности старшая сестра поэта, Людмила, которая начала по разным инстанциям добиваться того же: перезахоронения брата на Новодевичьем.

Людмиле Владимировне удалось в начале 1951 года решить этот вопрос не без помощи М. Сулова и его протече В. В. Воронцова, люто ненавидевшего Л. Ю. Брик и организовавшего вскоре ее широкомасштабную травлю.

Итак, 22 мая 1952 года состоялось перенесение на Новодевичье кладбище урны с прахом Владимира Маяковского из колумбария крематория Донского монастыря.

<...>

В газетах не говорилось, но под захоронение Маяковского на Новодевичьем кладбище была отведена просторная «семейная площадка» на четыре могилы... Младшая из сестер поэта, Ольга, к этому времени уже скончалась (1949 г.), и вскоре была без излишнего шума перезахоронена рядом с братом. Позже здесь же нашли пристанище мать поэта Александра Алексеевна (1954 г.) и старшая сестра Маяковского, Людмила (1972 г.).

Лиля Юрьевна прожила еще два десятилетия и, как мы знаем, добровольно ушла из жизни 4 августа 1978 года. В своем завещании, понимая, что путь на Новодевичье, где похоронены близкие ей Маяковский и Брик, заказан, она просила ее прах развеять. В мае 1979 года просьбу Л. Ю.

Новодевичье кладбище. Могила В. В. Маяковского, его матери и двух сестер.
 Фото автора (2008 г.). Публикуется впервые

выполнил Василий Абгарович Катанян. На опушке леса под Звенигородом стоит памятный камень с вырезанными на нем буквами Л Ю Б, повторяющими гравировку на кольце, которое когда-то подарил ей Маяковский. Они сливаются в бесконечное л-ю-б-л-ю-л-ю-б-л-ю-л-ю-б-л-ю, обращенное из Подмосквья на Новодевичье.

Как часто могилы этой знаменитой троицы посещают маяковскоеды и бриковеды? Статистики не существует, да и никак не учесть отдельные посещения почитателей, а вот по организованным кое-что сказать можно.

К Маяковскому на Новодевичье (и к памятнику теперь на Триумфальной — увы! — площади) дважды в год: в день рождения (19 июля) и день смерти (14 апреля) приезжает группа сотрудников музея поэта.

К последнему пристанищу Осипа Брика группами долго не приезжали. И только 12 февраля 2010 года здесь собрались участники Международной научной конференции «Первые Бриковские чтения». Это посещение было данью их уважения к человеку, творчество и дела которого стали темами 70 докладов конференции, и оно почти совпало с 65-летием со дня его смерти.

И только у захоронения Лили Брик бывают нечасто и лишь истинные почитатели Музы Поэта, легенды прошедшего XX века. Оставленные ими на памятнике-валуне цветы еще долго привлекают взгляды случайных прохожих и редких нарочных посетителей.

А. В. Валюженич. Что такое «плохо»

На прилавках магазинов появился «роман в письмах» Маргариты Смородинской «Маяковский и Брик. История великой любви в письмах», выпущенный московским издательством «Алгоритм» в 2014 году тиражом 1 500 экземпляров¹. Книга представлена как литературно-художественное издание для читателей старше 16 лет, на 288 страницах, богато иллюстрирована. Выход в свет этой книги в одном ряду с изданиями, посвященными 120-летию со дня рождения В. Маяковского, несомненно, положительная акция («хорошо!») издательства «Алгоритм», если бы...

Уже в аннотации говорится: *«Двадцать лет назад впервые была издана переписка В. Маяковского и Л. Брик. Книга “Любовь — это сердце всего” разлетелась в один миг»*. И все, больше об этой книге ни слова, хотя она, по сути, является первоисточником нынешнего издания. Речь идет о книге «Любовь — это сердце всего: В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик. Переписка. 1915–1930», выпущенная издательством «Книга» в 1991 году, которая, в свою очередь, является репринтным воспроизведением стоكгольмского издания (на русском языке) 1982 года². Составил, подготовил тексты писем, сопроводил их обстоятельными введением и комментариями шведский ученый-славист, профессор Стокгольмского университета Бенгт Янгфельдт.

В 2009 году в московском издательстве «КоЛибри» вышла книга Бенгта Янгфельдта «Ставка — жизнь» (переиздана в 2012 году под названием «“Я” для меня мало»), являющаяся наиболее полной биографией поэта в XXI веке.

В настоящее время Б. Янгфельдт входит в состав редакционной коллегии Полного собрания произведений В. В. Маяковского в 20 томах, которое начало выпускаться ИМЛИ и издательством «Наука» с 2013 года.

Издательству «Алгоритм» должно быть неудобно перед шведским ученым, отдавшим много сил развитию маяковствоведения, за игнорирование его работ, с которыми напрямую связано только что выпущенное издание³.

Но в рассматриваемой нами книге есть еще одна ляпа (или преднамеренная акция?!), которая не может остаться незамеченной. На с. 227, под известной фотографией «Владимир Маяковский и Осип Брик», помещен стишок:

...Вы думаете, что Ося Брик —
Исследователь русского языка?
А на самом деле он шпик
И следователь ВЧК...

И подпись: В. Маяковский.

Как же это так? Рядом помещены десятки писем Маяковского, в которых он передает самые теплые приветы Осипу Максимовичу, а оказывается, втихую сочиняет на него злую эпиграмму. Нельзя сказать, что

Обложка книги Маргариты Смородинской «Маяковский и Брик. История великой любви в письмах»

ранее она не была известна. Она даже публиковалась, но всегда анонимно, с примечанием «приписывается Сергею Есенину». Наконец-то Маргарита Смородинская открыла нам глаза на двурушничество В. Маяковского. Теперь становится понятным, почему неодобрительно относился к нему Ленин, всю жизнь борющийся с двурушниками всех мастей, и, наоборот, вознес его на вершину советского поэтического олимпа Сталин, очень ценивший таких людей.

Нет, неправда все это!

Не писал В. Маяковский этот пасквиль на своего лучшего друга. Нет (и не может быть!) никаких доказательств его авторства, а значит, эта публикация может быть расценена как банальная клевета М. Смородинской и издательства «Алгоритм» по адресу известного поэта XX века и требует сатисфакции.

Но кто предъявит виновным иск за нанесенное В. Маяковскому оскорбление?

Его американская дочь⁴, которая готовится отметить в Нью-Йорке свое 90-летие? Вряд ли. Она не владеет русским языком и наверняка не знакома с этим шедевром маяковсковедения, бездоказательно обвинившим ее отца в двурушничестве.

Группа маяковсковедов из ИМЛИ, работающая над выпуском нового, академического Полного собрания произведений В. Маяковского в 20 томах и контролирующая в связи с этим все рукописное наследие поэта? Вряд ли. Они слишком заняты подготовкой к изданию очередных томов,

Владимир Маяковский и Осип Брик

*...Вы думаете, что Осип Брик –
Исследователь русского языка?
А на самом деле он шлик
И следователь ВЧК...*

В. Маяковский

227

Страница 227 романа в письмах М. Смородинской «Маяковский и Брик...» где под снимком О. М. Брика и В. В. Маяковского известная эпиграмма, приписанная Маяковскому

да и считают, по-видимому, ниже своего академического достоинства откликаться на подобные проколы в каком-то «романе в письмах», предназначенном для рядового читателя.

Московский музей В. В. Маяковского? Вряд ли. Он сейчас вообще закрыт, а руководство занято грандиозным капитальным ремонтом и реконструкцией экспозиции на фоне проводящейся кадровой чистки научного персонала.

Зародившаяся группа бриковедов, которая уже дважды провела в Москве Бриковские чтения, закончившиеся выпуском двух Бриковских сборников? Вряд ли. Эта группа не имеет юридического статуса, действует на добровольных, самодеятельных началах, от случая к случаю, вернее — от «Чтения» к «Чтению».

И остается лишь надеяться, что эта реплика в «Литературной России» даст ответ на извечный вопрос «Что такое “хорошо” и что такое “плохо”» и откроет глаза пытливому читателю на оскорбительную для поэта неправду, заложенную в приписываемом ему стихике в книге М. Смородинской, изданной в «Алгоритме».

АНАТОЛИЙ ВАЛЮЖЕНИЧ: САМ О СЕБЕ

Без малого четыре десятилетия, или половину прожитой жизни, я занимаюсь так называемым бриковедением, то есть собираю и изучаю материалы, связанные с жизнью и творчеством О. М. и Л. Ю. Брик. Перечитал гору книг, журнальных и газетных статей, как de visu, так и в Интернете (по крайней мере, на русском языке), где их имена хотя бы упоминаются. Неплохо знаю богатый архив Бриков, хранящийся в РГАЛИ (ЦГАЛИ), работал с их документами и в других архивах. Много времени провел в Ленинской библиотеке, в том числе и в ее загородном Газетном зале. Встречался с людьми, знавшими Бриков, переписывался и с самой Лилей Юрьевной, правда лишь в последний год ее жизни.

За эти годы у меня собралась приличная специализированная библиотека по маяковсковедению и бриковедению, а также архив и коллекция редких материалов по этим направлениям.

Результатом моих исследований стали выпущенные мной три (пока что!) книги (считая и эту), многочисленные статьи в газетах и журналах Казахстана, России, Франции. Они оказались достаточно востребованными, и на них имеется ряд ссылок в исследованиях других авторов. Я даже завел отдельную папку, в которую собираю все эти материалы, с гордым названием «Брикня».

Однако возраст заставляет меня подводить какие-то итоги моей литературоведческой работы.

Когда-то, в начале этого увлечения, моей жене, работавшей на компьютере, неожиданно выплыли на экране монитора слова:

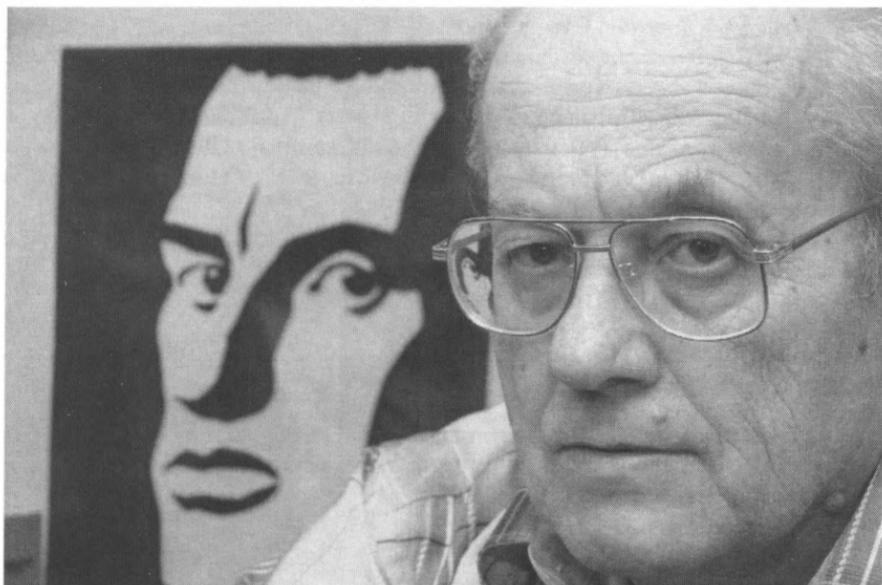
И он уже не тот, что был вначале,
Другие люди, став его судьбой,
Призвав, его уведут за собой...

Позднее выяснилось, что эти слова поэта Рильке были запущены разработчиками какой-то компьютерной программы для ее тестирования. Но они оказались пророческими: персонажи бриковедения увели меня и из инженерии, которая была моей профессией, да и из семьи...

Как-то мне попало на глаза интересное высказывание Людмилы Сараскиной о книге И. Золотусского о Гоголе, которое я примерил на себя: *«Если человек создает не саму литературу, а только пишет о ней, то есть кладет единственную жизнь на алтарь чужой славы и чужого слова, он может оправдать такое занятие — хотя бы лишь в своих собственных глазах — только грандиозностью, неисчерпаемостью предмета. Чтобы сказать самому себе — на это и жизни не жалко»*¹.

Могу ли я с такой твердостью ответить положительно на этот вопрос? Да, могу.

Многолетнее занятие бриковедением выразилось не только в тех публикациях, которые я подготовил и которые заняли свою нишу в истории

Анатолий Валюженич

(литературы, искусства, общества), но много дали мне самому — способствовали превращению меня из технаря в гуманитария, а вернее, в некоего «двуликого Януса».

И я хотел бы заключить это эссе словами И. Варшавского, который, как и я, проработав всю жизнь военным инженером, лишь на склоне лет занялся научной фантастикой и немало преуспел на этом новом для него писательском поприще²:

Со мной несправедлив был Бог
И поздно было начинать сначала.
Я многое бы сделать мог,
Но сделал мало...

г. Астана (Казахстан)
Ноябрь 2012 г.

ПОСЛЕДНИЕ РАБОТЫ ПО БРИКОВЕДЕНИЮ

Книга «Лиля Брик — жена командира», составившая первую часть настоящей дилогии, впервые увидела свет в 2006 году (издательство «Проксима», г. Астана, Казахстан), в 2008-м она была переиздана повторно (издательство «Русская деревня», г. Москва), и оба раза мизерными тиражами. Тем не менее книга не осталась незамеченной и вызвала обстоятельные рецензии:

- Геннадий Доронин.* Сто лет прозы // Казахстанская правда. 24.11.2006.
Аркадий Ваксберг. Загадки ЛЮБ // Литературная газета. 15–21.10.2008.
Виктор Бадиков. Кому служила жена командира? Новая книга о «вдове» Маяковского // Книголюб (журн., г. Алматы). 21.05.2008.
Андрей Крусанов [Рецензия на кн. А. Валюженича] // Дети Ра. 2008. № 12.
Леонид Кацис [Рецензия на кн. А. Валюженича] // Новое литературное обозрение. 2008. № 2.
Мишель Никё [Рецензия на кн. А. Валюженича, на фр. яз.] // Le revue russe. 2010. № 34.

И другие.

Кроме того, различные упоминания и ссылки на книгу появились в таких изданиях, как:

Bengt Jangfeldt. Med livet som insats: Berättelsen om Vladimir Majakovskij och hans krets [Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг]. Stockholm: Wahlström & Widstrand Övrigt, 2007 (на швед. яз.); а также ряд других зарубежных изданий.

Бенгт Янгфельдт. Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг / пер. со швед. Аси Лавруши и Бенгта Янгфельдта. М.: КоЛибри, 2009.

Бенгт Янгфельдт. «Я» для меня мало. Революция/любовь Владимира Маяковского / пер. со швед. Аси Лавруши и Бенгта Янгфельдта. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2012.

Аркадий Ваксберг. Пожар сердца. Кого любила Лиля Брик. М.: Астрель: Олимп, 2010.

А. М. Ушаков. Маяковский — вчера и сегодня // Творчество В. В. Маяковского в начале XXI века: Новые задачи и пути исследования: сб. М.: ИМЛИ РАН, 2008.

Ефим Шмуклер. О Лиле Брик — несколько штрихов // Лебедь (журн., г. Бостон, США). 03.02.2008.

Наталья Гук. О Бриках — с любовью // ИнфоЦЕС (г. Астана). 23.04.2010.

И другие.

В начале 2000-х годов группа московских филологов под руководством профессора Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова (МГУП), доктора филологических наук Г. В. Векшина¹ решила провести публичные чтения, посвященные многогранному творчеству О. М. Брика. Был образован оргкомитет (в его состав вошел и я), который занялся подготовкой мероприятий.

В результате МГУП провел уже две международные научные конференции: Первые Бриковские чтения «Поэтика и фоностилистика», посвященные 80-летию МГУП, состоялись 10–12 февраля 2010 года (в ней участвовали представители семи стран, было прочитано более 70 докладов); Вторые Бриковские чтения «Методология и практика русского формализма», посвященные 125-летию О. М. Брика, — 20–24 марта 2013 года (в этой конференции приняли участие представители уже из 20 стран, они

Книги А. Валюженича

прочитали более 100 докладов). По материалам конференций выпущены «Бриковские сборники» (отв. редактор Г. В. Векшин), где опубликованы и мои работы, а кроме того, я вхожу в состав редакционной коллегии обоих сборников.

Следует упомянуть, что одна из участниц обеих конференций, проживающая в США Наталья Курчанова² (она защитила в 2005 году в Нью-Йоркском университете диссертацию, посвященную О. Брику³), опубликовала в журнале “October 134” (MIT Press, 2010) переведенные ею на английский язык 20 статей О. М. Брика⁴.

В 2011–2014 годах выходили также мои статьи в периодических изданиях и сборниках:

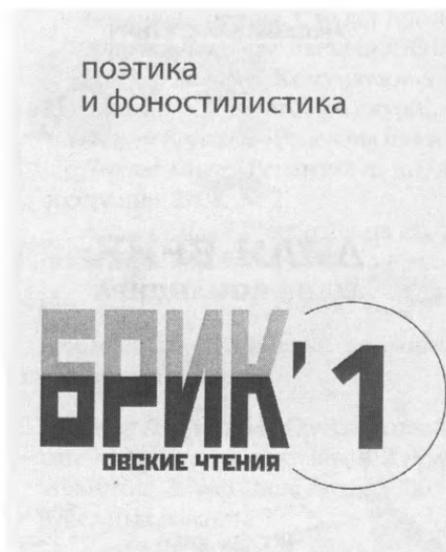
В экране, слове, раме... К юбилею феноменальной Лили Брик // НГ — Ex libris (Лит. прилож. к «Независимой газете»). 10.11.2011. С. 4.

Библиография В. В. Маяковского: дополнения и исправления (Обзоры и рецензии) // журн. «Библиография» (М.). 2012. № 3 (май-июнь). С. 86–94.

«Целую, люблю, скучаю...». Что связывало Маяковского и Лилию Брик со Свердловском? // Уральский рабочий. 12.10.2013.

Брики в эвакуации. Судьба любимой женщины Маяковского оказалась тесно связанной с Уралом // Уральский рабочий. 29.05.2014.

Они были расстреляны... // Диалог цивилизаций (Труды Института мировой культуры КРСУ, г. Бишкек). 2015. № 1(19). С. 206–220.

Министерство образования и науки Российской Федерации
 Московский государственный университет печати
 факультет издательского дела и журналистики
 кафедра русского языка и стилистики

Российская академия наук
 Институт русского языка им. В.В. Виноградова

Программа
 международной научной конференции

1-е Бриковские чтения
 ПОЭТИКА И ФОНОСТИЛИСТИКА

[Москва, МГУП, 10–12 февраля 2010 г.]

Москва – 2010

Программа международной научной конференции «Первые Бриковские чтения» (2010 г.)

«Бриковский сборник», вып. 1 (2010 г.). Программа международной научной конференции «Вторые Бриковские чтения» (2013 г.)

Осип Брик. О рекламе / [сост., примеч. и послесловие А. Валюженича]. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 96 с.: ил. (Серия "MINIMA, 03").

Радостнейшая дата в календаре 1915 года // Творчество В. В. Маяковского. Вып. 2: Проблемы текстологии и биографии. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 608 с. С. 581–588.

Отмечу, что обе статьи в газете «Уральский рабочий» представляют собой фрагменты, вошедшие в настоящую диологию. Документальное повествование «Они были расстреляны...» является журнальным вариантом главы «Предыстория (Дополнение к тому 1)».

В течение двух последних лет (2012–2014) по гранту РГНФ 04-100 группой специалистов проводится работа по созданию системы электронных ресурсов на тему «Методология русского формализма. Творческое наследие Осипа Брика». Мною переданы в эту группу собранные работы О. М. Брика в оцифрованном виде, подготовлен ряд комментариев и обзорных статей. Уже в ближайшее время желающие смогут ознакомиться с творческими работами О. М. Брика и комментариями к ним на сайте: www.ruformalism.ru.

БРИКОВЕДЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Астана, май 2015 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Нумерация ссылок в примечаниях самостоятельна для каждой части. При необходимости сослаться на данное выше примечание указывается:

— его порядковый номер (например, «75»), если примечание находится в этой же части;

— название (т. е. год) части и порядковый номер примечания (например, «1938 — 118»), если оно находится в одной из предыдущих частей.

1938 год

¹ См.: Иосиф Виссарионович Сталин: краткая биография / 2-е изд. М.: Политиздат, 1950. С. 163.

² Георгий Леонидович Пятаков, 1-й заместитель народного комиссара тяжелой промышленности СССР, Карл Бернгардович Радек, журналист и активный деятель международного коммунистического и социал-демократического движения, с ними еще 15 человек были осуждены по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» (Второй Московский процесс). Все осужденные реабилитированы в 1963—1988 гг.

³ Михаил Николаевич Тухачевский, маршал Советского Союза, Иона Эммануилович Якир, командарм 1-го ранга, командующий войсками Киевского военного округа, и еще семеро военачальников (в число которых входил и муж Л. Ю. Брик, Виталий Маркович Примаков, на момент ареста зам. командующего войсками Ленинградского военного округа) были осуждены за участие в военно-фашистском, антисоветском заговоре, обвинены в организации военного заговора с целью захвата власти. Все расстреляны сразу по вынесении приговора (кроме первого зам. наркома обороны СССР Я. Б. Гамарника, застрелившегося накануне ареста). Дело стало известно как «Дело Тухачевского». В 1957 г. все подсудимые были оправданы и реабилитированы.

⁴ Николай Иванович Бухарин, главный редактор газеты «Известия», директор образованного в 1932 г. Института истории науки и техники АН СССР, Алексей Иванович Рыков, председатель Правительства СССР (январь 1924 — декабрь 1930), переведенный впоследствии на должность наркома почт и телеграфов СССР, а затем лишившийся и ее, Николай Николаевич Крестинский, первый зам. наркома иностранных дел, наркома юстиции СССР, Аркадий Павлович Розенгольц, нарком внешней торговли СССР, и еще 17 государственных и партийных руководителей СССР были осуждены по делу антисоветского «правотроцкистского блока» (Третий Московский процесс, или Процесс двадцати одного, 1938 г.). Все были расстреляны по вынесении приговора, кроме Плетнева, Раковского и Бессонова (их расстреляли позже, в 1941-м, при приближении гитлеровских войск). Все осужденные реабилитированы спустя долгие годы (1963, 1988).

⁵ Цит по: История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М.: Политиздат, 1955. С. 331–332.

⁶ Гриц Теодор Соломонович (1905–1959) — писатель, литературовед. В содружестве с Н.И. Харджиевым и В.В. Трениным с начала 1930-х гг. занимался историей русского футуризма. Автор работ о прозе В. Хлебникова.

⁷ Катанян Василий Абгарович (1902–1980). Всего он подготовил пять изданий широкоизвестной биографии поэта «Маяковский. Литературная хроника» (1945, 1948, 1956, 1961, 1985).

⁸ Беспалов Иван Михайлович (1900–1937), литературовед, критик, редактор ряда журналов, к моменту описываемых событий уже репрессирован и расстрелян.

⁹ Яковлев Б. Преступное безразличие // Лит. газета. 1938. 5 окт.

¹⁰ Обсуждение первого собрания сочинений В. В. Маяковского // Лит. газета. 1938. 20 окт. С. 1. Материал подписан инициалами — Ю. И. С.

¹¹ Дымшиц Александр Львович (1910–1975) — критик, литературовед; в 1936 г. он окончил аспирантуру Ленинградского пединститута им. А. Герцена, где в дальнейшем преподавал.

¹² Известно, что автором монограммы из латинских «М» и «W», расположенных одна над другой, была Л. Ю.: такая гравировка на кольце, подаренном Маяковскому еще в 1916 г. По указанию той же Л. Ю. монограмма была помещена и на всех томах ПСС под ее общей редакцией. Но еще одно, неожиданное, толкование этой монограммы дали И. Белобровцева и С. Кульнюс в своем комментарии к «Мастеру и Маргарите» (Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Комментарий. М.: Книжный Клуб 36,6, 2007. 496 с. С. 181):

Возможна... ассоциация — противопоставление (или зеркальное отражение, переинвазивное левое и правое) Воланда (“W”) фаустинскому Мефистофелю (“M”).

Сплетение заглавных букв “W” и “M” в их антимонии могло происходить из нескольких источников.

Маяковский и Лилия Брик обменялись кольцами, на которых были выгравированы их инициалы. При этом буквы Л, Ю, Б ее кольца, повторяясь, составляли слово «ЛЮБЛЮ», а инициалы Маяковского были написаны латиницей — М, W.

Булгаков мог не знать этого факта, однако, те же две латинские буквы, поставленные одна на другую и ясно демонстрирующие свое зеркальное соотношение, украшали переплет полного собрания сочинений Маяковского, изданного в 1930-е гг. (последний, дополнительный том увидел свет в 1938 г.). Эта деталь среди нескольких других может служить еще одним подтверждением предположения об использовании облика Маяковского (М) как одного из прототипов Воланда (W).

¹³ Одна из возможных причин отсутствия именного указателя по всему Полному собранию сочинений в дополнительном томе — та, что в томах ПСС, вышедших в предыдущие годы, встречались фамилии, упоминание которых в 1938 г. по цензурным соображениям было уже недопустимо (кстати, этого не могли не понимать и сотрудники Института литературы АН, которые сделали свое замечание).

¹⁴ Мейлах Борис Соломонович (1909–1987), литературовед. С 1935 г. ведет научную работу в Пушкинском доме. Автор ряда работ о А. С. Пушкине, в известной степени идеологизированных, первая из которых — «Пушкин и русский романтизм» — вышла в 1937 г.

¹⁵ Орлов Владимир Николаевич (1908–1985) — литературовед. В 1929–1937 гг. сотрудничал во многих ленинградских газетах и журналах. В 1938–1939-м заведовал критическим отделом журнала «Литературный современник».

¹⁶ Цехновицер Орест Вениаминович (1899–1941) — литературовед. С 1937 г. — ученый секретарь и заведующий архивом ИРЛИ. В 1938 г. получил ученую степень кандидата филологических наук. Владея испанским, французским, немецким, английским и итальянским языками, вел курсы по русской и западной литературе эпохи империализма и пролетарской революции на филологическом факультете ЛГУ

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 601.

¹⁸ Альтман Натан Исаевич (1889–1970) — художник-авангардист, скульптор, театральный художник; был близким знакомым Л. Ю. Брик.

¹⁹ Катанян (Клепацкая) Галина Дмитриевна (1904–1991) была замужем за В. А. Катаняном с 1921 г., в 1924 г. у них родился сын. В молодости Г. Д. занималась журналистикой, потом была эстрадной певицей. Катаняны дружили с Маяковским и Бриками, часто встречались с ними. Г. Д. написала воспоминания о Маяковском «Азорские острова», которые неоднократно публиковались.

²⁰ Генс-Катанян Инна Юлиусовна (Юльевна) (1928–2014) — киновед, специалист по японскому кино, публиковала работы по этой теме. Жена Василия Васильевича Катаняна, она после смерти супруга продолжила начатое им издание книг о Л. Ю. Брик, организовала проведение ряда выставок, посвященных ей.

²¹ *Генс-Катанян И. Ю.* Дома и миражи. Н. Новгород: Деком, 2005. 312 с. С. 11.

В этой книге автор рассказывает об уникальной рукописной книге, созданной талантливыми художником Михаилом Кулаковым и поэтом Виктором Соснорой. Книга, подаренная Л. Ю. и ее мужу, В. Катаняну, соединяла «экспрессивные иллюстрации с напоминающим японскую каллиграфию почерком художника» (в 1964 г. Кулаков переписал на листах плотной бумаги серию стихов Сосноры на тему «совы»). Надо добавить, что Л. Ю. очень ценила Соснору и считала лучшим поэтом его поколения (см.: *Крючков П.* Маяковский, Лиля Брик и Соснора (Звучащие альманахи, чтения, аудиокниги. Ч. 2) // *Новый мир.* 2007. № 8. Доступно также по ссылке URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/8/kr22.html (дата обращения: 20.03.2010).

²² Катанян Василий Васильевич (1924–1999) — кинорежиссер-документалист, снял фильмы о С. Эйзенштейне, Поле Робсоне, М. Плисецкой, А. Райкине, Л. Зыкиной и др. Заслуженный деятель искусств России, лауреат Ленинской премии. После выхода на пенсию написал и издал ряд мемуарных книг о Л. Ю. Брик, С. И. Параджанове и др.

²³ Супруги Данциг Акиба Наумович и Ида Юльевна, сестра Е. Ю. Каган.

²⁴ Во французском издании (Lili Brik — Elsa Triolet. Correspondance (1921–1970)) здесь стоит «avec le petit» — «с малышом». По-видимому, так Л. Ю. шутливо называет В. А. Катаняна на языке, понятном сестре. Возможно, так она уже называла его в своих письмах 1936–1937 гг., исчезнувших потом в ее парижском архиве.

²⁵ Л. Ю. изваяла в тонированном гипсе голову Маяковского и передала ее 7 апреля 1938 г. в Музей В. В. Маяковского.

²⁶ Павленко Петр Андреевич (1899–1951) — советский писатель, чьи произведения в сталинскую эпоху считались классикой; автор ряда сценариев к фильмам, в том числе «Александр Невский» (совместно с М. Эйзенштейном), за который получил свою первую Сталинскую премию I степени. По некоторым сведениям (об этом пишет, в частности, Н. Мандельштам в своих «Воспоминаниях»), Павленко присутствовал на допросе О. Мандельштама по приглашению своего друга-следователя. Впоследствии именем П. А. Павленко была названа в Переделкуно улица, на которой стояла дача, где жила в последние свои годы и скончалась Л. Ю.

²⁷ Лидин (наст. фамилия — Гомберг) Владимир Германович (1894–1979) — писатель, преподаватель Литературного института; не принадлежал ни к какой из литгруппировок, был хорошо знаком со многими далекими от литературного официоза писателями, о которых написал в своей книге «Люди и встречи» (изд. 1957, 1961, 1965 гг.).

²⁸ Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982) — писательница, журналистка. В 1922–1948 гг. работала спецкором газеты «Правда», одновременно несколько лет сотрудничала с «Известиями». В 1930–1931 гг. писала роман «Гидроцентральный» — результат проведенных ею лет на строительстве ДзораГЭС (Армения). В 1934 г. на Первом съезде советских писателей избрана членом правления Союза писателей (СП) СССР. В 1941 г. получила степень доктора филологических наук за книгу о Тарасе Шевченко. Член ВКП(б) с 1942 г. Герой Соц. Труда (1976), лауреат Сталинской (1951) и Ленинской (1972) премий, награждена несколькими орденами. С другой стороны, в позднее советское время литературный оппортунизм Шагинян вызывал насмешки некоторых критиков.

²⁹ Пермитин Ефим Николаевич (1895–1971) — писатель, журналист. Жил в Сибири, в Москву приехал в 1931 г., но в 1938 г. был арестован по ложному обвинению, до 1944 г. провел в ссылке. Получил Гос. премию им. М. Горького за автобиографическую трилогию «Жизнь Алексея Рокотова» (1970), над которой работал с конца 1950-х. Секретарь СП РСФСР с 1970 г.

³⁰ Публикуется впервые.

³¹ Публикуется впервые.

³² Публикуется впервые.

³³ Публикуется впервые.

³⁴ Публикуется впервые.

³⁵ Публикуется впервые.

³⁶ Публикуется впервые.

³⁷ Публикуется впервые.

³⁸ Публикуется впервые.

³⁹ Губанова Анна Фоминична (1869–1957) — домработница в семье Бриков и Маяковского, упомянута Маяковским в поэме «Про это».

⁴⁰ Скульптурный автопортрет Л. Ю. Брик.

⁴¹ Лекарство от изжоги «Епо», в настоящее время позиционируется как пищевая добавка.

⁴² Дом творчества писателей в Переделкино.

⁴³ Дорожный резиновый таз В. Маяковского был уже передан Л. Ю. в музей.

⁴⁴ Собака П. А. Павленко.

⁴⁵ Соболев Леонид Сергеевич (1898–1971) — писатель, журналист. С 1934 г. был членом правления СП СССР. Во время советско-финской войны (1939–1940) работал военным корреспондентом, в Великую Отечественную войну — корреспондентом «Правды», Совинформбюро и Главного политического управления Военно-морского флота.

⁴⁶ Розенталь Золман Срулевич (1889–1959) — еврейский писатель, фольклорист, журналист; одно время работал в редакции журнала «Литературный критик».

⁴⁷ Либединский Юрий Николаевич (1898–1956) — писатель, председатель Центральной ревизионной комиссии СП СССР с 1934 г.

⁴⁸ Хащевин Захар Львович (1903–1941) — писатель, журналист, переводчик, сценарист. Автор написанного вместе с Лапиным пророческого стихотворения «Погиб репортер в многодневном бою...

⁴⁹ Горбатов Борис Леонтьевич (1908–1954) — писатель, сценарист. В 1930-х был корреспондентом газеты «Правда» в Арктике. Во время Великой Отечественной войны работал военным корреспондентом. Секретарь СП СССР.

⁵⁰ Родная сестра Е. Г. Соколовой, гражданской жены О. М. Брика.

⁵¹ Сотрудник дирекции Библиотеки-музея В. Маяковского.

⁵² Вторая родная сестра Е. Г. Соколовой.

⁵³ Более подробные сведения о фотографии неизвестны.

⁵⁴ В Гендриковом переулке находится Библиотека-музей В. Маяковского (официальное название), которую Л. Ю. в переписке называет то «Музей», то «Библиотека».

⁵⁵ После отдыха в Сочи О. М. с Е. Г. планировали отдохнуть в Переделкино, путевки куда следовало получить в Союзе писателей.

⁵⁶ Поэт Лев Гринкруг (1889–1987). Не имея своей семьи, много времени проводил в «семье» Бриков.

⁵⁷ Погодин (наст. фамилия — Стукалов) Николай Федорович (1900–1962) — известный сценарист и драматург. В 1937 г. написал пьесу «Человек с ружьем» — первую часть трилогии о Ленине. В 1941 г. за нее он получил Сталинскую премию I степени, а в 1959 г. за всю трилогию награжден Ленинской премией. Сталинскую премию II степени получил за сценарий «Кубанские казаки» (1951).

⁵⁸ Вишневский Всеволод Витальевич (1900–1951) — писатель, сценарист и драматург. Входил в группу «Литфонд». С 1937 г. член ВКП(б). В 1934–1948 гг. — главный редактор журнала «Знамя». Участвовал в советско-финляндской и Великой Отечественной войне, в обороне Ленинграда. Работал корреспондентом газеты «Правда», возглавлял оперативную группу писателей при политуправлении Балтфлота. В 1950 г. награжден Сталинской премией I степени за «Незабываемый 1919».

⁵⁹ Публикуется впервые.

⁶⁰ Публикуется впервые.

⁶¹ Скульптурный автопортрет Л. Ю. Брик.

⁶² Брюханенко Наталия Александровна (1905–1984), познакомившаяся с Маяковским в 1925 г., в то время, когда была редактором в Госиздате, после смерти поэта оставалась в дружеских отношениях с Бриками. Марк Моисеевич — муж Н. Брюханенко.

⁶³ Каган (урожд. Берман) Елена Юльевна (1872–1942) с 1918 г. жила в Лондоне, где работала в советском представительстве «Аркос». С выходом на пенсию в 1932 г. вернулась в Москву.

⁶⁴ Регина Федоровна Глаз (1885–1968), кузина Л. Ю.

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. I. Д. 264.

⁶⁶ Публикуется впервые.

⁶⁷ По-видимому, не сохранилось какое-то письмо Л. Ю., из которого было бы понятно, о чем идет речь — кому и что должен ответить О. М. о Маяковском.

⁶⁸ Публикуется впервые.

⁶⁹ Лев Гринкруг.

⁷⁰ Так Л. Ю. называет работника финотдела издательства, который должен выплатить ей гонорар.

⁷¹ Михалков Сергей Владимирович (1913–2009) — писатель, поэт, баснописец, драматург. Автор Гимна СССР (впоследствии автор нового текста на ту же музыку, уже для Гимна России). На 1930-е гг. приходится начало его активной творческой деятельности. В 1935 г. вышел знаменитый «Дядя Степа». В 1936 г. Михалков

опубликовал в «Правде» стихотворение «Светлана», чем заслужил симпатию Сталина. В 1937 г. стал членом СП СССР. В этот же период учился в Литинстиуте (1935–1937). Во время Великой Отечественной войны был корреспондентом газет «Во славу Родины», «Сталинский сокол». Обладатель многих наград: орденов (в том числе 4 орденов Ленина), медалей, премий (в том числе Ленинской, нескольких Сталинских, Государственной премии СССР). Герой Соц. Труда.

⁷² Панферов Федор Иванович (1896–1960) — писатель, прозаик, главный редактор журнала «Октябрь» с 1931 г. Лауреат Сталинской премии II и III степени (1948, 1949).

⁷³ Чичеров Владимир Иванович (1908–1957) — фольклорист, этнограф, сотрудник ИМЛИ АН СССР. В 1930-е гг. выходят первые печатные работы Чичерова, посвященные разным вопросам народного творчества (всего было создано 100 научных работ — монографий, статей и пр., многие переведены на иностранные языки). В этот же период он готовит материал для кандидатской диссертации «Школы сказителей Заонежья» (1941). Докторская диссертация посвящена несколько другой теме — «Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX вв.» (1948, опубл. 1957).

⁷⁴ По-видимому, В. А. Катанян работает над «Рассказами о Маяковском», которые выйдут отдельным изданием в 1940 г.

⁷⁵ Публикуется впервые.

⁷⁶ Публикуется впервые.

⁷⁷ Надежда Штеренберг (1897–1979), жена художника Д. П. Штеренберга, близкая знакомая Бриков, дочь Штеренбергов Виолетта — по-домашнему ее называли Фиалка (1910–1995), — художница, и Лев Гринкруг.

⁷⁸ То есть Л. Ю. достала путевки для О. М. и Е. Г. в Союзе писателей.

⁷⁹ Перечисляются гонорары, поступившие О. М. из разных мест, например из Харькова — за публикацию его статьи «Поэт — патриот» в газете «Харьковский рабочий» за 13 апреля 1938 г.

⁸⁰ Лавут Павел Ильич (1898–1979) — устроитель лекционных поездок В. Маяковского в 1926–1930 гг.

⁸¹ Известно, что О. М. Брик составлял сборник для радиокomiteта: Певец революции. М., 1938. 15 с. (Стеклографированное издание. Микрофонные материалы Всесоюзного радиокomiteта).

⁸² Публикуется впервые.

⁸³ Кассиль Лев Абрамович (1905–1970) — писатель, фельетонист, спецкор газеты «Известия» (1928–1937). В 1937 г. был также ответственным редактором детского журнала «Мурзилка».

⁸⁴ Публикуется впервые.

⁸⁵ Афиногенов Александр Николаевич (1904–1941) — драматург, чьи ранние пьесы написаны под влиянием принципов Пролеткульта, но позже приобрели психологически-реалистический характер, тяготея к чеховской традиции. В 1934 г. Афиногенов был избран в президиум правления СП СССР, назначен редактором журнала «Театр и драматургия». Но с конца 1936-го писатель стал объектом клеветы, пьесы его запрещены, а в 1937 г. он исключен из ВКП(б) и Союза писателей. Опальный Афиногенов не был репрессирован, жил в Переделкино, где многие его избегали, но, например, подружился с ним Б. Пастернак. В это время он начинает писать роман «Три года». В 1938 г. снова восстановлен в партии.

⁸⁶ Инбер Вера Михайловна (1890–1972) — поэтесса и прозаик, была знакома с Маяковским. По легенде, В. Маяковский, услышав строчки из поэмы Инбер

о Стеньке Разине (невинно ею прочтенные со сцены в пятую годовщину Революции): «Ой ты гой еси царь батюшка, / Сруби лихую голову!» — прочел ей тут же эпиграмму:

Ах у Инбер, ах у Инбер что за глазки, что за лоб!

Так всю жизнь бы любовался, любовался на нее б.

Впрочем, существуют и другие варианты этих скабрёзных строк, на которые Вера Инбер как будто не обиделась. Л. Ю., разумеется, об этом случае было хорошо известно.

⁸⁷ Вторая жена Бориса Пастернака с 1932 г. — Зинаида Николаевна (1898–1966), бывшая жена пианиста Генриха Нейгауза.

⁸⁸ Коваленков Александр Александрович (1911–1971) — поэт-песенник, прозаик, автор работ по теории поэзии.

⁸⁹ Долматовский Евгений Аронович (1915–1994) — поэт, автор текстов многочисленных песен. В 1937 г. окончил Литинститут. Первая книга лирики вышла в 1934 г. В 1932–1934 гг. работал на строительстве Московского метро. Незадолго до описываемых событий, 28 марта 1938 г., был арестован отец Долматовского по обвинению в участии в контрреволюционной организации, но расстреляют его в феврале 1939 г. Сам поэт преследованиям не подвергался.

Жена — И. В. Долматовская (1916–2004), о ней почти ничего не известно.

⁹⁰ Кинорежиссер Лев Владимирович Кулешов (1899–1969) и его жена, киноактриса Александра Сергеевна Хохлова (1897–1985).

⁹¹ Перцов Виктор Осипович (1898–1981) — литературовед, входил в группу ЛЕФ. В конце 1930-х был определен как «главный официальный биограф Маяковского».

⁹² Публикуется впервые.

⁹³ Н. А. Брюханенко.

⁹⁴ «Ма» — настольная китайская игра «маджонг».

⁹⁵ Публикуется впервые.

⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 601.

⁹⁷ Коммунистическая академия — высшее учебное и научно-исследовательское учреждение по общественным и естественным наукам (1918–1936). Многие годы Комакадемия была ведущим центром в области общественных наук. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) (опубл. 8 февраля 1936 г.) Комакадемия была ликвидирована в целях объединения деятелей науки в одном государственном научном центре — АН СССР.

⁹⁸ Маяковский В. В. Полное собр. соч. М.: Гослитиздат, 1935. Т. 1. С. 178–180.

⁹⁹ Здесь почему-то не упоминается первая публикация этого стихотворения в «Альманахе с Маяковским» (М.: Сов. литература, 1934. С. 75–76).

¹⁰⁰ Маяковский В. В. Полное собр. соч. М.: ГИХЛ, 1936. Т. 2. С. 153–163.

¹⁰¹ Маяковский В. В. Полное собр. соч. М.: ГИХЛ, 1934. Т. 5. С. 178–180.

¹⁰² Яковлева Татьяна Алексеевна (1906–1991) — парижская любовь Маяковского. «Письмо Татьяне Яковлевой» впервые было напечатано в СССР в журнале «Новый мир», в № 4 за 1956 год.

¹⁰³ Серебрянский Марк Исаакович (1900–1941) — поэт, литературный критик, профессор ИМЛИ.

¹⁰⁴ *Езерская А.* В Библиотеке-музее В. В. Маяковского // Правда. 1938. 5 окт.

¹⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 608.

¹⁰⁶ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 104. Можно предположить, что в своей повести «Еврей и блондинка» О. М. Брик перечисляет видных советских и государственных деятелей, с которыми ему самому довелось встречаться.

¹⁰⁷ Межрабпом (Международная рабочая помощь) — международная организация пролетарской солидарности — основана в сентябре 1921 г. на проходившей в Берлине Международной конференции комитетов помощи населению голодающих районов Советской России. В 1924 г. стала пайщиком киноорганизации «Русь», которая получила название «Межрабпом-Русь» (с 1928 г. — «Межрабпомфильм»). Существовала до середины 1936 г. О. М. Брик был руководителем сценарного отдела этой организации.

¹⁰⁸ Агранов Яков Саулович (Соренсон Янкель Шмаевич) (1893—1938) в декабре 1936 г. был назначен на должность начальника ГУГБ НКВД СССР, принял активное участие в подготовке Второго московского процесса. В апреле 1937 г. понижен в должности до зам. наркома внутренних дел — начальника 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, в мае смещен и назначен на должность начальника Управления НКВД Саратовской области. В июле 1937 г. исключен из партии, арестован. Расстрелян 1 августа 1938 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР на Расстрельном полигоне «Коммунарка».

По мнению ряда исследователей, именно Агранов организовал «самоубийство» Маяковского, но это не нашло документального подтверждения.

После двух отказов в реабилитации Агранова по ходатайству его дочери в 1955 и 2001 гг. он неожиданно был реабилитирован Прокуратурой России в начале 2013 г., но после многочисленных протестов общественности эта реабилитация в августе 2013 г. Верховным судом России была отменена.

¹⁰⁹ Агранова (Чернявская, урожд. Кухарева) Валентина Александровна (1900—1938) — вторая жена Я. С. Агранова. Репрессирована. Расстреляна. Реабилитирована.

¹¹⁰ Горожанин Валерий Михайлович (1889—1939) — один из руководителей органов государственной безопасности. Был в дружеских отношениях с Маяковским, они в соавторстве написали киносценарий «Инженер д'Ар-си» (1927), который тогда же сдали в ВУФКУ, но реализован он не был. В этом же году Маяковский посвятил ему свое стихотворение «Солдаты Дзержинского». Репрессирован. Расстрелян. Реабилитирован.

¹¹¹ Абдрахманов Юсуп Абдрахманович (1901—1938) — видный партийный и государственный деятель Киргизии, по делам своей республики часто приезжал в Москву, где близко познакомился с Маяковским и Бриками. В памяти людей из их окружения он сохранился как «казах Юсуп». Репрессирован. Расстрелян. Реабилитирован. См.: Предыстория: Дополнение к тому I. С. 406—433 (том I наст. изд.).

¹¹² Хаютина (Файгенберг) Евгения Соломоновна (1904—1938), вторая жена Н. И. Ежова, была издательским работником. Репрессирована. Скончалась в заключении при загадочных обстоятельствах. Реабилитирована.

¹¹³ Бухарин Николай Иванович (1888—1938) — в период 1934—1937 гг. работал главным редактором газеты «Известия». Теплые отношения связывали Бухарина с Горьким, его помощью в конфликтах с властями пользовались О. Мандельштам и Б. Пастернак. В январе 1937 г., во время Второго московского процесса, против Бухарина вновь были выдвинуты обвинения в заговорщической деятельности, он был одним из главных обвиняемых на процессе по делу «Анτισоветского правотроцкистского блока». 13 марта 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР признала Бухарина виновным и приговорила его к смертной казни.

¹¹⁴ *Шамшури В.* Сталинский сокол // XXI век: роман-журн. 2004. №5(63). С. 62.

1939 год

¹ Швейцер В. А. Марина Цветаева. М.: Мол. гвардия, 2003. 2-е изд. 592 с. (ЖЗЛ). С. 491.

² Фадеев (Булыга) Александр Александрович (1901—1956) — в 1926—1932 гг. секретарь РАПП, в 1932—1938 гг. — зам. председателя Оргкомитета ССП, в 1939—1944 гг. — секретарь Президиума ССП.

³ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 601.

⁴ Эльберт Лев Гилярович («Сноб») (1898—1946) — кадровый работник ОГПУ, журналист, киносценарист.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 153.

⁶ Алигер (Зейлигер) Маргарита Иосифовна (1915—1992) — поэтесса, переводила стихи поэтов союзных республик. В 1938 г. принята в Союз писателей. Была военным корреспондентом в блокадном Ленинграде. Лауреат Сталинской премии II степени (1942) за поэму, посвященную подвигу Зои Космодемьянской.

⁷ Катаев Валентин Петрович в ноябре 1937 г. опубликовал повесть «Я, сын трудового народа», по которой на киностудии Союздетфильм снимался фильм «Шел солдат с фронта».

⁸ Макаров-Ракитин Константин Дмитриевич (1912—1941), муж М. Алигер. В 1937—1939 гг. был ассистентом Московской консерватории в классе Н. Я. Мяскового. В 1940 г. — музыкант Красноармейского ансамбля песни и пляски Хабаровского края, затем Ансамбля песни и пляски Московского военного округа.

⁹ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 153.

¹⁰ Валя — возможно, племянница О. М. (упоминается в письме № 127 в т. 1).

¹¹ Очевидно, композитор Желобинский Валерий Викторович (1913—1946), автор музыки к операм «Комаринский мужик» (1933) и «Именины» (1935) по либретто О. М. Брика, с женой, о которой нам ничего не известно.

¹² Каплан Эммануил Иосифович (1895—1961) — режиссер и педагог, работал в Мариинском и Малом оперном театре в Ленинграде.

¹³ О производстве таких фильмов сведений нет.

¹⁴ О производстве такого фильма сведений нет.

¹⁵ Программа хранится: РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 100.

¹⁶ Маяковский В. Про это.

¹⁷ По-видимому, Л. Ю. имеет в виду новое издание ПСС В. Маяковского, вышедшее под ее общей редакцией и законченное в 1936 г., издательские материалы которого сохранились.

¹⁸ Предполагалось, что В. А. Катанян подготовит на основе уже собранных материалов книгу «Труды и дни В. В. Маяковского».

¹⁹ По-видимому, имеется в виду: *Маяковский В. Избранные произведения* / ред. текста и коммент. В. Тренина и Н. Харджиева. М.: Детиздат, 1940.

²⁰ Возможно, имеется в виду сборник стихов: *Маяковский В. Детям* / вступ. ст. Л. Кассиля. М.: Детгиз, 1941.

²¹ Альбом «Художники — Маяковскому» не был издан.

²² «Всекохудожник» — Всероссийский союз кооперативных товариществ работников изобразительного искусства, существовал с 1928 по 1953 г. С марта 1935 по 1940 г. был в ведении Наркомпроса РСФСР.

²³ Подробности неизвестны.

²⁴ *Катанян В. А. Краткая летопись жизни и работы В. В. Маяковского*. М.: Советский писатель, 1939. 72 с.

²⁵ Тышлер Александр Григорьевич (1898—1980) в 1927 г. дебютировал как театральный художник, оформив ряд спектаклей в Белорусском еврейском театре (Минск). В 1930-х гг. работал в Москве, сотрудничал со многими столичными и ленинградскими театрами. С середины 1930-х, начиная с «Короля Лиры» в ГОСЕТе и «Ричарда III» в Ленинградском БДТ, центральное место в театральном творчестве Тышлера занял Шекспир.

²⁶ Лебедева (Дармолатова) Сарра Дмитриевна (1892—1967) — художница, скульптор. С 1926 г. член Общества русских скульпторов. В 1920—1940-е гг. создала множество портретов своих современников: Вяч. Иванова (1925), Ф. Дзержинского (гипс, 1925), В. Чкалова (1937), С. Михоэлса и В. Мухиной (гипс, 1939), А. Твардовского (гипс, 1943; мрамор, 1950), Вл. Татлина (известняк, 1943—1944). Заслуженный деятель искусств РФ.

²⁷ Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874—1940), будучи близким знакомым Маяковского и Брика, в тесном сотрудничестве с поэтом поставил его пьесы «Мистерия-буфф» (1918, 1921), «Клоп» (1929), «Баня» (1930). В январе 1938 г. театр Мейерхольда был закрыт. В мае 1938 г. К. С. Станиславский предложил оставшемуся без работы Мейерхольду должность режиссера в оперном театре, которым он руководил. Вскоре К. С. Станиславский скончался, и Мейерхольд стал главным режиссером театра. Но уже 20 июня 1939 г. Мейерхольд будет арестован.

²⁸ Охлопков Николай Павлович (1900—1967) — актер театра и кино, режиссер, педагог. Ученик и последователь Вс. Мейерхольда. С 1930 по 1937 г. возглавлял Реалистический театр в Москве. В 1938—1943 гг. — режиссер и актер МАДТ имени Е. Б. Вахтангова. С 1943 г. — главный режиссер Московского театра Революции (МАДТ имени В. В. Маяковского). Народный артист СССР, лауреат шести Сталинских премий (I и II степени).

²⁹ Жемчужный Виталий Леонидович (1898—1966), до 1937 г. работавший как режиссер различных студий и преподававший во ВГИКе, в 1937—1947 гг. — художественный руководитель Театра одноактной пьесы концертной бригады. Именно поэтому, вероятно, Л. Ю. называет его «режиссером эстрады».

³⁰ Публикуется впервые.

³¹ Публикуется впервые.

³² Публикуется впервые.

³³ Публикуется впервые.

³⁴ Публикуется впервые.

³⁵ Наталия Брюханенко и ее муж, Марк Моисеевич.

³⁶ Публикуется впервые.

³⁷ Шутливо: из сожаления, что и им не пришлось поехать на юг.

³⁸ Надежда Штеренберг.

³⁹ Незнамов Петр Васильевич (1889—1941) — поэт, литературный критик, близкий знакомый Маяковского и Брика. В середине 1930-х активно сотрудничал в «Литературной газете», где публиковал остро полемические обзоры на стихи и прозу, критические статьи и рецензии. В 1938 г. под его редакцией был издан исторический сборник «Японцы на Дальнем Востоке».

⁴⁰ Леонидов (Шиманский) Олег Леонидович (1893—1951) — сценарист, драматург, соавтор О. М. Брика по ряду сценариев и пьес. Был членом лит. отдела киностудии «Межрабпом-Русь» (затем — «Межрабпомфильм»), систематически выступал как автор сценариев фильмов, которые снимались на этой студии.

⁴¹ О. М. Брик неоднократно переводил с французского языка на русский стихи Луи Арагона. Например, в московском журнале «Красная новь» (1933, № 4, с. 61—65) был опубликован его перевод главы из поэмы Арагона «Коммунисты правы».

⁴² Причина «волнения» С. Кирсанова неизвестна.

⁴³ Л. Ю. спрашивает об открывающейся в Сочи выставке В. Маяковского, о которой могла узнать из газет или по радио.

⁴⁴ Публикуется полностью, в сокращении: [Валюженич, 1993. № 68].

⁴⁵ См. примеч. 41.

⁴⁶ Московский музыкальный театр им. Вл. И. Немировича-Данченко.

⁴⁷ Публикуется впервые.

⁴⁸ Л. Ю. работала над бюстом В. А. Катаняна.

⁴⁹ Неустановленное лицо.

⁵⁰ Домработница Маша «в отпуске».

⁵¹ О. М. собирался взять в прокат пианино, чтобы дома была возможность работать с Желобинским над новой оперой.

⁵² О. М. собирался поехать по возвращении из Сочи в переделкинский Дом отдыха.

⁵³ В. Желобинский.

⁵⁴ Скорее всего, имеется в виду кинокомедия Рене Клера "Un chapeau de paille d'Italie" (1928), черно-белая немая картина с элементами сюрреализма.

⁵⁵ Шуб Эсфирь Ильинична (1894—1959) — кинорежиссер, сценарист. В 1939 г. вышел фильм «Испания», в которой она выступила режиссером и монтажером.

⁵⁶ Публикуется впервые.

⁵⁷ О. Л. Леонидов и его жена, Эся Львовна Леонидова, театральные критик.

⁵⁸ Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженич. 1993. № 69].

⁵⁹ В Коктебеле О. М. с Женей отдохали в 1937 г.

⁶⁰ Красочные карты с маршрутами поездок В. Маяковского с выступлениями по Союзу для Музея сделала Варвара Степанова (жена А. Родченко).

⁶¹ На кинохронику было снято выступление Маяковского в Колонном зале 24 октября 1927 г.

⁶² В начале июля 1915 г. А. М. Горький подарил Маяковскому экземпляр своего «Детства» с надписью: «Без слов, от души. Владимиру Владимировичу Маяковскому М. Горький». Эта надпись была впервые воспроизведена в сб.: Владимир Маяковский. М. — Л., 1940. С. 83.

⁶³ В Париже Маяковский был с 7 по 13 ноября 1925 г., по возвращении из США, выступал 7 ноября в здании Полномочного представительства СССР во Франции на официальном приеме по случаю 8-й годовщины Октябрьской революции и 12 ноября — в помещении Океанографического института на вечере, организованном Объединением студентов СССР во Франции.

⁶⁴ Езерская, директор Библиотеки-музея В. Маяковского.

⁶⁵ По-видимому, это письмо В. А. Катаняна не сохранилось.

⁶⁶ Публикуется впервые.

⁶⁷ Мужья давали деньги женам «на булавки», то есть на небольшие собственные (не планоно-семейные) расходы.

⁶⁸ Племянник О. М., сын его брата Павла.

⁶⁹ Полина (Паулина) Юрьевна Брик (урожд. Сегалова) (1868 — не ранее 1945), мать О. М.

⁷⁰ Неизвестно, о каком сборнике идет речь.

⁷¹ См. примеч. 51.

⁷² Возможно, башмаки были подарены Л. В. Кулешовым.

⁷³ Чагин (Болдовкин) Петр Иванович (1898—1967) — журналист, литературный деятель, партийный и издательский работник. Дружил со многими писателями. Был

исполняющим обязанности директора Гослитиздата (позже — «Художественная литература») до 1946 г. До этого, с 1933 г., — управляющий издательств АН СССР, но в августе 1937 г. его отстранили от работы «за крупные недостатки в работе издательства», уволили в ноябре 1938 г.

⁷⁴ Тимофеев Леонид Иванович (1904—1984) — филолог, поэт, литературовед. Автор монографии «Поэтика Маяковского» (М.: Сов. писатель, 1941). В 1941—1970 гг. заведующий Отделом советской литературы Института мировой литературы АН СССР.

⁷⁵ Л. В. Маяковская, сестра поэта.

⁷⁶ См. примеч. 1938 — 91.

⁷⁷ Венгров Моисей Павлович (псевд. Натан Венгров) (1894—1962) — детский поэт, писатель, литературовед, критик. Член Союза писателей с 1934 г. В 1932—1936 гг. был главным редактором журнала «Музилка». При активном участии Венгрова в 1933 г. было создано издательство детской литературы «Детгиз». С 1938 г. работал в ИМЛИ.

⁷⁸ Имеется в виду сборник: Маяковский: материалы и исследования / Ин-т мировой лит.; под ред. В. Перцова, М. Серебрянского. М.: Гослитиздат, 1940. 479 с.; подписан в печать 15 июля 1940 г. В сборнике опубликована статья В. А. Катаняна «Маяковский за границей» (с. 269—336). Никаких работ О. Брика здесь нет.

⁷⁹ Тарасенков Анатолий Кузьмич (1909—1956) — литературовед, критик, поэт, библиофил. До войны работал зам. главного редактора журнала «Знамя». Серебрянский Марк Исаакович (1900—1941) — поэт, критик, профессор ИМЛИ. Тарасенков и Серебрянский отличались сухостью редактирования. Однако последний оказался соредактором упомянутого сборника.

⁸⁰ В сборнике «Маяковский: материалы и исследования» помещена статья К. Чуковского «Неопубликованное письмо Маяковского», с его письмом 1920 г. (с. 35—37), с факсимиле (на вклейке).

⁸¹ В. Маяковский дважды дарил Горькому свою поэму «Облако в штанах» с дарственными надписями: первое издание (1915) не сохранилось, второе издание (1918) с надписью «Дорогому Алексею Максимовичу Маяковский». Катанян, по-видимому, хотел проверить, не первая ли из них была на выставке в Сочи.

⁸² См. примеч. 63.

⁸³ Публикуется впервые.

⁸⁴ «Эрмитаж» — московский эстрадный театр.

⁸⁵ Русланова Лидия Андреевна (Лейкина Агафья Андреевна) (1900—1973) — известная певица, исполнительница русских народных песен. Начиная с 1930-х гг. ее популярность становится огромной: выходят пластинки большими тиражами, певица гастролирует по всему Советскому Союзу. В конце 1930-х она самая высокооплачиваемая артистка. В годы Советско-финской войны и потом, в Великую Отечественную, постоянно выступала прямо на фронтах, в тяжелейших условиях.

⁸⁶ Более точных сведений об артисте узнать не удалось.

⁸⁷ Чурилин Тихон Васильевич (1885—1946) — поэт-футурист, переводчик. В середине 1930-х гг. работал над романом «Тяпкатань», устраивал домашние поэтические чтения. Жил в бедности и страдал душевным расстройством, умер в психиатрической больнице.

⁸⁸ О. М. собирался в санатории обратиться к стоматологу.

⁸⁹ Публикуется впервые.

⁹⁰ Сотрудник администрации Музея В. Маяковского.

⁹¹ Выставка В. Маяковского.

⁹² Публикуется впервые.

⁹³ См. примеч. 68.

⁹⁴ Надежда Штеренберг, ее близкий друг Николай Денисовский и Лев Гринкрот; Фиалка (Виолетта) — дочь Надежды и Давида Штеренбергов.

⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 214. Публикуется впервые.

⁹⁶ См. примеч. 74.

⁹⁷ Андреева (урожд. Юрковская, по первому мужу Желябужская) Мария Федоровна (1868—1953) — актриса, общественный деятель. Жена А. М. Горького и его литсекретарь.

⁹⁸ Тихонов (псевд. Серебров) Александр Николаевич (1880—1956) — писатель, издательский деятель. Брики были знакомы с ним со времени сотрудничества О. М. в горьковском журнале «Летопись» в 1916 г.

⁹⁹ Публикуется впервые.

¹⁰⁰ Меркуров Сергей Дмитриевич (1881—1952) — скульптор-монументалист, народный художник СССР, лауреат двух Сталинских премий I степени за скульптуры Ленина и Сталина (1941, 1951). Снимал посмертную маску В. Маяковского.

¹⁰¹ Публикуется впервые.

¹⁰² Стихотворение И. Северянина «Carte-Postale» (1912):

Сегодня я плакал: хотелось сирени, —
В природе теперь благодать!
Но в поезде надо, — и не было денег, —
И нечего было продать...

¹⁰³ Пушкин А. С. Евгений Онегин:

На кудри милой головы
Я шаль зеленую накинул,
Я пред Венерою Невы
Толпу влюбленную раздвинул.

¹⁰⁴ В 1930-е гг. собака Маяковского и Бриков Булька жила в семье писателя Бруно Ясенского (1901—1938), который работал главным редактором журнала «Интернациональная литература». В 1937 г. был репрессирован, умер на этапе (в 1955 г. реабилитирован). Его жена, Берзинь Анна Абрамовна (1897—1961), после ареста мужа была выслана из Москвы, в ссылке и на поселении находилась до 1956 г. Булька умерла еще до ареста хозяев.

¹⁰⁵ Впоследствии эти «рассказики» вошли в книгу: Катанян В. А. Рассказы о Маяковском. М.: ГИХЛ, 1940.

¹⁰⁶ Об этой статье О. М. мне неизвестно.

¹⁰⁷ Литературное объединение «Кузница», созданное в первую очередь из пролетарских писателей, существовало в 1920—1932 гг. Распавшаяся на две группировки «Кузница» была в конце концов поглощена РАППом.

¹⁰⁸ Опера «Верность» не была написана.

¹⁰⁹ Очерк предвлял готовящуюся в это время к печати книгу Эльзы Триоле.

¹¹⁰ Воспоминания о Маяковском // Лит. газета 1939. 5 июня. Автор статьи не указан.

¹¹¹ Французская книга о Маяковском // Известия. 1939. 16 июля.

¹¹² Дом творчества писателей в Голицыно был организован еще до революции, «писательским уголком» называли это место в Москве. Здесь отдыхали многие известные писатели. В конце 1939 г. сюда временно поселили приехавшую из заграницы Марину Цветаеву с сыном.

¹¹³ Двоюродная сестра Л. Ю.

¹¹⁴ Публикуется впервые.

¹¹⁵ По-видимому, легковая машина «эмка» (М1), принадлежавшая Дому творчества, направлялась на вокзал для встречи отдыхающих, приезжающих несколькими московскими поездами.

¹¹⁶ Публикуется впервые.

¹¹⁷ Екатерина Абгаровна, родная сестра В. А. Катаняна, проживавшая в Москве.

¹¹⁸ По-видимому, речь идет о недавно вышедшей книге: *Катанян В. А.* Краткая летопись жизни и работы В. В. Маяковского. М.: Советский писатель, 1939.

¹¹⁹ По-видимому, речь идет о готовящейся к печати книге: *Катанян В. А.* Рассказы о Маяковском. М.: ГИХЛ, 1940.

¹²⁰ Неустановленное лицо.

¹²¹ Неясно, какое письмо и кому отправлял О. Л. Леонидов; ответная открытка от этого адресата отсутствует.

¹²² Публикуется впервые.

¹²³ В это время Дому творчества принадлежали деревянное здание старой постройки (сгорело во время войны) и новый корпус.

¹²⁴ Директор писательского Дома отдыха в Коктебеле.

¹²⁵ Неясно, кого Л. Ю. имеет в виду.

¹²⁶ Публикуется впервые.

¹²⁷ Краснощекова (Варшавская) Луэлла Александровна (1910–2002) — дочь А. М. Краснощекова (1880–1937), возлюбленного Л. Ю. Брик. Во время непродолжительного первого ареста отца в середине 1920-х гг. жила в семье Маяковского — Бриков. Со всеми ними сохранила впоследствии дружеские, «семейные» отношения. Оставила воспоминания о Маяковском и Бриках, а также о своем отце.

¹²⁸ Адельгейм Евгений Георгиевич (1907–1982) — украинский литературный критик, литературовед. Автор книги «Владимир Маяковский (Лекция в помощь изучающим марксизм-ленинизм)» (Киев: Политиздат УССР, 1941).

¹²⁹ Публикуется впервые.

¹³⁰ О. М. пересылал Л. Ю. в дом отдыха всю приходившую в Москву корреспонденцию на ее имя.

¹³¹ Левина — неустановленное лицо; по-видимому, она вернулась в Москву из Дома отдыха в Голицыно, где встречалась с Л. Ю.

¹³² Публикуется впервые.

¹³³ Лекарство на растительной основе, применяемое как слабительное и мочегонное средство.

¹³⁴ Слабительное средство.

¹³⁵ В действительности А. П. Чехов венчался с артисткой МХТ О. Л. Книппер в Москве, в Крестовоздвиженской церкви, находившейся на Пометном (Чистом) вражке.

¹³⁶ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 601.

¹³⁷ Гупперт (Huppert) Гуго (1902–1982) — австрийский писатель, поэт, переводчик (в т. ч. переводил на немецкий В. Маяковского, Н. Тихонова, А. Твардовского, И. Бабеля и др.), сторонник марксизма. Был долгое время связан с Советским Союзом. С 1934 г. работал редактором отдела культуры московской «Дойче централь-цайтунг», в 1936-м, кроме того, стал зам. главного редактора журнала Internationalen Literatur — Deutsche Blätter. В период Большого террора втянулся в сталинскую кампанию преследования. Многие коллеги считали его доносчиком, и к тому есть основания: К. Шмюкле, работавшего в Internationalen Literatur, арестовали

и расстреляли по слову Гупперта, осудившим того за двуличность. Самого Гупперта также арестовали в 1938 г., но через год он вышел из тюрьмы и занял должность доцента в Литературном институте.

¹³⁸ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 215.

¹³⁹ Студенты Московского института философии, литературы и искусства (МИФЛИ, или просто ИФЛИ). Институт был создан в 1931 г., в начале войны вошел в состав МГУ.

¹⁴⁰ Левин Григорий Михайлович (1917–1994) — поэт, литературный критик. С 1941 г. член Союза писателей. С 1946 г. в Москве создал литобъединение «Магистраль», которым и руководил до конца жизни.

¹⁴¹ Кульчицкий Михаил Валентинович (1919–1943) первое свое стихотворение опубликовал в журнале «Пионер» в 1935 г. После 1-го курса Харьковского университета перевелся в Литинститут им. М. Горького в Москве. В 1941 г. ушел на фронт. Погиб в бою. О поэте Кульчицком очень одобрительно высказывался критик Лев Аннинский, особенно выделяя в его стихах «фантастическую ассоциативность и глубокою звукопись».

¹⁴² Глазков Николай Иванович (1919–1979) писал стихи с 1932 г. С 1938 г. учился в Московском пединституте. В 1939-м с Ю. Долгиным основал неофутуристическое течение «небывализм», выпустил два машинописных альманаха, после чего был исключен из института. В 1941 г. по рекомендации Асеева принят в Литинститут. В армию не призывался по состоянию здоровья, поэтому его судьба отчасти оказалась счастливее, чем у Кульчицкого. Однако стихи Глазкова, чей талант признавали в литературной среде, долго не публиковались, поскольку они совершенно не соответствовали требованиям советской пропаганды. Глазков изготавливал свои сборники, ставя на них слово «самсебяиздат», положив начало новому явлению.

¹⁴³ Автограф стихотворения, сопровождаемый рисунком, Л. Ю. позднее передала Музею В. Маяковского в московской спецшколе № 79 (директор С. Богуславский), в экспозицию, посвященную М. Кульчицкому.

¹⁴⁴ Эта картина долгое время не принималась на выставки как раз по причине «кубистического стиля» и не была известна общественности, оставаясь в собрании Л. Ю. Брик.

¹⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 613.

¹⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 630.

¹⁴⁷ Об этом см.: *Валентей М.* Дело № 537 // Театральная жизнь. 1990. № 2. С. 1–2; а также *Поварцов С.* Причина смерти — расстрел. Хроника последних дней Исаака Бабеля. М.: Терра, 1996. С. 76 (который и пересказывает точку зрения Валентей со ссылкой на статью в «Театральной жизни»).

¹⁴⁸ Волович Фанни, также Фаина (урожд. Волынская), (1904–1937) и ее муж, Волович Захар Ильич (1900–1937), — близкие знакомые Бриков; кадровые работники ОГПУ. З. И. Волович имел звание старшего майора госбезопасности; в 1930-х гг. — зам. нач. ОПЕРОДа НКВД, второй (после Паукера) человек в личной охране Сталина. По документам ГПУ: Янович Александра Осиповна и Янович Владимир Борисович. Оба осуждены за контрреволюционный заговор, расстреляны.

¹⁴⁹ Киршон Владимир Михайлович (1902–1938) — драматург, воспевавший в своих пьесах Сталина и коллективизацию. Однако и он, в числе других ортодоксально настроенных литераторов-коммунистов, был обвинен в троцкизме и расстрелян как враг народа.

¹⁵⁰ Фадеев Александр Александрович (1901–1956) в описываемый период был больше партийно-литературным деятелем, чем собственно литератором. В 1934–1939 гг. являлся председателем оргкомитета Союза писателей СССР, в 1939–1944 гг. — секретарь Союза писателей, одновременно в 1942–1944-м возглавлял «Литературную газету» и был организатором журнала «Октябрь», входил в его редколлективу.

¹⁵¹ Поскребышев Александр Николаевич (1891–1965) — партийный деятель, генерал-лейтенант. С 1931 г. был личным секретарем Сталина и его наиболее доверенным лицом. С августа 1935 г. заведовал канцелярией Генерального секретаря ЦК ВКП(б). Кажется, показания Кольцова — единственное свидетельство о том, что Поскребышев посещал такие салоны.

¹⁵² Межлаук Валерий Иванович (1893–1938) — партийный и государственный деятель, под руководством которого проводилась индустриализация СССР, главный ее теоретик. В 1937 г. назначен наркомом тяжелой промышленности, затем наркомом машиностроения СССР. Репрессирован по обвинению в контактах с германским правительством и руководстве латышским контрреволюционным подпольем, расстрелян. Реабилитирован.

¹⁵³ Стаханов Алексей Григорьевич (1905–1977) — прославленный передовик производства, Герой Соц. Труда. В 1935 г. установил мировой рекорд по добыче угля, перевыполнив дневную норму на 1350 %. Его именем названо «Стахановское движение», целью которого была борьба за увеличение нормы производства каждого работника.

¹⁵⁴ Гельц Макс (Max Hoelz) (1889–1933) — немецкий революционер, один из участников и организаторов революционных восстаний в Германии в 1920–1921 гг., был приговорен к пожизненному заключению, но в 1928 г. амнистирован благодаря массовому движению в защиту политических заключенных. В 1929 г. эмигрировал в СССР, где вел партийную работу на стройках в Новокузнецке (1932). Погиб в результате несчастного случая — утонул во время лодочной прогулки по Оке.

¹⁵⁵ Ягода (Иегода) Генрих Григорьевич (Енон Гершонович) (1891–1938), в 1924–1934 гг. зам. председателя ОГПУ, был знаком с Маяковским. В 1934–1936 гг. — нарком внутренних дел СССР. Генеральный комиссар госбезопасности (1935). Входил в окружение А. М. Горького. Ко времени этого доноса репрессированный Ягода уже расстрелян.

¹⁵⁶ Ульрих Василий Васильевич (1889–1951) — государственный деятель, армвеноюрист с 1935 г., генерал-полковник юстиции. С 1926 по 1948 г. был председателем Военной коллегии Верховного суда СССР. Один из главных организаторов Большого террора. В 1948 г. решением Политбюро снят с поста заместителя председателя Верховного суда за недостатки в работе, в частности за «факты злоупотреблений служебным положением некоторыми членами Верховного суда СССР и работниками его аппарата», и назначен преподавателем Юридической академии. Умер в 1951 г. от инфаркта миокарда.

¹⁵⁷ Буденный Семен Михайлович (1883–1973) — Маршал Советского Союза с 1935 г., в годы Гражданской войны сформировал Первую Конную армию. В 1924–1937 гг. — инспектор кавалерии РККА, в июне 1937 г. входил в состав Специального судебного присутствия, которое приговорило к смертной казни восемь высших военачальников РККА. В журнале «Октябрь» (1924, № 3, с. 196–197) была напечатана заметка С. Буденного «Бабизм Бабеля из «Красной нови»», где он обрушивался не только на самого Бабеля, но и на ответственного редактора журнала

А. К. Воронского (см. примеч. 164), допустившего публикацию (фрагменты под заголовком «Из книги “Конармия”»).

¹⁵⁸ Горький на страницах «Правды» дважды (30 сент. и 27 нояб. 1928 г.) выступил со статьями в защиту Бабеля.

¹⁵⁹ Кузьмичев Борис Иванович (1900–1937) — майор (1935), начальник штаба 18-й авиабригады РККА. Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован.

¹⁶⁰ Охотников Яков Осипович (1897–1937) — военный деятель, был адъютантом Якира; с начала 1930-х — начальник гос. института по проектированию авиационных заводов в Москве. Был женат на сестре В. М. Примакова. Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован.

¹⁶¹ Шмидт Дмитрий Аронович (Гутман Давид Арнольдович) (1896–1937) — комдив (1935), командир 8-й механизированной бригады РККА Киевского военного округа. Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован.

¹⁶² Зюк Михаил Осипович (1895–1937) — комбриг (1935), командир-комиссар 25-й Чапаевской дивизии. Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован.

¹⁶³ По-видимому, имеется в виду писатель Катаев Иван Иванович (1902–1937), рапповец, с 1925 г. один из руководителей группы «Перевал». Был членом правления Союза писателей (с 1934 г.) и создателем «Литературной газеты». Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован.

¹⁶⁴ Воронский Александр Константинович (1884–1937) — революционер, литературный критик, теоретик искусства, редактор журналов «Красная новь» и «Прожектор» (1921–1927), отдела классической литературы в Гослитиздате (с 1930 г.). Организатор группы «Перевал». Арестовывался дважды (1935, 1937), репрессирован, расстрелян. Реабилитирован.

¹⁶⁵ Путна Витовт Казимирович (1893–1937) — военный деятель, комкор (1935). В 1927–1931 гг. — военный атташе в Японии, Финляндии, Германии; в 1931–1934 гг. — командир корпуса в Приморской группе войск на Дальнем Востоке; в 1934–1936 гг. — военный атташе в Великобритании. Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован.

¹⁶⁶ Неустановленное лицо.

¹⁶⁷ Дрейцер Ефим Александрович (1894–1936) — военный и политический деятель, крупный хозяйственник. В 1934–1936 гг. работал на «Криворожстрое», заводе «Магнезит». Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован.

¹⁶⁸ Зорин Сергей Семенович (Александр Гомбарг-Гринберг) (1890–1937) — активный участник «левой оппозиции», сторонник Троцкого, референт Зиновьева, сотрудничал с Воронским. Репрессирован, в 1935 г. осужден к 5 годам лишения свободы с заключением в лагере особого режима, в 1937-м расстрелян. Реабилитирован.

¹⁶⁹ Лашевич Михаил Михайлович (1884–1928) — революционер, военный деятель, участник левой оппозиции.

¹⁷⁰ Правдухин Валериан Павлович (1892–1938) — писатель, муж писательницы Лидии Сейфуллиной. Участник группы «Перевал». Сотрудничал в журнале «Красная новь», разделял эстетические взгляды Воронского. В 1937 г. выступал в защиту М. Булгакова. Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован.

¹⁷¹ В газете «Правда» от 28 января 1936 г. была помещена редакционная статья «Сумбур вместо музыки!» об опере Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», в которой композитор подвергся резкой критике за «антинародный» и «формалистический» характер музыки.

¹⁷² С. М. Эйзенштейн работал над фильмом «Безин луг» по сценарию А. Ржевского в 1-й половине 1930-х. В основу сюжета фильма была положена тема

коллективизации сельского хозяйства, сочетавшая радужные и трагические краски и опиравшаяся на популярную в то время историю Павлика Морозова. Однако после просмотра фильма в черновом монтаже (1935) в Главном управлении кинематографии отснятый материал был подвергнут критике. Режиссер переработал фильм, изменил сценарий, поменял несколько актеров, но в 1937 г. приказом по тому же Главному управлению кинематографии съемка была приостановлена, отснятый материал забракован. В печати в качестве основания для такой меры называлась уже известная художникам причина «формализма и усложненности языка картины».

¹⁷³ Фейхтвангер Лион (Lion Feuchtwanger) (1884–1958) — немецкий писатель. В 1937 г. два месяца провел в СССР, где был принят Сталиным. По возвращении написал книгу «Москва 1937», вызвавшую противоречивую реакцию в мире.

¹⁷⁴ Михоэлс Соломон Михайлович (наст. фамилия — Вовси) (1890–1948) — театальный актер и режиссер, педагог, общественный и политический деятель. С 1939 г. — член Худсовета Комитета по делам искусств при СНК СССР. С 1942 г. возглавлял Еврейский антифашистский комитет (ЕАК). Народный артист СССР (1939), лауреат Сталинской премии II степени (1946), кавалер ордена Ленина (1939). Убит сотрудниками МГБ.

¹⁷⁵ Александров (Мормоненко) Григорий Васильевич (1903–1983) — кинорежиссер, актер, сценарист. Народный артист СССР, лауреат двух Сталинских премий I степени, кавалер трех орденов Ленина, кроме того, имел множество других государственных наград. Конец 1930-х для Александрова вполне звездное время: вышли на экраны его фильмы «Цирк» (1936), «Волга-Волга» (1938), за которые он получил свою первую Сталинскую премию, удостоился Высшей премии на Международной выставке в Париже картина «Цирк» (1937).

¹⁷⁶ Косарев Александр Васильевич (1903–1938) — комсомольский деятель, в 1929–1938 гг. генеральный секретарь ВЛКСМ. Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован.

¹⁷⁷ Иошида Иошимацу — реальное лицо. Он был членом японской компартии и режиссером нескольких театров левого направления. Своим идейным учителем он считал Мейерхольда, мечтал с ним познакомиться и не придумал ничего лучшего, как пересечь советско-японскую границу нелегально. Иошимацу думал, что его как коммуниста встретят с распростертыми объятиями, но его задержали как самого обычного шпиона. Допрашивали его, судя по всему, с пристрастием, потому что Иошимацу оговорил всех, кого знал и кого не знал. О Мейерхольде он, в частности, сказал, что Всеволод Эмильевич давно работает на японскую разведку, что в Токио он известен под псевдонимом Борисов и что совместно с Секи Сано он ведет подготовку к теракту против Сталина. Иошимацу вскоре расстреляли, а его показания подшили к делу Мейерхольда.

¹⁷⁸ Некий Грей Фред, со слов Мейерхольда на допросе, уговаривал режиссера через свою жену бросить СССР и переехать в Лондон или в Париж.

¹⁷⁹ *Сопельняк Б.* Расстрелянный театр. Злой гений Мейерхольда // Московский комсомолец. 2006. 3 окт.

¹⁸⁰ Неустановленное, скорее, вымышленное Мейерхольдом лицо.

¹⁸¹ Неустановленное лицо.

¹⁸² Возможно, Милютин Владимир Павлович (1884–1937) — государственный деятель, занимал ряд руководящих должностей, в 1934–1937 гг. — председатель Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР. Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован.

¹⁸³ Секи Сано — реальное лицо, режиссер-стажер в театре Мейерхольда, был женат на русской актрисе Галине Борисовой. В то время ни один иностранец не оставался без внимания спецслужб. Под весьма серьезным колпаком находился и Секи Сано. За ним не только наблюдали, но составляли отчеты о его поведении в Стране Советов. На основании этих отчетов была составлена справка, что никаких данных о принадлежности Секи Сано к разведорганам не установлено.

¹⁸⁴ *Сопельняк Б.* Расстрелянный театр. Злой гений Мейерхольда // Московский комсомолец. 2006. 3 окт.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Гарин Эраст Павлович (1902–1980) — актер, режиссер театра и кино. Он работал у Мейерхольда с 1922 г., в 1934 г. играл в Рабочем театре Пролеткульта под руководством С. Эйзенштейна; в 1936 г. перешел в Ленинградский театр комедии, где в качестве актера и режиссера работал до 1950 г. Народный артист СССР. Лауреат Сталинской премии II степени (1941).

Примечательно, что преследуемый с 1938 г. нападениями Мейерхольд, которому Гарин оставался преданным до конца, провел последний вечер перед арестом с Эрастом Павловичем и его женой, обсуждая эту самую «Женитьбу» (1936), снятую Гариным и получавшую совершенно разные отзывы — от восторженных до резко критических. В 1938–1939 гг. картина подверглась разгрому как формалистская, прокатные копии уничтожены, негатив смыт.

¹⁸⁷ Роом Абрам Матвеевич (1894–1976) — кинорежиссер, сценарист, актер. В 1923 г. вместе с Мейерхольдом поставил спектакль «Озеро Люль». С 1924 г. режиссер киностудий «Госкино», «Совкино», «Союзкино». В 1925–1934 гг. преподавал во ВГИКе. В 1927 г. снял документальный фильм «Евреи на земле» (где Лиля Брик ассистировала режиссеру, а Маяковский наряду с Б. Шкловским принял участие в написании сценария). В том же году был снят художественный фильм «Третья Мещанская» («Любовь втроем») по совместному с Б. Шкловским сценарию, в котором прозрачно представлялась ситуация в треугольнике Маяковский — Брики. В 1935 г. советское руководство осталось недовольно фильмом «Строгий юноша», и режиссер лишился всех постов и наград. В 1954 г. Роом был реабилитирован, назначен на должность режиссера «Мосфильма». Позже, в 1945 и 1949 г., за свои фильмы «Нашествие» и «Суд чести» удостоился Сталинских премий II и I степени.

¹⁸⁸ *Сопельняк Б.* Расстрелянный театр. Злой гений Мейерхольда // Московский комсомолец. 2006. 3 окт.

¹⁸⁹ Там же.

1940 год

¹ Из собрания автора.

² Бубрик Самуил Давидович (1899–1965) — кинорежиссер, специализировавшийся в области документально-биографических фильмов, сценарии к которым в основном писал сам; преподавал во ВГИКе. С 1931 г. — режиссер Московской киностудии хроники (ЦСДФ). Лауреат Сталинской премии II степени (1948).

³ Яхонтов Владимир Николаевич (1899–1945), мастер художественного чтения, создатель жанра «театр одного актера», был первым исполнителем поэм Маяковского «Человек», «Война и мир», «Облако в штанах», «Люблю», «Про это» на эстраде. В 1931 г. выступал с композицией «Вечера Маяковского».

⁴Статьи Лили Брик «Маяковский и чужие стихи (Из воспоминаний)» и Василия Катаняна «Рассказы о Маяковском» были опубликованы в № 3 журнала «Знамя» за 1940 г. (с. 161–203).

⁵Цит. по: *Вишневский Вс. В.* Статьи, дневники, письма. М.: Советский писатель, 1961. 704 с. 6 000 экз. С. 591–592. Там же примечание Ц. Дмитриева (с. 694): «Брик Осип Максимович (1886*–1945) — советский критик и сценарист. Близкий друг В. В. Маяковского. Автор сценария “Потомок Чингисхана”, поставленного режиссером В. Пудовкиным. Письмо частично опубликовалось в журнале “Новый мир”, 1958, № 2. Печатается по копии, хранящейся в ЦГАЛИ».

⁶Имеются в виду Триполитанская война между Османской империей и Италией (1911–1912), послужившая важным поводом к Первой мировой войне, поскольку разожгла национализм в балканских государствах, и балканские войны: 1-я Балканская война Балканского союза (Болгария, Греция, Сербия, Черногория) против Османской империи (1912–1913), 2-я Балканская война (1913) за раздел Македонии между Болгарией, с одной стороны, и Черногорией, Сербией и Грецией — с другой.

⁷Цит. по: *Вишневский Вс. В.* Партия ведет // *Вишневский Вс. В.* Статьи. Дневники. Письма. С. 143. Частично опубликована: Лит. газ. 1936. № 20. 5 апр.

⁸*Вишневский Вс.* Маяковский и кино // Кино. 1930. 25 апр.

⁹Маяковский — журналист (колл. выступл.) // Лит. газета. 1934. 16 апр.; Маяковский — кинематографист // Кино. 1935. 17 апр.; Маяковский и кино // Кино. 1936. 11 апр.; Юность поэта (По арх. материалам и воспоминаниям) // Звезда (Днепропетровск). 1936. 19 июля; Водопроводы Рима // Лит. газ. 1937. 10 янв.; Неразрешенная тема (Рец. на кн. М. Поляновского «Маяковский — киноактер». М.: Госкиноиздат, 1940) // Искусство кино. 1941. № 1; также др. ст.

¹⁰Азаров Всеволод Борисович (1913–1990) — фронтовой поэт, публицист, переводчик, лит. критик. В 1942 г. в соавторстве с Вс. Вишневским и А. Кроном написал героическую комедию «Раскинулось море широко...», которая получила широкую известность. Всю войну работал военным корреспондентом, писал стихи и очерки для чтения на передовой.

¹¹Цит. по: *Вишневский Вс. В.* Из писем Всеволоду Азарову // *Вишневский Вс. В.* Статьи. Дневники. Письма. С. 641–647.

¹²Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959) — литературовед, один из ключевых деятелей «формальной школы». В 1936 г. удостоился степени доктора литературоведения без защиты диссертации — за выдающиеся работы в области русской литературы и текстологии.

¹³Шкловский Виктор Борисович (1894–1984) — писатель, литературовед, критик, киновед и киносценарист. Был близко знаком с Маяковским и Бриками.

¹⁴Цит. по: *Вишневский Вс. В.* Мысли об искусстве // *Вишневский Вс. В.* Статьи. Дневники. Письма. С. 57. Написана для «Литературной газеты», рубрика «Трибуна писателя», в канун постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», 23 апреля 1932 г. Сопровождено подзаголовком «Интимные записки писателя».

¹⁵*Шкловский В.* О Маяковском. М.: Советский писатель, 1940. 224 с.

¹⁶Возможно это: *Шкловский В.* Сентиментальное путешествие (Берлин, 1923) — книга о революции и Гражданской войне.

¹⁷«Любовная лодка разбилась о быт» — из предсмертного письма В. Маяковского (1930).

¹⁸В марте 1930 года В. Маяковский организовал ретроспективную выставку «20 лет работы», на которой были представлены все направления его творческой

деятельности. Выставку игнорировали и партийное руководство, и бывшие коллеги по ЛЕФу—РЕФу. Провал выставки стал одной из причин его самоубийства.

¹⁹ Саваоф — одно из имен Бога в иудейской и христианской традициях: Господь воинств Израилевых, Господь воинств Ангельских.

²⁰ Вильсон Вудро (Thomas Woodrow Wilson) (1856—1924) — 28-й президент США (1913—1921), историк и политолог. Маяковский часто упоминал его как символ капитализма, напр.: «Храбрый Вудро и неблагодарный янки», «Был Вильсон президент хоть куда».

²¹ Антанта (фр. Entente — согласие) — военно-политический блок империалистических государств — Англии, Франции и России, сложившийся в основном в 1904—1907 гг. и завершившийся размежеванием накануне Первой мировой войны. В ее начале на стороне Антанты сгруппировалось более 20 государств, в т. ч. США. После Октябрьской революции 1917 г. Антанта стала блоком империалистических держав против Советской России.

²² Нордерней (Нордернай) — остров в составе Фризских островов в Германии (Нижняя Саксония), курорт. В августе 1923 г. там отдыхали В. Маяковский, Л. и О. Брик, В. Шкловский (сохранились фото).

²³ Цит. по: *Вишневский Вс. В.* Статьи. Дневники. Письма. С. 589—591.

²⁴ Письмо впервые публиковалось: [Валуженич, 1993. С. 129].

²⁵ Лит. газета. 1940. № 21. 14 апр.

²⁶ Триумфальная площадь носила имя Маяковского с 1935 по 1992 г. На площади возле памятника В. Маяковскому (работы А. П. Кибальникова) и поныне происходят поэтические чтения, традиция которых была заложена в день торжественного его открытия, 26 июня 1958 г.

²⁷ Вышинский Андрей Януарьевич (1883—1954) — в 1935—1939 гг. прокурор СССР, организатор и активный участник проходивших в этот период фальсифицированных политических процессов. В должности заместителя председателя СНК СССР находился с 1939 по 1944 г.

²⁸ Храпченко Михаил Борисович (1904—1986) — государственный и общественный деятель. Кроме того что в 1939—1948 гг. являлся председателем Комитета по делам искусств при СНК СССР, занимался историей и теорией литературы. Член-корреспондент АН СССР (с 1958 г.).

²⁹ Пронин Василий Прохорович (1905—1993) — государственный и партийный деятель. Должность председателя исполкома Моссовета занимал в 1939—1944 гг. Позже был депутатом Верховного Совета СССР (1946—1950), министром трудовых резервов СССР (1946—1953).

³⁰ Нет более подробных данных об этом лице.

³¹ Приводится по материалам «Комсомольской правды» от 15 апр. 1940 г.

³² Щербаков Александр Сергеевич (1901—1943) — партийный деятель. В 1938—1941 гг. первый секретарь Московского областного и городского комитета ВКП(б). В июле 1941 г. возглавил образовавшееся Совинформбюро, в июле 1942 г. возглавил также Главное политуправление Красной Армии. Генерал-полковник (с сент. 1943 г.). Завотделом международной информации ЦК ВКП(б) в 1943—1945 гг.

³³ Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Миней Израилевич) (1878—1943) — революционер, партийный деятель, академик АН СССР. С 1939 г. возглавлял кафедру истории ВПШ при ЦК ВКП(б).

³⁴ Бажан Микола (Николай) Платонович (1904—1983) — украинский поэт, мастер художественного перевода (переводил Шекспира, Гёльдерлина, Данте, Гёте, Гейне, Мицкевича, Рильке, поэму Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре»),

публицист и общественный деятель. Академик АН УССР, лауреат двух Сталинских премий II степени (1942, 1949) за сборники стихов и поэму, Ленинской премии и Гос. премии УССР им. Т. Г. Шевченко. Кавалер пяти орденов Ленина и других орденов.

³⁵ Абашидзе Ираклий Виссарионович (1909–1992) — грузинский поэт, общественный деятель. Председатель Союза писателей Грузии (1953–1967), академик АН ГрузССР (1960). Герой Соц. Труда.

³⁶ Доклад А. Фадеева на торжественно-траурном собрании Правления Союза советских писателей СССР совместно с партийными, советскими и общественными организациями г. Москвы в Большом театре 14 апреля 1940 г. полностью или в сокращении был опубликован в ряде газет, а также издан отдельной брошюрой «Маяковский» (М.: Гослитиздат, 1940. 20 с., откуда и цитируется здесь), тиражом 50 000 экз. (!) — для проработки и изучения на местах. Как сообщил мне В. А. Катанян, когда Фадеев зачитал этот доклад и вернулся в президиум, он шепотом сказал сидящим рядом с ним: «Теперь можно и по бл...ям!»³⁶, как говорили в свое время купцы, завершив трудное, неприятное, но необходимое для них дело.

³⁷ Пятницкий Митрофан Ефимович (1864–1927) — музыкант, исполнитель и собиратель русских народных песен, основатель и первый художественный руководитель Русского народного хора своего имени. Хор Пятницкого привлекался на концерты, сопровождающие особо важные, правительственные мероприятия.

³⁸ Старшая сестра поэта, Людмила Владимировна, не попала в этот кадр, так как находилась в Президиуме торжественно-траурного собрания.

³⁹ Народный поэт Владимир Маяковский: док. фильм / реж. С. Бубрик, сценарий О. Брика и Л. Эльберта. Центральная студия кинохроники, 1940 г. См. сценарий этого фильма в разделе «Приложения» настоящего тома (с. 302–310).

⁴⁰ Таиров (наст. фамилия — Корнблит) Александр Яковлевич (1885–1950) — актер и режиссер, создатель и руководитель Камерного театра (1914–1950). Народный артист РСФСР (1935).

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 78.

⁴² «Клоп», феерическая пьеса В. Маяковского (1928).

⁴³ Публикуется впервые.

⁴⁴ Публикуется впервые.

⁴⁵ Публикуется впервые.

⁴⁶ Д. Д. Шостакович был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

⁴⁷ Публикуется впервые.

⁴⁸ Публикуется впервые.

⁴⁹ Публикуется впервые.

⁵⁰ Публикуется впервые.

⁵¹ Мацеста — месторождение сероводородных источников.

⁵² Фраза из стихотворения В. Маяковского «Юбилейное»:

Хорошо у нас
в Стране Советов.
Можно жить,
работать можно дружно.
Только вот
поэтов,
к сожаленью, нету —
впрочем, может,
это и не нужно.

⁵³ Театр имени Евг. Вахтангова. В Москве он находился на Арбате, недалеко от дома, где проживали Брики и В. А. Катанян; в Сочи, очевидно, был на гастролях.

⁵⁴ «Опасный поворот» — пьеса Д. Пристли.

⁵⁵ Имеется в виду телеграмма от 27 мая 1940 г. (№ 323).

⁵⁶ Речь идет о каких-то гонорарах, но нам неизвестно, за какие работы. Виталий — это В. Жемчужный.

⁵⁷ Публикуется впервые.

⁵⁸ Всего с дороги О. Бриком были посланы четыре открытки: две от 24 мая (№ 318, № 319), две от 25 мая (№ 320, № 321) — и телеграмма от 26 мая (№ 322). Все они получены Л. Ю., раз оказались в ее архиве.

⁵⁹ Смеляков Ярослав Васильевич (1913–1972) — поэт, критик, переводчик. С 1939 г. был ответственным инструктором секции прозы СП СССР.

⁶⁰ Поэт Тихон Чурилин (см. примеч. 1939 — 87) и его жена, художница, Корвин-Каменская Бронислава Иосифовна (?–1945).

⁶¹ Семейный стоматолог Бриков.

⁶² В. А. Катаняну делают зубной протез.

⁶³ Публикуется впервые.

⁶⁴ Публикуется впервые.

⁶⁵ Для переезда мебели из городской квартиры на съемную дачу в Пушкино.

⁶⁶ Фрелих Олег (Осип) Николаевич (1887–1953) — артист театра и кино. Сыграл множество ролей в немом кино. Заслуженный артист РСФСР (1947).

⁶⁷ В. А. Катаняну как члену Редколлегии присылают на согласование сигнальные номера издающегося Полного собрания сочинений В. В. Маяковского; Брики в нее не входят.

⁶⁸ Публикуется впервые.

⁶⁹ Папанин Иван Дмитриевич (1894–1986) — легендарный исследователь Арктики, дважды Герой Советского Союза. В 1937–1938 гг. возглавлял первую в мире дрейфующую станцию «Северный полюс». В 1939–1946 гг. работал начальником Главсевморпути.

⁷⁰ Раскова Марина Михайловна (1912–1943) — летчица-штурман, одна из первых женщин, удостоенных звания Героя Советского Союза (за беспосадочный полет Москва — Дальний Восток, 1938 г.).

⁷¹ Закушняк Александр Яковлевич (псевдоним — Самарский) (1879–1930) — артист театра и эстрады, создатель жанра вечера рассказа.

⁷² Главначпупс — главный начальник по управлению согласованием — должность Победоносикова, героя пьесы В. Маяковского «Баня».

⁷³ Фильм В. В. Корша-Саблина о евреях-переселенцах, прибывших в биробиджанский колхоз «Ройте-Фелд» (1936).

⁷⁴ Фильм В. П. Вайнштока о воспитании будущих командиров Красной Армии в артиллерийской спецшколе, о крепкой дружбе и первой любви (1939).

⁷⁵ Данных о фильме «Кендиляр» нет.

⁷⁶ Легкое быстроходное судно.

⁷⁷ Бедная мать (фр.).

⁷⁸ Публикуется впервые.

⁷⁹ Павел Максимович, младший брат О. М.

⁸⁰ Полина Юрьевна, мать О. М.

⁸¹ М. Канин, знакомый О. М. Брики по МАЛЕГОТУ, по-видимому, участвовал в финской войне 1939–1940 гг.

⁸² Прасковья Васильевна, домработница Л. Ю.

⁸³ Имеются в виду дачи, в которых Брики жили прежде с Маяковским.

⁸⁴ Николай Денисовский.

⁸⁵ Дормез — старинный дорожный экипаж для долгого путешествия, где можно было устроиться лежа. Очевидно, у Денисовского была большая машина, которую Л. Ю. так назвала в шутку.

⁸⁶ Публикуется впервые.

⁸⁷ См. примеч. 66.

⁸⁸ Публикуется впервые.

⁸⁹ Письмо от 2 июня 1940 г. (№ 328).

⁹⁰ Письмо от 27 мая 1940 г. (№ 324).

⁹¹ Письмо от 2 июня 1940 г. (№ 328).

⁹² Письмо от 4 июня 1940 г. (№ 329).

⁹³ Дачу Румянцевой В. Маяковский снимал в 1920 г., дачу Костюхиной — в 1924-м, дачу В. Вячеславова — в 1922—1923 гг.

⁹⁴ Постоянная маникюрша Л. Ю.

⁹⁵ Домашний портной Бриков.

⁹⁶ «Болеро» М. Равеля (1875—1937), композитора-импрессиониста, одного из реформаторов музыки XX века, было написано и впервые исполнено в Париже в 1928 г.

⁹⁷ Адалис Аделина (наст. имя — Аделина Ефимовна Ефрон) (1900—1969) — поэтесса, писательница, переводчица.

⁹⁸ См. примеч. 1939 — 6.

⁹⁹ Имеется в виду автомобиль Денисовского.

¹⁰⁰ «Саль а манжэ»: *salle à manger* (*фр.*) — столовая.

¹⁰¹ Публикуется впервые.

¹⁰² Неустановленное лицо.

¹⁰³ *Брик Л. Маяковский и чужие стихи (Из воспоминаний); Катаня В. Рассказы о Маяковском // Знамя. 1940. № 3 С. 161—203.*

¹⁰⁴ Все названные книги вышли в 1940 г. в издательстве «Сов. писатель», кроме сборника К. Симонова, выпущенного в 1939-м. Сборник А. Ахматовой «Из шести книг» — под редакцией Ю. Тынянова; редактором сборника В. Хлебникова (серия «Библиотека поэта. Малая серия», № 59) выступил Н. Степанов. Под новыми сборниками Л. Ю. имеет в виду «Дорожные стихи» К. Симонова, первую книгу стихов М. Матусовского «Моя родословная»; у Л. С. Овалова, который уже в 1941-м прославится как автор детективных рассказов о майоре Пронине, в 1940 г. вышла книга очерков «Поездка в Ереван».

¹⁰⁵ Сотрудник Библиотеки-музея В. Маяковского.

¹⁰⁶ Примечательно, что Латвия лишь недавно вошла в состав СССР, но уже проводятся выставки, подтверждающие общность наций и их культур. Здесь упоминается книга: *Маяковский В. Люблю. Рига: Арбетергейм, 1922. 27 с.* (Поэма Маяковского была издана во время его пребывания в Риге еврейским культурным обществом «Арбетергейм», арестованная по выходу из печати, но возвращенная владелице типографии Гитель Левин спустя месяц. См. об этом любопытное документальное исследование Юрия Абызова «Рижская легенда о Маяковском» на сайте «Русские Латвии». URL: www.russkije.lv/ru/pub/read/y-abizov-mayakovsky (дата обращения: 23.03.2010).

¹⁰⁷ *Асеев Ник.* Маяковский начинается: повесть в стихах в 17 главах с эпилогом. М.: Сов. писатель, 1940. 140 с.: ил. 10 000 экз. Последние из вышедших в 1939 г. — сборники стихов Н. Асеева «Наша сила» и «Зоревое пламя».

¹⁰⁸ Аплетин Михаил Яковлевич (1885–1981) — литературовед, председатель Иностранной комиссии ССП.

¹⁰⁹ В 1940 г. только появились первые строки поэмы А. Ахматовой «Китежанка» («Путем вся земли»), поэтому попасть в сборник поэма и не могла.

¹¹⁰ Неустановленное лицо, по-видимому, сотрудник Библиотеки-музея В. Маяковского.

¹¹¹ См. далее главу «Дела музейные».

¹¹² У В. Маяковского и О. Брика была общая библиотека, которую О. М. при переезде на арбатскую квартиру в 1931 г. перевез к себе, а при организации Библиотеки-музея В. Маяковского частично передал туда.

¹¹³ Наркомату просвещения были подчинены Библиотека-музей В. Маяковского и Государственный Литературный музей.

¹¹⁴ *Фадеев А.* Маяковский: доклад на торжественно-траурном собрании правления Союза советских писателей СССР совместно с партийными, советскими и общественными организациями г. Москвы в Большом театре 14 апреля 1940 г. М.: ГИХЛ, 1940. 20 с.

¹¹⁵ Здесь: скрепки.

¹¹⁶ В № 4 за 1940 г. украинского журнала «Радянська література» (1933–1941), органа Союза писателей Украины (Киев), был опубликован очерк В. А. Катаняна «Две встречи с Бальмонтом» (на рус. яз.). Очерк включен в изд.: *Катанян В. А.* Рассказы о Маяковском. М.: ГИХЛ, 1940.

¹¹⁷ Публикуется впервые.

¹¹⁸ Надежда Штеренберг, Николай Денисовский, Лев Гринкруг и муж Филки Штеренберг, художник Валерий Сергеевич Алфеевский приехали на той самой машине Денисовского, которая не должна была въехать в ворота, по опасениям Л. Ю.

¹¹⁹ Уча — река на окраине Пушкино (приток Клязьмы).

¹²⁰ В продолжение вопроса, поднятого в письме № 331, в котором Л. Ю. писала: «*Лева говорит, что писательские ставки все-таки повысят, хотя и не на столько, как думал.*»

¹²¹ В обращение уже поступили почтовые марки с портретом В. Маяковского (см. главу «Юбилейные почтовые марки»).

¹²² Л. Ю. слушала, как и все советские люди, радиоприемник с коротковолновым диапазоном. В эти дни «заграница» должна была передавать сообщения о торжестве фашистов во Францию.

¹²³ Публикуется впервые.

¹²⁴ Л. Ю. употребляла это слово и раньше — см. ее письмо О. М. Брику от 18 марта 1935 г., № 210 (том 1).

¹²⁵ Из Полного собрания сочинений В. Маяковского. Катанян входил в редакционную коллегию издания.

¹²⁶ Павел Брик с женой и сыном тоже находился в это время на даче в Пушкино.

¹²⁷ Сын Василия Катаняна.

¹²⁸ Галина Катанян все еще негодует на В. А. Катаняна, который ушел из семьи к Л. Ю.

¹²⁹ Фашистские войска взяли Париж, но советские газеты скупно освещали это историческое событие.

¹³⁰ Публикуется впервые.

¹³¹ О. М. имеет в виду статьи Адалис, Смелякова и Алигер, которые образовали полемику в нескольких номерах «Литературной газеты» (см. письмо Л. Ю. от 6 июня 1940 г. № 331).

¹³² О. М. шутиливо называет серьезную статью Л. Ю. «Маяковский и чужие стихи (Из воспоминаний)» статьишкой.

¹³³ Трегуб Семен Адольфович (1907–1975) — литературный критик, публицист, работник советской комсомольской печати. В 1938 г. — зам. заведующего отделом литературы и искусства «Правды». Занимался творчеством В. Маяковского и Н. Островского.

¹³⁴ Шиловский Евгений Александрович (1889–1952) — кадровый военный, муж Елены Сергеевны Булгаковой (урожд. Нюрнберг), которая в 1932 г. ушла от него к М. А. Булгакову. При разводе они поделили двух своих сыновей: старший, Евгений, остался с отцом, младший, Сергей, с матерью. Брики были знакомы с ним через В. М. Примакова.

¹³⁵ Роман Эмиля Золя «Творчество» (1886) входит в 20-томную эпопею «Ругон-Маккары» (14-м томом) и рассказывает историю появления и развития импрессионизма.

¹³⁶ Роман Анатоля Франса «Восстание ангелов» (1914) — социальная сатира с элементами игровой мистики. Добавим, что в 1921 г. Франс стал лауреатом Нобелевской премии по литературе, которую он пожертвовал в пользу голодающей России.

¹³⁷ Слово имеет два значения: 1) народное образование (совет. новояз); 2) бессмыслица, скрываемая под оригинальной формой (герой «Невинных рассказов» Салтыкова-Щедрина в качестве рифмы к слову «образ» придумал только лишнее всякого смысла «нобраз»). Осип Брик, очевидно, имеет в виду второе.

¹³⁸ Намек на В. М. Примакова.

¹³⁹ Публикуется впервые.

¹⁴⁰ Публикуется впервые.

¹⁴¹ Рябова Наталья Федоровна, до замужества Самоненко (1907–1992), познакомилась с В. Маяковским в 1924 г. в Киеве, во время его концертного турне. Они встречались там с 1924 по 1928 г., а затем в Москве в 1928–1930 гг. Она родилась в Киеве, где окончила музыкальный техникум и экономическое училище. Ее муж, Рябов Григорий Захарович (1894–1967), — военный врач.

Н. Ф. Рябова составила указатель имен и названий для заключительного тома Полного собрания сочинений В. В. Маяковского в 13 томах (1961 г.).

¹⁴² Брюханенко Н. Достоверные мелочи [Воспоминания] // Смена. 1940. 15 апр.; Брюханенко Н. Встречи с Маяковским [Воспоминания] // Литературный современник. 1940. № 4.

¹⁴³ Воспоминания В. Полонской были впервые опубликованы в США в книге Семена Чертока «Последняя любовь Маяковского (С включением мемуаров Вероники Полонской)» (Нью-Йорк: Эрмитаж, 1983. С. 66–96) и на родине в журнале «Вопросы литературы» (1987. № 5. С. 152–198; вступ. статья и коммент. С. Стриженовой). Воспоминания Н. Брюханенко впервые полностью опубликованы в журнале «Таллин» (1983. № 4 (31). С. 62–74, публ. Зары Минц). Воспоминания В. Полонской, Н. Брюханенко и Н. Рябовой (впервые) опубликованы также в сборнике «Имя этой теме: любовь!»: Современницы о Маяковском / сост., вступ. ст., коммент. В. В. Катаняна. М.: Дружба народов, 1993. 336 с. (серия «Литературные мемуары: Век XX»).

¹⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 150.

¹⁴⁵ Публикуется впервые.

¹⁴⁶ Л. Д. Троцкий, лишенный советского гражданства и высланный из СССР в 1929 г., с 1936 г. проживал в Мексике, где его приняли художник-коммунист

Диего Ривера и его жена, тоже художница, поддерживающая коммунистические идеи, Фрида Кало.

Меркадер Хайме Рамон (Jaime Ramon Mercader), также Рамон Иванович Лопес (1913–1978), член компартии Испании и агент органов госбезопасности СССР, еще в марте 1940 г. под именем Жака Морнара проник на виллу Троцкого, где успешно выдал себя за троцкиста. За убийство Троцкого Меркадер получил звание Героя Советского Союза, орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», правда прежде ему пришлось отбывать наказание в Мексике — 20 лет тюремного заключения.

¹⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 601.

¹⁴⁸ Пишущая машинка Маяковского «Ремингтон» была привезена поэтом из Америки; передана Л. Ю. в музей только в 1948 г. (Колесникова Л. Другие лики Маяковского. М.: Витязь-Братишка, 2008. С. 129).

¹⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 601.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ «Личное и интимное» письмо В. Маяковского Лиле Брик (1923) до сих пор полностью не опубликовано. Шведский исследователь-маяковед Бенгт Янгфельдт в недавно вышедшей книге «Ставка — жизнь. Маяковский и его круг» (М.: Колибри, 2009) вспоминает, что В. В. Катанян позволил ему лишь чтение этого письма без права копирования. Позднее, передавая письмо на хранение в ЦГАЛИ, Л. Ю. поставила условие, что оно может быть опубликовано через 90 лет после написания, т. е. не ранее 2013 г. Факсимильные фрагменты этого письма экспонировались в марте — мае 2014 г. в выставочном зале «Домик Чехова» в Москве на выставке ГММ, посвященной поэме «Про это».

¹⁵² РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 601.

¹⁵³ Неустановленное лицо.

¹⁵⁴ «Lumière» — французский журнал.

¹⁵⁵ Романы и пьесы Анри де Монтерлана (1896–1972) проникнуты нищенскими настроениями.

¹⁵⁶ Андре Мальро (1901–1976) во время Гражданской войны в Испании стал командиром республиканской авиационной эскадрильи, после капитуляции Франции принимал активное участие в движении Сопротивления. С 1945 г. сблизился с Шарлем де Голлем и в 1959 г. занял пост министра культуры в правительстве генерала-президента.

¹⁵⁷ В произведениях Жана Жироду (1882–1944) высмеивается псевдокультура с позиции «одиночки-интеллигента», носителя подлинных гуманистических ценностей, разоблачается национализм, политические интриги.

¹⁵⁸ Поль Клодель (1868–1955) — писатель-католик, в основе его произведений темы греха и искушения, религиозного просветления мира, вне веры лишенного надежды и нравственного просветления мира.

¹⁵⁹ Неустановленное лицо.

¹⁶⁰ Жданов Андрей Александрович (1896–1948) — видный партийный и государственный деятель, с 1939 г. — член Политбюро ЦК, курировал вопросы идеологии.

¹⁶¹ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 62.

¹⁶² Элиза с Луи Арагоном уже покинули Париж, оккупированный фашистами, и выехали на юг Франции, где активно сотрудничали в движении Сопротивления. Ее переписка с Л. Ю. после этого письма прервалась до 1944 г.

¹⁶³ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 62.

¹⁶⁴ Марина Ивановна Цветаева жила в эмиграции с 1922 по 1939 г.: недолго в Берлине, три года в Чехии и с 1925 г. во Франции, в Париже и его пригородах. Все

это время существование ее было бедным, в 1930-х гг. — практически нищенским. В 1939 г. она вслед за мужем, Сергеем Эфроном, и взрослой дочерью Ариадной выехала в СССР. Сначала семью поселили в Болшево, на даче НКВД, где и арестовали вскоре Эфрона, затем Ариадну. В августе 1941 г. Цветаева с сыном Георгием эвакуировалась в Елабугу, и 31 августа здесь покончила с собой, загнанная, по ее собственным ощущениям, в ловушку. Девятнадцатилетний Георгий Эфрон (домашнее прозвище — Мур) погиб в 1944 г. на фронте.

¹⁶⁵ А. К. Тарасенков был близко знаком с М. Цветаевой и ее сыном. В середине 1950-х работал над подготовкой первого в СССР сборника ее стихов.

¹⁶⁶ Тагер (урожд. Хургес) Елена Ефимовна (1909—1981), искусствовед. С ней и ее мужем, литературоведом Евгением Борисовичем Тагером (1906—1984), в 1940—1941 гг. М. И. Цветаева была очень дружна, они принимали участие в ее судьбе, а также в судьбе ее сына.

¹⁶⁷ Тагер Е. Б. Избранные работы о литературе. М.: Сов. писатель, 1988. С. 504.

¹⁶⁸ В 1937 г. умерла первая жена Семена Кирсанова, Клавдия. В это время рядом с ним Раиса Беляева.

¹⁶⁹ Московский приятель Мура.

¹⁷⁰ Эфрон Г. Дневники: в 2 т. М.: Вагриус, 2004. Т. 1: Дневник № 9: 29.09.1940—20.07.1941. С. 219.

¹⁷¹ См. следующую главу: «Урожайный год и монополия Бриков».

¹⁷² Асеев Н. Н. Маяковский начинается: повесть в стихах; в 17 гл. с эпилогом [ил. Марии Сняжковой, 16 вкл. листов]. М.: Сов. писатель, 1940. 140 с. 10 000 экз.

¹⁷³ Бачелис И. Поэма о поэте // Известия. 1940. 28 марта.

¹⁷⁴ Урбан А. Поэзия Николая Асеева // Асеев Н. Стихотворения и поэмы. Большая серия библиотеки поэта. ЛО: Сов. писатель, 1967. С. 40—41.

¹⁷⁵ Асеев Н. Н. Маяковский начинается. С. 50—53.

¹⁷⁶ Там же. С. 122—124. Дочь Маяковского и Элли Джонс (Елизаветы Зиберт) — Хелен Патрисия Томпсон (Helen Patricia Tompson), также Елена Владимировна Маяковская (род. 15 июня 1926 г.), в настоящем доктор философии, писатель; родилась, живет и работает в США.

¹⁷⁷ Там же. С. 124.

¹⁷⁸ Цит. по: Асеев Н. Н. Маяковский начинается. М.: Сов. писатель, 1940.

¹⁷⁹ Реформатская Надежда Васильевна (1901—1985) — литературовед, сотрудник Библиотеки-музея В. Маяковского.

¹⁸⁰ См. далее главу «Семейная переписка или идеологическая диверсия?»

¹⁸¹ Февральский (Якоби) Александр Вильямович (1901—1984) — литературовед, театровед. Его исследование о «Мистерии-буфф» выйдет отдельной книжкой — «Первая советская пьеса. “Мистерия-буфф” В. В. Маяковского» — в 1971 г. в издательстве «Советский писатель»

¹⁸² Метченко Александр Иванович (1907—1985) — доктор фил. наук, литературовед, маяковсковед. Лауреат Гос. премии, член Союза писателей СССР.

¹⁸³ Бялик Борис Аронович (1911—1988) — критик, литературовед, член Союза писателей СССР.

¹⁸⁴ См. примеч. 10.

¹⁸⁵ Спасский Сергей Дмитриевич (1898—1956) — писатель, поэт, драматург. Пямять о дружбе с Маяковским пронес через всю жизнь. Был близким другом А. Белого.

¹⁸⁶ Статья опубл.: [Валуженич, 1993. С. 81—95].

¹⁸⁷ Жевержеев Левкий Иванович (1881—1942) — искусствовед, коллекционер, меценат; создатель Декоративного института (1920), театрального отдела в Музее

истории Петербурга, один из основателей Театрального музея (2-я пол. 1930-х), спонсор футуристических спектаклей 1913 г. «Победа над солнцем» (опера М. Матюшина и А. Крученых) и «Владимир Маяковский» (худ. П. Филонов, И. Школьник), худ. руководитель Эрмитажного театра.

¹⁸⁸ Артоболовский Георгий Владимирович (1898–1943) — мастер художественного слова, теоретик искусства декламации. Автор нескольких работ по художественному чтению.

¹⁸⁹ Об этом авторе нам не удалось узнать подробнее.

¹⁹⁰ Здесь ошибочно: А. Эльберт. Надо: Л. (Лев) Эльберт.

¹⁹¹ Эвентов Исаак Станиславович (1910–1989) — писатель, критик, литературовед. В 1945–1952 гг. сотрудник ИРЛИ АН СССР. В 1941 г. выйдет его работа «Маяковский-сатирик».

¹⁹² Работа Л. Брик «Маяковский и чужие стихи» полностью или в отрывках многократно переиздавалась впоследствии как на родине, так и за рубежом.

¹⁹³ Чуковский К. Собрание сочинений: в 15 т. М.: Терра; Книжный клуб, 2006. Т. 12. Дневник 1922–1935. С. 453.

¹⁹⁴ Рукопись была подготовлена к печати в 1932 г., ее появление связывалось с тремя датами: 20-летие футуризма, 15-летие революции, 10-летие смерти В. Хлебникова; но ее так и не издали. Дополненная версия была подготовлена в 1938 г. и ориентирована на 1940 г. — 10-летие смерти В. Маяковского; ее постигла та же участь — безвестность. Впервые полностью напечатана в 1996 г.: Крученых А. Е. НАШ ВЫХОД. К истории русского футуризма. М.: Изд-во «РА», 1996. Расширенная версия воспоминаний: Крученых А. Е. К истории русского футуризма: Воспоминания и документы. М.: Гилея, 2006.

¹⁹⁵ Сигей Сергей (наст. имя — Сигов Сергей Всеволодович) (1947–2014) — поэт, художник, исследователь русского авангарда. Родился в Мурманске. Окончил Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии. Участвовал в группах «Угутская школа» (с 1968 г.), «Трансфуризм» (соредактор вместе с Ры Никоновой журнала «Транспонанс»). Основное направление творчества — визуальная и саунд-поэзия. С 1986 г. занимался также мейл-артом. Автор ряда теоретических статей, публиковавшихся в России и за рубежом. Лауреат (вместе с Ры Никоновой) премии Андрея Белого за 1998 г. (за особые заслуги в развитии русской литературы). С 1998 г. вместе с женой Ры Никоновой жили в Германии. Умерли с разницей в полгода: С. Сигей в сентябре, Ры Никонова — в марте 2014 г.

¹⁹⁶ Крученых А. Игра в аду. Поэма вторая / подготовка текста, словесные иллюстры и послесловие Сергея Сигей. Madrid: Ediciones del Hebreo Egrante, 2001. 25 с.

¹⁹⁷ Крученых А., Хлебников В. Игра в аду. М.: типолит. В. Рихтер, [1912]. 16 л. 300 экз. Текст исполнил А. Крученых (литография, карандаш). Литографии (карандаш) Н. Гончаровой.

Второе доп. изд. [СПб.]: литогр. «Свет», [1914], 42 л. 800 экз. Большую часть рис. выполнила О. Розанова; обложка — К. Малевича.

Центральное место в поэме занимает сцена игры в карты между героем и чертами.

¹⁹⁸ Хлебников В. Неизданные произведения / под ред. Н. Харджиева. М.: Худ. литература, 1940.

¹⁹⁹ Транспонанс (Ейск). 1984. № 22. С. 97–124.

²⁰⁰ Ры Никонова (наст. имя — Анна Александровна Таршис) (1942–2014) — поэтесса, художница, теоретик и практик авангардного искусства. Продолжатель русской позднефутуристической традиции. Разрабатывала ряд новых видов и жанров

искусства: визуальная поэзия, мейл-арт и др. В 1979—1986 гг. организатор и автор самиздатского журнала «Транспонанс» совместно с мужем Сергеем Сигеем

²⁰¹ См., напр.: Якобсон — будетлянин: сб. материалов / сост., подг. текста, предисл. и коммент. Бенгта Янгфельдта. Стокгольм, 1992. 185 с. С. 36—37.

²⁰² Ирониада: лирика. Май-июнь 1930 г. Изд. автора, 1930 г. Героиня сборника — возлюбленная А. Крученных Ирина Смирнова.

²⁰³ Отталкиваясь от популярной джаз-песенки (шепчущий бас — «Чекита»), — я варьирую имя героини: Ирина — Ирита — Чекита. В дальнейшем мною выдуманно еще несколько имен мною же выдуманной героини (примеч. А. Крученных).

²⁰⁴ Крученных А. Игра в аду. Поэма вторая. Мадрид, 2001. С. 21—24.

²⁰⁵ Бирюков Сергей Евгеньевич — поэт, литературовед, критик. Родился в 1950 г. в Тамбовской области. Окончил филологический факультет Тамбовского пединститута. Кандидат филологических наук. Автор многих работ по истории русской поэзии, в особенности, нетрадиционной. Основатель Академии Зауми. Член редколлегии журнала «Футурум арт». С 1998 г. живет в Германии.

²⁰⁶ Опул.: Русская мысль (Париж). № 4414. 2002. 20 июня.

²⁰⁷ Крусанов Андрей Васильевич — литературовед, исследователь русского авангарда. Родился в Ленинграде в 1958 г. В 1981 г. окончил Ленинградский технологический институт. Работает над монографией «Русский авангард: 1917—1932. Исторический обзор в 3-х тт.» В изд-ве «НЛО» вышли: т. 1 (1996), т. 2, кн. 1, 2 (2003), т. 1, кн. 1, 2 (2010).

А. В. Крусанов написал рецензию на мою книгу «Лиля Брик — жена командира. 1930—1937» (Астана, 2006 г.) — опубл. в журн. «Дети РА», 2008, № 12.

²⁰⁸ Опул.: Новая Русская Книга. 2001. № 2. Также доступно в Сети. URL: <http://guelman.ru/slava/nrk/nrk8/07.html> (дата обращения: 18.04.2010).

²⁰⁹ См. примеч. 201.

²¹⁰ Вероятно, автор имеет в виду архивы Московского лингвистического кружка, где сотрудничал О. Брик в начале 1920-х; в этих архивах могла сохраниться его анкета.

²¹¹ Фактически, кроме того что у Л. Ю. Брик было удостоверение ГПУ № 15073 (1922 г.), о характере ее сотрудничества с этой организацией ничего неизвестно.

²¹² Бениславская Галина Артуровна (1897—1926), журналистка, издательский работник, близкая знакомая поэта Сергея Есенина, была штатной сотрудницей ГПУ.

²¹³ С. Сигей выражает свое согласие на цитирование его работы в письме ко мне от 25 марта 2003 г.

²¹⁴ Имеется в виду моя книга «О. М. Брик: Материалы к биографии» (Акмола: Нива, 1993). Я тогда же послал ее С. Сигею.

²¹⁵ Третьяков Сергей Михайлович (1892—1937) — поэт, прозаик, драматург, журналист, левовец. близкий знакомый Бриков, Маяковского. Репрессирован, расстрелян.

²¹⁶ Отъезд Н. И. Харджиева в Амстердам в 1993 г. носил скандальный характер.

²¹⁷ Письмо С. Сигея ко мне от 17 февраля 2003 г.

²¹⁸ Письмо С. Сигея ко мне от 25 марта 2003 г.

²¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 62.

²²⁰ Алтаузен Джек (наст. имя — Яков Моисеевич) (1907—1942) — поэт, с 1934 г. член СП СССР. В конце 1920-х работал в «Комсомольской правде» секретарем литотдела. Тогда же в ряду активных сотрудников «Комсомолки» был В. Маяковский, с которым Дж. Алтаузен по поручениям редакции поддерживал постоянную связь.

²²¹ Маяковский В. Десятилетняя песня (1928).

- ²²² *Лебедев-Кумач В.* Песня о партии (1938).
²²³ *Маяковский В.* Помните! (1929).
²²⁴ *Лебедев-Кумач В.* Про осьминога (1933).
²²⁵ *Маяковский В.* Революция. Поэтохроника (1917).
²²⁶ *Лебедев-Кумач В.* Над свободным селом (1939).
²²⁷ Эта речь А. Фадеева опублик.: Лит. газета. 1940. 1 дек. № 59.
²²⁸ *Асеев Н.* Маяковский начинается. Глава 11.

Позвольте! Но что же это
за диво?

Я вас не встречала
во веки веков!»
Высокий над ней
наклонился учтиво:
— Вот так же, мадам,
как и большевиков!

²²⁹ Лит. газета. 1940. 8 дек. № 60.

²³⁰ Там же.

²³¹ *Маяковский В.* Во весь голос (1930).

²³² Источник цитаты не выявлен.

²³³ Лит. газета. 1940. 8 дек. № 60.

²³⁴ В их числе А. Сурков видит, например, А. Ахматову, которую «некоторые» пытаются выдвинуть на Сталинскую премию по поэзии.

²³⁵ Лит. газета. 1940. 8 дек. № 60.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Публикуется впервые.

²³⁸ Воспоминания о Николае Глазкове: сб. / сост. Р. Глазкова, А. Терновский. М.: Сов. писатель, 1989. С. 99.

²³⁹ Там же. Воспоминания Ю. Долгина.

²⁴⁰ *Глазков Н.* За мою гениальность (1955).

1941 год

¹ Воспоминания о Николае Глазкове: сб. М.: Сов. писатель, 1989. С. 110.

² Публикуется впервые.

³ Имеются в виду вещи ее дочери Владимеры, конфискованные вместе с вещами матери при ее аресте в Астрахани. Уборевич (в замужестве Боровская) Владимера (Мира) Иеронимовна (род. в 1924) находилась в лагерях и ссылке с 1938 по 1953 г.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Арх. след. дело № Р-23913 на Уборевич Н. В. и других. Личное дело заключенного; *Кантор Ю.* Дочь командарма. История Владимеры Уборевич в письмах // *Время новостей.* № 199. 30 окт. 2007 г. (Также доступно в Сети. URL: www.vremya.ru/print/190195.html (дата обращения: 20.04.2010)).

⁵ О готовящейся поездке Н. В. Уборевич в Париж см., в частности, том 1-й настоящей дилогии, часть «1930 год», с. 330.

⁶ См., напр., первопубликации киносценариев О. М. Брика: *Потомок Чингисхана* // [Валуженич, 1993. С. 63–73]; *Приключения эльвиста; Клеопатра; Премьера* // *Киноведческие записки.* 2003. № 62. С. 81–110.

⁷ См., напр., републикации А. Валуженича статей О. М. Брика о кино: журн. «Киноведческие записки». 2004. № 69. С. 274–332 (Кинопублицистика 1920-х гг.); 2006. № 78. С. 197–234 (Кинопублицистика 1930–40-х гг.).

⁸ Лекции О. М. Брика в ГИКе см.: РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1:

— дело № 128 (начало, 20–28.02.41, 62 л.);

— дело № 129 (продолжение, 07–14.03.41, 57 л.);

— дело № 130 (окончание, 21–28.03.41, 79 л.).

⁹ Рябов Григорий Захарович (1894–1967) — военный врач, муж Н. Ф. Рябовой (см. примеч. 1940 — 141).

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 637.

¹¹ Самосуд Самуил Абрамович (1884–1964), главный дирижер и художественный руководитель МАЛЕГОТа, где ставились оперы «Комаринский мужик» (1933) и «Именины» (1935) по либретто О. М. Брика; с 1936 г. — художественный руководитель Большого театра СССР.

¹² Грандиозный фильм С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный», как известно, не был окончен, но в 1946 г. он удостоился Сталинской премии I степени за первую часть, которая вышла на экраны в начале 1945 г. Вторая часть была отправлена Сталиным на доработку, и Эйзенштейн согласился с критикой, но не успел завершить картину.

Пьеса Алексея Николаевича Толстого «Иван Грозный» состоит из двух частей: «Орел и орлица» (1942), «Трудные годы» (1943). В 1946 г. посмертно писатель за это произведение также награжден Сталинской премией I степени.

¹³ Стенограмма лекции: РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 128.

¹⁴ См. «Объяснительную записку» О. М. Брика в части «1943 год», с. 230–231.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 92. О. М. Брик. «Иван Грозный». Либретто оперы. Варианты.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Коваль (наст. фамилия — Ковалев) Мариан Викторович (1907–1971) — композитор, создавший много хоровых и сольных вокальных циклов, романсов, массовых песен, фортепианных пьес, обработок русских народных песен, музыки к спектаклям и кинофильмам. В 1943 г. присужденную ему Сталинскую премию, сто тысяч рублей, передал в Фонд обороны. Народный артист РСФСР.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 602.

¹⁹ См.: Кантор Ю. Дочь командарма. История Владимеры Уборевич в письмах // Время новостей. № 199. 30 окт. 2007 г. Также доступно в Сети. URL: www.vremya.ru/print/190195.html (дата обращения: 20.04.2010).

²⁰ Цюрупа Александр Дмитриевич (1870–1928) — партийный и государственный деятель. Будучи наркомом продовольствия РСФСР (1918–1921), выступил инициатором введения продовольственной диктатуры. Председатель Госплана СССР (1923–1925), нарком внешней и внутренней торговли СССР (1925–1926).

²¹ Публикуется впервые.

²² Публикуется впервые.

²³ Владимиров (наст. фамилия — Верле) Владимир Константинович (1886–1953) — заведующий творческой мастерской Большого театра.

²⁴ Возможно, Ярустовский Борис Михайлович (1911–1978) — музыковед, музыкальный и общественный деятель. В 1941 г. окончил аспирантуру Московской консерватории, впоследствии получил степень доктора искусствоведения (1952).

²⁵ В это время по заказу Большого театра О. М. Брик работал над либретто оперы «Иван Грозный». Однако к имени легендарного летчика-испытателя Валерия

Павловича Чкалова (1904—1938) после его трагической гибели было привлечено особое внимание. Например, на киностудии им. М. Горького был снят в 1941 г. историко-биографический фильм «Валерий Чкалов» (реж. М. Калатозов). Не получив от О. М. либретто о герое-летчике, М. В. Коваль все же написал в 1942 г. операторию «Чкалов» на стихи В. В. Каменского.

²⁶ См. примеч. 1938 — 26.

²⁷ Николай Глазков.

²⁸ Цилиндрические шахматы — вариант игры в шахматы, в котором игровая доска считается вертикальной разверткой условного цилиндра. При этом вертикальных краев у доски нет, вертикали «а» и «h» являются соседними, все вертикали равны.

²⁹ Брики собирали стихи Н. Глазкова в самодельные книжки, украшали их рисунками знакомых художников.

³⁰ Наталья Брюханенко и ее муж Марк Моисеевич.

³¹ Публикуется впервые.

³² В санатории «Правда» О. М. Брик с Е. Г. Соколовой отдыхали в 1940 г.

³³ Публикуется впервые.

³⁴ Письма № 340, 342.

³⁵ Распространенная ошибка в написании фамилии государственного деятеля.

Верно: Цюрупа.

³⁶ «Гибель “Орла”» — художественный фильм (1940) режиссера В. Журавлева, снятый по рассказу К. Д. Золотовского «Капитан Лаце». «Трактористы» — музыкальный художественный фильм (1939) режиссера И. Пырьева.

³⁷ Публикуется впервые.

³⁸ Муха — неустановленное лицо.

³⁹ Семен и Раиса Кирсановы. Кирсанов женился на восемнадцатилетней Раисе Дмитриевне Беляевой (1923—1982) в 1941 г.

⁴⁰ Лев Гринкруг.

⁴¹ Рябовы Григорий Захарович, военный врач, и Наталья Федоровна (та самая, что в 1920-х гг. встречалась с Маяковским, а впоследствии составила именной указатель для последнего тома ПСС).

⁴² Адуев (наст. фамилия — Рабинович) Николай Альфредович (1895—1950) — поэт, драматург, либреттист. В 1939 г. вместе с С. Михалковым написал сценарий мультфильма «Дядя Степа». Возглавлял секцию сатиры в Союзе писателей.

⁴³ Мать О. М. Брика.

⁴⁴ Жена брата О. М. Брика — Павла.

⁴⁵ Евгений, сын Фриды и Павла Бриков.

⁴⁶ Племянник О. М., младший сын его брата Павла.

⁴⁷ Возможно, Маргарита Ивановна, жена О. Л. Леонидова, соавтора О. М. по ряду драматических произведений.

⁴⁸ В. Л. Жемчужный.

⁴⁹ О. М. руководил драмсекцией при Союзе писателей.

⁵⁰ Неустановленное лицо.

⁵¹ Публикуется впервые.

⁵² Публикуется впервые.

⁵³ Публикуется впервые.

⁵⁴ Публикуется впервые.

⁵⁵ Письма № 345, 346.

⁵⁶ Неустановленное лицо.

⁵⁷ Неустановленное лицо.

⁵⁸ Лев Гринкруг.

⁵⁹ Сестра Е. Г. Соколовой.

⁶⁰ Письмо № 345.

⁶¹ Публикуется впервые.

⁶² В 1939 г. Н. Погодин написал пьесу «Кремлевские куранты», а в 1941-м подготовил новую редакцию. Действие пьесы происходит в Москве весной и летом 1920 г., новое правительство под руководством Ленина разрабатывает планы переустройства народного хозяйства. Впервые спектакль по этой пьесе поставил Ленинградский Большой драмтеатр в 1940 г. с режиссером Е. Альтусом (он же исполнял роль Ленина). 22 января 1942 г. пьесу показал МХАТ в эвакуации в Саратове. Руководил постановкой Немирович-Данченко, режиссеры — Л. М. Леонидов и М. О. Кнебель. В том же году постановка была удостоена Сталинской премии.

⁶³ Публикуется впервые.

⁶⁴ См. далее главу «Вставай, страна огромная...», с. 148.

⁶⁵ По-видимому, в комнате управдома.

⁶⁶ Николай Глазков.

⁶⁷ Теперь уже «Окна ТАСС», но Л. Ю. использует старое название.

⁶⁸ «30 дней» — иллюстрированный ежемесячник (1925—1941), редактором которого был писатель П. А. Павленко.

⁶⁹ Валерий Сергеевич Алфеевский, муж Фиалки Штеренберг, мобилизован и отправляется из Москвы.

⁷⁰ Дочь Александры Гавриловны, сестры Е. Г. Соколовой. Тут для различия — «своя Женя».

⁷¹ Неустановленное лицо.

⁷² Вторая сестра Е. Г. Соколовой, работала в Доме ученых.

⁷³ Еще одна сестра Е. Г. Соколовой.

⁷⁴ Публикуется впервые.

⁷⁵ Володя — сын Марьи Гавриловны. Колонией Л. Ю., по-видимому, называет пионерский лагерь.

⁷⁶ Павел Максимович, брат О. М.

⁷⁷ Письмо № 349.

⁷⁸ Марш к фильму по стихотворению Маяковского «Летающий пролетарий», который снимался при участии О. М.

⁷⁹ Публикуется впервые.

⁸⁰ Здесь Л. Ю. так называет «Окна ТАСС».

⁸¹ Публикуется впервые.

⁸² См.: *Поникарова Н. М.* Москва. Испытание войной // Московский журнал. 2000. № 5.

⁸³ Ортенберг Давид Иосифович (1904—1998) — журналист, редактор, писатель. Главный редактор газеты «Красная звезда» в 1941—1943 гг.

⁸⁴ *Бирюков Ю. Е.* История создания песни «Священная война» [Электронный ресурс] // MuzRuk.Info [сайт]. URL: <http://muzruk.info/?p=75> (дата обращения 20.04.2010). Однако авторство Лебедева-Кумача в отношении текста этой песни в настоящее время оспаривается. Довольно любопытное исследование, с документальными подтверждениями, с привлечением разного рода источников, обсуждением тяжбы внучки Лебедева-Кумача и защитниками авторского права А. Бода, учителя русского языка и литературы, написавшего этот текст в период Первой мировой войны, осуществил Игорь Евгеньевич Шап. См.: *Шап И. Е.*

Об авторстве песни «Священная война» [Электронный ресурс] // Журн. «Самиздат». URL: http://samlib.ru/s/shap_i_e/opesne.shtml (дата обращения: 14.02.2014).

⁸⁵ Александров Александр Васильевич (1883—1946) — композитор, хоровой дирижер, хормейстер, педагог, генерал-майор (1943). Народный артист СССР (1937), дважды лауреат Сталинской премии I степени (1942, 1946). Автор музыки Гимна СССР, позднее — Гимна РФ, положенного на ту же мелодию.

⁸⁶ Черемных Михаил Михайлович (1890—1962) — карикатурист, книжный иллюстратор. Народный художник РСФСР, лауреат Сталинской премии II степени (1942).

⁸⁷ Прут — река на Украине, в Молдавии и Румынии, левый приток Дуная, по ней с 1940 г. проходила советско-румынская граница.

⁸⁸ Скуленский плацдарм (с. Скулень, Скулены). Отсюда с 2 июля 1941 г. началось наступление немецких войск на советскую территорию.

⁸⁹ Соколов-Скаля Павел Петрович (1899—1961) — живописец и график. Лауреат двух Сталинских премий (1942, 1949). Народный художник РСФСР (1956). Известен своими картинами на историко-революционные и батальные темы.

⁹⁰ «Окна ТАСС» // Лит. газета. 1941. 29 июня. Статья без подписи автора.

⁹¹ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 346.

⁹² Чаковский Александр Борисович (1913—1994) — писатель и журналист. Во время войны служил корреспондентом «Фронтовой правды» и других газет. Несколько раз находился в блокадном Ленинграде в качестве военкора газеты Волховского фронта.

⁹³ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 346.

⁹⁴ См.: [Валуженич, 1993. С. 262—343, 253—257].

⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 345.

⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 602.

⁹⁷ *Винокурова И.* «Всего лишь гений...»: судьба Николая Глазкова. М.: Время, 2006. С. 219.

⁹⁸ *Сас И.* Москва и по сей день не оправилась от бомбардировок 1941 года // Независимая газета. 21.07.2001. URL: www.ng.ru/events/2001-07-21/2_moscow.html (дата обращения: 15.03.2010). Далее свой рассказ о первом тревожном дне Москвы автор основывает на этой статье Ивана Саса, цитируя ее с некоторыми отступлениями (примеч. ред.).

⁹⁹ Можайск находится примерно в 100 км от Москвы.

¹⁰⁰ См.: *Можжаев А.* Элемент чудесного [Электронные данные] // Архнадзор [сайт]. 21 дек. 2007. URL: www.archnadzor.ru/2007/12/21/e-lement-chudesnogo (дата обращения: 20.03.2010).

¹⁰¹ Город Пермь носил название Молотов с 1940 по 1957 г.

¹⁰² Л. Ю. получала письма по такому адресу: г. Молотов, Кировский р-н, Куйбышевский поселок, ул. Шмидта, дом Шукина. В 1948 г. улица стала называться Магазиной; дом не сохранился. О. М. с Женей жили по адресу: Кировский р-н, Куйбышевский поселок, ул. Горького, 47. В 1942 г. они переехали в дом на ул. Пермской (с 1948 г. — ул. Станционная), 4, в том же районе. Этот дом сохранился до настоящего времени. В освободившийся дом (ул. Горького, 47) переехали Л. Ю. с В. А. В 1948 г. ул. Горького переименована в ул. Бородулинскую, дом № 47 не сохранился.

¹⁰³ Цит. по: *Винокурова И.* «Всего лишь гений...»: судьба Николая Глазкова. М.: Время, 2006. С. 220.

¹⁰⁴ Маленький фельетон В. А. Катаняна «Маяковский о Муссолини» напечатан в молотовской газете «Звезда» № 188 (6557) от 10 августа 1941 г.

¹⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 75. Всего в архиве содержится 33 письма Л. Ю. Брик Н. Ф. Рябовой, написанных в период с 14 июня 1940 г. по 27 ноября 1942 г.

¹⁰⁶ Чкаловская тема была близка О. М., еще в начале 1941 г. он делал наброски к либретто оперы о нем для Большого театра.

¹⁰⁷ Нет никаких свидетельств о поездке Бриков к В. Каменскому.

¹⁰⁸ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 75.

¹⁰⁹ Так Л. Ю. по старинке называет Ленинградский академический театр оперы и балета им. С. М. Кирова, эвакуированный в г. Молотов.

¹¹⁰ Фильм 1929 г., режиссер В. И. Пудовкин, автор сценария О. М. Брик (по теме И. М. Новокшенова).

¹¹¹ Краснокамск — райцентр Молотовской области в 40 км ниже по Каме от Молотова. В 1941 г. сюда был эвакуирован Ленинградский монетный двор, который выпускал здесь ордена и медали СССР.

¹¹² «Прикамье» — литературно-художественный альманах Молотовского (Пермского) отделения Союза писателей, выходил с 1940 по 1960 г. Редакторы Н. Анисимов, С. Рыков.

¹¹³ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 75.

¹¹⁴ «Звезда» — орган Молотовского областного и городского комитетов ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся. Отв. ред. Н. П. Анисимов. Тираж 60 000 экз.

¹¹⁵ *Маяковский В. Лозунги-рифмы* / сост. В. Катанян. Молотовгиз, 1941. 24 с. 5 000 экз.

¹¹⁶ По-видимому, автор рецензии — Гинц (наст. фамилия — Гинцбург) Савватий Михайлович (1903–1974), журналист, писатель, литературовед, краевед. На протяжении многих лет работал в редакции газеты «Звезда». Собирал материалы о жизни и деятельности писателей В. В. Каменского, В. В. Маяковского, В. Л. и Г. Л. Занадворовых, А. П. Гайдара.

¹¹⁷ Эстрадный сборник № 1 / ред. А. Спешилов. Молотовское областное издательство, ОГИЗ, 1941. 48 с.: ил. 5 000 экз. В сборнике три раздела: «Песни», «Частушки», «Этюды, сценки, фельетоны». Весь третий раздел (с. 34–46) состоит из работ О. М. Брика: «Как они утку стряпали (Цирковой этюд для двух речевиков)», «Политграмота (Цирковой этюд для двух речевиков)», «Эрзац», «Арийский брак».

¹¹⁸ «Сталинская путевка» — орган управления и политотдела Пермской железной дороги. Отв. ред. И. А. Прохоров. Тираж 10 000 экз. Первые публикации в газете: Катанян В. Много ли немцу земли нужно? Маленький фельетон / № 126(546) от 14 дек. 1941 г.; Брик О. Счастливый путь (Стихи) / № 1(556) от 1 янв. 1942 г.

¹¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 264. Адрес Е. Ю. Каган: Д-р Данциг, г. Армавир, ул. Кирова, 26.

¹²⁰ Возможно, возлюбленная А. Крученых, Ирина Смирнова, которой поэт в своих стихах дал лирическое имя Ирониада («Ирониада»: сб. стихов, 1930).

¹²¹ «Процветающий» Н. Харджиев вскоре запишется в ряды ополченцев вместе со своим другом и коллегой В. Трениным (они вместе редактировали сборник избранных стихов В. Маяковского, выпущенный в 1940 г.). Ополченцев отправили к линии фронта своим ходом. По пути Харджиев сильно простудился, в лихорадке его оставили в какой-то деревушке. Отряд, с которым он шел, погиб, погиб и Тренин. Харджиев был награжден медалью «За оборону Москвы» (См.:

Давыдов М. А. Разговоры с соседом // Тыняновский сборник. Т. 13. М.: Водолей, 2009. С. 629–630). В ноябре 1941 г. он эвакуируется в Алма-Ату, где пробудет до конца 1942 г.

¹²² Письма А. Крученых к Л. Ю. Брик приводятся по их публикации С. Сухопаровым в приложении к газете «Народная трибуна» (Херсон — Новая Каховка) — «Клуб литераторов»: вып. 4, (1 марта 1993 г.), вып. 7 (март 1995 г.). Письма были получены публикатором от В. В. Катаняна.

¹²³ Спешилов Александр Николаевич (1899–1985) литературную деятельность начал как поэт в 1916–1917 гг. В 1917 г., вступив в ряды РККА, участвовал в Гражданской войне. В 1924 г. окончил художественную школу в Екатеринбурге, преподавал в школах Перми, заведовал редакцией заводской газеты «За мотор». Позднее обратился к прозе — написал автобиографическую повесть «Бурлаки» (1940), другие очерки и рассказы. В 1935 г. был принят в Союз писателей СССР. С 1940 по 1944 г. работал редактором, затем директором Молотовского книжного издательства и возглавлял Молотовское областное отделение ССП. С 1944 г. руководил политшколой в типографиях Молотова, работал в партотделе редакции газеты «Звезда».

¹²⁴ Долгина Л. Времена // Мир и музей. 2004. № 10.

¹²⁵ См. главу «ЦК осудил» в части «1943 год» настоящего издания, с. 222–228.

¹²⁶ Спешилова Е. Жил-был дом // Личное дело. (Пермь). 2005. № 10 (91), август.

¹²⁷ Газета пионеров и школьников ДВК «Знамя пионера» (Хабаровск) — орган Далькрайкома ВЛКСМ. Отв. ред. Т. Карандашова. Номер с рассказом Л. Ю. Брик «Собака Щеник» вышел 11 февраля 1936 г.

¹²⁸ См.: Лыжина Е. Дети «Пиковой дамы» // Первое сентября. 1999. № 9. URL: <http://ps.lseptember.ru/1999/09/7-1.htm> (дата обращения: 27.04.2010).

¹²⁹ См. воспоминания актера театра и кино Игоря Дмитриева, сына балерины Е. И. Таубер (в первом замужестве Дмитриевой): Дмитриев И. К. невозвратным дням // Дело: еженед. (СПб.). 20.05.2002. Интервью Елены Горфункель. URL: <http://idelo.ru/229/22.html> (дата обращения: 27.04.2010).

¹³⁰ См., напр.: Отечественная война. Третьяковская галерея в Москве и в Сибири. 1941–1945 [Электронные данные] / Государственная Третьяковская галерея [сайт]. URL: www.tretyakovgallery.ru/ru/museum/history/history_gallery/history_gallery|1941_1945 (дата обращения: 27.04.2010).

¹³¹ См.: Алексеева Л. Культурная жизнь Прикамья в годы Великой Отечественной войны: работа в рамках конкурса «Никто не забыт, ничто не забыто» [Электронные данные]. URL: <http://school136.perm.ru/1945/2005/doc/sc127.htm> (дата обращения: 27.04.2010).

¹³² Записки врача «Скорой помощи» А. Г. Дрейзер. 1941–1944 гг. ИРИ. Ф. 2. Р. XVIII. Оп. 8. Д. 2.

¹³³ ИРИ РАН. Ф. 2. Р. V. Оп. 12. Д. 2.

¹³⁴ По материалам ИРИ РАН: Ф. 2. Р. V. Оп. 12. Д. 2.

¹³⁵ Цит. по: Жирнов Е. Бегство с препятствиями // Коммерсант.ru. 2005. № 40 (643). 10 окт. URL: www.kommersant.ru/doc/616136 (дата обращения: 27.04.2010).

¹³⁶ Там же. Об этом случае также свидетельствует другой источник: Громова Н. Эвакуация идет...: 1941–1944. Писательская колония: Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. М.: Совпадение, 2008. 447 с. С. 64.

¹³⁷ См.: Жирнов Е. Бегство с препятствиями. URL: www.kommersant.ru/doc/616136.

¹³⁸ ЦА ФСБ РФ. Арх. след. дело № Р-23913 на Уборевич Н. В. и других. Личное дело заключенного; *Кантор Ю.* Дочь командарма. История Владимеры Уборевич в письмах // *Время новостей.* № 199. 30 окт. 2007 г. Также доступно в Сети. URL: www.vremya.ru/print/190195.html (дата обращения: 20.04.2010).

¹³⁹ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 75.

¹⁴⁰ «Окно ТАСС» (13.11.1941). Худ. Дитс, текст М. Кульчицкого. В кн.: *Колесникова Л. Е.* «Окна ТАСС»: 1941/1945: Оружие Победы. М.: Тактика — Братишка, 2005. 216 с.: ил. С. 35.

¹⁴¹ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 75.

¹⁴² Красноуфимск — город в Свердловской области, примерно на одинаковом расстоянии между Молотовом и Свердловском.

¹⁴³ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 75.

¹⁴⁴ Винокур Григорий Осипович (1896–1947) — лингвист и литературовед. Главный научный интерес его составляла стилистика русского языка, в особенности поэтическая стилистика. С 1942 г. профессор МГУ, параллельно с преподаванием работал старшим научным сотрудником ИРЛИ (1935–1937), ИМЛИ (1938–1940), Института русского языка и письменности (1941–1943), Института русского языка (с 1944 г.).

¹⁴⁵ *Словарь Маяковского* // *Лит. газета.* 1941. 19 янв. Заметка подписана инициалами С. И.

¹⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 109. *Брик О. М.* Роман без Романа (вариант 2, 1941–1942 гг.).

1942 год

¹ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 261.

² *Звезда.* 1942. 20 янв.

³ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 155.

⁴ Находится в собрании автора.

⁵ Книга выйдет в 1945 г. под названием «Маяковский. Литературная хроника».

⁶ Толковый словарь русского языка в 4 томах под ред. чл.-корр. АН СССР Д. Н. Ушакова. Том 1 был издан в 1935 г., том 2 — в 1938 г.; том 3 — в 1939 г.; том 4 — в 1940 г. Словарь содержит более 90 тыс. словарных статей.

К слову, сам Дмитрий Николаевич Ушаков находится в это время в эвакуации в Ташкенте, где он и скончается весной 1942 г., немного не дожив до 70 лет.

⁷ Имеются в виду сам А. М. Родченко и его жена, В. Ф. Степанова (псевдоним — Варст); чета художников-авангардистов была близко знакома с Бриками и Маяковским еще в 1920-е годы.

⁸ С началом оккупации немцами Франции, где жили Эльза с Арагоном, почтовая связь Л. Ю. с ними прекратилась.

⁹ Перед началом войны О. М. сотрудничал с «Детфильмом», который в 1942 г. находится в эвакуации в Сталинабаде.

¹⁰ Ссылка на Краснокамск как место отправки «коллективного письма» непонятна.

¹¹ П. М. Брик находится в действующей армии, и его близким положена прибавка к пенсии.

¹² Поэт Рохович Александр Ильич (1908–1974) и его жена Нелли.

¹³ Раиса Беляева, юная жена поэта С. Кирсанова. Видимо, она уезжала в эвакуацию в Ташкент, в то время как Кирсанов в конце июня 1941 г. (после окончательной

организации работы Литбригады в «Окнах ТАСС») служил добровольцем — военным корреспондентом — на фронте; получил две контузии, был демобилизован в июне 1945 г.

¹⁴ Михаил Светлов с 1931 г. жил в «Доме писательского кооператива» в Камергерском переулке в Москве, преподавал в Литинституте. В декабре 1942 г. он получил орден Красной Звезды.

¹⁵ Алымов Сергей Яковлевич (1892—1948) — поэт. Писал стихи и статьи, посвященные Советской России и Ленину. Занимался переводами старинной японской поэзии. Хорошо известны тексты песен, написанные Алымовым: «Вася-Василек», «Краснофлотский марш» и др. В 1940 г. начал сотрудничество с ВМФ в Севастополе, где пробыл до 1942 г.

¹⁶ Петров Евгений Петрович (1903—1942) — писатель-сатирик, соавтор Ильи Ильфа, брат писателя Валентина Катаева. В 1939—1942 гг. работал над романом «Путешествие в страну коммунизма». Во время войны — фронтовой корреспондент. 2 июля 1942 г. возвращался из Севастополя в Москву на самолете, который был сбит немецким истребителем.

¹⁷ Борис Пастернак находился в эвакуации в Чистополе с октября 1941 по июнь 1943 г. Здесь поэт работал над переводами, в том числе бессмертной трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта», писал статьи, участвовал в писательских собраниях и творческих вечерах.

¹⁸ Перевод на покупку первых трех томов словаря Ушакова (см. письмо Л. Ю. — Н. Рябовой от 7 февраля 1942 г.).

¹⁹ С фронта (см. примеч. 13).

²⁰ Источник ссылки не выявлен.

²¹ Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души».

²² Козинцева-Эренбург Любовь Михайловна (1900—1970) — вторая жена (с 1919 г.) Ильи Эренбурга.

²³ По-видимому, речь идет о книге В. Катаняна «Рассказы о Маяковском» (1940), которую Л. Ю. могла заказать Крученых.

²⁴ Савватий Михайлович Гинц, журналист, писатель, литературовед, краевед, на протяжении многих лет работавший в редакции газеты «Звезда».

²⁵ Степанов Николай Леонидович (1902—1972) — литературовед, писатель.

²⁶ Верхние Муллы — бывшее село, ныне — райцентр в составе Перми. Расположен на реке Мулянке, в Левобережной части города. В 1936 г. там был построен колхозный Дом культуры.

²⁷ Неустановленное лицо.

²⁸ Упоминаемый племянник Е. Г. Соколовой — Володя Уткин, сын Марии Гавриловны.

²⁹ Словарь языка В. Маяковского, над которым работали Брики.

³⁰ Регулярно ездить из Нижней Курьи в город (и обратно) на поезде действительно было неудобно. Поездки через Каму на водном транспорте в теплый сезон, конечно, доставляли гораздо большее удовольствие. Но, переезжали ли Брики «поближе к пристани» летом 1942-го, неизвестно, хотя именно тогда О. М. с Женей переселились в другой дом, а Л. Ю. с В. А. — в их освободившийся (см. примеч. 1941 — 102). Планы «осенью быть дома» означали намерение вернуться в Москву.

³¹ Муля — домашнее прозвище дочери А. М. Родченко и В. Ф. Степановой, Варвары Александровны Родченко (род. в 1925 г.); как и родители, она стала художником-оформителем. После отъезда отца оставалась жить с матерью в Молотове.

³² *Степанова В.* Человек не может жить без чуда. Письма, поэтические опыты, записки художницы. М.: Сфера, 1994. 304 с. С. 284.

³³ Быль-колядка в 4 действиях Николая Андреевича Римского-Корсакова (1844—1908) на либретто по одноименной повести Н. В. Гоголя. Впервые исполнена в Мариинском театре в 1895 г.

³⁴ Опера М. Ковалы «Емельян Пугачев» (в 5 действиях, 8 картинах) была написана в 1942 г. на либретто В. Каменского (первая редакция). Первое представление состоялось 7 ноября 1942 г. в городе Молотове в Гос. театре оперы и балета им. С. М. Кирова.

³⁵ Балет Арама Ильича Хачатуряна (1903—1978) «Гаянэ» (в 3 действиях, 7 картинах) был написан в 1942 г. на либретто Константина Державина (1903—1956). Первое представление дали 3 декабря 1942 г. в г. Молотове в Гос. театре оперы и балета им. С. М. Кирова. В 1943 г. удостоен Сталинской премии I степени. Премию Хачатурян внес в фонд Вооруженных сил СССР. Мировую известность приобрел «Танец с саблями» из балета.

³⁶ Балет Сергея Сергеевича Прокофьева (1891—1953) «Золушка» (в 3 актах) на либретто Н. Д. Волкова (1894—1965) по сюжету одноименной сказки Шарля Перро. Прокофьев писал музыку к балету с 1940 по 1944 г. Первое представление состоялось на сцене Большого театра 21 ноября 1945 г.

³⁷ *Уланова Г.* Патриотический долг // Звезда. 1942. 12 апр.

³⁸ За поэму «Маяковский начинается» Н. Асеев в 1941 г. был удостоен Сталинской премии I степени в размере 100 000 рублей.

³⁹ В октябре 1941 г. поэт Петр Незнамов погиб на фронте под городом Дорогобужем Смоленской области, возможно, до Крученых дошли тревожные известия (может быть, слухи), которым он не спешит верить.

⁴⁰ Езерская, директор Музея В. В. Маяковского.

⁴¹ Харджиев в это время в эвакуации в Алма-Ате.

⁴² Крученых по-прежнему ищет для Л. Ю. книгу В. Катаняна «Рассказы о Маяковском» (1940).

⁴³ Писатель Теодор Гриц.

⁴⁴ Гехт Семен Григорьевич (1903—1963) — писатель, принадлежащий к «южно-русской» школе.

⁴⁵ Переписка с Н. Глазковым в кн.: *Винокурова И.* «Всего лишь гений...» Судьба Николая Глазкова. М.: Время, 2006. 480 с.

⁴⁶ Долгин Юлиан Иосифович (1918—2002) — писатель, поэт, математик. В советское время почти не печатался. В 1997 г. вышла единственная прижизненная книга «Пифагория. Мистериальные этюды» (изд-во «Струна». 192 с.).

⁴⁷ Безынституты как пробел,

И должен отыграться я...

Тогда Асеев, как Флобер,

Мне дал рекомендацию.

(Поэтоград)

⁴⁸ *Брик О. М.* Иван Грозный. Историческая трагедия / [Ред. А. Спешиллов]. ОГИЗ Молотовское областное издательство, 1942. 72 с. 5 000 экз. Сдано в набор 24 января 1942 г. Подписано к печати 13 марта 1942 г.

⁴⁹ *Брик Л. Ю.* Шен / [Ред. Н. Рыкова]. Молотовгиз. 1942. 16 с. 15 000 экз. Сдано в набор 19 апреля 1942 г. Подписано к печати 5 июня 1942 г.

⁵⁰ Л. Ю. с В. А. переехали в дом, где ранее жили О. М. с Е. Г. Те в свою очередь обосновались по адресу: ул. Станционная, 4.

⁵¹ О. Л. Леонидов, сценарист «Межрабпомфильма», соавтор нескольких сценариев и пьес О. Брика.

⁵² Лев Гринкруг.

⁵³ Очерк не обнаружен.

⁵⁴ Через знакомых Л. Ю. узнала, что Эльза и Арагон живы.

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 153.

⁵⁶ Одиннадцатого ноября Л. Ю. исполнилось 51 год.

⁵⁷ О. М. продолжает работать над книгой «Иван Грозный».

⁵⁸ Публикуется впервые.

⁵⁹ Кто-то из семьи хозяев дома, в котором проживали Л. Ю. и В. А.

⁶⁰ Публикуется впервые.

⁶¹ По законам военного времени пассажиры, отправлявшиеся по железной дороге, должны были пройти на станции отправления санобработку и получить об этом справку.

⁶² Неустановленное лицо; вероятно, секретарь в Молотовском отделении ССП.

⁶³ Дочь Лидочки (?).

⁶⁴ Неустановленное лицо.

⁶⁵ Никитина (Гашкевич) Зоя Александровна (1902–1973) — издательский работник, жена Михаила Эммануиловича Козакова, прозаика и драматурга.

⁶⁶ Публикуется впервые.

⁶⁷ Публикуется впервые.

⁶⁸ По-видимому, хозяйка дома, в котором проживали Л. Ю. и В. А.

⁶⁹ Местная знакомая, которая должна была утром на пригородном поезде ехать в Молотов (ж/д станция «Пермь-2»).

⁷⁰ Поезд, отправляющийся со станции «Пермь-1» на запад, в сторону Москвы, должен был проследовать через Н. Курью, мимо дома, где жили О. М. и Е. Г.

⁷¹ Н. Брюханенко.

⁷² Двоюродная сестра Л. Ю.

⁷³ Публикуется впервые.

⁷⁴ Телеграмму послали по договоренности с Рябовым, который должен был приехать на вокзал, чтобы встретить их и помочь с вещами.

⁷⁵ Московский поезд следовал с востока через станции «Свердловск-Пассажирский» и «Пермь-1».

⁷⁶ Публикуется впервые.

⁷⁷ Телеграмма не сохранилась, но о ее получении говорится в письме № 360.

⁷⁸ Перечисляются знакомые по совместному проживанию в Нижней Курье.

⁷⁹ Публикуется впервые.

⁸⁰ «Ответили», по-видимому, телеграммой по московскому адресу; она не сохранилась.

⁸¹ Так конспиративно О. М. называет шоколад, дефицитный продукт того времени.

⁸² Публикуется впервые.

⁸³ Пьеса М. Э. Козакова «Дарья» (1942) была впоследствии поставлена Ленинградским театром им. А. С. Пушкина.

⁸⁴ Ранее встречалось написанным латиницей: *me lacht*. Значение выражения нам неизвестно.

⁸⁵ Публикуется впервые.

⁸⁶ Володя Уткин — племянник Е. Г., сын Марии Гавриловны.

⁸⁷ Рихтер Андрей Александрович (1871—1947) — физиолог, биохимик растений, академик АН СССР и ВАСХНИЛ. Его жена — Красносельская-Максимова Татьяна Абрамовна (1884—1950) — ботаник, научный сотрудник Всесоюзного института растений. В числе других академиков АН СССР Рихтер с женой был эвакуирован в Боровое.

⁸⁸ Метельская — по-видимому, сотрудница Марии Гавриловны, на попечении которой находились в Боровом дети эвакуированных туда академиков, в т. ч. Володи Уткин. Шурик, ровесник Володи, ее сын.

⁸⁹ Публикуется впервые.

⁹⁰ Семен Кирсанов.

⁹¹ По-видимому, хозяева домов, где они проживали.

⁹² Публикуется впервые.

⁹³ Григорий Захарович Рябов приехал на вокзал на служебной «эмке».

⁹⁴ Так называемый «репродуктор» был в те годы, как правило, постоянно подключен к радиотрансляционной сети.

⁹⁵ Вирта Николай Евгеньевич (1906—1976) — писатель, драматург, последовательно проводивший в своем творчестве линию партии. Лауреат четырех Сталинских премий (1941, 1948, 1949, 1950).

⁹⁶ Здесь названы: Аннушка — домработница в семье Бриков — Маяковского; Ганя (скорее всего, Геня, сын Павла Максимовича, брата О. М.) со своей подружкой, Наталья Федоровна (Рябова), сценарист О. Л. Леонидов с женой, Кирсанов с женой, Виталий Жемчужный.

⁹⁷ Неизвестно, кто такие Ступаки.

⁹⁸ М. Канин, знакомый О. Брика по МАЛЕГОТу, должен был оформить документы на вызов О. М. и Е. Г. из эвакуации в Москву.

⁹⁹ Петр Иванович Чагин, исполняющий обязанности директора Гослитиздата.

¹⁰⁰ Словарь Маяковского, над которым работали Брики в эвакуации.

¹⁰¹ В следующем, 1943-м, году должно было отмечаться 50-летие В. Маяковского.

¹⁰² Имеется в виду Полное собрание сочинений В. Маяковского в 12 томах, 10-й том которого вышел в 1941 г., а следующий, 11-й том, — уже после войны, в 1947-м.

¹⁰³ Жена О. Л. Леонидова.

¹⁰⁴ Сестра Евгении Гавриловны Соколовой.

¹⁰⁵ «Все», то есть четвером: Л. Ю. с В. А. и О. М. с Е. Г. Имеется в виду, что до весны они будут жить в квартире в Спасопесковском переулке.

¹⁰⁶ Л. Ю. предполагает, что в Нижней Курье можно будет хорошо отдохнуть и забрать на обратном пути оставшиеся там вещи.

¹⁰⁷ Другая сестра Е. Г. Соколовой.

¹⁰⁸ Какое-то время из-за ошибочной информации считалось, что Ярослав Смеляков погиб. На самом деле он попал в финский плен, где находился до 1944 г.

¹⁰⁹ Неустановленная личность.

¹¹⁰ Неустановленная личность.

¹¹¹ Какой-то умелец из курьинских знакомых.

¹¹² Вероятно, Леонид Самуилович Волгин (1909—2002) — журналист, сотрудник ж/д газеты «Сталинская путевка».

¹¹³ Публикуется впервые.

¹¹⁴ Публикуется впервые.

¹¹⁵ Н. Брюханенко.

¹¹⁶ «Нет и неизвестно» — так называлась статья О. М. в газете «Кино» от 6 апреля 1926 г. В заглавии обыграно объявление на керосиновой лавке.

¹¹⁷ Электричества нет в доме, где жила Л. Ю., а «у нас», т. е. в доме, где живет О. М., оно есть.

¹¹⁸ То есть швейную машинку, как они собирались, еще не продали.

¹¹⁹ Хозяева одного из занимаемых Бриками домов.

¹²⁰ Публикуется впервые.

¹²¹ Неустановленное лицо. По-видимому, как-то связана с продмагазином.

¹²² Непонятно, зачем О. М. Брик оформляет подписку на газеты и журнал на следующий год, занимается заготовкой дров на зиму, хотя собирается к отъезду в Москву.

¹²³ Публикуется впервые.

¹²⁴ Невозможно наверняка сказать, на каком «исправлении» находится Л. С. Волгин.

¹²⁵ Публикуется впервые.

¹²⁶ См. примеч. 121.

¹²⁷ Гуревич — редактор газеты «Сталинская путевка». Новогоднее стихотворение О. М. Брика «1943» было опубликовано в этой газете, в номере от 1 января 1943 г.

¹²⁸ Публикуется впервые.

¹²⁹ Упомянутое письмо от В. В. Катаняна отсутствует.

¹³⁰ О лозунгах этих ничего неизвестно.

¹³¹ Публикуется впервые.

¹³² Аннушка берет на дом обеда в столовой при Союзе писателей.

¹³³ В. Жемчужный и, возможно, И. И. Варшавский (Аля — домашнее имя), муж Луэеллы Александровны Красношековой. Варшавские были эвакуированы из Ленинграда на Алтай. В армию он не был призван из-за травмы, полученной в детстве.

¹³⁴ Топер (урожд. Брик) Вера Максимовна (1890—1964) — родная сестра О. М. Брика. Профессиональная переводчица с английского, французского, немецкого языков.

¹³⁵ «Интернациональная литература» — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал, выходивший в Москве с 1933 по 1943 г. на русском, французском, английском и немецком языках. В. М. Топер работала штатной переводчицей в редакции этого журнала.

¹³⁶ Луи Арагон в годы немецко-фашистской оккупации Франции (1940—1944) был одним из организаторов движения Сопротивления, работал редактором в подпольной газете «Летр франсез». В 1941 г. во французском издательстве «Галлимар» вышел его сборник «Нож в сердце», а в 1942 г. была издана поэтическая книга «Глаза Эльзы». Последняя объединяла 21 стихотворение, посвященное Эльзе Триоле, которые прежде были опубликованы в журнале с июня 1941 по февраль 1942 г.

¹³⁷ Аплетин Михаил Яковлевич (1885—1981) — общественный деятель, в годы войны зам. председателя Иностранной комиссии ССП.

¹³⁸ В эвакуации в Чистополе Пастернак писал стихи, вошедшие затем в его книгу «На ранних поездах» наряду со стихами предвоенного периода (1943).

¹³⁹ Н. И. Харджиев вернулся из Алма-Аты, где находился в эвакуации.

¹⁴⁰ А. К. Тарасенков во время войны работал военным журналистом, редактором газеты Ладожской военной флотилии, расположенной в штабе в Новой Ладоге, поэтом, видимо, в Москву он и приехал с коротким визитом. Его жена — Мария Иосифовна Белкина (1912—2008), автор нескольких книг очерков и биографической книги о Марине Цветаевой «Скрещение судеб».

¹⁴¹ Румер Осип Борисович (1883–1954) — двоюродный брат О. М. Брика (их матери — родные сестры). Филолог-полиглот (знал 26 языков), поэт-переводчик. Осип Румер был женат на двоюродной сестре Ильи Эренбурга.

¹⁴² Меркуров Сергей Дмитриевич, скульптор-монументалист (см. примеч. 1939 — 100).

¹⁴³ Виталий Жемчужный оставил у Л. Ю. письмо и ключи от квартиры для своей жены — Е. Г., которая с О. М. живет в эвакуации на Урале.

¹⁴⁴ Неустановленное лицо.

¹⁴⁵ Из лакрицы приготавливаются препараты, которые раздражают слизистые оболочки, усиливая секрецию железистого аппарата, в связи с чем она входит в состав отхаркивающих, мочегонных и слабительных средств.

¹⁴⁶ По-видимому, З. А. Никитина, жена М. Э. Козакова, собирается обратно в Молотов.

¹⁴⁷ По-видимому, почтальонка в Нижней Курье.

¹⁴⁸ О необходимости санобработки при выезде см. письмо Л. Ю. № 355.

¹⁴⁹ В. А., по-видимому, забыл оставить Гуревичу обещанные кремни для зажигалки.

¹⁵⁰ Об участии Я. Смелякова Л. Ю. пребывала в заблуждении. А двадцатичетырехлетний Павел Коган, выделявшийся среди молодых поэтов на поэтическом семинаре И. Сельвинского, один из авторов песни «Бригантина» (его соавтор — Г. Лепский), действительно погиб: возглавляемая им разведгруппа попала в перестрелку с врагом под Новороссийском 23 сентября 1942 г.

¹⁵¹ Имеются в виду Асеев и Кирсанов.

¹⁵² Хозяйский мальчик Витя просил Л. Ю. перед ее отъездом прислать ему из Москвы эту книгу.

¹⁵³ В арбатской квартире Л. Ю. и В. А. сохраняется отдельная комната для О. М.

¹⁵⁴ И. о. директора Гослитиздата интересуется словарь языка Маяковского, над которым Брики работали в эвакуации.

¹⁵⁵ Винокур Григорий Осипович, в это время он профессор МГУ и старший научный сотрудник Института русского языка и письменности.

¹⁵⁶ С. М. Гинц, сотрудник редакции газеты «Звезда».

¹⁵⁷ Публикуется впервые.

¹⁵⁸ От Александры Гавриловны письмо с сообщением о приезде в Москву Л. Ю. и В. А. пришло в Молотов раньше, чем от Л. Ю.

¹⁵⁹ Л. Кулешов находился со студией «Союздетфильм» в эвакуации в Сталинабаде, где заканчивал работу над фильмом «Клятва Тимура» по сценарию Аркадия Гайдара.

¹⁶⁰ Публикуется впервые.

¹⁶¹ Е. Г. прочитала письмо Л. Ю. с дороги со сведениями о Володе Уткине, которые передала ей жена академика Рихтера, возвращавшаяся в Москву из Борового.

¹⁶² Публикуется впервые.

¹⁶³ Публикуется впервые.

¹⁶⁴ Телеграмма не сохранилась.

¹⁶⁵ С автографа, переданного Л. Ю. в дар музею-клубу при школе им. В. В. Маяковского № 79 Москвы, директором которого был С. Р. Богуславский (1926–2005).

¹⁶⁶ В 1942 г. С. Кирсанов, находясь на фронте, начал писать солдатский лубок «Заветное слово Фомы Смыслова, русского бывалого солдата», который издавался листовками и брошюрами миллионными тиражами и пользовался огромной популярностью среди солдат.

¹⁶⁷ Н. Глазков называет «парходами» отдельные главы поэмы «Степан Кумырский», над которой он в это время работает.

¹⁶⁸ Стихотворение, посвященное одноименному населенному пункту, райцентру Белая Церковь в Киевской области, сильно пострадавшему во время оккупации немецко-фашистскими войсками.

¹⁶⁹ Глазков не знает, что О. М. и Е. Г. еще не вернулись в Москву.

¹⁷⁰ Сокращенно: «Ваш друг».

¹⁷¹ «Вокзал» — поэтический сборник Н. Глазкова, непостоянный по составу, который собирался им долгое время. Выпущен самим автором и его друзьями единичным тиражом «сам-себя-издатом», а в 1976 г. издательством «Советский писатель». Прочитанное наоборот, это название почти повторяет фамилию автора, отсюда и каламбур «вокзал Глазкова».

¹⁷² Барков Иван Семенович, автор эротических «срамных од» XVIII века, составивших непечатную «барковиану». Очевидно, появление каламбура «бар Баркова» обусловлено включенностью слога-слова «бар» в фамилию поэта.

¹⁷³ Ерёменко Андрей Иванович (1892–1970) — Маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1944). В августе 1942 г. в звании генерал-полковник был назначен командующим Юго-Западным (затем — Сталинградским) фронтом. Почти четыре месяца войска Еременко сдерживали наступление противника в Сталинградской битве, завершившееся капитуляцией немецкой армии 2 февраля 1943 г.

¹⁷⁴ Рядовой солдат Василий Тёркин — вымышленный герой одноименной поэмы Александра Твардовского (другое название — «Книга про бойца»). Поэма, печатавшаяся в газете с 1942 г., получила всенародное признание и тогда же вышла отдельным незаконченным изданием.

¹⁷⁵ Сталинградская битва — сражение между войсками СССР и Третьего рейха, Румынии, Италии, Венгрии, продолжавшееся с 17 июля 1942 по 2 февраля 1943 г. Крупнейшая сухопутная битва в ходе Второй мировой войны, которая наряду со сражением на Курской дуге стала переломным моментом: немецкие войска окончательно потеряли стратегическую инициативу. Самое кровопролитное сражение в истории человечества; суммарные потери обеих сторон превысили 2 млн человек.

1943 год

¹ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 150.

² В Газетном пер. в Москве жили мать О. М. Полина Юрьевна, его брат и сестра — Павел Брик и Вера Топер с семьями.

³ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 147.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 150.

⁵ В стиле отрывисто исполняемых звуков.

⁶ ЛУЭС (лат. *Lues venerea*) — сифилис.

⁷ Публикуется по кн.: Катанян В. В. Лиля Брик. Жизнь. М.: Захаров, 2002. С. 268–270. Интересно, что почти одновременно они были опубликованы Е. Арноном под рубрикой «Наше наследие» в московском литературно-художественном журнале «Футурум АРТ» (2002, № 4) с небольшими редакционными правками, без последнего, «совместного» стихотворения, со ссылкой на машинописное собрание 1943 г. «Московские встречи» (РГАЛИ. Ф. 2577).

⁸ Юзовский Иосиф Ильич (1902–1964) — литературовед, критик, театральный и кинодеятель.

⁹ Оригинал письма находится в собрании автора.

¹⁰ «Заветы Ильича» — колхоз в Пушкинском районе Московской области, в 20 км от Москвы.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 337.

¹² Это не единственная неточность в воспоминаниях В. В. Катаняна. Например, он пишет о возвращении из Омска в августе 1943 г. (см. главу «Вася-младший возвращается в Москву»), а в другом случае (см. главу «Маяковскому — 50») красочно описывает свое участие в домашнем застолье по поводу юбилея (июль 1943 г.), которое организовала Л. Ю. Нет оснований сомневаться в правдивости описываемых В. В. событий, но в их хронологии он допускает некоторую путаницу.

¹³ «Октябрь» — литературно-художественный журнал ССП СССР; главным редактором его с 1931 г. был Ф. И. Панферов.

¹⁴ Неустановленное лицо; не исключено, что это псевдоним.

¹⁵ Александров Георгий Федорович (1908–1961) — партийный деятель, начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) (1940–1947), доктор философских наук (1939), затем академик АН СССР (1946). Дважды лауреат Сталинской премии. Премия I степени — за «Историю философии» в трех томах (1943), II степени — за «Историю западноевропейской философии» (1946).

¹⁶ Ваксберг Аркадий Иосифович (1927–2011) — адвокат, прозаик, публицист, сценарист. Его биографические исследования показывают личность на фоне эпохи.

¹⁷ Андреев Андрей Андреевич (1895–1971) в годы войны — секретарь ЦК ВКП(б), член Политбюро, член Оргбюро ЦК, председатель Комитета партийного контроля при ЦК.

¹⁸ Маленков Георгий Максимилианович (1901–1988) в годы войны — начальник Управления кадров и секретарь ЦК, член Оргбюро ЦК, член Госкомитета Обороны, кандидат в члены Политбюро ЦК.

¹⁹ Щербakov Александр Сергеевич (1901–1945) в годы войны — секретарь ЦК, кандидат в члены Политбюро ЦК, начальник Главного политуправления РККА, начальник Совинформбюро, заведующий Отделом международной информации ЦК ВКП(б).

²⁰ А. Ваксберг не указывает источник цитируемого фрагмента.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 118. Л. 15–16. П. 85 г. В открытой печати публикуется впервые.

²² Бычков Александр Михайлович (1903–1942) — писатель, поэт. В 1930-х руководил кружками самодеятельности в Ленинграде, заведовал личностью Театра строителей. Работал в Казахстане инспектором управления по делам искусств. В начале войны вступил в народное ополчение, воевал в составе писательского взвода, был сотрудником дивизионной газеты «За Советскую Родину!». Умер в блокадном Ленинграде от последствий контузии и истощения. Поэтический сборник «Железо и огонь» издан посмертно в «Молотовгизе» в 1942 г.

²³ Розенфельд Семен Ефимович (1891–1959) — ленинградский писатель. Повесть «Гунны» издана «Молотовгизом» в 1942 г.

²⁴ Неизвестный автор.

²⁵ Неизвестный автор.

²⁶ Первушин Всеволод Прокопьевич (1869–1954) — профессор Пермской государственной медицинской академии, которую сам же основал в 1921 г. Создал первую на Урале научную неврологическую школу, положил начало изучению клещевого энцефалита на Западном Урале — эндемичного для данного региона нейроинфекционного заболевания.

²⁷ Так, Сталин просматривал фильм великого Эйзенштейна «Иван Грозный», и если первая серия вышла на экраны, то вторую вождь отправил «на доработку». Увы, режиссер не успел ее осуществить.

²⁸ Социалистическое земледелие. 1943. 19 янв. С. 2.

²⁹ *Алексеева Л.* Культурная жизнь Прикамья в годы Великой Отечественной войны: работа в рамках конкурса «Никто не забыт, ничто не забыто» [Электронные данные]. URL: <http://school136.pem.ru/1945/2005/doc/sc127.htm> (дата обращения: 20.04.2010).

³⁰ См. примеч. 1941 — 123.

³¹ До конца жизни Л. Ю. предстоит еще немало сражений с партийным аппаратом на идеологическом фронте. См. на эту тему, напр.: *Валуженич А.* Операция «Огонек», или Как КПСС боролась с Лилей Брик // Библиография. 2001. № 5. С. 61–74; № 6. С. 81–96.

³² *Блюм А. В.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов 1917–1991 гг. [Электронное издание] // Открытый текст : Электрон. период. изд. URL: www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/blium/ilp (дата обращения: 12.05.2010).

³³ Блюм Арлен Викторович (1933–2011) — библиограф, историк цензуры в СССР.

³⁴ Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге.

³⁵ Постановление ЦК КПСС от 31 марта 1959 г. «О книге “Новое о Маяковском”» было, однако, впервые опубликовано в Сборнике важнейших решений КПСС (1954–1961 гг.) // Вопросы идеологической работы. М.: Госполитиздат, 1961. С. 270.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 92.

³⁷ Художник Н. Ф. Денисовский, муж Н. Штеренберг.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 150.

³⁹ Опубликовано мной ранее: [Валуженич, 1993. С. 335].

⁴⁰ Полуостров (мыс) Бон — самая близкая к Сицилии точка африканского побережья (Тунис). В декабре 1941 г. британские эсминцы торпедировали у мыса Бон два итальянских крейсера, а в мае 1943 г. здесь капитулировали последние итало-германские соединения в Африке.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 150. Номерами обозначены рисунки на плакате, к которым подписаны строки Брика.

⁴² См.: Библиография работ О. М. Брика // [Валуженич, 1993. С. 335–338].

⁴³ Игнатъев Алексей Алексеевич (1877–1954) — военный деятель, дипломат, писатель. Долго находился на дипломатической работе в Париже. По возвращении служил в Советской армии, работал в военных учебных заведениях. С 1942 г. — старший редактор «Воениздата».

⁴⁴ Попова-Яхонтова Еликонда (Лиля) Ефимовна (1903–1964) — режиссер, литератор, художник. Жена В. Н. Яхонтова.

⁴⁵ Лещенко-Сухомлина Татьяна Ивановна (1903–1998) — актриса, эстрадная певица, переводчица. Написала воспоминания «Долгое будущее» (М.: Сов. писатель, 1991). Автор, очевидно, допускает невольную ошибку памяти: Татьяна Ивановна находилась в ссылке с 1947 по 1955 г., то есть ссылка ей только предстоит.

⁴⁶ Топуридзе Котэ (наст. имя — Константин Тихонович) (1905–1977) — архитектор, художник, реставратор, историк, педагог. Автор фонтанов «Дружба народов» и «Золотой колос» на ВДНХ. Московские мосты Лефортовский, Госпитальный

и Костомаровский в 1940–1941 гг. созданы по его проектам. Муж знаменитой актрисы Рины Зеленой (1901–1991).

⁴⁷ Г. Д. Катанян была эстрадной певицей, и в годы войны давала концерты для бойцов фронта.

⁴⁸ В ходе Курской битвы 5 августа 1943 г. были освобождены от немецко-фашистских захватчиков города Орел и Белгород. В ознаменование этой победы в Москве впервые в Великой Отечественной войне был дан артиллерийский салют войскам, освободившим эти города.

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 153.

⁵⁰ Опул. в: Воспоминания о Николае Глазкове: сб. М.: Сов. писатель, 1989. С. 196.

⁵¹ Поэт Сергей Сергеевич Наровчатов (1919–1981).

⁵² Львовский Михаил Григорьевич (1919–1994) — поэт-песенник, драматург, сценарист.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 153.

⁵⁴ Родченко Варвара Александровна (род. в 1925 г.) — дочь художников-конструкторов А. М. Родченко и В. Ф. Степановой; художник-график, оформитель книг, фотограф.

⁵⁵ Лаврентьев Николай Сергеевич (род. в 1921 г.) — художник-график, муж В. А. Родченко.

⁵⁶ Возможно, Виталий Наумович Рочко (род. в 1923 г.) — журналист и поэт, автор иллюстрированной биографии о А. Д. Сахарове. Участник прорыва блокады Ленинграда в 1943 г. Инвалид войны.

⁵⁷ «Первая Конная» — известный фотоальбом, посвященный Первой конной армии под командованием С. М. Буденного и выпущенный А. Родченко совместно с В. Степановой. Первое издание (с портретами «врагов народа», без сокращений) — М.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1937. 35×30 см. 190 л. Футляр — папка с клапанами. В альбоме использованы фотоматериалы и исторические документы Центрального музея РККА. Второе издание выпущено в 1938 г. в том же издательстве, и оно отличалось по исполнению. См. подробнее, со сканами отдельных разворотов, на сайте RARUS'S GALLERY. URL: www.raruss.ru/photobooks/2305-first-konnaya.html (дата обращения: 30.09.2012).

⁵⁸ Родченко В. А. Воспоминания. Дневники. Письма. М.: Грантъ, 1998. С. 18.

1944 год

¹ См. далее в этой же части главку «Литературная хроника», с. 246–249.

² См. примеч. 1942 — 166.

³ Лирическим дневником начала войны стала поэма Семена Кирсанова «Эдем», где автор взял за основу библейскую тему изгнания Адама и Евы из рая.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 605.

⁵ Пунин Николай Николаевич (1888–1953) — историк искусства, литературный критик. Был гражданским мужем Анны Ахматовой с 1923 по 1938 г. Репрессирован в 1949–1953 гг., погиб в заключении. Реабилитирован посмертно.

⁶ В Фонтанном доме (бывшем дворце Шереметевых) в Санкт-Петербурге Анна Ахматова прожила около 30 лет. В 1989 г. здесь открыли Музей А. Ахматовой.

⁷ Поэма А. Ахматовой «Реквием» создавалась в 1938–1940-е гг. В 1960-е гг. распространялась в самиздате. Впервые опубликована в Мюнхене в 1963 г., в СССР — в 1987 г. в журналах «Октябрь» № 3 и «Нева» № 6.

⁸ Перечислим их.

— 1-й лист. Заголовок «Поэма без героя».

Два эпитафия: «“Tout le monde a raison” Rochefoucauld» (фр. «Все правы». Ла-рошфуко); «“Deus conservat omnia”» (лат. «Бог хранит все»). Девиз в гербе на воротах дома, в котором я жила, когда писала поэму.

Далее на 1-м листе помещено «Вместо предисловия» с обозначением даты и места создания: «8 апреля 1943 года. Ташкент».

«Вместо предисловия» открывается своим эпитафией: “Ah, distinctly I remember it was in the bleak December. The Raven” (англ. «О, я отчетливо помню: это было в промозглом декабре. «Ворон»). Это строка из стихотворения Эдгара По «Ворон». Она перефразирована в тексте «Вместо предисловия»: «...Я даже не ждала ее в тот холодный и темный день моей последней ленинградской зимы».

В тексте «Вместо предисловия» название одной из частей поэмы — «Решка» — раскрывается как (“Intermezzo”).

Фраза «Всю поэму я посвящаю памяти ее первых слушателей, погибших в Ленинграде во время осады» имеет сноску (1/): «1/ Этому не противоречат первоначальные посвящения, которые живут в поэме своей жизнью».

— 2-й лист. «Часть первая. Тысяча девятьсот тринадцатый год».

Два эпитафия к части «Посвящение»: “De rider finirai / Pria del aurora. 'Don Giouanni' ” («Смеяться перестанешь / Раньше, чем наступит заря». Из либретто Л. Да Понте к опере Моцарта «Дон Жуан»); «Во мне еще, как песня или горе, / Последняя зима перед войной. Белая стая».

Второе — автоцитата из стихотворения, опубликованного в третьем сборнике стихотворений Ахматовой «Белая стая» (1917).

Тот голос, с тишиной великой спора,
Победу одержал над тишиной.
Во мне еще, как песня или горе,
Последняя зима перед войной.

В тексте «Посвящения» раскрыто название похоронного марша Ф. Шопена “Marche funèbre”

К «Посвящению» дана подпись: «26 декабря 1940. Фонтанный Дом», оно не имеет адресата, впервые обозначенного во второй редакции.

— 3-й лист. «Вступление» датировано: «1941, август».

Эпитафия к главе «I»: “In my hot youth, when Georg the Third was king... Byron” (англ. «В мою пылкую юность, когда Георг Третий был королем...» Байрон, «Дон Жуан», гл. 1).

— 7-й лист. Эпитафия к главе II: «Ты сладострастней, ты телесней / Живых, блистательная тень. Баратынский» — заключительные строки стихотворения Е. А. Баратынского «Всегда и в пурпуре и в злате...»

— 9-й лист. Эпитафия к главе III: «Падают Брянские, растут у Манташева./ Нет уже юноши, нет уже нашего... В. Хлебников» — из стихотворения В. Хлебникова «Где волк воскликнул кровью...».

— 10-й лист. «Послесловие» датировано: «1940. 26/27 дек. ночь».

— 11-й лист. «Часть вторая. Решка» (“Intermezzo”).

Два эпитафия: «Я воды Леты пью / Мне доктором запрещена унылость. “Домик в Коломне”» — строки из поэмы А. С. Пушкина; «...жасминный куст, / где Данте шел и воздух пуст. (Н. А. Клюев)»

Посвящение: В. Г. Гаршину.

Гаршин Владимир Георгиевич (1887–1956) — профессор, член Академии медицинских наук СССР, племянник писателя Вс. М. Гаршина, близкий друг Ахматовой с 1938 г.

Строфы «Решки» пронумерованы с I по XVI. Под заключительной строфой (15-й лист) дата: «1941. (Зие — 5ое). Фонтанный дом. Ленинград».

— 16-й лист. «Часть третья. Эпилог. Городу и другу».

Эпиграф: «Я уверена, что с нами случится все самое ужасное... Хэмингуэй».

— 18-й лист. Заключительные: дата и подпись: «Окончено 18 авг. 1942 г. в гор. Ташкенте. Анна Ахматова»

Редакторские примечания отсутствуют.

Я подробно перечислил выше характерные особенности имеющейся у меня редакции поэмы, по которым ахматоведы обычно определяют время ее появления. Для меня ясно только, что относится она к первой редакции (1943, Ташкент), одному из первых вариантов ее воспроизведения.

⁹ Ахматова находилась в эвакуации в Ташкенте с ноября 1941 по 1944 г., а Н. Харджиев в эти же годы — в Алма-Ате. Он приезжал к ней.

¹⁰ Стихотворение было опубликовано мной впервые в: [Валюженич, 1993. С. 248].

¹¹ Здесь две первые строки — цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Молитва», что и дает основание Брику записать поэта в соавторы.

¹² Стихотворение было опубликовано мной впервые в: [Валюженич, 1993. С. 129].

¹³ Хотя С. Кирсанов находился на фронте, но, приезжая в короткие отпуска в Москву, не забывал заглядывать в редакцию «Окон ТАСС», где сотрудничал с момента ее организации в 1941 г.

¹⁴ Колесникова Лариса Ефремовна — научный сотрудник Гос. музея В. В. Маяковского в Москве.

¹⁵ Колесникова Л. «Окна ТАСС» 1941/1945. Оружие победы. М.: Тактика, 2005. 216 с. С. 172–173.

¹⁶ Цит. по: Колесникова Л. «Окна ТАСС» 1941/1945... С. 173.

¹⁷ Уэндл Уилки (Wendell Wilkie) (1892–1944) — политический деятель США. Приезжал на переговоры в Москву в сентябре 1944 г. как личный представитель президента Рузвельта.

¹⁸ Шарль де Голль (Charles de Gaulle) (1890–1970) с 1941 г. являлся руководителем Французского национального комитета освобождения. В 1944–1946 гг. возглавлял Временное правительство Франции. 10 февраля 1944 г. подписал в Москве Договор о сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и Францией.

¹⁹ Колесникова Л. «Окна ТАСС»... С. 171.

²⁰ Цит. по: То же. С. 161–163.

²¹ См.: Библиография работ О. М. Брика // [Валюженич, 1993. С. 339–342].

²² Пока Николай Денисовский (с Надеждой Штеренберг) в отъезде, О. М. временно исполняет его обязанности.

²³ Работа в «Окнах» потеряла политическую остроту, стала обыденной, рутинной.

²⁴ Тема Строгановых, русских купцов, промышленников, землевладельцев и государственных деятелей XVI–XX веков, — новое увлечение О. М. после возвращения с Урала.

²⁵ Переводчица Рита Райт. В частности, она переводила произведения Хемингуэя, что, возможно, и повлияло здесь на упоминание «хемингуевщины».

²⁶ Лев Гринкруг.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 153.

²⁸ Эти сообщения могли поступить через Информбюро или ТАСС, с которыми сотрудничали О. М. Брик и В. А. Катанян.

²⁹ Известны юморески О. М., опубликованные в журнале «Крокодил»: «Уточнил» (1943, № 24), «Сложная комбинация» (1943, № 28), «Неприятный казус» (1943, № 28), «В гестапо» (1943, № 40), «О том, чего нет» (1943, № 47/48), «О языке» (1944, № 2). См.: [Валуженич, 1993. С. 334–335, 338].

³⁰ Бебутов Гарегин Владимирович (1904–1987), журналист, писатель, ездил с В. Шкловским в село Багдади, где родился Маяковский, после чего решил написать книгу о детских годах поэта в Грузии. В 1946 г. эта книга — «Гимназические годы Владимира Маяковского» — вышла, а впоследствии дважды переиздавалась со значительными изменениями.

³¹ См. примеч. 1938 — 6.

³² См. примеч. 1940 — 187.

³³ Кэмрад Семен Самуилович, литературовед, исследовал материалы, связанные с пребыванием В. Маяковского в Америке. Автор книги «Маяковский в Америке» (М.: Сов. писатель, 1970. 268 с.).

³⁴ П. И. Лавут был устроителем лекционных поездок В. Маяковского в 1926–1930 гг.

³⁵ Лешкова Ольга Ивановна исследовала художественную жизнь Петрограда революционных лет.

³⁶ Садовский Александр Александрович (1902–1959), писатель.

³⁷ Неустановленное лицо.

³⁸ См. примеч. 1940 — 181.

³⁹ См. примеч. 1939 — 73.

⁴⁰ Лещенко-Сухомлина Т. Долгое будущее: воспоминания. М.: Сов. писатель, 1991. 528 с.

⁴¹ Матусевич Владислав Ануфриевич (род. в 1937 г.) — литератор, редактор, библиофил. Опубликовал около 50 литературных трудов (очерков, рассказов, воспоминаний), среди них пять книг, в том числе «Записки советского редактора» (М.: НЛО, 2000).

⁴² Скульптор Цаплин Дмитрий Филиппович (1890–1967) в 1927–1935 гг. был командирован для работы за границу (Франция, Испания, Англия).

⁴³ Фонвизин Артур Владимирович (1882–1973) во время кампании 1937 г. по борьбе с формализмом в искусстве был заклеен как «главарь шайки формалистов» наряду с Фальком и Фаворским. В 1943 г. из-за своего немецкого происхождения был выслан в Казахстан.

⁴⁴ Пронин Борис Константинович (1875–1946) — театральный режиссер и актер, организатор и директор кафе «Бродячая собака» в Петрограде.

⁴⁵ Завадский Юрий Александрович (1894–1977) — актер, режиссер, педагог. В 1940 г. был назначен главным режиссером Театра имени Моссовета. Также с 1940 г. преподавал в ГИТИС им. А. В. Луначарского. За постановку спектаклей «Нашествие» Л. Леонова (1943), «Отелло» У. Шекспира и «Встреча в темноте» Ф. Корре (1944) получил Сталинскую премию I степени, позже удостоился и звания народного артиста СССР (1948), Сталинской премии II степени (1951) и Ленинской премии (1965). Награжден орденами и медалями.

⁴⁶ Саррот Натали (Nathalie Sarraute; урожд. Черняк Наталья Ильинична) (1900–1999) — адвокат и французская писательница, ставшая родоначальником «нового романа», где внимание уделяется главным образом психическим реакциям героев.

⁴⁷ Эти писательницы скончались в начале 1990-х, когда книга уже вышла из печати.

⁴⁸ Берберова Нина Николаевна (1901–1993) — писательница, поэтесса, литературный критик.

⁴⁹ Одоевцева Ирина Владимировна (наст. имя — Гейнике Ираида Густавовна) (1895–1990) — поэтесса и прозаик.

⁵⁰ Цветаева Анастасия Ивановна (1894–1993) — писательница, младшая сестра Марины Цветаевой, автор большой книги «Воспоминания», посвященной главным образом сестре-поэту.

⁵¹ См. примеч. 1939 — 87.

⁵² Ошибка памяти. Эльза Триоле и Луи Арагон не были в Москве во время войны. С другой стороны, В. Яхонтов скончался 16 июля 1945 г.

⁵³ Известны переводы Л. Ю. на русский язык с французского и немецкого.

⁵⁴ «Был день и час...» (О времени и о себе): [Интервью Юлии Соловьевой с Татьяной Лещенко-Сухомлиной] // Сов. цирк. 1989. № 15 (215). 13 апр. С. 8–9.

1945 год

¹ По-видимому, Надежда Штеренберг с дочерью Фиалкой, так как Давид Штеренберг с начала 1930-х жил со второй женой, М. С. Грановцевой, и сыном Давидом.

² Е. Е. Попова-Яхонтова, жена В. Н. Яхонтова.

³ См. примеч. 1940 — 10.

⁴ Л. В. Кулешов — ректор ВГИКа. И невозможно не обратить внимание на то, что первокурсник запросто приходит в дом своего ректора на новогоднюю вечеринку, и не он один, поскольку в гостях у супругов Кулешова и Хохловой «праздновали ребята их курса».

⁵ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 153.

⁶ Балухатый Сергей Дмитриевич (1893–1945) — литературовед, библиограф, член-корреспондент АН СССР. С 1930 г. руководил отделом русской литературы XX века в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский дом).

⁷ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 554. Письмо было опубликовано в докладе А. Валюженича «Работа Бриков над “Словарем раннего Маяковского”» на Международной конференции «Первые Бриковские чтения» (2010) // [Бриковский сборник]. С. 526–527.

⁸ Опубликовано впервые: [Валюженич, 1993. С. 258–259].

⁹ Рита Райт.

¹⁰ Публикуется впервые по авторизованной машинописной рукописи воспоминаний Л. А. Варшавской-Краснощековой «Что я помню» (1950) из собрания А. Валюженича.

¹¹ Вера Топер (см. примеч. 1942 — 134).

¹² Машинописная рукопись воспоминаний Л. А. Варшавской-Краснощековой «Что я помню» (1950).

¹³ Сотрудница Библиотеки-музея В. Маяковского.

¹⁴ Ловутт: так в тексте извещения, но, по-видимому, имеется в виду П. И. Лавут, строитель лекционных поездок В. Маяковского.

¹⁵ Сотрудник ИМЛИ (подробнее см. примеч. 1939 — 77).

¹⁶ Главный официальный биограф В. Маяковского с конца 1930-х.

¹⁷ Эфрос Абрам Маркович (1888—1954) — искусствовед, литературовед, театровед, поэт и переводчик. В 1940—1950 гг. преподавал в ГИТИСе курс истории русского театра и театрально-декорационного искусства. В 1945—1950 гг. — внештатный профессор Государственного библиотечного института в Москве.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 337.

¹⁹ Там же.

²⁰ Эти телеграммы хранятся в госархиве: РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 393.

²¹ Неустановленное лицо.

²² Неустановленное лицо.

²³ Комаров Сергей Васильевич (1905—2002) — киновед, доктор искусствоведения, профессор. С 1932 по 2001 г. преподавал во ВГИКе. В 1943—1946 гг. был замдиректора по научной работе.

²⁴ Посельский Иосиф Михайлович (1899—1970) — режиссер документального кино. С 1928 г. работал на Московской киностудии хроники (ЦСДФ).

²⁵ См. примеч. 1940 — 2.

²⁶ А. Л. Дымшиц до войны преподавал в Ленинградском пединституте им. А. Герцена, но в июне 1941 г. добровольцем отправился на фронт. Проходил службу в политотделе Ленинградского фронта.

²⁷ Литературовед В. Н. Орлов в 1944—1946 гг. являлся членом редколлегии журнала «Звезда». С 1945 г. работал старшим научным сотрудником Института литературы АН СССР.

²⁸ С. М. Гинц, сотрудник газеты «Звезда».

²⁹ Неустановленное лицо.

³⁰ А. Н. Спешилов, директор Молотовского издательства и руководитель Молотовского отделения ССП во время пребывания «семьи» Бриков в эвакуации, шлет Л. Ю. свои соболезнования, несмотря на неприятности, к которым привело их близкое знакомство.

³¹ Здесь: Василий Абгарович Катанян.

³² Публикуется впервые по авторизованной машинописной рукописи воспоминаний Л. А. Варшавской-Красношековой «Что я помню» (1950) из собрания А. Валуженича.

³³ Пудовкин Всеволод Илларионович (1893—1953) — актер, сценарист, кинорежиссер; в 1929 г. снял художественный фильм «Потомок Чингис-хана» по сценарию О. М. Брика — см.: [Валуженич, 1993. С. 63—73]. Народный артист СССР, лауреат трех Сталинских премий.

³⁴ Юткевич Сергей Иосифович (1904—1985) — кинорежиссер, художник, теоретик кино. Художественный руководитель студии «Союздетфильм» в 1938—1944 гг. Народный артист СССР, Герой Соцтруда, лауреат Сталинских и Государственных премий. Юткевич был хорошим знакомым Маяковского и Бриков. В соавторстве с О. Бриком написал сценарий фильма «Приключения эльвиста» (1923) — см. публикацию А. Валуженича в «Киноведческих записках» (2003. № 62. С. 83—95).

³⁵ Волков Николай Дмитриевич (1894—1965) — драматург и либреттист, теоретик и историк театра.

³⁶ Барнет Борис Васильевич (1902—1965) — киноактер, режиссер. Заслуженный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии II степени (1948).

³⁷ Реформатский Александр Александрович (1900–1978) — лингвист, языковед, педагог. Ученик Д. Н. Ушакова. С 1934 г. преподавал в Московском городском пединституте, заведовал кафедрой русского языка в Литинституте.

³⁸ Сакулин Павел Никитич (1868–1930) — литературовед, академик АН СССР, председатель Общества любителей российской словесности.

³⁹ Ранние труды А. А. Реформатского — «Опыт анализа новеллистической композиции» (1922), «Структура сюжета у Толстого» (1928).

⁴⁰ Форрегер Николай Михайлович (1892–1939) — основатель театральной студии «Мастафор» (Мастерская Форрегера), театральный деятель, режиссер, хореограф, театральный художник, публицист. О. М. Брик работал в «Мастафоре» заведующим литчастью.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 554. Письмо было опубликовано в докладе А. Валюженича «Работа Бриков над “Словарем раннего Маяковского”» на Международной конференции «Первые Бриковские чтения» (2010) // [Бриковский сборник. С. 528].

⁴² Приводится по: [Валюженич, 1993. С. 197].

⁴³ Приводится по: [Валюженич, 1993. С. 343].

⁴⁴ Приводится по: Там же.

⁴⁵ См.: Там же.

⁴⁶ 24 октября 2004 г. я получил от И. Ю. Генс такое электронное письмо:

Уважаемый Анатолий Васильевич, думаю Вам будет интересно знать, что в газете «Тассовец» от 1–15 октября 2004 года на последней странице небольшая статья Валерия Джалагония «Уникальный номер “Тассовца”». В ней очень почтительно говорится об О. М. Брике и рассказана история про единственный некролог по случаю кончины Брика, который был опубликован в их газете, а затем в Вашей книге. В конце даю цитату:

«Во всяком случае, в архиве нашей славной многотиражки этот номер не сохранился. Нет его и в главной национальной библиотеке страны, которую мы все еще называем “Ленинкой” Его сберегла только Лиля Брик, а полвека спустя раритетный некролог опубликовал биограф Осипа Брика Анатолий Васильевич Валюженич. Думаю, что редакция “Тассовца” должна объявить розыск и любой ценой раздобыть хотя бы ксерокопию своего номера за март 1945 года. А потом перепечатать библиографическую редкость на своих страницах. Предрекаю: за этим номером будут охотиться».

Думаю, Вам это интересно.

С приветом Инна Юльевна.

⁴⁷ Так в газете, правильно: «Звуковые повторы».

⁴⁸ Тихонов Николай Семенович (1896–1979) — поэт, общественный деятель. В 1944–1946 гг. — председатель Правления СП СССР. Герой Соцтруда. Лауреат Ленинской и трех Сталинских премий I степени.

⁴⁹ Никулин Лев Вениаминович (Олькеницкий Лев Владимирович) (1891–1967) — писатель и журналист, военный корреспондент. Лауреат Сталинской премии III степени.

⁵⁰ Волков Николай Дмитриевич (1894–1965) — драматург и либреттист, теоретик и историк театра.

⁵¹ Мдивани Георгий Давидович (1905–1981) — грузинский драматург и кино-сценарист.

⁵² Адуев Николай Альфредович (1895–1950) — поэт, драматург, либреттист. Возглавлял секцию сатиры в Союзе писателей.

⁵³ Рыклин Григорий Ефимович (1894–1975) — писатель-сатирик. С 1938 по 1948 г. — главный редактор журнала «Крокодил».

⁵⁴ Неустановленное лицо.

⁵⁵ Липскеров Константин Абрамович (1889–1954) — поэт, переводчик, драматург, художник. В 1916 г. сопровождал Бриков в поездке в Туркестан, посвятил стихи Л. Ю.

⁵⁶ Попов Иван Федорович (1886–1957) — журналист, писатель, драматург, сценарист. Основатель и главный редактор «Роман-газеты».

⁵⁷ Файко Алексей Михайлович (1893–1978) — драматург, сценарист.

⁵⁸ Ступникер Александр Максимович (1902–?) — журналист, редактор.

⁵⁹ Литовский (Каган) Осаф Семенович (1892–1971) — журналист, драматург, редактор, критик и писатель.

⁶⁰ Регинин Василий Александрович (1883–1952) — журналист, писатель, редактор журналов «Смехач», «30 дней» и др.

⁶¹ Богатырев Петр Григорьевич (1893–1971) — фольклорист, переводчик, этнограф.

⁶² Тагер Елена Ефимовна (1909–1981) — искусствовед.

⁶³ Винокур Григорий Осипович (1896–1947) — лингвист и литературовед, старший научный сотрудник Института русского языка (с 1944 г.).

⁶⁴ Томашевский Борис Викторович (1890–1957) — литературовед, текстолог, писатель, пушкинист. Преподавал на кафедре русской литературы Ленинградского университета (профессор с 1942 г.).

⁶⁵ Февральский Александр Вильямович (1901–1984) — литературовед, театровед. Автор книги «Первая советская пьеса. “Мистерия-буфф” В. В. Маяковского» (1971)»

⁶⁶ Тимофеев Леонид Иванович (1904–1984) — филолог, поэт, литературовед. Автор монографии «Поэтика Маяковского». В 1941–1970 гг. заведующий отделом советской литературы ИМЛИ.

⁶⁷ Венгров Моисей Павлович (1894–1962) — детский поэт, писатель, литературовед, критик. При его активном участии было создано издательство «Детгиз». С 1938 г. работал в ИМЛИ.

⁶⁸ Реформатская Надежда Васильевна (1901–1985) — литературовед, сотрудник Библиотеки-музея В. Маяковского.

⁶⁹ Черемных Михаил Михайлович (1890–1962) — карикатурист, книжный иллюстратор. Народный художник РСФСР, лауреат Сталинской премии II степени (1942).

⁷⁰ Соколов-Скаля Павел Петрович (1899–1961) — живописец и график. Лауреат двух Сталинских премий (1942, 1949). Народный художник РСФСР (1956). Работал в «Окнах ТАСС».

⁷¹ Савицкий Георгий Константинович (1887–1949) — художник-живописец, график. Лауреат Сталинской премии II степени (1942) за политические плакаты и карикатуры в «Окнах ТАСС». Академик Академии художеств СССР (1949).

⁷² Шухмин Петр Митрофанович (1894–1955) — художник, педагог. Лауреат Сталинской премии II степени (1942) за серию политических плакатов и карикатур в «Окнах ТАСС».

⁷³ Костин Сергей Николаевич (1896–1968) — художник.

⁷⁴ Борис Ефимович Ефимов (наст. фамилия — Фридлянд) (1900–2008) — художник-график, мастер политической карикатуры. Лауреат двух Сталинской премии II степени (1950, 1951), Государственной премии (1972). Народный художник СССР (1967).

⁷⁵ Ганф Юлий Абрамович (1898–1973) — художник-карикатурист, сотрудник газеты «Правда», журнала «Крокодил». Народный художник России.

⁷⁶ Цаплин Дмитрий Филиппович (1890–1967) — скульптор.

⁷⁷ Шуб Эсфирь Ильинична (1894–1959) — кинорежиссер, сценарист.

⁷⁸ Свешников Б. — возможно, киноактер (к/ф «Богдан Хмельницкий», 1941).

⁷⁹ Андриевский Александр Николаевич (1899–1983) — сценарист, режиссер. Заслуженный деятель искусств РСФСР. С 1929 г. начальник сценарного отдела, зав. производством, режиссер «Межрабпомфильма».

⁸⁰ Протазанов Яков Александрович (1881–1945) — режиссер немого кино, сценарист, актер. В 1927 г. на к/с «Межрабпомфильм» снял фильм «Дон Диего и Пелагея» с О. Бриком в эпизодической роли.

⁸¹ Лукашевич Татьяна Николаевна (1905–1972) — кинорежиссер, сценарист. С 1927 г. работала на к/с «Межрабпомфильм». Постановщик ряда документальных и научно-популярных фильмов. Стала известна с художественными фильмами — такие как «Подкидыш», «Свадьба с приданым» и др.

⁸² Владимирский Сергей Иванович (1902–1961) — режиссер-кинодокументалист, сценарист.

⁸³ Бубрик Самуил Давидович (1899–1965) — режиссер Московской киностудии хроники; преподавал во ВГИКе. Лауреат Сталинской премии II степени (1948).

⁸⁴ См. примеч. 24.

⁸⁵ Шнейдеров Владимир Адольфович (1900–1973) — кинорежиссер, сценарист, оператор. Народный артист РСФСР (1969).

⁸⁶ Туркин Валентин Константинович (1887–1958) — теоретик кинодраматургии, педагог.

⁸⁷ Ржешевский Александр Георгиевич (1903–1967) — киносценарист, драматург. До своего увлечения сценарным делом был известным каскадером, исполнявшим самые сложные трюки.

⁸⁸ Алейников Моисей Никифорович (1885–1964) — кинодеятель, основатель к/с «Межрабпомфильм» и «Мосфильм».

⁸⁹ Коваль Мариан Викторович (1907–1971) — композитор, лауреат Сталинской премии I степени (1943).

⁹⁰ Каранович Анатолий Георгиевич (1911–1976) — сценарист, режиссер в музыкальных и драматических театрах.

⁹¹ Гарин Эраст Павлович (1902–1980) — актер, режиссер театра и кино. Работал в Ленинградском театре комедии. Лауреат Сталинской премии II степени (1941).

⁹² Михозл Соломон Михайлович (1890–1948) — театральный актер и режиссер, педагог, общественный и политический деятель. С 1939 г. — член Худсовета Комитета по делам искусств при СНК СССР. С 1942 г. возглавлял Еврейский антифашистский комитет. Народный артист СССР (1939), кавалер ордена Ленина (1939), лауреат Сталинской премии II степени (1946).

⁹³ Фрелих Олег Николаевич (1887–1953) — артист театра и кино. Заслуженный артист РСФСР (1947).

⁹⁴ Берендгоф Николай Сергеевич (1900–1990) — поэт-песенник.

⁹⁵ Телеграмма от 2 марта 1945 г. с сообщением о смерти О. М. есть только во французском издании переписки сестер (р. 164).

⁹⁶ Автору известны эти три письма Л. Ю., адресованные И. В. Сталину: от 21 января 1931 г. [Валуженич, 2006. С. 46], от 24 ноября 1935 г. [Валуженич, 2006. С. 267–268], от 14 марта 1945 г. — цитируемое здесь.

⁹⁷ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 80.

⁹⁸ Книги Л. Арагона «Орельен», «Диана Французская».

⁹⁹ «Песнь к Эльзе», посвященная Эльзе Триоле.

¹⁰⁰ Книги Эльзы Триоле «Авиньонские любовники», «За порчу сукна штраф 200 франков», выпущенные в годы войны (1943, 1945) подпольным издательством. За них она получила престижную во Франции Гонкуровскую премию.

¹⁰¹ Про П. Незнамова известно лишь, что в 1941 г. он вступил в народное ополчение и в октябре того же года погиб на фронте под городом Дорогобуж Смоленской области. Обстоятельства его смерти неизвестны.

¹⁰² Виктор Шкловский, с которым Лиля Юрьевна прекратила всякие отношения еще в 1932 г., узнав, что он рассказывал о Бриках, будто они «варят клей из покойника».

¹⁰³ Л. Ю. отправила в Париж книгу В. А. Катаняна «Маяковский. Литературная хроника» (1945).

¹⁰⁴ Чтобы вспоминать, мне никто не нужен (фр.).

¹⁰⁵ Имеется в виду семья Н. Штеренберг.

¹⁰⁶ Виктор Шкловский.

¹⁰⁷ Из «Володиной семьи» противодействовала Л. Ю. в основном его старшая сестра, Людмила Владимировна Маяковская.

¹⁰⁸ Трефуель Жак (1897–1977) — химик-бактериолог, знакомый Арагонов и Л. Брик.

¹⁰⁹ Караваева Анна Александровна (1893–1979) — писательница, лауреат Сталинской премии III степени (1951). В 1945 г. была членом делегации советских женщин на Первом международном Конгрессе женщин-демократок в Париже. Очевидно, с ней Л. Ю. отправила в Париж предыдущее письмо.

¹¹⁰ Арагоны только недавно вернулись в Париж после долгого отсутствия во время его оккупации немцами.

¹¹¹ Рассказ Эльзы Триоле «Частная жизнь».

¹¹² Шкловский-Корди Никита Викторович (1924–1945), сын В. Б. Шкловского.

¹¹³ Оксана (Ксения) и Николай Асеевы.

¹¹⁴ По-видимому, к этому времени у Э. Триоле уже появился замысел фильма «Нормандия — Неман» об эскадрилье французских летчиков, воевавших с немцами на русском фронте, который она вскоре начала писать с К. Симоновым.

¹¹⁵ Видясов Федор Иванович (1913–?), сотрудник Посольства СССР в Париже.

¹¹⁶ Портативную (фр.)

¹¹⁷ Примечательно, что В. Жемчужный продолжал оказывать помощь своей бывшей жене после смерти О. Брика.

¹¹⁸ «Иветта» и «Частная жизнь». В последующем письме, адресованном Э. Триоле (от 23 июля 1945 г.), Л. Ю., комментируя повесть «Частная жизнь», пишет: *«Мы жили в эвакуации абсолютно так, как М-те Loiseau. Как будто ты нас там видела! Просто чудо! Такой же домик, такая же хозяйка, по фамилии Шукина, только не добрая, а злая. Так же днем и ночью поезда шли мимо нашего дома. Такой же поселок. Такое же было у нас настроение. Ну, просто удивительно!»*.

¹¹⁹ Кассиль Л. Маяковский — сам: очерк жизни и работы поэта. М.; Л.: Детиздат, 1940. 110 с.

¹²⁰ Катанян В. Рассказы о Маяковском. М.: Художественная литература, 1940. 327 с.

¹²¹ Шкловский В. О Маяковском. М.: Сов. писатель, 1940. 223 с.

¹²² Эйсмонт Николай Борисович (1891—1935) — государственный деятель, нарком торговли РСФСР (1926—1930), затем нарком снабжения РСФСР (1930—1932). В 1933 г. осужден, погиб в лагере. Впоследствии реабилитирован.

¹²³ Карахан (Караханян) Лев Михайлович (1889—1937) — дипломат, полпред СССР в Турции (1934—1937). Осужден, расстрелян. Впоследствии реабилитирован.

¹²⁴ Мартов (Цедербаум) Юлий Осипович (1873—1923) — политический деятель, публицист, участник революционного движения, основатель меньшевизма.

¹²⁵ Дудинцев Владимир Дмитриевич (1918—1998) — писатель. В 1940 г. окончил Московский юридический институт.

¹²⁶ В то время Б. Слуцкий мог быть знаком с либретто О. Брика «Камаринский мужик» по его публикации в «Альманахе с Маяковским» (1934).

¹²⁷ Комментируя этот рассказ Б. Слуцкого, литературовед Л. Яновская в книге «Записки о Михаиле Булгакове» (М.: Текст, 2007) пишет:

Конечно, это чистой воды фантазия. Не было такой пьесы. А что же было? Да вот, очередной рассказ Булгакова вечером, за накрытым овальным столом, кто-то из мхатовцев в гостях и пересказ назавтра в театре, попавший потом к Осипу Брику из чьих-то вторых или третьих уст... Пересказанная Слуцким история относится примерно к 1938 г. (именно в эту пору он общался с Бриком). Но неужели Булгаков мог так шутить и в последние месяцы жизни? Не знаю. Может быть.

¹²⁸ Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873—1944) — русский и литовский поэт-символист и переводчик, дипломат.

¹²⁹ *Слуцкий Б.* Знакомство с Осипом Максимовичем Бриком // О времени и о себе. М.: Вагриус, 2005. 288 с. (Серия «Мой XX век»). С. 165—172.

¹³⁰ В этом письме практически полностью повторялось то, что писала Л. Ю. 9 февраля 1945 г. С. Д. Балухатому (см. с. 252 наст. изд., от фразы «Эти стихи — наиболее необычная по языку часть литературного наследия Маяковского» до фразы «Нам проделать эту работу легче...»).

¹³¹ *Дымшиц А. Л.* ОМБ // Звенья памяти: портреты и зарисовки. М.: Сов. писатель, 1975. 542 с. С. 425—427.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

¹ *Раневская Ф.* Дневник на клочках / подготовка текста, вступ. ст. и публ. Юрия Данилина. СПб., 1999. С. 31—32.

² См.: *Великанов Н. Т.* Измена маршалов. М.: Алгоритм, 2008. 400 с. (Серия «Загадка 37-го года»). С. 4 (аннот.)

³ Копия свидетельства в собрании автора.

⁴ Подпись В. А. Катаняна стоит и под биографической справкой «Осип Брик» в Краткой литературной энциклопедии (КЛЭ) (М.: Сов. энциклопедия, 1962. Т. 1. Стб. 739) (см. приложение, с. 326).

⁵ *Перцов В.* Маяковский: Жизнь и творчество (До Великой Октябрьской социалистической революции). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 468 с. 10 000 экз.; *Перцов В.* Маяковский: Жизнь и творчество (До Великой Октябрьской социалистической революции). М.: Сов. писатель, 1951. 448 с. 20 000 экз.

⁶ Автор цитирует труд: *Берия Л. К.* вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье: Доклад на Тифлисском партактиве 21—22 июля 1935 г. М.: Партиздат, 1936. С. 28.

⁷ Брик Л. Ю. Из материалов о В. В. Маяковском / [подг. текста и публ. Л. Ф. Кадиса] // Лит. обозрение. 1993. № 6. С. 59–70.

⁸ На это издание появились отклики и в зарубежной печати, напр. в парижском еженедельнике (по-франц.): *Кароль К.-С.* Неожиданный удар для русских. Посмертный том о Маяковском волнует Москву: скелеты выходят из семейного шкафа // Экспресс. 12 февр. 1959 г.

⁹ Литературное наследство. Т. 65: Новое о Маяковском / ред. В. В. Виноградов (глав. ред), И. С. Зильберштейн, С. А. Макашин, М. Б. Храпченко. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 103.

¹⁰ Воронцов В., Колосков А. Новое и старое о Маяковском // Литература и жизнь. 1959. 7 янв.; Против клеветы на Маяковского; Еще раз по поводу «нового» о великом поэте: [ред. ст.] // Литература и жизнь. 1959. 10 апр.

¹¹ Суслов Михаил Андреевич (1902–1982) — советский партийный и государственный деятель, член Политбюро, Президиума ЦК КПСС (1952–1953; 1955–1982), Секретарь ЦК КПСС (1947–1982). Главный идеолог партии, известен как «серый кардинал» советского строя.

¹² «Документы свидетельствуют... Из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД): Вокруг творческого наследия Маяковского // Вопр. литературы. 1994. Вып. II. С. 199–200.

¹³ Пицкель Фаина Наумовна — литературовед, автор статей о Маяковском, книга «Лирический эпос Маяковского» (М., 1964), «Маяковский. Художественное постижение мира. Эпос. Лирика. Творческое своеобразие. Эволюция метода и стиля» (М., 1979).

¹⁴ Розенблюм Лия Михайловна (1922–2011) — литературовед, главный научный сотрудник ИМЛИ (с 1992 г.), заслуженный деятель науки. Редактировала и участвовала в подготовке 13 томов «Литературного наследия», в т. ч. «ЛН-65».

¹⁵ См. примеч. 1945 — 65.

¹⁶ Виноградов Виктор Владимирович (1894–1969) — крупнейший литературовед и лингвист-русист, академик АН СССР, доктор филологических наук, лауреат Сталинской премии. Редактор журнала «Вопросы языкознания» (с 1952 г.). С 1958 г. возглавлял Институт русского языка АН СССР, покинул пост за год до смерти. Сегодня Институт носит имя Виноградова.

¹⁷ Зильберштейн Илья Самойлович (1905–1988) — литературный критик, литературовед, коллекционер, доктор искусствоведения. Один из основателей и редакторов сборников «Литературное наследство» (98 томов, 1931–1988).

¹⁸ Макашин Сергей Александрович (1906–1989) — литературовед, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Сталинской премии. Был членом редколлегии и одним из руководителей издания «Литературное наследство», редактировал ряд его томов.

¹⁹ Храпченко Михаил Борисович (1904–1986) — государственный и общественный деятель. Занимался историей и теорией литературы. Член-корреспондент АН СССР (с 1958 г.). Старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького (1948–1963), академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР (1966–1986).

²⁰ Панферов Федор Иванович (1896–1960) — писатель, главный редактор журнала «Октябрь». Лауреат Сталинской премии II и III степени (1948, 1949).

²¹ «Документы свидетельствуют...»: Из фондов ЦХСД: Вокруг творческого наследия Маяковского // Вопр. литературы. 1994. Вып. II. С. 200–201.

²² Постановление ЦК КПСС от 31 марта 1959 г. «О книге “Новое о Маяковском”» впервые было опубликовано в изд.: Вопросы идеологической работы: сборник важнейших решений КПСС (1954–1961 гг.). М.: Госполитиздат, 1961. 326 с. С. 270.

²³ Брик Л. Ю. Предложение исследователям // Моск. комсомолец. 1966. 28 сент.; То же // Вопр. литературы. 1966. № 9. С. 203–208.

²⁴ Воронцов Владимир Васильевич (1906–1980?) с 1953 г. был помощником Секретаря ЦК КПСС М. А. Сулова, а кроме того, мужем его сестры (как и Сулов был женат на сестре Воронцова). Увлекался подбором цитат из высказываний «великих людей», которые издал в нескольких сборниках. После отставки с должности в ЦК по ходатайству К. М. Симонова был направлен в Италию советником посольства по сельскому хозяйству.

²⁵ Колосков Александр Иванович (1909–1984) — журналист, литературовед. Первый директор Дома-музея В. В. Маяковского в селе Маяковски в Грузии. С 1944 г. сотрудник редакции газета «Правда», затем — редактор, зам. председателя Комитета по радионформации при СМ СССР (1949–1954), консультант редакции журнала «Партийная жизнь» (1954–1965). После его смерти из архива ЦГАОР была извлечена рукопись его неопубликованной книги «Через всю жизнь», отдельными главами которой были «Любовь поэта» и «Трагедия поэта», опубликованные в «Огоньке» в 1968 г. Заключительная глава этой книги «Я обвиняю!» была опубликована в газете «Щит и меч» (1990. 30 марта. С. 13) и в журнале «Молодая гвардия» (1991. № 10. С. 244–258).

²⁶ Воронцов В. В., Колосков А. И. По поводу одной публикации // Известия. 1966. 27 нояб.

²⁷ Симонов Константин (наст. имя — Кирилл) Михайлович (1915–1979), возглавлявший в прежние годы «Новый мир» (1946–1950, 1954–1958) и «Литературную газету» (1950–1953), одновременно являясь секретарем Союза писателей СССР (1946–1959). В 1960 г. вышел художественный фильм «Нормандия — Неман», сценарий к которому К. Симонов писал в соавторстве с Эльзой Триоле и Шарлем Спааком. В 1960-е и до своей кончины состоит в должности секретаря СП СССР. К этому времени он лауреат шести Сталинских премий: трех I степени и трех II степени (1942, 1943, 1946, 1947, 1949, 1950), кавалер ордена Ленина (1965; в 1970-х удостоится еще двух), лауреат Госпремии РСФСР имени братьев Васильевых за литературную основу фильма «Живые и мертвые» (1966). В 1973 г. занимался подготовкой юбилейной выставки «Двадцать лет работы Маяковского». По примеру Л. Ю. Брик завещал развезти свой прах, что и было сделано: над Буйничским полем под Могилевом, где в июле 1941-го он стал свидетелем того, как советские войска в течение одного дня подбили и сожгли 39 немецких танков. Установлен и огромный валун, где выбиты подпись писателя и годы жизни с одной стороны, а с другой — эпитафия.

²⁸ Катанян В. А. Мрачная хроника // Вопр. литературы. 1997. № 1. С. 208–225; Катанян В. А., Г. Д. Распечатанная бутылка. Н. Новгород: Деком, 1999. С. 275–294. В обоих случаях — публикация сына автора — В. В. Катаняна.

²⁹ Маяковский В. В. Люблю / сост. и авт. вступ. ст. Б. М. Сарнов. М.: Кн. палата, 1998. Статья Л. Ю. Брик «Предложение исследователям» на с. 114–120.

³⁰ Маяковский В. В. Стихотворения. Поэмы. Статьи (Критика и комментарии). Темы и развернутые планы сочинений. Материалы для подготовки к уроку) / сост. Н. Мирова. М.: Олимп; АСТ, 1997. 656 с. (Серия «Книга для ученика и учителя»).

³¹ Софронов Анатолий Владимирович (1911–1990) — писатель, публицист, сценарист и драматург. Лауреат двух Сталинских премий, Герой Соц. Труда. В 1953–1986 гг. был главным редактором еженедельного публицистического и литературно-художественного журнала «Огонек» (Москва).

³² *Воронцов В., Колосков А.* Любовь поэта // Огонек. 1968. № 16. Апр. С. 9–13; *Колосков А.* Трагедия поэта // Огонек. 1968. № 23. Июнь. С. 26–31; № 26. Июнь. С. 18–22.

³³ Черновик письма Л. В. Маяковской — М. А. Сулову. Москва, 25 июня 1962 г. // Людмила Маяковская: альбом-каталог / сост. А. П. Аксенкин; вступ. ст. С. Е. Стрижневой. М.: ГММ, 2010. С. 134–135.

³⁴ «Документы свидетельствуют... Из фондов ЦХДС. Как партия руководила литературой: Вокруг музея В. В. Маяковского / [сост. Л. И. Пушкирева] // Вопр. литературы. 1994. Вып. IV. С. 265.

³⁵ Там же. С. 271–273.

³⁶ В. Маяковский в воспоминаниях современников / примеч. Н. В. Реформатской; вступ. ст. З. С. Паперного. [М.]: Гос. изд-во худож. лит., 1963. 731 с. (Серия лит. мемуаров).

³⁷ «Воспоминания о встречах с Маяковским» Е. А. Лавинской напечатаны в сб.: Маяковский в воспоминаниях родных и друзей / под ред. Л. В. Маяковской и А. И. Колоскова. М.: Моск. рабочий, 1968. 430 с.

³⁸ «Документы свидетельствуют... Из фондов ЦХДС. Как партия руководила литературой: Вокруг музея В. В. Маяковского / [сост. Л. И. Пушкирева] // Вопр. литературы. 1994. Вып. IV. С. 246–252.

³⁹ Протокол заседания рабочей группы по ознакомлению с проектом экспозиции нового Музея В. Маяковского 23 января 1973 г. // Литературное обозрение. 1993. № 6. С. 71–77.

⁴⁰ Письмо Б. А. Слуцкого Л. И. Брежневу от 28 июня 1968 г. в публ.: «Документы свидетельствуют... : Из фондов ЦХДС. Как партия руководила литературой: Вокруг музея В. В. Маяковского // Вопр. литературы. 1994. Вып. IV. С. 266–267.

⁴¹ См. примеч. 39.

⁴² Были проведены выставки (с выпуском красочных каталогов), посвященные художнику-авангардисту Густаву Клуцису, сотрудничавшему с ЛЕФом (работы его хранятся в том числе в Музее В. Маяковского), скульптору Марии Денисовой-Щаденко, с которой Маяковский познакомился в Одессе, во время Черноморского турне (история их отношений — основа поэмы «Облако в штанах»), Татьяне Яковлевой, парижской возлюбленной и адресату двух лирических писем В. Маяковского, поэту-футуристу Василию Каменскому, с которым он путешествовал по стране, читая стихи, в 1914–1915 гг., художнику Николаю Денисовскому — вместе с Маяковским он создал серию плакатов для Наркомздрава.

⁴³ Людмила Маяковская: альбом-каталог / сост. А. Аксенкин; вступ. ст. С. Стрижневой; ГММ. М.: Радис РЛ, 2010. 239 с.: ил.

⁴⁴ *Катанян В. А.* «Операция “Огонек”» (публ. В. В. Катаняна) // Вопр. литературы. 1997. Янв.–февр. С. 225–253. *Катанян В. В.* «Операция “Огонек”» // Книжное обозрение. М., 1989. 27 окт. С. 6, 8–9.

⁴⁵ *Валюженич А. В.* Операция “Огонек”, или как КПСС боролась с Лилей Брик // Библиография. 2001. № 5. С. 61–74; 2001. № 6. С. 81–96.

⁴⁶ Клод Фриу (Claude Froux) (род. в 1932 г.) — французский славист и советолог, поэт, переводчик русской литературы, в том числе и поэзии В. Маяковского.

⁴⁷ Маяковский делает выставку / сост. К. Симонов; предисл. А. Суркова. М.: Книга, 1973. 80 с.: ил. Воспоминания Лили Брик опубликованы на с. 62.

⁴⁸ Лиля Брик — Эльза Триоле. Неизданная переписка (1921—1970) / сост., вступ. ст. В. В. Катаняна. М.: Эллис Лак, 2000. 688 с. Всего 295 писем; Lili Brik — Elsa Triolet. Correspondance (1921—1970) / traduit du Russ, Sous la direction, Preface et notes de Leon Robel. P.: Gallimard, 2000. 1632 p. Всего 1228 нумерованных писем.

⁴⁹ Вознесенский Андрей Андреевич (1933—2010), один из самых известных поэтов-шестидесятников, посвятил Л. Ю. стихотворение «Маяковский в Париже» («Лили Брик на мосту лежит...») (1963), несколько раз упоминал в мемуарной прозе о встречах с ней. Однако в опубликованной в журнале «Огонек» статье «Музы и ведьмы века» неожиданно привел ничем не подтвержденное вульгарное воспоминание о Л. Ю., из-за чего с ним прервали отношения ряд друзей Л. Ю.

⁵⁰ Соснора Виктор Александрович (род. в 1936 г.) — поэт, прозаик, драматург. Постоянно живет в Санкт-Петербурге. Дружил с Л. Ю., регулярно переписывался с ней, встречался, бывая в Москве, упоминал в мемуарной прозе. В журнале «Звезда» за 2012 г. в № 1, 2 и 3 опубликовано 96 писем «Переписка Виктора Сосноры с Лилей Брик» (публ. Я. Ананко), что по некоторым данным составляет примерно 1/3 от их сохранившейся переписки.

⁵¹ Параджанов Сергей Иосифович (Саркис Параджанян) (1924—1990), известный кинорежиссер, сценарист, художник, был хорошим знакомым Лили Брик и В. В. Катаняна, которые встречались и переписывались с ним. Двумя изданиями вышла книга В. В. Катаняна о нем: *Катанян В. Параджанов*. Цена вечного праздника. М.: Четыре искусства, 1994. 71 с.: ил.; То же. Н. Новгород: Деком, 2001. 248 с.: ил. (Серия «Имена»).

⁵² Энн Чартерс (Ann Charters) (род. в 1936 г.) — американская писательница, доктор философии, преподаватель американской литературы. Автор книг «Набоб. Жизнь и эпоха Берта Уильямса» (1967), «Керуак» (1973). Сэмюэл Чартерс (Samuel Charters) — американский поэт, критик, музыкант.

⁵³ Ann & Samuel Charters. I LOVE. The story of Vladimir Mayakovsky and Lili Brik. New York: Farrar Straus Giroux, 1979. 400 p., ill.

⁵⁴ См. том I настоящей дилогии «Лили Брик — жена командира. 1930—1937», где в разделе примечаний опубликовано письмо В. А. Катаняна к Рите Райт, в котором он обвиняет ее в ложной подаче фактов (примеч. 35 к главе «1930 год», с. 487).

⁵⁵ Цит. по: *Климентова К. Мечта поэта // Персона*. 2003. № 9. С. 86—90.

⁵⁶ Lili Brik con Majakovskij. Intervista di Carlo Benedetti. Roma, 1978. 176 p., ill.

⁵⁷ Оpubл. на рус. яз.: *Театральная жизнь*. 1987. № 21.

⁵⁸ Lili Brik. Avec Majakovski / Entretien avec Carlo Benedetti. Paris: Ed. du Sorbier, 1980.

⁵⁹ *Бенедетти К.* [Лили Брик и Маяковский: фрагменты]: В поисках потерянного времени. Лили Брик о Маяковском // *Театральная жизнь*. 1987. № 21. С. 30—34; 1988. № 17. С. 30—31.

В ноябрьском номере (№ 21) за 1987 г. редакция сопровождает фрагменты интервью Бенедетти следующим текстом: «Мы публикуем несколько отрывков из книги-интервью Карло Бенедетти “Лили Брик и Маяковский”, которая опубликована в Италии и Франции. Предлагаем вниманию читателей отрывки из книги, а также некоторые страницы, не вошедшие в издание, которые автор любезно предоставил нам для публикации».

⁶⁰ Юридически оформленное традиционное завешание было подготовлено Л. Ю. Брик ранее. Оба завешания хранятся в госархиве: РГАЛИ. Ф. 2577 (Брик Л. Ю., Катанян В. А.). Оп. 1. Д. 620 (завешание от 18.02.1959; завешание от 06.02.1979).

⁶¹ Ларионов Арсений Васильевич (род. в 1937 г.) — писатель, журналист. Был редактором журнала «Слово», активно занимался приватизацией имущества Союза писателей.

⁶² Катанян Василий Васильевич, который весьма продуктивно работал в киноотрасли как режиссер и сценарист, оставил большую коллекцию собственных документальных и других фильмов, вскоре после смерти отца переключился на литературную деятельность. Способствовал продвижению публикаций работ отца, в том числе:

Катанян В. А. Хроника жизни и деятельности. Изд. 5-е, доп. М.: Сов. писатель, 1985. 648 с.

Катанян В. А., Катанян Г. Д. Распечатанная бутылка / сост. Я. И. Гройсман; подг. лит. текста, предисл., примеч. В. В. Катаняна. Н. Новгород: Деком, 1999. 352 с. (Серия «Имена»).

В. В. Катанян подготовил и издал ряд книг (и множество журнальных статей), посвященных близким ему людям, друзьям, а большую часть из них своей матеке — Л. Ю. Брик, о которой у него сохранились самые теплые воспоминания:

Катанян В. В. Лиля Брик. Владимир Маяковский и другие мужчины. 2-е изд., доп. и испр. М.: Захаров: АСТ, 1998. 188 с. (Серия «История любви»). — Книга вышла в свет уже после смерти автора.

Имя этой теме: любовь! Современницы о Маяковском / сост., вступ. ст., коммент. В. Катаняна. М.: Дружба народов, 1993. 336 с. (Серия «Литературные мемуары. Век XX»). — В книге, на с. 85–174, содержатся также мемуары Л. Ю.: Лиля Брик. Из воспоминаний (Москва 1956–1977).

Катанян В. В. Прикосновение к идолам. М.: Захаров: Вагриус, 1997. 448 с. (Серия «Мой XX век»). — В книге глава «О Лиле Брик и не только о ней» (с. 63–162).

Катанян В. В. Лиля Брик, Владимир Маяковский и другие мужчины. М.: Захаров: АСТ, 1998. 174 с. (Серия «История любви»).

Катанян В. В. Лиля Брик, Владимир Маяковский и другие мужчины. 2-е изд., доп. и испр. М.: Захаров: АСТ, 1998. 188 с. (Серия «История любви»). — По сравнению с первым изданием здесь появилось авторское послесловие («Как из Лили Брик пытались сделать... А. Коллонтай», с. 173–185), в котором В. В. Катанян обвиняет своего знакомого, журналиста Аркадия Ваксберга, в следующем: ознакомившись с катаняновской рукописью готовящейся к печати книги о Л. Ю., Ваксберг позаимствовал тему и некоторые эпизоды и, опередив В. В. Катаняна, не поставив его в известность, выпустил собственную биографическую книгу о Лиле Брик. Во втором издании, кроме того, Катанян подробно рассматривает разного рода выдумки в воспоминаниях о Лиле Брик, появившихся в последнее время.

Катанян В. В. Лоскутное одеяло. М.: Вагриус, 2001. 528 с. — В дневниковых записях автора, из которых в основном состоит книга, много подробностей, которые не вошедших в литературные варианты его воспоминаний.

Катанян В. В. Прикосновение к идолам. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. 512 с. — В книге глава «О Лиле Брик и не только о ней» (с. 69–180).

Катанян В. В. Лиля Брик. Жизнь. М.: Захаров, 2002. 288 с.

Катанян В. В. Лиля Брик. Жизнь. 2-е изд. М.: Захаров, 2014. 288 с.

В. В. Катанян написал текст каталога к выставке «Die WELT der LILJA BRIK» («Мир Лили Брик»), которая состоялась в 1992 г. в Берлине.

⁶³ Бенгт Янгфельдт (Bengt Jangfeldt) (род. в 1948 г.) — доцент кафедры славистики Стокгольмского университета, писатель и переводчик, редактор журнала Шведской академии “Artes”, лауреат премии Лэнгманского фонда культуры и других престижных литературных премий. Профессор Янгфельдт является автором целого ряда книг и исследований о русской культуре, изданных в Швеции и за рубежом. Среди книг, посвященных В. Маяковскому и его окружению (все на русском языке):

В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик: Переписка 1915–1930 / сост., подг. текста, введение и комм. Бенгт Янгфельдт. Введение: «К истории отношений В. В. Маяковского и Л. Ю. Брик» (с. 11–45). Стокгольм, 1982. 303 с.: ил.

Дорогой дядя Володя... Переписка Маяковского и Эльзы Триоле 1915–1917 / сост., подгот. текста, предисл. и коммент. Бенгта Янгфельдта. Стокгольм, 1990. 78 с.: ил.

Любовь — это сердце всего: В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик: Переписка 1915–1930 / сост., подгот. текста, введ. и коммент. Б. Янгфельдта. М.: Книга; РИЦ «Канон», 1991. 286 с.: ил. Репринт. воспроизв. изд. 1982 (Стокгольм).

Якобсон-будетлянин: сб. материалов / сост., подгот. текста, предисл. и коммент. Б. Янгфельдта. Стокгольм, 1992. 185 с.: ил.

Янгфельдт Б. Ставка — жизнь: Владимир Маяковский и его круг / пер. со швед. Аси Лавруши и Бенгта Янгфельдта. М.: КоЛибри, 2009. 640 с.: ил.

Роман Якобсон. Будетлянин науки: Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Бенгта Янгфельдта. М.: Гилея, 2012. 306 с.: ил. Испр. и доп. переизд. сб. матер. «Якобсон-будетлянин» (Стокгольм, 1992).

Янгфельдт Б. «Я» для меня мало. Революция/любовь Владимира Маяковского / пер. со швед. Аси Лавруши и Бенгта Янгфельдта. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2012. 640 с.: ил.

⁶⁴ Ваксберг Аркадий Иосифович (1927–2011) — обозреватель «Литературной газеты», ее собкор в Париже, вице-президент Русского ПЕН-центра, член Международного правозащитного комитета «Писатели в тюрьмах», член Союза писателей, Союза журналистов и Союза кинематографистов, доктор юридических наук, автор трех монографий и десятков научных статей по авторскому праву, свыше 100 судебных очерков в «Литературной газете», более 30 книг прозы, эссеистики и публицистики, сценариев ряда художественных, документальных и телевизионных фильмов, он в конце 1990-х заинтересовался темой Лили Брик и в 1997 г. выпустил первую книгу о ней, опередив публикацию своего хорошего знакомого В. В. Катаняна, с подготовленными материалами которого он ознакомился:

Ваксберг А. И. Лили Брик. Жизнь и судьба. М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1997. 448 с.: ил. (Серия «Женщина — миф»). — На книге посвящение: «С нежной благодарностью моим друзьям, Василию Катаняну и Бенгту Янгфельдту, чей многолетний труд послужил основой для этой книги и чья преданность Лиле Юрьевне Брик вдохновляла меня, когда я ее писал». Однако эти добрые слова не смягчили В. В. Катаняна, собственные издательские планы которого Ваксберг нарушил.

Тема Лили Брик заинтересовала А. Ваксберга и, продолжая над ней работать, он выпустил вторую книгу:

Ваксберг А. И. Загадка и магия Лили Брик. М.: КРПА Олимп: АСТ: Астрель, 2003. 461, [3] с. (Серия «Роковая женщина»). — Здесь также посвящение, но уже более лаконичное: «Бенгту Янгфельдту и Василию Васильевичу Катаняну».

Поскольку В. В. Катаняна к тому времени уже не было в живых, то я посчитал необходимым откликнуться на это издание, опубликовав в «НГ — Ex libris» от 27 мая

2004 г. свою «разгромную» статью «Черная кошка в темной комнате. Снова — о Лиле Брик и кое о чем еще». На такие «мелкие укусы» именитый писатель не реагировал, но, по-видимому, обратил внимание на мои публикации. В «Литературной газете» от 15–21 октября 2008 г. появилась развернутая положительная рецензия на московское издание моей книги «Лиля Брик — жена командира. 1930–1937» (2008). Мы познакомились, и наши отношения продолжались до его смерти.

Между тем А. Ваксберг продолжал упорно работать над своей книгой о Лиле Брик, собирая новые материалы. Наконец вышло 3-е издание:

Ваксберг А. И. Пожар сердца. Кого любила Лиля Брик. М.: Астрель: Олимп, 2010. 511 [1] с. (Серия «Кумиры. История Великой Любви»). — Без преувеличений следует признать, что это не только лучшее из трех авторских изданий, но по мастерству анализа биографических данных героини, объему собранной и обработанной автором информации о ней эта монография, бесспорно, является лучшей на сегодняшний день биографией легендарной Лили Брик.

В 2006 г. на экраны вышел двухсерийный документальный фильм «Про это, про поэта и про Лилию Брик» по сценарию А. Ваксберга, в котором он сам в роли ведущего.

⁶⁵ Гройсман Яков Иосифович, главный редактор нижегородского издательства «Деком» (от шуточного «Дело коммунизма»), — основатель и главный редактор серии «Имена». Лауреат премии «Человек книги» в категории «Главный редактор» (2009), лауреат премии «Человек города» в номинации «Человек разумный» (2012).

⁶⁶ Генс-Катанян Инна Юлиусовна (см. примеч. 1938 — 20) после смерти В. В. Катаняна продолжила начатое супругом издание книг о Л. Ю. Брик. Была распорядителем архива Л. Ю., который перед собственной смертью передала в дар Литературному музею и ЦГАЛИ.

⁶⁷ *Валюженич А.* В экране, слове, раме... К юбилею феноменальной Лили Брик // НГ — Ex libris. 2011. 10 нояб. С. 4.

⁶⁸ Телефильм «Лиля Брик. История судьбы» / [съемки 2006 г.; реж. В. И. Рокотов (?)]. Телестудия «Совершенно секретно». Участвуют: Светлана Стрижнева, Вениамин Смехов, Рой Медведев, Анатолий Валюженич, Родион Щедрин, Валерий Плотников, Генрих Боровик. Премьера на канале «Совершенно секретно» 11 ноября 2011 г.

⁶⁹ Цит. по: *Генс-Катанян И. Ю. Дома и миражи.* Н. Новгород: Деком, 2005. С. 57.

⁷⁰ Якобсон Роман Осипович (Roman Jakobson) (1896–1982) — российский и американский литературовед, один из крупнейших лингвистов XX века. До 1920 г. жил в России. Был близко знаком с Маяковским, Бриками, Э. Триоле. На смерть Маяковского написал статью «О поколении, растратившем своих поэтов».

⁷¹ Two Essays on Poetic Language by Osip Maksimovic Brik [статьи О. М. Брика на русском языке]. Postscript by Roman Jakobson. Michigan Slavic Materials, № 5, February 1964. The University of Michigan. Department of Slavic languages and literatures. Ann Arbor.

— Звуковые повторы, с. 1–45;

— Ритм и синтаксис, с. 47–76.

⁷² Незвестные сценарии Осипа Брика / публ. А. В. Валюженича // Киновед. записки. 2003. № 62. С. 83–95; Осип Брик. Кинопублицистика 1920-х годов / публ. А. В. Валюженича (републ. 24 статей) // Киновед. записки. 2004. № 69. С. 274–332; Осип Брик. Кинопублицистика 1930–40-х годов / публ. А. В. Валюженича // Киновед. записки. 2006. № 78. С. 197–234.

ПРИЛОЖЕНИЯ

О. М. БРИК, Л. Г. ЭЛЬБЕРТ. НАРОДНЫЙ ПОЭТ ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ. СЦЕНАРИЙ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА

Публикуется впервые. РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 82 (1939 г.).

По этому сценарию на Центральной студии кинохроники в 1940 г. был снят фильм «Владимир Маяковский» (режиссер С. Бубрик, операторы В. Соловьев, С. Семенов).

О. М. БРИК. ИВАН ГРОЗНЫЙ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Отрывок. Акт первый. Картина 1-я.

Брик О. М. Иван Грозный. Историческая трагедия: Трагедия в 4-х действиях и 7-ми картинах. / Редактор А. Спешиллов. Молотов: Молотовское обл. издательство, 1942. 70 с. 5 000 экз.

Текст трагедии не переиздавался.

О. М. БРИК. КАРТИНА ВЫШЛА НА УЛИЦУ

Брик О. М. Из опыта работы в редакции военно-оборонного плаката — «Окна ТАСС» // Знамя. 1944. № 12. С. 187—191. Редактор Вс. Вишневский. Номер подписан к печати 01.01.1945. Тираж журн. 30 000 экз.

Статья стала последней крупной прижизненной публикацией О. М. Брика. Текст статьи не перепечатывался.

Е. Г. СОКОЛОВА. ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РЯДОМ

Впервые опубли.: *Валюженич А. О. М. Брик: Материалы к биографии.* Акмола: Нива, 1993. 390 с.: ил. С. 186—188.

В. А. КАТАНЯН. БРИК

Брик / авт. статьи В. А. Катаян // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1962—1978. Т. 1: Аарне — Гаврилов. 1962. Стб. 739.

В. А. КАТАНЯН. О СОЧИНЕНИИ МЕМУАРОВ (ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ)

Катаян В. Заметки на полях [Отрывок из статьи «О сочинении мемуаров»] // Новый мир. 1964. № 5. С. 227—236.

А. В. ВАЛЮЖЕНИЧ. ВБЛИЗИ ОТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ

Публикуется впервые.

¹ Здесь и далее цит. по: *Лещенко-Сухомлина Т.* Долгое будущее: Дневник-воспоминание. М.: Советский писатель, 1991. 528 с.

² *Литовский О. С.* Так и было: Очерки, воспоминания, встречи. М.: СПб., 1958. См. примеч. 1945 — 59.

³ Сухомлин Василий Васильевич (1885—1963) — общественно-политический деятель, публицист, журналист, переводчик. В 1918—1954 гг. был в эмиграции

(Финляндия, Швеция, Франция, США). По возвращении в СССР продолжал сотрудничать во французской периодике (под псевд. Victor Samaret), с 1962 г. член ССП. Муж Т. И. Лещенко с 1957 г.

⁴ Советское правительство в противовес агрессивной политике стран Антанты и США — участников интервенции в России — неоднократно предлагало правительствам этих государств установить мирные отношения. Одной из таких попыток явилось назначение Л. К. Мартенса представителем советской России в США.

⁵ Гладун Алексей Федорович (1894—1939) — советский работник. После ухода с А. Адамсом из «АМО» работал директором издательства «Экономическая жизнь», в Представительстве СССР в Лондоне, с 1927 г. заведовал отделом культуры профсоюза сельских крестьян и лесных рабочих. Его жена Евгения Соломоновна Хаютина-Гладун, с которой он был в браке с 1926 по 1929 г., впоследствии вышла замуж за наркома НКВД Н. И. Ежова.

⁶ Берзин Ян Карлович (Павел Иванович) (наст. имя — Кюзис Петерис) (1889—1938) — армейский комиссар 2-го ранга (1937), начальник Разведывательного управления Генштаба Красной Армии. Репрессирован, расстрелян, реабилитирован.

⁷ Артузов (Фраучи) Артур Христианович (1891—1937) — советский политический деятель. С 1919 г. член коллегии ВЧК, ГПУ, начальник отдела контрразведки Генштаба Красной Армии. Репрессирован, расстрелян, реабилитирован.

⁸ Мурзин Дмитрий Константинович (1889—1938) — комдив (1935), зам. начальника отдела Разведуправления. Репрессирован, расстрелян, реабилитирован.

⁹ Ферми Энрико (Fermi) (1901—1954) — итальянский физик, один из создателей ядерной и нейтронной физики. Построил первый ядерный реактор и первым осуществил в нем (02.12.1942) цепную ядерную реакцию. Лауреат Нобелевской премии (1938).

¹⁰ Аллисон, также Эллисон (Allison), Сэмюэл Кинг (1900—1965) — американский физик. Работал в Лос-Аламосской лаборатории под руководством Р. Оппенгеймера, принимал участие в «Проекте Манхэттен», приведшем к созданию атомной бомбы.

¹¹ Комптон (Compton) Артур Холли (1892—1962) — американский физик, участник создания атомной бомбы. Лауреат Нобелевской премии (1927).

¹² Юри (Urey) Гарольд Клейтон (1893—1981) — американский физик и физико-химик. Открыл дейтерий (1932), известен трудами по разделению изотопов. Лауреат Нобелевской премии (1934).

¹³ Оппенгеймер (Oppenheimer) Роберт (1904—1967) — выдающийся американский физик. В 1943—1945 гг. руководил созданием американской атомной бомбы.

¹⁴ Первухин Михаил Георгиевич (1904—1978) — государственный деятель, заместитель Председателя СНК СССР, которому было поручено заниматься вопросами атомного проекта. Герой Социалистического Труда (1949).

¹⁵ Курчатов Игорь Васильевич (1902—1960) — выдающийся советский физик, организатор и руководитель работ по атомной науке и технике в СССР, академик АН СССР (1943), трижды Герой Социалистического Труда (1949, 1951, 1954). Под руководством Курчатова создан первый в Европе ядерный реактор (1946), первая в СССР атомная бомба (1949), первая в мире термоядерная бомба (1953) и АЭС (1954). Основатель и первый директор Института атомной энергии (с 1943 г.). Лауреат Ленинской, четырех Государственных премий и др.

¹⁶ Лос-Аламос (Los Alamos) — населенный пункт (не имеет статуса города или поселка) на юго-западе США, штат Нью-Мексико, расположенный в Скалистых горах на высоте 2200 м. Центр ядерных исследований, производства ядерного оружия. В 1942 г. для работы по «Проекту Манхэттен» здесь была создана Лос-Аламосская

национальная лаборатория, где и родилась первая американская атомная бомба. В 1943–1957 гг. поселение было закрытым.

¹⁷ Гроувс (Grows) Лесли (1896–1970) — генерал-майор, в 1942–1947 гг. военный руководитель «Проекта Манхэттен» по созданию американской атомной бомбы.

¹⁸ Кремер Симон Давидович (1900–1991), конспиративное имя — Барч, — один из лучших офицеров лондонской резидентуры советской военной разведки, генерал-майор танковых войск. За боевые заслуги на фронтах ВОВ удостоен звания Героя Советского Союза.

¹⁹ Урсула Кучински (1907–2000), кодовое имя — Соня. Еще в 1932 г. в Китае ее привлек к работе на советскую разведку Рихард Зорге. Она успешно выполняла задания в Китае, Польше, Швейцарии. С февраля 1941 г., находясь в спецкомандировке в Лондоне, Соня установила связь с английским физиком Клаусом Фуксом, передавшим через нее в СССР ценные секретные материалы по атомной программе. Некоторые историки на Западе считают ее «лучшей женщиной-разведчицей всех времен». полковник.

²⁰ Черняк Ян Петрович (1909–1995) — один из самых выдающихся советских разведчиков, Герой РФ (1995). В 1940–1945 гг. передавал ценную информацию по атомным исследованиям в Англии.

²¹ Ангелов Павел Никитович (1919–?) — крупный военный разведчик. После увольнения из ГРУ работал преподавателем в Московском городском пединституте.

²² Коваль Жорж (Дмитрий Абрамович) (конспиративное имя — Дельмар) (1913–2006) около 8 лет находился на нелегальном положении в спецкомандировке в США. Работал на секретных американских военно-производственных объектах, где производились компоненты первой американской атомной бомбы. Ему удалось лично проникнуть на секретные атомные объекты США, что позволило ему собрать информацию о производстве ядерных материалов и направить ее в Москву. Он внес огромный вклад в создание атомного оружия в СССР. После увольнения из ГРУ, в 1951 г. получил степень кандидата технических наук, преподавал в одном из московских вузов. Удостоен звания Героя России.

²³ Яцков Анатолий Антонович (конспиративное имя — Алексей) (1913–1993) — полковник военной разведки ГРУ, Герой РФ. См. его статью: *Яцков А. А. Сахарова лучше не трогать* // Правда. 09.07.1992.

²⁴ Цит. по: *Соловьева Ю.* «Был день и час...» (О времени и о себе) // Сов. цирк. 1989. № 15(215). 13 апр. С. 8–9.

²⁵ Надежда Волынская — общая знакомая Т. И. Лещенко и Доротеи Кин.

²⁶ Имеется в виду 65-й том «Литературного наследства», в котором впервые были опубликованы 115 писем В. В. Маяковского к Л. Ю. Брик. Письма из этого тома, вызвавшего резкую партийную критику и исчезнувшего из публичных библиотек, впоследствии публиковались сборниками в нескольких странах (Франция, Польша и др.), но в конце 1958 г., к которому относится дневниковая запись Т. И. Лещенко, эти издания еще не появились — возможно, речь идет об отдельно переплетенной тетрадке с письмами, изъятой из ЛН-65.

²⁷ Здесь: В. В. Сухомлин (см. примеч. 3).

²⁸ Евгений Евтушенко и Андрей Вознесенский.

²⁹ Здесь: В. В. Сухомлин.

³⁰ Т. И. Лещенко, по-видимому, вспомнила о длительной травле Б. Л. Пастернака, вызванной публикацией романа «Доктор Живаго» за рубежом и присужденной Борису Леонидовичу Нобелевской премией (за что он был исключен из Союза писателей СССР). Б. А. Слуцкий тоже публично выступал с обвинениями Пастернака

и присоединил свой голос к тем, кто требовал выслать автора крамольного романа из СССР, чего впоследствии не мог себе простить.

³¹ Неустановленное лицо.

³² Неустановленное лицо.

³³ Неустановленное лицо.

³⁴ Никулин Лев Вениаминович (наст. имя — Ольконицкий Лев Владимирович) (1891—1967), советский писатель, который действительно имел репутацию «стукача», а его положение на литературном поприще объяснялось близостью к органам НКВД.

³⁵ Уборевич Иероним Петрович (1896—1937) — видный советский военный деятель, командарм 1-го ранга (1935). Активно, на командных постах участвовал в Гражданской войне, был награжден тремя орденами Красного Знамени (1919, 1920, 1922). По обвинению в военно-фашистском заговоре осужден и расстрелян, как и В. М. Примаков. Посмертно реабилитирован. И. П. Уборевич и его жена, Нина Владимировна, были друзьями дома Л. Ю. Брик и В. М. Примакова.

³⁶ Об упомянутом золотом дамском портсигаре, якобы подаренном Матильде Кшесинской наследником (с которым у нее возник бурный непродолжительный роман в 1890 г.), однако, ничего не говорится в очень подробных воспоминаниях самой балерины, хотя в них она перечисляет все подарки, полученные ею от «Ники» (так она называет цесаревича, и так он подписывает свои письма к ней). См.: *Кшесинская М. Ф.* Воспоминания. М.: АРТ, 1992. С. 414.

³⁷ Лоуренс Томас Эдуард (прозвище — Лоуренс Аравийский) (1888—1935) — легендарный английский разведчик на арабском Востоке, переводчик Гомера, автор мемуаров.

³⁸ В июле — ноябре 1924 г. по заказу Театра революции, политруком которого была жена Л. Б. Каменева, молодым начинающим драматургом Б. С. Ромашовым была написана пьеса «Воздушный пирог», прототипами главных героев которой были А. Краснощеков и Л. Брик. В феврале 1925 г. состоялась премьера, до конца года пьеса была представлена более ста раз.

³⁹ Новодевичий мемориал: Некрополь Новодевичьего кладбища / автор и составитель С. Е. Капнис. М.: Профилен, 1995. 432 с. 3000 экз.

⁴⁰ При работе над «атомными страницами» очерка использованы материалы: *Меснякин П.* Русской атомной бомбе — 50 лет // *Завтра*. № 30 (295). 27.07.1999; *Лота В.* Ключи от ада // *Совершенно секретно*. 1999. № 384; *Лота В.* Кто вы, полковник Адамс? // *Совершенно секретно*. 11.11.2001. № 11; *Лота В.* Данные не разглашать // *Сов. Белоруссия*. 24.08.2002. № 204 (21579); *Бочаров А.* Герой России Адамс Артур Александрович; *Штейнберг М.* Кто украл у Америки бомбу. История далекая и близкая // *Русский базар*. 15—21.07.2004. № 30 (430); Советский атомный проект: Конец атомной монополии. Как это было... / отв. ред. Н. А. Негин. Н. Новгород — Арзамас-16 : Изд-во «Нижний Новгород», 1995. 206 с.

А. В. Валуоженич. Автор книги — Лиля Брик

Приводится по первой публикации: *Русская мысль* (Париж). 2003. № 4473. 2 окт.

А. В. Валуоженич. Лиля Брик и психологическая герменевтика. Научная мистификация

Приводится по первой публикации: *Книголюб* (Алматы). 2007. № 5. С. 100—103.

А. В. ВАЛЮЖЕНИЧ. ПОСЛЕДНИЙ ПРИУТ

Впервые опубликовано: НГ — Ex libris. 2010. № 14 (553). С. 4. (Лит. прилож. к «Независимой газете» № 76 (4989), 15.04.2010).

В настоящем издании статья переработана, исключены фрагменты, повторяющие материал основной части книги.

А. В. ВАЛЮЖЕНИЧ. ЧТО ТАКОЕ «ПЛОХО»

Впервые опубликовано: Литературная Россия. № 06. 20.02.2015.

¹ Смородинская М. Маяковский и Брик. История великой любви в письмах. М.: Алгоритм, 2014. 288 с.: ил. (Серия «Роман в письмах»).

² В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик. Переписка 1915–1930 / сост., подгот. текста, введ. и коммент. Бенгта Янгфельдта. Stockholm, 1982. 299 pp. (+ 32 pp, ill.)

³ М. Смородинская во введении однажды упоминает (с. 9) последнюю из названных выше книг Б. Янгфельдта, но никак не касается изданной им переписки В. В. Маяковского и Л. Ю. Брик.

⁴ Патриция Дж. Томпсон (род. 15 июня 1926 г.), профессор, дочь В. В. Маяковского и Элли Джонс. Родилась и постоянно проживает в США.

А. В. ВАЛЮЖЕНИЧ. САМ О СЕБЕ

Публикуется впервые.

¹ Сараскина Л. Свидетельство веры // Лит. газета. 2005. № 17–18. 27.04–05.05.

² Упоминаемый не однажды в дилогии Илья Иосифович Варшавский, муж Луэллы Касношековой. До войны и после нее в течение 20 лет работал инженером на заводе «Русский дизель», в 1962 г. опубликовал первый фантастический рассказ в журнале «Наука и жизнь», с чего началась его карьера писателя-фантаста. Всего было издано пять сборников рассказов Варшавского, которые отличаются жанровым разнообразием, остроумием и литературным мастерством.

А. В. ВАЛЮЖЕНИЧ. ПОСЛЕДНИЕ РАБОТЫ ПО БРИКОВЕДЕНИЮ

Публикуется впервые.

¹ Векшин Георгий Викторович (род. в 1959 г.), доктор филологических наук, профессор МГУП, — автор ряда работ по теории русского стиха, поэтике и стилистике; организатор международных научных конференций «Бриковские чтения» в Москве.

² Natasha Kurchanova (Наталья Викторовна Курчанова) проживала в Ленинграде, но, выйдя замуж за американца, переехала в Нью-Йорк, где работала в музеях искусства. В период работы над диссертацией опубликовала статью: “Osip Brik and formalists: a study of difference.” *Experiment* (University of Southern California, Los Angeles) 9 (2003): 203–220.

³ Kurchanova, Natasha. *Against Utopia: Osip Brik and The Genesis of Productivism*. The City University of New York, 2005.

⁴ Brik, Osip. “Selected Criticism, 1915–1929.” Translated from Russian by Natasha Kurchanova. *October 134* (Massachusetts Institute of Technology) (2010): 74–110.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРЕПИСКИ О. М. и Л. Ю. БРИК ПО ГОДАМ

	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937
О. М. Б. к Л. Ю. Б.	10	10 20	9 29	28 57	16 73	12 85	6 ----- 91	17 ----- 108
Л. Ю. Б. к О. М. Б.	3	37 40	24 64	51 115	20 135	11 146	8 154	14 ----- 168
ВСЕГО	13	47 60	33 93	79 172	36 ----- 208	23 231	14 245	31 ----- 276

1938	1939	1940	1941	1942	ИТОГО	
О. М. Б. к Л. Ю. Б.	11 119	13 132	13 145	7 152	14 166	166 172 (с доп.)
Л. Ю. Б. к О. М. Б.	8 176	9 185	9 194	7 201	8 209	209 216 (с доп.)
ВСЕГО	19 295	22 317	22 339	14 353	22 375	375 388 (с доп.)

Примечания:

1. Под перепиской здесь понимаются письма, открытки и телеграммы.
2. В числителе указано количество почтовых отправлений за год. В знаменателе — нарастающий итог (с 1930 г.).

3. В 1943—1945 годах переписка между О. М. Бриком и Л. Ю. Брик отсутствовала.

4. В таблице не учтены дополнительные (нумерованные в общем перечне) письма за период 1930—1937 годов (см. приложения в томе 1):

О. М. Б. к Л. Ю. Б — 6; Л. Ю. Б. к О. М. Б. — 7; всего — 13.

С их учетом нарастающее число писем за 1937 год составит: О. М. Б. к Л. Ю. Б — 114; Л. Ю. Б. к О. М. Б. — 175; всего — 289.

Итоговое количество почтовых отправлений (с дополнительными) за 1930—1942 годы показано в последней колонке (172 — 216 — 388).

5. Из 216 почтовых отправлений Л. Ю. Брик к О. М. Брику 45 отсутствуют в РГАЛИ (копии этих писем находятся у меня).

Из 172 почтовых отправлений О. М. Брика к Л. Ю. Брик 4 отсутствуют в РГАЛИ (копии у меня).

БИБЛИОГРАФИЯ

Антипина В. А. Повседневная жизнь советских писателей: 1930–1950-е гг. М.: Молодая гвардия, 2005. 448 с. (Серия «Живая история: Повседневная жизнь человечества»).

Брик Л. Пристрастные рассказы / сост. Я. И. Гройсман, И. Ю. Генс. Н. Новгород: Деком, 2003. 328 с.: ил. (Серия «Имена»).

Брик Л. Пристрастные рассказы / сост. Я. И. Гройсман, И. Ю. Генс. Н. Новгород: Деком, 2011. 368 с.: ил. (Серия «Имена»).

Бриковский сборник. Выпуск I: Поэтика и фоностилистика: Материалы междунар. науч. конф. (Моск. гос. ун-т печати. Москва, 10–12 февраля 2010 г.) / отв. ред. Г. В. Векшин. М.: МГУП, 2010. 620 с.: ил.

Бриковский сборник. Выпуск II: Методология и практика русского формализма: Материалы междунар. науч. конф. (Моск. гос. ун-т печати. Москва, 20–23 марта 2013 г.) / отв. ред. Г. В. Векшин. М.: Азбуковник, 2014. 680 с.: ил.

Брудный А. А. Психологическая герменевтика: учеб. пособие. М.: Лабиринт, 1998. 336 с.

Ваксберг А. Пожар сердца. Кого любила Лиля Брик. М.: Астрель: Олимп, 2010. 512 с. (Серия «Кумиры. История Великой Любви»).

Валюженич А. Лиля Брик — жена командира. 1930–1937. Астана: Проксима, 2006. 624 с., 80 с. ил.

Валюженич А. Лиля Брик — жена командира. 1930–1937. М.: Русская деревня, 2008. 628 с., 40 отд. л. ил.

Валюженич А. О. М. Брик Материалы к биографии. Акмола: Нива, 1993. 390 с.: ил.

Владимир Маяковский. Сб. 1 / АН СССР. Ин-т лит.; под ред. А. Дымшица, О. Цехновицера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 364 с., 7 л. ил., портр.: ил., портр., факс.

Икшин Ф. Жизнеописание великой любовницы. М.: Эксмо, 2008. 592 с.: ил. (Серия «Стихи и биографии»).

Катанян В. А. Краткая летопись жизни и работы В. В. Маяковского. М.: Советский писатель, 1939. 72 с.: ил., 1 л. портр.

Катанян В. А. Рассказы о Маяковском. М.: ГИХЛ, 1940. 328 с.: ил.

Катанян В. В. Лиля Брик: жизнь. М.: Захаров, 2002. 288 с.: ил.

Катанян В. В. Лиля Брик: жизнь. М.: Захаров, 2014. 2-е изд., испр. и доп. 288 с.: ил.

Катанян В. В. Лиля Брик, Владимир Маяковский и другие мужчины / 2-е изд., доп. и испр. М.: Захаров, АСТ, 1998. 202 с. (Серия «История любви»).

Катанян В. В. Лоскутное одеяло. М.: Вагриус, 2001. 527 с. (Серия «Про всё»).

Лиля Брик — Эльза Триоле. Неизданная переписка (1921–1970) / сост., вступ. ст. В. В. Катаняна. М.: Эллис Лак, 2000. 688 с.: ил.

Маяковский: материалы и исслед. / Ин-т мировой лит.; под ред. В. Перцова, М. Серебрянского. М.: Гослитиздат, 1940. 479 с., 1 л. портр., 10 л. ил.: фот., ил., факс.

Маяковский. 1930—1940: ст. и материалы. Л.: Советский писатель, 1940. 324 с., 1 л. портр.

Маяковскому: сб. воспоминаний и ст. / сост. В. Азаров, С. Спасский. Л.: Гослитиздат, 1940. 348 с., 1 л. портр., 4 л. цв. ил.: ил., портр., факс.

Пермь / ред.-сост. М. Г. Гуревич. Пермь: Перм. книж. изд-во, 1957. 502 с.: ил.

Поварцов С. Причина смерти — расстрел. Хроника последних дней Исаака Бабеля. М.: Терра, 1996. 189 с.: ил.

[*Стрижнева С. Е.*] «В том, что умираю, не вините никого»?.. Следственное дело В. В. Маяковского. Документы. Воспоминания современников / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. С. Е. Стрижневой; Гос. музей В. В. Маяковского. М.: Эллис Лак 2000, 2005. 672 с.: ил.

Фрадкин В. А. Дело Кольцова. М.: Вагриус, МФ «Демократия», 2002. 352 с.: ил.

Янгфельдт Б. Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг / пер. со швед. А. Лавруши и Б. Янгфельдта. М.: Колибри, 2009. 640 с.: ил.

Янгфельдт Б. «Я» для меня мало. Революция / любовь Владимира Маяковского / пер. со швед. А. Лавруши и Б. Янгфельдта. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2012. 640 с.: ил.

Научное издание

Анатолий Васильевич Валюженич

**ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ
ПОСЛЕ МАЯКОВСКОГО**

Том 2

**Последние годы Осипа Брика
1938–1945**

Издатель *Федор Еремеев*
Редактор *Марта Шарлай*
Верстка *Евгении Захаровой*

ПОЧТОВЫЙ АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА:
«Кабинетный ученый»
Россия, 620014, г. Екатеринбург, а/я 489

POSTAL ADDRESS:
Armchair Scientist,
Russia, 620014, Ekaterinburg, P. O. Box 489
Телефон в Екатеринбурге: +7 (904) 5461725
Телефон в Москве: +7 (916) 2248119
E-mail: fee1913@gmail.com

Подписано в печать 22.05.2015. Формат 60 × 90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Newton.
Печать офсетная. Тираж 200 экз.

В основу 2-го тома положена переписка между Лилей Юрьевной и Осипом Максимовичем Брик (всего 99 писем и телеграмм) 1938–1945 годов: от трагической гибели мужа Л. Ю. Брик, комкора В. М. Примакова, до кончины О. М. Брика. Используются уникальные материалы из государственных и частных архивов, из редких изданий.

ISBN: 978-5-7525-2924-5

9 785752 529245

[клуби'етниј ut[ʕ:nyj]

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЬЯНС